9444 Д
№5-6

Май—Іюнь. 1917 ПТРГ.

ЛѢТОПИСЬ

СОДЕРЖАНІЕ:

В. БРЮСОВЪ. Стихотвореніе. ◆ В. ГОРЯНСКІЙ. Стихотвореніе. ◆ М. ГОРЬКІЙ. Легкіи человѣкъ. ◆ Д. СЕМЕНОВСКІЙ. Арбанъ. ◆ Ф. ШАЛЯПИНЪ. Автобіографія. ◆ Ф. ГЛАДКОВЪ. Единородный сынъ. ◆ Н. ВЕНГРОВЪ. Стихотвореніе. ◆ Э. ГЕРМАНЪ. Стихотвореніе. ◆ ДЖ. М. БАРРИ. Бѣлая птичка. ◆ Г. ГЕЙНЕ. Диспутъ. ◆ В. БРЮСОВЪ. Учители учителей. ◆ К. КАУТСКІЙ. Конференція въ Готѣ. ◆ М. ГОРЬКІЙ. Рѣчь на засѣданіи Свободной Ассоціаціи ◆ В. БАЗАРОВЪ. Куда мы идемъ? Д. МИХАЙЛОВЪ. Какъ мы братались. ◆ Д. ВЫГОДСКІЙ. О творчествѣ Бальмонта. ◆ А. ЛЕВИНСОНЪ. Изъ литературной жизни Франціи. ◆ В. СИМПЛЬТОНЪ. Письма знатнаго иностранца. ◆ А. КУДЯВЦЕВЪ. Революція и провинціальная печать. ◆ А. КОЛЛОНТАЙ. На новомъ пути. ◆ А. ЗУРАБОВЪ. Германскій имперіализмъ въ Турціи. ◆ М. МОРОЗОВЪ. Письмо изъ Франціи. ◆ Н. КРУПСКАЯ. Дорогу таланту! ◆ Р. ГРИГОРЬЕВЪ. Манифестъ итальянскихъ соціалистовъ. ◆ Р. АРСКІЙ. Рабочее движеніе и революція. ◆ М. СМИТЪ. Проблема продовольствія. ◆ В. ЗЕЛЕНКО. Ближайшія задачи въ дѣлѣ народнаго образованія. ◆ А. ЛУНАЧАРСКІЙ. Разслоеніе соц.-демократіи ◆ БИБЛІОГРАФІЯ.

Цѣна 3 руб.

Открыта полугодовая подписка

на большую

ежедневную соціалъ-демократическую газету

„Новая жизнь"

Отв. ред.: Н. Гиммеръ (Нак. Сухановъ).
В. Десницкій (В. Строевъ).
А. Пѣшковъ (М. Горькій).
А. Тихоновъ (А. Серебровъ).

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: съ 1 іюля по 1 января 1918 г.—13 р., 3 мѣс. — 7 р., 1 мѣс. — 2 р. 50 к.

Льготная подписка для социал. орган., проф. союзовъ, рабоч. и солд. клубовъ, кооперативовъ, народныхъ домовъ, народ. библіотекъ, нар. учителей и для учащихся въ высш. уч. зав. при непоср. обращеніи въ контору—½ года — 11 р., 3 мѣс. 6 р. и 1 мѣс. — 2 руб. — Отдѣльные нумера газеты 12 коп.

Редакція и Главная контора:

Петроградъ, Невскій пр., № 64.

ЕДИНСТВЕННАЯ ВЪ РОССІИ

ТАБАЧНАЯ ФАБРИКА имѣющая СПЕЦІАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ

„TABACS et CIGARETTES de LUXE"

Sphinx, Khedive, Classic, — Англійскіе табаки.

CIGARES de la HAVANE — Importation directe.

ПАПИРОСЫ:

„ЯКА" 10 шт. 15 к. / 10 шт. 20 к. — 30 к.

„САФО" 10 шт. 15 к. / 10 шт. 20 к. — 30 к.

„DARLING" 10 шт. 15 к. / 10 шт. 20 к. — 30 к.

„АДА" 10 шт.

„ДЯДЯ КОСТЯ" 10 шт. / 10 к.

Требуйте всюду, а также въ нашихъ собственныхъ магазинахъ:

ПЕТРОГРАДЪ. Невскій пр., 24. МОСКВА, Кузнецкій м., д. 1-го Рос. Страх. О-ва

Т-во А. Н. Богдановъ и Ко.

9444 с 444

ЛѢТОПИСЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ЖУРНАЛЪ

№ 5—6.

42500

МАЙ—ІЮНЬ. 1917

КНИЖНЫЕ ФОНДЫ БИБЛИОТЕКИ АКАДЕМИИ НАУК СССР

33364

СОДЕРЖАНІЕ.

стр.

I. В. БРЮСОВЪ. Стихотвореніе 5
II. В. ГОРЯНСКІЙ. Стихотвореніе 6
III. М. ГОРЬКІЙ. Легкій человѣкъ. 9
IV. Д. СЕМЕНОВСКІЙ. Арбанъ. 25
V. Ф. ШАЛЯПИНЪ. Автобіографія. 34
VI. Ф. ГЛАДКОВЪ. Единородный сынъ. 53
VII. Н. ВЕНГРОВЪ. Стихотвореніе. 83
VIII. Э. ГЕРМАНЪ. Стихотвореніе 84
IX. ДЖ. М. БАРРИ. Бѣлая птичка. Пер. съ англ. А. ДАМАНСКОЙ. . . . 85
X. Г. ГЕЙНЕ. Диспутъ. Пер. И. МАНДЕЛЬШТАМА . . 183
XI. В. БРЮСОВЪ. Учители учителей. 196
XII. К. КАУТСКІЙ. Конференція въ Готѣ. 217
XIII. М. ГОРЬКІЙ. Рѣчь на засѣданіи Свободной Ассоціаціи. . . . 223
XIV. В. БАЗАРОВЪ. Куда мы идемъ? 232
XV. Д. МИХАЙЛОВЪ. Какъ мы братались. 242
XVI. ЛИТЕРАТУРА и ИСКУССТВО. Д. ВЫГОДСКІЙ. О творчествѣ Бальмонта. А. ЛЕВИНСОНЪ. Изъ литературной жизни Франціи 251
XVII. ПО РОССІИ. В. СИМПЛЬТОНЪ. Письма знатнаго иностранца. А. КУДРЯВЦЕВЪ. Революція и провинціальная печать 265
XVIII. ИНОСТРАННАЯ ЖИЗНЬ. А. КОЛЛОНТАЙ. На новомъ пути. А. ЗУРАБОВЪ. Германскій имперіализмъ въ Турціи. М. МОРОЗОВЪ. Письмо изъ Франціи. Н. КРУПСКАЯ. Дорогу таланту! Р. ГРИГОРЬЕВЪ. Манифестъ итальянскихъ соціалистовъ. 279
XIX. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. Р. АРСКІЙ. Рабочее движеніе и революція. М. СМИТЪ. Проблема продовольствія. В. ЗЕЛЕНКО. Ближайшія задачи въ дѣлѣ народнаго образованія А. ЛУНАЧАРСКІЙ. Разслоеніе соц.-демократіи 326

9444

Стр

XX. БИБЛІОГРАФІЯ. Н. СУМЪ. Естественныя богатства Россіи.—Д. ВЫГОДСКІЙ. Эмиль Верхарнъ. Стихи.—Д. ВЫГОДСКІЙ. Владимиръ Пруссакъ. Деревянный крестъ.—Л. РЕЙСНЕРЪ. В. М. Алекеѣевъ. Китайская поэма о поэтѣ. — Л. РЕЙСНЕРЪ. Н. Гумилевъ. Гондла.—М. ЛЕВИДОВЪ. Р. Ивневъ. Несчастный ангелъ. — М. ЛЕВИДОВЪ. П. Успенскій. Кинодрама.—Л. С. И. С. Тургеневъ. Попъ. — А. КУДРЯВЦЕВЪ. Н. Карѣевъ. Исторія западной Европы въ новое время. В. ПОЛОНСКІЙ. А. С. Изгоевъ. Наши политическія партіи.—А. ЛУНАЧАРСКІЙ. Franz Heineman. Vom Kriege und gegen den Krieg.—Г. З. Die Internationale und der Weltkrieg. Materialen, gesammelt von Carl Grunberg. Г. З. Дипломатическая война вокругъ Багдадской жел. дор.—М. ПАВЛОВИЧЪ. Dr Gustave le Bon. Enseignements Psychologiques de la guerre europeenne. Ernest Flammarion. — Д. ВЫГОДСКІЙ. Ш. Беридзе. Поэтъ порыва.—Д. ВЫГОДСКІЙ. Минуты. Стихи 35

XXI. КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ . . . 379

XXII. ОБЪЯВЛЕНІЯ 378

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Со времени составленія издательской смѣты на 1917-й годъ расходы по изданію возросли въ 4 раза. Въ цѣляхъ экономіи бумаги и сокращенія расходовъ по печатанію, весь научно-публицистическій отдѣлъ настоящей книги сверстанъ безъ шпонъ, что увеличиваетъ размѣры каждаго печатнаго листа на $^1/_5$ часть.

ТИПОГРАФІЯ
Акціонернаго О-ва Издательскаго Дѣла
«КОПѢЙКА».
Петроградъ, Сайкинъ пер., б. собств. домъ

МОЛИТЕСЬ.

Молитесь о праздничныхъ розахъ,
О лиліяхъ чистыхъ молитесь,
О рѣющихъ лѣтомъ стрекозахъ,
О призракахъ, видѣнныхъ въ грезахъ,
О всемъ безполезномъ—молитесь!

Да высшая милость не минетъ
Прекрасныхъ видѣній природы!
Любовь къ Красотѣ да не стынетъ!
Да будетъ привѣтливо принятъ
Мечтатель подъ стягомъ свободы!

Есть тайная цѣнность въ ненужныхъ
Мечтахъ, и цвѣтахъ, и святыняхъ,
И души, безъ тучекъ жемчужныхъ,
Безъ пѣсни потоковъ содружныхъ,
Завянутъ, какъ пальмы въ пустыняхъ!

Нѣтъ! Мало свободы и братства,
И таинства счастья—такъ зыбки!
Во храмъ творитъ святотатство,
Кто губитъ земное богатство,—
Мечту, Красоту и Улыбки!

Чу! Вихрь въ налетающихъ грозахъ,
Что день, намъ гудитъ: «Берегитесь!»
Погибнутъ стрекозы на лозахъ...
Молитесь о пламенныхъ розахъ,
О лиліяхъ бѣлыхъ—молитесь!

Апрѣль 1917. **Валерій Брюсовъ.**

ИЗВѢЩЕНІЕ О ТОМЪ, ЧТО БЫЛО.

Всѣмъ, всѣмъ, всѣмъ!
Во всѣ части свѣта,
Всѣмъ народамъ всѣхъ странъ...
Для Африки и Азіи это,
Для Америки и Австралии это,
Для тебя, Европа, умирающая отъ ранъ!
А ты, полузадохшаяся подъ юнкерской тушей,
Несчастная Германія,
Ты особенно слушай,
Я требую твоего вниманія!

Счетъ нѣмецкимъ побѣдамъ баста весть.
Мы устали.
Довольно.
Распинать русскую честь
На крестѣ изъ нѣмецкой стали
Не хотимъ. Больно!

Шелъ публичный аукціонъ,
Гнусная шла продажа,
Малыя дѣти даже
Знали, что министры и тронъ,—
Тронъ!
Даже онъ!—
Безотвѣтныхъ тверскихъ,
Бородатыхъ вятскихъ
Продавалъ
И устѣялъ страну
Курганами могилъ братскихъ.

Эй, китайцы, воздѣлывающіе рисъ!
Съ береговъ Ганга созерцатели-іоги!
Искатели жемчуга у восьминога въ берлогѣ.

Отважные рыбаки, поймавшіе бризъ
На острый туго натянутый парусъ!
Рукодѣльные персы, шелковый гарусъ
Въ драгоцѣнный ковровый претворяющіе узоръ!
Буръ изъ Наталя!
Бедуинъ на верблюдѣ
Обѣгающіи Великой Пустыни пески!—
Конченъ позоръ,
Люди!
Таютъ глыбы вселенской тоски.
Глядите:
Высоко
И выше вотъ еще
Въ красномъ пламени
Хлещетъ въ воздухъ краснаго знамени
Захлестнувшее полміра полотнище...

Струпья короста—
Рабья маска
Упала...
А ужасъ твоихъ побѣдъ?
О, Германія, Черная Каска,
Смотри, какъ просто:
Твоихъ побѣдъ—
Ихъ ужъ мало,
Ихъ нѣтъ.
Слушай перегуды славянскихъ гусель,
Вотъ мы сдѣлали все, что могли:
Ты разорила рабочій Брюссель,
А мы жандармскія гнѣзда сожгли.
Въ ноги могучія твоимъ бурямъ
Пала Ковна,
Пала Варшава ницъ,
А мы разбили императорскихъ тюремъ
Сѣрые камни,
Черныя бревна,
Освободили птицъ:
Воля крыльямъ!
Черное было
И поросло быльемъ!
Лейте колокола

На лѣса и поля
Молитвы:
Спаси, Господи, люди Твоя!
Благослови его битвы,
Его новую долю—
Землю и волю.
Спаси, Господи, люди Твоя!

Германія, стража Желѣзнаго Трона!
На каждую сотню твоихъ побѣдъ
Развѣ же сотни нашихъ нѣтъ?
Есть.—Мы равны.
А теперь
Оборона:
Надо волю беречь отъ Желѣзнаго Трона,
На которомъ кровожадный сидитъ звѣрь,
Не на жизнь, а на смерть.
Оборона теперь...
Всѣмъ, всѣмъ, всѣмъ!
Во всѣ части свѣта,
Народамъ всѣхъ странъ,
Для тебя, старая Европа, это,
Умирающая отъ ранъ...
А ты, навалившаяся на міръ кровавой тушей,
Я требую твоего вниманія,
Ты особенно слушай,
Таранъ палачей—Германія!

Валентинъ Горянскій.

ЛЕГКІЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Воспоминанія.

Утромъ, часовъ въ шесть, ко мнѣ на постель, валится нѣкая живая тяжесть, тормошитъ меня и оретъ прямо въ ухо:

— Вставай!

Это — Сашка, наборщикъ, забавный мой товарищъ, парень лѣтъ девятнадцати; рыжій, вихрастый, съ зелеными глазами ящерицы и лицомъ, испачканнымъ свинцовой пылью.

— Айда гулять! — кричитъ онъ, стаскивая меня съ постели. — Кутнемъ сегодня, у меня — деньги, шесть двадцать и Степаха именинница. Гдѣ у тебя мыло?

Онъ идетъ въ уголъ, къ рукомойнику, ожесточенно моется, фыркаетъ и, не умолкая, говоритъ:

— Слушай, — звѣзда — по нѣмецки — астра?

— Это, кажется, по гречески.

— По гречески? У насъ, въ газетѣ, новая корректорша стихи печатаетъ, подписывается — Астра. Фамилія у ней — Трушеникова, а зовутъ — Авдотья Васильевна. Хорошая дамочка, красивая, только — очень толстая... Дай-ка гребенку....

Раздирая гребнемъ густую рыжую паклю на головѣ, онъ морщится, ругается, и неожиданно, на полусловѣ, умолкаетъ, внимательно разсматривая отраженіе своего лица въ мутномъ стеклѣ окна.

За окномъ, на кирпичной стѣнѣ, мокрой отъ ночного дождя, играетъ солнце, краситъ стѣну. На воронкѣ водосточной трубы сидитъ галка, чиститъ перья зоба.

— Рожа у меня плохо выдумана, — говоритъ Сашка. — Гляди, какая галка нарядная! Дай-ка мнѣ иглу съ ниткой, я пуговицу пришью....

Онъ вертится, точно обожженный, такъ вертится, что вѣтеръ ходитъ, сдувая клочья бумаги со стола.

Потомъ, стоя у окна и неумѣло работая иглой, — спрашиваетъ:

— Былъ такой король — Лодырь?

— Лотарь. Зачѣмъ онъ тебѣ?

— Смѣшно. Я думалъ — Лодырь, отъ него и пошли всѣ лодыри. — Сначала — пойдемъ въ трактиръ, чаю напьемся, потомъ — къ поздней обѣднѣ въ монастырь, на монахинекъ поглядимъ — люблю монахинекъ. А — переспектива — это что?

Онъ набитъ вопросами какъ погремушка горохомъ. Объясняю ему, что такое перспектива, и онъ, не дослушавъ, разсказываетъ:

— Ночью, въ типографію ввалился этотъ фельетонистъ, Красное Домино, конечно — пьяненькій, и — присталъ ко мнѣ: какія, другъ, у тебя перспективы? Я говорю — разныя! А что такое — не знаю!

Пришивъ къ пиджаку пуговицу выше, чѣмъ слѣдовало, онъ перекусываетъ нитку бѣлыми зубами, облизываетъ красныя, пухлыя губы и жалобно бормочетъ:

— Лизочка вѣрно говоритъ, — надобно читать книжки, а то—такъ и умрешь мужикомъ, ничего не зная! А — когда читать? Вотъ и некогда!

— Ты поменьше бѣгай за дѣвицами....

— Али я — мертвый? Не старикъ-же я! Погоди, — женюсь — перестану.

И потягиваясь, онъ сладко мечтаетъ:

— Женюсь на Лизочкѣ. Эхъ, и модница же! У нея братъ, платье есть эдакое, — барежевое, что-ли — ухъ! До того она хороша въ немъ, что у меня даже руки трясутся: Такъ — бы всю и съѣлъ.

Играя роль солиднаго человѣка, я замѣчаю:

— Смотри, тебя не съѣли бы!

Онъ самонадѣянно ухмыляется, встряхнувъ вихрами.

— Намедни у насъ въ газетѣ студенты спорили: одинъ говоритъ — любовь, дѣло опасное, а другой — нѣтъ, безопасное! Ловкачи! Дѣвицы студентовъ любятъ, все равно какъ военныхъ.

Выходимъ на улицу, — булыжники мостовой, омытые дождемъ, блестятъ, какъ лысые черепа. Небо загромождено клочьями снѣжно бѣлыхъ облаковъ, среди облачныхъ сугро-

бовъ гуляетъ солнце. Крѣпкій, осенній вѣтеръ гонитъ людей по улицѣ точно увядшіе листья, толкаетъ насъ, свиститъ въ ушахъ. Сашка ежится, засунувъ руки глубоко въ карманы промасленныхъ штановъ, на немъ легкіи лѣтніи пиджачекъ, синяя рубаха, истоптанные, рыжіе сапоги.

— «По небу полуночи ангелъ летѣлъ», — читаетъ онъ въ тактъ шагамъ. — Люблю эту штуку. Который написалъ?

— Лермонтовъ.

— Я его все съ Некрасовымъ путаю.

— «И долго на свѣтѣ томилась она
Желаніемъ чуднымъ полна».

Прищуривъ зеленые глаза, онъ повторяетъ въ полголоса, раздумчиво:

— «Желаніемъ чуднымъ полна»... Ахъ, ты, Господи! Какъ я это понимаю хорошо! До того даже, что самъ бы полетѣлъ....«желаніемъ чуднымъ»...

Изъ воротъ угрюмаго дома выходитъ дѣвушка, празднично одѣтая, въ юбкѣ, цвѣта «бордо», въ черненькой кофточкѣ со стеклярусомъ, золотисто-шелковомъ платкѣ.

Сашка, сорвавъ съ головы измятый картузъ, почтительно кланяется ей:

— Съ ангеломъ, барышня!

Милое, круглое лицо дѣвушки ласково улыбается, но тотчасъ-же тонкіе брови строго нахмурились, и сердитый голосокъ полуиспуганно говоритъ:

— Я васъ вовсе не знаю!

— Такъ это — ничего! — весело отвѣчаетъ Сашка. — И всегда такъ: сначала не знаютъ, потомъ — познакомятся и влюбятся...

— Если вы хотите озорничать, — говоритъ барышня, оглядываясь; улица пустынна, только далеко, въ концѣ ея, ѣдетъ возъ капусты.

— Мы — смирные! — увѣряетъ Сашка, идя о бокъ съ дѣвушкой и заглядывая въ лицо ей. — Вижу я, что вы именинница...

— Пожалуйста, отстаньте!

Четко щелкая каблуками по кирпичу панели, барышня идетъ быстрѣе, — Сашка пріостановился и бормочетъ:

— Можно, отсталъ. Гордая какая! Эхъ, костюма нѣтъ у меня подходящаго къ характеру! Кабы другой костюмъ, такъ, не бойсь, заинтересовалась бы!

— Ты почему узналъ, что она именинница?

— А — какъ же? Выпялилась въ самое лучшее свое и въ церковь идетъ. Бѣдный я очень! Эх—ма, кабы денегъ тьма! Купилъ-бы деревеньку, да и жилъ по маленьку... Гляди-ко!

Четверо бородатыхъ мужиковъ вынесли изъ переулка некрашенный гробъ, впереди ихъ, съ крышкой на головѣ, шагаетъ мальчикъ, а сзади — высокій нищій, съ посохомъ въ рукѣ; лицо у него суровое, каменное, идетъ онъ и, не отрываясь, смотритъ красными глазами на сѣрый носъ покойника, высунутый изъ гроба.

— Плотникъ померъ, — умозаключаетъ Сашка, снявъ картузъ.—Упокой, Господи, подальше отъ родныхъ и знакомыхъ!

И, улыбаясь во всю рожу, весело поблескивая неугасимыми глазами, Сашка объясняетъ:

— Этакъ-то говоритъ сотрудникъ нашъ, который хронику ведетъ, чахоточный. Весельчакъ, простяга... Сворачивай!

Мы входимъ въ трактиръ «Москва», въ маленькую комнатку, тѣсно заставленную стульями и столами; на столахъ — розовыя скатерти, на окнахъ — голубыя, выцвѣтшія занавѣски и много цвѣтовъ, въ горшкахъ, надъ цвѣтами — канарейки въ клѣткахъ. Пестро, тепло и уютно.

Заказавъ жареной колбасы, чаю, полбутылки водки и десятокъ папиросъ «Пересичанъ», — Сашка бариномъ усаживается за столъ у окна и разсуждаетъ:

— Люблю жить вѣжливо со всѣми, съ уваженіемъ. Ты, вотъ, все разсуждаешь: то — не такъ, это — не такъ, и — почему? У тебя, братъ, характеръ не человѣческій, не согласный. Ты, братъ, какой-то еръ, — слово и безъ ера понятно, ну — для порядка, — для красоты, что-ли, — ставятъ еръ въ концѣ!

Пока онъ пробираетъ меня, я, глядя на него, думаю:

«Сколько жизни вмѣщено въ этомъ парнѣ? Человѣкъ, вмѣстившій такъ много, не пройдетъ жизнь, не замѣченъ людьми».

А ему уже надоѣла проповѣдь, онъ взялъ ножъ и, шаркая имъ по тарелкѣ, раздражаетъ птицъ. Комната оглашается пронзительными трелями канареекъ.

— Заорали! — удовлетворенно говоритъ Сашка, бросая ножъ и запустивъ пальцы въ рыжіе свои волосы, думаетъ вслухъ:

— На Лизочкѣ — не женишься, гдѣ тамъ! Можетъ, — такъ какъ-нибудь выйдетъ, — влюбится она въ меня. Я ее — безъ ума люблю.

— А — Зина, какъ же?

— Ну, — Зинка, простеха, а Лизочка — модница, — объясняетъ Сашка.

Онъ — сирота, подкидышъ; семи лѣтъ онъ уже работалъ у скорняка, потомъ у водопроводчика, два года жилъ подручнымъ на мельницѣ у монаховъ и уже второй годъ — наборщикъ. Работать въ газетѣ ему очень нравится. Грамотѣ онъ научился между дѣломъ, незамѣтно для себя, и грамота сильно тянетъ его къ своимъ тайнамъ. Особенно любитъ онъ читать стихи и даже самъ пишетъ, — иногда онъ приноситъ мнѣ испачканные свинцомъ клочья бумаги, на ней вытянуты въ правильныя строчки каракули карандаша. Стихи всегда одного содержанія и такой, приблизительно, формы:

— Я полюбилъ тебя съ перваго разу
Какъ только увидалъ на Черномъ Озере
И все теперь думаю про твою красу,
Радость моя и мое горе!

Когда я говорю ему, что это еще не стихи, — онъ удивляется:

— Отчего? Видишь — у и здѣсь — у; здѣсь — е и тутъ — е!

— А ты вспомни, какъ звучатъ стихи Лермонтова...

— Ну, такъ онъ долго учился, а я — только началъ! Погоди, я тоже привыкну.

Его самонадѣянность уморительна, но — въ ней нѣтъ ничего непріятнаго. Просто, онъ увѣренъ, что жизнь влюблена въ него, какъ женщина, онъ можетъ дѣлать все, что хочетъ, и всюду его ждетъ успѣхъ.

Монастырскій колоколъ неувѣренно зоветъ къ поздней обѣднѣ.

Канарейки замолчали, прислушиваясь къ звону, отъ котораго дребезжатъ стекла въ рамахъ.

Сашка бормочетъ:

— Идти къ обѣднѣ, али нѣтъ?

И рѣшаетъ.

— Идемъ.

Дорогой онъ жалобно возмущается:

— Скажи, пожалуйста, что за диво? Всегда въ монастырѣ скучно мнѣ, а ходить я туда всетаки люблю. Монахиньки эти, молоденькія. — Жалко ихъ!

Въ храмѣ онъ становится у притвора, гдѣ стоятъ нищіе и разные мытари; его зеленоватые глаза, широко, удивленно раскрыты и смотрятъ на клиросъ, на черную толпу бѣлолицыхъ клирошанокъ въ острыхъ шлычкахъ. Всѣ онѣ — прямыя и точно наскоро вырублены изъ чернаго камня. Поютъ онѣ согласно и что-то удивительно чистое звучитъ въ серебряныхъ голосахъ. Блеститъ золото иконостаса, стекла кіотовъ отражаютъ огоньки свѣчъ, похожіе на золотыхъ мухъ.

Вздыхаютъ мытари и шепчутъ свои скромныя молитвы, поднимая выцвѣтшіе глаза въ куполъ храма. Будни, народа немного, пришли только тѣ, кому нечего дѣлать, некуда дѣвать себя.

Впереди Сашки стоитъ, перебирая четки пухлыми пальцами, большая монахиня въ клобукѣ; Сашка — по плечо ей, и привстаетъ на цыпочки, чтобъ заглянуть въ ея круглое лицо, въ невидимые ему глаза; — привсталъ и нахально заглядываетъ, полуоткрывъ ротъ, какъ для поцѣлуя.

Монахиня, чуть наклонивъ голову, двигаетъ шеей и смотритъ на него, какъ сытая кошка на мышь; онъ сразу осѣлъ, дернулъ меня за рукавъ и вышелъ на паперть.

— Ухъ, какъ она поглядѣла на меня! — говоритъ онъ, испуганно закрывъ глаза. Потомъ, вытащивъ картузъ изъ кармана пиджака, отираетъ имъ потное лицо и морщится.

— Уй, какъ она... словно я — чортъ! Даже сердце у меня екнуло! — И смѣется:

— Должно быть, солонъ ей пришелся нашъ братъ!

Онъ — добрый, Сашка, но жалости къ людямъ у него нѣтъ. Онъ можетъ дать денегъ нищему больше и даетъ охотнѣе, чѣмъ богатый, но онъ даетъ потому, что не любитъ нищету, горе. Драмы будень не вызываютъ его сочувствія; онъ разсказываетъ о нихъ — смѣясь, онъ увѣренъ, что жизнь не сомнетъ его, не одолѣетъ.

Мы заходимъ въ лавку, гдѣ Сашка покупаетъ фунтъ мармеладу, объясняя мнѣ:

— Надо-бы Степахѣ кондитерскій пирогъ купить, да я не люблю этихъ пироговъ, мармеладъ — лучше!

Купивъ еще пряниковъ и орѣховъ, онъ заходитъ въ

винный погребокъ и беретъ двѣ бутылки наливокъ; одна цвѣта сурика, а другая — купороснаго масла. Затѣмъ, шагая по улицѣ съ кулькомъ подъ мышкой, онъ, на ходу, сочиняетъ исторію монахини:

— Здоровенная женщина! Навѣрное — лавочницей была, обличье — бакалейное. Вотъ, ужъ мужа-то обманывала. А онъ, поди, жиденькій былъ... До чего эти бабы ловкія! Напримѣръ — Степаха...

Но мы уже подошли къ воротамъ коричневаго домика съ зелеными ставнями. Сашка, хозяйскимъ пинкомъ ноги, открываетъ калитку и, ухарски сдвинувъ картузъ на бекрень, шествуетъ по двору, засыпанному желтымъ листомъ березы, липы и бузины. Въ глубинѣ двора, приткнувшись къ забору сада, торчитъ баня, обложенная дерномъ до высоты оконъ. На крышѣ ея желто-зеленый мохъ, надъ крышей качаются вѣтви деревьевъ, неохотно роняя листья. Баня, похожая на жабу, смотритъ на насъ двумя окнами угрюмо и недовѣрчиво.

Намъ открываетъ дверь дородная женщина лѣтъ сорока, съ большимъ, рябымъ лицомъ и веселыми глазами, ея крупныя красныя губы ласково улыбаются.

— Какіе дорогіе гости, — поетъ она, а Сашка, взявъ ее за толстыя плечи, говоритъ въ лицо ей:

— Со днемъ ангела, Степанида Якимовна, и принямши святыхъ тайнъ!

— Да я не причащалась!

— Ну, все едино!

Онъ троекратно цѣлуетъ ее въ губы, потомъ оба они отираютъ слѣды поцѣлуевъ, она — ладонью, а Сашка — тульей картуза.

Въ темномъ передбанникѣ, заставленномъ корчагами, корзинами и корытами, возится около самовара дочь Степахи, Паша, подростокъ; у нея большіе, изумленные глаза и чудесная толстая коса, нѣжно золотистаго цвѣта.

— Съ именинницей, Паня!

— Ладно, — отвѣчаетъ дѣвочка.

— Чучело! — внушаетъ ей Степаха. — Надо сказать — благодарствую!

— Да — ладно! — съ сердцемъ повторяетъ дѣвочка.

Треть жилища прачки занимаетъ большая печь, тамъ гдѣ когда-то былъ пологъ, стоитъ широкая кровать, въ углу, подъ образами, столъ, покрытый къ чаю, надъ нимъ

мерцаетъ синенькій огонекъ лампады; у стѣны — широкая скамья, на нее удобно поставить корыто. Въ открытое окно смотритъ глазами нищей мохнатая собака, положивъ на подоконникъ тяжелыя лапы со сломанными когтями; на окнахъ — горшки герани и фуксіи. Пахнетъ мыломъ, гнилью.

— Умѣетъ жить, — говоритъ Сашка, оглядывая убогую комнату, и подмигиваетъ мнѣ, — дескать — это я шучу!

Хозяйка озабоченно вынимаетъ изъ печи пирогъ и щелкаетъ ногтемъ по его румяной коркѣ. Паша вноситъ самоваръ, свѣтлый, какъ солнце, и упрямо косится въ сторону Сашки, а онъ говоритъ, облизывая губы:

— Чортъ! Надо мнѣ жениться — люблю пироги!

— Женятся не ради однихъ пироговъ, — разумно замѣчаетъ Степаха.

— Я понимаю!

Полногрудая прачка весело смѣется, но глаза ея смотрятъ серьезно, когда она говоритъ:

— Успѣешь жениться и меня забыть успѣешь.

— А ты сколькихъ забыла? — спрашиваетъ Сашка, ухмыляясь, Степаха тоже улыбается; одѣтая пестро не по годамъ, она похожа не на прачку, а на сваху, на гадалку.

Дочь же ея, точно тихій гномикъ грустной сказки, лишняя среди насъ, да, кажется, и вообще лишняя на землѣ. Ѣстъ она осторожно, точно это не пирогъ, а костистая рыба. И почти каждую минуту ея большущіе глаза медленно передвигаются въ сторону Сашки, на тонкое, подвижное лицо, — дѣвочка смотритъ на него странно, какъ слѣпая.

Подъ окномъ просительно и тихо ноетъ собака, съ улицы доносится мѣдная военная музыка, мѣрный, тяжкій топотъ сотенъ ногъ, большой барабанъ глухо отбиваетъ тактъ марша.

Степаха говоритъ дочери:

— Что не бѣжишь на солдатъ глядѣть?

— Не хочу.

— Славно! — восклицаетъ Сашка, бросая собакѣ корку пирога. — Какъ будто ничего больше и не надо мнѣ!

Степаха смотритъ на него глазами матери и усмѣхается, оправляя кофту на высокой груди.

— Ну, и — врешь, — говоритъ она, вздохнувъ. — Тебѣ много надо...

— Я — не вру, это я про сей часъ сказалъ, — сейчасъ

мнѣ ничего не надо; вотъ только Панька не ковыряла-бы меня глазами.

— Больно нужно мнѣ, — тихо и презрительно замѣтила дѣвочка; мать ея сердито сдвигаетъ брови, но — молчитъ, поджавъ губы.

Сашка весь передернулся, безпокойно искоса поглядѣлъ на дѣвочку и заговорилъ горячо:

— Есть у меня какая-то дыра въ душѣ, ей Богу! Хочется, чтобъ душа была полна, спокойна, а я ничѣмъ не могу ее набить! Ты понимаешь, Максимычъ, — когда мнѣ нехорошо, такъ я хочу, чтобъ было хорошо, а добьюсь хорошаго часа, — мнѣ дѣлается скушно! Отчего это?

Ему уже «сдѣлалось скучно», я вижу это: живые глаза его безпокойно бѣгаютъ по комнатѣ, щупая ея убожество, въ нихъ горятъ критическіе огоньки. Ясно, что онъ чувствуетъ себя человѣкомъ, который попалъ не на свое мѣсто, но только сейчасъ догадался объ этомъ.

Онъ долго и пламенно говоритъ о безпорядкѣ жизни, о слѣпотѣ людей, которые не видятъ этого обиднаго безпорядка, привыкли къ нему. Мысли его мечутся, какъ испуганныя встревоженныя мыши, онъ не выбираетъ словъ, и трудно слѣдить за ихъ быстрой путаницей.

— Неправильно поставлено все, — вотъ, что я вижу. Стоитъ церковь, а рядомъ песъ знаетъ что! Иннокентій Васильевичъ Земсковъ стихи печатаетъ, пишетъ:

— Благодарю за тѣ мгновенья,
Что освѣщаютъ сердца тьму,
За сладкій мигъ прикосновенья
Къ святому тѣлу твоему, —

а самъ у сестры неправильно домъ отсудилъ и намедни горничную свою, Настю, за косу далъ...

— За что? — спрашиваетъ Степаха, разглядывая свои стертыя руки, красныя, какъ лапы гусыни; лицо у нея каменное, глаза она прячетъ.

— Не знаю, за что... Та хотѣла даже къ мировому подать, ну — онъ далъ ей три рубля, отказалась. Дура!

Сашка неожиданно вскакиваетъ со стула.

— Ну, намъ пора идти!

— Куда? — спрашиваетъ хозяйка.

— Дѣло есть, — вретъ Сашка. — Вечеромъ я приду...

БИБЛІОТЕКА Академіи Наукъ СССР

Онъ протягиваетъ руку Пашѣ, та смотритъ на его пальцы и нѣсколько секундъ не рѣшается коснуться ихъ, потомъ пожимаетъ руку Сашкѣ такъ, точно отталкиваетъ ее.

Уходимъ. На дворѣ Сашка бормочетъ, туго натягивая картузъ.

— Чортъ... Не любитъ меня дѣвчушка... Да и мнѣ стыдно предъ нею. Не приду я вечеромъ... Что съ ней будетъ, съ Панькой, а? Пожалуй — ничего хорошаго не будетъ...

Непріятныя мысли, точно сыпью, выходятъ на его лицо, онъ краснѣетъ.

— Надобно бросить Степаху, — это нехорошее баловство съ ней. И вдвое старше она меня, и все это... Нехорошо!

Но, свернувъ за уголъ улицы, онъ уже ухмыляется и размышляетъ тепло, безъ тѣни хвастовства:

— Любитъ она меня, просто — какъ цвѣтокъ холитъ, ей Богу, право! Даже — совѣстно. До того иной разъ хорошо съ ней... лучше матери родной! Замѣчательно. Эхъ, бабы, — знаешь, братъ, трудно съ ними! Хорошій народъ, между прочимъ... Очень много надо любить ихъ... а — развѣ угодишь на всѣхъ?

— Такъ ты бы хоть одну хорошо полюбилъ,—предлагаю я.

— Одну, одну, — задумчиво ворчитъ онъ. — Попробуй-ка одну-то...

Онъ смотритъ въ даль, за синюю полосу рѣки, за рыжіе луга, на черный встрепанный осеннимъ вѣтромъ кустарникъ, бѣдненько одѣтый золотомъ листьевъ. Лицо Сашки милозадумчивое, видно, что онъ по горло сытъ пріятными воспоминаніями, и они играютъ на душѣ его, какъ лучи солнца на водѣ рѣки.

— Сядемъ, — предлагаетъ онъ, остановясь у глинистаго обрыва, за стѣною монастыря.

Вѣтеръ гонитъ клочья облаковъ, по лугамъ летятъ тѣни; на рѣкѣ стучитъ рыбакъ, конопатитъ лодку.

— Слушай, — говоритъ Сашка, — давай, поѣдемъ въ Астрахань?

— Зачѣмъ?

— Такъ. А то — въ Москву?

— А какъ же — Лиза?

— Лиза? Ахъ... н-да-а....

И въ упоръ глядя на меня, спрашиваетъ:

— Влюбился я въ нее, али нѣтъ еще?

— Ты бы околодочнаго спросилъ объ этомъ.

Онъ хохочетъ; смѣхъ у него легкій, ребячій.

Полдень; вдали гудитъ заводскій гудокъ, Сашка, встрепенувшись, вскакиваетъ на ноги.

— Сейчасъ конфетчицы выйдутъ, — айда! У меня къ одной дѣло есть.

— Къ Зинѣ?

— Ну, да...

Онъ быстро шагаетъ въ улицу, озабоченный, засунувъ руки въ карманы, нахлобучивъ картузъ на глаза. Изъ воротъ одноэтажнаго, казарменной постройки, дома, одна за другою шумно выбѣгаютъ дѣвицы въ платочкахъ и сѣрыхъ передникахъ. Вотъ и Зина, стройная брюнетка съ монгольскимъ лицомъ и раскрытыми глазами, она въ ярко-красной кофтѣ, туго охватывающей бюстъ.

— Идемъ кофей пить, — говоритъ Сашка, хватая ее за руку, и сразу же торопливо начинаетъ:

— Неужто ты все-таки выйдешь за эту плѣшивую собаку? Вѣдь, онъ тебя ревновать будетъ...

— Всякій мужъ долженъ ревновать, не ревнуетъ — не любитъ, — серьезно говоритъ Зина. — А что — за тебя идти?

— И за меня — не надо!

— Брось, — говоритъ дѣвица, хмурясь. — Что не работаешь?

— Гуляю.

— Эхъ, ты...

— Что — я?

— Ничего. Не хочу я кофею!

— Вотъ еще! — восклицаетъ Сашка, увлекая ее за собою въ дверь булочной; тамъ, сидя у окна за маленькимъ столикомъ, онъ спрашиваетъ Зину:

— Ты мнѣ вѣришь?

— Вѣрю всякому звѣрю, лисъ и ежу, а тебѣ — погожу! — медленно отвѣчаетъ конфетчица.

— Ну, тогда я пропалъ черезъ тебя!

Сашка несомнѣнно увѣренъ, что въ эту минуту онъ переживаетъ сердечную драму, — губы у него дрожатъ, глаза увлажнены, и весь онъ — драматически взволнованъ.

— Ну, — пропалъ я, утопился въ своихъ слезахъ, ладно, туда мнѣ и дорога, если я не умѣю счастья поймать! Только и тебѣ сладко не будетъ! Ужъ я тебѣ покою не дамъ. Пускай онъ — домо-хозяинъ и лошади у него; ну, а ты — ни куска не съѣшь, меня не вспомнивъ! Такъ и знай...

— Пора перестать мнѣ въ куклы играть, — тихо и сердито говоритъ конфетчица.

— Я для тебя — кукла, да?

— Не про тебя сказано.

— Вотъ, Максимычъ, гляди на нихъ! Змѣиная порода, никакого чувства нѣтъ. Ужалитъ въ сердце, ты—страдаешь, а она говоритъ: ахъ, ты, кукла!

Сашка возмущенъ, у него даже руки дрожатъ, а глаза гнѣвно потемнѣли.

— Какъ жить съ эдакими? — спрашиваетъ онъ.

«Хорошій актеръ»—думаю я, наблюдая за нимъ почти съ восхищеніемъ.

Его игра подкупаетъ конфетчицу, трогаетъ ее; вытеревъ губы уголкомъ платка, она спрашиваетъ:

— Въ воскресенье ты свободенъ?

— Отъ чего? Отъ тебя?..

— Не дури... Поди-ка сюда...

Они отходятъ въ сторону, и Сашка, сверкая глазами, вполголоса пламенно и долго говоритъ что-то, а дѣвица восклицаетъ раздраженно и тоскливо:

— Господи! Да какой-же ты мужъ!

— Я? — кричитъ Сашка. — Вотъ какой!

И, не стѣсняясь солидной булочницы, быстро и крѣпко обнявъ дѣвушку, онъ цѣлуетъ ее въ губы.

— Что ты? — пугливо и сконфуженно вскакиваетъ она, вырываясь. — Сумасшедшій...

Она птицей вылетѣла за дверь, а Сашка, устало присаживаясь къ столу, говоритъ, неодобрительно качая головой:

— Ну — характеръ! Звѣрь, а не дѣвица.

— Чего тебѣ надо отъ нея?

— Не хочу, чтобы она выходила за плѣшиваго кучера! Безобразіе какое.... Не могу, не люблю я этого!

Допивъ остывшій кофе, онъ, видимо, уже забывшій пережитую драму, лирически разсуждаетъ:

— Знаешь, — въ праздникъ — ли, или въ будни, когда дѣвицы кучей идутъ куда-нибудь, — гуляютъ, или съ работы,

изъ гимназіи,—такъ у меня даже сердце дрожитъ! Господи—Боже, думаю, сколько ихъ! И вѣдь каждая кого-нибудь любитъ, ну — еще не любитъ, такъ завтра полюбитъ, черезъ мѣсяцъ — все едино! Тутъ я понимаю: это жизнь! Развѣ есть что лучше любви? Ты только подумай — что такое ночь? Всѣ обнимаются, цѣлуются,—эхъ, ты, братъ! Это—такое знаешь... этого и не назовешь никакъ. Дѣйствительно — послалъ намъ Богъ радость...

Вскочивъ со стула, онъ говоритъ:

— Айда, пошляемся по городу!

Небо затянуто сѣрой тучей, мороситъ дождь, мелкій, точно пыль. Холодно, сыро и печально. Но Сашка кутается въ свой легкій, лѣтній пиджачекъ и, не умолкая, говоритъ обо всемъ, что схватываютъ его жадные глаза въ окнахъ магазиновъ — о галстухахъ, револьверахъ, дѣтскихъ игрушкахъ и дамскихъ платьяхъ, о машинахъ, конфектахъ и церковной утвари. Крупныя, черныя буквы театральной афиши бросаются въ глаза ему.

— «Уріель Акоста» — это я видѣлъ! А — ты? Ловко говорятъ евреи, — помнишь? Все — стихами будто. И одѣваются они хорошо, важно! Только, — все это не правда, — въ театрѣ они — одинъ народъ, а на улицѣ, на базарѣ — другой. Я люблю веселыхъ людей, — евреевъ, татаръ; ты гляди, какъ хорошо татары смѣются... Интересно, когда въ театрѣ не настоящее показываютъ, а что-нибудь издалека—бояръ, иностранцевъ. А за настоящее — покорно благодарю, у самихъ много! Ну, а если ужъ настоящее, — такъ ужъ во всей правдѣ и безъ жалости! Въ театрѣ надо-бы дѣтямъ играть, они, когда играютъ, такъ по настоящему!

— Да вѣдь ты настоящаго не любишь?

— Почему? Ежели интересно, такъ люблю...

Онъ ходитъ по городу, какъ хозяинъ, какъ внимательный городской голова.

— Эхъ, какъ мостовая избита! — замѣчаетъ онъ усмѣхаясь. — А богатая улица!

Среди хозяйственныхъ домиковъ торчитъ, какъ гнилой зубъ, старенькій, полугнилой.

— Надо сломать,—рѣшаетъ Сашка, морщась.—Къ чему старуха въ хороводѣ? На смѣхъ только.

Его все задѣваетъ, все ему интересно и, глядя на него, невольно думаешь:

«Когда этотъ человѣкъ укрѣпится въ жизни,—много внесетъ онъ въ нее новаго, красиваго»!

Въ немъ неугомонно бродитъ крѣпкое вино радости бытія; онъ улыбается дѣтямъ, шутитъ съ уличными мальчишками, съ восхищеніемъ смѣется барышнямъ и говоритъ, толкая меня лектемъ:

— Гляди, гляди, какая! Ухъ, ты...

Потомъ, длительно, захлебываясь словами, торопится высказать свою главную мысль, — въ десятый разъ одну и ту-же!

— Ты думаешь,—я распутный? Вовсе нѣтъ! Просто я очень люблю любовь; для меня отъ нея — все! Ежели-бы у меня была жена красавица и полюбила бы она счастливо тебя, скажемъ, — ей Богу-же я-бы ее отпустилъ безъ спора! И можетъ, очень тошно было-бы мнѣ, но я-бы отпустилъ ее къ тебѣ! Счастью нельзя мѣшать — понялъ? Надо такъ жить, чтобы всѣмъ было легко съ тобой — товарищамъ, дѣвицамъ — всѣмъ! Тогда и тебѣ легко будетъ, — простая ариѳметика!

Слушая его, я думаю, что легкій человѣкъ Сашка вездѣ былъ бы на мѣстѣ: мужъ, отецъ, любовникъ, — городской голова, плотникъ, — чѣмъ ни поставь его — съ нимъ будетъ хорошо и просто. Жизнь съ нимъ должна идти быстро и толково, дѣйственно и весело. Именно это обѣщаетъ онъ.

Снова выглянуло солнце, неохотно освѣщая мокрый городъ. Мы бродимъ по улицамъ до вечеренъ, а въ часъ, когда монастырскій колоколъ зоветъ къ службѣ, — Сашка тащитъ меня на пустырь, къ забору сада, который принадлежитъ строгому чиновнику Ренкину, отцу прекрасной дѣвицы Лизы.

— Погоди меня — ладно? — проситъ онъ, вскакивая на заборъ, точно кошка; усѣлся на столбѣ и тихонько свиститъ; потомъ радостно и вѣжливо сорвавъ картузъ съ головы, бесѣдуетъ съ дѣвицей, невидимой мнѣ, извиваясь и рискуя свалиться.

— Здрассте, Лизавета Яковлевна!

Мнѣ не слышно, чѣмъ отвѣчаютъ съ той стороны забора, но въ щель между досками я вижу сиреневую юбку и тонкую кисть бѣлой руки съ большими садовыми ножницами въ ней.

— Нѣтъ, — грустно вретъ Сашка, — не успѣлъ, не прочиталъ, у меня вѣдь работа каторжная, ночная, а днемъ

выспаться надо и — товарищи одолѣваютъ. Набираешь букву за буквой и все думаешь про васъ.... Да, конечно! Только, — я не очень люблю сплошной шрифтъ, вотъ — стихи гораздо легче читать.... Можно спрытнуть къ вамъ? Почему — нельзя? Некрасовъ? Да.... очень, только у него про любовь мало говорится... Зачѣмъ же вы сердитесь? Подождите, — развѣ это обидно? Вы спросили — что мнѣ нравится, я сказалъ, что больше всего — любовь, — она всѣмъ нравится... Лизавета-же Яковлевна, — постойте!...

Онъ замолчалъ, свисая въ садъ, какъ пустой мѣшокъ, потомъ выпрямившись. нѣсколько секундъ сидитъ на заборѣ унылой вороной, похлопывая козырькомъ картуза по колѣну. Заходящее солнце красиво освѣщаетъ его рыжіе вихры, вѣтеръ ласково треплетъ ихъ.

— Ушла, — сердито говоритъ онъ, спрыгнувъ на землю. — Обидѣлась, что я книгу не прочиталъ, — чортъ ее дери, книгу! Дала какой-то утюгъ, — книга!.. Идемъ!

— Куда?

— Все равно.

Сашка идетъ медленно, нога за ногу, лицо у него усталое, глаза обиженно заглядываютъ въ окна, освѣщенныя косыми лучами солнца.

— Вѣдь, — полюбитъ же кого-нибудь, — жалуется онъ. —Вотъ и полюбила-бы меня! А ей надо, чтобъ я книжки читалъ! Нашла дурака! У нея такіе глаза, что свѣту Божьяго не видишь, а она — читайте книжки! Даже — глупо. Конечно, — я не пара ей... Ну, такъ вѣдь — Господи! Не всегда-же свой своего любитъ!

Помолчавъ минуту, онъ тихонько бормочетъ:

— «И долго на свѣтѣ томилась она
Желаніемъ чуднымъ полна»....

— Останется старой дѣвой, такъ вспомнитъ и меня. Такъ-бы... даже заплакать хочется.

Я смѣюсь, а онъ, удивленно посмотрѣвъ на меня, спрашиваетъ:

— Чепуху говорю? Эхъ, братъ, Максимычъ, — сердце у меня растетъ и растетъ безъ конца, и будто я весь—только одно сердце!

Мы снова на краю города, но уже на другомъ, противоположномъ краю; предъ нами — поле, вдали Институтъ бла-

городныхъ дѣвицъ, большой бѣлый домъ, за высокой кирпичной рѣшеткой въ каменныхъ столбахъ. Черныя деревья окружаютъ домъ.

— Книжку я ей прочитаю, это меня не убьетъ, — разсуждаетъ Сашка. Перспектива... чорта два! Вотъ что, братъ, —пойду къ Степахѣ... пойду, положу голову на колѣнки ей и буду спать. Потомъ — проснусь, выпьемъ и опять спать! У ней и ночую. А не плохо день сожгли мы съ тобой?

Онъ крѣпко тискаетъ мою руку, ласково смотритъ въ глаза мнѣ.

— Люблю я гулять съ тобой; и рядомъ ты и, будто, нѣтъ тебя. Ничему не мѣшаешь. Это и есть — настоящій товарищъ!

Сказавъ столь сомнительный комплиментъ, Сашка повертывается и быстро идетъ назадъ въ городъ. Руки у него засунуты въ карманы, картузъ едва держится на затылкѣ, онъ посвистываетъ. Такой тонкій, острый, точно гвоздь съ золотой шляпкой.

Мнѣ жалко, что онъ идетъ къ Степахѣ, но я понимаю— надо же Сашкѣ отдать себя кому-нибудь, надо же ему растратить богатства души своей!

Въ спину ему уперлись красные лучи солнца и точно толкаютъ парня.

На землѣ холодновато, въ полѣ—пусто, городъ тихонько рычитъ, Сашка наклонился, поднялъ камень, и, размахнувшись, далеко бросаетъ его.

Потомъ, обернувшись, кричитъ мнѣ:

— До увиданья!

М. Горькій.

АРБАНЪ.

Захожій плотникъ, сумасшедшій Арбанъ, строитъ у Синицыныхъ террасу.

Студеный вѣтеръ палитъ лицо. Въ глаза брызжетъ иглистый снѣгъ. Кипятъ у ногъ снѣжныя змѣи и, распыляясь бѣлымъ дымомъ, овѣваютъ ледянымъ дыханьемъ.

Но Арбану — жарко. По мѣдному лицу, обложенному въ золото колючей бородки, мелкими бусами бѣжитъ потъ, тулово облѣпила мокрая рубаха, дырявыя голицы валяются на пышномъ сугробѣ. Стучитъ топоръ. Летятъ щепки.

Запыхался. Вогнавъ топоръ въ желтое, смолистое, какъ будто медомъ пролитое дерево, плотникъ стоитъ и бормочетъ:

— А и удашливъ ты мужикъ, Митрій, ей-Богу! Теперь, ежели, скажемъ, получить тебѣ-ка изъ ерманской банки петъ милліентовъ да въ Москвѣ двѣ машинки монетъ куютъ... Денегъ-то, денегъ-то! Важная ты вельможа, Митрій, пра!.. Ху-ху-ху...

Арбанъ смѣется. Весело глядятъ маленькіе, словно синій горохъ, глазки. Прыгаетъ бородка изъ сусальнаго золота.

— Перецъ ты, Митрій...

Вытираетъ жесткой, какъ доска, рукой бисерный потъ. Однако, стало холодно. За сырую рубаху пробирается стужа. Не плохо бы теперь и пообѣдать, ожечь душу горячимъ варевомъ.

Приминая худыми валенками пушистый сугробъ, плотникъ идетъ къ крыльцу. Въ сѣняхъ шаритъ вѣника и, не найдя его, ветхой, какъ воронье гнѣздо, шапкой смахиваетъ съ ногъ снѣгъ.

Съ морозу ударило въ носъ теплой избяной вонью, въ глаза — потемками.

— Иззябъ, Митрій Лександрычъ?

— Студено, голова...

По избѣ уткой, въ перевалку, ходитъ Васена, баба рых-

лая, жаркая, что печь. У нея, какъ рѣпа изъ гряды, выперла впередъ грудь, губы — пламенѣющій уголь, а наливныя щеки словно свеклой вымазаны. Не баба — комодъ. Ея мужъ, Иванъ Павлычъ, противъ нея — цыпленокъ. Не сгрушенъ Иванъ Павлычъ къ тяжелой работѣ, зато кинулся онъ по торговой части. Клеитъ сумочки, ящики и продаетъ въ городу. Куетъ денежки. А по крестьянству правитъ Васена. Изъ утра до темной ночи хлопочетъ она по хозяйству, одѣляя кокурами и подзатыльниками ребятишекъ.

— Обѣдать коли будемъ, тетка Васена?

— Чичасъ, Митрій Лександрычъ. Ай, поѣсть захотѣлъ? А я нонѣ васъ куркой поподчую.

— У-ху-ху...—смѣется Арбанъ.—Это дѣло, голова...

Пока баба накрываетъ на столъ, плотникъ заглядываетъ въ низкое окошко, до половины заваленное снѣгомъ, на мертвую улицу и отъ скуки вертитъ цыгарку. Иванъ Павлычъ, мрачный со сна, спускаетъ съ печи босыя ноги и, позѣвывая, почесываетъ спину.

— Не чадилъ бы ты здѣся, Митрій, — бурчитъ онъ, — выдь на мостъ, тамъ и дыми...

Помолившись, разсаживаются за столомъ, причемъ Арбану достается самое почетное мѣсто—«попова щель»—передній уголъ. Ѣдятъ съ наслажденіемъ, неторопливо опуская ложку въ жаркія щи и чисто облизывая ее. У шестка суетится Васена, тыча рогами ухвата въ брюхатые горшки. Румянецъ съ лица такъ и пышетъ, того гляди, избу запалитъ. Изъ-подъ платка выбились черныя, будто вывалянныя въ сажѣ, пряди. Иванъ Павлычъ повеселѣлъ.

— Счи скусные, — шопотнымъ настуженнымъ голосомъ хвалитъ онъ и цыкаетъ на ребятишекъ:—Смирно, вы... псарня! Я-те посмѣюсь, кобылья радость, — грозно обращается онъ къ сорванцу Васькѣ: — Цыцъ!..

Плотникъ ѣстъ за четверыхъ, а самъ, между тѣмъ, все шепчетъ, пряча слова въ усы.

— Ты что колдуешь, Лександрычъ, — скрипитъ хозяинъ, — али капиталы щитаешь?

— Полно, — вступаетъ въ разговоръ Васена, — каки у ево капиталы: дыра въ карманѣ да крестъ на гайтанѣ. Только и дѣловъ...

Плотнику — нелюбо. Онъ хотѣлъ бы отвѣтить, но за-

нять ѣдой. Щи убываютъ: сквозь жижу просвѣчиваетъ расписное дно чашки... Послѣ щей — каша.

— Мамъ, чего еще? — спрашиваетъ Васька.

— Кресты да поклоны, — смѣется та. — Отобѣдали.

Опять дуетъ сиверко. Опять горохомъ высыпаетъ на лицѣ потъ. Плотникъ рубитъ. По временамъ оставляя работу, онъ глядитъ на церковную главу, — въ снѣжной шапкѣ, — надувшую золотыя щеки, на вспухшія отъ сугробовъ избяныя крыши; смотритъ, какъ летаютъ вороны надъ бѣлымъ неживымъ полемъ, за которымъ тянется узкій поясокъ голубоватой опушки, какъ выбѣгаютъ изъ-за него облака. Не гнущимися пальцами Арбанъ свертываетъ цыгарку и, скосивъ глаза на красный перстенекъ огня, затягивается сладковатымъ дымомъ. Потомъ, бормоча, берется за топоръ и забиваетъ въ промороженное дерево гвозди, обжигающіе кожу рукъ. Около плотника вьется Васька.

— Дядя Митрій, — несмѣло проситъ онъ, — дай копеичку...

— Да, дуракъ, копеекъ-то нѣту: все пятаки. Рае тебѣ пятакъ дать?

— Дай, Митрій. Тебѣ-ка изъ банки вышлютъ...

— Вѣстимо, голова. На, доржи; шаръ ты... у-ху-ху...

Подходитъ Иванъ Павлычъ въ тулупѣ, въ шапкѣ съ ушами. Надъ обмотаннымъ вокругъ шеи шарфомъ торчитъ бородка, какъ хвостъ рѣдьки. Не любитъ Иванъ Павлычъ стужи. Смѣется:

— Плантуешь, Митрій Лександрычъ?

Иванъ Павлычъ большой охотникъ до веселой добродушной шутки. Иногда съ серьезнымъ лицомъ скажетъ женѣ:

— Эй, Васенъ, не утирайся рушникомъ, пожалѣй...

— Ай, што?

— Да, чудная, боюсь, — загорится отъ красной твоей рожи...

Иванъ Павлычъ ежится.

— Но, плантуй, плантуй, — шопотно говоритъ онъ: — А я пойду. Зябется что-то...

А плотнику жарко. Стучитъ топоръ по прохваченному морозомъ дереву. Брызжутъ щепки, напитанныя медомъ смолы.

— Шаръ ты, Митрій!.. — смѣется плотникъ, какъ сычъ: — У-ху-ху...

* * *

Давно прижился въ Егорьевскомъ и въ окрестныхъ деревняхъ плотникъ Докинъ, прозванный Арбаномъ. Ходитъ онъ изъ деревни въ деревню, изъ избы въ избу: здѣсь дворъ поправитъ, тамъ поставитъ баньку. Народъ считаетъ плотника помѣшаннымъ, ибо Арбанъ постоянно бредитъ милліонами, князьями, считаетъ себя какой-то знатной особой и ждетъ откуда-то богатства. Однако, безумныя грезы не мѣшаютъ ему быть хорошимъ плотникомъ. Объ обычныхъ предметахъ Арбанъ разсуждаетъ здраво, поэтому не сразу поймешь: дѣйствительно ли онъ боленъ разумомъ или же только для спасенья души прикидывается «нищимъ духомъ», видя въ этомъ своеобразное подвижничество.

Ходитъ Арбанъ постоянно въ рубѣ, потому что всѣмъ раздаетъ деньги и всякому позволяетъ обманывать себя.

Лѣтомъ плотникъ любитъ собирать цвѣты по лѣсу. Важно покашливая (кашель у него бархатный, барскій), онъ колетъ игольникомъ усовъ пьяно-благоухающіе ландыши и что-то шепчетъ себѣ въ бороду.

— Съ нечистымъ разговариваетъ, — догадывается народъ.

По временамъ разсудокъ безумнаго, видимо, проясняется. Онъ вдругъ вспоминаетъ свою семью, сумасшедшій домъ, гдѣ его лѣчили. Тогда Арбанъ сразу мрачнѣетъ...

Вечеромъ у Синицыныхъ пьютъ чай.

Самоваръ урчитъ и дышитъ бѣлымъ паромъ. Запотѣли окошки.

— Плесни-тко еще, хозяйка, — проситъ плотникъ, выпивъ седьмую чашку. Проводитъ жесткими мозолями по взопрѣвшей лысинѣ.

— А и здоровъ ты чай пить, Митрій, — дивится сосѣдка Марья, забѣжавшая въ посѣдки: — Знать, не мимо говорятъ, что у плотника пузо-то берестяно?

— Это онъ у князьевъ, мила моя, перенялъ, — хрипитъ Иванъ Павлычъ.

— И дѣ только, Митрей, ты съ ими знакомство свелъ?— простодушно спрашиваетъ баба, подмигивая хозяевамъ: сейчасъ-молъ начнется представленье!

Лицо у нея сѣрое, похожее на мятую тряпицу, а поджатыя тонкія губы, какъ два червяка.

— Съ князьямъ-то? — бурчитъ плотникъ: — Мало ли дѣ. Въ чайныхъ, въ трахтирахъ...

Взглядъ его становится какимъ-то напряженнымъ, безкойнымъ, словно Арбанъ борется съ овладѣвающимъ имъ безумiемъ, а оно одолѣваетъ его слабую голову.

— Самъ графъ Шереметьевъ, — таинственно возвѣщаетъ онъ, — важная вельможа—эта все звѣзды да кресты, хошь прикладывайся, — третенись говоритъ мнѣ-ка: «Ты, гытъ, Митрiй — большой человѣкъ, я за тея графину хочу выдать»... Какъ же, первый другъ мнѣ-ка. Я, какъ въ трахтиръ прихожу, кажнiй разъ три пары чаю заказываю. А вдругъ какой князь придетъ...

— Вре, — сомнѣвается Марья.

— Я тебѣ говорю, — бормочетъ плотникъ.

— Стало быть, сварьба скоро? — спрашиваетъ Васена.

— Знамо, голова, сварьба...

— А хороша графина-то?

— Краля, истинный Осподь!

— Важный ты человѣкъ, Лександрычъ, — ухмыляется хозяинъ, — а одежа у тебя, — только стыдъ прикрыть. Какъ это понять?

— Жизь-то хуже, а одежа все уже, Иванъ Павлычъ, — смѣется Марья, — вотъ и рвется...

— Вась, подь сюды, милой, поищу, — говоритъ Васена послѣ чаю.

— Милые, вшей-ту, вшей-ту! — ужасается она, перебирая красные, какъ пожаръ, вихры мальчонки: — По всей башкѣ ляпками, ровно цвѣтки по платку. Глянько, тетка Марья, рази это вша?

— Матушки, чисто звѣзда! — ахаетъ та. — Не твоя ли, Митрiй, скотинка-то? — усмѣхается она: — Не отъ тебя ли, говорю, наползли?..

Арбанъ не слышитъ. Онъ сидитъ за столомъ и пишетъ на смятомъ клочкѣ курительной бумаги. Коптитъ пламя жестяной лампы, гамятъ бабы, а плотникъ, словно ослѣпъ и оглохъ. Бурчитъ и выводитъ каракули:

«Митрiй Лександровъ Докинъ-Рамановъ. Капиталу у

ево». Дальше стоитъ палочка и цѣпочка изъ нолей. «Семейство его: дочерь Татьяна Миколаевна, Оль»...

Плотникъ задумчиво глядитъ на загаженный объѣдками столъ и, убивъ заплутавшагося въ крошкахъ пруссака, перечитываетъ написанное.

— Согласно составлено! — шепчетъ онъ. Смѣется. Прыгаетъ бородка. Весело глядятъ бусины глазъ, окруженныя морщинами. Потомъ Арбанъ бережно складываетъ бумажку и прячетъ ее за подкладку шапки. Много грамотокъ хранитъ шапка плотника: старые выигрышные билеты, которые хитрый мужикъ Бахвалъ обманомъ сбылъ ему за 3 рубля, картинки отъ конфетокъ и календарей...

Иванъ Павлычъ отдыхаетъ на коникѣ, глядя въ потолокъ.

— Да... изъ ума вонъ, — спохватывается онъ: — Вѣдь тебѣ, Лександрычъ, крестъ прислали, какъ прослышали, что ты — важная вельможа...

Достаетъ изъ тряпицы крестъ.

— Дѣло, — изумленно одобряетъ Арбанъ.

— Только велѣно получить съ тебя... давай полтину, — что съ тебя возмешь?

— Можно, — гудитъ плотникъ, прилаживая крестъ къ груди.

Крестъ — кардонный, искусно выклееный серебряной бумагой, но Арбанъ этого не видитъ. Его корявые пальцы держатъ крестъ осторожно.

— Ну, вотъ, — смѣются бабы, — теперь и на жениха похожъ. Чичасъ къ вѣнцу...

— Знамо... ху-ху...

* * *

Ночью плотнику опять привидѣлись красныя, какъ уголь, горы золота. Отъ ихъ огня ломитъ глаза и больно головѣ. Ходитъ онъ по горамъ, а рядомъ съ нимъ Васена — не Васена, а тоже пригожая баба. Идетъ она, а сама поетъ:

«Когда-бъ имѣлъ златыя горы»...

Безумный просыпается. Въ окошко глядитъ мѣсяцъ.

Окошко — все въ инеѣ — горитъ синей парчей. Видно—морозитъ на улицѣ А въ избѣ—темно, вонюче и жарко. Тишину нарушаютъ только бредъ, храпъ да тараканій шелестъ.

Ощупью плотникъ вертитъ цыгарку и, вздувъ спицу, затягивается угаромъ махорки.

— Сонъ въ руку, — гудитъ онъ: — надо тебѣ-ка, Митріи, бабу, — куричьи счи варить, вшей искать, цѣловаться. Графину тебѣ-ка надо, въ шляпкѣ, чтобы. «Черная шляпа, бѣлое перо»... Вотъ только сперва изъ банки по билетамъ получить бы...

— Митріи, — заспаннымъ голосомъ ругается Иванъ Павлычъ, — дрыхни, безумный чортъ! Что это, ни днемъ ни ночью покою...

— Лягомъ. Не ругайся, — успокаиваетъ плотникъ, а самъ шепчетъ: — Милліентъ, милліентъ... два милліента...

— Сколь вѣдь начадилъ! Да колькой же разъ тебѣ, дурѣ, говорить, чтобы ты не курилъ въ избѣ?..

Кашляетъ, ворочаясь на печи.

— Сечасъ, сечасъ. Лягомъ, — успокоительно ворчитъ Арбанъ.

* * *

На диво хороша вышла терраса. Вся въ затѣйливой рѣзьбѣ, словно купчиха въ кружевахъ.

Ходитъ около нея плотникъ, любуется. Какъ ни встань, откуда ни глянь, — хорошо.

— Ладно сработано, — бормочетъ Арбанъ: — ловыга ты, Митріи. Легкая у тебя рука. Ху-ху... Перецъ!.

Идетъ къ избѣ.

— А надо бы заодно обновить и крылецъ, — сгнилъ совсѣмъ. Не дерево, а табакъ. Только неколи: больно ужъ звалъ лужковскій Михалъ Миколаичъ — хлѣвокъ новый поставить... Деньжонки за тирассъ все-таки надо получить. Обносился. А изъ банки, жди, когда вышлютъ!

Иванъ Павлычъ — въ алой рубахѣ — сидитъ за столомъ и кидаетъ на счетахъ. По брюху стелется поясокъ съ молитвой.

— Ращитаться бы намъ, братецъ, — встрѣчаетъ онъ плотника: — измучилъ ты меня намедни. Изъ-за тебя я всю ноченьку вѣкъ не смыкалъ. Такъ-то...

Сегодня лицо у Ивана Павлыча недовольное и желтое, какъ яичный желтокъ, а глазки глядятъ сердито.

— Ну, такъ вотъ: рядился ты за два съ полтиной. Такъ?

— Стало быть, такъ.

Плотникъ стоитъ у порога, дѣловито пощипывая сусальное золото бородки.

— Курица, чай-сахаръ, то-се, — полтора долой, — щелкаетъ Иванъ Павлычъ костями счетъ: — итого остается цѣлковый. Получи.

— Грѣхъ тебѣ-ка, Иванъ Павлычъ. Обижаешь...

— Хто-е-знаетъ, грѣхъ али нѣтъ.—хрипитъ хозяинъ:— объ эфтимъ попу разсуждать. А ты вотъ что: получай и съ Богомъ. Вотъ тебѣ Богъ...

— Ну, и жохъ ты, голова!..

— Да ты што это? — съ удивленіемъ говоритъ Иванъ Павлычъ, привставая съ лавки: — разговаривать? А хошь къ уряднику, а оттолѣ въ сумасшедчій домъ? Хошь, буйнымъ тебя обличу? — произноситъ онъ тихо, но внушительно.

— Ладно. Подавись цѣлковымъ, — съ сердцемъ говоритъ плотникъ, — не молюсь тому Богу, который не милуетъ...

Идетъ Арбанъ по сугробной дорогѣ. Въ рукѣ у него — топоръ, а подъ мышкой — рваная рубаха — все достояніе плотника. Взадъ ему оретъ Васька:

— Митріи лысой
Бѣгъ за крысой...

Знать, не помнитъ ласки.

До Лужковъ далеко — верстъ 8. Тяжело идти. По колѣни вязнутъ ноги въ сугробъ. Сапоги полны снѣгу. Палитъ лицо сиверко. Забиваясь въ дырья одежи, онъ знобитъ тѣло. Холодно!

Арбанъ оглядывается на бѣлыя башки ометовъ и овиновъ, крестится на церковную главу, низко надвинувшую шапку бѣлаго мѣха, и, горько вздохнувъ, идетъ дальше.

Опять вспомнилась ему больница, семья:

— Дома-то, поди, голодаютъ, а, може, баба-то и хахаля завела какого. А ты вотъ ломишь весь вѣкъ, а все нѣту ничего: ни домой послать, ни самому обуться-одѣться. Голодный, безпріютный, вродѣ бездомнаго пса. А люди, ровно волки: всякій норовитъ окусить.

Вздыхается Арбану.

— Эхъ, жизь, жизь, хоть живой во гробъ ложись!..

Кардонный крестъ обмокъ, слинялъ. Теперь видать, что онъ не исправдушный.

А сиверко дуетъ. Шепчутъ и колеблются лиловые прутья придорожныхъ березъ, словно подманиваютъ къ себѣ.

Подымается вьюга.

Дм. Семеновскій.

Перепечатка воспрещается. Право на переводъ принадлежитъ автору.

АВТОБІОГРАФІЯ.

СТРАНИЦЫ ИЗЪ МОЕЙ ЖИЗНИ.

(Продолженіе) *.

Начитавшись уойственныхъ романовъ, насмотрѣвшись театральной жизни, я началъ, нѣсколько преждевременно, мечтать и бредить о любви. Впрочемъ, не только я, но и мои товарищи тоже не чужды были этихъ мечтаній. Мы всѣ считали себя влюбленными въ Олю Борисенко, равнодушную красавицу гимназистку, которая ходила уточкой и смотрѣла на весь міръ безучастными глазами. Боже мой, какъ жадно мы ждали Пасхи, чтобы похристосоваться съ Ольгой! Помню такой случай: противъ Церкви Сошествія Святого Духа татары торговали кумачемъ, всякой галантереей, мыломъ и удивительными духами,—ихъ можно было купить на три копѣйки полный маленькій пузырекъ. Мы купили эти духи. Не дожидаясь конца заутрени, выбѣжали на паперть и тамъ каждый изъ насъ намазалъ себѣ духами зубы, кончикъ языка и губы. Духи жгли, но благовоніе получилось замѣчательное! Когда вышла Оля, мы, возглашая «Христосъ Воскресе», подходили къ ней гуськомъ, какъ за билетами къ театральной кассѣ, и осторожно чмокали даму нашихъ сердецъ. Она пребывала равнодушной.

Женя Бириловъ почему-то называлъ ее некрасивымъ именемъ — Дульцинея Тобозская. Какъ-то разъ я поправилъ его:

— Тобольская!

— Молчи, коли не знаешь, — сказалъ онъ.

Изъ-за этой Дульцинеи я дрался на шпагахъ, какъ и надлежитъ истинному кавалеру. Дуэль произошла не потому, что она была неизбѣжна, а потому, что мы были предрасположены къ этому дѣлу, начитавшись Дюма и Понсонъ де Террайль. Съ нашей компаніей познакомился гимназистъ,

* См. «Лѣтопись», № 1, 2—4, 1917 г.

который воровалъ у своего отца ружья, продавалъ ихъ и на вырученныя деньги угощалъ насъ пивомъ въ портерныхъ. Въ сущности, онъ былъ хорошій парнишка и нравился намъ не только потому, что пивомъ угощалъ.

Такъ вотъ: какъ-то однажды этотъ гимназистъ позволилъ себѣ отнестись не достаточно уважительно къ нашей дамѣ. Ничего особеннаго онъ не сдѣлалъ, но — когда любишь, то неизбѣжно ревнуешь. Для каждаго изъ насъ было счастьемъ сказать Олѣ два-три слова, побесѣдовать съ ней минуту. Мнѣ, къ сожалѣнію, доставалось этихъ минутъ меньше, чѣмъ друзьямъ моимъ. Я былъ моложе всѣхъ и менѣе интересенъ. Но именно я сказалъ гимназисту, чтобы онъ немедленно убирался ко всѣмъ чертямъ. Онъ хотѣлъ избить меня, но вступились мои товарищи, заявивъ, что, если онъ желаетъ получить «сатисфакцію», любой изъ насъ готовъ драться съ нимъ. Онъ горячо согласился, что дуэль необходима.

Дуэлянтомъ выбрали меня, такъ какъ я, подражая Мефистофелю, Фаусту и Валентину, умѣлъ гнуть палку, какъ шпагу, дѣлая ею всевозможные воинственные театральные пируэты и выпады. Было единогласно рѣшено, что именно мнѣ и слѣдуетъ пронзить нашего обидчика.

Женя Бириловъ принесъ рапиры, которыя висѣли дома у него на стѣнѣ, какъ украшеніе. Концы рапиръ показались намъ не достаточно острыми. Тогда мы отнесли оружіе къ слесарю, чтобы онъ его наточилъ. Помню, клинки рапиръ были черные, а концы свѣтлые, точно изъ серебра.

Мѣстомъ боя мы избрали Осокинскую рощу. Секундантами обѣихъ сторонъ были мои пріятели, но они вели себя безукоризненно честно по отношенію къ обоимъ дуэлянтамъ. Вообще все было — какъ въ самомъ хорошемъ романѣ.

— Не очень старайтесь, — сказалъ намъ одинъ изъ секундантовъ.

Другой подтвердилъ:

— Глядите, до смерти убивать не надо!

Дуэль началась и кончилась въ минуту, если не скорѣе. Ударивъ раза два рапирами одна о другую, мы, не долго думая, всадили ихъ кому куда нравилось: противникъ въ лобъ мнѣ, а я ему въ плечо. Ему, видимо, было очень боль-

но. Онъ выпустилъ рапиру изъ руки, и она повисла, торча остріемъ въ головѣ моей. Я тотчасъ выдернулъ ее. Изъ раны обильно полилась кровь, затекая мнѣ въ глазъ. И у гимназиста по рукѣ тоже стекала кровь. Такъ какъ мы условились драться не на смерть, а до первой крови, секунданты признали дуэль конченной и начали перевязывать наши раны, причемъ одинъ изъ нихъ для этой цѣли великодушно оторвалъ штрипки отъ своихъ подштаниковъ.

Мы, противники, пожали руки другъ другу и сейчасъ-же отправились въ чей-то садъ воровать яблоки,—это, въ сущности, не считается кражей,—а вечеромъ я, гордый собой, явился домой и былъ жестоко выпоротъ. Это было ужасно! Пришелъ человѣкъ съ благороднѣйшими чувствами въ груди, а съ него снимаютъ штаны и бьютъ по голому тѣлу какими-то шершавыми веревками. Невыносимо обидно!

Знала-ли объ этой дуэли Оля Борисенко? Вѣроятно, ей сказали. Но это ничего не измѣнило въ ея отношеніи ко мнѣ и въ моей судьбѣ.

Любовь, — та, которую показывали на сценѣ театра, и та, которой мучились въ Суконной Слободѣ, — не могла не тревожить моего воображенія. Слободскія дѣвицы задумчиво пѣли:

— На томъ ли полѣ серебристомъ
Стояла дѣва предъ луной
И увѣряла небо—чистымъ
Хранить до гроба свой покой.

Несомнѣнно, это глупыя слова, но въ нихъ звучало искреннее чувство, понятное мнѣ. А дальше въ этой пѣснѣ были слова и не въ такой степени глупыя:

Любовь моя прочнѣй могилы.
Я всю себя ей отдала.
Она мои убила силы;
Въ ея огнѣ я отцвѣла.

Хотя это распѣвалось отцвѣтшими слободскими дѣвицами, но все-таки трогало меня за сердце.

Я видѣлъ, что всѣ ищутъ любви, зналъ, что всѣ страдаютъ отъ нея, — женатые и холостые, чиновники и модистки, огородницы и рабочіе. Въ этой области вообще было очень много страшнаго, недоступнаго разуму моему: дѣвицы и

молодыя женщины пѣли о любви грустно, трогательно. Почему? А парни и многіе мужчины разсказывали другъ другу про любовь грубо, насмѣшливо и посѣщали публичные дома на Пескахъ. Почему? Я зналъ, что такое публичный домъ, и никакъ не могъ связать это учрежденіе съ любовью, о которой говорилось въ «Дамѣ съ камеліями».

Я пѣлъ на свадьбахъ, видѣлъ невѣстъ, дѣйствительно, похожихъ на бѣлыхъ голубицъ, и видѣлъ, что почти всегда онѣ плакали. Деревенскія дѣвицы, выходя замужъ, тоже плачутъ и поютъ пѣсни, проклиная замужнюю жизнь. Потомъ всѣ онѣ—городскія и деревенскія—«въ мукахъ рождаютъ дѣтей». Но въ то же время всѣ стремятся выйти замужъ, всѣ ищутъ любви. Она, въ сущности, является главнымъ содержаніемъ жизни.

Вообще все, что было извѣстно мнѣ въ области отношеній половъ, являлось предо мною разнорѣчивымъ до совершенной непримиримости. Мнѣ было ясно, что въ обыденной жизни женщина — домашнее животное, тѣмъ болѣе цѣнное, чѣмъ терпѣливѣе оно работаетъ. Но въ то же время я видѣлъ, что женщина всюду вноситъ съ собою праздникъ и что жизнь при ней становится красивѣе, чище. Я бывалъ на «посидѣлкахъ», которыя устраивались въ мастерскихъ; мастера и подмастерья, пьяницы, матерщинники, заставляли насъ, учениковъ, «прибирать» мастерскую, покупали пряниковъ, конфектъ, орѣховъ, наливокъ и, приглашая дѣвицъ—швеекъ, коробочницъ, горничныхъ—устраивали танцы, игры.

Играли въ фанты; выберетъ себѣ дѣвицу какой-нибудь отчаянный человѣкъ и ходитъ подъ ручку съ ней, а остальные поютъ:

— Боже мой, Боже мой!
Что за душечка со мной!
Щечки розаномъ покрыты,
Губки аленькія!

Еще брови да глаза —
Это просто чудеса!
Поцѣлую разъ, другой
И пойду сейчасъ домой!

Нужно было видѣть радостное смущеніе сапожника, портного или столяра, когда онъ неуклюже и стыдливо цѣ-

ловалъ свою избранницу, нужно было видѣть ея дѣвичій румянецъ, ея глаза въ этотъ мигъ! Это было хорошо, хотя теперь кажется смѣшнымъ; это такъ чудесно скрашивало трудную жизнь въ подвалахъ!

И во всемъ этомъ я чувствовалъ, что женщина — радость жизни, владыка ея! Но въ то же время въ глаза бросалось множество другихъ явленій, грубо унижающихъ ее.

Очень поразилъ меня одинъ обычай. Дѣвушка, сестра моего товарища, выходила замужъ «по любви» за молодого человѣка, почтоваго чиновника. Я былъ на свадьбѣ, смотрѣлъ, какъ пировали. Все это было очень весело, очень любопытно. Поздней ночью молодые ушли спать на чердакъ, а я съ товарищемъ — на сѣновалъ.

Утромъ меня разбудилъ дикій визгъ, крики, грохотъ,— какъ будто случилось великое несчастье. Я выглянулъ на дворъ и увидалъ картину, которую не забуду никогда: по двору безумно прыгали похмельныя, полуодѣтыя, нечесаныя бабы. Однѣ плясали какой-то дикій танецъ, поднимая юбки до колѣнъ и выше; другія визгливо пѣли; третьи били о землю и стѣны дома горшки, плошки, стучали въ сковороды и кастрюли; нѣкоторыя размахивали по воздуху большой бѣлой тряпкой, испачканной кровью. Все это казалось безумiемъ и вызывало чувство страха. Мужчины, тоже полупьяные, хохотали, орали, обнимая бабъ. А бабы все толкались по двору, точно комары надъ лужей. На старенькомъ крыльцѣ дома стояли, взявшись за руки, молодые и, улыбаясь, смотрѣли на это безумiе, въ которомъ было много постыднаго. Женщины, плясавшія на дворѣ, орали грязныя слова, показывая ноги. Мужчины не уступали имъ. А молодые были счастливы. Я никогда, ни прежде, ни послѣ не видалъ такихъ счастливыхъ глазъ, какiе были у нихъ въ то утро.

Товарищъ былъ старше и опытнѣе меня. Я спросилъ его, что они дѣлаютъ.

— Радуются, — отвѣтилъ онъ. — Слышишь, поютъ «Во лузяхъ»? Видишь, рубаха-то въ крови? Стало быть, сестра у меня честная была. «Расцвѣли цвѣты лазоревые»!

Удивленный, я спросилъ:

— А теперь она развѣ стала безчестной?

Товарищъ долго объяснялъ мнѣ, что такое честь дѣвушки. Я слушалъ его съ большимъ любопытствомъ, но все

таки мнѣ было какъ-то неловко, стыдно. И во всемъ, что онъ говорилъ, во всемъ, что происходило на дворѣ, предъ глазами у меня, я чувствовалъ что-то неладное, какъ-бы нѣкоторое издѣвательство надъ женщиной и надъ любовью. Осталось только одно свѣтлое пятно—это сіяющія счастьемъ лица молодыхъ. И я подумалъ, что какую-бы грязь ни разводили люди вокругъ любви, а все-таки она — счастье! Можетъ быть я не тогда подумалъ объ этомъ, но я радъ, что эта мысль пришла ко мнѣ рано, еще въ отрочествѣ.

Кажется, этой же мысли, въ связи со всѣми прочими впечатлѣніями, которыя я вынесъ изъ отношеній женщинъ и мужчинъ, я обязанъ тѣмъ, что позналъ женщину тоже слишкомъ рано.

У меня была знакомая прачка, запойная пьяница. Одна ея дочь, горничная, вышла замужъ за генерала. Прачка жила безбѣдно на средства, которыя присылала ей богатая дочь. Она даже выписывала «Ниву», а я читалъ ей романы и объясненія картинокъ. На этомъ и устроилось мое знакомство съ нею. У нея была еще другая дочь, очень красивая дѣвушка, но душевно больная. Она, какъ я зналъ, любила офицера, ушла съ нимъ, а онъ ее бросилъ. И вотъ дѣвушка сошла съ ума. Мнѣ было очень жалко ее, но она возбуждала у меня темное чувство страха.

Она всегда молчала, только хихикала страннымъ пугающимъ звукомъ, который казался мнѣ злымъ. Ея голубые, красивые глаза смотрѣли на все и на всѣхъ пристально, неподвижно. А я не могъ смотрѣть на нее долго. Мнѣ думалось, что она можетъ сказать что-нибудь страшное. Я иногда думалъ о ней:

«Почему она несчастна? Такая красивая! Если бы она вышла замужъ за офицера, какъ сестра моего товарища за почтальона»...

И вообще она своимъ молчаніемъ и мертвымъ взглядомъ заставляли меня много думать о ней.

Зимою, на Святкахъ, я поѣхалъ съ ея матерью ряженымъ въ Козью слободку къ знакомымъ прачки. Тамъ танцовали кадриль, ѣли, пили, играли въ фанты. Я понравился какой-то толстой дѣвицѣ. Она уводила меня за печку и цѣловала какими-то особенными поцѣлуями, отъ которыхъ кружилась голова и которые непріятно волновали меня. Возвращаясь изъ гостей поздно, пьяная прачка предложила

мнѣ ночевать у нея. До Суконной Слободы было далеко. Я согласился, и прачка указала мнѣ мѣсто для ночлега: на сундукѣ, въ комнатѣ ея дочери.

Мнѣ было 13 лѣтъ въ ту пору. Не стѣсняясь моимъ присутствіемъ, прачка раздѣла дочь и уложила ее на постель, противъ сундука, на которомъ лежалъ я. Уложила и ушла, погасивъ огонь. Мнѣ не спалось. Я былъ взволнованъ поцѣлуями толстой дѣвицы. Я вспоминалъ любовныя исторіи, о которыхъ слышалъ, романы, прочитанные мною, красивыя рѣчи влюбленныхъ на сценѣ театра и, главное, прежде всего счастливое лицо сестры моего товарища, когда она стояла на крыльцѣ подъ руку съ мужемъ, надъ толпою бѣсновавшихся бабъ. Мнѣ подумалось:

«А что если я замѣню офицера? Можетъ быть, эта красивая дѣвица выздоровѣетъ?»

Я всталъ, тихонько сѣлъ къ ней на кровать, взялъ ея голову и повернулъ къ себѣ. Въ темнотѣ мнѣ показалось, что больная смотритъ на меня болѣе осмысленнымъ взглядомъ, и это увеличило мою храбрость. Она все молчала, не сопротивляясь мнѣ и даже, какъ будто, не дыша. Когда я пришелъ въ себя, то ясно увидалъ, что глаза ея смотрятъ въ потолокъ, такъ же мертво, какъ всегда.

Вѣроятно, что въ этомъ разсказѣ не все вѣрно и на самомъ дѣлѣ я велъ себя грубѣе и прямѣе, а соображенія и мысли, до нѣкоторой степени оправдывающія меня, придуманы мной послѣ. Что-же дѣлать? Нѣтъ человѣка, который не нуждался бы въ оправданіи предъ самимъ собою. Я думаю, что нѣтъ такого человѣка.

Я могъ бы не разсказывать эту исторію, но мнѣ надо сказать, что съ той поры, что бы я ни дѣлалъ, дѣлалъ для женщины, для того, чтобы заслужить ея вниманіе, ея любовь.

* * *

Я бывалъ и на прекрасномъ Средиземномъ морѣ и въ Атлантическомъ океанѣ, а все таки и до сего дня съ любовью помню тихое, темное озеро Кабанъ.

Бывало, лѣтомъ, по ночамъ, меня особенно тянуло на Кабанъ. Я шелъ на берегъ, влѣзалъ на одну изъ большихъ ветелъ и до свѣту, ночной птицей, сидѣлъ на деревѣ, о чемъ-то думая, глядя въ даль озера. Тишина и спокойствіе его приво-

дили мысли мои въ порядокъ, отвлекали меня отъ скверны, въ которой медленно и лѣниво тянулась жизнь Суконной Слободы. Иногда, сквозь молчаніе ночи, донесется съ Песковъ, гдѣ сосредоточены «веселые дома», тоскующій, рѣдко трезвый голосъ. Онъ поетъ модную въ то время пѣсню о дѣвицѣ, которая стояла «подъ луной на полѣ серебристомъ

И увѣряла небо—чистымъ
Хранить до гроба свой покой...»

Стучитъ караульщикъ въ свою трещетку. Я внимательно слушаю, какъ онъ стучитъ. Если очень дробно, торопливо и долго, значитъ — гдѣ-то пожаръ. Тогда я слѣзалъ съ дерева и стремглавъ мчался къ мѣсту пожара, на зарево. Но если караульщикъ стучитъ не торопясь, значитъ все благополучно, и воры могутъ спокойно заниматься своимъ дѣломъ, зная, гдѣ именно находится грозный стражъ,—обыкновенно старичекъ лѣтъ шестидесяти, больной и страдающій глухотою.

Съ одной стороны Кабана—тихая Татарская слобода и огромная фабрика Крестовниковыхъ, съ другой стороны—Пески, гдѣ всю ночь напролетъ пьютъ, дерутся. А между этими противоположностями—спокойное, темное пространство; въ глубинѣ его—Чортовъ уголъ, мѣсто прогулокъ молодежи, куда ѣздили въ лодкахъ шумными компаніями студенты, модистки и всяческая молодежь.

Иногда я съ товарищами ловилъ рыбу, ершей. Изрѣдка попадалась «сорожка». Она уже числилась благородной рыбой и поймать ее—почти счастье. Люди съ пылкимъ воображеніемъ разсказывали:

— Вчера одинъ, какой-то, изъ Суконной Слободы поймалъ подлещика фунта на полтора.

Но кажется никто не встрѣчалъ человѣка, который сказалъ бы:

— Я поймалъ подлещика въ полтора фунта вѣсомъ!

Наловивъ рыбы, мы тутъ же на берегу варили уху, а если не было дровъ, разбирали «Архіерейскій мостъ». Конечно, это было нехорошо съ нашей стороны—ломать мостъ.

Прекрасно на Кабанѣ лѣтомъ, но еще лучше зимою, когда мы катались на конькахъ по синему льду и когда, по праздникамъ, разыгрывались кулачные бои. Забава тоже, говорятъ, нехорошая. Сходились, съ одной стороны, мы, Казанская Русь, съ другой—добродушные татары. Начинали

бой маленькіе. Бывало, мчишься на конькахъ, вдругъ откуда ни возьмись, вылетаетъ ловкій татарченокъ: хлысь тебя по физіономіи и съ гикомъ мчится прочь. А ты прикладываешь снѣгъ къ разбитому носу и беззлобно соображаешь:

— Погоди, кожаное рыло, я тѣ покажу!

И въ свою очередь колотишь зазѣвавшагося татарченка. Эти веселыя кавалерійскія схватки на конькахъ и одинъ на одинъ, постепенно развиваясь, втягивали въ бой все больше силъ русскихъ и татарскихъ. Коньки сбрасывались съ ногъ, ихъ отдавали подъ охрану кого-нибудь изъ товарищей и шли биться массой, въ пѣшемъ строю. Постепенно вступали въ бой подростки. За ними шло юношество и, наконецъ, въ разгарѣ боя, являлись солидные мужи въ возрастѣ сорока лѣтъ и выше. Дрались отчаянно, не щадя ни себя, ни врага. Но и въ горячкѣ яростной битвы никогда не нарушали искони установленныхъ правилъ: лежачаго не бить, присѣвшаго на корточки, тоже, ногами не драться, тяжестей въ рукавицы не прятать. А кого уличали въ томъ, что онъ спряталъ въ рукавицѣ пятакъ, ружейную пулю или кусокъ желѣза, того единодушно били и свои, и чужіе.

Для насъ, мальчишекъ, въ этихъ побоищахъ главнымъ ихъ интересомъ являлись «силачи». Съ русской стороны «силачами» являлись двое банщиковъ: Меркуловъ и Жуковскій,—почтенные, уже старые люди, затѣмъ Сироткинъ и Пикулинъ, въ домѣ котораго въ Суконной я жилъ. Это былъ человѣкъ огромнаго роста, широкоплечій, рыжеватый и кудрявый, съ остренькой бородкой и ясными глазами ребенка. У него была голубиная охота, которой онъ страстно увлекался. Я помогалъ ему «гонять голубей», влѣзалъ вмѣстѣ съ нимъ на крышу; снявъ штаны, надѣвалъ ихъ на колъ и «пугалъ» «крышатниковъ», ожирѣвшихъ и лѣнивыхъ голубей, которые не хотѣли летать. Разумѣется, стоять на крышѣ безъ штановъ, яростно размахивая ими и оглушительно свистя,—тоже нехорошо и теперь я не сдѣлаю этого ни за что. Но голубей все-таки погонялъ бы!

У Пикулина были такія огромныя руки съ кистями лопатой, что когда я передавалъ ему голубя, мнѣ казалось, что онъ и меня схватитъ вмѣстѣ съ бѣлой птицей. Я относился къ нему благоговѣйно, какъ ко всѣмъ «силачамъ» даже и татарской стороны: Сагатулину, Багитову. Когда я видѣлъ, какъ эти люди, почему-то всѣ добрые и ласковые, сбиваютъ

съ ногъ могучими ударами русскихъ и татарскихъ бойцовъ, мнѣ вспоминались сказки: Бова, Еруслань Лазаревичъ, и скудная красотою и силой жизнь становилась сказочной.

О «силачахъ» создавались легенды, которыя еще болѣе усиливали ребячье преклоненіе передъ ними. Такъ о Меркуловѣ говорилось, что ему самъ губернаторъ запретилъ драться и даже велѣлъ положить на обѣ руки его несмываемыя клейма: «запрещается участвовать въ кулачныхъ бояхъ».

Но однажды татары стали одолѣвать русскихъ и погнали ихъ до моста черезъ Булакъ, каналъ, соединяющій Кабанъ озеро съ рѣкою Казанской. Всѣ «силачи» русскіе были побиты, утомлены и рѣшили позвать на помощь Меркулова. Такъ какъ полиція слѣдила за нимъ, его привезли на озеро спрятаннымъ въ бочкѣ, — будто бы водовозъ пріѣхалъ по воду. «Силачъ» легко помѣстился въ бочкѣ. Онъ былъ небольшого роста, съ кривыми, какъ у портного, ногами. Вылѣзъ онъ изъ бочки и всѣ — татары, русскіе — узнали его: одни со страхомъ, другіе съ радостью.

— Меркуловъ!

Татаръ сразу погнали въ ихъ слободу, черезъ мостъ. Въ пылу боя бойцы той и другой стороны срывались съ моста въ Булакъ, по дну котораго и зимою текла, не замерзая, грязная, горячая вода изъ бань, стоявшихъ по берегамъ его. Перейдя на свою сторону, татары собрались съ силами, и бой продолжался на улицахъ слободы до поры, пока не явилась пожарная команда и не стала поливать бойцовъ водою.

На другой день я ходилъ смотрѣть мѣсто боя. Разгромъ былъ великъ: поломали перила моста, разбили всѣ торговые ларьки.

Это было, кажется, въ 1886 г. Съ той поры бои на Кабанѣ стали запрещать. По праздникамъ на озеро являлись городовые и разгоняли зачинщиковъ мальчишекъ «селедками».

Любилъ я также пожары. Они всегда создаютъ какую-то особенную жизнь, яркую, драматическую. Уже одно то, что люди собирались на пожаръ не такъ, какъ у насъ въ Сукочной сходились мѣщане для рѣшенія вопросовъ — въ какой кабакъ идти, или кого бить, — одно это дѣлало пожаръ праздникомъ. Помню, великолѣпно горѣла на Казанкѣ огромная мельница Шамовыхъ, бревенчатая, въ четыре или пять этажей. Огонь игралъ съ нею точно рыжая кошка съ мышью. Въ воздухѣ летали красными птицами раскаленные

листы желѣза съ крыши, а окна губернаторскаго дворца на горѣ точно кровью налились. Бѣгалъ брандмейстеръ, маленькій человѣкъ, весь мокрый, въ черныхъ ручьяхъ пота на лицѣ, и оралъ:

— Качай! Да качай-же, черти! — и билъ по затылкамъ всѣхъ, кто подвертывался подъ руку ему. Публика не желала качать, во всѣ стороны разбѣгаясь отъ ретиваго командира. А многіе прямо говорили:

— Такъ имъ и надо! Пускай горятъ!

— Застраховано!

— Поди, сами и подожгли.

Почти всѣ радовались, что горитъ богатый, и никто не жалѣлъ труда, превращаемаго въ пепелъ.

Смотрѣть на пожаръ весело, а думать о немъ грустно.

Нравилось мнѣ ходить въ лѣсъ, по грибы. Однажды мы собрались рано утромъ, уже одѣли лапти, взяли корзины, вдругъ кто-то сказалъ, что скоро затмится солнце. Говорили объ этомъ и раньше, но какъ-то несерьезно, посмѣиваясь и сомнѣваясь:

— Навѣрное, студенты выдумали...

Но когда на краю солнца явился тонкій черный ободокъ, люди Суконной Слободы неохотно засуетились, поговаривая:

— Глядите-ка и впрямь будто что есть....

Небо было безоблачно, утро ясно, и вдругъ на все стала ложиться скучная сѣроватая тѣнь. Кто-то научилъ насъ, мальчишекъ, закоптить стекла и смотрѣть на солнце сквозь нихъ. Я смотрѣлъ. Солнце на глазахъ моихъ угасало, постепенно превращаясь въ черный кружокъ; я не вѣрилъ глазамъ, отводилъ отъ нихъ стекло, покрытое сажей, но и безъ стекла солнце все чернѣло, умаляясь.

Земля становилась все сѣрѣе и скучнѣе. Эта прохладная сѣрость щемила сердце. Гдѣ-то замычали коровы, но не такъ, какъ всегда мычатъ. Люди молчали, задравъ головы въ небо. Лица ихъ тоже были сѣрыя, и глаза какъ-будто угасали вмѣстѣ съ солнцемъ. Пугливо пробѣжала кошка. Безпокойно металися подъ ногами растерявшіяся пѣтухъ. Потомъ наступила секунда, когда солнца не было, а только черный кругъ, величиной съ небольшую сковороду, торчалъ въ небѣ, а отъ него красными иглами торчали бѣдненькіе лучики. Было жутко,— хоть плачь!

Но тотчасъ же загорѣлся, засверкалъ золотой серпикъ.

Солнце снова разгоралось, и стала таять удручающая тѣнь. Первымъ обрадовался и загорланилъ пѣтухъ. Потомъ заговорили придавленные люди. Черезъ нѣсколько минутъ все было по старому, и кто-то уже кричалъ:

— Какъ я тѣ дамъ...

А я съ товарищами отправился по грибы, верстъ за десять отъ города, по Арскому полю, мимо «сумасшедшаго дома», гдѣ я однажды видѣлъ больного, очень памятнаго мнѣ. Я пришелъ съ хоромъ пѣть «заупокойную» по сумасшедшему, который померъ. Пришли мы рано и пробрались въ садъ. Тамъ по дорожкамъ спокойно расхаживалъ какой-то блѣдный, усталый человѣкъ въ халатѣ, туфляхъ и подштанникахъ, спущенныхъ на чулки. Мы рѣшили, что это сумасшедшій, но онъ подошелъ къ намъ и началъ разумно спрашивать меня, кто я, зачѣмъ пришелъ, гдѣ пою,—въ какой церкви и какихъ композиторовъ. Онъ говорилъ вполнѣ здраво и я уже принялъ его за доктора, но вдругъ онъ, указывая намъ на короткій обрубокъ толстого бревна, предложилъ:

— Давайте, покатимъ его!

— Куда? Зачѣмъ?

— Чтобы Христа бить!—серьезно объяснилъ онъ.

А когда мы спросили:

— Какъ? Какого Христа?

Онъ отвѣтилъ увѣренно и спокойно:

— Христа, Бога, который помѣшалъ мнѣ жить на свѣтѣ.

Подошли служащіе и увели его.

Меня очень поразилъ этотъ человѣкъ своей безумной фантазіей и тѣмъ, что, потерявъ разумъ, онъ все-таки не забылъ привычку разумныхъ — бить и драться...

Въ лѣсъ мы пришли только къ вечеру, собрали немного грибовъ, устроили привалъ на берегу рѣчки, потомъ нарыли въ полѣ картошки и, разведя костеръ, сварили въ котелкѣ похлебку. Поѣли и разлеглись вокругъ костра, надъ рѣчкой, среди темныхъ стѣнъ лѣса, разсказывая и слушая страшныя исторіи.

Помню, былъ разсказанъ жуткій случай съ однимъ студентомъ: сидѣли студенты въ портерной и говорили о томъ, что никто изъ нихъ ничего не боится. Особенно хвастался одинъ изъ нихъ, увѣряя, что онъ можетъ въ полночь разрыть на кладбищѣ могилу.

— Разрывать могилы нельзя! — сказали ему товарищи. — За это въ Сибирь ссылаютъ!

Но онъ настаивалъ:

— Ну, хотите, лягу въ только что вырытую могилу?

Поспорили и рѣшили, что онъ пойдетъ ночью въ одинъ изъ склеповъ кладбища и принесетъ оттуда какую-нибудь вещь: гнилушку, кусокъ извести. Онъ согласился, пошелъ, а товарищи захотѣли надъ нимъ подшутить и тоже отправились вслѣдъ за нимъ. Попрятались въ разныхъ мѣстахъ среди могилъ и ждутъ. Вотъ, видятъ, идетъ онъ. Дошелъ до свѣже вырытой могилы и хочетъ спуститься въ нее. Тогда они начали бормотать загробными голосами, рычать, но онъ крикнулъ:

— А вы, покойники, не безпокойтесь, не пугайте меня — не боюсь!

Полежалъ въ могилѣ, вылѣзъ и пошелъ къ склепу. А товарищи начали бросать въ него землей. Смѣясь, онъ побѣжалъ отъ нихъ, но вдругъ, вскрикнувъ, упалъ. Когда подошли къ нему, онъ былъ мертвъ. Оказалось, что на пути его лежалъ обручъ; онъ наступилъ на него и обручъ ударилъ студента по ногамъ. Этого оказалось достаточно для того, чтобы человѣкъ померъ со страха.

Было жутко и пріятно слушать эту исторію, живо напоминавшую мнѣ разсказы Кирилловны и деревенскихъ подругъ матери. Когда понадобилось идти въ лѣсъ за дровами для костра, я сталъ просить, чтобы кто-нибудь изъ товарищей пошелъ за мною, но меня высмѣяли и заставили идти именно одного. Мнѣ было страшно, но кое-какъ я все-таки собралъ дровъ.

Не заснувъ ни минуты ночью, рано утромъ мы разошлись по лѣсу, собирая грибы, а послѣ полудня отправились домой съ полными корзинами. Дорогой прилегли отдохнуть. Я заснулъ, а товарищи, не разбудивъ меня, ушли. Когда я проснулся, было темно, вокругъ меня стоялъ лѣсъ и мнѣ казалось, что между деревьями кто-то безшумно шевелится, молча подстерегаетъ меня. Я быстро пошелъ домой, не оглядываясь, не чувствуя подъ собою ногъ. Лѣсъ двигался за мною. Деревья заступали дорогу. Кто-то хваталъ меня за пятки, дышалъ въ спину и затылокъ холодомъ. А тутъ еще пришлось идти мимо кладбища. Черезъ ограду его на меня смотрѣли покойники. Они ходили между могилъ, раскачивая

кресты, стояли въ бѣлыхъ саванахъ подъ березами. Я старался не видѣть ихъ, пѣлъ пѣсни, разговаривалъ самъ съ собой, но отовсюду на меня ползли ужасы.

Я, конечно, зналъ, что покойниковъ не слѣдуетъ бояться, — они во многомъ лучше живыхъ людей: не пьянствуютъ, не ругаются, не дерутся. Да, я все это зналъ, но, должно быть, не очень вѣрилъ въ это. Не понимаю, какъ у меня хватило силъ дойти домой, какъ не разорвалось сердце.

Послѣ этого, какъ меня ни уговаривали идти за грибами въ дальній лѣсъ, я не ходилъ туда, а отправлялся въ другія мѣста, гдѣ грибовъ было меньше, а страха совсѣмъ не было.

* * *

Былъ у меня знакомый паренекъ —Каменскій, человѣкъ лѣтъ 17-ти, очень театральный. Онъ игралъ маленькія роли въ спектакляхъ на открытой сценѣ Панаевскаго сада. Однажды онъ сказалъ мнѣ:

— Есть отличный случай для тебя попасть на сцену! Режиссеръ у насъ строгій, но очень благосклоненъ къ молодымъ, — просись!

— Да вѣдь я не смогу играть!

— Ничего! Попробуй! Можетъ, дадутъ тебѣ рольку въ два-три слова...

Я пошелъ къ режиссеру и онъ предложилъ мнѣ сразу же роль жандарма въ пьесѣ «Жандармъ Роже». Въ этой пьесѣ изображаются воры и бродяги. Они все время продѣлываютъ разныя хитрыя штуки, а жандармъ Роже ловитъ ихъ и никакъ не можетъ поймать. Вотъ этого неловкаго жандарма и поручили мнѣ играть. Я погрузился въ состояніе священнаго и непрерывнаго трепета отъ радости и отъ сознанія отвѣтственности, возложенной на меня.

На репетиціи нужно было являться въ 11 часовъ утра, а я долженъ былъ быть въ это время на службѣ въ Управѣ. Естественно, что вслѣдствіе этого у меня начались головныя боли. Я дѣлалъ лицо человѣка, измученнаго невыносимыми страданіями, и говорилъ бухгалтеру:

— Федоръ Михайловичъ, у меня страшно болитъ голова. Отпустите домой!

Бухгалтеръ былъ человѣкъ съ темнокоричневыми глазами. Стекла очковъ очень увеличивали ихъ объемъ и строгость. Онъ смотрѣлъ на меня нѣсколько секундъ, молча, пре-

зрительно и, раздавивъ меня взглядомъ, говорилъ, точно булавкой кололъ:

— Уходи.

Я уходилъ, чувствуя, что онъ не вѣритъ въ мои страданія, но на всякій случай все-таки потирая лобъ и не торопясь. А чтобы не видѣли, въ какую сторону я пойду по улицѣ, проходя подъ окнами Управы, я сгибался въ три погибели.

Въ Панаевскомъ саду было весело. По деревьямъ порхали птицы. По дорожкамъ походкою королевъ расхаживали актрисы, смѣялись, шутили. Съ нѣкоторыми изъ нихъ я былъ ужъ знакомъ и даже переписывалъ имъ роли, чѣмъ очень гордился.

Я былъ нелѣпо, болѣзненно застѣнчивъ, но все-таки на репетиціяхъ, среди знакомыхъ, обыкновенно одѣтыхъ людей и за спущеннымъ занавѣсомъ, я работалъ, какъ-то понималъ роль, какъ-то двигался.

И вотъ насталъ желанный вечеръ. Я пришелъ въ садъ раньше всѣхъ, забрался въ уборную, одѣлся въ мундиръ зеленаго коленкора съ красными отворотами и обшлагами изъ коленкора же, натянулъ на ноги байковые штаны, называвшіеся лосинами, на сапоги надѣлъ голенища изъ клеенки, вымазалъ себѣ физіономію разными красками, но, за всѣмъ этимъ, не очень понравился самъ себѣ. Сердце безпокойно прыгало. Ноги дѣйствовали неувѣренно.

Насталъ спектакль. Я не могу сказать, что чувствовалъ въ этотъ вечеръ. Помню только рядъ мучительно непріятныхъ ощущеній. Сердце отрывалось, куда-то падало, его кололо, рѣзало. Помню, отворили дверь въ кулисы и выталкнули меня на сцену. Я отлично понималъ, что мнѣ нужно ходить, говорить, жить. Но я оказался совершенно не способенъ къ этому. Ноги мои вросли въ половицы сцены, руки прилипли къ бокамъ, а языкъ распухъ, заполнивъ весь ротъ и одеревенѣлъ. Я не могъ сказать ни слова, не могъ пошевелить пальцемъ. Но я слышалъ, какъ въ кулисахъ шипѣли разные голоса:

— Да говори же, чортовъ сынъ, говори что-нибудь!

— Окаянная рожа, говори!

— Дайте ему по шеѣ!

— Ткните его чѣмъ-нибудь...

Передъ глазами у меня все вертѣлось, многогласно хохо-

тала чья-то огромная, глубокая пасть; сцена качалась. Я ощущалъ, что исчезаю, умираю.

Опустили занавѣсъ, а я все стоялъ недвижимо, точно каменный, до поры, пока режиссеръ, бѣлый отъ гнѣва, сухой и длинный, не началъ бить меня, срывая съ моего тѣла костюмъ жандарма. Клеенчатые ботфорты снялись сами собою съ моихъ ногъ и, наконецъ, въ одномъ бѣльѣ, я былъ выгнанъ въ садъ, а черезъ минуту вслѣдъ мнѣ полетѣлъ мой пиджакъ и все остальное. Я ушелъ въ глухой уголъ сада, одѣлся тамъ, перелѣзъ черезъ заборъ и пошелъ куда-то. Я плакалъ.

Потомъ я очутился въ Архангельской Слободѣ, у Каменскаго, и двое сутокъ, не ѣвши, сидѣлъ у него въ какомъ-то сараѣ, боясь выйти на улицу. Мнѣ казалось, что всѣ, весь городъ, и даже бабы, которыя развѣшивали бѣлье на дворѣ,— всѣ знаютъ, какъ я оскандалился и какъ меня били.

Наконецъ, я рѣшился пойти домой и вдругъ дорогою сообразилъ, что уже три дня не былъ на службѣ. Дома меня спросили, гдѣ я былъ? Я что-то соврaлъ, но мать грустно сказала мнѣ:

— Тебя, должно быть, прогонятъ со службы. Сторожъ приходилъ спрашивалъ, гдѣ ты.

На другой день я все-таки пошелъ въ Управу и спросилъ у сторожа Степана, каковы мои дѣла.

— Да тутъ ужъ на твое мѣсто другого взяли, — сказалъ онъ.

Я посидѣлъ у него подъ лѣстницей и пошелъ домой.

* * *

Дома было очень плохо: отецъ пилъ горькую, — теперь онъ напивался почти ежедневно; мать, быстро теряя силы, работала «поденщину». Я продолжалъ пѣть въ церковномъ хорѣ, но этимъ не много заработаешь. Къ тому же у меня «ломался» голосъ. Мнѣ уже минуло 15 лѣтъ и дискантъ мой исчезалъ.

Кто-то надоумилъ меня подать въ Судебную Палату прошеніе о зачисленіи писцомъ. Меня «зачислили». И вотъ я, сидя въ душной, прокуренной комнатѣ, переписываю опредѣленія Палаты и — странно! — почему-то все по дѣламъ о скотоложствѣ и изнасилованіи!

Тутъ чиновники ходили не въ пиджакахъ и сюртукахъ,

какъ въ Уѣздной Управѣ, а въ кителяхъ со свѣтлыми пуговицами и въ мундирахъ. Все вокругъ было строго, чинно и, внушая мнѣ чувства весьма почтительныя, заставляло меня думать, что недолго я прослужу во храмѣ Ѳемиды. Здѣсь, въ Палатѣ, я впервые испыталъ удовольствіе пить кофе, — напитокъ до этого времени незнакомый мнѣ. Сторожа давали кофе со сливками, по пятаку за стаканъ. Я получалъ жалованія 15 р. и, конечно, не могъ наслаждаться кофе каждодневно. Но я оставался дежурить за другихъ, получалъ политинникъ съ товарищей и пилъ кофе гораздо больше, чѣмъ сослуживцы, получавшіе солидные оклады жалованія.

Особенно важнымъ человѣкомъ казался мнѣ экзекуторъ, очень красивый человѣкъ, сѣдовласый, съ холеными усами и эспаньолкой. Волосы онъ зачесывалъ со лба на затылокъ, носилъ пенснэ въ золотой оправѣ на черной широкой лентѣ. Его каріе глаза были строго прикрыты густыми бровями. А говорилъ онъ великолѣпнымъ голосомъ Киселевскаго, знаменитаго въ свое время барина-актера. И этотъ экзекуторъ тоже казался мнѣ «бариномъ», напоминая маркиза изъ романовъ Дюма. Я говорю о немъ такъ подробно потому, что въ моей головѣ не укладывается, какъ этотъ человѣкъ великолѣпной внѣшности, могъ выгнать меня изъ Палаты столь грубо.

Не успѣвая переписать бумаги за часы службы въ Палатѣ, я бралъ работу на домъ. Однажды, получивъ жалованье, я отправился по лавкамъ покупать чай, сахаръ и разные припасы для дома; купилъ для себя какія-то книжки у букиниста. Ѣду домой и вдругъ съ ужасомъ замѣчаю, что свертокъ опредѣленій Палаты я потерялъ. Это было ужасно. Я почувствовалъ, что земля разверзлась подо мной и я повисъ въ воздухѣ, какъ ничтожное куриное перо. Бросился въ лавки, гдѣ покупалъ припасы, ходилъ по улицамъ, спрашивалъ прохожихъ, не поднимали ли они свертка бумагъ, сдѣлалъ, должно быть, множество всякихъ нелѣпостей, но опредѣленій Палаты не нашелъ. Остатки дня я провелъ въ оцѣпенѣніи, ночь не спалъ, а утромъ, придя въ Палату, сказалъ о несчастіи моемъ сторожамъ, которые поили меня кофе. На нихъ это произвело очень сильное впечатлѣніе. Покачивая головами, почесываясь, они многозначительно сказали:

— Мм... да!

— Это, братъ, того!

— У-у!

Пришелъ мой знакомый, Зайцевъ, человѣкъ, который научилъ меня подать прошеніе въ Палату. Когда я сказалъ ему о потерѣ, онъ тоже произнесъ:

— Да-да-а...

И сдѣлалъ такое лицо, что я понялъ: если меня не сошлютъ немедленно въ Сибирь, на каторгу, такъ тюрьмы ужъ ни въ какомъ случаѣ не избѣжать мнѣ.

Въ Палату я не пошелъ, а торчалъ внизу у сторожей, подъ лѣстницей. Лѣстница была такая широкая, внушительная, она какъ бы манила всѣхъ смертныхъ наверхъ подъ мечъ слѣпой богини.

Просидѣвъ у сторожей минутъ пять, я услышалъ наверху лѣстницы прекрасный, бархатный голосъ экзекутора:

— Гдѣ эта анаѳема? Гдѣ этотъ... этотъ...

Онъ ругался, не стѣсняясь выборомъ словъ, не щадя ни языка, ни глотки. Скорчившись, я вылѣзъ изъ-подъ лѣстницы и всталъ внизу ея, у первой ступени. А тамъ, наверху, стоялъ экзекуторъ, грозный, какъ Зевсъ; сверкали его золотые очи; тряслась лента пенснэ; фалды вицмундира разлетались въ стороны, точно крылья чернаго пѣтуха. Этотъ человѣкъ вертѣлся, топалъ ногами и металъ на меня громъ словъ. Я увѣренъ, что во всемъ этомъ было что-то римское или олимпійское, — величественно-картинное.

— Вонъ! — премѣлъ экзекуторъ и обращался къ сторожамъ, вытянувшимся у стѣны, за спиной моей. — Что вы стоите, чортъ васъ возьми! Бейте его, дьявола, гоните его! Не заставляйте меня спуститься внизъ, — убью! Вонъ, треклятая морда!

Я догадался, наконецъ, что, пожалуй, дѣйствительно, лучше будетъ для него, если я уйду, и, какъ могъ быстро, выскочилъ на улицу. Я, конечно, не былъ увѣренъ, что этимъ все и кончится, но страхъ мой понизился, сталъ легче. Ужъ очень удивилъ меня маркизъ-экзекуторъ: такой великолѣпный, а ругается, какъ любой житель Суконной Слободы.

Дома меня ждали отецъ, мать, маленькій братишка. Надо было жить. Надо работать. Мать пекла какіе-то пироги и продавала ихъ на улицѣ по кускамъ. Этимъ не про-

живешь. Въ хорѣ я уже не могъ пѣть, — окончательно потерялъ дѣтскій голосъ. Цѣлыми днями, полуголодный, я шлялся по городу, отыскивая работу, а ея не было. Выходилъ на берегъ Волги къ пристанямъ и часами наблюдалъ за бойкой, неустанной работой сотенъ людей. Огромными лебедями приплывали пароходы. Крючники непрерывно пѣли «Дубинушку»:

— Ой-ли, матушка ты, Волга,
Ой, широкая и долга,
Укачала, уваляла,
У насъ силушки не стало!

На глубокомъ горячемъ пескѣ берега, въ деревянныхъ лавочкахъ торгуютъ татары сафьяновыми ичигами, казанскимъ мыломъ, бухарскими тканями. Русскіе продаютъ булки, колбасы и всякое съѣстное. Все ярко, вкусно, все вокругъ празднично, а я хожу, точно проклятый, въ тоскѣ по работѣ, съ неизбывнымъ чувствомъ жалости къ матери. Уѣхать надо отсюда, несчастливъ этотъ городъ для меня. Дальше куда-нибудь...

Когда желаніе уѣхать созрѣло у меня въ твердое рѣшеніе, мнѣ удалось уговорить отца съ матерью переѣхать въ Астрахань. Мы продали все, что у насъ было, и поѣхали внизъ по Волгѣ на пароходѣ «Зевеке» въ четвертомъ классѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Ф. Шаляпинъ.

ЕДИНОРОДНЫЙ СЫНЪ.

I.

Всю дорогу отъ вокзала до дому Фома ѣхалъ не по-бабьи, какъ ѣздилъ при сынѣ, — съ ногами въ телѣгѣ, — а какъ самосильный мужикъ. Ѣхалъ, точно ничего не случилось: старательно причмокивалъ на кобыленку, устало кряхтѣвшую въ оглобляхъ, внимательно смотрѣлъ по сторонамъ на бурыя жнива и черныя, свѣжія полосы пара, съ заботливо шагающими между комьями молчаливыми грачами, сосредоточенно шмурыгалъ носомъ и гнусаво пѣлъ одно и то же:

— По грѣхамъ наши-имъ... Господь посыла-атъ...
Велику бѣду-у... на нашу страну-у...

Отъ встрѣчнаго вѣтра сѣдая борода его разносилась въ разныя стороны, раздваивалась и показывала желтый выщелкнутый подбородокъ. Сѣрыя, лохматыя брови дѣлали его похожимъ на старую дворовую собаку, которая давно уже ничему не удивляется и поэтому давно перестала лаять. Порою эти сѣрые клочки бровей вздрагивали, ползли на лобъ и морщили его въ мелкую тонкую гармошку, и тогда на лицѣ трепетала жалкая плачущая улыбка.

Какъ нарочно, наперекоръ душѣ, день былъ ведреный, душный, пахло пылью и сжатыми хлѣбами. Небо было такое родное, тихое, близкое и такое темно-голубое, что хотѣлось долго, не отрываясь, смотрѣть на него. Кругомъ разстилались поля, синія и грустныя въ даляхъ, дрожащія въ хрустальныхъ волнахъ безконечно плывущаго марева, а вблизи — мутно-золотыя, горящія, туманно-зеленыя, сизо-комкастыя, безпокойно-оголенныя. Косогорчики и лывины, и одинокіе мары, въ печально-лиловыхъ даляхъ, и убѣгающая впередъ и назадъ пепельная дорога, и далекія на самомъ горизонтѣ синѣющія полоски перелѣсковъ, и полупрозрачныя дремлющія верхушки вѣтряныхъ мельницъ, — все это было такимъ же и шестьдесятъ лѣтъ назадъ, въ ту

пору, которую Фома вспоминалъ, какъ сонь, какъ то, чего никогда не было. И когда онъ смотрѣлъ на эти родныя поля тусклополынными глазами, ему чудилось, что своею стариковскою душою онъ впитываетъ что-то страшно тоскующее, похожее на неутѣшный плачъ, — что-то такое, что всегда онъ носилъ въ своемъ нутрѣ и чему нѣтъ имени. И, слушая перепелку, которая не отставала отъ него, онъ чувствовалъ, что раньше, въ дѣтствѣ и юности, она была не такая, какъ теперь: не было у нея такой печали, такой боли и усталости. И тоже о чемъ-то страшно близкомъ и мучительно скорбномъ напоминала она, чего онъ не могъ назвать, оформить, что хотѣлось выдохнуть изъ души.

Вдали, наверху краснаго буерака, пристально глядѣлъ на него сѣрый барскій домъ съ мезониномъ. На горѣ, на желтой ленточкѣ узкой дорожки, невыносимо лучилось стеклышко и ослѣпительной точкой вонзалось въ глаза. За домомъ, до самаго горизонта, верстъ на двѣнадцать, дымились голыя даниловскія поля, съ одинокими хуторами на отрубахъ. Вправо, среди черныхъ и желтыхъ полей, въ маленькомъ долочкѣ, непріютно и тоскливо грудились въ кучу избушки Сморкаловскаго хутора, куда вышелъ на отрубъ его зять Миколай, съ которымъ онъ жилъ не въ ладахъ со времени выхода его изъ общины. И теперь, когда Фома вглядывался въ этотъ дикій пустырь, всѣ эти нелады показались ему чѣмъ-то пустяшнымъ, ненужнымъ, противнымъ душѣ. Вспомнилъ онъ о Машаркѣ, о дочери, у которой болѣли глаза и которая отъ этого какъ будто всегда плакала. И въ душу его опять ухнуло что-то тяжелое, черное, безымянное и нестерпимой лихотой сдавило сердце.

— Понавѣдать надо дураковъ,—сказалъ онъ, обрывая пѣсню; — пустоболтъ, чортъ! Только бабенку заѣлъ, сукинъ сынъ..

Выплывали изъ лывины гумна, съ круглыми островерхими копнами, соломенныя крыши избъ и одинокая древняя колокольня съ черными дырами наверху.

И когда Фома увидѣлъ эту колокольню, онъ вдругъ сразу больно почувствовалъ, что то, что не давало успокоенія всю дорогу, вся его теперешняя тоска, это — думы о сынѣ. Да, вотъ оно самое-то главное, что онъ хотѣлъ собрать въ одно, что хотѣлъ выразить въ словѣ, это — боль о сынѣ, о Степанкѣ.

— Да, братъ... поѣхали съ орѣхами, прискакали съ говяхами... — сказалъ онъ, поднимая брови: — живъ Богъ и жива душа наша...

Поклонился ему Степанка на вокзалѣ въ ноги и заревѣлъ. А когда всталъ, сморкаясь и утираясь рукавомъ шинели, захлюпалъ дрожащими губами:

— Прости, Христа ради, тятя... на смерть иду...

— Господь проститъ... Дастъ Богъ... того... Пиши, бай... На отруба бы вотъ надо... Сваляли дурака...

— Олену-то, тятя, не отпускай къ своимъ... дома нужна... Отрубъ возьмешь — работника найми...

Онъ шмыгалъ носомъ, утирался толстыми черными култышками пальцевъ, изуродованными въ работѣ, и все боязливо и растерянно озирался по сторонамъ. Въ сѣрой мѣшковатой шинели съ широкими, длинными рукавами, въ старомъ чужомъ картузѣ съ крестомъ, онъ былъ похожъ на арестанта. Маленькій, тщедушный, бѣлобрысый, курносый, съ рѣдкимъ пухомъ на щекахъ и подбородкѣ, съ своей двойной верхней губой, онъ казался очень испуганнымъ, забитымъ, уставшимъ отъ страха. И когда Степанка сѣлъ въ вагонъ, все сразу грохнулось куда-то въ пропасть и сразу отшибло память

Вправо, стороною, двигались облака. Они были пузатыя, сытыя, четко рѣзались на небѣ и огромно клубились невыносимо бѣлымъ и упруго-густымъ.

На межѣ, раздѣляющей Шунацкое поле отъ Воропуговскаго, стоялъ старый полосатый столбъ. Фома зачѣмъ-то снялъ картузъ и перекрестился. Сегодня утромъ Степанка долго молился здѣсь, ревѣлъ, утирался рукавомъ шинели и тыкался бѣлобрысой головой въ полынную межу. И такъ же, какъ и на вокзалѣ, онъ подошелъ къ нему, упалъ въ ноги и, всхлипывая, какъ ребенокъ, жалко въ отчаяніи бормоталъ:

— На смерть иду, тятя... Прости меня, Христа ради...

Домой Фома поѣхалъ не по дорогѣ, а свернулъ къ гумнамъ, чтобы проѣхать по своей усадьбѣ. Нужно было взять изъ половешки колосу для кобыленки. Отъ прясла, заваленнаго кучами гнилой соломы и навоза и поросшаго репейникомъ и крапивой, запахло теплой прѣлью и солодомъ. Низкія половешки, какъ старые грибы, и сизыя копны были тусклы, мертвы, какъ большія могилы. И сердце Фомы опять обдила волна невыносимой тоски.

И тутъ же вспомнилъ Фома, какъ Степанка, босой, въ полбумажной рубашкѣ и набойныхъ портканхъ, съ худыми пузырями на колѣнкахъ, могуче, какъ быкъ, ворочалъ все на гумнѣ въ слѣпой мужицкой любви къ труду. Весь черный отъ загара и пыли, корявый отъ работы, утопая въ соломѣ, онъ жадно нырялъ въ ней, мялъ, трепалъ, и кудлатая вихрастая башка его вся была усыпана охвостьемъ, а двойная верхняя губа растягивалась отъ напряженія, глаза соловѣли, и лицо краснѣло отъ натуги. Хорошій былъ работникъ! Хоть и малъ ростомъ, хоть и чеверѣлый съ виду, а такого работника нужно было поискать. Что жъ, что не говорливъ былъ и не водилъ компаніи съ гармонистами и бражниками, что жъ, что за дурачка считали, а пусть скажутъ что-нибудь плохое про его хозяйство. Людской судъ! Знаетъ онъ цѣну этому людскому суду.

Вороша вилами колосъ, онъ строго и бережливо стряхивалъ его надъ кучей, чтобы не сыпать на землю, и неторопливо, истово, по привычкѣ смотрѣть на продукты своего земляного труда, какъ на даръ Божій, ходилъ съ колосомъ отъ половешки до телѣги и осторожно клалъ его на задокъ. Но и это дѣлалось само собою: душа его не участвовала въ его работѣ.

II.

Ни Олены, ни Маринки не было на дворѣ. Фома выпрягъ лошадь и замѣсилъ ей колосу, а самъ пошелъ на крыльцо и легъ на конникѣ. Но только что онъ закрылъ глаза, какъ лихота еще больнѣе защемила душу. Въ ушахъ была какая-то спутанная ералашь: и свистки паровозовъ, и гулъ поѣзда, и дребезжаніе телѣги, и гнусавый голосъ Степанки... Все крутилось и шумѣло въ мутномъ спутанномъ клубкѣ безъ конца и начала и давило сердце.

Онъ сѣлъ на конникѣ, разулся, не зная, что дѣлать Гдѣ-то въ глубинѣ двора, подъ темнымъ навѣсомъ, наперебой изо всѣхъ силъ, надрывались-кричали двѣ курицы. Одна все торопилась, безпокоилась и безперечь сдваивала: куда-куда! а другая спокойно, тяжело и по старушечьи хрипло отвѣчала: вонъ-туда!..

— Это — пестренькая хлопочется... молодка... — подумалъ вслухъ Фома, и все мучился и не зналъ, что съ собою дѣлать.

Кобыленка едва была видна въ темнотѣ навѣса. Спрятавъ голову въ колодѣ, она вкусно и стрательно хрумкала свое мѣсиво, и Фома, неохотно смотря въ полумракъ, думалъ вслухъ:

— Ѣстъ моя барыня...

Подчиняясь какой-то силѣ, Фома всталъ и поплелся по двору на заднюю половину осмотрѣть, все ли въ порядкѣ, нѣтъ ли какого недосмотра. Но дѣлалъ это какъ будто не онъ, а кто-то другой за него.

Сейчасъ же за заднимъ дворомъ буеракъ обрывался внизъ красной глиной и ровной стѣной шелъ вплоть до церкви, разрываясь узкими овражками, съ ключиками, ручейками и тиной внизу. За буеракомъ ухала пустота и улетала до зарѣчной части деревни. Вплоть у самаго буерака, подмывая его ровные края, вилась и мурлыкала рѣчка. Вся та часть была ровная, просторная, усыпанная бѣлымъ пескомъ у рѣки, а дальше покрытая густой зеленой травой. Тутъ же, за дворомъ, направо, переплетаясь между собою, бѣжали внизъ, въ ветлы, и назадъ, въ деревню, узенькія тропочки, по которымъ бабы ходили за водой въ родникъ, спрятанный въ ветлахъ.

Внизу, у бани, около ветелъ, стояла съ Давыдкой Макинымъ Олена и часто коротко похохатывала. А онъ, высокій, костистый, усатый, съ бѣлыми рѣсницами и охальными глазами, гудѣлъ то просительно, то угрожающе и наступалъ на нее, хватая ее за груди, за руки, за бока. Олена отступала, трясла задомъ, притворно отпихивала его, дразнила и не уходила.

Давыдка былъ не женатъ, сидѣлъ съ отцомъ въ лавочкѣ, или пропадалъ на дранкѣ и цѣлыми днями игралъ тамъ на гармоніи. Самъ Макинъ не якшался съ мужиками, носилъ длинный пиджакъ и стригъ бороду. Часто ѣздилъ въ гости на барскій дворъ и говорилъ на какомъ-то особомъ, не мужицкомъ, языкѣ: «трушница», «лушадка», «челэкъ», въ полной увѣренности, что такъ говорятъ настоящіе образованные господа.

Вся налитая, сытая, широкая костью, Олена вертѣлась передъ Давыдкой и все старалась направить его на дѣловой разговоръ, но сразу же срывалась на смѣхъ, притворно била его по рукамъ и съ фальшивымъ возмущеніемъ вскрикивала:

— Ты меня, чортъ долгій, не трогъ!.. Ты меня не бралъ... Будетъ кампанья — будетъ и Маланья...

— Опять скакать, дура!.. До дранки папашино дѣло не касательно... Это—каша наша... Войдешь со мной въ долю и кампанью... и, милая Олька, — постой только... ыхъ, маганя!..

— Не трогъ, не трогъ!.. Будетъ кампанья — будетъ и Маланья... Не кажи журавля, чортъ долгій!..

Фома конфузливо отвернулся и отошелъ назадъ, смущенно и изумленно улыбаясь. Что-то со страшной силой ударило по головѣ и застонало гдѣ-то внутри, въ животѣ:

— А батюшки!.. а батюшки!..

Онъ возвратился домой, все время хлопая себя по бедрамъ и цокая языкомъ, и съ лица его не сходила смущенная, плачущая улыбка испуганнаго человѣка.

— Вотъ и... проводила... Чо-жъ... сама себѣ — барыня... Бѣда-то какая! Знамо. ей жеребца надо стоялаго... Знамо, не гожъ ей Степанка. И провожала она мужа только до межи, а потомъ умчалась, какъ телка. А онъ, Фома, ослѣпъ отъ горя и не замѣтилъ, какъ она прощалась со Степанкой и какое у нея было въ это время лицо; не любилъ и боялся ея Фома: вольная была и бледучая, и изъ дому убѣгала по праздникамъ, какъ дѣвка.

— Знамо, не гожъ ей былъ Степанка... Знамо, и ранѣ по табунамъ гонялась, нежеребая... ц, ц!..

Маринка была въ клѣти и выбирала изъ корчаги яйца, считая ихъ какъ-то по своему:

— Двадцать десять... Тридцать разъ...

Часто поглядывая въ двери, точно боялась кого-то, и когда увидѣла отца, замолчала и низко наклонилась надъ корчагой, не отрываясь отъ работы. Изъ-подъ сарафана виднѣлись толстыя икры упрямо поставленныхъ могучихъ ногъ и широко расплывался круглый задъ.

Фома всталъ въ дверяхъ и, не зная, что ему здѣсь нужно, вздохнулъ и нѣсколько разъ повторилъ:

— Ц, ц... батюшки!.. ц, ц,!..

— Иди-ка чо ли, тятька, — озлилась Маринка, взвизгивая, — чо свѣтъ-то застишь, какъ колода?.. Только въ бабьи углы носы-то суютъ съ браткой-то...

Онъ смущенно улыбнулся, отошелъ отъ двери и поплелся въ избу.

— Яйцы по осени считаютъ... Хоть бы на поденную шла на барскій... Мать бы была, не дала бы тащить... Дѣвка — рази хорошо...

Онъ вошелъ въ избу и сразу же почувствовалъ, что ему здѣсь душно, мучительно, тѣсно. Онъ сѣлъ на лавку, вцѣпился въ ея край и застылъ, какъ больной. Что-то новое, необъятное жгло его внутренность, а что — не понять: можетъ быть, предчувствіе смерти, можетъ быть, хотѣлось рыдать по сынѣ единственномъ, по Степанкѣ, а можетъ быть, сильно помолиться захотѣлось. И такъ потянуло въ церковь, что не зналъ, куда дѣться. Постоять бы въ сумеркахъ передъ Божьимъ лучистымъ роемъ свѣчей у Спасителя и поплакать тихими, обильными, скорбными слезами.

Во дворѣ вдругъ завизжали, забѣсновались, закликали бабы, Оленка и Маринка. Что-то хлопнуло, ахнуло и на мгновеніе замерло, и вслѣдъ за этимъ въ избу вся раскосмаченная и дикая вбѣжала Маринка, раскосая, синяя, постарѣвшая отъ злобы, и срывающимся голосомъ, вижжа, выкрикивала въ изступленіи:

— Шлюшка чортова! сука!.. Макина шлюшка!.. Рада, что мужа съ рукъ сбыла... Жива не буду, а на всѣхъ перекресткахъ обохалю... Шлюшка!..

Она съ ревомъ, шлепая толстыми ногами, пробѣжала въ чуланъ, захлопнула дверцу на задвижку и завыла тамъ въ безсильной злобѣ и отчаяніи. Олена вошла спокойно, молча, строго, точно была озабочена какимъ-то большимъ труднымъ дѣломъ. Она отперла шкафчикъ, вытащила кучу зазвенѣвшихъ ключей и ключъ отъ клѣтки вдѣла къ остальнымъ. Потомъ такъ же спокойно и заботливо заперла шкафчикъ и ключикъ отъ него положила въ карманъ.

— Было бы тебѣ знамо, батюшка, — сказала она съ холодной злостью, — ежели я эту воровку захвачу, я ей всѣ косы выдеру... Я ей покажу шлюшку... Было бы тебѣ извѣстно, батюшка, у ней есть деньги, пра...

И точно ничего не случилось, она перешла на ровный хозяйственный тонъ.

— Я, батюшка, всѣ ключи у себя держать буду.. Степаши нѣтъ, такъ хозяйство—сирота... Я, батюшка, на нее зла не имѣю, ну, воровать въ жизнь не допущу...

— Молчи, шлюшка Макина! — визжала Маринка, — давно Давыдкѣ-то предалась?..

Олена точно не слышала этого визга и, присаживаясь къ столу, бойко и расчетливо говорила:

— А Макины — что... Умѣючи, отъ нихъ и благость можно взять... Была бы голова да забота, а то можно въ каппанью на дранку войти... А ежели въ часть войти, я изъ рукъ дѣла не выпущу... Я въ этомъ—отчаянная... Кузины тоже... Въ избѣ вонъ — однѣ бабы... Зарѣзались съ отрубомъ-то... Долговременно тутъ нечего думать... Я своими зубами вцѣплюсь...

Фома нѣмо и глухо слушалъ, что кричали бабы, что расчитывала Олена, и удивлялся, почему это его не волнуетъ, не поражаетъ, не ранитъ души. Онъ молчалъ и, какъ во снѣ, неподвижно смотрѣлъ куда-то мимо Олены.

— Хлѣба намъ не абы сколь надо, батюшка... — по-мужицки разсуждала Олена, и лицо у нея было какъ будто совсѣмъ иное, чѣмъ было при мужѣ: странно-каменное, неласковое, ящериное, — щевица нонѣ пойдетъ въ ходъ не въ примѣръ съ лѣтошнымъ — война... Старая рожь еще въ сусѣкѣ... Новое зерно не плачетъ, и свою цѣну найдетъ... На Даниловской — земля не хуже барской... Кузины не пикнутъ... Отрубъ мы буквально осилимъ... Для Макина мы будемъ всяко надежны... Вотъ мы тебя, батюшка, туда, на дранку-то, и посадимъ для порядку,—пошутила она, и Фома впервые увидѣлъ, что Олена не считается съ нимъ, видитъ въ немъ что-то вродѣ лишняго придатка, старой шелухи, которая скоро оторвется и сойдетъ со здороваго тѣла.

— Каппаніонщица... — какъ-то дряхло и слабо проворчалъ онъ.—Что больно затрясла гузномъ-то?.. Хозяйка!..

— Я, батюшка, умная и въ хозяйствѣ безпощадная...— озлилась Олена, вставая со скамьи.—Никакого грѣха, батюшка, не боюсь... Я это и Степашѣ сказывала... и отъ мужа своего слово на это имѣю... А ты, батюшка, знай свое дѣло.. Окромя меня никто питать тебя не будетъ...

Фома махнулъ рукою, всталъ и прилегъ на кровать.

— Не сговоришь... пускай пока... все равно... какъ-нибудь...

Въ чуланѣ, за перегородкой, молча хлюпала и сморкалась Маринка. Гудѣлъ и шлепался о стекло какой-то возмутившійся продолжительнымъ заключеніемъ слѣпень, спугивая и вороша покорныхъ и сытыхъ мухъ. На улицѣ, за окномъ, застонала своей пустой утробой и задребезжала

ведромъ бочка: должно быть шабры поѣхали за водой на рѣку.

И какъ только легъ Фома и задремалъ, опять въ головѣ забарахталась разная безтолочь, залила его вязкой тяжестью и невыносимо задавила сердце.

III.

Онъ очнулся и со стономъ сѣлъ на кровати.

Около него сидѣла Паруша. Опираясь руками о лавку, говорила не то съ нимъ, не то сама съ собою.

Недавно умеръ у нея старикъ, и сыновья растащили все хозяйство. А она, высокая, костистая, съ нависшими на глаза бровями, привыкшая при старикѣ распоряжаться, кричать на дѣтей и подчасъ бить ихъ сковородникомъ,—она теперь ходила отъ сына къ сыну и жутко проклинала ихъ на всю деревню. Всѣ четверо сыновей были ругатели, угрюмые, какъ быки, и нелюдимые. Какъ только приходила мать, они поднимали съ нею безтолковую оглушительную ералашь, которая по тихимъ задумчивымъ вечерамъ, когда, при печальной зарѣ, хотѣлось молча вздыхать, разносилась по всей деревнѣ и тревожила у всѣхъ непріязнь къ нимъ.

Шершавый, измятый дремотой, Фома пристально поглядѣлъ на черную отъ горя Парушу и подумалъ:

«Какъ-никакъ—мать»...

И онъ вспомнилъ, какъ эта Паруша когда-то, очень давно, впервые заставила затосковать его сердце. Лупоглазая, озорная, горластая, похожая на мужика, она вмѣстѣ съ нимъ однажды ѣздила на мельницу. Свободно, безъ натуги, носила какъ и онъ, мѣшки съ воза и, гогоча, издѣвалась надъ нимъ.

— Фомка, приходи свататься, а то за другого выйду... не догонишь...

— Больно ты мнѣ нужна, толстокорая... Не набивайся: у меня краля не чета тебѣ, колодѣ...

И они долго и вкусно тискали другъ друга около возовъ, глядѣли одинъ на другого пьяными глазами, задыхались и дрожали. Давно! А теперь вотъ она—обезсиленная, злобная отъ постоянныхъ обидъ и зазорной борьбы съ родною кровью.

— Чо-о?..—по-мужичьи грубо запѣла она.—Всталъ чо ли?... А я, бай, пойду къ Фомѣ-то... Степанку-то, бай, прово-

дилъ, такъ, бай, прискорбно... Заботный ты больно, и душа у тебя, какъ пороша...И у меня кости можжатъ... Аль не заможжатъ, чай... Съ такими дѣтками заможжатъ... Хозяйкой была, и ухаживать было кому—полна изба невѣстокъ... Хочу за косу, хочу по румяной щечкѣ... А теперь — какъ татары, на стерву налетѣли... Покарай ихъ, Господи, лютыми муками... Несчастную статью приведи имъ, Господи...

«Безъ ума она...»—подумалъ Фома съ тяжелой тревогой.

Махнувъ рукою, онъ сказалъ строго и внушительно:

— Чо мелешь—мельница?.. Рази такъ гоже?.. Онъ еще, Господь-то, не такъ тебѣ рога сшибетъ... бадья ты старая!..

И, тыкая ей въ грудь старыми култышками, коротко, еще строже, учительно сказалъ:

— Ты — мать... Рази можно про дѣтей такъ... глупая!..

Бабъ не было въ избѣ: Маринка, должно быть, пошла встрѣчать коровъ изъ стада, а Олена — сѣять муку въ ночевки. Фома всталъ съ кровати и подошелъ къ окну: пора вести кобыленку на пойло.

— Проводилъ вотъ мужика-то, — пошутилъ онъ, — а теперь, какъ бугай старый: ни пользы, ни веселья... Нужда заставитъ — и плясать съ тобой пойдемъ, дѣвка...

— Запляшешь... Дѣтки въ дуду, а я въ присядь бреду... Утащили двоихъ — еще двое дудятъ...

— Будя а ты душу-то мутить... Какая ты мать?.. Они росли—все ихо... Дѣтки живутъ—тебѣ же слава... Башки у насъ съ тобой, дѣвка, битые горшки — безъ всякой споръ-ньи, пра...

И не чувствовалъ къ ней Фома ни непріязни, ни осужденья: слишкомъ ужъ одинокой и безутѣшной казалась она ему, лишенная дѣтей, покинутая ими среди обломковъ и пустоты расхищеннаго хозяйства. Смутно чувствовалъ Фома, что въ этихъ проклятіяхъ была безумная любовь, тоска и молитвы отринутой матери.

Когда онъ пошелъ къ двери, Паруша встала и съ угрюмой, суровой мыслью пошла за нимъ.

— Ну, пошла въ свою келью... Дудятъ дѣтки...

— Это, дѣвка, сковородники дудятъ, пра...—пошутилъ Фома; — ты — мать, чтобы жертву примать... Сиди, ночуй. пошто уходишь?

— Я еще въ жизнь въ чужихъ людяхъ по нуждѣ не но-

чевала... Хорони, Господи!.. А моя келья—спроть веселья: сижу домовихой—сама себѣ хозяйка.

Она медленно и тордо отодвинулась отъ него и вышла изъ избы съ каменной непреклонностью въ глазахъ.

IV.

Фома взялъ кобыленку за поводъ и повелъ ее поить на рѣку. Верхомъ онъ давно не ѣздилъ: трудно было подниматься на лошадь и нехорошо это было для его лѣтъ. А такъ пройтись по своему порядку босикомъ и безъ картуза, впереди морды кобыленки, было и пріятно, и не такъ одиноко.

Съ зарѣчной стороны гнали съ горы стадо, и между дворовъ этого порядка видно было, какъ подымалась красная пыль надъ избами на той сторонѣ и какъ оттуда наперебой нетерпѣливо гулко мычали коровы, блеяли овцы и пронзительно кричали дѣтишки и бабы.

Фома свернулъ къ колодцу. Деревянный срубъ родника увязалъ въ черной, никогда не высыхающей, тинѣ, на днѣ оврага, дико забитаго глухой и жгучей крапивой, навозомъ съ погаными грибами и кустами лозняка. За колодцемъ толпились и хмурились высокія ветлы, почему-то похожія на кучу старыхъ бабъ. Въ ихъ густыхъ вѣтвяхъ чернѣли ворона галокъ, грачей и орали наперерывъ, какъ дураки.

У колодца Фома увидѣлъ невѣстку Мосеву, Оксю. Какъ и у него, у старика Мосева старухи не было. Баба была въ домѣ только Окся да двѣ дѣвчонки золовки. Вся тягость работы лежала на ея плечахъ. А она была всегда свѣжая, вся выпуклая, лупоглазая, какъ глупенькая.

Окся съ коромысломъ на плечахъ уже шла домой. Увидѣвъ Фому, она остановилась и поклонилась ему.

— Проводилъ чо ли Степанку-то, дядя Фома?—запѣла она участливо, по-старушечьи.

— По-огнали... потащили... машиной...

— Ахъ, ты, Господи!.. Горе-то тебѣ какое!..

— По-огнали... Чо же сдѣлашь?.. Тамъ ихъ такая махина!.. Всѣхъ перелицевали—всѣ на одинъ сѣрый манеръ... Мырнулъ Степанка-то... искалъ-искалъ... всѣ подъ одно... Теперь, батъ, мы всѣ одинаки: нѣтъ, батъ, ни пана, ни Ивана... По-огнали!.. Рази его теперь найдешь?.. въ жизнь не найдешь... ни пана, ни Ивана...

— Бѣда-то тебѣ какая, дядя Фома!—опять запѣла по

старушечьи Окся.—А я вотъ, грѣшница, все только и радуюсь, только и радуюсь... Думаю: Господи, да счастливѣе меня и человѣка-то нѣтъ, пра...

— По-огнали... машиной...

— И чо я такая счастливая?.. И семья-то хорошая, и мужъ-то хорошій, и свекоръ-то хорошій...

Кобыленка молча и покорно пила воду изъ колоды и постоянно встряхивала кожей. Вода была такая свѣжая и вкусная на видъ, что хотѣлось пить ее вмѣстѣ съ кобыленкой.

Съ той стороны широкой рѣдкой гурьбой, неся съ собою розовую пыль, устало и домовито шли коровы, помахивая головами и шлепая хвостами по бокамъ.

Окся стояла около Фомы, смотрѣла на него яснымъ, радостнымъ щекастымъ лицомъ, строго морщила по ребячьи толстыя еще дѣвчатыя губы, хлопала безгрѣшными сѣрыми глазами и охотно, точно сказку разсказывала, нараспѣвъ, выкладывала:

— Жизнь у меня, дядя Фома, хорошая: дай Богъ всякому... Въ дѣвчонкахъ я, дядя Фома, надъ своимъ Егоромъ смѣялась: чепанникомъ да лапотникомъ считала... а теперь лучше его и на свѣтѣ нѣтъ...

— А нонѣ, бай. Оксюшка. слыхалъ на вокзалѣ—на этой недѣлѣ всѣхъ Егоровъ забирать будутъ по округѣ...—пошутилъ Фома, поднимая брови. — Чо ты тогда дѣлать-то будешь, дѣвка?..

Окся не поняла шутки и испуганно замолчала и погасла. Потомъ сразу же опять загорѣлась, зарадовалась и запѣла:

— Я, дядя Фома, объ этомъ и думать-то не думаю... Я, дядя Фома, никогда никакого горя не знала... Можетъ, я такая, что и на горе-то совсѣмъ неспособна... Все будто радость какую посылать Господь... Заходи къ намъ, дядя Фома; вѣдь горе-то у тебя какое, пра...

Она пошла отъ колодца прямо вверхъ, по склону оврага, и на лицѣ ея не было ни печали, ни заботы, ни усталости: вся она была ласковая, мягкая и радостная. Фома нѣжно и растроганно посмотрѣлъ ей вслѣдъ, и въ душѣ у него самого стало пѣвуче и ласково и опять захотѣлось молиться и зажигать Божьи свѣчи передъ ликомъ Спасителя.

На той и на этой сторонѣ по косогорчикамъ и зеленой

лукѣ бродили бабы между коровами и овцами, разыскивали своихъ и жалобно, просительно пѣли:

— Бара-аша, бара-аша!..

Небо еще горѣло вечернимъ солнцемъ, но внизу, на лукѣ, было уже спокойно, по вечернему прозрачно и тихо, по вечернему пахло рѣчкой, травой и глиной и по вечернему грустно.

Фома постоялъ немного вмѣстѣ съ кобыленкой у колодца, послушалъ неугомонный звонъ воды, посмотрѣлъ на спокойное, неторопливое теченіе рѣки, въ которой вверхъ ногами отражались избы и крутой яръ на той сторонѣ, и почувствовалъ, какъ сладко и глубоко скорбѣла его душа.

Кобыленка стояла, опустивъ голову, и дремала, закрывая рѣсницами глаза, точно и она скорбѣла о чемъ-то, а Фома застылъ около нея, прислушиваясь къ чему-то, беззвучно плакалъ и улыбался, смотря на небо сквозь слезы, заливающія глаза.

V.

Праздникъ Успенія Божіей Матери былъ храмовымъ праздникомъ въ Воропуговѣ. Готовились къ этому дню, какъ къ Свѣтлому Христову Воскресенію: всюду топились бани, развѣшивались на пряслахъ наряды, вынутые изъ кладовыхъ, и деревня окутывалась дымомъ и горѣла яркими разноцвѣтными пятнами. Въ каждой избѣ стояла съ ранняго утра одурѣлая безтолочь и суета. Война не измѣнила этого порядка: все происходило такъ же, какъ и раньше, какъ и сто лѣтъ тому назадъ.

День былъ прохладный, свѣтлый съ голубымъ, немного стальнымъ небомъ и мутно-сырыми облаками. И близко и далеко все отчеканивалось рѣзко: на той сторонѣ, на плоскушѣ коровьяго навѣса, видны были даже трехрогія вилы и грабли вверхъ зубьями. Отъ густой росы, выпавшей за ночь, мокро зеленѣла и искрилась трава и жирно чернѣла дорога.

Звонили къ обѣднѣ, и деревня точно плакала отъ радости.

Маринка достала изъ сундука отцу пунцовую пахучую рубаху, плисовые портки и, нарядная сама, въ городской кофтѣ и узкой юбкѣ безъ складокъ, крупно и тяжело обтягивавшей широкій задъ и животъ, глупо топталась на

улицѣ, около выхода, порывалась все итти куда-то, и не рѣшалась.

Шелъ народъ и съ той, и съ этой стороны: и по улицѣ передъ избой, и позади двора, около яра, снизу, отъ рѣки; шли со всѣхъ сторонъ по широкой лукѣ съ блекнувшей зеленью къ радостно плачущей церкви, и у всѣхъ у нихъ были праздничныя, немножко глупыя лица.

Въ церкви Фома долго плакалъ. Какъ купилъ двѣ тоненькихъ прозрачныхъ свѣчечки, какъ почувствовалъ ихъ въ своихъ рукахъ липкими, сахарными, холодными и святыми, какъ личико мертваго младенца, такъ сейчасъ же и заплакалъ. Стоя на колѣняхъ передъ своими свѣчами у Спасителя, онъ лобызалъ старый деревянный полъ церкви и стоналъ тихо, съ великой вѣрою:

— Господи!.. Батюшка!..

И ему казалось, что Христосъ смотритъ только на него, благословляетъ его широкимъ взмахомъ руки и спокойно, ласково, съ неуловимой улыбкой шевелитъ губами. И когда изъ алтаря доносился далекій пѣвучій голосъ священника, Фомѣ чудилось, что это говоритъ Онъ, Христосъ, пристально, по-дѣтски пытливо, смотрящій на него съ иконостаса. Когда же Фома немного забылся въ какомъ-то туманномъ бездумномъ устремленіи къ иконѣ, ему вдругъ ясно показалось, что передъ собою вмѣсто Христа онъ видитъ Степанку, который пристально смотритъ на него сіяющими отъ слезъ глазами и улыбается жалкой улыбкой обреченнаго на страданіе.

И только разъ за все время обѣдни разбудили Фому громкіе тревожно-скорбные голоса. Пѣли нестройные голоса на клиросѣ, такіе родные, простые, деревенскіе.

— Единородный Сыне!.. Распныйся же, Христе Боже, смертію смерть поправый!..

И душа его такъ во всю службу и осталась съ этими словами. Ничего онъ больше не слышалъ до конца, кромѣ этихъ словъ. И когда смотрѣлъ на него Спаситель, Фома видѣлъ, какъ губы Его въ скорбящей улыбкѣ шептали:

— Единородный Сыне!..

Вонзились въ него эти слова, будили тревогу и смертельную боль, перехватывали дыханіе восторгомъ, и губы его, какъ въ бреду или во снѣ, говорили одно и то же взволнованно и изумленно:

— Смертію... распныйся... единородный...

Изъ церкви Фома вышелъ послѣднимъ и видѣлъ съ паперти, какъ народъ расползался по площади во всѣ стороны нѣсколькими лентами, вродѣ спицъ огромнаго нарядного колеса. Воздухъ былъ по осеннему свѣжій, по осеннему приближающій четкія дали, съ лѣсными взгорками, черными дорогами и желтыми жнивами. По осеннему же бѣжали по лукѣ сѣрыя изуродованныя тѣни отъ облаковъ, прорѣзывали толпу и уносились къ молчаливымъ, ушедшимъ въ себя, далямъ. И пестрые наряды толпы, и блеклая зелень послѣдней травы вспыхивали и потухали въ тревожныхъ порывахъ. Непрерывными хрусталными ручьями лился во всѣ стороны колокольный звонъ, и всѣ красочно-пестрыя ленты нарядовъ точно выливались изъ этого звона и растекались всюду въ живомъ человѣческомъ потокѣ.

И опять по этой нарядной толпѣ, утопающей въ говорѣ и праздничномъ бездѣлии, нельзя было думать, что многіе изъ мужиковъ и парней сидятъ въ окопахъ, что многіе изъ нихъ уже ранены и убиты.

У церковной ограды Фома увидѣлъ Миколая съ Машаркой. Миколай возился съ лошадью и вскрикивалъ на нее съ ласковой строгостью довольнаго хозяина. Машарка сидѣла на телѣгѣ въ кубовомъ платкѣ и вся распушилась отъ пышной кучи складокъ и сборокъ своего зеленаго сарафана, какъ гусыня въ гнѣздѣ, и лицо ея, курносое, рябое, съ кругленькими безрѣсничными больными глазами, казалось маленькимъ, старушечьимъ въ пухломъ ворохѣ одежекъ.

Она еще издали увидѣла отца, испуганно заметалась на телѣгѣ и крикнула навстрѣчу ему:

— Батюшка! адя-ка а ты сюда!.. Ахъ, ты, Господи!.. Андреичъ, погоди, бай: батюшка идетъ...

Она срывно кудахтала, точно увидѣла что-то новое въ старикѣ, сильно поразившее ее, растерялась и не знала, что дѣлать. Миколай подошелъ къ телѣгѣ и, щуря свои узенькіе татарскіе глаза, закивалъ на Фому головой, оскалился и пустилъ по безбородому лицу множество гармошекъ.

— Могила, гы!.. То-есть сколько лѣтъ, сколько зимъ... Двадцать двѣ хворобы!.. Богоданный родитель!.. Наше вамъ большущее...

Въ ожиданіи Фомы онъ сталъ около телѣги и приложилъ руку къ козырьку. Онъ жилъ все время въ городѣ на мельницѣ, а потому ходилъ по городскому: въ брюкахъ на выпускъ, въ жилетѣ и рубашкѣ «фантазія». Машарка грузно

слетѣла со своего гнѣзда и выбросила вмѣстѣ съ собою весь свой ворохъ широкаго сарафана. Она уставилась на отца, котораго не видала цѣлый годъ, и заплакала.

— Батюшка, какъ твое здоровье-то?..

Она увидѣла его неудержимую улыбку, немного посоловѣлые, безтолковые глаза, трясущуюся бороду и сразу почувствовала, что онъ долго не проживетъ, что въ немъ есть что-то такое, что дѣлаетъ его далекимъ, непонятнымъ и обреченнымъ.

— Съ Степанкой-то вотъ и увидаться-то не привелось.. — плача, кудахтала Машарка; — може, и не приведетъ ужъ Господь... А все споры ваши да вздоры... Плакалъ, чай, Степанка-то, батюшка?

— И не бай: бѣды!.. На смерть, батъ, тятя, иду, прости, Христа ради... Всѣ на одинъ болванъ стали... Мырнулъ — и не взвидалъ больше... Тутъ, батъ, ни пана, ни Ивана... Засосало его омутомъ этимъ, какъ зерно на жерново... за виски не вытащишь... По-огнали!.. Привелъ Господь и муку примать... Знать, надо... указано, знать...

Онъ хотѣлъ разсказать много, потрясти Машарку и Миколая, но словъ нужныхъ, большихъ, огненныхъ, не находилъ, сбивался, таращилъ брови на лобъ и мучился.

— На старости лѣтъ оказался родитель на бабьемъ интересѣ, на манеръ клушки на яйцахъ... — развязно разсуждалъ Миколай. — Могила! Баба въ сей моментъ пошла безъ всякаго присмотра, со всякимъ своимъ носомъ и словами... Безштанная команда обязательно завизжитъ, и будетъ кровопролитная клочка... могила! Всю бытность перемелятъ всѣми вальцами и жерновами... Я такъ полагаю — будетъ тебѣ, родитель, окончаніе жизни и совершенное придетъ удушье... могила!.. Садись, тесть, — прокачу... Доставлю прямымъ сообщеніемъ въ нашу Сморкаловку...

Машарка опять взобралась цвѣтущей кучей на телѣгу; рядомъ съ ней сѣлъ Миколай. Фома примостился съ краю, спиной къ нимъ, опустивъ ноги. На хуторъ онъ отказался ѣхать—не хотѣлось слушать болтовню Миколая: онъ лѣзъ къ нему назойливо въ глаза и мѣшалъ скорбно и сладко думать о сынѣ. А съ Машаркой хотѣлъ остаться и о многомъ поговорить, тихо и грустно. Изъ-за Миколая же не было силъ оставить у себя погостить.

У своей избы онъ увидѣлъ плетенный тарантасъ Макина. Давыдка въ жокейской кепкѣ, стянутой на красный заты-

локъ, сидѣлъ передъ Оленой. Она грызла зерна, посматривала на него по-птичьи, сбоку, и грозила ему кулакомъ. Сплюнувъ съ губъ шелуху, она легко прыгнула къ нему въ тарантасъ. Давыдка молодцевато жвыкнулъ кнутомъ и гекнулъ на иноходчика.

Машарка, какъ жаръ, покраснѣла и застыла отъ негодованія и стыда. Она растерянно смотрѣла на Олену, на ея игру съ Давыдкой и только безтолково повторяла одно и то же:

— А, батюшки! а, батюшки!.. Страмъ-то какой!.. Стыдъ-то какой!.. а, батюшки!..

Когда Давыдка прокатилъ мимо нихъ, Олена даже бровью не повела. Не переставая грызть зерна, она пронзительно крикнула:

— Я, батюшка... на отрубъ... не жди..

И что она кричала потомъ — уже не было слышно.

— Во! видалъ — сказилась... — заболталъ и заломался Миколай, морща лицо въ гармошку: — Могила! ужъ одна сказилась... Топерь за другими череда... Топерь, родитель, бабы на всее Расею переказятся... могила, ей-Богу!.. Аль всѣхъ мужиковъ оставшихъ перекалѣчутъ, али сами перерѣжутся, ты... не иначе!..

Фома долго смотрѣлъ вслѣдъ Оленѣ, какъ будто ничего не понималъ, и только глядѣлъ на Машарку и Миколая съ мерцающей внутренней улыбкой. Потомъ махнулъ рукою и, не погашая улыбки, сказалъ, точно вслухъ подумалъ:

— Пущай, аль наплевать... Рази ее топерь удержишь?.. въ жизнь не удержишь... Въ канпанью съ Макинымъ входитъ на дранку... Пу-щай!..

— Въ канпанью?—обрадовался Миколай: — Могила, гы-гы!.. Мужу—вѣрная жена, да Давыдка бѣгатъ прытко, безъ убытка... Дѣло твое, родитель, совсѣмъ—размолъ...

— А, батюшки!.. — какъ въ столбнякѣ, глупо долбила Машарка:—А, батюшки! Страмъ-то какой... Люди-то, люди-то глядятъ... Господи!..

Фома слѣзъ съ телѣги, немного постоялъ на мѣстѣ, поднявъ кверху голову, точно прислушиваясь къ какимъ-то тайнымъ движеніямъ въ своей душѣ. А Миколай черезъ ослѣпшій гнѣвъ Машарки куражливо хвастался передъ Фомой:

— Прокачу, богоданный родитель, влѣзай вмѣстѣ съ ногами... До Сморкаловки — въ пятнадцать минутъ — руку

на отсѣченіе... Могила — не кони... Будешь лежать у насъ на печи... Она у насъ чисто толстая баба: широкозадая, гы... Ранѣ изъ-за дворовыхъ усадьбовъ зубы выбивали, и въ лаптяхъ ходили, а нонѣ—въ продовольствіи: знать никого не хотимъ и никого не уважаемъ... Гнули спину на чужого дядю, портянками харю утирали... При нонѣшнемъ самосильѣ могомъ и не любить ни брата, ни свата... Сѣдовай, родитель...

Фома опять махнулъ рукою и отвернулся. Въ своей тупой, хвастливой сытости долго голодавшаго безпріютнаго человѣка Миколай былъ невыносимъ ему. Тяжело, стыдно было смотрѣть ему въ глаза и молчать на его пустую барабанную болтовню.

«Дуроломъ... — подумалъ онъ, отходя.— Только бабенку запакостилъ, губошлепъ»...

— Батюшка! — срывающимся, упавшимъ голосомъ позвала Машарка.—Аль, чай, не навѣстишь насъ?.. Ежели чо, батюшка, прости насъ, Христа ради...

Она заплакала, тоскливо и больно, какъ человѣкъ, давно уставшій отъ горя и надорвавшійся отъ этой ноши. Фома остановился, взглянулъ на нее и увидѣлъ, что Машарка всѣмъ существомъ своимъ и этими своими слезами проситъ у него помощи, утѣшенія и давно, еще при началѣ жизни, ушедшей ласки. Онъ ничего не отвѣтилъ ей и снялъ картузъ.

VI.

Долго не было писемъ отъ Степанки, и Фома за это время весь съежился, соохся, побѣлѣлъ еще больше. Только лицо его было полно какой-то чуждой другимъ, непонятной праздничности, молитвенной, затаенной мысли. И въ этой своей, скрытой отъ другихъ, внутренней жизни онъ былъ похожъ немного на юродиваго. Каждый день онъ надѣвалъ новую рубашку, портки — не переставалъ надѣвать ихъ съ тѣхъ поръ, какъ ходилъ на Успенье въ церковь, — одѣвалъ поддевку, которую носилъ только въ большіе праздники. Одѣтый по праздничному, шелъ на гумно, гдѣ работалъ Степанка, или въ поле, которое вспахано Степанкиными руками; долго стоялъ тамъ, думая неизвѣстно о чемъ и бормоча что-то себѣ въ бороду.

Раза два мимоходомъ заглядывала въ избу Окся, долго сидѣла съ нимъ рядомъ, вся свѣтлая, радостная, восторженная, и долго говорила съ нимъ о своей хорошей жизни, а

Фома смотрѣлъ на нее и смѣялся глухимъ блаженнымъ смѣхомъ.

Однажды вечеромъ рыжій мальчишка десятника принесъ ему грязный помятый конвертъ съ печатью, и Фома до самаго ужина въ недоумѣніи вертѣлъ его въ рукахъ, не зная, что съ нимъ дѣлать. Потомъ вспомнилъ, что надо дать его Оленѣ: она въ грамотѣ бойкая, заткнетъ за поясъ любого мужика.

Олена доила коровъ, и изъ-за выхода, отъ амбара, гдѣ было коровье прясло, то и дѣло слышались странно чужіе спокойно злые окрики:

— Стой... стой, холера!..

Должно быть, у коровы болѣли соски, и она брыкалась и не давалась доиться.

При Степанкѣ они ужинали безъ огня. Теперь же Олена аккуратно послѣ вечерней уборки зажигала висячую лампу съ жестянымъ кругомъ, сама садилась на самомъ свѣтломъ мѣстѣ и даже сама рѣзала хлѣбъ, незамѣтно отнявъ эту хозяйскую и давнюю привилегію у Фомы.

Когда невѣстка зажгла лампу, Фома протянулъ ей письмо:

— Прочитай-ка, бай... ну-ка!. Какъ онъ тамъ, вояко-то нашъ... палитъ, чай, изъ ружья-то, какъ вшей бьетъ, пра...

Олена неторопливо и молча вынула письмо изъ конверта и по-мужичьи сурово стала читать его тихимъ шепотомъ про себя, точно высасывала изъ него что-то, жадно и упорно. Фома смотрѣлъ ей въ ротъ и ждалъ съ терпѣливымъ смиреніемъ и тяжелой тоской. Хотѣлось встать и вырвать изъ рукъ Олены письмо и унести его къ себѣ въ сундукъ: ему казалось, что этотъ неуловимо вороватый шепотъ высасываетъ изъ письма всю слезную правду, всю ту боль, которую унесъ въ своей душѣ Степанка, съ корнями вырванный изъ своей жизни и принесенный кому-то въ жертву, и броситъ ему только одну бумаженку, помятую, грязную, никому не нужную.

— Читай, чай... колдобина!.. И чо музюкать, шилохвостка?.. Кампаніонщица!..

— Письмо, батюшка, читать — не яйцы считать... А ты сиди лучше...

Онъ вздохнулъ и сталъ терпѣливо и молитвенно ждать.

Степанка, какъ и дѣлалъ всякій хорошій мужикъ, началъ писать съ поклоновъ и писалъ эти поклоны долго и

съ любовью — и никого не забылъ ни изъ сродниковъ, ни изъ товарищей.

«И увѣдомляю я тебя, родимый батюшка, въ тѣмъ, какъ на мою долю выпало чижолое страданье. День — на перестрѣлкѣ, а ночь — роешь окопы. Порожнева время совѣмъ нѣтъ. А рубашки да портки николи не мосмъ. 9 августа и 30 были мы въ ужасномъ огнѣ подъ чижолыми снарядами. Отъ взрывовъ качались, какъ въ зыбкѣ. Окромѣ убитыхъ да раненыхъ, нѣки переглохли, а нѣки языки отгрызли. А снаряды роютъ великіе погреба, а людей разноситъ въ тенеты. Мы всѣ трязные, не умываемся, и на глазахъ гной корками, индо глаза разодрать нѣтъ никакой возможности. И не знаемъ, какіе дни и числа. И такой тутъ страхъ, тятя, — може, я и не выдоржу...»

Фома сидѣлъ около стола ровно и истово, точно слушалъ Божье слово, и, поднявъ брови кверху, плакалъ беззвучно, по стариковски покорно. Точно онъ утопалъ въ улыбкѣ, въ слезномъ восторгѣ, а не скорбѣлъ въ невыносимой тоскѣ о сынѣ, такъ странно и непонятно оторванномъ отъ него на распятіе и смерть какой-то непостижимой силой, съ которой онъ не могъ ни спорить, ни бороться, ни умолять.

Олена собирала ужинать и увѣренно, отчетливо говорила Фомѣ о томъ, какъ она устроила дѣло съ Макинымъ, насчетъ участія въ компаніи на дранку, какъ подвигается дѣло съ Кузинымъ отрубомъ. И слова ея, одноцвѣтныя, жесткія, какъ отрѣзанные ломти черстваго хлѣба, тяжело и больно ложились передъ нимъ и давили душу своей ненужностью и чѣмъ-то такимъ, отъ чего хотѣлось уйти, какъ отъ угара, какъ отъ смерти.

— Наше, батюшка, дѣло — нарокчаться къ самосилью... Свою физономію козыремъ вороти къ правильной пути... Я съ Макинымъ, батюшка, сужекъ ужъ имѣла про щевицу. Изъ четвертой части на дранку. Прикуплю другую лошадь и — на колесо ее... Насчетъ ржи тоже намекъ закинулъ... ну рожь еще до цѣны поморимъ: до цѣны и мы—паны...

— Дранка... Сама ты — дранка... Кампаніонщица!.. щевица — Степанкино дѣло, Степанкинъ интересъ...

— Объ этомъ-то самомъ и говорятъ-то, батюшка... Знамо... Кто интересъ свой упущать желаетъ... Нашъ бѣсъ— нашъ и интересъ..

— Распоряжальщица!.. Маринку вотъ еще замужъ надо.

— Маринка и безъ насъ свое счастье нашла... не манень-

кая: свою мамаону она нашла... Ты, батюшка, ежели чо — знай: она съ Дудоромъ снюхалась, съ полѣсчикомъ барскимъ... Ежели пойдетъ — пущай, идетъ, а я изъ дому брать ничего не допущу..

Подавленный и разбитый, Фома всталъ изъ за стола и, сгорбившись, молча, вышелъ изъ избы.

На западѣ небо было холодное, сѣрое, но прозрачное, какъ вода, и, какъ вода, въ пруду, такое же свѣтлое и широкое. На этомъ свѣтломъ и холодномъ небѣ избы на той сторонѣ и церковь, съ разинутой дырой на колокольнѣ, четко и мелко рѣзались, какъ изъ черной бумаги. Кромѣ этихъ вырѣзанныхъ коньковъ и высокой колокольни, все проваливалось въ сѣрую пустую тьму, тяжело напирающую на Фому своимъ жуткимъ молчаніемъ. Было безлюдно и непріютно и такъ тихо, что слышно было, какъ тяжело сопѣли коровы въ загонѣ. На барскомъ буракѣ гнусаво-мечтательно томилась гармонія съ колокольчиками и грубо обрывалась лошадинымъ хохотомъ. Мерцали въ вышинѣ крупныя и мелкія звѣзды, какъ Божьи свѣчки въ храмѣ, и влажно пахло землей и умирающей травой. И никогда еще Фома не чувствовалъ себя такимъ одинокимъ и боршеннымъ, какъ сейчасъ. Онъ присѣлъ на приступокъ у выхода и оцѣпенѣлъ.

Да, отжилъ вотъ, а что толку: выбросило его вонъ за его долгую и послушную жизнь, какъ старый лапоть, и некому защитить, и некому подобрать.

— Помирать надо... — плача, улыбнулся онъ, — помирать, бай... Пущай, живутъ, какъ хотятъ... наплевать!.. На кладбище надо сходить...

И, точно отвѣчая его слезамъ, съ обычной вечерней печалью заплакалъ церковный колоколъ. Вскрикнувъ глухо: у-у-у!.. застоналъ, заскорбѣлъ надолго: увы-увы-увы! И потомъ замеръ въ слѣпомъ древнемъ отчаяніи. И эта пустая сѣрая тьма и четкая одинокая колокольня съ совинымъ глазомъ казались страшными, какъ пустой домъ въ полночь.

Рожденный этимъ вечернимъ плачемъ колокола, отъ церкви изъ тьмы по лукѣ шелъ къ Фомѣ Степанка, такой, какимъ онъ видѣлъ его въ послѣдній разъ на вокзалѣ, въ широкой сѣрой шинели съ длинными рукавами и въ чужомъ солдатскомъ картузѣ. Шелъ и плакалъ, захлебываясь слезами и шмыгая носомъ. Шелъ онъ, весь измученный, едва таща ноги, и глядѣлъ на Фому разбухшими отъ муки глазами и тосковалъ:

— Тятя!.. и такой здѣсь страхъ... може, я и не выдоржу... Тятя!..

Фома въ смятеніи вскочилъ съ порога, кинулся къ Степанкѣ и упалъ. Хотѣлъ встать, но отнялись ноги и руки. Онъ пополз по землѣ, навстрѣчу звону, бормоча что-то непонятное, но радостное, нѣжное и съ такою тоскою, такою скорбью, такимъ восторгомъ, какой бываетъ только передъ смертью въ моменты великаго счастья. Карабкаясь по землѣ, онъ доползъ до дороги, не спуская остановившихся глазъ со Степанки, который продолжалъ идти къ нему, скорбившись, не поднимая ногъ, точно несъ непосильную тяжесть,—шелъ и не могъ дойти. Когда силы оставили Фому совсѣмъ, онъ упалъ лицомъ въ землю и замеръ, продолжая невнятно бормотать что-то землѣ въ прежнемъ восторгѣ и скорби.

VII.

До Воздвиженья Олена продала Макину щевицу и не сказала даже Фомѣ, а если бы и сказала, то едва ли бы онъ отвѣтилъ ей что-нибудь. Пущай, что хочетъ, то и дѣлаетъ.

Днемъ онъ жилъ однимъ непрерывнымъ ожиданіемъ ночи, которая рождалась звономъ колокола, и бродилъ по двору, со двора на гумно, на сжатое просо за гумномъ.

Все чаще и чаще заходила Окся и, вся сіяющая, ласковая, садилась около Фомы и долго говорила о своей хорошей жизни и пѣвуче, по старушечьи, вскрикивала нѣжно, со слезами, какъ мать:

— Горе-то тебѣ какое, дядя Фома... Господи!..

И Фома привыкъ къ ней, ждалъ ее, улыбался и бормоталъ, радостно, горько и восторженно:

— Страхъ, батъ, тятя, великій... може, батъ, и не выдоржу...

А она свѣтилась, по дѣвчатьи невинно и грустно и пѣла любовно:

— Горя-то у тебя сколько, дядя Фома... горя-то сколько!..

И потомъ опять говорила о своей хорошей жизни.

Олена улыбалась спокойной змѣиной улыбкой и язвила:

— Сошлись домовой съ курицей... Дѣло-то околѣло... Иди а ты Оксютка: свекоръ ждетъ...

А Окся съ готовностью радостно отвѣчала:

— У меня свекоръ—батюшка — хорошій... дай Богъ всякому..

Къ Воздвиженью Олена вошла въ компанію съ Макинымъ на дранку и часто пропадала тамъ, и когда приходила домой, то въ лицѣ у нея было что-то хитрое, довольное и грѣшное.

Наканунѣ праздника, вечеромъ, Маринка нарядилась во все новое, молча, ушла изъ дому и больше не возвращалась. Олена загадочно улыбалась и, среди хозяйственныхъ хлопотъ, все мурлыкала что-то бойкое и веселое.

Утромъ Фома хотѣлъ поѣхать въ церковь на престолъ въ сосѣдній приходъ, но Олена не дала кобыленки: сказала, что сама поѣдетъ въ волость. Послѣ этого Фома долго молился на колѣняхъ и плакалъ, и все тыкался сѣдою головою въ грязный полъ.

Прибѣжала изъ выхода Олена, какъ скаженная, и оглушила его крикомъ и бранью.

— Будь я трижды проклята, ежели я спущу ей, воровкѣ! Ступай, батюшка къ Дудору и — за волосы ее, хавалду... Все матушкино добро забрала... все ночью украла... Мнѣ она хоть сдохни, ну, матушкино добро жалко!.. Матушкино добро — и мое добро... Я къ земскому поѣду!.

Фома затрясся, заплакалъ и едва всталъ на ноги.

— Уйди отъ меня, ради Христа.. Назола-то какая!.. Замаяли вы меня, старика... И чо за деймонъ ты?.. и чо жизню рушишь мою?.. Грѣхъ гонишь въ домъ, поскуда... И чо жъ теперь будетъ-то, а?.. Куда же я пойду отъ васъ, а?.. Богъ съ вами, живите, какъ хотите...

Онъ вышелъ изъ избы и пошелъ, самъ не зная, куда. Утро было холодное, съ бѣлымъ бисернымъ инеемъ. Онъ былъ всюду — на травѣ, на завалинѣ, на соломенныхъ крышахъ амбаровъ. Небо было чистое, низкое и стальное, точно и оно было покрыто инеемъ. На прозрачной бѣлизнѣ луки видны были льдистые слѣды: кто-то прошелъ изъ села къ церкви.

Фома добрался до кельи Паруши, постоялъ немного и вошелъ въ избу. Паруша топила печь и гремѣла горшками. Вся прежняя — суровая и дикая, никогда не улыбающаяся, — посмотрѣла на него понимающими, угрюмыми глазами и первая заговорила по-мужичьи мудро и сурово:

— Чо? еще живешь?.. не выкурили еще дѣтки-то?.. Они, братъ, дѣти-то — плети...

— Не мути, бай, а ты... и чо мутишь, дѣвка?.. Пущай, живутъ.. пущай, плетутъ себѣ, какъ хотятъ, пра....

— Они заплетутъ... они те!.. Ты — мягкій и глупый: сокрушатъ они тебя, пра... сокрушатъ, Фома...

Фомѣ хотѣлось подѣлиться съ Парушей своей скорбью, хотѣлось сказать ей о своей святой тайнѣ, и не находилъ словъ.

— Ходитъ ко мнѣ Степанка-то, Паруша... Какъ ночь, такъ и...

— Умрешь ты скоро, Фома...

— Муки, батъ, тятя, великія... Страждетъ!.. Господь-то послалъ вотъ... выбралъ... Нужонъ, знать, Ему Степанка-то... Самъ Господь Сына Своего Единороднаго на муки послалъ. и Степанка-то... тоже вотъ единородный..

Говорилъ съ вѣрой, свѣтился весь въ молитвенной покорности, а въ душѣ была такая тоска, что хотѣлось грохнуться на полъ, кататься и выть въ отчаяніи. Онъ заплакалъ и не могъ говорить.

— Умрешь ты скоро, Фома... — сказала Паруша увѣренно и тоже заплакала.

— Маринка-то... убѣгла отъ меня вѣдь... Взяла и убѣгла... Связалась съ Дудоромъ и убѣгла...

Паруша точно услышала радостную вѣсть и кашлянула отъ смѣха, и въ этомъ своемъ смѣхѣ она показалась уставшей и измученной.

— То ли еще будетъ, Фома... то ли еще есть... Чо въ домѣ-то у тебя... Чехарда у тебя въ домѣ-то... чистая чехарда!.

— Какъ же быть-то, старуха, а?..

— Ты — старый песъ... Самъ былъ хамъ съ зубамъ, а нонѣ воешь по ночамъ, какъ проклятый... Меня вонъ, суку, на цѣпь посадили... Рази только удавятъ, дай срокъ... Ну, а нонѣ, борони Богъ, мнѣ въ пасть попасть... Мой животъ поживетъ... Душу мою не погублю: я свою гордыню Владычицѣ унесу...

Она выпрямилась, напряглась, окрѣпла, стала опять прежней, упрямой, большой, непреклонной, съ насупленными бровями и холодной металличностью въ глазахъ.

Фомѣ стало тяжело, и опять онъ почувствовалъ, что Паруша не поймета его, не почуетъ его тайны, не почуетъ его скорби. А повѣдать некому. И опять невыносимо стало ему отъ одиночества своего и тоски.

Онъ ушелъ отъ Паруши и побрелъ на гумно. Здѣсь было хорошо: на всемъ была видна рука Степанки, и изъ каждой соломинки и колоска смотрѣло на него трудовое его лицо. Долго слонялся онъ по гумну безъ дѣла, потомъ нахлобучилъ на бороду картузъ и пошелъ въ поле. Вспомнилъ, что надо бы сходить на вокзалъ, гдѣ провожалъ онъ Степанку, и гдѣ Степанка плакалъ и тосковалъ въ послѣдній разъ. Черезъ дымный осенній лѣсъ на горизонтѣ, черезъ черныя и бурыя поля слабо и мутно звали Фому грустные гудки паровозовъ.

VIII.

На станціи попрежнему было много вагоновъ; ихъ таскали съ мѣста на мѣсто и они стукались другъ о друга и грохотали. И въ самомъ вокзалѣ все было по старому: такъ же пусто и тѣсно. На пыльныхъ стѣнахъ висѣли тѣ же большія и маленькія запачканныя грамоты; онѣ висѣли тутъ давно, какъ провели дорогу, и висятъ до сихъ поръ — такъ ихъ, должно быть, и не снимали все время: кому онѣ нужны.

Около площадки стоялъ длинный поѣздъ, и около вагоновъ прохаживались солдаты: иные на костыляхъ, иные съ перевязанными руками и головами. Въ сторонѣ нелюдимо прижимались къ стѣнѣ вокзала и къ рѣшеткѣ палисадника мужики и бабы изъ Шунакъ. Притащились сюда и мордовки въ однихъ шушпанахъ.

Фома постоялъ немного на площадкѣ, смущенно и робко улыбаясь, и, не зная, куда идти и что дѣлать, смотрѣлъ на солдатъ и жевалъ беззубыми деснами.

Позади, у послѣдняго вагона, сидѣли рядкомъ нѣсколько солдатъ на багажной телѣжкѣ и курили. Одинъ изъ нихъ былъ съ подвязанной рукой, одинъ съ костылемъ. Всѣ молодые и широкорылые. Только одинъ былъ съ широкой бородой и сѣрымъ измученнымъ лицомъ, какъ у покойника. Каждый изъ нихъ былъ похожъ на Степанку и каждый былъ родной Фомѣ, свой, какой-то Воропуговскій. Може, Степанкины дружки: коли изъ этихъ мѣстъ, такъ обязательно съ нимъ были.

Фома робко зашаркалъ къ нимъ своими курносыми сапогами. Когда онъ подошелъ къ нимъ, солдаты посмотрѣли на него равнодушными, скучающими глазами и продолжали тихо говорить о чемъ-то и смѣяться, поглядывая на мордовокъ, обтянутыхъ шушпанами. Фома снялъ почему-то кар-

тузъ и, поднимая брови, любовно и нѣжно смотрѣлъ на нихъ и не зналъ, о чемъ говорить. А поговорить хотѣлось о многомъ и столько, что хватило бы на цѣлый день.

— Мордовки... — улыбаясь, съ радостью, забормоталъ онъ, — въ шушпанахъ... Покштяйскія... Трудный народъ... хозявы...

Солдатъ съ подвѣшенной рукой посмотрѣлъ на него, шевеля усами, и прищурилъ одинъ глазъ.

— А-а!.. папаша — мудрость наша... Трудящій старичокъ... слезы точишь въ кулачокъ, а молитвы въ кабачокъ...

— Гы-гы-гы!..

Фома смущенно таращилъ кверху брови и счастливо улыбался.

— Складный какой... веселый-то... хорошій парень...

— Со смертью вмѣстѣ пьянствовали... а теперь съ похмелья голова болитъ...

Бородатый солдатъ тупо и напряженно смотрѣлъ куда-то впередъ такими глазами, словно онъ долго не спалъ, и, не оборачиваясь, хрипло равнодушно сказалъ:

— А теперь вотъ чверезить гонютъ... Да не быть чверезымъ: дюже черезъ край хватили...

— Не робь, Естропъ: опять тамъ будемъ... Одни, братъ, черти не знаютъ смерти... Кути, робя, ежели такое счастье выпало!..

— То-то... И Степанка, бай, вотъ...—сказалъ Фома, чувствуя, что они говорятъ о томъ, чѣмъ живетъ и страдаетъ Степанка,—може, батъ, и не выдоржу... Великая, батъ, страсть!.. Чай, тамъ же Степанка-то...

— То-есть чей это Степанка?

— Степанъ Столбовъ... какже... Вмѣстѣ, чай, были... вмѣстѣ муку примали... Знать должны... Степанъ Столбовъ, чай...

— Гы, папаша! Тамъ не то ли что столбовъ, а стриготъ и дубьевъ... Чистая цырульня, ядреный корень...

— Какже...: Тамъ вѣдь Степанка-то... Тамъ муку-то приматъ... Столбовъ онъ, какже...

— Былъ одинъ Столбовъ въ нашемъ зводѣ... знаю...— сказалъ попрежнему равнодушно и тупо бородатый солдатъ: — Только тотъ былъ Семенъ...

— Степанъ, чай... какже... Не Семенъ, а Степанъ...

— Ну, такъ тотъ самый Столбовъ убитый...

— О? Степанка-то?.. батюшки!..

— Всѣ, братокъ, на смерть идемъ... — тускло простоналъ бородатый, — подумаешь, подумаешь да и молашь: и пошто это?.. откуда и зачѣмъ такіе ужасти для жизни человѣческой?..

Фома надѣлъ картузъ, потомъ опять снялъ и зажевалъ губами. У него вдругъ сильно затряслась голова, и онъ, молча, съ прежней нѣмой любовью и молитвой смотрѣлъ на солдатъ.

IX.

Торопясь куда-то, то снимая, то надѣвая картузъ, Фома быстро и грузно шаркалъ ногами по дорогѣ.

Кругомъ были пустыя поля, молчаливыя и скорбныя, точно живыя. Какія они необъятныя и какія покорныя! Вѣковой мужицкой мукой измученныя, живыя они были отъ его чернаго труда, — такія кроткія, вздыхающія, готовыя къ жертвѣ. Какъ человѣкъ, смотрѣли они на Фому, тянулись къ нему со всѣхъ сторонъ, отъ самаго горизонта, смыкались у его ногъ и несли въ его душу непереносную боль, — такую же необъятную, какъ они сами. Одинъ шелъ Фома по дорогѣ со свѣтлыми слѣдами отъ колесъ по колеямъ и несмѣтными ямочками отъ лошадиныхъ подковъ по серединѣ, и черный самъ, прижатый къ землѣ, онъ исчезалъ въ ней, словно уходилъ въ ея нѣдра и растворялся въ ней безъ остатка.

День былъ свѣжій, немного туманный въ даляхъ, съ блѣдными неясно обрѣзанными оттѣнями. Одинокій среди полей, Фома обалдѣло, не мигаючи, всматривался въ дорогу и растерянно, какъ пораженный, все время мычалъ и цокалъ языкомъ:

— Ц, ц!.. ц, ц!..

Въ лывинкѣ, немного вправо отъ дороги, надъ бурыми жнивами кудрявой полоской грустно багрились вершинки молодого осинника, а влѣво по ту сторону лывинки, ярко и молодо зеленѣли широкія полосы озими, правильно и тонко обрѣзанныя косогорчикомъ. Впереди дорога тоже обрывалась, и когда опять поднималась изъ лывинки, то была уже въ другомъ мѣстѣ и жирно чернѣла между озимями. Съ лѣвой стороны, за зеленью озимей и черными парами, на красномъ фонѣ барскаго яра сѣрымъ старымъ столбомъ стояла родная колокольня, и толпились желтыя шапки копенъ на гумнахъ. Но и эта колокольня, и круглыя могилки

копешекъ были уже далеки и чужды Фомѣ. Не за чѣмъ ужъ больше идти туда. Все сразу провалилось куда-то въ бездну, и онъ остался одинъ среди полей, послѣдній, никому не нужный. И въ душѣ у него было такое ощущеніе, что какъ будто онъ вдругъ окончилъ какую-то огромную работу, положенную ему отъ рожденія, и теперь вдругъ почувствовалъ необычайную птичью легкость и свободу. Если бы были крылья, онъ легко бы взвился въ вольную голубую высь.

Вверху, за горбинкой взгорчика, прошли передъ нимъ тѣ солдаты, которыхъ онъ только что видѣлъ на вокзалѣ. Прошли плавно и скрылись — растаяли...

Фома изо всѣхъ силъ бросился на взгорокъ и, задыхаясь, едва держась на ногахъ, таращилъ слѣпые отъ ужаса глаза на то мѣсто, гдѣ прошли солдаты. Когда онъ поднялся изъ лывинки, никого кругомъ не было, и поле попрежнему отовсюду смотрѣло на него скорбящей тишиной.

Итти дальше уже не было силъ, точно добѣжалъ онъ до заказаннаго предѣла, и больше уже некуда было и не за чѣмъ бѣжать. И въ этой послѣдней торопливой дорогѣ какъ будто вылились изъ него и растаяли послѣднія движенія. Онъ мѣшкомъ опустился на блеклую траву у дороги, свалился на бокъ и съежился, уткнувшись головой въ холодные сырые комки земли, набитые колесами телѣгъ.

Лежа при дорогѣ, одинъ среди полей, у родной озими, забылся, застылъ Фома въ своей смертельной душевной боли. И уже не было ощущенія тѣлесной усталости: былъ только бездонный покой земли, будто эта боль и отчаяніе клубкомъ отдѣлились отъ тѣла, а оно упало въ пучину земного безмолвія и растворилось въ немъ, какъ капля въ океанѣ. А отчаяніе и смертельная тоска была отъ того, что нѣтъ уже Степанки, что Степанка уже погибъ и больше не воскреснетъ.

Звонили далекіе родные колокола, и отъ этого звона пѣли и молились поля.

И почудилось Фомѣ, что онъ опять, распростертый, лежитъ на полу въ своей родной церкви передъ иконою Спасителя и безъ словъ, нѣмо молится за Степанку. И будто много передъ иконою горитъ тоненькихъ бѣлыхъ свѣчей. Играютъ и плачутъ свѣчи, и будто всѣ ихъ зажегъ одинъ онъ, Фома, — и будто не свѣчи это, а все то, чѣмъ жилъ онъ, чѣмъ болѣлъ и чего никакъ не могъ выразить

словами. И слушаетъ онъ, какъ тихо и радостно поютъ на клиросѣ простые мужицкіе голоса:

— Единородный Сыне... Распныйся же, Христе Боже, смертію смерть поправый...

И такіе были хорошіе, такіе душевные и родные голоса, какъ будто выходили они изъ глубины его собственной души.

И когда Фома, потрясаемый восторгомъ, поднялся на руки, чтобы съ любовью и вѣрою взглянуть на ликъ Спасителя, онъ увидѣлъ, что по дорогѣ, около самой озими, идетъ къ нему Степанка, безъ картуза, въ шинели, и радостно смѣется. Протягиваетъ къ нему руки, торопится и поматываетъ своей шершавой башкой, какъ это онъ дѣлалъ въ дѣтствѣ, и кричитъ ему издали, какъ бывало, парнишкой, когда отецъ пріѣзжалъ съ поля:

— Тятя, а , тятя!.. Я—къ тебѣ... возьми меня...

Карабкаясь по твердымъ придорожнымъ кочкамъ, падая и пыряя головою землю, Фома задыхался отъ радости и мычалъ ему навстрѣчу безъ словъ, какъ шальной:

— Сыне... сыне... единородный...

Съ разбитымъ о кочки лицомъ, весь въ крови и ссадинахъ, Фома впился руками въ сапоги Степанки и сталъ цѣловать ихъ, замирая отъ счастья.

...Подобралъ Фому на дорогѣ даниловскій почтарь и по знакомству мимоѣздомъ привезъ его въ Сморкаловскій хуторъ, къ Миколаю. Фома былъ уже безъ языка, и всю дорогу лежалъ въ тарантасѣ тушей, безъ движенія.

Очнулся онъ уже у избы Миколая. Какъ сквозь сонъ, увидѣлъ онъ, что Миколай снимаетъ его съ тарантаса и бубнитъ ему въ ухо свою обычную пустую ералашь:

— Богоданный родитель! Двадцать двѣ хворобы! По поштвѣ доставили въ нашъ собцвенный домъ... Гуляй, родитель, въ избу и ложись подъ образа... Лавки у насъ, родитель, широкія: хоть самому енералу помирать... могила!..

Машарка плакала и растерянно топталась рядомъ, въ томъ же зеленомъ сарафанѣ, въ какомъ она была въ Успенье въ Воропуговской церкви. Когда Миколай положилъ его на лавку, впереди, Фома смутно увидѣлъ, какъ надъ нимъ наклонилось рябое, курносое лицо Машарки, залитое сле-

зами, и какъ она, точно издалека, слабо, по овечьи, крикнула ему:

— Батюшка, аль больно плохъ?.. Аль, батюшка, умираешь?.. Господи!..

А потомъ все исчезло — угасло, какъ свѣча.

Федоръ Гладковъ.

НЕ МОЖЕТЪ БЫТЬ!

А дни все тѣ же... Изумленно лѣто
смотрѣло на первую кровь...
Незнакомо каркалъ надъ трупомъ одѣтымъ
вороно, садясь на бровь...

Медленно желтѣли травы...
И въ жертвенную осень лилась
вмѣстѣ съ золотомъ ржавымъ
кровавая липкая грязь...

Монотонную тянулъ пѣсню
дождь въ стебляхъ зеленей...
Страшно и безшумно, какъ плѣсень.
цвѣлъ бредъ з д ѣ ш н и х ъ дней...

И кровью, алой кровью казнили
перваго снѣга утренний ликъ...
И только ели вѣтки склонили
да еще въ соснахъ былъ жалобный крикъ...

А потомъ была весна. Неуемно
зацвѣла каждая пашня, каждая новь...
И на свѣжей землѣ—зеленой и темной,
новая стыла кровь...

И дальше такъ же? И, смиряясь, привыкнетъ
къ этимъ днямъ Земля? Вся?
И никто, никто не крикнетъ
безумнымъ, имъ:—«Нельзя!»?

Натанъ Венгровъ.

914. Зима.

ГОРДОСТЬ.

Былъ вечеръ мукъ. Томила злоба
На злую хитрость бытія.
И мы, какъ встарь, скучали оба—
На небѣ—Богъ, подъ небомъ—я.

Его, ничѣмъ не обозначенъ,
Давилъ просторъ. Меня—мой склепъ.
Творецъ страдалъ, затѣмъ, что зрячъ онъ,
А я—затѣмъ, что былъ я слѣпъ.

Но міръ, рѣзвясь, какъ мальчикъ шустрый,
Забылъ Творца. И гордый Богъ
Планетъ серебряныя люстры
Предъ ликомъ Собственнымъ зажегъ.

Былъ вечеръ нѣгъ, чей хмель такъ сладокъ,—
И чуждость душъ, и близость тѣлъ,—
Но счастьемъ тайнъ, но тьмой загадокъ
Я быть счастливымъ не хотѣлъ.

Я славилъ смѣхъ, чтобъ скрыть рыданья.
Надменный Кормчій воль и силъ
Не снизошелъ до состраданья,
А я пощады не просилъ.

Ему-бъ внимать, молиться мнѣ бы!
Но мы смириться не могли:
Ни я—возвысившись до неба,
Ни Онъ—склонившись до земли.

Э. Германъ.

БѢЛАЯ ПТИЧКА.

Романъ **Дж. М. Барри.**

(Продолженіе) *.

XIII.

Питеръ Пэнъ.

Если вы спросите вашу маму, слышала-ли она о Питерѣ Пэнѣ, когда была маленькой дѣвочкой, она отвѣтитъ: «Ну, да, конечно, слышала...» — И если спросите, ѣздилъ-ли онъ верхомъ на козлѣ, — она отвѣтитъ: «Какой глупый вопросъ — конечно, ѣздилъ!..» Если вы спросите бабушку, слышала-ли она о Питерѣ Пэнѣ, когда была маленькой, она тоже скажетъ: «Ну, да, конечно, слышала...» Но если вы спросите ее, ѣздилъ ли онъ тогда верхомъ на козлѣ? — она отвѣтитъ, что о козлѣ она ничего не слышала! Быть можетъ, она забыла. Она часто забываетъ даже, какъ зовутъ внука, и зоветъ его Мильдредъ, — а Мильдредъ это его мать. Она могла забыть и такое важное обстоятельство, какъ козелъ... Допустимъ даже, что въ то время, когда ваша бабушка была маленькой дѣвочкой, еще не было козловъ... Во всякомъ случаѣ, начинать съ козла, разсказывая о Питерѣ Пэнѣ, что многіе дѣлаютъ, такъ же глупо, какъ надѣвать сюртукъ раньше жилета... Ясно, какъ день, что Питеръ Пэнъ очень старъ, но возрастъ его остается неизмѣннымъ... Ему всего семь дней, и хотя онъ родился давно, давно, у него нѣтъ дня рожденія, и врядъ-ли даже онъ когда-нибудь его праздновалъ. Дѣло въ томъ, что онъ пересталъ быть человѣческимъ существомъ, когда ему исполнилась недѣля... Онъ вылетѣлъ въ окно и вернулся обратно въ Кенсингтонскій паркъ.

Если вы воображаете, что онъ былъ единственнымъ ребенкомъ, надумавшимъ улетѣть изъ колыбели, то вы очевидно совершенно забыли первые дни своего дѣтства... Когда Давидъ въ первый разъ выслушалъ эту исторію, онъ былъ почти убѣжденъ, что онъ никогда не дѣлалъ попытокъ улетѣть... Но я сказалъ ему, чтобы онъ прижалъ руки къ вис-

* См. „Лѣтопись“. № 1. 2—4. 1917.

камъ и хорошенько подумалъ, и когда онъ хорошенько подумалъ, онъ сталъ отчетливо вспоминать свое давнее дѣтское желаніе вернуться опять на верхушки деревьевъ... Вслѣдъ за этимъ воспоминаніемъ ожили многія другія: какъ онъ лежалъ въ кровати и рѣшилъ улетѣть, едва лишь мать уснетъ, и какъ она однажды поймала его за рубашку на полпути къ камину...Всѣ дѣти могутъ припомнить такія-же минуты, если крѣпко прижмутъ ручки къ вискамъ... Такъ какъ они были птичками передъ тѣмъ, какъ приняли человѣческій обликъ, то въ первыя недѣли они, понятно, кажутся дичками и у нихъ сильно чешутся плечи, какъ разъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ у нихъ были раньше крылышки... Это я знаю уже отъ Давида...

Обыкновенно, я сначала ему разсказываю какую-нибудь исторію, а затѣмъ онъ разсказываетъ ее мнѣ. Но это уже совсѣмъ, совсѣмъ другая исторія... Потомъ, я опять разсказываю, уже съ его добавленіями, и мы продолжаемъ разсказывать ее другъ другу, пока ни онъ, ни я уже сами не знаемъ, кѣмъ изъ насъ двухъ она сочинена... Въ исторіи, напримѣръ, о Питерѣ Пэнѣ, самый остовъ повѣсти и размышленія моральнаго свойства принадлежатъ мнѣ, хотя этотъ мальчуганъ бываетъ иногда суровымъ моралистомъ... Но увлекательныя описанія нравовъ и обычаевъ у дѣтей въ птичьемъ состояніи принадлежатъ Давиду... Это его личныя воспоминанія, которыя онъ воскресилъ въ своей памяти, напряженно думая и прижимая ручки къ вискамъ...

Итакъ, Питеръ Пэнъ вылетѣлъ въ окно, къ которому не догадались еще придѣлать рѣшетки. Стоя на подоконникѣ, онъ видѣлъ далекія деревья — это были деревья Кенсингтонскаго парка. И глядя на нихъ, онъ совершенно забылъ, что онъ теперь мальчикъ въ ночной рубашечкѣ, и потому, прямо черезъ крыши домовъ, понесся въ Кенсингтонскій паркъ... Это удивительно, конечно, какъ онъ могъ летѣть безъ крыльевъ, но плечи у него чесались нестерпимо... И кто знаетъ — быть можетъ, мы всѣ умѣли бы летать, будь у насъ столькоже мощной вѣры въ свои силы, сколько было ея въ этотъ вечеръ у смѣлаго Питера Пэна...

Онъ весело спустился на лужайку, между дворцомъ маленькой дѣвочки и озеромъ Серпантинъ, и первымъ дѣломъ — прилегъ на спинку и подрыгалъ обѣими лапками въ воздухѣ. Онъ уже забылъ, что еще недавно былъ мальчикомъ, и возомнилъ себя настоящей птичкой... Ему казалось, что онъ вновь преобразился въ такую-же птичку, какой былъ когда-то. Однако, когда онъ захотѣлъ поймать муху, это къ его

удивленію ему не удалось... А причина была та, что онъ хотѣлъ поймать ее рукой... Но какая-же птичка ловитъ мухъ лапками?..

Онъ сознавалъ, однако, что было уже далеко за полночь— оттого что кругомъ сновало много фей... Но онѣ заняты были своимъ дѣломъ и даже не замѣчали его... Онѣ готовили завтракъ, доили коровъ, таскали воду... При видѣ ведеръ съ водою ему захотѣлось пить, и онъ полетѣлъ къ Круглому пруду... Прилетѣвъ къ пруду, онъ попрузилъ въ воду свой клювъ, онъ думалъ, что пьетъ клювомъ, а сунулъ-то онъ въ воду свой носикъ, воды ему въ ротъ попало очень мало, и никакого удовольствія онъ при этомъ не испыталъ... Тогда онъ попробовалъ напиться изъ лужи, и шлепнулся въ нее.... Когда настоящая птичка шлепается въ лужу, она расправляетъ перышки, и они тотчасъ высыхаютъ на воздухѣ. Но Питеръ не могъ вспомнить никакъ, что ему надо въ этомъ случаѣ дѣлать, и, надувшись, рѣшилъ улечься спать въ Дѣтской Аллейкѣ, въ листвѣ тихо шелестѣвшаго бука.

Ему очень трудно было примоститься на колыхавшейся вѣткѣ, но, наконецъ, онъ вспомнилъ, какъ это дѣлается, и уснулъ. Проснулся онъ на зарѣ, и дрожа отъ холода, проговорилъ про себя... «Никогда еще я не былъ на такомъ холоду...»—Когда онъ былъ птичкой, онъ спалъ, конечно, и не на такомъ еще холоду... Но что хорошо для птички, то можетъ быть совсѣмъ нехорошо для мальчика въ одной ночной рубашенкѣ...

Ему было какъ-то не по себѣ... Его безпокоили какіе-то странные, непонятные звуки... Онъ оглядывался во всѣ стороны, недоумѣвалъ, откуда идутъ эти звуки... А звуки-то шли изъ его носика — онъ все время чихалъ... Потомъ ему чего-то сильно, сильно захотѣлось, а чего именно онъ тоже не могъ понять.. А хотѣлъ онъ только, чтобы его мама утерла ему носъ, но голова его плохо работала, и онъ рѣшилъ обратиться къ феямъ и спросить у нихъ, чего ему такъ сильно хотѣлось...

Феи парка извѣстны были своей проницательностью....

Въ Дѣтской Аллеѣ, обнявшись, прохаживались двѣ феи, онъ подлетѣлъ къ нимъ... И хотя у фей давніе счеты съ птичками, но все же на всякій вѣжливый, хотя бы и птичій вопросъ онѣ отвѣчаютъ тоже очень вѣжливо... Можете представить себѣ, каково было изумленіе Питера Пэна, когда эти двѣ феи, едва завидѣвъ его, быстро убѣжали. Третья фея, небрежно развалившись въ плетеномъ креслѣ, разсматривала почтовую марку, оброненную наканунѣ человѣкомъ, но

услыхавъ голосъ Питера Пэна, она испуганно сорвалась съ мѣста и спряталась за тюльпаномъ....

Онъ убѣдился вскорѣ, къ своему изумленію, что при встрѣчѣ съ нимъ всѣ феи разбѣгаются... Группа рабочихъ, пилившихъ дрова, позади ядовитаго гриба, увидѣвъ его, тоже бросилась бѣжать вразсыпную, побросавъ работу и всѣ свои инструменты... Скоро весь паркъ охваченъ былъ панической тревогой. Толпы фей растерянно метались по дорожкамъ, и храбро спрашивали другъ друга, кого и чего онѣ собственно испугались... И въ то же время всюду гасли огни, захлопывались двери, а изъ дворца королевы Мабъ неслись уже глухіе перекаты барабаннаго боя, говорившаго о томъ, что вызвана королевская гвардія... На Широкой Аллеѣ показался отрядъ всадниковъ, вооруженныхъ вѣтками остролистника, которыми эти воины безпощадно рубятъ своихъ враговъ... Питеръ Пэнъ слышалъ, какъ со всѣхъ сторонъ кричали о томъ, что въ паркѣ очутилось какое-то человѣческое существо, — но ему и въ голову не приходило, что это онъ — самъ... А между тѣмъ его все больше и больше безпокоилъ его грязный носикъ, онъ не зналъ, что ему предпринять, и тщетно гнался за обитателями парка съ столь важнымъ для него въ эти минуты вопросомъ... Нѣжныя маленькія существа разбѣгались передъ нимъ, и даже всадники, увидавъ его подлѣ Холма, быстро свернули въ боковую аллею, подъ предлогомъ, что замѣтили здѣсь какое-то человѣческое существо.

Потерявъ надежду добиться отвѣта отъ фей, Питеръ Пэнъ рѣшилъ обратиться къ птичкамъ, и тутъ только вспомнилъ, что всѣ птички улетѣли съ бука, едва онъ опустился на вѣтку... Въ ту минуту онъ не обратилъ на это вниманія, но теперь онъ догадывался, что и птички его испугались. Все живое на землѣ избѣгало его... Бѣдный Питеръ Пэнъ... Онъ сѣлъ на землю и заплакалъ, но даже и въ это мгновеніе онъ не сознавалъ, что никогда птички не сидятъ и не плачутъ такъ, какъ сидѣлъ и плакалъ онъ... И хорошо, что онъ не зналъ объ этомъ... Иначе онъ утратилъ бы вѣру въ свою способность летать. А какъ только вы начинаете сомнѣваться въ своемъ умѣніи летать, вы навсегда уже утрачиваете эту способность. Потому-то птички и умѣютъ летать, что онѣ вѣрятъ, а вѣрить это значитъ — имѣть крылья...

На островкѣ на озерѣ Серпантинъ можно попасть только по воздуху, лодкамъ запрещено причаливать къ его берегамъ. — Островокъ обведенъ торчащими изъ воды жердями, и на каждой жерди денно и нощно караулятъ птички—

часовые... На этотъ-то островокъ и полетѣлъ Питеръ Пэнъ, чтобы разсказать о своемъ горѣ Соломону Ворону... Съ чувствомъ облегченія спустился онъ тамъ на землю, недаромъ птички называютъ этотъ островъ своей родиной —Питеру Пэну пріятно было очутиться, наконецъ, дома. Всѣ птички спали. Спали и часовые... Бодрствовалъ только одинъ Соломонъ-Воронъ. Онъ спокойно выслушалъ грустную повѣсть Питера о его злоключеніяхъ и откровенно замѣтилъ ему:

— Да ты погляди на свою ночную рубашку...

Питеръ растерянно посмотрѣлъ на себя, потомъ на спавшихъ птичекъ... Онѣ были всѣ безъ ночныхъ рубашекъ.

— Много ли у тебя коготковъ на лапкахъ? — уже съ оттѣнкомъ насмѣшки въ голосѣ спросилъ Соломонъ-Воронъ. И Питеръ Пэнъ къ несказанному смущенію своему увидалъ, что у него нѣтъ ни лапокъ, ни коготковъ. У него были ножки и пальчики... Это такъ поразило его, что онъ забылъ даже и про холодъ. — А ну-ка встряхни перышками! — угрюмо продолжалъ старый Соломонъ, и Питеръ тщетно и съ отчаяніемъ дергалъ плечиками и вскидывалъ ручки: у него не было перышекъ... И тутъ только впервые съ той минуты, когда онъ вскочилъ на подоконникъ, онъ вспомнилъ объ одной женщинѣ, нѣжно любившей его...

— Счастливаго пути... — отвѣтилъ Соломонъ-Воронъ и какъ-то странно такъ на него посмотрѣлъ.

Питеръ нерѣшительно топтался на одномъ мѣстѣ.

— Что-же вы не уходите? — вѣжливо спросилъ старикъ.

— Но надѣюсь... — прерывающимся голосомъ сказалъ Питеръ — я могу еще летать?

Вы понимаете, онъ началъ уже сомнѣваться...

— Бѣдненькій ты «Ни то, ни се» — сказалъ Соломонъ, у котораго было въ сущности предоброе жалостливое сердце...—Никогда ты уже не будешь летать, даже въ вѣтренные дни... Теперь ты долженъ остаться навсегда на этомъ островѣ...

— И даже въ Кенсингтонскомъ паркѣ никогда не смогу бывать? — съ ужасомъ спросилъ Питеръ Пэнъ.

— Какъ-же ты туда попадешь? — сказалъ Соломонъ. Однако, онъ ласково пообѣщалъ мальчику научить его разнымъ птичьимъ обычаямъ и способамъ устраивать свою жизнь, поскольку, конечно, все это могло быть доступно для такого страннаго существа, какъ онъ...

— Значитъ, я уже не буду мальчикомъ? — спросилъ Питеръ.

— Нѣтъ.

— И настоящей птичкой не буду?

— Нѣтъ.

— Чѣмъ-же я буду?

— Будешь «Середка-на-половину» — отвѣтилъ старый мудрый Соломонъ.

Птички на островѣ никакъ не могли привыкнуть къ Питеру. Каждый день онѣ начинали вновь изумляться его странностямъ, какъ чему-то новому... Но въ дѣйствительности, птички-то каждый день были здѣсь новыя... Онѣ ежедневно вылуплялись изъ яицъ и тотчасъ же принимались смѣяться надъ нимъ. Однѣ изъ нихъ улетали и превращались въ мальчиковъ и дѣвочекъ, и на смѣну имъ вылуплялись изъ яицъ другія птички...

И такъ безъ конца...

Были и такія матери, которымъ надоѣдало сидѣть долго на яйцахъ, и онѣ хитростью выманивали раньше срока своихъ птенчиковъ изъ скорлупы: нашептывали имъ, что вотъ какъ разъ теперь они могли-бы увидѣть какъ Питеръ Пэнъ моется, или какъ Питеръ Пэнъ пьетъ или ѣстъ... Онѣ ежедневно окружали его цѣлыми стаями и смотрѣли, какъ онъ все это продѣлываетъ, также какъ мы смотримъ на павлиновъ, и взвизгивали отъ удовольствія, когда онѣ бросали ему корки хлѣба и онъ ловилъ руками, а не ртомъ, какъ онѣ это дѣлали. По распоряженію Соломона, птички приносили пищу для Питера изъ Кенсингтонскаго парка... Онъ не ѣлъ ни насѣкомыхъ, ни червячковъ — (что онѣ считали большимъ малодушіемъ съ его стороны), и онѣ приносили ему хлѣбъ въ своихъ клювахъ... Вотъ почему, дѣти, не надо кричать птицамъ съ большими корками въ клювахъ—«Жаднюга! Жаднюга!..»—онѣ тащутъ эти корки не для себя, а для Питера Пэна...

На Питерѣ не было уже его ночной рубашечки. Птички выпрашивали у него куски полотна для подстилки въ гнѣздахъ, и онъ, по добротѣ сердечной, не могъ имъ отказать, хотя небольшіе лоскутки онъ, по совѣту Соломона, все-таки припряталъ на память! Онъ ходилъ теперь голенькій, но не подумайте, однако, что онъ зябъ, или чувствовалъ себя несчастнымъ... Ничуть не бывало! Онъ былъ всегда веселъ и счастливъ, потому что Соломонъ Воронъ сдержалъ свое обѣщаніе, и научилъ его жить по-птичьему... Онъ научилъ

его быть довольнымъ и всегда дѣлать что-нибудь, и вѣрить, что все, что онъ дѣлаетъ — чрезвычайно важно и нужно...

Питеръ Пэнъ успѣшно помогалъ птицамъ вить гнѣзда. Онъ сталъ скоро вить гнѣзда не хуже лѣсныхъ голубей, почти также хорошо, какъ черные дрозды... Однимъ только зябликамъ онъ никакъ не могъ угодить... Онъ устроилъ близъ гнѣздъ желоба для дождевой воды и пальцами добывалъ изъ земли червячковъ для маленькихъ птичекъ... онъ скоро научился такъ же, какъ птицы, отличать по запаху западный вѣтеръ отъ восточнаго, и глаза его видѣли, какъ растетъ трава, а ухо улавливало шорохъ насѣкомыхъ въ дуплахъ деревьевъ... — Воронъ научилъ сердце его радоваться — это было самое лучшее, что онъ сдѣлалъ для него.. Всѣ птицы беззаботны и веселы до тѣхъ поръ, пока дѣти не разоряютъ ихъ гнѣздъ, и такъ какъ Соломонъ Воронъ вѣдалъ только птичьи сердца, то ему не трудно было вложить птичью радость и ясность и въ сердце Питера Пэна...

Питеру Пэну было такъ хорошо, что онъ по цѣлымъ днямъ распѣвалъ пѣсни, точно такъ же, какъ заливаются отъ радости птицы... Но такъ какъ онъ былъ и человѣкъ, то ему скоро понадобился инструментъ. Онъ вырѣзалъ себѣ дудочку, изъ тростника, и сидя по вечерамъ на берегу, старался передать на своей дудочкѣ шумъ вѣтра и плескъ воды, и поймавъ пригоршнями лунный свѣтъ, вкладывалъ его въ свою дудочку, и такъ хорошо все это передавалъ въ звукахъ, что птички часто дивились и спрашивали другъ друга: «Что это—рыба въ водѣ плещется, или это Питеръ Пэнъ играетъ»? — Иногда, онъ игралъ рожденіе птичекъ, и тогда матери спѣшили къ своимъ гнѣздамъ — поглядѣть, снесли-ли онѣ яички въ этотъ день...

Всѣ дѣти, гулявшія въ Кенсингтонскомъ паркѣ, знаютъ, что самое близкое къ острову каштановое дерево, растущее у самаго моста, зацвѣтаетъ раньше всѣхъ другихъ. Но не всѣ дѣти знаютъ, отчего оно зацвѣтаетъ раньше другихъ деревьевъ... А дѣло въ томъ, что Питеръ Пэнъ всегда нетерпѣливо ждетъ весны, и играетъ на своей дудочкѣ, что она уже пришла, и каштановое дерево слышитъ съ моста его пѣсни и вѣритъ имъ, зачарованное, и зацвѣтаетъ...

Но иногда музыка навѣваетъ грусть на Питера, и тогда въ его пѣсенки вплетаются печальныя ноты, и чѣмъ больше онъ играетъ, тѣмъ тоскливѣе онѣ звучатъ... Питеръ Пэнъ томится о Кенсингтонскомъ паркѣ, хотя и можетъ видѣть его издали сквозь арки моста... Онъ знаетъ, что никогда уже не будетъ больше мальчикомъ, да ему этого и не очень хотѣлось — но,

ахъ!.. Какъ онъ жаждалъ играть такъ же, какъ и другія дѣти!.. Во всемъ мірѣ нѣтъ другого такого плѣнительнаго мѣста для игръ, какъ этотъ Кенсингтонскій паркъ... Птицы разсказывали ему каждый день, какъ играютъ въ паркѣ дѣвочки и мальчики, и тоскливыя слезы застилали ему глаза...

Васъ удивляетъ, что онъ ни разу не рѣшился пробраться въ паркъ... Да просто потому, что онъ не умѣлъ плавать. Онъ жаждалъ этому научиться, но никто на островѣ не могъ объяснить ему, какъ это дѣлается, никто кромѣ утокъ. Но вѣдь онѣ такія глупыя, утки, — что онѣ могутъ объяснить?.. Онѣ и не прочь были-бы его научить, но ничего не могли сказать, кромѣ:

«Ну, ложись на воду... вотъ такъ... и потомъ — вотъ такъ...»

Питеръ пробовалъ ложиться на воду вотъ такъ, потомъ — вотъ такъ — но изъ этого ничего не выходило... Онъ тотчасъ же погружался съ головой въ воду... Онъ очень хотѣлъ понять, какъ именно надо держаться на водѣ, но утки на это ему отвѣчали, что такихъ простыхъ вещей даже объяснить нельзя... Иногда къ острову приплывали и лебеди, и онъ отдавалъ имъ всю свою провизію въ надеждѣ, что они изъ благодарности научатъ его плавать... Но съѣвъ все, что онъ могъ имъ дать, лебеди начинали шипѣть на него, и уплывали...

Однажды, ему показалось, что онъ нашелъ, наконецъ, способъ попасть въ паркъ... Надъ островомъ въ одинъ прекрасный день показался какой-то удивительный бѣлый предметъ, похожій на газетный листъ. Предметъ этотъ упалъ вскорѣ на землю и сталъ подпрыгивать, какъ птичка со сломленнымъ крылышкомъ... Питеръ такъ испугался, что даже спрятался, но птички объяснили ему, что это просто бумажный змѣй и что онъ, вѣроятно, вырвался вмѣстѣ съ бичевкой изъ рукъ какого-нибудь мальчика... А черезъ нѣкоторое время уже всѣ птички подтрунивали надъ любовью Питера къ этому змѣю... Онъ такъ полюбилъ этого змѣя, что даже спалъ, обнимая его одной рукой... Это было очень трогательно — вѣдь онъ любилъ этого змѣя только потому, что тотъ былъ раньше въ рукахъ другого мальчика...

Птички, конечно, не могли оцѣнить этой привязанности, но нѣкоторыя изъ нихъ были все же очень признательны ему за то, что онъ няньчился съ ихъ птенчиками, когда онѣ болѣли корью, и въ награду за это птички предложили ему показать, какъ дѣти пускаютъ змѣй... Шесть птицъ ухватились клювами за бичевку и полетѣли вверхъ... Къ великому

удовольствію Питера змѣй полетѣлъ за ними, и временами взлеталъ даже выше ихъ...

Питеръ радостно визжалъ:
«Еще!.. Еще!..»

И птицы добродушно продѣлывали это опять и опять, а онъ, вмѣсто того, чтобы поблагодарить ихъ, все визжалъ: «Еще! Еще!..»

Какъ видно, онъ не успѣлъ еще хорошенько позабыть къ тому времени, что онъ былъ когда-то мальчикомъ...

Рѣшимость клокотала въ его сердцѣ и не давала ему покоя. Онъ уговорилъ птицъ опять поднять змѣя, но на этотъ разъ уже вмѣстѣ съ нимъ... Онъ уцѣпился за хвостъ змѣя, и около сотни птицъ схватили бичевку клювами и полетѣли... Вы догадываетесь, конечно, какой планъ былъ у Питера? Онъ разсчитывалъ соскочить съ змѣинаго хвоста на землю, какъ только змѣй долетитъ до Кенсингтонскаго парка... Но змѣй разорвался въ воздухѣ на клочки, и Питеръ Пэнъ, навѣрно, утонулъ-бы въ озерѣ Серпантинъ, если-бы не ухватился за двухъ лебедей, которые, хотя и не очень-то охотно, но все же благополучно доставили его опять на островъ... Птицы-же твердо заявили ему, что больше ни за что не станутъ помогать ему въ такихъ проказахъ...

И, однако, Питеръ Пэнъ, въ концѣ, концовъ, все-таки попалъ въ Кенсингтонскій паркъ... Попалъ онъ туда благодаря лодочкѣ Шелли...

Ну, а теперь я разскажу вамъ о Шелли и его лодочкѣ...

XIV.

Дроздово гнѣздо.

Шелли былъ молодой человѣкъ, почти что взрослый человѣкъ... Онъ былъ поэтъ, а поэты совсѣмъ взрослыми людьми никогда не бываютъ... Это народъ, который деньги не ставитъ ни во что, и дорожатъ они ими лишь постольку, поскольку онѣ нужны имъ на сегодняшній день... А на сегодняшній день у нихъ всегда достаточно, и даже съ избыткомъ, всегда даже нѣсколько фунтовъ лишнихъ... И вотъ этотъ Шелли, гуляя однажды въ Кенсингтонскомъ паркѣ, сдѣлалъ лодочку изъ банковаго билета и пустилъ ее на озеро Серпантинъ...

Лодочка приплыла къ острову ночью и часовой принесъ ее Соломону Ворону... Соломонъ подумалъ, что это обычное посланіе отъ какой-нибудь женщины: буду вамъ, молъ, чрезвычайно признательна, если пришлете мнѣ милаго ребеночка!.. Всѣ онѣ, конечно, просятъ прислать самаго

милаго... И если письмо понравится Соломону Ворону, онъ пошлетъ экземпляръ первоклассный, а не угодитъ ему авторша письма, она получаетъ такое сокровище, что и жизни своей не рада... Иногда онъ вовсе оставляетъ письмо безъ отвѣта, а иной разъ, вмѣсто одного, пошлетъ цѣлую кучу ребятъ... Все это зависитъ только отъ его настроенія... И потомъ, онъ не терпитъ никакихъ указаній... Онъ увѣренъ, что лучше кого-бы то ни было знаетъ, кому какого ребенка послать... И если вы станете просить, чтобы на этотъ разъ онъ послалъ вамъ мальчика, можете быть увѣрены, что получите дѣвочку. Затѣмъ — имѣйте это въ виду — пишетъ ли ему дама или мальчикъ, которому захотѣлось имѣть сестричку, все равно — адресъ долженъ быть написанъ чрезвычайно четко... Не угодить Соломону Ворону, значитъ — накликать на себя вѣрную бѣду.

Но, развернувъ лодочку Шелли, Соломонъ совершенно растерялся и призвалъ на совѣтъ двухъ своихъ помощниковъ. Тѣ два раза прошлись по бумажкѣ — сперва вытянувъ коготки, потовъ втянувъ коготки, и рѣшили, что это посланіе отъ какой-то жадной женщины, желающей получить сразу пятерыхъ ребятъ. На эту догадку навела ихъ выведенная на банковомъ билетѣ цифра—«пять» — пять фунтовъ...

— Какой вздоръ! — воскликнулъ Соломонъ и отдалъ билетъ Питеру. Всякія безполезныя вещи, попадавшія на островъ, отдавались Питеру на забаву... Но Питеръ Пэнъ не сталъ играть съ драгоцѣннымъ билетомъ... Онъ тотчасъ сообразилъ, что это за бумажка... За семь дней, когда онъ былъ обыкновеннымъ мальчикомъ, онъ успѣлъ кое-что узнать и сдѣлать много пригодившихся ему позднѣй наблюденій. И онъ подумалъ, что съ такой суммой денегъ ему удастся въ концѣ концовъ осуществить свою мечту и попасть въ Кенсингтонскій паркъ. Онъ сталъ взвѣшивать всѣ способы, и остановился, конечно, на самомъ остроумномъ. Прежде всего, онъ счелъ долгомъ объяснить птицамъ цѣнность лодочки Шелли. И хотя онѣ были слишкомъ благородны, чтобы потребовать билетъ обратно, отъ его вниманія не ускользнули, однако, сердитые взгляды, которые онѣ бросали Соломону. А Соломонъ очень гордился своей проницательностью, и разобиженный этими взглядами, улетѣлъ на другой конецъ острова, опустился на траву, втянулъ голову между крыльевъ и пригорюнился. Питеръ Пэнъ зналъ, что пока ему не удастся склонить на свою сторону

Соломона, онъ ничего не добьется, и онъ пошелъ вслѣдъ за нимъ, чтобы утѣшить и развеселить его...

Питеръ Пэнъ сумѣлъ таки покорить сердце всевластнаго стараго Ворона. Дѣло въ томъ, что Соломонъ не разсчитывалъ оставаться всю свою жизнь на этомъ посту. Онъ давно уже подумывалъ о выходѣ въ отставку, и мечталъ дожить свои дни въ какомъ-нибудь дуплѣ въ фиговой аллеѣ, которую давно облюбовалъ для себя... Съ этой цѣлью онъ нѣсколько лѣтъ исподволь наполнялъ свой чулокъ. Чулокъ этотъ, очевидно, принадлежавшій какому-нибудь купальщику, принесло на островъ теченіемъ, и къ тому времени, о которомъ сейчасъ идетъ рѣчь, Соломонъ успѣлъ уже накопить сто восемнадцать крошекъ хлѣба, тридцать четыре орѣшка, шестнадцать корокъ, тряпочку для вытиранія перьевъ и башмачный шнурокъ. Соломонъ разсчиталъ, что когда чулокъ будетъ полонъ до края, онъ сможетъ выйти въ отставку и жить на эти сбереженія безбѣдно. И вдругъ онъ получилъ еще отъ Питера цѣлый фунтъ. Питеръ отрѣзалъ его отъ своего билета острымъ кончикомъ вѣточки. Этимъ онъ окончательно покорилъ Соломона и пріобрѣлъ въ немъ вѣрнаго друга на-вѣки. Они поговорили по душѣ, потолковали и рѣшили созвать на совѣщаніе дроздовъ. Я объясню вамъ сейчасъ, отчего однихъ только дроздовъ.

Проектъ, который предполагалось предложить на обсужденіе, принадлежалъ въ сущности Питеру, но говорилъ за всѣхъ одинъ Соломонъ... Онъ раздражался, когда другіе говорили въ его присутствіи и любилъ, чтобы слушали его одного... Началъ онъ съ того, какъ онъ высоко цѣнитъ строительное искусство дроздовъ, и тотчасъ же привелъ ихъ въ отличное настроеніе духа, что и входило въ его планъ. Всѣ препирательства между птицами происходятъ обыкновенно только на почвѣ соревнованія въ искусствѣ гнѣздостроительства...

— Другія птицы, — говорилъ Соломонъ Воронъ, — не считаютъ нужнымъ выстилать свои гнѣзда глиной, и поэтому вода въ нихъ никогда не держится...

И онъ вскинулъ голову съ такимъ видомъ, словно привелъ неопровержимый аргументъ въ доказательство своей правоты, но къ несчастью, одна зябличиха, пожаловавшая безъ приглашенія на собраніе, выступила впередъ и завизжала:

— Извините, пожалуйста, мы вьемъ гнѣзда не для воды, а для яицъ...

Дрозды опѣшили, а Соломонъ такъ растерялся, что

долженъ былъ нѣсколько разъ обмакнуть свой клювъ въ воду.

— Но, принимая во вниманіе, — началъ онъ, наконецъ, — тепло, которое сообщаетъ глина гнѣзду...

— А вы примите во вниманіе,—перекричала его зябличиха, — что когда въ гнѣздо попадаетъ вода, она тамъ уже остается, и птенчикамъ грозитъ опасность утонуть...

Дрозды взглядами умоляли Соломона отвѣтить зябличихѣ какимъ-нибудь уничтожающимъ доводомъ, но онъ опять растерялся и молчалъ.

— Выпейте еще немного воды, — вызывающе бросила ему зябличиха. Ее звали Кэтъ, а всѣ Кэтъ, какъ извѣстно, особы чрезвычайно дерзкія...

Соломонъ хлебнулъ еще воды, и на него снизошло вдохновенье.

— Если спустить на озеро зябличье гнѣздо, — началъ онъ, — оно тотчасъ наполнится водой, и расползется по всѣмъ швамъ, а дроздово гнѣздо останется сухимъ, какъ спинка лебедя...

Какъ дрозды тутъ захлопали, заликовали! Они-то знали, зачѣмъ выстилаютъ свои гнѣзда глиной, и когда зябличиха закричала: «Намъ вовсе незачѣмъ пускать наши гнѣзда на озеро», они сдѣлали то, что должны были, въ сущности, сдѣлать въ самомъ началѣ: предложили незванной гостьѣ убраться честь-честью... Съ ея уходомъ опять водворился порядокъ. Соломонъ доложилъ почтенному собранію, что юный другъ ихъ Питеръ Пэнъ, какъ имъ всѣмъ извѣстно, давно уже жаждетъ попасть въ Кенсингтонскій паркъ, и онъ предлагаетъ съ ихъ помощью построить для него лодку..

Дрозды безпокойно засуетились, и Питеръ, весь дрожа отъ волненія, уже подумалъ было, что проектъ его провалится.

Соломонъ поспѣшно добавилъ, что онъ имѣетъ въ виду не громоздкую лодку, какія дѣлаютъ люди, а предлагаетъ только построить большое дроздово гнѣздо, въ которомъ Питеръ могъ бы свободно умѣститься...

Но дрозды, къ ужасу Питера, упорно молчали...

— Мы народъ занятой, — раздалось нѣсколько недовольныхъ голосовъ, — вѣдь это работа не шуточная...

— Совершенно вѣрно, — сказалъ Соломонъ, — и Питеръ не намѣренъ вовсе даромъ пользоваться вашимъ трудомъ... Имѣйте въ виду, что онъ располагаетъ теперь солидными средствами и, согласитесь, у васъ не было еще никогда такого заработка, какой онъ можетъ вамъ предло-

жить... Онъ уполномочилъ меня передать вамъ, что будетъ платить вамъ всѣмъ шесть пенсовъ поденно.

Дрозды запрыгали отъ радости и въ тотъ же день, послѣ подобающаго случаю торжества, приступили къ постройкѣ лодки. Они забросили всѣ свои дѣла. Не вили своихъ гнѣздъ, не клали и не высиживали яицъ, и Соломонъ сталъ скоро ощущать замѣтный недостатокъ въ дроздахъ— ему нечѣмъ было удовлетворять безпрерывно поступавшія требованія отъ людей... Всѣ здоровыя пышныя дѣти, которыя такъ очаровательны въ колясочкахъ и пыхтятъ и задыхаются, когда начинаютъ шагать по землѣ — были раньше дроздами... И женщины часто подчеркиваютъ въ своихъ письмахъ, что имъ желательно было бы получить именно дрозда... Но Соломонъ и тутъ нашелъ выходъ изъ затрудненія. Онъ вызвалъ съ крышъ домовъ цѣлую стаю воробьевъ, приказалъ имъ класть яйца въ дроздовы гнѣзда, и птенчиковъ ихъ разослалъ обращавшимся къ нему женщинамъ, увѣряя ихъ, что это настоящіе дрозды... Въ лѣтописи острова этотъ годъ названъ былъ Воробьинымъ. И если вы встрѣтите въ паркѣ взрослыхъ людей, которые важничаютъ и пыжатся, и Богъ знаетъ, что о себѣ воображаютъ, — такъ и знайте, что они родились въ воробьиномъ году. Можете даже ихъ спросить...

Питеръ былъ весьма добросовѣстнымъ хозяиномъ, и каждый вечеръ разсчитывался со своими рабочими. Птицы выстраивались на вѣткахъ и чинно смотрѣли, какъ онъ отрѣзалъ для нихъ по шести пенсовъ отъ своего банковаго билета. Затѣмъ Питеръ дѣлалъ перекличку, и каждая птичка, которую онъ вызывалъ по имени, слетала съ вѣтки и получала свои шесть пенсовъ... Это было, вѣроятно, восхитительное зрѣлище!..

Наконецъ, послѣ долгихъ мѣсяцевъ работы, лодка была готова. Не трудно представить себѣ, съ какимъ восторгомъ Питеръ слѣдилъ за ростомъ этого гнѣзда... Съ того самаго дня, какъ дрозды принялись строить эту лодку, онъ спалъ рядомъ съ нею, просыпаясь шепталъ ей нѣжныя слова, а когда птицы выложили ее глиной, и когда глина просохла, онъ сталъ уже и спать въ самой лодкѣ... Онъ тихо лежалъ въ своемъ гнѣздѣ, свернувшись въ клубокъ. Лодка была достаточно помѣстительна для того, чтобы онъ могъ нѣжиться въ ней, какъ котенокъ... Внутри она была коричневая, а снаружи зеленая, потому что обложена была вѣтками и травою... И, когда вѣтки засыхали, и трава увядала, птицы дѣлали новую настилку...

Другія птицы, конечно, завидовали дроздамъ и увѣ-

ряли, что лодка не будетъ держаться на водѣ, но она отлично держалась... Онѣ говорили, что въ нее будетъ просачиваться вода, но вода вовсе не просачивалась въ нее... Тогда онѣ зачирикали, что у Питера нѣтъ веселъ, и дрозды тревожно переглянулись... Но Питеръ заявилъ, что ему веселъ не надо, что у него есть парусъ... И онъ съ гордымъ счастливымъ лицомъ соорудилъ свой парусъ изъ оставшейся у него ночной рубашки, которая все еще была ночной рубашкой, хотя онъ оторвалъ отъ нея много лоскутковъ для птицъ... И парусъ вышелъ на-славу. Ночью, когда на небо выплылъ полный мѣсяцъ и всѣ птицы уснули, онъ оттолкнулъ лодку отъ берега, поднялъ парусъ и поѣхалъ на островъ... Въ первыя минуты, онъ, самъ не сознавая почему, все смотрѣлъ, — скрестивъ руки, вверхъ на небо, а затѣмъ уже не сводилъ глазъ съ запада, куда ему надо было плыть...

Онъ обѣщалъ дроздамъ, что начнетъ съ маленькихъ поѣздокъ по озеру и то въ сопровожденіи старшихъ, но, когда увидалъ за мостомъ плѣнительный Кенсингтонскій паркъ, сердце его затрепетало отъ радости, и онъ забылъ о данномъ имъ обѣщаніи... Лицо его пылало, но онъ безбоязненно плылъ впередъ, не оглядываясь назадъ. Восторгъ, овладѣвшій имъ, вытѣснилъ страхъ изъ его маленькаго сердца... Да, Питеръ Пэнъ былъ однимъ изъ тѣхъ отважныхъ англійскихъ мореплавателей, которыхъ и теперь еще неодолимо влечетъ даль невѣдомаго....

Вначалѣ лодочка его все кружила на одномъ мѣстѣ и его опять и опять относило теченіемъ къ тому мѣсту, откуда онъ отплылъ... Тогда онъ убавилъ паруса, подогнувъ одинъ рукавъ своей ночной рубашечки, и въ тотъ же мигъ его умчало вѣтромъ... назадъ... Онъ быстро распустилъ тогда паруса, но лодочка его быстро поплыла къ далекой незнакомой ему части берега, вдоль котораго лежали черныя тѣни, внушавшія ему смутный страхъ, хотя онъ и не зналъ что это подводные камни... Онъ вновь убавилъ паруса, и огибая подозрительныя темныя пятна, старался попасть въ полосу попутнаго вѣтра. Попутный вѣтеръ понесъ его съ такой быстротой, что онъ едва не разбился о столбы моста... Ему удалось, однако, избѣгнуть и этой опасности. Когда онъ выплылъ изъ-подъ моста, онъ увидалъ, наконецъ, къ великой своей радости — восхитительный Кенсингтонскій паркъ. Онъ хотѣлъ уже бросить якорь, — а якорь этотъ былъ просто камушекъ, привязанный къ бичевкѣ, оставшейся отъ бумажнаго змѣя, — но, не находя дна, долженъ былъ поплыть дальше и искать мѣста, гдѣ бы ему ошвартоваться. Бродя наугадъ въ незнакомыхъ ему водахъ, онъ

наткнулся на затонувшій рифъ... Сильнымъ толчкомъ его выбросило за бортъ и онъ едва не утонулъ, но, къ счастью, успѣлъ ухватиться за край лодки и ловко вскочилъ въ нее обратно. Нежданно поднялась буря, сопровождаемая такимъ ревомъ волнъ, какого ему никогда еще не приходилось слышать. Его метало, какъ щепку, во всѣ стороны, и руки его такъ оцѣпенѣли отъ холода, что онъ не могъ ни сжать ихъ, ни расправить пальцы. Но онъ одолѣлъ и эту опасность, и, наконецъ, благополучно въѣхалъ въ небольшой заливъ, гдѣ лодочка его и причалила къ берегу...

Однако, ему и тутъ еще предстояло одолѣть не мало затрудненій. На берегъ при его появленіи высыпало множество маленькихъ существъ и тоненькими голосками наперерывъ стали кричать ему, что ему на берегъ сходить не полагается, и чтобы онъ тотчасъ удалился, потому, что давнымъ давно уже пробило полночь...

При этомъ онѣ воинственно размахивали вѣтками и притащили даже стрѣлу, забытую въ паркѣ какимъ-то мальчикомъ... Было ясно, какъ день, что онѣ не задумаются использовать противъ него и это оружіе.

Питеръ зналъ уже, что это феи. Онъ всталъ, выпрямился и крикнулъ имъ, что у него нѣтъ никакого намѣренія причинять имъ непріятности, что, наоборотъ, онъ жаждетъ быть ихъ другомъ... И, что найдя, наконецъ, удобную гавань, онъ отсюда не уѣдетъ ни въ какомъ случаѣ, и если онѣ не дадутъ ему сойти на берегъ, то онъ сумѣетъ за себя постоять.

Съ этими словами онъ смѣло выпрыгнулъ изъ лодки, и феи окружили его плотной стѣной, съ намѣреніемъ тутъ же прикончить его... Но вдругъ среди женщинъ поднялся визгъ и крикъ — онѣ увидали, что парусъ сдѣланъ былъ изъ дѣтской ночной рубашечки... И всѣ онѣ мгновенно воспылали любовью къ нему и всѣ въ одинъ голосъ затараторили о томъ, что складочки плохо сдѣланы... Какой именно недостатокъ онѣ нашли въ складочкахъ, я объяснить вамъ не сумѣю, но всѣ женщины таковы — онѣ не могутъ не критиковать работы другой женщины. Эльфы, видя, что жены ихъ, феи, съ мнѣніями которыхъ они очень считались, положили гнѣвъ на милость, опустили оружіе на землю... Воинственный пылъ ихъ тотчасъ остылъ, и они учтиво повели его къ своей королевѣ, которая милостиво разрѣшила Питеру входъ въ паркъ послѣ полуночи, а феямъ отъ имени королевы наказано было оказывать Питеру всевозможные знаки вниманія...

Такъ вотъ состоялась первая поѣздка Питера въ Кенсингтонскій паркъ и по нѣкоторой старомодности языка,

какимъ она была описана, вы догадываетесь, конечно, что это было очень давно. Но Питеръ остался такимъ же, какимъ былъ, и если бы мы могли наблюдать его ночью, какъ онъ вплываетъ подъ мостъ (къ сожалѣнію, это совершенно невозможно) — мы бы увидали, какъ онъ укорачиваетъ свою ночную рубашенку, которая служитъ ему парусомъ или распускаетъ парусъ, или гребетъ маленькимъ весломъ обратно въ дроздово гнѣздо. Когда онъ правитъ парусомъ, онъ сидитъ, а гребетъ онъ стоя...

Онъ обыкновенно возвращается на островъ задолго до того, какъ открываются ворота парка, потому что люди не должны видѣть его — все-таки онъ не совсѣмъ человѣческое существо. Въ его распоряженіи, однако, всегда имѣется нѣсколько часовъ для игръ, и онъ играетъ и тѣшится, какъ играютъ и тѣшатся настоящія дѣти... По крайней мѣрѣ, ему такъ кажется, и самое трогательное то, что онъ часто играетъ совсѣмъ не такъ, какъ играютъ настоящія дѣти, и часто не знаетъ даже, какъ приняться за ту или иную игру...

Кто могъ его научить дѣтскимъ играмъ? Феи обыкновенно прячутся днемъ, когда дѣти бываютъ въ паркѣ и дѣтскихъ игръ не видятъ. Птицы же хвастали, что могутъ разсказать чудеса о дѣтскихъ утѣхахъ, но, когда Питеръ пристадъ къ нимъ и попросилъ ихъ, чтобы онѣ разсказали ему толкомъ, какъ играютъ дѣти, то оказалось, что онѣ ничего толкомъ объяснить не могутъ... Онѣ только разсказали ему объ игрѣ въ прятки, и онъ часто самъ съ собою игралъ въ прятки, но даже утки и тѣ не могли объяснить ему, отчего дѣтей такъ смѣшитъ эта игра, и отчего они такъ заливаются и хохочутъ вокругъ пруда, когда играютъ въ прятки... Къ вечеру утки обыкновенно забывали все, что видѣли и слышали въ теченіе дня, и запоминали только количество крошекъ, которыя имъ бросили... Это были тяжелыя, скучныя созданія, а еще онѣ увѣряли, что въ дни молодости ихъ волновали и другіе интересы, а не однѣ только бисквитныя крошки... И Питеру Пэну приходилось доходить до многаго своимъ умомъ. Онъ игралъ и въ мореплаваніе у Круглаго пруда, но единственнымъ его судномъ былъ обручъ, который онъ нашелъ въ травѣ. Онъ никогда до этого — обруча не видѣлъ и долго ломалъ себѣ голову надъ тѣмъ, какъ надо этой штукой играть, пока не рѣшилъ, что это, очевидно, дѣтскій пароходикъ.

Обручъ упрямо погружался въ воду, каждый разъ, когда онъ бросалъ его въ прудъ, и Питеръ отважно вылавливалъ его, и гордился тѣмъ, что самъ додумался до того, какъ мальчики играютъ обручемъ...

Въ другой разъ онъ нашелъ игрушечное ведерко и подумавъ, что дѣти приносятъ его съ собою въ паркъ, чтобы отдохнуть на немъ, усѣлся на ведеркѣ, и такъ плотно, что едва не вышибъ дно. Нашелъ онъ также и воздушный шаръ. Шаръ попрыгивалъ на холмѣ, будто играя самъ съ собою, и Питеръ, восхищенный находкой, погнался за нимъ и поймалъ его... Онъ думалъ, что это мячъ. Птичка одна, королекъ, разсказывала ему, что дѣти носками подбрасываютъ мячи... И онъ такъ сдѣлалъ, взялъ и ножкой подбросилъ воздушный шаръ, а тотъ покатился съ холма и слѣдъ его простылъ.

Но больше всего его поразила дѣтская колясочка. Она стояла подъ липой, не далеко отъ входа въ Зимній дворецъ королевы фей. Питеръ Пэнъ тихонько приблизился къ колясочкѣ — онъ не зналъ, что это такое, птички о дѣтскихъ колясочкахъ ничего ему не разсказывали. Полагая, что это живое существо, онъ вѣжливо съ ней заговорилъ. Но коляcочка не отвѣчала. Тогда онъ подошелъ еще ближе и осторожно дотронулся до нея. Онъ чуть-чуть толкнулъ ее, и она откатилась отъ него. Онъ рѣшилъ, что это все-таки живое существо, но такъ какъ она откатилась отъ него, то онъ не очень испугался. И онъ протянулъ руку, чтобы притащить ее къ себѣ, и тогда она быстро побѣжала къ нему. Но тутъ уже онъ такъ испугался, что мгновенно перескочилъ черезъ изгородь и со всѣхъ ногъ бросился къ своей лодочкѣ.... Вы не думайте, однако, что онъ былъ трусъ — въ слѣдующую ночь онъ пришелъ опять къ этому мѣсту съ коркой хлѣба въ одной рукѣ и палочкой въ другой, но колясочки уже не было, а другая ему больше на глаза не попадалась. Я обѣщалъ вамъ разсказать еще о его веслѣ. Онъ нашелъ его подлѣ колодца св. Говора—это была просто дѣтская лопаточка.

Вы, вѣроятно, жалѣете Питера Пэна за всѣ его ошибки... Напрасно!.. Конечно, ему туго приходилось порою, но только жалѣть Питера Пэна было бы даже обидой для него. Ему казалось, что онъ безконечно счастливъ въ Кенсингтонскомъ паркѣ, а воображать себя счастливымъ, это все равно, что быть въ дѣйствительности счастливымъ... Онъ игралъ безъ устали и перерыва, тогда какъ сколько драгоцѣннаго времени другія дѣти тратятъ на капризы и на слезы... Онъ никогда не могъ разыгрывать ни «бѣшеную собаку», ни «Мэри—Аннимъ», потому что никогда о такихъ вещахъ и не слыхалъ... Но неужели надо его за это жалѣть?

О, какъ онъ веселился, этотъ Питеръ Пэнъ! Онъ былъ несравненно веселѣе васъ, также какъ вы всѣ веселѣе своихъ папъ... Иногда онъ кружился по парку, какъ юла —

просто отъ избытка радости... Видали вы, какъ левретки прыгаютъ черезъ изгороди парка? Такъ вотъ прыгалъ и Питеръ Пэнъ.

И потомъ, его дудочка!.. Можете представить себѣ, какія пѣсни онъ выводилъ на ней въ тѣ дни... Люди, возвращавшіеся домой поздно ночью, писали въ газетахъ, что слышали соловья въ Кенсингтонскомъ паркѣ, но слышали они на самомъ дѣлѣ дудочку Питера Пэна.

Правда, мамы у него не было... Но зачѣмъ ему нужна была мама? И если вы за это его жалѣете, то могу васъ утѣшить... Въ концѣ концовъ, ему удалось таки навѣстить свою маму. И помогли ему въ этомъ феи Кенсингтонскаго парка...

XV.

Полночный часъ.

О феяхъ у насъ имѣется очень мало точныхъ свѣдѣній. Едва ли не единственное провѣренное наблюденіе то, что феи водятся вездѣ, гдѣ бываютъ дѣти... Когда-то давно, входъ въ Кенсингтонскій паркъ былъ запрещенъ дѣтямъ, и въ тѣ времена здѣсь не было и фей. Когда-же ворота парка открылись для дѣтей, въ паркѣ стали появляться по ночамъ и феи... Онѣ не могутъ жить вдали отъ дѣтей, но дѣтямъ рѣдко, рѣдко выпадаетъ на долю удовольствіе видѣть ихъ... Во-первыхъ, потому, что днемъ феи прячутся за густыми изгородями, куда дѣтямъ лазить не полагается, и потому еще, что феи хитрыя, прехитрыя созданія... Послѣ полуночи, онѣ заняты своими дѣлами и утѣхами, и тогда имъ не до хитростей. Но до полуночи, онѣ проведутъ кого угодно...

Дѣти, до того, какъ они дѣлаются дѣтьми, водятъ знакомство съ феями, играютъ съ ними, и въ первые годы дѣтства воспоминанія о феяхъ у дѣтей свѣжи и живы.

Какъ жаль, что маленькія дѣти неграмотны и не могутъ записывать своихъ воспоминаній, которыя скоро къ сожалѣнію блѣднѣютъ и угасаютъ...

Мнѣ приходилось даже слышать изъ устъ многихъ дѣтей, что онѣ будто-бы никогда никакихъ фей не знавали! Между тѣмъ, возможно даже, что, когда они произносили эти слова въ Кенсингтонскомъ паркѣ, они въ это время смотрѣли на какую-нибудь фею-невидимку... Днемъ феи всегда принимаютъ обликъ какихъ-либо неодушевленныхъ на видъ предметовъ и, такимъ образомъ, вводятъ въ заблужденіе довѣрчивыхъ дѣтей... Преображаются онѣ большей частью въ цвѣты — оттого-то въ паркѣ, особенно въ Дѣтской Аллеѣ

такъ много цвѣтовъ — вѣдь менѣе всего привлекаетъ къ себѣ вниманіе цвѣтокъ...

И одѣваются онѣ въ тонъ цвѣтамъ... Когда цвѣтутъ лиліи, наряжаются въ бѣлое, когда распускаются колокольчики, — въ голубое... Онѣ обожаютъ яркіе цвѣта—гіацинтъ и шафранъ, но охотнѣе всего рядятся въ тюльпаны, только не въ бѣлые.—Бѣлые тюльпаны — колыбельки маленькихъ фей...

Когда онѣ знаютъ, что ихъ никто не видитъ, онѣ весело порхаютъ по парку, но едва замѣтятъ, что кто-то наблюдаетъ за ними, тотчасъ превращаются въ цвѣты... И когда вы проходите мимо нихъ, не подозрѣвая даже, что прошли мимо фей, онѣ летятъ домой и разсказываютъ своимъ матерямъ, какъ онѣ искусно провели какого-то человѣка...

На лужайкѣ фей, какъ вамъ извѣстно, растетъ много всякихъ цвѣтовъ и собачья мята. Феи выжимаютъ изъ нея касторку для своихъ дѣтей. Нѣкоторые цвѣты, дѣйствительно — настоящіе цвѣты, но большей частью, это — феи... Какой цвѣтокъ — настоящій цвѣтокъ, и какой цвѣтокъ — фея, угадать очень трудно... Но вотъ что надо дѣлать, чтобы узнать... Прогуливайтесь мимо лужайки, равнодушно глядя совсѣмъ въ другую сторону, потомъ внезапно круто повернитесь на каблукахъ, и тогда вы можете поймать кого-нибудь изъ нихъ врасплохъ... Есть еще одинъ способъ — мы съ Давидомъ иногда прибѣгаемъ къ нему: надо долго, долго смотрѣть на цвѣтокъ въ упоръ — раньше или позже онъ непремѣнно моргнетъ глазами, и тогда ясно, какъ день, что это не цвѣтокъ, а фея...

На Дѣтской Аллеѣ есть уголки извѣстные, какъ любимое мѣстопребываніе фей. Однажды съ двадцать четырьмя феями произошелъ здѣсь презабавный случай... Это былъ цѣлый пансіонъ, вышедшій на прогулку со своей классной дамой... Вдругъ она поднесла палецъ ко рту, и всѣ феи тотчасъ притихли, разсыпались по большой клумбѣ и превратились въ гіацинты.

Къ ужасу своему наставница вскорѣ услыхала шаги двухъ садовниковъ, приближавшихся съ тачкой къ этой-же самой клумбѣ... Они пришли съ тѣмъ, чтобы посадить на клумбѣ цвѣты и немало удивились, увидавъ, что она уже вся въ цвѣту.

— Жалко вырывать эти гіацинты,—замѣтилъ одинъ изъ нихъ.

— Чего уже тамъ... Разъ велѣно!—отвѣтилъ другой и, высыпавъ на землю привезенную разсаду, они выкопали гіа-

цинты вмѣстѣ съ луковицами и сложили ихъ въ тачку рядами... Ни феи, ни наставница ихъ пикнуть не рѣшились, и ихъ свезли далеко въ какой-то сарай, гдѣ и свалили безъ церемоній въ одну кучу... Онѣ убѣжали оттуда ночью, забывъ впопыхахъ надѣть чулки и туфли... Родители этихъ дѣвочекъ, конечно, страшно перепугались и разсердились... Пансіонъ-же долженъ былъ закрыться, потому что послѣ этой скандальной исторіи, получившей широкую огласку, всѣхъ дѣвочекъ взяли домой...

Дома, въ которыхъ живутъ феи, можно видѣть только ночью, — днемъ это совершенно невозможно... Просто потому, что они всѣ такого же цвѣта, какъ и ночь. Ну, а кто-же днемъ видалъ когда-либо ночь?.. Это не значитъ вовсе, что дома фей чернаго цвѣта, потому что ночь пожалуй даже богаче красками, чѣмъ день. Синіе, зеленые и красные цвѣта ночи, быть можетъ, даже сочнѣе дневныхъ, синихъ, зеленыхъ и красныхъ тоновъ. Дворецъ королевы фей построенъ цѣликомъ изъ многоцвѣтныхъ стеколъ, и это прекраснѣйшій изъ всѣхъ королевскихъ дворцовъ въ мірѣ, но королева все-же жалуется порою... Простой народъ заглядываетъ въ ея окна, смотритъ, что она дѣлаетъ, и ее очень тяготитъ это любопытство... Иныя праздныя феи цѣлыми часами не отходятъ отъ оконъ и жадно разглядываютъ королевскія хоромы, плотно прижавшись лицомъ къ стеклу — оттого-то у многихъ приплюснутые носики. Улицы въ царствѣ фей тянутся на много миль, крутыми извивами, и по обѣ стороны идутъ тропинки, выстланныя пухомъ... Птицы стали было таскать пухъ для своихъ гнѣздъ, но полиція во время предупредила дальнѣйшія хищенія....

Самая существенная разница между феями и нами въ томъ, что онѣ никогда никакимъ серьезнымъ дѣломъ не занимаются... Когда первый ребенокъ впервые разсмѣялся, смѣхъ его разсыпался на милліоны радужныхъ осколковъ, и феи закружились надъ ними роемъ... Съ той поры онѣ и полюбили дѣтей... Видъ у фей всегда страшно занятой, — поглядѣть на нихъ,—минуты свободной нѣтъ, а спросите ихъ, что онѣ собственно дѣлаютъ, и онѣ, конечно, толкомъ на это вамъ отвѣтить не сумѣютъ... Онѣ чрезвычайно невѣжественны, и все, что сдѣлано ихъ руками, сдѣлано на фу-фу... У нихъ есть и почтальонъ, но онъ ихъ никогда не безпокоитъ, развѣ только на Рождество, когда приноситъ имъ подарки; у нихъ прекрасныя школы, но въ нихъ ничему не учатъ... Въ хозяйки дома обыкновенно выбираютъ самую младшую въ семьѣ фею, и, конечно, ея никто не слушается...

Всѣ убѣгаютъ гулять и возвращаются домой, когда кому вздумается... Надо замѣтить, что въ семьяхъ фей младшій членъ семьи всегда играетъ первую роль и обыкновенно возводится въ принцы или принцессу... Дѣти это помнятъ и полагаютъ, что такъ должно быть и у людей...

Вы, быть можетъ, обратили вниманіе на то, съ какимъ упорствомъ ваша маленькая сестренка продѣлываетъ имен-но то, что мать и няня просятъ ее не дѣлать: ей нужно непремѣнно стоять, когда ей полагается сидѣть; она сидитъ, когда ее убѣждаютъ встать; она просыпается, когда должна спать, ползаетъ по полу, когда на нее надѣваютъ самое нарядное платье, и такъ дальше... И вы, конечно, относите все это за счетъ ея дурного характера...

Совершенно напрасно! Она ведетъ себя такъ лишь потому, что такъ вели себя феи, среди которыхъ она жила, когда была еще птичкой... И только проживъ года два среди людей, она осваивается съ людскими обычаями. А вспышки ея и капризы, съ которыми такъ трудно порою сладить и которые старшіе объясняютъ мучительнымъ прорѣзываньемъ зубовъ!.. Дѣло-же вовсе не въ зубахъ!.. Она просто въ отчаяніи отъ того, что мы ея не понимаемъ, потому что она говоритъ на непонятномъ намъ языкѣ фей... Матери и няни однако такъ много возятся съ дѣтьми, что въ концѣ концовъ запоминаютъ нѣсколько фейныхъ словъ, и когда маленькій ребенокъ говоритъ: «Тю-тю»...—онѣ понимаютъ уже, что это значитъ «Улетѣла птичка»!..—А «У-а, у-а»!.. значитъ: «Какая на тебѣ смѣшная шляпка»!..

Давидъ усердно старался припомнить фейный языкъ... Онъ плотно прижималъ къ вискамъ кулачки и припоминалъ много фразъ, которыя я приведу дальше, если не забуду... Онъ слышалъ ихъ въ тѣ дни, когда былъ дроздомъ, и я тщетно старался навести его на мысль, что онъ припоминаетъ въ дѣйствительности не фейный, а птичій языкъ. Онъ увѣрялъ меня, что это слова, описывающія разныя фейныя игры и забавныя приключенія фей... Птицы-же говорятъ только о своихъ гнѣздахъ, и лексиконъ ихъ очень ограниченный. Онъ отлично помнилъ, какъ птицы переходили съ одной лужайки на другую, словно дамы изъ одного магазина въ другой, и говорили: «Нѣтъ, я этотъ цвѣтъ не люблю»... и «Какъ вы думаете, годится это для подстилки»?.. — и «А прочно-ли будетъ»?.. — «Какая ужасная обшивка»... и проч.

Феи восхитительно танцуютъ, и потому-то дѣти первымъ дѣломъ начинаютъ показывать взрослымъ знаками, чтобы они танцовали, и плачутъ, когда взрослые не исполняютъ ихъ

желаніе... Понятно—ихъ не удовлетворяютъ людскіе танцы... Феи устраиваютъ свои балы на открытомъ воздухѣ, и то мѣсто, гдѣ онѣ танцуютъ, принято называть заколдованнымъ кругомъ... Онѣ такъ долго вальсируютъ, что отъ слѣдовъ ихъ ножекъ отмѣчается на травѣ кругъ, въ которомъ мы по утрамъ находимъ иногда небольшіе грибки... Это кресла, которыя служанки фей не успѣли убрать во время. Эти кресла и круги на травѣ единственные слѣды фейныхъ баловъ, и онѣ постарались-бы, конечно, удалить и эти слѣды, если-бы не были такими страстными любительницами танцевъ — онѣ часто такъ увлекаются, что едва успѣваютъ разбѣжаться, когда уже открываютъ ворота... Давидъ и я набрели разъ на кругъ, совсѣмъ еще теплый отъ маленькихъ ножекъ фей...

Когда феи задумываютъ устроить балъ, онѣ ни передъ чѣмъ уже не останавливаются. Вы обратили въ паркѣ вниманіе на дощечки съ надписями, указывающими въ какое время закроются ворота? Сторожа вывѣшиваютъ дощечку, на которой сказано, что ворота закроются въ семь часовъ... Но феямъ хочется открыть свой балъ на полчаса раньше, и плутовки выдвигаютъ другую дощечку — «Ворота закрываются въ половинѣ седьмого».

Если-бы намъ удалось застрять въ паркѣ въ такую ночь, какъ умудрилась сдѣлать знаменитая Мемми Меннеринтъ, мы бы увидали очаровательныя вещи... Мы бы увидали сотни очаровательныхъ фей, спѣшащихъ на балъ, замужнихъ фей съ обручальными кольцами на таліяхъ, вмѣсто поясовъ, эльфовъ въ парадныхъ мундирахъ, и факельщиковъ, несущихъ впереди свѣтлячковъ, и большую вѣтку, на которой феи вѣшаютъ свои серебристыя накидки и получаютъ билетикъ съ номеромъ, и цвѣты, стремящіеся на балъ со всѣхъ концовъ Дѣтской Аллеи... Это желанныя гостьи,—онѣ приносятъ съ собою дощечку, на которыхъ сервируется ужинъ... И во главѣ этого импровизированнаго стола всегда сидитъ сама королева фей, королева Мабъ, за ея кресломъ стоитъ лордъ Чемберленъ съ одуванчикомъ въ рукѣ, и когда королева спрашиваетъ, который часъ, онъ изо всѣхъ силъ дуетъ на одуванчикъ...

Скатерть мѣняется смотря по времени года... Въ маѣ столъ накрывается каштановымъ цвѣтомъ... Эльфы взбираются на деревья, стряхиваютъ цвѣтъ съ вѣтокъ, а служанки машутъ своими юбочками, пока цвѣтъ не ложится ровной массой, какъ настоящая скатерть... У фей настоящіе стаканы и настоящее вино, трехъ сортовъ:—терновникъ, барбарисъ и первинка... Вино разливаетъ сама королева, но бу-

тылки такъ тяжелы, что ей, конечно, помогаютъ... На закуску подаются маленькія булочки съ масломъ, а на дессертъ крохотныя пирожныя, такія крохотныя, что отъ нихъ и крошечки никогда не остается... Феи сидятъ кругомъ на грибахъ, сидятъ очень чинно и покашливаютъ въ кулачки, но мало-по малу становятся все развязнѣй и суютъ пальчики въ масло, которое выжимается изъ корней старыхъ деревьевъ, а иныя озорницы ползаютъ по столу и лижутъ язычками сахаръ и другія сласти... Тогда королева деликатно дѣлаетъ служанкамъ знакъ, чтобы онѣ убрали со стола и вытерли феямъ губы и подбородки и всѣ выстраиваются для танцевъ.—Впереди всѣхъ идетъ королева, а за нею лордъ Чемберленъ несетъ два горшечка — въ одномъ сокъ изъ левкоевъ, въ другомъ сокъ изъ хвойныхъ иглъ.

Левкойный сокъ подкрѣпляетъ танцоровъ, падающихъ съ ногъ отъ изнеможденія, а хвойный помогаетъ отъ ушибовъ и шишекъ. Феи часто падаютъ... Питеръ играетъ, все ускоряя, ускоряя тактъ, а онѣ кружатся, кружатся, перебираютъ ножками быстрѣе, быстрѣе, пока не сваливаются на землю... Вы, конечно, догадываетесь, что Питеръ Пэнъ замѣняетъ феямъ цѣлый оркестръ. Онъ сидитъ посреди круга, и феи даже представить себѣ не могутъ веселой пирушки безъ участія Питера Пэна... На пригласительныхъ билетахъ, разсылаемыхъ самыми фешенебельными феями, всегда красуются въ уголкѣ инициалы «П. П.»... Феи очень чувствительныя, благодарныя созданія, и, когда стали вывозить принцессу,— а вывозить фей начинаютъ, когда имъ исполняется два года; день своего рожденія онѣ празднуютъ каждый мѣсяцъ!—феи вызвались исполнить самое завѣтное желаніе Питера. Было это такъ... Королева велѣла ему стать на колѣни и сказала, что за его прекрасную игру она съ радостью исполнитъ его завѣтное желаніе... Феи тогда обступили Питера, чтобы услышать, чего онъ попроситъ у королевы...

Питеръ долго думалъ и, наконецъ, сказалъ:

— Я бы хотѣлъ вернуться къ своей мамѣ... Это возможно?

Но эта просьба обидѣла ихъ — онѣ лишились-бы его музыки, если-бы онъ вернулся къ своей мамѣ. Королева презрительно повела носикомъ и сказала:

— Подумаешь! Ничего лучшаго придумать не могъ...

— Но развѣ это такой пустякъ — увидать вновь свою маму?—спросилъ онъ.

— Конечно — отвѣтила королева, — это вотъ такая маленькая просьба,—она указала на кончикъ своего мизинца. — Проси больше!

— Напримѣръ? — спросилъ онъ.

— Ну, проси хотя-бы вотъ столько, — королева широко развела обѣими руками.

Питеръ Пэнъ подумалъ еще, и сказалъ:

— Тогда, я попрошу о двухъ вещахъ...

Феямъ оставалось только согласиться, хотя его смѣлость и не очень понравилась имъ, и онъ заявилъ, что первымъ дѣломъ желалъ бы пойти къ своей матери, но съ правомъ вернуться вновь въ Кенсингтонскій паркъ, если ему покажется, что она не очень рада его возвращенію... А вторую свою просьбу онъ оставлялъ про запасъ на будущее время.

Онѣ стали его отговаривать и даже пробовали запугать его всякими затрудненіями.

— Я могу дать вамъ возможность долетѣть до ея дома, сказала королева,—но дверей я открыть вамъ никакъ не могу...

— Окно, въ которое я улетѣлъ, будетъ открыто,— увѣренно отвѣтилъ Питеръ. — Мама всегда оставляетъ окно открытымъ въ надеждѣ, что я опять вернусь...

— Откуда вы это знаете? —съ удивленіемъ спросили феи. Но этого Питеръ объяснить имъ не могъ.

— Я знаю, — отвѣтилъ онъ только.

Но такъ какъ онъ упорствовалъ въ желаніи повидать свою мать, то имъ оставалось только исполнить обѣщаніе и оказать ему содѣйствіе. Летать онѣ помогли ему такимъ образомъ: онѣ всѣ принялись щекотать его въ плечи, и онъ скоро почувствовалъ пріятный, подмывающій зудъ, отдѣлился отъ земли, сталъ подниматься выше, выше, и взвился надъ паркомъ и крышами домовъ...

Ему было такъ пріятно летать, что онъ полетѣлъ не прямо домой, а пронесся раньше надъ соборомъ Св. Павла, надъ Хрустальнымъ дворцомъ и Риджентъ-паркомъ, и когда онъ спускался къ окну своей мамы, онъ почти уже рѣшилъ, что попроситъ у фей сдѣлать его опять птичкой...

Окно, какъ онъ и ждалъ, было раскрыто настежь, и онъ влетѣлъ въ комнату и увидалъ передъ собой свою спящую маму... Питеръ спустился на ея кровать, присѣлъ въ ея ногахъ и жадно уставился на нее. Она лежала, положивъ голову на руку, и углубленіе въ подушкѣ похоже было на гнѣздышко, выстланное ея темными вьющимися волосами. Онъ вспомнилъ тутъ, что она всегда распускала волосы на ночь— онъ было и забылъ объ этомъ. Такъ нѣжно бѣлѣли кружева ея ночной рубашки!.. И сердце его радовалось тому, что у него такая красивая мать....

Но лицо ея было печально, и онъ зналъ, отчего у нея такое печальное лицо. Она протянула руку, словно хотѣла обнять кого-то, и онъ зналъ, къ кому тянулась ея рука.

— О, мама,—проговорилъ про себя Питеръ,—если бы ты знала, кто сидитъ на твоей кровати, у твоихъ ногъ...

Онъ тихонько коснулся ея ступни, выступавшей подъ одѣяломъ, и видѣлъ, что ей пріятно это прикосновеніе... Онъ зналъ, что стоитъ ему только шепнуть: «мама» — и она проснется. Матери всегда просыпаются на зовъ своихъ дѣтей. Она вскрикнула бы отъ радости и крѣпко сжала бы его въ своихъ объятіяхъ... Какъ это было бы хорошо! И какимъ счастьемъ это было бы для нея! Но Питеръ колебался. Онъ зналъ, что для матери это будетъ величайшимъ счастьемъ, о какомъ можетъ только мечтать женщина. Сынъ! Какая гордость, и какое блаженство для женщины! Сынъ!.. Но Питеръ сидѣлъ на краю кровати и размышлялъ, и не рѣшался окликнуть свою мать и сказать ей, что онъ опять вернулся къ ней... И какъ ни грустно, но надо сказать правду — два чувства, два желанія боролись въ немъ... Онъ съ тоскою глядѣлъ на мать и съ тоскою глядѣлъ въ окно. Конечно, хорошо было бы опять стать ея мальчикомъ, сыномъ своей мамы, но съ другой стороны, какъ хорошо было ему въ Кенсингтонскомъ паркѣ. Онъ даже не былъ увѣренъ въ томъ, что ему пріятно будетъ опять носить человѣческую одежду... Онъ слетѣлъ съ кровати, открылъ ящикъ комода... Весь его гардеробъ все еще хранился здѣсь, и онъ смотрѣлъ на рубашечки, панталончики, чулочки и даже не могъ припомнить, какъ ихъ надо надѣвать... Чулки, напримѣръ, что съ ними надо дѣлать? На руки надѣвать, или на ноги? И онъ хотѣлъ было натянуть одинъ чулокъ на лѣвую руку, но тутъ, должно быть, скрипнулъ ящикъ. Мать его проснулась... И онъ услышалъ: «Питеръ»! — Это сказано было такимъ нѣжнымъ, сладкимъ голосомъ, словно это было прекраснѣйшее въ мірѣ слово... Онъ притаился на полу, сидѣлъ, едва дыша, и удивлялся тому, что она почувствовала его близость. Если бы она еще разъ промолвила «Питеръ»! — онъ бы не выдержалъ и крикнулъ-бы «мама» и кинулся бы въ ея объятія... Но она ничего больше не сказала, только тихо вздохнула нѣсколько разъ, и когда онъ опять взлетѣлъ на ея кровать, она уже спала... На щекахъ ея блестѣли слезы...

Это взволновало Питера до глубины души, и знаете, что онъ сдѣлалъ?

Онъ заигралъ на своей дудочкѣ, которую захватилъ съ собой, прелестную колыбельную пѣсенку... Одно слово, одинъ звукъ ея голоса, которымъ она промолвила «Питеръ», на-

вѣяли ему эту пѣсенку, и онъ игралъ ее до тѣхъ поръ, пока на лицѣ его матери не заиграла опять улыбка... Ему и самому понравилась эта пѣсенка, и онъ очень доволенъ былъ своей игрой. Ему стоило большого усилія не разбудить мать, для того лишь, чтобы услышать изъ ея устъ похвалу: «О, Питеръ, какъ ты прелестно играешь!» — Но она спокойно и мирно спала, и онъ опять сталъ поглядывать на окно. Вы не думайте, однако, что онъ хотѣлъ улетѣть съ тѣмъ, чтобы никогда больше не возвращаться. Онъ почти что рѣшилъ быть опять сыномъ своей мамы, но ему не хотѣлось ночью приводить въ исполненіе свое рѣшеніе... И потомъ его томило еще и другое невысказанное желаніе. Ему не хотѣлось больше быть птичкой, но ему представлялась возможность получилъ еще какой-то ударъ у судьбы, а для этого онъ долженъ былъ вернуться къ феямъ... Онъ зналъ также, что откладывать надолго исполненіе второй просьбы не слѣдуетъ... И въ то же время ему совѣстно было, что онъ улетѣлъ, не простившись даже съ Соломономъ-Ворономъ.

— Мнѣ страшно хочется прокатиться еще разъ въ моей лодочкѣ,—мечтательно прошепталъ онъ, обращаясь къ своей спящей матери. Онъ убѣждалъ ее, доказывалъ ей, какъ будто она слышала его и могла ему возражать.

— И такъ хочется разсказать птицамъ, какъ я прилетѣлъ къ тебѣ — вкрадчиво добавилъ онъ.

— Я обѣщалъ имъ вернуться обратно! — торжественно сказалъ онъ и самъ повѣрилъ своимъ словамъ.

И, въ концѣ концовъ, таки улетѣлъ, какъ вамъ извѣстно... Два раза прилеталъ онъ опять на окно, ему страшно хотѣлось поцѣловать мать, но онъ боялся разбудить ее своимъ поцѣлуемъ, и, сыгравъ ей на дудочкѣ прощальный поцѣлуй,—улеталъ въ Кенсингтонскій паркъ...

Прошло много ночей, и даже мѣсяцевъ, пока онъ, наконецъ, рѣшился повѣдать феямъ другое свое желаніе... И отчего онъ такъ долго колебался и откладывалъ, я вамъ, право, сказать не могу... Единственное объясненіе, пожалуй, то, что ему надо было сдѣлать много прощальныхъ визитовъ и проститься не только съ множествомъ друзей, но и съ множествомъ милыхъ его сердцу уголковъ. Онъ отправлялся въ послѣдній разъ на островъ въ своей лодочкѣ, и опять, и опять, въ послѣдній разъ, въ честь его устраивались прощальные ужины, обѣды, завтраки, и потомъ онъ даже не очень торопился — онъ былъ увѣренъ, что его мама никогда не перестанетъ его ждать... Съ этимъ доводомъ старый Соломонъ не соглашался. Только птицы поддерживали Питера, и убѣждали его откладывать возвращеніе къ матери...

А кое-что повидавшій на своемъ вѣку Соломонъ утверждалъ, что «никогда не слѣдуетъ откладывать на завтра то, что можно сдѣлать сегодня», и что надо «ковать желѣзо, пока горячо»... Но Питеръ беззаботно откладывалъ свой отъѣздъ, а птицы наперерывъ приглашали его къ себѣ, веселились, пировали и отбивались отъ дѣла...

Но хотя Питеръ и не торопился разстаться съ островомъ и паркомъ, въ душѣ, однако, онъ твердо рѣшилъ вернуться къ своей матери... И лучшее тому доказательство—осторожность, какую онъ соблюдалъ въ разговорахъ съ феями... Имъ очень хотѣлось, чтобы онъ остался и продолжалъ играть на ихъ балахъ, и онѣ всякими хитростями старались подсказать ему новое желаніе... Онѣ говорили: «Какъ бы я хотѣла, чтобы трава не была такъ влажна...», или же танцовали безъ передышки, надѣясь, что онъ не выдержитъ и крикнетъ: «Довольно, остановитесь, я хочу, чтобы вы перестали, наконецъ!..» — И тогда онѣ закричали бы, что это и есть его второе желаніе...

Но онъ понималъ всѣ ихъ уловки, и каждый разъ, когда начиналъ — «Я хочу» — тотчасъ-же умолкалъ.

Наконецъ, онъ твердо имъ заявилъ: «Я хочу вернуться навсегда къ своей мамѣ».—Имъ оставалось только пощекотать его въ плечи и отпустить съ Богомъ...

Онъ летѣлъ теперь очень быстро; ему приснилось, что мать его стонетъ и плачетъ... А онъ зналъ, что если мать его стонетъ и плачетъ, стало быть, ей очень больно, и зналъ, что какъ только она почувствуетъ близость своего ненагляднаго Питера, она опять просіяетъ и улыбнется... О, онъ былъ увѣренъ въ этомъ! И ему такъ хотѣлось быть скорѣй въ ея объятіяхъ, что онъ, уже не останавливаясь по дорогѣ, летѣлъ прямо къ ея окну... Онъ не сомнѣвался въ томъ, что оно все еще раскрыто настежь.

Увы! — Окно оказалось закрытымъ и къ подоконнику придѣлана была желѣзная ограда. И заглянувъ въ стекло, онъ увидалъ свою мать, но она мирно спала, обнимая рукою другого маленькаго мальчика...

Питеръ крикнулъ: «Мама! Мама!»—Но она не слышала его. Онъ тщетно стучалъ своими маленькими ножками о желѣзную ограду. А онъ мечталъ быть теперь такимъ нѣжнымъ, такимъ любящимъ сыномъ! Ахъ, Питеръ! Совершивъ большую ошибку, не надо медлить, когда представляется возможность исправить ее. Но Соломонъ былъ правъ — эта возможность такъ рѣдка, такъ рѣдка!!.. Мы прилетаемъ къ завѣтному окну уже въ глухой полночный часъ. Но окно закрыто — и никогда больше не откроется для насъ...

XVI.

Маленькій домикъ.

Кто не знаетъ про маленькій домикъ въ Кенсингтонскомъ паркѣ? Это единственный домикъ во всемъ мірѣ, построенный феями для людей... Но никто этого домика никогда не видѣлъ, за исключеніемъ трехъ-четырехъ человѣческихъ существъ, и то лишь потому, что они спали въ немъ, а видѣть маленькій домикъ можно только, проведя въ немъ ночь, и даже не тогда, когда вы лежите въ немъ, вы видите его а тогда только, когда просыпаетесь и выходите изъ него...

Представленіе объ этомъ домикѣ могутъ, пожалуй, имѣть многіе, потому что ночью послѣ полуночи виденъ иногда свѣтъ въ окнахъ... Давидъ, напримѣръ, отчетливо видѣлъ свѣтъ сквозь деревья, когда мы съ нимъ возвращались однажды поздно изъ цирка, а Оливеръ Бейлей видѣлъ свѣтъ, возвращаясь изъ собора, гдѣ отецъ его служилъ заутреню... Анджела Клэръ (для этой дѣвочки праздникъ, когда дантистъ рветъ ей зубъ, потому что тогда ее въ утѣшеніе водятъ въ кондитерскую) много разъ даже видѣла огни въ Маленькомъ домикѣ.

Она видѣла, очевидно, огни, когда феи строили домикъ, потому что онѣ строютъ его каждую ночь, и каждую ночь въ другой части парка. Анджелѣ казалось, что одинъ огонекъ былъ больше другихъ, но она не была, впрочемъ, увѣрена въ этомъ, потому что онъ вспыхивалъ то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ, и она не могла понять, одинъ ли и тотъ-же огонекъ это... Но это былъ одинъ и тотъ-же огонекъ — огонекъ Питера Пэна. Его видѣли десятки и сотни дѣтей. Высокая честь выпала на долю знаменитой Мемми Меннеринтъ. Для нея то и построенъ былъ первый домикъ.

Мемми всегда была странная дѣвочка, — странности ея обыкновенно начинали обнаруживаться съ наступленіемъ ночи. Ей было четыре года. Днемъ она казалась самой обыкновенной дѣвочкой. Она сіяла отъ радости, когда братъ ея Тони, пышный красивый шестилѣтній мальчуганъ удостоивалъ ее вниманія,—смотрѣла на него съ восторженнымъ почтеніемъ, тщетно старалась подражать ему въ его мальчишескихъ замашкахъ и ей пріятно льстило, когда онъ, не считаясь съ тѣмъ, что она дѣвочка, давалъ ей по-товарищески тумака.. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, когда она подбрасывала ракетой мячъ, она ничуть не торопилась поймать его, а выставляла впередъ свои ножки, чтобы всѣ видѣли, какіе на ней хорошенькіе новые башмачки — потому что она все-таки была дѣвочка... Словомъ, днемъ это былъ самый обыкновенный ребенокъ...

Но едва спускались сумерки, самоувѣренный Тони тотчасъ переходилъ съ покровительственно - презрительнаго тона съ Мамми на робкій... И ничего нѣтъ удивительнаго — потому что съ наступленіемъ ночи лицо Мамми мѣнялось до неузнаваемости. Въ глазахъ ея появлялось выраженіе гордой спокойной увѣренности, Тони-же, наоборотъ, овладѣвало безпокойство, растерянность, и онъ съ заискивающимъ видомъ топтался подлѣ Мамми, дарилъ ей любимѣйшія игрушки (на слѣдующее утро онъ отнималъ ихъ обратно)—и она съ разсѣянной улыбкой принимала ихъ... Причина его угодливой кротости и ея таинственности заключалась въ томъ, что оба предчувствовали близость момента, когда ихъ укладывали спать. И тогда Мамми становилась ужасной. Тони каждый вечеръ просилъ ее не дѣлать «этого» сегодня, и мама, и няня ихъ, негритянка, грозили ей наказаніемъ, если она опять будетъ «это» дѣлать... Мамми лишь улыбалась своей загадочной, волнующей улыбкой... И какъ только они оставались въ дѣтской одни при свѣтѣ ночника, она приподнималась на своей кроваткѣ и вскрикивала:

— У-у-у! Это что?

Тоня умолялъ ее.—Ничего, ничего нѣтъ... Не надо, не надо, Мамми!

И зарывался головой подъ одѣяло.

— Вотъ!.. вотъ!.. приближается!!—кричала она.— Тони, Тони, смотри, съ рогами, уже у твоей кровати... Сейчасъ тебя забодаетъ, ахъ! Ахъ, Тони!.. —И не унималась до тѣхъ поръ, пока онъ въ однихъ кальсончикахъ не выскакивалъ съ крикомъ изъ кровати... Когда на его крикъ прибѣгала мама и няня, Мамми обыкновенно спокойно спала... Не притворялась, а дѣйствительно спала тихо и кротко, какъ ангелочекъ...

Но днемъ, когда они бывали въ Кенсингтонскомъ паркѣ, первую скрипку всегда игралъ Тони. Изъ его словъ не трудно было заключить, что онъ отмѣнный храбрецъ. Мамми гордилась имъ чрезвычайно... И можете себѣ представить, въ какое восторженное благоговѣніе онъ повергъ ее, когда однажды твердо и рѣшительно заявилъ ей—(онъ всегда разговаривалъ очень твердо и рѣшительно),—что намѣренъ когда-нибудь остаться въ паркѣ послѣ закрытія воротъ...

— О, Тони! — воскликнула она съ испугомъ и почтеніемъ, — но феи вѣдь разсердятся...

— Вѣроятно!—небрежно отвѣтилъ Тони.

— Быть можетъ, — продолжала она, дрожа отъ волненія, — Питеръ Пэнъ прокатитъ тебя въ своей лодочкѣ...

— Я потребую, чтобы онъ прокатилъ меня, — отвѣтилъ Тони.

Удивительно-ли послѣ этого, что Мамми гордилась своимъ братомъ?

Но, къ сожалѣнію, они разговаривали очень громко, и феи, собиравшія увядшіе листья, изъ которыхъ онѣ ткали ткань для лѣтнихъ занавѣсокъ, подслушали ихъ разговоръ... Съ этого дня Тони сталъ предметомъ ихъ всеобщихъ преслѣдованій. Когда онъ взбирался на изгородь, онѣ раздвигали густые кусты, и онъ проваливался внизъ головой. Онѣ незримо наступали на его часто развязывавшіеся шнурки, онъ спотыкался и падалъ. Онѣ натравливали на него утокъ, и утки топили его кораблики. Надо знать, что почти всѣ несчастные случаи въ паркѣ происходятъ только съ дѣтьми, очутившимися въ немилости фей, и потому, разговаривая о феяхъ, слѣдуетъ соблюдать величайшую осторожность...

Мамми по характеру своему очень любила точность и опредѣленность, но Тони былъ другого склада, и когда она спросила его, въ какой день онъ намѣренъ остаться въ паркѣ послѣ закрытія воротъ, онъ отвѣтилъ:

— Да какъ придется...

Онъ и самъ не зналъ, когда осуществитъ свое намѣреніе. Но однажды она настойчивѣе спросила:

— Быть можетъ, сегодня останешься?

И онъ твердо отвѣтилъ:

— Нѣтъ, нѣтъ только не сегодня...

Изъ этого его отвѣта, она вывела заключеніе, что онъ будетъ выжидать благопріятнаго случая...

Наконецъ, аллеи парка запорошило бѣлымъ снѣгомъ. Круглый прудъ затянуло льдомъ. На конькахъ нельзя было еще кататься, и мальчики и дѣвочки забавлялись пока тѣмъ, что бросали въ прудъ камушки и разбивали прозрачную хрупкую пленку...

Тони и Мамми, придя въ паркъ, тоже хотѣли первымъ дѣломъ направиться къ пруду, но ихъ черная няня сказала, что надо прежде прогуляться по аллеѣ. И говоря это, она взглянула на дощечку, указывавшую часъ закрытія парка. На дощечкѣ написано было, что паркъ закроется въ половинѣ шестого. Бѣдная Айя! Она всегда смѣялась, всегда показывала свои бѣлые зубы, потому что въ паркѣ было всегда такъ много бѣлыхъ дѣтей, и это ее смѣшило. Но въ этотъ день она не долго смѣялась.

Когда они прошлись по Дѣтской аллеѣ и опять проходили мимо дощечки, она къ удивленію своему увидала, что паркъ закроется не въ половинѣ шестого, а въ пять. Она ничего не знала о продѣлкахъ, на которыя часто пускались феи парка, и не поняла.—Тони и Мамми тотчасъ догадались, въ

чемъ дѣло,—что феи передвинули дощечки, потому что онѣ затѣвали этой ночью балъ. Айя только сказала дѣтямъ, что теперь у нихъ осталось времени дойти лишь до холма и обратно, и когда они послушно повернули къ холму, она, конечно, и не подозрѣвала, какія мысли волнуютъ ихъ въ эти минуты... Вы догадываетесь, разумѣется, какія это были мысли!.. Увидѣть фейный балъ! Тони понималъ, что болѣе благопріятнаго случая нечего было ждать. Мамми по лицу его угадала, о чемъ онъ думалъ...

— Сегодня?—спросила она глазами.

Онъ глубоко вздохнулъ и кивнулъ головой. Мамми быстро всунула рученку въ его руку. Ея рука была горяча, какъ огонь, его—холодна, какъ ледъ. И вотъ что она сдѣлала тогда,—она сняла съ себя шарфикъ и отдала его брату.

— Бери—прошептала она— тебѣ, быть можетъ, будетъ холодно...

Лицо ея пылало отъ возбужденія. Тони хмуро молчалъ.

Когда они дошли до вершины холма и поворачивали обратно, онъ шепнулъ ей:

— Боюсь, няня увидитъ, что я отстаю, и мнѣ не удастся застрять въ паркѣ.

Мамми пришла въ восторгъ. Онъ боялся только няни, ея смѣлый братъ! И ни слова о тѣхъ невѣдомыхъ ужасахъ, которые ждали его въ паркѣ...

— Тони, бѣги, до воротъ, я буду тебя догонять,—громко сказала она и добавила шопотомъ:

— Тогда ты сможешь спрятаться...

И они побѣжали.

Тони всегда довольно легко ее опережалъ, когда они бѣгали взапуски, но она и не подозрѣвала, что онъ умѣетъ бѣгать такъ быстро. И она подумала, что онъ напрягаетъ всѣ силы, для того только, чтобы скорѣе ускользнуть отъ бдительной няни.

— Браво! Браво!—поощряла она его горѣвшими глазами и вдругъ—остолбенѣла отъ изумленія. Вмѣсто того, чтобы свернуть въ сторону и спрятаться, ея герой выбѣжалъ изъ воротъ прямо на улицу. Она даже заплакать не могла, такъ жгуче было охватившее ее чувство презрѣнія... Ей казалось, что она потеряла въ эту минуту все, чѣмъ дорожила, все, что было ей мило и любо на землѣ... И въ порывѣ негодованія противъ всѣхъ убѣгающихъ трусовъ, она бросилась къ колодцу Св. Говора и спряталась за нимъ вмѣсто Тони.

Когда Айя дошла до воротъ и увидала, что Тони уже за оградой парка, она подумала, что Мамми въ нѣсколькихъ шагахъ впереди его или позади, и тоже вышла изъ воротъ.

Надъ паркомъ спустились сумерки, сотни людей спѣшили къ воротамъ, но Мамми не видѣла ихъ. Она сидѣла, плотно сомкнувъ глаза, изъ которыхъ катились на ея щечки горячія слезы. Она открыла глазки, лишь когда что-то холодное пробѣжало по ея ножкамъ, ручкамъ и вошло въ ея сердце. Это была тишина парка. Затѣмъ она услыхала «донъ», и опять «донъ»... Это закрывались ворота.

И едва отзвучалъ послѣдній «донъ», Мамми отчетливо услыхала чей-то голосъ, сказавшій:

— Ну, вотъ, наконецъ-то!..

Это произнесено было какимъ-то глухимъ деревяннымъ звукомъ, надъ самой головою Мамми. Она подняла глаза и увидала надъ собою вязъ. Онъ устало потягивался и зѣвалъ.

Она чуть было не сказала: «Я и не знала, что вы умѣете говорить»,—но въ то-же мгновеніе другой металлическій голосъ, шедшій какъ будто отъ ковшика у колодца, промолвилъ:

— Никакъ, холодно нынче?

И вязъ отвѣтилъ:

— Нѣтъ, не очень... Долго стоялъ на одномъ мѣстѣ, ноги онѣмѣли...

И онъ взмахнулъ одной, другой вѣтвью, какъ извозчики кнутомъ... Мамми изумленно смотрѣла, какъ и другія деревья взмахивали вѣтвями, словно разминали онѣмѣвшія руки. Она притаилась подъ большой мальвой, которая тоже зябко водила плечиками и, повидимому, ея не замѣчала.

Мамми-же совсѣмъ не чувствовала холода. Она была въ желтенькой шубкѣ, и въ капорѣ, изъ подъ котораго видны были только ея личико и кудри. Вся ея фигурка была такъ плотно укутана и обмотана, что она походила скорѣй на шаръ, чѣмъ на дѣвочку... Впрочемъ, она и безъ шубы и фуфаекъ была порядочной толстушкой...

На Дѣтской аллеѣ было большое оживленіе... Но отъ вниманія Мамми не ускользнуло, однако, какъ магнолія и кустъ сирени перешагнули черезъ изгородь и быстро пошли по аллеѣ. Они шагали неровно, и дергая плечами, потому что оба опирались на костыли. Бузиновый кустъ перешелъ, ковыляя, черезъ дорогу, и остановился поболтать съ айвовыми деревьями. Эти тоже всѣ опирались на костыли. Костыли ихъ были просто палочки, которыми подпираютъ молодыя деревца и кустики. Мамми видала ихъ каждый день, но до этой ночи не знала, что это, въ сущности, костыли... а не палочки...

Она высунулась изъ своей засады и, выглянувъ на аллею,

увидала наконецъ первое живое волшебное существо. Это былъ маленькій эльфъ, уличный мальчишка. Онъ бѣгалъ по аллеѣ и потѣхи ради закрывалъ плакавшія деревья. Дѣлалъ онъ это такъ: пускалъ въ стволы струю воды изъ шприца и деревья тотчасъ смыкались, какъ зонты, осыпая ютившіяся подъ ними маленькія растенія дождемъ снѣжинокъ.

— О, ты нехорошій, нехорошій мальчикъ!—съ негодованіемъ воскликнула Мамми, — она знала, какъ это непріятно, когда на уши стекаетъ вода съ зонтика...

Недобрый мальчишка убѣжалъ и не слышалъ уже ея негодующаго окрика, но ее слышала хризантема и такъ язвительно-вызывающе бросила ей: — Та-та-та! Это еще что такое?—что Мамми сочла недостойнымъ прятаться дольше и вышла на аллею. Растительное царство опѣшило отъ изумленія. Въ первое мгновеніе никто даже не нашелся, что сказать... Наконецъ, они пошептались межъ собою и барбарисъ замѣтилъ ей:

— Конечно, это насъ не касается, но вы, вѣроятно, знаете, что вамъ здѣсь не мѣсто, и мы, съ своей стороны, быть можетъ, даже обязаны довести о вашемъ присутствіи до свѣдѣнія фей. Вы какъ полагаете?..

— Я полагаю, что вамъ совершенно незачѣмъ это дѣлать, — отвѣтила Мамми, и отвѣтъ ея такъ поразилъ ихъ, что они, перекрикивая другъ друга, заявили ей, что вовсе не намѣрены вступать съ нею въ какія-либо препирательства.

— Повѣрьте мнѣ,—сказала Мамми,—если-бы въ моемъ присутствіи здѣсь былъ дурной умыселъ, я не стала бы убѣждать васъ укрывать меня.

И послѣ этихъ словъ, у нихъ, понятно, пропало всякое желаніе доносить феямъ о ея присутствіи. Одни только пожали плечами: «Увы!» другіе проговорили: «Что-же, такова жизнь!»—потому что растенія, какъ извѣстно, по природѣ своей, весьма склонны къ сарказму. Ей, однако, жалко стало тѣхъ, у кого не было костылей, и она простодушно предложила имъ:

— Прежде чѣмъ отправиться на фейный балъ, я съ удовольствіемъ погуляю немного съ каждымъ изъ васъ... Можете опираться на меня... Пожалуйста...

Они захлопали въ ладоши, и она провела ихъ всѣхъ взадъ и впередъ по Дѣтской аллеѣ, каждаго особо, причемъ, очень слабыхъ, нѣжно поддерживала за талію; если кто дергалъ или смѣшно подгибалъ ногу, осторожно и деликатно выравнивала его походку, и съ иностранцами была такъ же внимательна и учтива, какъ съ англичанами, хотя и ни слова не понимала изъ ихъ рѣчей.

Всѣ они вели себя безупречно. Нѣкоторые жаловались только, что она съ другими гуляла дольше, чѣмъ съ ними, но Мамми была слишкомъ хорошо воспитана, чтобы раздражаться изъ-за такихъ пустяковъ. Она, наконецъ, устала отъ ходьбы, и боялась также, что опоздаетъ на балъ фей, но страху она ни малѣйшаго не чувствовала. А не боялась она потому, что все это происходило ночью, а въ темнотѣ, какъ вамъ уже извѣстно, она совершенно преображалась и не походила на другихъ дѣтей.

Деревья и кусты неохотно отпускали ее отъ себя.

— Фей, пожалуй, еще станутъ обижать васъ, — предупреждали они ее. — Кто знаетъ, быть можетъ, даже исколотятъ до смерти, или заставятъ няньчить ихъ дѣтей, или превратятъ васъ во что-либо скучное, въ какой-нибудь вѣчнозеленый дубокъ...

— Скажите на милость! — язвительно промолвилъ дубъ, — смѣю васъ увѣрить, куда пріятнѣе стоять на холоду застегнутымъ до воротника, чѣмъ щеголять нагишемъ и стучать зубами...

Всѣ они тогда обидѣлись, хотя сами-же вызвали его на такой рѣзкій отпоръ, и наперерывъ стали рисовать Мамми мрачную картину всякихъ опасностей, ждавшихъ ее по дорогѣ на фейный балъ...

Багряный орѣшникъ сообщилъ Мамми, что при дворѣ сейчасъ очень невесело, и причина подавленнаго настроенія — сердечныя муки герцога Гіацинта Рождественскаго... Онъ былъ родомъ съ Востока и страдалъ тяжкимъ сердечнымъ недугомъ: онъ никого не любилъ. Онъ ѣздилъ по всему міру, знакомился съ самыми очаровательными феями, но полюбить никого не могъ. Королева Мабъ — королева Кенсингтонскаго парка—увѣрена была въ томъ, что ея дочери очаруютъ знатнаго гостя. Но увы! Сердце его,—говорилъ докторъ—оставалось холоднымъ. Врачъ этотъ, очень непріятный господинъ, находившійся при герцогѣ неотлучно, каждый разъ, когда герцогу представляли новую фею, внимательно выслушивалъ его сердце, качалъ своей плѣшивой головой и бормоталъ:

— Холодное, совсѣмъ холодное.

Каролева Мабъ, понятно, разсердилась и повелѣла всѣмъ своимъ придворнымъ быть въ печали и слезахъ цѣлыхъ девять минутъ. Амуровъ-же выругала и приказала имъ носить дурацкіе колпаки до тѣхъ поръ, пока они не сумѣютъ согрѣть любовью холодное сердце герцога.

— О, мнѣ бы такъ хотѣлось видѣть миленькихъ Амуровъ въ дурацкихъ колпачкахъ! — воскликнула Мамми и увѣряла

рѣшивъ про себя, что и виду не покажетъ Амурамъ, какъ ее забавляютъ ихъ дурацкіе колпаки. Она знала, что они самолюбивы и обижаются, когда надъ ними подтруниваютъ.

Мѣсто, гдѣ феи устраиваютъ балъ, найти не трудно, потому что отъ этого мѣста обыкновенно протянуты ленты къ самымъ населеннымъ частямъ парка. Приглашенныя шествуютъ на балъ по лентамъ, дабы не промочить бальныхъ башмачковъ. Въ эту ночь ленты были красныя, и на фонѣ бѣлаго снѣга это было восхитительно.

Мамми долго шла вдоль одной такой ленты, но ни одна фея навстрѣчу ей не попадалась. Наконецъ, она увидала цѣлую кавалькаду. Ей казалось, однако, что онѣ уже возвращаются съ бала. Она едва успѣла спрятаться—опустилась на колѣни и вытянула впередъ обѣ ручки, такъ что въ темнотѣ легко могла сойти за стулъ. Кавалькада состояла изъ шести всадниковъ, ѣхавшихъ впереди, и шести сзади. Между этими двумя группами шла красивая фея въ очень нарядномъ платьѣ съ длиннымъ шлейфомъ, который поддерживали два пажа. А на шлейфѣ возлежала, какъ на кушеткѣ, очаровательная юная фея. Аристократическія феи всегда выѣзжаютъ на шлейфахъ и всегда подъ конвоемъ двѣнадцати эльфовъ. На ней было восхитительное платье изъ золотыхъ струй, но больше всего плѣняла взоръ ея нѣжно-голубая шейка въ алмазномъ ожерельѣ. Знатныя феи нарочно прокалываютъ кожу, чтобы капли голубой крови, вытекающія тогда изъ ихъ венъ, окрасили и придали такой нѣжный, благородный оттѣнокъ ихъ кожѣ...

Мамми обратила также вниманіе на то, что всѣ онѣ были очень возбуждены и обиженно-вызывающе задирали носики, изъ чего она догадалась, что эту молоденькую фею, очевидно, уже представляли пріѣзжему герцогу, и докторъ, выслушавъ его сердце, вѣроятно, сказалъ:—Холодное, совершенно холодное...

Она пошла дальше, вдоль этой самой ленты, и пришла вскорѣ къ мѣсту, гдѣ лента тянулась мостикомъ надъ высохшей лужей. Въ это самое мгновеніе маленькая фея, шедшая по мосту, свалилась внизъ и тщетно пыталась вскарабкаться опять на верхъ. Мамми поспѣшила къ ней на помощь. Фея было испугалась ея, но черезъ минуту уже весело болтала съ нею, и сообщила ей, что ее зовутъ Броуни, и что она хотя всего только бѣдная уличная пѣвица, однако — вотъ собралась на балъ... Она тоже хотѣла показаться герцогу.

— Правда, — сказала она, — меня можно скорѣе назвать дурнушкой...

Мамми смутилась. Это милое простодушное существо въ

сравненіи съ другими феями и впрямь была дурнушкой. И она не знала, что ей сказать...

— Я вижу, вы не очень вѣрите въ мой успѣхъ,—дрожащимъ голосомъ проговорила Броуни.

— Нѣтъ, отчего-же, — вѣжливо отвѣтила Мамми. — у васъ, правда, лицо... нѣсколько... ну, нѣсколько простое, но...

Бѣдная Мамми, она искала словъ и не находила ихъ.

Къ счастью, она вспомнила, что отецъ ея разсказывалъ однажды объ одномъ базарѣ. Онъ пошелъ на великосвѣтскій базаръ, гдѣ продавщицами были красивѣйшія дамы всего Лондона. А когда вернулся домой, онъ съ нѣжностью посмотрѣлъ на мать Мамми, которая далеко не была красавицей, и сказалъ:

— Какъ пріятно видѣть, наконецъ, передъ собою простое, милое лицо!

Мамми повторила Броуни слова отца, и маленькая фея почерпала въ нихъ отвагу и бодрость. Она и не сомнѣвалась больше, что герцогъ именно на ней остановитъ свой выборъ. И она быстро побѣжала по лентѣ, убѣждая Мамми не слѣдовать за нею, такъ какъ королева Мабъ можетъ ее обидѣть... Но любопытство заглушало въ Мамми чувство страха, гнало ее впередъ и вскорѣ она увидѣла недалеко отъ семи испанскихъ каштановъ ярко-освѣщенный кругъ...

Она незамѣтно пробралась совсѣмъ близко, и притаилась за деревомъ... Свѣтъ, ослѣпившій ее, состоялъ изъ миріадовъ свѣтлячковъ, которые плотно приникли другъ къ другу и повисли надъ кругомъ сказочнымъ балдахиномъ. Тысячи существъ смотрѣли со всѣхъ сторонъ на ослѣпительный кругъ, и всѣ казались невзрачными и жалкими въ сравненіи съ феями, порхавшими подъ алмазнымъ балдахиномъ.

Мамми и мысли не допускала, чтобы герцогъ Гіацинтъ могъ не влюбиться хотя-бы въ одно изъ этихъ восхитительныхъ созданій. Но, увы, сердце его хмураго высочества оставалось холоднымъ, какъ ледъ. И Мамми скоро поняла это по смущеннымъ взглядамъ королевы и придворныхъ дамъ — хотя онѣ и дѣлали видъ, что его равнодушіе ихъ нисколько не трогаетъ, — по слезамъ, выступавшимъ на глазахъ фей послѣ представленія герцогу, и по унылому выраженію лица самого герцога...

Мамми видѣла также, какъ важный докторъ прижималъ къ груди плѣшивую голову и взвизгивалъ, какъ попугай:

— Холодное, совершенно холодное.

Но больше всего ей было жаль Амуровъ, стоявшихъ въ сторонкѣ, въ своихъ дурацкихъ колпакахъ... Каждый разъ,

когда врачъ выкрикивалъ: «Холодное, совершенно холодное»,—бѣдняжки низко опускали свои опальныя головы...

Она была разочарована отсутствіемъ Питера Пэна. А онъ, къ несчастью, не попалъ къ самому началу бала, потому что лодочка его попала въ узкій проходъ между льдинъ, плывшихъ по озеру, и ему съ величайшимъ трудомъ и съ большимъ опозданіемъ удалось добраться до парка въ эту ночь.

Феи-же едва замѣчали его отсутствіе. Онѣ были такъ удручены, что имъ было не до танцевъ. Онѣ забывали всѣ па, когда ихъ угнетала какая-либо печаль, но тотчасъ опять вспоминали ихъ, когда приходили въ хорошее настроеніе. Давидъ увѣряетъ меня, что феи никогда не говорятъ: «Намъ очень весело»... Онѣ говорятъ: «Намъ хочется танцовать...»

Но въ этотъ вечеръ видъ у нихъ былъ совсѣмъ не танцовальный... Внезапно кругъ огласился дружнымъ хохотомъ. Причиной его было появленіе Броуни и ея горячія наивныя увѣренія, что она имѣетъ такое-же право, какъ и другія феи, быть представленной герцогу.

Мамми возбужденно подалась впередъ. Ей страшно хотѣлось видѣть, что будетъ теперь съ ея новой пріятельницей, хотя она не вѣрила нисколько въ успѣхъ ея затѣи.

Ее подвели, однако, къ герцогу. Докторъ разсѣянно поднесъ палецъ къ его сердцу, — приличія ради, чтобы не обнажать часто грудь его высочества, въ его алмазной манишкѣ сдѣлана была поднимавшаяся и опускавшаяся заслонка, — и началъ было, какъ автоматъ, свое обычное: «Холодное, соверш....» — И вдругъ осѣкся и замолкъ.

— Это что значитъ? — вскрикнулъ онъ, и сперва встряхнулъ сердце, какъ часы, потомъ приникъ къ нему ухомъ.

— Господи помилуй! — снова воскликнулъ докторъ. Возбужденіе фей дошло до крайняго напряженія; иныя изъ нихъ даже лишились чувствъ.

Всѣ гости, затаивъ дыханіе, смотрѣли на герцога. А онъ стоялъ, блѣдный, растерянный и съ такимъ видомъ, словно намѣревался куда-то убѣжать.

— О, Боже, Боже! — раздался шопотъ доктора. Сердце герцога, очевидно, пылало, потому что докторъ быстро отдернулъ свои пальцы, подулъ на нихъ въ воздухѣ и сунулъ ихъ въ ротъ.

Затѣмъ онъ отвѣсилъ герцогу низкій поклонъ и среди всеобщаго изумленія раздался его громкій, торжественный голосъ:

— Ваше высочество, имѣю честь доложить вашему высочеству, что ваше высочество влюблены.

Впечатлѣніе, произведенное этими словами, описать совершенно невозможно.

Броуни протянула герцогу руки, и герцогъ упалъ въ ея объятія, Королева упала въ объятія лорда Чемберлена, и всѣ придворныя дамы въ объятія своихъ кавалеровъ... По этикету, придворныя дамы должны во всемъ подражать своей королевѣ. Въ одну минуту состоялось около пятидесяти свадебъ. Потому что у фей обняться это значитъ повѣнчаться. Само собою разумѣется, что среди приглашенныхъ оказался и священникъ, скрѣпившій всѣ союзы своимъ благословеніемъ.

Какое тогда поднялось веселье и ликованье! Загудѣли трубы. Взошла луна, и тысячи паръ, окутавъ себя серебряными лучами, самозабвенно закрутились на зачарованной лужайкѣ... Амуры сорвали съ себя дурацкіе колпаки, взметнули ихъ высоко въ воздухъ, и были очаровательны въ своей граціозной шаловливости...

Но тутъ появилась Мамми и испортила всю музыку. Она сдѣлала это безъ злого умысла. Она такъ рада была счастью, выпавшему на долю ея пріятельницы, что невольно шагнула впередъ и крикнула съ восторгомъ:

— О, Броуни, какая ты прелесть!..

Все мгновенно замолкло. Танцующіе остановились, какъ вкопанные, огни погасли... И тогда Мамми почувствовала, что ей грозитъ какая-то опасность. Она теперь только сообразила, что находится одна въ такомъ мѣстѣ, гдѣ ни одно человѣческое существо не должно быть между закрытіемъ и открытіемъ парка. Она слышала глухой недовольный ропотъ. Видѣла тысячи мечей, сверкавшихъ во мглѣ, и дико вскрикнувъ, убѣжала.

Какъ она бѣжала—надо было видѣть! Отъ ужаса у нея глаза выкатились изъ орбитъ. Да! Она падала, и вскакивала, и опять бѣжала. Страхъ, овладѣвшій ею, былъ такъ великъ, что она и забыла о томъ, гдѣ находится. Она сознавала лишь, что должна бѣжать, бѣжать безъ конца, и когда она свалилась съ ногъ въ Фиговой аллеѣ, и стала засыпать, ей все еще казалось, что она бѣжитъ... Снѣжинки падали на ея лицо — ей казалось, что это мама цѣлуетъ ее на ночь. Снѣжный покровъ мнился ей ея бѣлымъ теплымъ одѣяльцемъ, и она пыталась укрыться съ головой. Она слышала голоса во снѣ, и ей казалось, что это мать привела въ дѣтскую отца полюбоваться, какъ спитъ ихъ любимица, Мамми. Но это были голоса фей.

Съ удовольствіемъ отмѣчаю, что гнѣвъ ихъ скоро остылъ.

и у нихъ пропало всякое желаніе причинить ей какую-либо непріятность. Онѣ, было, двинулись за нею съ крикомъ:

— Убить ее!

— Превратить ее во что-нибудь отталкивающее!

Но тотчасъ-же заспорили, кому стать во главѣ погони, а герцогиня Броуни тѣмъ временемъ бросилась къ ногамъ Королевы и попросила ее исполнить ея завѣтное желаніе...

Каждая невѣста-фея имѣетъ право на особую королевскую милость, и Броуни попросила королеву Мабъ о дарованіи жизни Мамми.

— Все, что угодно, только не это! — сурово отвѣтила Королева.

— Все, что угодно, только не это! — хоромъ повторили за нею феи.

Но когда онѣ всѣ выслушали, какъ Мамми выручила Броуни изъ бѣды, и помогла ей попасть на этотъ балъ. онѣ трижды крикнули «ура!» — и двинулись стройной арміей благодарить Мамми. Впереди шелъ дворъ подъ балдахиномъ изъ свѣтляковъ. Онѣ легко разыскали Мамми по слѣдамъ ея ножекъ въ снѣгу.

Но какъ благодарить ее? Она лежала глубоко въ снѣгу, и какъ разбудить ее онѣ не знали. Наконецъ, молодой новобрачный, герцогъ Гіацинтъ выступилъ впередъ и прочиталъ длинный привѣтственный адресъ, изъ котораго Мамми не слышала ни одного слова... Феи смели съ нея снѣгъ, но ее тотчасъ опять засыпало и онѣ видѣли, что ей грозитъ опасность замерзнуть...

— Надо завернуть ее во-что нибудь не холодное — предложилъ докторъ. Но единственная вещь, представлявшаяся феямъ не очень холодной, была снѣжинка.

— Снѣжинка можетъ растаять, — резонно замѣтила Королева, и предложеніе доктора было отклонено.

Феи сдѣлали было геройское усиліе, попытались перенести Мамми въ какое-нибудь защищенное мѣсто, но хотя ихъ было очень много — онѣ не могли сдвинуть ее съ мѣста. Толстушка-Мамми оказалась имъ не по силамъ. Феи горько плакали и сморкались въ носовые платочки, какъ вдругъ Амуровъ осѣнила счастливая мысль.

— Постройте надъ нею домикъ! — воскликнули они.

И всѣ единодушно согласились, что это вѣрнѣйшій способъ спасти дѣвочку. Черезъ мгновеніе сотни эльфовъ-пильщиковъ уже мелькали среди деревьевъ, архитекторы толпились подлѣ Мамми и снимали съ нея мѣрку, у ногъ ея выросла груда кирпичей, семьдесятъ пять каменьщиковъ возили камни для фундамента... Постройкой руководила сама Коро

лева, она-же назначала надсмотрщиковъ... Съ быстротою молніи выросли лѣса, кругомъ застучали молоты, зашуршали рубанки, заскрипѣли токарные станки, и скоро уже готова была крыша, и стекольщики вставляли окна въ рамы...

Домикъ сдѣланъ былъ какъ разъ по росту Маммн, и выглядѣлъ очаровательно. Мамми лежала, вытянувъ впередъ одну ручку, и это лишь привело фей въ недоумѣніе, такъ какъ мѣшало выполненію плана постройки. Но онѣ и тутъ нашли выходъ изъ затрудненія — обнесли протянутую ручку Маммн верандой. Окна были такого размѣра, какъ обыкновенная книжка съ картинками, только дверь была нѣсколько мала по росту Маммн и феи рѣшили, что ей, пожалуй, удобнѣе будетъ вылѣзть наружу черезъ крышу... Феи захлопали въ ладоши отъ радости, когда достроили домикъ. Онѣ налюбоваться на него не могли, и не рѣшались расходиться по домамъ... Онѣ еще и еще пристукивали что-то, прилаживали, расписывали, когда имъ казалось, что ничего больше дѣлать не осталось, придумывали еще что-то, и опять хлопотали и суетились... Двѣ феи, напримѣръ, взобрались по лѣсенкѣ на крышу и поставили надъ нею трубу.

— Никакъ, теперь уже все готово, — со вздохомъ сожалѣнія промолвила одна изъ нихъ.

Но нѣтъ, не все еще было готово! На крышу взбѣжали по лѣсенкѣ двѣ другихъ феи и воткнули въ трубу немного дыму.

— Ну, теперь, кажется, уже все готово, — нерѣшительно промолвили онѣ.

— Вовсе нѣтъ! — воскликнулъ свѣтлячокъ. — Если она проснется ночью и не увидитъ ночника, она испугается. Я останусь здѣсь въ качествѣ ночника.

— Погодите еще минутку — сказалъ посудоторговецъ, — я принесу для васъ чашечку.

Увы, теперь уже все, все было готово.

О, нѣтъ, еще не все!

— Господи, — воскликнулъ владѣлецъ мѣдно-плавильнаго завода. — Двери-то, двери безъ ручки...

И онъ придѣлалъ къ двери мѣдную ручку.

Желѣзоторговецъ принесъ еще желѣзную скобку для чистки обуви, а одна старая фея принесла половикъ и положила его предъ дверью. Плотники прикатили еще бочку для дождевой воды, а художники предлагали расписать домикъ фресками.

— Кончено, наконецъ!

— Какое тамъ кончено? — недовольно замѣтилъ паяльщикъ,—вѣдь въ домикѣ нѣтъ пока ни тепла, ни холода.

И онъ наполнилъ его тепломъ и холодомъ. Затѣмъ явился цѣлый отрядъ садовниковъ съ тачками, заступами, сѣменами, луковицами, съ маленькими тепличками, и по правую руку отъ веранды развели цвѣтникъ, а по лѣвую фруктовый садъ, стѣны дома увили розами и ломоносомъ, а черезъ нѣсколько минутъ деревья и клубы уже стояли въ полномъ цвѣту...

О, какъ теперь красивъ былъ маленькій домикъ! Въ концѣ концовъ, феямъ дѣйствительно ничего больше не оставалось, какъ вернуться къ прерваннымъ танцамъ. Прощаясь съ домикомъ, феи посылали ему воздушные поцѣлуи и послѣднею прощалась съ нимъ Броуни.

Она задержалась немного дольше, чтобы вмѣстѣ съ поцѣлуемъ послать Мамми еще хорошій сонъ...

И всю ночь восхитительный домикъ стоялъ надъ Мамми и охранялъ ее отъ холода, а она даже этого не подозрѣвала. Она спала до тѣхъ поръ, пока кончился ея сонъ, и проснулась съ такимъ же удовольствіемъ, съ какимъ утро вылупляется изъ своего яйца, и чуть было не уснула опять.

— Тони! — позвала она сонным голосомъ. Она воображала, что она въ дѣтской. Но когда отвѣта не послѣдовало, она приподнялась, причемъ голова ея стукнулась о крышу, раскрывшуюся надъ нею, какъ коробка. И къ своему неописуемому изумленію, она увидала передъ собою засыпанный снѣгомъ Кенсингтонскій паркъ. Но ей не вѣрилось еще, что все это происходитъ съ нею на яву, и она ущипнула себя въ одну и другую щечку. Тогда только она убѣдилась, что это дѣйствительность, и вспомнила всѣ необычайныя вещи, какія пережила съ той минуты, какъ закрылись ворота, и вплоть до того мгновенія, когда она бросилась бѣжать отъ разсердившихся на нее фей... Но какъ она попала въ эту странную кроватку? Она вышла изъ крыши прямо въ паркъ и увидала прелестный домикъ, въ которомъ провела ночь Домикъ привелъ ее въ такое восхищеніе, что она ни о чемъ другомъ уже думать не могла.

— Прелесть! Какая прелесть! Какой восторгъ! — кричала она.

Голосъ-ли человѣческій испугалъ домикъ, или потому, что дѣло его было сдѣлано, но не успѣла Мамми договорить своихъ восторженныхъ словъ, какъ она стала замѣчать, что онъ какъ будто меньше дѣлается. Онъ такъ медленно уменьшался, что она даже не была увѣрена, въ томъ, что онъ уменьшается, хотя ей и ясно было, что теперь она никакъ уже не могла-бы умѣститься въ немъ. Онъ былъ все такой-же хорошенькій, какъ и прежде, но становился все меньше,

меньше, деревья сада уходили въ землю, цвѣты блѣднѣли, а снѣгъ стлался туще, плотнѣе и окутывалъ бѣлой пеленою и домикъ и садъ. Домикъ казался то маленькимъ, какъ собачья конура, то огромнымъ, какъ Ноевъ ковчегъ, но дымокъ все еще вился надъ нимъ, сверкала мѣдная ручка, нѣжно свѣтлѣли розы на стѣнахъ, и все было по своему восхитительно. Свѣтлячокъ тоже тускнѣлъ, но все еще горѣлъ.

— Миленькій, хорошій мой свѣтлячокъ, не угасай! — взмолилась Мамми и опустилась на колѣни. Домикъ теперь уже похожъ былъ на тоненькую ниточку, и въ миніатюрномъ, едва уловимомъ видѣ, все еще былъ восхитителенъ...

Но когда Мамми протянула съ мольбою руки, со всѣхъ сторонъ посыпались хлопья снѣга, и черезъ мгновеніе отъ домика не осталось и слѣда...

Мамми капризно топнула ножкой и поднесла уже кулачки къ глазамъ, когда услыхала, вдругъ ласковый голосъ:

— Не надо плакать, миленькій человѣчекъ... плакать не надо...

Она быстро обернулась и увидала передъ собою хорошенькаго, голенькаго мальчика, смотрѣвшаго на нее съ жаднымъ любопытствомъ. Она тотчасъ догадалась, что это—Питеръ Пенъ.

XVII.

Козликъ Питера Пэна.

Мамми оробѣла, но Питеръ Пэнъ не зналъ, что такое робость.

— Надѣюсь, вы хорошо спали? — вѣжливо освѣдомился онъ.

— Благодарю васъ, — отвѣтила она, — мнѣ было очень удобно и тепло... Но вы... вамъ, — она смущенно отвела глаза отъ его голенькой фигурки, — вамъ не холодно?..

Питеръ Пэнъ давно уже забылъ это слово «холодно» — и уклончиво отвѣтилъ:

— Нѣтъ, не думаю... Впрочемъ, можетъ быть, я и ошибаюсь... Я плохо разбираюсь въ такихъ вещахъ... Я, видите-ли, не настоящій мальчикъ... Соломонъ-Воронъ говоритъ, что я «Середка-на-половину»... —

— Вотъ какъ это называется,—задумчиво проговорила Мамми.

— Но это не мое имя — объяснилъ онъ. — Мое имя — Питеръ Пэнъ.

— Я знаю,—отвѣтила Мамми. — Кто-же этого не знаетъ?

Можете себѣ представить, какъ пріятно было Питеру услышать, что онъ пользуется такой широкой извѣстностью за предѣлами парка! Онъ попросилъ Мамми разсказать ему все, что о немъ знаютъ и говорятъ. Она исполнила его просьбу. Они сидѣли на сваленномъ бурей деревѣ. Питеръ смахнулъ со ствола снѣгъ для Мамми, но самъ сидѣлъ на снѣгу.

— Прижмитесь ко мнѣ плотнѣе, — сказала она.

— Какъ это дѣлается? — спросилъ онъ, и она показала ему, какъ это дѣлается. Они долго бесѣдовали, и Питеръ Пэнъ убѣдился, что люди многое знаютъ о немъ, но далеко не все. Не знали они также о томъ, что онъ возвращался къ своей матери и нашелъ окно закрытымъ, но этого онъ не коснулся въ разговорѣ съ Мамми... Рана была еще слишкомъ жива въ его сердцѣ.

— А они знаютъ, что я играю въ разныя игры, какъ настоящіе мальчики? — гордо спросилъ онъ. — Мамми, прошу васъ, непремѣнно разскажите имъ объ этомъ.

Но когда она узнала, какъ онъ играетъ, что серсо онъ пускаетъ, какъ пароходикъ на Круглый прудъ, она, понятно, пришла въ ужасъ.

— Всѣ ваши игры ничего не стоятъ,—сказала она, глядя на него своими большими глазами,—и вы очень ошибаетесь, — мальчики вовсе не такъ играютъ, какъ вы...

Бѣдный Питеръ всхлипнулъ, и заплакалъ такъ, какъ не плакалъ уже давнымъ давно... Мамми очень разстроилась и протянула ему свой носовой платочекъ, но онъ не понималъ, что съ нимъ надо дѣлать, и она показала ему: то есть, сама вытерла свои глаза, затѣмъ дала ему опять платокъ и сказала:

— Ну, а теперь сдѣлайте и вы то-же самое...

Но онъ, вмѣсто того, чтобы вытереть свои глаза, вытеръ ей глаза — такъ онъ понялъ ея слова...

Сердце ея разрывалось отъ жалости къ нему.

— Если хотите, я васъ поцѣлую — сказала она, но онъ давно уже забылъ, что такое поцѣлуй, хотя и зналъ когда-то, и протянулъ руку, полагая, что она хочетъ ему дать что-то...

Она была поражена его невѣдѣніемъ самыхъ простыхъ вещей, но чувствовала, что объяснить ему поцѣлуй ей будетъ не то что стыдно, а какъ будто неловко... Она дала ему маленькій наперсточекъ, случайно очутившійся въ ея карманѣ, и сказала ему, что это и есть поцѣлуй. Бѣдный мальчикъ! Онъ повѣрилъ ей, и понынѣ еще носитъ наперстокъ на своемъ пальчикѣ, безо всякой нужды, конечно...

Питеръ казался совсѣмъ маленькимъ на видъ, но съ

тѣхъ поръ, какъ онъ видѣлъ свою мать, прошло уже много лѣтъ. Ребенокъ-же, на котораго мать его промѣняла, былъ уже въ это время взрослый мужчина съ бакенбардами. Но вы не думайте, однако, что Питеръ Пэнъ внушалъ къ себѣ только сожалѣніе... Мамми очень скоро поняла, что Питеръ Пэнъ можетъ внушать скорѣе чувства восхищенія, чѣмъ состраданія... Глаза ея сверкали восторгомъ, когда онъ разсказывалъ ей о своихъ приключеніяхъ... Больше всего плѣнило ее описаніе путешествія съ острова въ Кенсингтонскій паркъ въ дроздовомъ гнѣздѣ.

— Какъ романтично! — воскликнула Мамми, но этого слова Питеръ тоже не понялъ и грустно поникъ головою... Онъ вообразилъ, что Мамми подтруниваетъ надъ нимъ.

— Тони, пожалуй, на это не отважился-бы? — робко спросилъ онъ.

— Никогда, никогда, — убѣжденно отвѣтила она. — Онъ-бы побоялся!

— А что это значитъ — побоялся? — завистливо спросилъ Питеръ Пэнъ. Онъ подумалъ, что это какая-то похвала. — Научите меня, Мамми, какъ надо бояться, — сказалъ онъ.

— Я думаю, этому васъ никто не научитъ, — съ обожаніемъ отвѣтила Мамми, и Питеръ понялъ, что она считаетъ его слишкомъ глупымъ для того, чтобы научиться такимъ вещамъ.

— О, какъ-бы я хотѣлъ быть такимъ смѣльчакомъ, какъ Тони! — добавилъ онъ со вздохомъ.

Она даже разсердилась на него при этихъ словахъ.

— Да вы въ тысячу разъ смѣлѣе Тони — сказала она.— Я не знаю даже другого такого смѣльчака, какъ вы.

Онъ едва вѣрилъ ушамъ, но когда повѣрилъ, завизжалъ отъ радости.

— И если вамъ очень хочется подарить мнѣ поцѣлуй, —добавила она, — цѣлуйте, пожалуйста, я ничего противъ этого не имѣю...

Питеръ Пэнъ нерѣшительно вертѣлъ пальцами наперстокъ. Онъ подумалъ, что она проситъ вернуть его ей обратно.

Тогда Мамми быстро проговорила:

— Я говорю не о поцѣлуѣ, а о напёрсткѣ...

— Но что это значитъ? — спросилъ Питеръ.

— Это значитъ вотъ что, — отвѣтила она и поцѣловала его.

— Мнѣ тоже очень хочется дать вамъ наперстокъ, —

серьезно сказалъ Питеръ и поцѣловалъ ее. Онъ далъ ей не одинъ, а много наперстковъ — онъ былъ увѣренъ, что осыпаетъ ее не поцѣлуями, а наперстками... И, наконецъ, его осѣнила восхитительная мысль.

— Мамми, — сказалъ онъ, — выходи за меня замужъ!

И, какъ ни странно, мысль эта одновременно осѣнила и Мамми.

— Хорошо, — отвѣтила она, — я согласна, но хватитъ-ли въ лодочкѣ мѣста на двоихъ?

— Если ты прижмешься ко мнѣ, то хватитъ, — быстро отвѣтилъ онъ.

— А птицы не разсердятся?

Онъ сталъ увѣрять ее, что птицы скоро полюбятъ ее... Впрочемъ, зимою на островѣ и не было много птицъ.

— Но онѣ навѣрно будутъ приставать къ тебѣ, чтобы ты подѣлилась съ ними своимъ платьемъ, — счелъ онъ долгомъ предупредить ее.

Это ей не понравилось.

— Онѣ очень заботятся о своихъ гнѣздяхъ, — сказалъ онъ въ оправданіе птицамъ, — и такія вотъ мягкія вещи, — онъ провелъ рукой по ея шубкѣ, — могутъ, конечно, вызвать въ нихъ зависть.

— Шубки моей я имъ не отдамъ, — рѣзко проговорила Мамми.

— И не надо, — сказалъ онъ, все еще водя рукой по мягкой ткани,— и не надо! Ахъ, Мамми, — горячо воскликнулъ онъ вдругъ, — если-бы ты знала, какъ я тебя люблю... Я люблю тебя, моя дорогая, гнѣздышко миленькое...

Это сравненіе, однако, не пришлось ей по вкусу.

— Мнѣ кажется, ты теперь уже разговариваешь не какъ мальчикъ, а какъ птица, — сказала она, откинувшись назадъ, и онъ, дѣйствительно, въ эту минуту скорѣе похожъ былъ на птицу, чѣмъ на мальчика.

— Да, въ концѣ концовъ ты все-таки только «Середка-на-половину», — добавила она, но это его такъ огорчило, что она тотчасъ поправилась:

— Это, вѣрно, очень пріятно — быть «Серединой-на-половину»...

— Поѣдемъ со мной, Мамми, и ты тоже будешь «Серединой-на-половину», — сталъ онъ ее убѣждать. И они пошли оба къ пристани, гдѣ стояла лодочка. Они торопились—скоро должны уже были открыть ворота.

— И нисколько ты не похожа на гнѣздышко, — шепнулъ ей Питеръ, что-бы польстить ей.

— А я бы очень хотѣла походить на хорошенькое гнѣз-

дышко,—возразила ему Мамми въ силу свойственной всѣмъ женщинамъ страсти къ противорѣчію. — И знаешь, Питеръ, шубки моей я птицамъ не отдамъ, но пускай онѣ вьютъ въ ней гнѣзда... Я имъ мѣшать не буду... Представь себѣ только гнѣздышко съ маленькими пестрыми яичками на моемъ воротникѣ... О, Питеръ, какъ это будетъ мило...

Но когда они подходили уже къ озеру Серпантинъ, она вздрогнула и сказала:

— А къ мамѣ я буду пріѣзжать, когда захочу, буду часто, часто ѣздить къ ней... Я вѣдь не навсегда разстанусь съ нею?..

— Конечно, нѣтъ, — отвѣтилъ Питеръ. Въ душѣ онъ зналъ, что эта поѣздка на островъ означаетъ вѣчную разлуку. Но ему страстно хотѣлось удержать при себѣ Мамми. Онъ безумно полюбилъ ее и чувствовалъ, что жить безъ нея не сможетъ.

«Она забудетъ свою мать и будетъ счастлива со мной»— говорилъ онъ себѣ и торопилъ Мамми, и по дорогѣ осыпалъ лицо ея наперстками.

Она увидала лодочку, пришла отъ нея въ восторгъ, но мысль о мамѣ не покидала ее.

— Знаешь, Питеръ, я не поѣду, пока ты не дашь мнѣ обѣщанія, что я смогу ѣздить къ моей мамѣ, когда мнѣ вздумается... Скажи — «да».

Онъ сказалъ — «да», — и опустилъ голову. Онъ не могъ смотрѣть ей въ глаза.

— Ты увѣрена, что твоя мать будетъ тебѣ рада?—хмуро спросилъ онъ.

— Какой странный вопросъ, — удивилась Мамми и лицо ея вспыхнуло. — Какъ-же моя мама можетъ быть не рада мнѣ?

— Ты увѣрена, что она пуститъ тебя обратно въ домъ?— сухо спросилъ онъ.

— Дверь всегда будетъ открыта, — отвѣтила Мамми, — и мама всегда будетъ меня ждать...

— Если ты такъ увѣрена, — не безъ горечи сказалъ Питеръ, — то сядемъ въ лодку и поѣдемъ.

— Отчего-же ты не смотришь мнѣ прямо въ глаза? — спросила Мамми и схватила его за руку.

Питеръ, не глядя на нее, хотѣлъ уже было оттолкнуть лодочку отъ берега и вдругъ, глубоко вздрогнувъ, выпрыгнулъ изъ лодки, и съ отчаяніемъ опустился на снѣгъ.

Мамми подошла къ нему.

— Что это значитъ, милый? — спросила она съ удивленіемъ.

— О, Мамми, — воскликнулъ онъ, — это нечестно съ моей стороны увозить тебя на островъ, если ты разсчитываешь возвращаться обратно... Ты не знаешь матерей такъ, какъ я ихъ знаю...

И онъ разсказалъ ей скорбную повѣсть своего возвращенія къ матери, а она слушала и всхлипывала.

— Но моя мать,—начала она,—моя мать...

— Она не лучше другихъ, — сказалъ Питеръ. — Повѣрь мнѣ, онѣ всѣ одинаковы... Быть можетъ, она даже уже ищетъ себѣ другую дѣвочку...

— Это невозможно,—взволнованно заговорила Мамми, —когда ты улетѣлъ изъ дому, у твоей матери не было другого ребенка... Но у моей мамы есть Тони, и когда у женщины есть одинъ хотя-бы ребенокъ, ей ничего больше не надо...

На это Питеръ горько отвѣтилъ ей:

— Посмотрѣла-бы ты, какія письма Соломонъ-Воронъ получаетъ отъ матерей, у которыхъ по пяти-шести ребятъ...

Въ это мгновеніе они услыхали оба пронзительный скрипъ, и опять и опять громкій скрипъ, во всѣхъ концахъ парка уже открывали ворота, и Питеръ быстро вскочилъ въ свою лодочку. Онъ зналъ, что Мамми не поѣдетъ съ нимъ, и всѣми силами старался владѣть собою и не плакать. Но Мамми рыдала навзрыдъ.

— А если я опоздаю,—говорила она съ отчаяніемъ,—о, Питеръ, если у нея есть уже другая дѣвочка...

Онъ опять выскочилъ изъ лодки на берегъ и крѣпко прижалъ ее къ себѣ:

— Я буду вездѣ искать тебя эту ночь,—сказалъ онъ.— если ты сейчасъ-же побѣжишь домой, то... то я думаю, ты не опоздаешь...

Онъ прижался послѣднимъ наперстkомъ къ ея хорошенькимъ губкамъ и горестно закрылъ глаза руками, чтобы не видѣть, какъ она будетъ убѣгать.

— Милый Питеръ! — крикнула она.

— Милая Мамми! — крикнулъ несчастный мальчикъ.

Она упала въ его объятія, она знала уже, что это равносильно обряду вѣнчанія, и убѣжала. Она летѣла къ воротамъ, какъ на крыльяхъ, не останавливаясь и задыхаясь... Нужно-ли говорить, что едва пробило полночь, Питеръ былъ уже въ паркѣ, но Мамми онъ нигдѣ не нашелъ и понялъ,—что она не опоздала... Онъ долго еще надѣялся, что въ какую-нибудь ночь Мамми опять придетъ къ нему... Ему казалось, часто, когда онъ подъѣзжалъ къ парку, что Мамми ждетъ его на берегу... Но Мамми не возвращалась больше ночью въ паркъ. Ей и хотѣлось этого, но она боялась, что если увидитъ опять

своего милаго «Середку-на-половину» — она заболтается съ нимъ и опоздаетъ домой, и потомъ няня теперь уже не сводила съ нея глазъ. Но она часто и съ нѣжностью вспоминала его, вязала для него шерстяной колпачекъ на чайникъ, а за нѣсколько дней до Пасхи стала придумывать, какой-бы ему подарокъ сдѣлать. Но тутъ мама пришла ей на помощь.

— По моему,—сказала она, подумавъ хоршенько,— лучше всего подарить ему козлика...

— Да... да... онъ-бы ѣздилъ на немъ верхомъ и игралъ на своей дудочкѣ,—подхватила Мамми.

— Конечно,—поддержала ее мама.—Вотъ и подари ему козлика, которымъ ты пугаешь Тони по ночамъ...

— Но вѣдь это не настоящій козликъ, — возразила Мамми.

— Тони думаетъ, что это настоящій,—сказала мама.

— Мнѣ онъ тоже иногда кажется совсѣмъ, совсѣмъ настоящимъ,—созналась Мамми.— Но какъ я могу подарить его Питеру?

Мама знала, какъ это сдѣлать.

На слѣдующій день она повела Мамми и Тони, — онъ былъ очень милый мальчикъ, въ сущности, хотя не чета, конечно, Питеру Пэну, въ паркъ... Мамми вышла на середину фейнаго круга, а мама — (это была очень неглупая особа) начала:

«Сегодня надо намъ рѣшить,
Что Питеръ Пэну подарить?»

На что Мамми поспѣшила отвѣтить:

«Я подарю ему козла,
Съ собой его я принесла».

Она сдѣлала видъ, что вытряхиваетъ козла изъ своего кармана.

Тони тогда подхватилъ:

«Теперь скажи ему — прощай
И больше Тони не пугай!

И Мамми обѣщала торжественно и грустно:

«Пугать не буду никого,
Козла забуду моего»!..

Она оставила въ надежномъ мѣстѣ и письмо для Питера, въ которомъ сообщала ему о своемъ подаркѣ и совѣтовала упросить фей, чтобы онѣ превратили козлика въ настоящаго, на которомъ можно ѣздить верхомъ... И все произошло

такъ, какъ она разсчитывала. Питеръ нашелъ письмо, а феямъ, конечно, ровно ничего не стоитъ превратить ея подарокъ въ настоящаго козлика...

И вотъ, такимъ образомъ, у Питера Пэна и очутился козликъ, на которомъ онъ теперь каждую ночь разъѣзжаетъ по парку, и при этомъ такъ увлекательно играетъ на своей дудочкѣ... И Мамми сдержала обѣщаніе и больше не пугала Тони козломъ.

Мнѣ передавали, однако, что она скоро стала пугать его другимъ животнымъ... И пока она не стала большой дѣвочкой, она все приносила въ паркъ игрушки для Питера съ письмами, въ которыхъ объясняла ему, какъ надо играть ими. Не она, впрочемъ, одна это дѣлала.

Давидъ тоже оставляетъ въ паркѣ подарки для Питера Пэна, и мы нашли прелестное мѣстечко для нашихъ посылокъ... Если хотите, можемъ вамъ даже сказать, гдѣ находится наша почта, только, ради Бога, не спрашивайте въ присутствіи Портоса, — потому что, если онъ пронюхаетъ, гдѣ мы оставляемъ игрушки, Питеръ Пэнъ ни одной изъ нихъ не получитъ...

Питеръ Пэнъ не забылъ Мамми, но онъ опять бодръ и веселъ, скачетъ на своемъ козликѣ или лежитъ на травѣ и беззаботно дрыгаетъ ножками... Ему чудесно живется! Однако, у него сохранилось еще смутное воспоминаніе о томъ, что онъ былъ когда-то человѣческимъ существомъ и оттого онъ особенно ласковъ съ ласточками, прилетающими на островъ, потому что ласточки—это души умершихъ маленькихъ дѣтей.. Онѣ всегда вьютъ свои гнѣзда подъ крышами домовъ, въ которыхъ жили, когда были дѣтьми, очень часто влетаютъ черезъ открытыя окна въ дѣтскія, и, быть можетъ, потому Питеру Пэну онѣ и были милѣе другихъ птицъ...

А маленькій домикъ? Каждую будничную ночь — то есть каждую ночь, когда нѣтъ бала, феи строятъ маленькій домикъ для застрѣвающихъ на ночь въ паркѣ дѣтей. Питеръ Пэнъ на своемъ козликѣ объѣзжаетъ всѣ далекіе углы парка и, если находитъ заблудившагося ребенка, привозитъ его на козликѣ въ маленькій домикъ... Дѣти, просыпаясь, съ удивленіемъ озираются кругомъ, и, только выходя изъ домика, видятъ, гдѣ они провели ночь... Феи строятъ домикъ потому, что имъ пріятно строить такую восхитительную игрушку. Питеръ же объѣзжаетъ каждую ночь паркъ въ память о Мамми, и потомъ онъ все еще старается дѣлать то, что, по его представленіямъ, дѣлаютъ и настоящіе мальчики...

Но вы тѣмъ не менѣе не воображайте, что оставаться въ паркѣ послѣ полуночи теперь безопасно, благо есть на-

дежный пріютъ. Если вы попадетесь на глаза какой-либо злой феѣ, она не преминетъ обидѣть васъ и причинить вамъ какую-нибудь непріятность, а если и не увидите никакой феи, то можете погибнуть въ темнотѣ отъ холода и страха, прежде чѣмъ Питеръ найдетъ васъ. Когда онъ опаздываетъ и видитъ, что ничѣмъ уже не можетъ помочь заблудившемуся ребенку, онъ бѣжитъ къ своей лодкѣ за гребкомъ, съ которымъ Мамми научила его обращаться, роетъ могилу, кладетъ на нее каменную плиту и на камнѣ выводитъ иниціалы ребенка. Такъ, по его представленію, поступилъ бы на его мѣстѣ и настоящій мальчикъ. Вы замѣтили, быть можетъ, что въ Кенсингтонскомъ паркѣ камушки лежатъ вездѣ по два въ рядъ. Питеръ Пэнъ всегда хоронитъ ребятъ парами, потому что вдвоемъ все-же веселѣе...

Въ паркѣ, по мосту, нѣтъ ничего трогательнѣе двухъ надгробныхъ камней надъ могилами Вальтера Стефана Мотьюса и Пибби Пелльса. Онѣ находятся на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ когда-то проведена была граница между приходомъ Вестминстерскаго собора Св. Маріи и приходомъ Поддингтона. Здѣсь Питеръ нашелъ однажды двухъ малышей, вывалившихся изъ своихъ колясочекъ—Пибби было тринадцать мѣсяцевъ, а Вальтеру и того меньше... Они лежатъ рядышкомъ, и надписи на плитахъ гласятъ:

В. С. М.	и	П. П. 1841.

Давидъ иногда приноситъ цвѣты на эти безгрѣшныя могилки.

Но каково родителямъ, прибѣгающимъ утромъ въ паркъ искать своихъ дѣтей, вмѣсто дорогой своей дѣвочки или мальчика, находить могилу и на ней плиту съ иниціалами незабвеннаго имени!.. Надо думать, что Питеръ не очень торопится въ несчастныхъ случаяхъ, и не роетъ, по крайней мѣрѣ, преждевременныхъ могилъ...

Ахъ, лучше право гнать отъ себя такія грустныя мысли...

XVIII.

Необычайное событіе.

Необычайное событіе въ жизни Давида и моей.—Онъ ночевалъ у меня. Мы много разъ говорили объ этомъ, какъ о далекой возможности, и, наконецъ, Мэри согласилась, и мечта наша осуществлена.

Началось съ того, что Давидъ пришелъ ко мнѣ въ необычный часъ, въ шесть часовъ по-полудни съ небольшимъ свертком. Я подумалъ, что онъ принесъ съ собою сандвичи, но въ пакетѣ оказались принадлежности его ночнаго туалета. Мы оба были такъ взволнованы, что въ первую минуту у насъ и словъ не нашлось для привѣтствія, и мы выражали наши чувства знаками. Давидъ присѣлъ на корточки и, какъ всегда въ мгновенія большаго возбужденія, сталъ дѣлать какіе-то странные прыжки—онъ, кажется, перенялъ ихъ у лягушки, — потомъ мы оба сдѣлали очень серьезныя, важныя лица, говорившія ясно и безъ всякихъ словъ: «Какое необычайное событіе...»

Надо было продѣлать всѣ важныя приготовленія ко сну точно такъ, какъ Давидъ продѣлывалъ ихъ каждый вечеръ дома, и я отчасти даже недоумѣвалъ — почему это событіе кажется ему столь необычайнымъ. Но для меня это дѣйствительно было событіе и, конечно, необычайное.

Мы поиграли немного моими военными медалями, и на этотъ разъ онъ съ деликатностью добраго товарища по ночлегу не спрашивалъ, отчего у меня нѣтъ креста королевы Викторіи. Онъ очень страдаетъ отъ мысли, что у меня нѣтъ креста Викторіи — ему такъ нравится статуя этой королевы въ Кенсингтонскомъ паркѣ. Онъ никогда не говоритъ въ паркѣ о томъ, что у меня нѣтъ этого отличія, но бросается на каждаго мальчугана, осмѣливающагося утверждать, что я до этого ордена еще не дослужилъ...

Въ двадцать пять минутъ седьмого я пускаю въ ванну теплую воду, и украдкой опрокидываю въ столовой рюмку водки, храбрости ради. Затѣмъ я говорю:

— Половина седьмого... Маленькимъ мальчикамъ пора спать...—Я говорю это дѣловымъ тономъ, какимъ говорятъ съ мальчиками, нисколько независящими отъ воли старшихъ и имѣющихъ возможность вполнѣ располагать собою... Но Давиду замѣчаніе мое, однако, не понравилось. Къ несказанной моей радости онъ топнулъ ножкой и такъ очаровательно закапризничалъ, что въ награду я разрѣшилъ ему играть еще пять минутъ моей спичечной коробкой. Наибольшее удовольствіе для Давида это — бросать на полъ зажженныя спички... Онъ, вѣроятно, рай представляетъ себѣ въ видѣ пылающаго костра...

Наконецъ, я кладу руку на его плечо съ видомъ человѣка, для котораго укладываніе въ постель маленькихъ дѣтей вполнѣ привычное и немного даже пріѣвшееся занятіе, и веду Давида въ дѣтскую, еще недавно бывшую только моей спальней. На эту ночь здѣсь поставлена вторая кровать, ря-

домъ съ моей, но прежде всего, конечно, бросилось намъ въ глаза необычное украшеніе на каминѣ: стаканъ съ молокомъ, на стаканѣ сухарикъ и верхомъ на сухарикѣ шоколадка. Нельзя было войти въ спальню, не замѣтивъ тотчасъ стакана... Я нѣсколько разъ прорепетировалъ эту сцену до прихода Давида, и вышло такъ, какъ я ожидалъ... Давидъ тотчасъ замѣтилъ стаканъ съ сухарикомъ и шоколадомъ и запрыгалъ по лягушечьи, а я тѣмъ временемъ зажегъ ночникъ и поставилъ его на умывальникъ...

Давидъ съ пренебрежительной гримаской слѣдилъ за моими приготовленіями и вдругъ въ порывѣ благородной рѣшимости протянулъ мнѣ свою ножку, будто совершенно отрекался отъ нея, но я понялъ, что онъ предлагаетъ мнѣ снять съ него башмачки... Я хладнокровно, привычной къ такой работѣ, опытной рукой снялъ съ него башмачки, потомъ посадилъ его къ себѣ на колѣни и принялся разстегивать его курточку. Это доставляло мнѣ неизъяснимое удовольствіе, но я сохранялъ невозмутимое хладнокровіе, пока не увидалъ его узенькихъ крохотныхъ подтяжекъ... Тутъ уже я почувствовалъ, что перестаю владѣть собою. Но не стану больше перебирать подробностей разоблаченія Давида...

Скоро дѣтская погрузилась въ полумракъ, только въ одномъ углу блѣдно голубѣлъ ночникъ. Наступила глубокая тишина. Лишь время отъ времени чуть слышно скрипѣла дверь, и я просовывалъ голову въ широкую щель. Какъ я тихо ни открывалъ дверь, онъ мгновенно поднималъ ко мнѣ свои большіе глаза, и каждый разъ дѣлалъ серьезное лицо, говорившее: «Какое необычайное событіе»!..

— Когда-же ты наконецъ уснешь, Давидъ? — спрашивалъ я.

— Когда-же ты, наконецъ, ляжешь? — спрашивалъ онъ, каждый разъ въ отвѣтъ. Онъ спрашивалъ шопотомъ, словно боясь, что стая волковъ и медвѣдей бросятся на него при звукѣ его голоса. Когда маленькіе мальчики укладываются спать, одинъ только ночникъ и отдѣляетъ ихъ отъ медвѣдей и волковъ... Кто этого не знаетъ?

Я опять вернулся къ своему креслу передъ каминомъ, и наконецъ онъ уснулъ, лицомъ къ стѣнѣ, но я много разъ еще подходилъ къ дверямъ и прислушивался къ его дыханію...

Я давно уже лежалъ въ кровати, когда въ спальнѣ стало внезапно такъ странно-тихо, и я тотчасъ догадался, что Давидъ проснулся. Я лежалъ, не шевелясь, и послѣ долгихъ минутъ ожиданія, тихій далекій голосокъ осторожно прошепталъ: «Ирэнъ»!

— Ты спишь сегодня у меня, Давидъ,—сказалъ я.—Ты забылъ?

— Я забылъ, — отвѣтилъ онъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ въ голосѣ.

— Но теперь ты вспоминаешь, что ты пришелъ ночевать ко мнѣ? — спросилъ я.

Онъ помолчалъ немного и отвѣтилъ:

— Кажется, да, — и тотчасъ добавилъ: — теперь я вспоминаю.

Я думалъ, что онъ опять уснулъ, какъ вдругъ онъ встрепенулся и спросилъ:

— Оно еще не кончилось?

— Что, Давидъ?

— Наше событіе?

— Нѣтъ, Давидъ, еще не кончилось...

Это его, повидимому, взволновало. Я спросилъ его:

— Ты развѣ боишься, Давидъ?

— Нѣтъ, чего-же мнѣ бояться?—вѣжливо отвѣтилъ онъ, и одѣяльце его зашуршало. Я догадался, что онъ высунулъ ручку... Я протянулъ ему свою руку, и онъ крѣпко сжалъ мой указательный палецъ.

— Тебѣ чего-то хочется, Давидъ?

— Чего-же? — спросилъ онъ съ прежней учтивостью.— А ты думаешь — мнѣ чего-то хочется?

— Ну чего-же, Давидъ? Скажи...

— Мнѣ тѣсно здѣсь... — проговорилъ тихій, тихій голосокъ.

— Давидъ, не хочешь-ли пойти ко мнѣ въ кровать? — предложилъ я.

— Мама сказала, чтобы я не хотѣлъ, пока ты первый не захочешь...— пропищалъ онъ.

— Да я давно уже этого хочу,—сказалъ я, и въ тотъ-же мигъ маленькая бѣленькая фигурка прыгнула ко мнѣ въ кровать. Всю остальную часть ночи онъ лежалъ на мнѣ и поперекъ меня, ножка его то упиралась въ спинку кровати, то покоилась на моей подушкѣ, но пальца моего онъ все время не выпускалъ изъ своей ручки, и время отъ времени, онъ просыпался и сообщалъ мнѣ, что онъ спитъ со мной. Я плохо спалъ въ эту ночь. Я лежалъ и думалъ...

Я думалъ о маленькомъ мальчикѣ, который вдругъ спряталъ лицо на моихъ колѣняхъ, когда я раздѣвалъ его...

Я думалъ о женщинѣ, близкой ему и которой онъ могъ не стѣсняться...

О маленькомъ розовомъ тѣльцѣ Давида въ моей ваннѣ

и какъ онъ выскользнулъ изъ моихъ рукъ, какъ форель, когда я хотѣлъ поймать его.

И о томъ, какъ, стоя у открытой двери, я вслушивался въ его ровное тихое дыханіе, я стоялъ такъ долго, что забылъ его имя и беззвучно звалъ его Тимофеемъ...

XIX.

Параллель между Давидомъ и Портосомъ.

Но Мэри отравила намъ радость. На слѣдующее утро, я отослалъ Давида домой, и она первымъ дѣломъ осмотрѣла его костюмъ и открыла, что лифчикъ, застегавшійся сзади, застегнутъ былъ спереди. За это я послалъ ей оскорбительное письмо, которое привожу ниже. Въ отвѣтъ на каждую раздражающую меня выходку Мэри, я отвѣчаю обыкновенно оскорбительнымъ письмомъ. Разъ я снялъ Давида привѣшеннымъ къ дереву и послалъ ей фотографическій снимокъ... Я необычайно изощренъ въ обидахъ, когда дѣло касается Мэри. Ни одна самолюбивая женщина на ея мѣстѣ, конечно, не стала-бы терпѣть всѣхъ обидъ, какія я наношу ей...

«Сударыня, — писалъ я ей, — до меня дошло, что, когда вы гуляете съ Давидомъ въ Кенсингтонскомъ паркѣ, вы жадно вслушиваетесь въ восторженныя замѣчанія прохожихъ о Давидѣ и о его странныхъ костюмахъ, въ которые вы его рядите... Я знаю также, что, хотя вы и дѣлаете видъ, будто вы совершенно равнодушны къ тому, что говорятъ о Давидѣ, вы, однако, запоминаете каждое слово, сказанное о немъ, и каждый взглядъ, брошенный на него. Я не могу, конечно, препятствовать вамъ тѣшиться и кичиться такими пустяками, но имѣвъ возможность наблюдать вашего Давида и днемъ, и ночью, я рѣшилъ провести параллель между нимъ и моимъ Портосомъ и показать вамъ, какъ эти два существа ведутъ себя при всѣхъ обстоятельствахъ, какъ незначительныхъ, такъ и значительныхъ... По наружному виду они оба какъ будто одинаково горды и настойчивы, но какъ они разно проявляютъ свою гордость и свою настойчивость! Давидъ говоритъ «Какая досада»! — И дѣлаетъ то, что отъ него требуется, а Портосъ презрительно помахиваетъ хвостомъ и никакого вниманія ни на кого не обращаетъ. И тѣмъ не менѣе, повѣрьте мнѣ, имъ восхищаются ничуть не менѣе, чѣмъ вашимъ Давидомъ...

Портосъ несравненно деликатнѣе вашего Давида. Сынъ вашъ часто предлагаетъ мнѣ спрятаться за деревомъ, гдѣ онъ долженъ меня разыскать, и я торчу тамъ и жду, и когда выхожу наконецъ изъ своей засады, вижу, что онъ занялся

уже другой игрой и совершенно забылъ о моемъ существованіи. Тогда какъ Портосъ ужъ не заставилъ-бы меня зря ждать въ засадѣ... Онъ всегда безошибочно направляется къ тому мѣсту, гдѣ я прячусь, и всегда меня находитъ. Потомъ Давидъ умѣетъ уже лукавить, и когда ему хочется избавиться почему-либо отъ вашего присутствія, умѣетъ уже дѣлать видъ, что присутствіе ваше весьма даже пріятно ему.

Портосъ-же въ такихъ случаяхъ просто протягиваетъ лапу, что означаетъ: «Проваливайте съ Богомъ»... Бородатымъ людямъ онъ съ особой готовностью протягиваетъ лапу (я полагаю, въ силу наслѣдственнаго неодолимаго отвращенія къ козламъ) — а они, конечно, толкуютъ этотъ жестъ, какъ проявленіе нѣжнѣйшихъ къ нимъ чувствъ, и умиляются..

И смѣю васъ увѣрить, Портосъ, благодаря своей учтивости, больше располагаетъ къ себѣ людей, чѣмъ Давидъ, хотя вы, конечно, станете увѣрять, что Давидъ вашъ привлекательнѣе его... Портосъ къ тому же и добродушнѣе, и мягче Давида...

Давидъ часто тычетъ его ногой, и часто пристаетъ къ нему такъ же, какъ и маленькія собачки, которыя ненавидятъ его за огромный ротъ... И надо видѣть, съ какимъ невозмутимымъ спокойствіемъ Портосъ слушаетъ ихъ лай... Давидъ очень неуступчивъ, и съ дѣтьми, которые меньше его ростомъ и слабѣе, обращается чрезвычайно пренебрежительно... А Портосъ, безпощадный къ бродягамъ и нищимъ, чего только не позволяетъ дѣтишкамъ продѣлывать надъ собою... Они залѣзаютъ пальцами въ его ротъ съ цѣлью изслѣдовать, что представляетъ собою другой конецъ его языка, а онъ хоть-бы что... Маленькія созданія въ колясочкахъ совершенно равнодушны къ приходу и уходу Давида, появленіе-же Портоса каждый разъ производитъ сенсацію... Портоса боятся только сильные и злые, но маленькія безпомощныя существа не боятся его ничуть... Его не боятся ни ежи, которыхъ онъ перетаскиваетъ во рту съ мѣста на мѣсто, ни воробьи, вытаскивающіе солому для своихъ гнѣздъ изъ его тюфячка...

О его душевной добротѣ можно судить хотя-бы по этой трогательной исторіи съ кроликомъ. Мнѣ пришлось жить одно время въ мѣстности, гдѣ водилось очень много кроликовъ. Однажды на прогулкѣ Портосъ къ радостному своему изумленію замѣтилъ какое-то маленькое существо, быстро удиравшее отъ него. Загорѣвшись внезапнымъ охотничьимъ пыломъ, онъ пустился за нимъ въ погоню—и тотчасъ, конечно, обогналъ кролика саженъ на сто и недоумѣвалъ—куда-же онъ дѣвался, предметъ его погони?.. Наконецъ, онъ выбѣжалъ на обрывъ, откуда крутыми зигзагами шла тропинка

внизъ. Съ обрыва онъ увидалъ кролика и разсудилъ, что теперь надо тихонько подкрасться къ нему и поймать его... Онъ повернулся ко мнѣ, выразительно кивнулъ мнѣ головой и двинулся дальше... Кроликъ шмыгнулъ въ какую-то яму, но Портосъ этого не замѣтилъ... Онъ оборачивался, бросалъ мнѣ многозначительные взгляды, задыхался, удивлялся и ликовалъ.

Онъ былъ въ полной увѣренности, что ведетъ погоню по всѣмъ правиламъ охотничьяго искусства.

Я не безъ тревоги думалъ о томъ мгновеніи, когда онъ поймаетъ кролика, что, впрочемъ, казалось мнѣ очень сомнительнымъ... И представьте себѣ, онъ въ концѣ концовъ поймалъ таки кролика... Какъ это случилось, я не знаю, но полагаю, что это былъ совсѣмъ другой кроликъ, а не тотъ, за которымъ онъ гнался. Когда я подошелъ, кроликъ, испуганный, но невредимый, ежился въ его лапахъ. Портосъ побѣдоносно взглянулъ на меня и погрузился въ глубокое раздумье. Онъ размышлялъ, очевидно, о томъ, какъ ему теперь поступить со своей добычей. Кролику-же, очевидно, было немного не по себѣ въ его лапахъ, и онъ дѣлалъ время отъ времени попытку высвободиться изъ неудобнаго положенія... Но Портосъ тотчасъ же давалъ ему пинка и опять погружался въ раздумье... Я съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за развязкой этой сцены...

Наконецъ они, очевидно, по обоюдному соглашенію, рѣшили разстаться. Портосъ посмотрѣлъ черезъ плечо, на меня, а кроликъ медленно выскользнулъ изъ его лапъ и тотчасъ бросился удирать во всѣ лопатки... Портосъ сдѣлалъ еще видъ, что ищетъ его, но вы себѣ представить не можете, какое облегченіе доставило ему бѣгство кролика. А онъ счелъ нужнымъ оправдываться передо мной, умоляюще вилялъ хвостомъ и, не рѣшаясь взглянуть мнѣ въ лицо, упалъ къ моимъ ногамъ и застоналъ. Да, на глазахъ его блестѣли неподдѣльныя слезы. Я былъ растроганъ до глубины души и клятвенно увѣрялъ его, что онъ сдѣлалъ все, что могъ сдѣлать благородный песъ, и хотя онъ отлично зналъ, что я лгу, онъ успокоился и опять пришелъ въ хорошее настроеніе...

Я разсказалъ эту исторію Давиду, взявъ съ него предварительно обѣщаніе, что онъ не истолкуетъ ея въ ущербъ достоинству и мужеству Портоса. Объ этомъ, сударыня, я прошу и васъ... Долженъ еще добавить, что Давидъ при всей своей живости и ловкости, за которыя его такъ возносятъ, ничему Портоса научить не можетъ, тогда какъ въ свою очередь очень многому могъ бы научиться у Портоса...

Теперь перейду къ преимуществамъ Давида передъ Портосомъ — я ихъ не отрицаю... Первое изъ нихъ заключается въ томъ, что онъ не зазнался, и эту дѣвчонку Иренъ, — важно именуемую его няней, — чтитъ не меньше, чѣмъ какую-либо знатную даму, и завидуетъ каждому уличному оборвышу, который ловко дерется... Тогда, какъ у Портоса сословное чувство развито чрезвычайно, и хотя онъ очень любитъ бывать на кухнѣ, но нисходитъ до общества прислуги лишь послѣ долгихъ и настойчивыхъ зазываній, я одалживаю его иногда служанкамъ на нашей улицѣ, жаждущимъ сниматься вмѣстѣ съ нимъ, и вотъ только что онъ тоже ушелъ сниматься съ одной спесивой хорошенькой горничной, которая, однако, смотритъ на него съ такимъ почтеніемъ, точно это не песъ, а солдатъ, которому она заплатила цѣлый шиллингъ — только-бы онъ изображенъ былъ рядомъ съ нею...

Въ ваннѣ одинъ столько же заслуживаетъ всяческой похвалы, сколько другой порицанія... Давидъ, какъ я убѣдился, любитъ плескаться въ ваннѣ и выскальзываетъ изъ рукъ при первой попыткѣ вытащить его изъ воды. Портосъ же въ ваннѣ стоитъ недвижно, съ опущеннымъ хвостомъ и съ такимъ видомъ, словно его поставили голаго на публичное осмѣяніе...

Портосъ уступаетъ Давиду и въ изобрѣтательности, потому что играть онъ одинъ не умѣетъ и не представляетъ себѣ даже, какъ можно совершить прогулку въ одиночествѣ, тогда какъ Давидъ цѣлый день только и дѣлаетъ, что изобрѣтаетъ новыя игры. Наконецъ, когда Давидъ изобличается въ какой-нибудь винѣ и получаетъ выговоръ, онъ въ теченіе нѣкотораго времени этихъ проступковъ не повторяетъ, но придумываетъ другіе. Портосъ же упорствуетъ въ одномъ и томъ же: то есть, уноситъ краденыя кости на задній дворъ, гдѣ зарываетъ ихъ въ ямку и удивляется тому, что я это знаю — ему и въ голову не приходитъ, что носъ его испачканъ въ землѣ.

Принимая все это во вниманіе, я допускаю, что у Давида имѣются кой-какія преимущества передъ Портосомъ. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ они вполнѣ стоятъ другъ друга. Такъ, напримѣръ, и тотъ, и другой одинаково любопытны... Когда мнѣ приносятъ пакеты изъ магазина, Портосъ мѣста себѣ не находитъ, пока я ихъ не раскрываю, и такое же волненіе обыкновенно овладѣваетъ и Давидомъ...

Какъ они относятся къ наказаніямъ? Иренъ — очевидно, она всегда повторяетъ ваши слова,—недовольна тѣмъ, что я даю слишкомъ много воли Давиду и не браню его даже за

непочтительныя выходки противъ меня самого... По ея глубокому убѣжденію, я дѣлаю это лишь затѣмъ, чтобы привязать его къ себѣ и вызвать въ немъ охлажденіе къ ней... По поводу этого у насъ произошло недавно горячее объясненіе, причемъ мы, забывъ о своемъ достоинствѣ, наговорили другъ другу кучу непріятнѣйшихъ вещей. Могу лишь сказать, что я не строгъ съ Давидомъ, потому что не позволяю себѣ строгостей и въ отношеніи Портоса, а я стараюсь всегда быть одинаково справедливымъ и ровнымъ въ обращеніи съ ними обоими.

Я никогда не позволяю себѣ поднять руку или голосъ на Портоса, потому что его чувствительное сердце не выдержало бы подозрѣнія, что я недоволенъ имъ... Однажды, это было нѣсколько лѣтъ тому назадъ, я ударилъ его и я до сихъ поръ не могу забыть, съ какимъ ужасомъ онъ взглянулъ на меня, когда убѣдился, что это я ударилъ его. И съ тѣхъ поръ я больше его не билъ... И когда я ловлю его теперь на какомъ-нибудь недостойномъ поступкѣ, я безпощадно хлещу тростью мой письменный столъ, но и это наказаніе чрезвычайно разстраиваетъ его. Тогда какъ Давида это бичеваніе письменнаго стола только приводитъ въ веселое настроеніе и поощряетъ на дальнѣйшія проказы... Очевидно, онъ далеко не такъ чувствителенъ, какъ Портосъ...

И если вы мнѣ на это возразите, что Давидъ избалованный мальчикъ, и необходимо примѣнять къ нему строгія мѣры, то въ отвѣтъ вамъ скажу, что я очень хотѣлъ бы знать, какія такія строгости примѣняются къ нему дома.. И если вы станете увиливать отъ прямого отвѣта, то я напомню вамъ то, что недавно лишь стало мнѣ извѣстнымъ...

До меня дошло, что Давидъ, подхвативъ на улицѣ какое-то непристойное слово, съ удовольствіемъ, со смакомъ повторилъ его дома. Мать пригрозила ему тѣлеснымъ наказаніемъ, и въ ихъ пререканія, весь дрожа отъ волненія, вмѣшался отецъ. Давидъ не унимался и на всѣ лады звонко выкрикивалъ ужасное слово, и отецъ сурово заговорилъ о палкѣ, но тогда между ними встала мать... Обѣщаемое наказаніе въ воображеніи Давида претворилось, наконецъ, въ какую-то романтическую исторію... Отецъ, разозлившись, въ концѣ концовъ, отстранилъ отъ себя всхлипывавшую мать и выбѣжалъ изъ дома, говоря, что отправляется за палкой. Онъ взволнованно бродилъ по улицамъ и, кусая побѣлѣвшія губы, думалъ о томъ, что переживаетъ теперь Давидъ. Когда онъ вернулся, Давидъ съ сіяющимъ лицомъ бросился открывать ему дверь и разразился слезами, убѣдившись, что отецъ никакой палки не принесъ... И послѣ этого, суда-

рыня, вы меня обвиняете въ излишней мягкости и попустительствѣ... Благодарите Бога, что я не васъ сравниваю съ моимъ Портосомъ.

Заканчивая параллель между вашимъ сыномъ и моей собакой, долженъ еще добавить, что Портосъ всегда и всячески старается изъявить мнѣ свою благодарность за мое расположеніе къ нему, и, когда я поднимаю голову, я всегда встрѣчаю его печальные глаза. Посмотрѣли бы вы, какими преданными, влюбленными глазами онъ глядитъ на меня... Эта нестерпимая порою печаль въ глазахъ сенъ-бернара, вы знаете, что это такое? Это мука безсилія сказать своему хозяину: «Благодарю тебя...» Давидъ же полагаетъ, что мое расположеніе къ нему его неотъемлемое право... И потому я не въ силахъ выбранить его даже, когда сознаю, что долженъ бы это сдѣлать... Для Давида моя привязанность къ нему нѣчто вполнѣ естественное, и эта его увѣренность въ его правѣ на мою любовь дѣйствуетъ на меня, долженъ сознаться, неотразимо... Онъ милъ и очарователенъ вашъ Давидъ, но мой Портосъ серьезнѣе и глубже... Я дѣлаю иногда попытку заглянуть въ его душу: опускаюсь подлѣ него на полъ, смотрю ему въ глаза, и онъ съ покровительственнымъ видомъ кладетъ лапу на мое плечо... Въ такія минуты мы понимаемъ другъ друга безъ словъ...

Послѣ параллели, которую я провелъ между Портосомъ и Давидомъ, трудно сказать, кто изъ нихъ лучше... Поэтому, сударыня, оставайтесь вы при своемъ мальчикѣ, а я при своей собакѣ, и не будемъ роптать на свою судьбу...»

XX.

Уилльямъ Петерсонъ.

Однажды мы сидѣли втроемъ у меня. Давидъ обучалъ меня фейному языку, а Портосъ, уютно развалившись на диванѣ, слушалъ. Это любимое его мѣсто въ пасмурные дни. Экономка моя держится того мнѣнія, что собаки могутъ лежать и на полу, и во избѣжаніе ея ворчни, я всегда подстилаю Портосу на диванѣ газетные листы...

«Фея мнѣ трибби»—значитъ на фейномъ языкѣ: «Дайте мнѣ чашку чаю»... Но это не такъ просто, какъ это кажется, потому что «р», напримѣръ, надо выговаривать, какъ «с»... Я всегда забываю фейныя слова, и Давидъ боится, что если я попаду когда-нибудь въ царство фей, то мнѣ, пожалуй, съ ними и не столковаться...

— А какъ бы ты ихъ попросилъ, чтобы онѣ превратили тебя въ кустъ мальвы?

Давидъ воображаетъ, что легкость, съ какой феи могутъ обращать васъ въ любой неодушевленный предметъ, самое неотразимое ихъ качество.

Надо отвѣтить: «Феи меня лукка», — но хотя я слышалъ это уже много разъ, слово «лукка» я, однако, неизмѣнно забываю.

— Мнѣ бы и въ голову никогда не пришло просить фей, чтобы онѣ превратили меня во что-нибудь, — говорю я, чтобы отвлечь его вниманіе отъ моей забывчивости...

— Если бы я былъ мальвой, я бы, навѣрно, тотчасъ увялъ...

Но Давидъ предвидѣлъ и такую возможность, и неоднократно наставлялъ меня, какъ надо поступать въ такихъ случаяхъ.

— Какъ только ты почувствуешь, что начинаешь вянуть, — весело повторяетъ онъ опять, — скажи: «Феи меня бола».

Феи меня бола — значитъ «Преврати меня опять въ человѣка»... И почему-то на этотъ разъ мнѣ стало не по себѣ отъ наставленій Давида... Я зналъ, что онъ и самъ до сихъ поръ избѣгалъ большой дружбы съ феями именно изъ-за ихъ влеченія къ постояннымъ превращеніямъ.

Наконецъ, я отослалъ его домой... Я поручилъ Портосу доставить его домой. Иногда я шелъ вслѣдъ за ними по другой сторонѣ улицы, и дѣлалъ это, конечно, такъ, чтобы они меня не видѣли. Но въ этомъ никакой надобности не было, потому что Давидъ былъ въ полной безопасности подъ призоромъ Портоса. Когда съ ними кто-нибудь заговаривалъ на улицѣ, онъ тотчасъ начиналъ тихо ворчать и оскаливалъ свои зубы, разжевывавшіе кости, какъ бисквитъ... Они благополучно, какъ всегда, дошли до домика Мэри, и Портосъ, по обыкновенію, лаялъ до тѣхъ поръ, пока имъ не открыли дверь. Иногда онъ входилъ въ домъ вмѣстѣ съ Давидомъ, но на этотъ разъ онъ распростился съ нимъ у подъѣзда. Ничего необычайнаго въ этомъ не было. Но домой онъ въ этотъ день не вернулся, не вернулся и на слѣдующій день, ни въ послѣдовавшіе затѣмъ долгіе недѣли и мѣсяцы... Я мѣста себѣ не находилъ. У Давида были постоянно красные отъ слезъ глаза. Подумать только — мы лишились дорогого нашего Портоса! Съ нимъ, конечно, случилось что-то необычайное... Я и теперь еще не знаю, что это было... Я знаю лишь, какъ Давидъ отнесся къ этому событію... Читателю предоставляется вывести изъ моего разсказа такое заключеніе, какое онъ пожелаетъ вывести изъ него...

Въ первый вечеръ я лелѣялъ еще надежду, что Портосъ

забрелъ въ паркъ и сторожа заперли его тамъ на ночь, и раннимъ утромъ я побѣжалъ наводить справки. Но никто Портоса не видѣлъ. Въ паркѣ застрялъ на ночь только какой-то молодой человѣкъ, быстро выбѣжавшій изъ парка, какъ только открылись ворота. О собакѣ онъ никому никакихъ заявленій не дѣлалъ. Мнѣ оставалось лишь предполагать, что Портосъ мой палъ жертвой какого-нибудь несчастнаго случая, потому что я зналъ — воръ ни въ коемъ случаѣ не могъ бы увести его. Да и несчастный случай казался мнѣ маловѣроятнымъ — онъ былъ всегда такъ осмотрителенъ и остороженъ, когда переходилъ черезъ улицу... Стало быть, жертвой несчастнаго случая онъ могъ быть лишь при какомъ-то исключительномъ стеченіи обстоятельствъ...

Давидъ среди оживленной игры вспоминалъ вдругъ нашу незамѣнимую утрату, и уходилъ въ сторону, чтобы поплакать... Это была особенность Давида: когда онъ чувствовалъ приближеніе слезъ, онъ уходилъ обыкновенно въ сторону, и я чтилъ эту потребность одинокихъ изліяній и терпѣливо всегда ждалъ, пока онъ выплачетъ накопившіяся слезы. Какъ-никакъ, онъ все-таки былъ маленькій мальчикъ и быстро переходилъ отъ слезъ къ своимъ веселымъ играмъ, но его внезапные приступы грусти по моемъ дорогомъ другѣ, о которомъ мы никогда не говорили, были мнѣ большой отрадой въ эти тяжелые дни...

У насъ было одно любимое мѣстечко въ паркѣ, такъ называемая «Скамейка сказокъ» и однажды мы опять пошли туда, рѣшивъ въ душѣ не смотрѣть на то мѣсто на травѣ, гдѣ обыкновенно растягивался Портосъ. Но не удержались и, взглянувъ въ сторону, увидали къ немалой нашей досадѣ на мѣстѣ Портоса какого-то незнакомаго намъ человѣка. Онъ привсталъ, завидѣвъ насъ, и шагнулъ намъ навстрѣчу съ такой быстротой, что шаги его скорѣе похожи были на прыжки... Но мы съ напускнымъ равнодушіемъ и тайнымъ негодованіемъ прошли мимо него, и мнѣ послышался позади насъ странный стонъ... Я подумалъ, что этотъ странный субъектъ — какой-нибудь праздный болтунъ, всячески старающійся завязать разговоры съ незнакомцами, чтобы убить время. Но на слѣдующій день, когда мы пришли въ паркъ, онъ сидѣлъ уже не на травѣ, а на скамьѣ... Я вглядѣлся въ него внимательнѣе. Это былъ молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати на видъ, съ красивымъ, задумчивымъ лицомъ на коренастомъ большомъ упитанномъ тѣлѣ... Несмотря, однако, на нѣкоторую даже дородность, онъ былъ очень ловокъ и гибокъ, и когда вѣтромъ снесло вдругъ шапочку Давида — одна изъ фантазій его матери,

которая насъ обоихъ очень смущала — молодой незнакомецъ перескочилъ черезъ изгородь, не коснувшись ея, и черезъ минуту уже былъ съ шапочкой подлѣ насъ. Но отдалъ онъ ее Давиду не сразу, а держалъ ее нѣсколько мгновеній въ рукѣ съ такимъ видомъ, будто ждалъ, что Давидъ побѣжитъ за нимъ или затѣетъ какую-нибудь игру...

Для того, чтобы завоевать сердце Давида совершенно достаточно умѣнья перескочить черезъ изгородь, не касаясь ея, и мы очень скоро подружились съ Уилльямомъ Петерсономъ, — такъ онъ назвалъ себя.—Онъ всегда поджидалъ насъ на «Скамейкѣ сказокъ» и, слушая мои разсказы, заливался и хохоталъ, хохоталъ до слезъ, какъ трехлѣтній малышъ... Иногда онъ спрашивалъ съ забавной и странной для его лѣтъ гордостью:

— Скажите, вѣдь вы мнѣ разсказываете эту исторію такъ же, какъ и вы Давиду ее разсказываете?..

Онъ былъ поразительно наивенъ, вѣрилъ всякимъ небылицамъ, какія я ему разсказывалъ, и съ серьезнѣйшимъ видомъ слушалъ сказки, при которыхъ даже Давидъ насмѣшливо щурилъ глазенки... Когда Давидъ заявлялъ, что на самомъ дѣлѣ такихъ вещей никогда не бываетъ, онъ растерянно смотрѣлъ на меня, и на его умоляющій взглядъ я не могъ не отвѣчать, что всѣ эти невѣроятныя вещи, конечно, вполнѣ возможны... Онъ раздражался только тогда, когда Давидъ упорствовалъ въ своемъ скептицизмѣ, но и въ такія минуты ограничивался лишь замѣчаніемъ: «Онъ говоритъ, что это правда, значитъ, это правда...»

Его благоговѣйное преклоненіе и томило меня, и тяготило въ то же время... Онъ могъ цѣлыми часами смотрѣть на меня въ упоръ своими преданными, часто обведенными красными кругами глазами. И лишь когда я заговорилъ однажды о Портосѣ, онъ отвелъ глаза въ сторону. Онъ былъ, очевидно, такъ растроганъ, что не могъ смотрѣть мнѣ въ лицо... О себѣ онъ разсказывалъ неохотно, и я не разспрашивалъ о его личной жизни... Но по его неопытности и неосвѣдомленности въ житейскихъ дѣлахъ, я догадывался, что это совершенно одинокій человѣкъ, никому ненужный и сиротливый... Оттого, вѣроятно, его такъ и влекло къ намъ — онъ искалъ привязанности...

Я отлично еще помню день, когда странная и дикая мысль впервые вспыхнула въ моей головѣ. Мы были въ паркѣ, когда внезапно разразился ливень и мы всѣ трое убѣжали ко мнѣ... До этого дня Петерсонъ ни разу не былъ въ моей квартирѣ.

— Присядьте на диванъ, м-ръ Петерсонъ, — сказалъ я, придвигая для себя кресло къ камину. И вижу — мой Петерсонъ, прежде чѣмъ сѣсть на диванъ, разстилаетъ на немъ газетные листы.

— Что вы дѣлаете? — спросилъ я.

Онъ вздрогнулъ, пораженный моимъ вопросомъ, поблѣднѣлъ и отодвинулъ отъ себя газеты.

Давидъ ничего не замѣтилъ, но я тщетно старался владѣть собой и поддерживать разговоръ. Я поминутно умолкалъ, но, чувствуя на себѣ пристальный, подозрительный взглядъ Петерсона, дѣлалъ надъ собой усиліе и продолжалъ разговоръ.

Уфъ! Вспомнить жутко, какія нелѣпыя это были фантазіи... Я гналъ ихъ отъ себя и, желая убѣдиться, что мнѣ удалось разсѣять ихъ, предложилъ Петерсону отвести Давида домой. Оставшись въ комнатѣ одинъ, я расхохотался надъ самимъ собою, но тотчасъ-же взялъ шляпу и вышелъ вслѣдъ за ними. Мнѣ вдругъ пришла въ голову странная подробность почему-то не поразившая меня въ первое мгновеніе, — Петерсонъ вышелъ изъ дома съ Давидомъ, даже не спросивъ, гдѣ Давидъ живетъ...

Я слѣдилъ за ними издали, съ другой стороны улицы. Они шли рядомъ очень степенно, даже почти торжественно, и, пока не дошли до дверей Давида, почти ничего примѣчательнаго не произошло. Я говорю, почти, хотя кое-что все-таки произошло... Одна дама, у которой было нѣсколько милыхъ причинъ для частыхъ посѣщеній Кенсингтонскаго парка, узнала Давида и остановилась, чтобы поговорить съ нимъ, но тутъ Петерсонъ, очевидно, выкинулъ что-то странное... Дама бросилась бѣжать со всѣхъ ногъ... Я не могъ понять, что именно онъ выкинулъ, но если бы онъ крикнулъ: «Убью»! — она не могла бы удирать отъ него скорѣе...

Затѣмъ онъ важно довелъ Давида до дому, и здѣсь опять повелъ себя необычайно-странно: вмѣсто того, чтобы позвонить или постучать въ дверь, онъ сталъ на ступени и сталъ громко кричать «Авъ, авъ, авъ» — до тѣхъ поръ, пока имъ не открыли...

Странности эти, — это могли быть, въ концѣ концовъ, только странности,—однако, не дали мнѣ спать всю ночь, и я до самаго утра ворочался съ боку на бокъ...

Я вспоминалъ другія причуды Петерсона, и онѣ вставали передо мною въ новомъ освѣщеніи. Хотя-бы уже одна его манера подавать руку. Онъ здоровался не такъ, какъ всѣ люди, а описывалъ зачѣмъ-то въ воздухѣ кругъ рукою и, ми-

нуя часто мою руку, тяжело опускалъ свою прямо на мою грудь. И его походка! Онъ не шагалъ, а, вѣрнѣе, какъ-то ковылялъ и такъ неуклюже... Затѣмъ, его пылкія проявленія благодарности. Онъ рѣдко уходилъ безъ благодарныхъ изліяній, которыя казались прямо смѣшными въ сопоставленіи съ тѣмъ скромнымъ вниманіемъ, которое я ему удѣлялъ. Въ Кенсингтонскомъ паркѣ онъ оказывалъ всегда лужайкамъ явное предпочтеніе передъ скамейками. Предпочтеніе, пожалуй, даже мудрое, но опять-таки манера садиться была у него необычайная: онъ вытягивалъ руки впередъ и особенно шумно валился на землю... Но его причуды заставили меня крѣпко призадуматься, когда мы завтракали съ нимъ однажды въ клубѣ. Намъ подали котлеты, и меня поразило, какъ онъ медленно и жеманно ѣлъ... Но затѣмъ я отошелъ на минуту узнать, что будетъ на сладкое, а когда вернулся къ нашему столику, я увидалъ, что кости съ тарелки Петерсона исчезли. Лакеи съ любопытствомъ смотрѣли на него...

Давидъ его очень любилъ, но свою любовь къ нему проявлялъ тоже довольно странно: такъ, напримѣръ, похлопывалъ его часто по головѣ. Меня или Иренъ Давидъ обыкновенно звалъ къ себѣ какимъ-нибудь восклицаніемъ, Петерсона-же всегда свистомъ, а почему свистомъ — объяснить не могъ...

Отъ этихъ дикихъ мыслей меня бросало по ночамъ въ холодный потъ. Я вспоминалъ новыя, новыя подробности, и онѣ часто томили меня и днемъ... День тоже имѣетъ свои непріятныя минуты, и тягостныя мысли овладѣвали мною въ эти именно минуты, когда я брился — въ эти десять минутъ, когда, стоя лицомъ къ лицу съ безпощадной дѣйствительностью, мы обыкновенно видимъ все въ болѣе ясномъ свѣтѣ...

И тогда простосердечный Петерсонъ казался мнѣ непріятнѣйшимъ въ мірѣ существомъ, въ его ясныхъ глазахъ мнилась мнѣ глумливая усмѣшка... Казалось страннымъ, чтобы человѣкъ могъ въ двадцать лѣтъ относиться къ людямъ съ такимъ безмятежнымъ довѣріемъ. Онъ не злословилъ, не завидовалъ, не хитрилъ, и не искалъ низменныхъ побужденій за благородными человѣческими поступками... Я не слыхалъ изъ его устъ ни одного непристойнаго слова о женщинахъ... Все это было необычайно, прямо, сверхъестественно...

Но какъ, однако, мы люди, странно созданы! Меня порою смущала вѣра Петерсона въ мою особу, но когда я замѣчалъ, что онъ начинаетъ колебаться въ своей вѣрѣ, я прилагалъ всѣ усилія, чтобы поддержать ее въ немъ...

Вы скажете, что это была, вѣроятно, нетрудная задача... Нѣтъ, увѣряю васъ, очень трудная... Потому что въ отноше-

ніяхъ этого юноши къ людямъ, постепенно назрѣвала какая-то перемѣна. Я подхожу теперь къ описанію перелома, къ тому моменту, когда жизнерадостность и безмятежность внезапно покинули его... Онъ вдругъ утратилъ всякій вкусъ къ развлеченіямъ, и его еще недавно спокойные и ясные глаза все чаще и чаще затуманивались сомнѣніемъ... Онъ сомнѣвался не во мнѣ, я это чувствовалъ, но вообще въ людяхъ. Устои подъ воздвигнутымъ имъ гордымъ зданіемъ вѣры въ людей, видимо, стали шататься. Онъ знакомился и разговаривалъ съ мальчиками въ Кенсингтонскомъ паркѣ...

Ахъ, вы, бѣдныя матери! Тяжело мнѣ вымолвить эти слова — но мыслимо-ли сохранить чистоту и невинность сердца человѣку, имѣвшему возможность познакомиться поближе съ вашими мальчиками? Онъ вслушивался также въ ваши разговоры о вашихъ мальчикахъ, и вѣра его въ людей угасала съ каждымъ днемъ. У меня не хватало духу отмѣчать всѣ открытія, которыя онъ дѣлалъ.

Иногда онъ вспыхивалъ огнемъ стыда, иногда же слушалъ застывъ, оторопѣвъ отъ изумленія, съ видомъ человѣка, едва сдерживающаго вопль отчаянія...

Печальные глаза Петерсона вонзались мнѣ въ душу. Бывали дни, когда я не въ силахъ бывалъ выносить его взглядъ, хотя я самъ и не чувствовалъ за собою большихъ прегрѣшеній. Мы неизмѣнно встрѣчались въ Кенсингтонскомъ паркѣ, но просиживали рядомъ цѣлые часы, не обмѣниваясь ни единымъ словомъ.

Въ одинъ пасмурный день мы очутились съ нимъ вдвоемъ на «Скамейкѣ сказокъ». Давидъ схватилъ насморкъ и остался дома. Мы долго молчали... Наконецъ, я заговорилъ... Мы никогда не говорили о томъ, что сковывало намъ уста, и я хотѣлъ только сказать, что пора уходить, такъ какъ скоро закроютъ ворота... Но когда я взглянулъ на него, у меня сердце упало — никогда еще я не видѣлъ его такимъ подавленнымъ и печальнымъ... Онъ сомкнулъ на мгновеніе глаза, и изъ нихъ выкатились двѣ тяжелыхъ слезы.

— Вы сами создаете себѣ безполезныя страданія, Петерсонъ, — сурово замѣтилъ я... — Къ чему?

Онъ тоскливо всплеснулъ руками и бросилъ на меня печальный взглядъ, краснорѣчиво говорившій о беззавѣтной ко мнѣ привязанности.

— Вы переоцѣнивали меня,—сказалъ я,—и онъ опустилъ голову при этихъ словахъ. — Не понимаю, кто могъ вамъ внушить такія преувеличенно-идеалистическія представленія о людяхъ... Понять не могу... Во всякомъ случаѣ, —добавилъ я,—вы могли вынести ихъ только изъ иного міра,

несравненно прекраснѣе того міра, въ которомъ мы живемъ. Зачѣмъ вы тогда ушли изъ этого міра?

Онъ привсталъ и тотчасъ-же опять сѣлъ.

— Я хотѣлъ ближе узнать васъ, — медленно отвѣтилъ онъ. — Я хотѣлъ стать такимъ, какъ вы...

— Ну, теперь вы знаете меня... И что же? вамъ все еще хочется быть такимъ, какъ я? Я-то, во всякомъ случаѣ, никого къ себѣ привязать не могу. Неужели вы не замѣчали, Петерсонъ, что даже Давидъ иронически улыбается, когда ему кажется, что его никто не наблюдаетъ? Чего только я не дѣлаю, какихъ только усилій не прилагаю къ тому, чтобы удержать любовь этого мальчика... Но я скоро потеряю ее... Я чувствую, что я и теперь уже не то, чѣмъ былъ для него раньше... Черезъ годъ, Петерсонъ, самое большее черезъ два года, Давидъ и знать меня не захочетъ...

Милый Петерсонъ протянулъ мнѣ свою руку.

— Нѣтъ,—сказалъ я, уклоняясь отъ его рукопожатія,— я вижу, вы тоже охладѣли ко мнѣ... Всѣ ко мнѣ охладѣваютъ... У меня былъ одинъ только преданный, вѣрный, вѣчный другъ,—мой Портосъ, и потому-то я и не могу примириться съ мыслью о его утратѣ... Пойдемте, Петерсонъ.

Онъ не хотѣлъ уходить изъ парка вмѣстѣ со мной. Я оставилъ его на скамьѣ. Отойдя нѣсколько шаговъ, я оглянулся: онъ все сидѣлъ на скамьѣ, подавленный и растерянный.

Я долго не могъ сомкнуть глазъ въ эту ночь. Я все къ чему-то прислушивался и самъ не зналъ, къ чему прислушиваюсь и чего жду... И тьма почему-то пугала меня. Я долженъ былъ зажечь лампу и, наконецъ, уснулъ.

Разбудилъ меня рано утромъ громкій стукъ въ дверь. Слуга о чемъ-то возбужденно докладывалъ мнѣ изъ-за двери, и едва я открылъ ее, въ комнату влетѣлъ мой Портосъ, о которомъ я такъ долго и тяжко томился. Слуги разсказывали, что услыхали вдругъ его лай, но откуда онъ взялся, никто объяснить не могъ... Видъ у него былъ бодрый, свѣжій... Когда онъ облизалъ и ощупалъ меня со всѣхъ сторонъ, я заставилъ его растянуться на полу, прилегъ подлѣ него и онъ покровительственно - нѣжно обнялъ меня своей лапой, глядя на меня своими старыми влюбленными глазами...

Но Петерсона мы больше не встрѣчали. Предоставляю вамъ вывести изъ этого разсказа какія угодно заключенія...

XXI.

Клоунъ Джой.

Умныя дѣти всегда выбираютъ себѣ такую мать, которая въ дѣвичьи годы была искусной кокеткой и имѣла много ухаживателей, прежде чѣмъ остановила свой выборъ на ихъ счастливомъ папашѣ... Дѣлаютъ они это потому, что каждый отверженный въ свое время мамой вздыхатель, считаетъ своимъ долгомъ позднѣе баловать ея дѣтей и возить ихъ въ циркъ, хотя-бы разъ въ годъ... Дѣти не всегда могутъ разсчитывать на то, что папа потащится съ ними въ циркъ, но могутъ смѣло разсчитывать на любого изъ маминыхъ обожателей, которому мама когда-то,—съ крохотнымъ батистовымъ платочкомъ у глазъ,—отвѣтила отказомъ на ихъ пылкія признанія... И такъ трогательно видѣть, какъ эти джентльмены возятся съ ребятами своихъ бывшихъ пассіи. Иные заѣзжаютъ за дѣтьми въ экипажахъ, а другіе тащутся изъ улицы въ улицу въ омнибусахъ и даже надѣваютъ маски, накладываютъ картонные носы, только-бы скрыть муки, которыя причиняютъ имъ дѣти, когда они подросли и перенимаютъ очаровательные капризы своихъ прелестныхъ мамашъ...

И я тоже повезъ Давида въ циркъ—надѣюсь, вы слѣдили внимательно за нитью моихъ разсужденій... Я-то самъ плохо всегда слѣжу за развитіемъ моей мысли... Давидъ отправился въ циркъ, исполненный самыхъ пылкихъ ожиданій... Въ дверяхъ онъ остановился. Взглядъ его упалъ на маленькій домикъ съ прибитой къ окошечку надписью: «Плата за входъ здѣсь». — Онъ рѣшилъ, что это домъ Красной Шапочки и вѣжливо освѣдомился у кассирши, нельзя-ли ему повидать ее? Ему отвѣтили, что она ушла въ лѣсъ... И это дѣйствительно такъ и было. Когда мы вошли въ залъ, она уже собирала въ лѣсу хворостъ для своей бабушки. Она спѣла прелестную пѣсенку о мальчикахъ и объ ихъ смѣлыхъ проказахъ, пѣсенку, весьма польстившую мужскому самолюбію Давида, но, уходя за кусты, забыла захватить съ собою хворостъ. Другія сцены проведены были хуже,, но Давидъ былъ въ восторгѣ и наслаждался отъ всей души...

Ушелъ онъ, однако, изъ цирка въ слезахъ. Всю дорогу домой онъ всхлипывалъ въ темномъ углу кареты, и когда я дѣлалъ попытку успокоить его, толкалъ меня локтемъ.

Разстроилъ его клоунъ, тотъ именно клоунъ, на котораго я возлагалъ столько надеждъ. Давидъ, не обращая вниманія на пѣвца, громко спросилъ своего сосѣда, немолодаго уже добродушнаго толстяка, скоро-ли, по его мнѣнію, появится

Джой?.. И когда Джой вышелъ, наконецъ, на сцену, онъ вскрикнулъ:

«Здравствуй Джой!»—и завизжалъ отъ удовольствія...

Джой и его отецъ изображали колбасниковъ, пришедшихъ наниматься въ колбасную лавку. Въ ожиданіи хозяина, они засовывали въ свои карманы колбасы и сосиски, до которыхъ очень падки были, какъ они сообщили публикѣ, ихъ близкіе и дальніе родственники. Когда хозяинъ вышелъ къ нимъ, въ лавкѣ было—хоть шаромъ покати... Но бѣда эта оказалась легко поправимой. На столѣ стоялъ ящикъ съ ручкой, нѣсколько напоминавшій по формѣ мороженицу... Въ ящикъ этотъ Джой съ отцомъ стали накладывать свиные окорока, затѣмъ быстро вертѣть ручкой... Изъ другого конца ящика вылѣзали сосиски и колбасы, круглые, аппетитные, и о томъ, какъ онѣ были вкусны, можно было судить по тому, какъ Джой облизывалъ пальцы, прикасаясь къ нимъ. Скоро не стало и свиныхъ тушъ... Но въ эту минуту мимо дверей колбасной пробѣжалъ маленькій, хорошенькій фоксъ-терьеръ... Джой, не думая долго, схватилъ собачку за заднія лапки, впихнулъ ее въ ящикъ, повертѣлъ ручкой, и изъ другого конца вылѣзли лоснящіяся круглыя сосиски...

Это вотъ и разстроило Давида и привело насъ въ слезахъ къ поджидавшему экипажу.

Богу извѣстно, что я такимъ жестокимъ поступкамъ нисколько не сочувствовалъ, но Джой объяснилъ мнѣ потомъ, какъ трудно въ сущности угодить на дѣтей, и предвидѣть, что имъ понравится и что не понравится. И я долженъ былъ согласиться съ нимъ, потому что Давидъ, котораго растрогали злоключенія фоксъ-терьера, хохоталъ отъ всей души, когда Джой отрывалъ ноги городовому...

«Еще разъ, еще разъ!» — кричалъ онъ, когда Джой кончалъ жестокую операцію.

— Имъ, бѣдняжкамъ, очень жалко городового, и они ревѣли-бы благимъ матомъ, если-бы я не возбуждалъ ихъ моимъ смѣхомъ,—говорилъ мнѣ Джой, не мало удивившій меня своей наблюдательностью и психологическимъ чутьемъ.

Онъ увѣрялъ, что если-бы фоксъ-терьеръ смѣялся, когда онъ превращалъ его въ сосиски, дѣти вторили-бы ему самымъ веселымъ смѣхомъ.

Отецъ, мать Давида и няня всѣми силами старались вытравить изъ его памяти тягостное впечатлѣніе, увѣряли его, что фоксъ-терьеръ цѣлъ и невредимъ и, вѣроятно, живетъ себѣ гдѣ-нибудь въ полное свое удовольствіе. — Но Давидъ собственными глазами видѣлъ сосиски, изготовленныя изъ фоксъ-терьера... Надо было прибѣгнуть къ болѣе

убѣдительнымъ мѣрамъ воздѣйствія на воображеніе Давида... Я завезъ мою визитную карточку клоуну... Онъ пригласилъ меня съ Давидомъ къ себѣ на чашку чаю.

— Я не буду смѣяться, — предупредилъ меня Давидъ, вѣрный своей скорби о фоксъ-терьерѣ.—Я не буду смѣяться, — повторилъ онъ, когда мы подъѣзжали къ дому Джоя въ Сохо, и крѣпко сжалъ мою руку.

Это былъ самый обыкновенный домъ, но какъ разъ напротивъ подъѣзда красовалась колбасная витрина... Вдоль улицы прогуливался городовой, опасливо поглядывавшій на обѣ стороны, какъ будто ожидая нападенія. У входа въ домъ насъ встрѣтила просто одѣтая женщина и сказала намъ, что клоунъ Джой живетъ во второмъ этажѣ. На Давида она внимательно прищурилась, словно уже слышала о немъ кое-что... Когда мы поднимались по лѣстницѣ, Давидъ опять проговорилъ сквозь крѣпко стиснутые зубы:

— Я не буду смѣяться.

Мы постучались въ дверь и тотчасъ услыхали:

«Ага, пришли»!.. — И Давидъ задрожалъ, словно вдругъ испугался, что взялъ на себя непосильную задачу. Мы вошли въ комнату, откуда услыхали привѣтственный голосъ, но тамъ никого не оказалось... Я растерянно взглянулъ на Давида, и онъ быстро зажалъ ротъ рукою.

Эта была презабавная комната и много было въ ней смѣшныхъ предметовъ, но они ничего страннаго и смѣшнаго не дѣлали — они чинно ждали Джоя. Были тутъ и мягкія кресла съ уютными просиженными продырявленными сидѣньями, былъ и столъ, и диванъ... Мы осторожно присѣли на диванъ, и съ нами ничего не случилось.

Самой примѣчательной въ этой комнатѣ вещью была огромная плетеная корзина, съ выглядывавшимъ изъ подъ крышки яркимъ чулкомъ и надписью на крышкѣ, гласившей, что Джой самый смѣшной на землѣ человѣкъ. Давидъ хотѣлъ было вытащить чулокъ наружу, но онъ тянулся безъ конца; измѣривъ имъ шесть разъ длину комнаты, онъ опять обоими кулачками зажалъ ротъ.

— Я не смѣюсь, — свирѣпо бросилъ онъ мнѣ. И дѣйствительно, онъ ни одного звука не издавалъ, хотя весь захлебывался и дрожалъ отъ смѣха. Мы обратили вниманіе на фотографическую карточку Джоя, стоявшую на каминѣ... Джой былъ снятъ въ обычномъ платьѣ, которое, очевидно, носилъ еще до того, какъ сталъ клоуномъ... Можете представить себѣ, какъ онъ былъ смѣшонъ въ такомъ костюмѣ. Но Давидъ не смѣялся...

И вдругъ Джой очутился подлѣ насъ. Онъ очутился под-

лѣ насъ такъ внезапно, словно изъ подъ стола выскочилъ. Одѣтъ онъ былъ такъ же, какъ и на представленіи въ циркѣ—онъ сообщилъ намъ потомъ, что другого платья у него не имѣется. Его набѣленное, нарумяненное лицо было такъ забавно, что у Давида заклокотало въ горлѣ,—онъ проглатывалъ душившій его смѣхъ..

Я представилъ ему Давида. Давидъ церемонно протянулъ ему руку. Джой руки его не взялъ, а высунулъ языкъ и повелъ имъ въ одну и въ другую сторону. Это было такъ смѣшно, что Давиду опять пришлось быстро зажать ротъ рукою... Джой подумалъ, что у него зубъ болитъ. Но я объяснилъ, въ чемъ дѣло, и Джой сказалъ:

— О, онъ будетъ у меня смѣяться.

Вслѣдъ за этими словами Джоя между ними произошелъ такой разговоръ:

— Нѣтъ, не заставите,—упрямо сказалъ Давидъ.

— Заставлю!

— Нѣтъ, не заставите.

— Нѣтъ, заставлю...

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ.

— Да, да, да...

— Перестаньте...

— Ну, вотъ, вотъ, что я говорилъ...

Но Давидъ не смѣялся.

Джой хвасталъ, что смѣхъ Давида у него въ карманѣ, и Давидъ вызывающе предлагалъ ему показать ему его смѣхъ... Джой рылся въ своихъ карманахъ и выгребалъ оттуда самые неожиданные предметы, между прочимъ, вытащилъ утку и пучокъ моркови... Онъ полагалъ, очевидно, что всѣ балованные шалуны пихаютъ въ свои карманы такіе предметы. Въ концѣ концовъ, Давидъ, вѣроятно, все-таки разсмѣялся бы, если-бы въ одномъ изъ кармановъ Джоя не оказалась обкусанная колбаса, и видъ ея такъ живо напомнилъ ему бѣднаго фоксъ-терьера, что онъ завылъ во весь голосъ. И Джой тоже расчувствовался, и тоже заплакалъ, но слезы онъ вытиралъ уткой...

Какъ разъ въ эту трогательную минуту въ комнату вошелъ, ковыляя на одной ногѣ, старый клоунъ, отецъ Джоя, съ полнымъ блюдомъ сосисокъ... Его появленіе, однако, только подлило масла въ огонь, такъ какъ онъ сообщилъ, что это какъ разъ тѣ-же самыя сосиски, которыя мы видѣли недавно въ циркѣ... Но тутъ Джоя внезапно осѣнила какая-то мысль, и намъ тотчасъ же сообщилось его волненіе. Мы смотрѣли на него съ напряженнымъ нетерпѣніемъ. Онъ первымъ дѣломъ сосчиталъ сосиски, нашелъ, что двухъ не хватаетъ.

пошарилъ въ рукавахъ стараго клоуна и спокойно вытащилъ ихъ оттуда. Затѣмъ онъ выбѣжалъ изъ комнаты и вернулся съ машинкой...

— Это еще что такое? — удивились мы.

Джой впихнулъ въ машинку всѣ сосиски, повертѣлъ ручкой, и съ другого конца выскочилъ маленькій фоксъ-терьеръ.

Можете представить себѣ радость Давида...

Онъ схватилъ собаченку на руки, и тутъ мы замѣтили, что къ хвостику ея прилипла сосиска. Старый клоунъ замѣтилъ, что слишкомъ много сосисокъ, вѣроятно, положено было въ машинку, а Джой выразилъ предположеніе, что машинка испортилась... По его мнѣнію, эта сосиска, торчавшая въ хвостѣ фоксъ-терьера была ничѣмъ инымъ, какъ его лаемъ... Давида это очень разстроило, онъ понималъ, въ какомъ непріятномъ положеніи долженъ чувствовать себя фоксъ-терьеръ, у котораго лай торчитъ въ хвостѣ... Мы стали обсуждать мѣры, какими можно было-бы вогнать внутрь фоксъ-терьера выскочившій наружу лай, но фоксъ-терьеръ самъ неожиданно разрѣшилъ всѣ наши недоумѣнія — онъ проглотилъ сосиску...

Никогда еще въ своей жизни Давидъ не заливался такимъ смѣхомъ, никогда еще онъ не веселился такъ безудержно, какъ въ этотъ день. Онъ бросался на стараго клоуна, опрокидывалъ его на полъ, и такъ какъ это очень нравилось клоуну, и онъ вѣжливо благодарилъ, то Давидъ съ возраставшимъ рвеніемъ пробовалъ надъ нимъ свою силу... Джой называлъ меня и Давида «Миленькій» и просилъ Давида, называвшаго его «М-ръ Клоунъ» — звать его просто Джоемъ. Стараго клоуна, сообщилъ онъ намъ, звали—«старый Джой», коломбину — Джози, а арлекина — Джойкинъ...

Мы узнали отъ него также, къ большому нашему огорченію, что старый Джой причиняетъ ему много хлопотъ и заботъ... У него была очень плохая память, и онъ часто забывалъ, какъ надо стоять — на ногахъ или на головѣ, и не рѣдко, уже съ кровати вылѣзалъ головою внизъ... За нимъ необходимъ былъ неусыпный присмотръ. Самое тягостное было то, что присматривать надо было за нимъ незамѣтно для него, онъ очень самолюбивъ и чувствителенъ... Не успѣлъ Джой договорить этихъ словъ, какъ старикъ перевернулся вверхъ ногами, но мы дѣлали видъ, что ничего не замѣчаемъ, и разговаривали о погодѣ до тѣхъ поръ, пока онъ опять сталъ на ноги...

Джози и Джойкинъ, яркія, расшитыя блестками юбочки, тоже приглашены были къ чаю... Они вошли въ комнату, танцуя, и все время приплясывали. Ни съ того, ни съ сего они

заявили, что желаютъ попорхать немного... И все время колыхались и дрожали, словно сидѣли не на стульяхъ, а на пружинахъ... Давидъ говорилъ, что если-бы онъ крѣпко подулъ на нихъ, они полетѣли-бы по комнатѣ, какъ лоскутки бумаги...

По короткой юбочкѣ Джози видно было, что она еще очень молода, и Давидъ оробѣлъ передъ нею... Онъ всегда робѣлъ, когда его знакомили съ маленькими дѣвочками... Нѣсколько минутъ онъ молча стоялъ передъ нею, и сосалъ свой палецъ... Она тоже молча сосала палецъ... Но потомъ неловкость прошла, они усѣлись рядышкомъ на диванъ, держа другъ друга за ручки...

Арлекинъ все время метался по комнатѣ, какъ угорь... Давидъ попросилъ его попрыгать немного по стѣнѣ, и онъ было согласился, потомъ отказался сославшись на то, что сосѣди бываютъ недовольны его рѣзвостью... Давидъ согласился, что сосѣдей прыжки по стѣнѣ дѣйствительно должны безпокоить, но отказъ арлекина его все-таки огорчилъ... Тѣмъ временемъ вода въ чайникѣ вскипѣла, Джой, разливавшій чай, спросилъ Давида, налить-ли ему въ молоко капельку чаю — точь въ точь, какъ спрашивала всегда и мать Давида... Никакого угощенія, кромѣ сосисокъ, не было, но какая масса сосисокъ!... Ихъ были цѣлыя сотни, огромные клубы, и Джой поминутно срывался съ мѣста и, схвативъ со стола длинную цѣпь сосисокъ, прыгалъ черезъ нее, какъ черезъ скакалку. Давида учили, что нехорошо быть жаднымъ, и хотя ему очень хотѣлось отвѣдать сосисокъ, его смутило, однако, съ какой жадностью Джой, старый Джой и даже Джози смотрѣли на сосиски, которыми угощали его... Джози, впрочемъ, обнаружила скоро и болѣе возвышенныя чувства—она влюбилась въ арлекина, сидѣвшаго противъ нея, и онъ влюбился въ нее, и оба поглощены были только другъ другомъ и своей любовью...

Но Джой, не обращая ни малѣйшаго вниманія на эту трогательную картину, продолжалъ уплетать сосиски за обѣ щеки, а старый Джой тоже глоталъ и запихивалъ еще въ свои карманы... И жадно, и неустанно глотая, они выбѣгали изъ комнаты, и приказывали слугѣ принести еще сосисокъ..

Джой залѣзалъ рукою и въ мою тарелку, и когда я хваталъ его за руку, конфузился и увѣрялъ, что сосиски— его страсть...

Онъ говорилъ, что онъ никогда не могъ насытиться ими вдоволь, что онъ обожалъ ихъ съ самаго ранняго дѣтства, что это — наслѣдственное — мать его тоже очень любила сосиски... Онъ разсказывалъ, что на первую монету, очутившуюся

въ его рукахъ, купилъ сосиску, и, вѣроятно, послѣднимъ его вожделѣніемъ тоже будетъ сосиска, и что онъ всегда спитъ съ нѣсколькими сосисками подъ подушкой...

Когда онъ дѣлалъ намъ эти признанія, глаза его, къ несчастью, задумчиво остановились на собачонкѣ, возившейся подлѣ машинки, и вдругъ въ нихъ вспыхнулъ зловѣщій огонекъ и рука его судорожно протянулась къ фоксъ-терьеру... Но тогда Давидъ испуганно схватилъ собачонку одной рукой, а другую выразительно сжалъ въ кулакъ, и тогда Джой попросилъ у него извиненія, и разразился слезами и каждую слезу швырялъ о стѣнку, на которой она разсыпалась шумными брызгами...

Давидъ простилъ его лишь тогда, когда онъ горячо поклялся, что больше не будетъ смотрѣть на собачонку такими ужасными глазами... Джой добавилъ, однако, что при своей страсти къ сосискамъ, онъ за себя ручаться не можетъ, и самое лучшее будетъ, если Давидъ увезетъ фоксъ-терьера съ собою... Не трудно представить себѣ радость Давида. Фоксъ-терьеръ, которому онъ спасъ жизнь, отнынѣ будетъ съ нимъ неразлученъ... Онъ едва вѣрилъ своимъ ушамъ, и сталъ торопить меня съ отъѣздомъ, боясь, какъ-бы Джой не раздумалъ...

— Я прошу васъ только,—сказалъ Джой съ дрожью въ голосѣ, — звать его моимъ именемъ и давать ему каждую субботу сосиску...

Джой показалъ, что, несмотря на обуревавшую его роковую страсть, онъ способенъ подняться тѣмъ не менѣе до самыхъ возвышенныхъ чувствъ...

Мы видѣли его разъ, уже съ улицы. Онъ дурачливо, очаровательно махалъ намъ языкомъ, а Джози выглядывала изъ окна, стоя на ладони Джойкина, какъ бабочка, присѣвшая на цвѣтокъ... Стараго Джоя мы не видѣли, мы видѣли только его ноги, и догадались, что это значитъ... Это была чудесная компанія; они не такіе люди, какъ всѣ, но нельзя было не любить ихъ отъ души...

XXII.

Пилькингтонъ.

Когда дѣти подрастутъ, лѣтъ до восьми или около того, —они исчезаютъ изъ Кенсингтонскаго парка и больше туда не возвращаются... Вы встрѣчаете ихъ уже взрослыми людьми, важно останавливающими зонтикомъ извозчика...

Куда дѣваются дѣвочки — я сказать вамъ не сумѣю, — полагаю, что онѣ поступаютъ въ какія-нибудь заведенія, гдѣ

ихъ обучаютъ завиваться, но мальчики отправляются къ Пилькингтону. Это такой господинъ съ тросточкой. Къ Пилькингтону нельзя явиться въ штанахъ маминаго издѣлія, какъ бы искусно они ни были сдѣланы. Къ нему надо явиться уже въ настоящихъ штанахъ отъ портного. У него на этотъ счетъ строгія правила. Въ этомъ и кроется причина его неотразимаго обаянія.

Представьте себѣ человѣка въ штанахъ отъ настоящаго портного, онъ цѣлые дни удитъ рыбу въ Кенсингтонскомъ паркѣ, и паркъ для него ничто иное, какъ прудъ, кишащій всякой мелюзгой... Отвратительный призракъ! Я не знаю, какъ вы выглядите, но представляю себѣ васъ бородатымъ, темнолицымъ, длиннымъ, подвижнымъ и гибкимъ, какъ угорь... Я увѣренъ, что каждое утро вы жадно прочитываете въ газетахъ списки родившихся мальчиковъ и злорадно потираете руки. Вы внушаете феямъ такой страхъ своимъ видомъ, платьемъ и тростью, что онѣ прячутся отъ васъ. Если бы вы вздумали оставаться въ паркѣ въ ночные часы, онѣ, навѣрно, разбѣжались бы... И только маленькіе мальчики идутъ на вашу удочку... Да, опустошитель Кенсингтонскаго парка, я знаю васъ... Впервые услыхалъ я про Пилькингтона отъ Давида, а Давидъ въ свою очередь отъ Оливера Бейлея.

Этотъ Оливеръ Бейлей былъ одной изъ самыхъ яркихъ фигуръ въ Кенсингтонскомъ паркѣ, и безъ всякихъ замѣтныхъ усилій съ каждымъ днемъ все больше приближался къ облику семилѣтняго мальчика, тогда какъ Давиду едва-едва можно было дать на видъ пять съ половиною лѣтъ... Я говорю объ Оливерѣ въ прошедшемъ времени, потому что онъ ушелъ изъ Кенсингтонскаго парка — ушелъ къ Пилькингтону, — но имя его еще живо въ нашей памяти, мы часто вспоминаемъ его доблестные подвиги, между прочимъ и то, что отецъ его брился два раза въ день. Оливеръ перенялъ у отца его свѣтскія замашки...

Предметомъ его честолюбивыхъ мечтаній было крушеніе у необитаемаго острова... Этотъ островъ онъ каждый вечеръ упоминалъ въ своихъ молитвахъ... И мальчикъ съ такими дерзаніями, не могъ, конечно, не плѣнить воображенія Давида... Съ гордостью, однако, добавляю, что первый шагъ къ знакомству сдѣланъ былъ Оливеромъ...

Когда Давидъ въ первый разъ услышалъ отъ одного изъ приверженцевъ Оливера про необитаемый островъ, онъ выразилъ предположеніе, что надо быть очень, очень хорошимъ мальчикомъ для того, чтобы сподобиться счастья

потерпѣть крушеніе. Слова эти переданы были Оливеру и, повидимому, произвели на него сильное впечатлѣніе. Онъ еще въ теченіе нѣкотораго времени старался не поддаваться ему, но, въ концѣ концовъ, онъ познакомился съ Давидомъ и мрачно попросилъ его повторить сказанныя однажды слова... Результатомъ ихъ разговора было то, что Оливеръ заявилъ въ Кенсингтонскомъ паркѣ о своемъ твердомъ намѣреніи быть отмѣнно-хорошимъ мальчикомъ вплоть до восьмилѣтняго возраста, а если онъ до тѣхъ поръ не потерпитъ крушенія, то будетъ считать себя вправѣ стать самымъ несноснымъ въ мірѣ шалуномъ... Это былъ отчаянный мальчуганъ. Когда учительница въ фребелевскомъ саду, выстраивая дѣтей на прогулку, предлагала открыть шествіе тому, кто больше всѣхъ нашалилъ и напроказилъ,—Оливеръ всегда первый выступалъ впередъ.

Мальчики скоро подружились... Оливеръ держалъ себя съ Давидомъ, какъ съ равнымъ... Они часто ходили по дорожкамъ парка рука объ руку, и Оливеръ ласково, какъ добрый старшій братъ, упрекалъ его за проступки... Но скоро я по нѣкоторымъ признакамъ сталъ догадываться о какомъ-то соглашеніи, состоявшемся между пріятелями. Оливеру, повидимому, надоѣло быть благонравнымъ мальчикомъ, и онъ сложилъ это обязательсто на своего друга... Другими словами говоря, Давидъ взялъ на себя нелегкую задачу: жить безукоризненнымъ мальчикомъ до восьми лѣтъ, и было ясно, какъ день, что при ихъ все возраставшей дружбѣ счастье крушенія у необитаемаго острова будетъ нераздѣльнымъ...

Когда я все это узналъ, оказалось уже невозможнымъ разсѣять вліяніе Оливера на Давида... Давидъ былъ весь въ его власти. Я сталъ чувствовать себя лишнимъ при ихъ встрѣчахъ. Оливеръ даже не старался скрыть, что мое присутствіе только тяготить его, и Давидъ тоже прозрачно давалъ мнѣ понять, что деликатнѣе было бы съ моей стороны уйти куда-нибудь въ сторону съ Иренъ и оставить ихъ вдвоемъ. Мнѣ это не казалось смѣшнымъ. Меня это удручало, я чувствовалъ уже горечь надвигавшагося одиночества... Когда фоксъ-терьеру не удавалось разными веселыми штуками вызвать у Портоса желаніе поиграть съ нимъ, онъ становился передъ нимъ на заднія лапки и униженно умолялъ его поиграть съ нимъ... И я также покорно и униженно вымаливалъ въ тѣ дни вниманіе и ласку... Давидъ, замѣчая, что я страдаю, настаивалъ иногда, чтобы я присаживался къ нимъ, но ясно было, что я ему не нуженъ.

Я презиралъ себя за свою слабость. Столько лѣтъ велъ я изъ-за этого Давида безпрерывную борьбу съ Мери, на сторонѣ которой были, однако, преимущества близкаго родства... Неужели я окажусь побѣжденнымъ въ состязаніи съ этимъ семилѣтнимъ малышомъ?.. Я тщательно провѣрилъ мое оружіе, вызвалъ Оливера на поединокъ и побѣдилъ его. Я покорилъ ихъ обоихъ, и мы стали неразлучными товарищами...

Добился я этого, конечно, путемъ крушенія... Началъ я съ безхитростной исторіи, которая должна была длиться какихъ-нибудь сорокъ-пятьдесятъ минутъ, но, благодаря неожиданному стеченію обстоятельствъ, она растянулась на цѣлыхъ восемнадцать мѣсяцевъ... Я разсказалъ имъ исторію объ одной швейцарской семьѣ, которая потерпѣла крушеніе въ открытомъ морѣ, и, придя въ себя, увидала передъ собою цвѣтущія деревья.

Слѣдуя внезапно осѣнившему меня вдохновенію, я превратилъ эту исторію въ повѣсть объ Оливерѣ Бейлеѣ и Давидѣ А... Первое время шла рѣчь о томъ, что они станутъ дѣлать въ случаѣ крушенія, но незамѣтно мы перешли на прошедшее время и говорили уже о томъ, что они продѣлали. Я простаивалъ многіе часы передъ витринами книжныхъ магазиновъ, вчитывался въ заглавія книгъ, потому что въ иныхъ заглавіяхъ порою больше содержанія, чѣмъ въ самихъ книгахъ... Всѣ мало-мальски значительные герои древней и новѣйшей литературы терпѣли у насъ крушеніе, включая, конечно, героевъ Гомера и героя Потеряннаго Рая. И мы чинили имъ всякія препятствія въ ихъ попыткахъ пристать къ какому-нибудь берегу. Мы грабили ихъ, обдирали, какъ липки, и пускали ихъ въ открытое бушевавшее море на произволъ случая... И все это было только начало...

Тѣмъ временемъ меня самого выбросило на островъ. Это устроилось помимо вмѣшательства... Давидъ догадывался, что я бы не прочь обрѣсть наконецъ вѣрный пріютъ, и, сговорившись съ Оливеромъ, уладилъ это дѣло. Они нашли меня на отмели съ большой собакой, самоотверженно помогшей мнѣ пережить страшную ночь въ бушевавшемъ океанѣ.

Я оказался единственнымъ оставшимся въ живыхъ пассажиромъ потерпѣвшаго крушеніе судна «Анка Пинкъ». Я былъ такъ обезсиленъ, что имъ пришлось на рукахъ донести меня до своей хижины. Когда я раскрылъ глаза, я увидалъ себя въ романтичной хижинѣ, и благодарность моя не знала границъ. На одной изъ прогулокъ въ паркѣ, я разсказалъ имъ, какую они хижину построили. Они не выразили ника-

каго изумленія; наоборотъ, очень гордились своимъ архитекторскимъ искусствомъ. Они ждали только выраженій изумленія съ моей стороны.

— Разсказать вамъ о яйцахъ, которыя мы нашли въ пескѣ? — спросилъ Оливеръ, возвращаясь къ своимъ подвигамъ, которые они, по моимъ словамъ, совершили.

— Конечно...

— Кто нашелъ ихъ? — спросилъ Давидъ, но не такъ, какъ спрашиваютъ въ ожиданіи освѣдомительнаго отвѣта, а тономъ учителя, спрашивающаго урокъ.

— Ихъ нашелъ,—отвѣтилъ я, — Давидъ А,—младшій изъ двухъ юношей.

— А кто убилъ кабана? — спросилъ старшій изъ двухъ юношей.

— Оливеръ Бейлей,—отвѣтилъ я.

— И Оливеръ же первый набрелъ на кокосовое дерево? — быстро вставилъ Давидъ.

— Нѣтъ, — отвѣтилъ я, — Давидъ первый увидалъ его и тотчасъ же вскарабкался на него. Это было, очевидно, cocos nucifera, стройное дерево съ пышной короной изъ листьевъ, падающихъ съ такой граціей, которую безсильно воспроизвести человѣческое искусство...

— Я это и говорилъ, — замѣтилъ Давидъ, взмахнувъ рукой.

— И я тоже это говорилъ, — настойчиво заявилъ Оливеръ.

— Нѣтъ, ты не говорилъ...

— Какъ не говорилъ?

— Да, замолчи наконецъ...

— Ну, ладно, будемъ слушать дальше...

Оливеръ бросилъ на меня умоляющій взглядъ.

— Дальше, — началъ я, — дѣло было такъ: Оливеръ сказалъ: «Дорогой товарищъ, опасности, которымъ мы подвергаемся, несчетны, и лишенія, которыя мы переносимъ, могли-бы тронуть самыя черствыя сердца, но ради того, что выпало намъ на долю увидать, я готовъ подвергнуться и болѣе жестокимъ испытаніямъ, и все же ликовалъ бы, вотъ какъ эта птичка на вѣткѣ...

— Это я сказалъ! — закричалъ Оливеръ.

— А птичку я застрѣлилъ, — тотчасъ добавилъ Давидъ.

— Какую птичку?

— Да эту самую птичку...

— Нѣтъ, ты ея не застрѣлилъ...

— Какъ нѣтъ?

— Застрѣлилъ птичку Давидъ, — разрѣшилъ я споръ,

—но Оливеръ по ея многоцвѣтнымъ перьямъ догадался, что это Psittacidae, превосходный видъ породы куропатокъ...

— А ты этого и не зналъ?—горделиво вставилъ Оливеръ.

— Отлично зналъ.

— Что ты зналъ?

— Ну, да, что?

— Замолчи, вотъ и все...

— Давидъ застрѣлилъ птицу, — сказалъ я, — распозналъ ее Оливеръ, а съѣлъ ее я. Вы помните, какъ я былъ голоденъ?

— Еще бы!

— Я сварилъ ее, — сказалъ Оливеръ.

— Мнѣ подали ее зажаренной, — напомнилъ я имъ.

— Я ее зажарилъ, — сказалъ Давидъ.

— Вы накормили меня еще плодами съ хлѣбнаго дерева. Вы оба одновременно сдѣлали наблюденіе, что оно родитъ два раза въ году, и кромѣ того, даетъ еще очень полезную смолу для смоленія лодокъ...

— Я мою лодку и насмолилъ... — сказалъ Давидъ.

— Я мою еще больше насмолилъ,—сказалъ Оливеръ.

— Когда я поѣлъ,—продолжалъ я,—вы, къ пріятному моему изумленію, поднесли мнѣ сигару съ табачныхъ плантацій.

— Я поднесъ ее вамъ,—сказалъ Оливеръ.

— Я срѣзалъ кончикъ,—сказалъ Давидъ.

— Потомъ вы дали мнѣ закурить...

— Кто изъ насъ? — вскрикнули они оба.

— Да вы оба, — отвѣтилъ я. Я никогда не забуду, какъ вы выбивали огонь двумя камушками.

Тутъ они покачали головами.

— Этого вы бы не сумѣли...—сказалъ Давидъ.

— Вѣроятно, не сумѣлъ бы, — согласился я. — Но я знаю, что многіе мальчики, потерпѣвшіе крушеніе, довольно скоро научаются добывать огонь изъ камней. Покажите мнѣ, какъ вы это дѣлали...

Они пошушукались въ сторонкѣ и отказались показать мнѣ, какъ они добывали огонь изъ камней. Мнѣ, очевидно, не все еще полагалось знать.

Давидъ искренне вѣрилъ, что однажды былъ выброшенъ бурей на необитаемый островъ, на Оливера же еще находило порою сомнѣніе. Однако, они горячо увѣряли въ этомъ и другъ друга и своихъ товарищей. Когда я рисовалъ имъ картины ихъ романтичнаго прошлаго, Оливеръ слушалъ, сжимая въ рукѣ раскрытый ножъ, а Давидъ, которому не

разрѣшалось носить при себѣ ножъ, сидѣлъ, опоясанный веревкой, составляющей непремѣнную принадлежность костюма всѣхъ пиратовъ. Иренъ, по обыкновенію своему, вмѣшивалась въ разговоръ, негодовала на эту веревку и вставляла презрительныя замѣчанія о необитаемыхъ островахъ, къ существованію которыхъ относилась съ величайшимъ недовѣріемъ. Я откровенно высказывалъ ей мое презрѣніе. Но Давидъ, знавшій толкъ въ женщинахъ, сумѣлъ-таки сломить ея упрямство. Онъ коварно предложилъ выбросить ее на необитаемый островъ, и, несмотря на то, что я воспротивился этому плану, она тѣмъ не менѣе очутилась на островѣ и въ первый же день прибытія отличилась своими ботаническими познаніями: она узнала Jucca filamenvosa по ея узкимъ длиннымъ листьямъ...

Это послужило для насъ своего рода поощреніемъ — мы пригласили на островъ и отца и мать Давида... Объ этомъ необычайномъ событіи въ своей жизни они не знали, конечно, до тѣхъ поръ, пока Давидъ не сообщилъ имъ о немъ. Пригласили мы ихъ для того, собственно, чтобы доставить удовольствіе Давиду.... У него было очень чувствительное сердце, и его безпокоила мысль о томъ, что его родители тоскуютъ о немъ... И наибольшее удовольствіе доставляла Давиду та часть повѣсти, въ которой воспроизводилась радостная встрѣча родителей съ ихъ сыномъ. Потомъ намъ нужна была на островѣ еще одна женщина, менѣе романтично настроенная, чѣмъ Иренъ. Но Мери пришлось пережить много тревожныхъ дней. Ее постоянно умыкали каннибалы, и Давидъ отважно отбивалъ ее у нихъ. Онъ скоро изловчился въ этомъ занятіи, и съ быстротою оленя прыгалъ со скалы на скалу съ дорогой ношей на рукахъ... Рѣдкая недѣля проходила безъ того, чтобы Давидъ не убилъ какаго-нибудь людоѣда...

Давидъ все принималъ за чистую монету. Оливеръ говорилъ мнѣ съ его словъ, что онъ глубоко убѣжденъ въ подлинности всѣхъ нашихъ приключеній. Я разсказалъ имъ, какъ дикари растатуировали отца Давида, и вскорѣ я узналъ отъ Оливера, что ночью Давидъ сошелъ съ кровати и тихонько приподнялъ одѣяло съ ногъ отца, чтобы полюбоваться нарисованными на нихъ птицами и гадами...

За всѣ эти мѣсяцы имя Пилькингтона ни разу не упоминалось, и вамъ интересно, конечно, знать, гдѣ онъ пребывалъ въ это время. Ахъ, друзья мои, онъ усердно ловилъ рыбу, и я дѣлалъ видъ, что не замѣчаю его существованія. Я часто улавливалъ ненавистный плескъ его удочки. Съ мучительной ясностью встаетъ передо мной одинъ ужасный день:

было пасмурно, моросилъ дождь, — мнѣ казалось, что солнце никогда уже не взойдетъ для меня.. Когда я увидѣлъ въ паркѣ мальчиковъ, я тотчасъ догадался по выраженію ихъ лицъ, что они собираются сообщить мнѣ какую-то важную новость. Оливеръ толкнулъ Давида локтемъ и отошелъ на нѣсколько шаговъ, и тогда Давидъ торжественно заговорилъ:

— Оливеръ уходитъ къ Пилькингтону...

Я тотчасъ же догадался, что это какая-то школа, и такъ мало значенія придалъ сообщенію Давида, что шутливо бросилъ Оливеру:

— Надѣюсь, Оливеръ, тебя тамъ не съѣдятъ?

Они обмѣнялись озабоченными взглядами, и ушли за дерево совѣщаться. Вскорѣ Давидъ опять подошелъ ко мнѣ и началъ съ пафосомъ:

— У него теперь двѣ куртки, двѣ новыхъ сорочки, и двѣ пары настоящихъ штановъ...

— Великолѣпно, Оливеръ...—сказалъ я, но тотчасъ понялъ, что опять попалъ пальцемъ въ небо. Мальчики опять пошли за дерево совѣщаться. Они, очевидно, рѣшили, что пришла пора высказать напрямикъ всю правду, и Давидъ твердо началъ:

— Онъ проситъ не называть его больше Оливеръ...

— А какъ?

— Бейлей...

— Почему?

— Потому что онъ поступаетъ къ Пилькингтону...И послѣ этой субботы онъ уже играть съ нами больше не будетъ...

— Отчего же ему нельзя больше играть съ нами?

— Онъ поступаетъ къ Пилькингтону...

Тутъ я догадался уже въ чемъ дѣло. Мы пошли рядомъ втроемъ — Оливеръ важно шагалъ, съ видомъ человѣка, знающаго себѣ цѣну, и у Давида, казалось мнѣ, тоже былъ необычайно степенный видъ...

— Давидъ, — сказалъ я, опустивъ голову, — и ты тоже поступаешь къ Пилькингтону?

— Когда мнѣ будетъ восемь лѣтъ, тогда...

— И мнѣ нельзя уже будетъ тогда называть тебя Давидомъ, и ты не будешь играть со мною въ паркѣ?

Онъ взглянулъ на Бейлея, и Бейлей отвѣтнымъ взглядомъ поддержалъ въ немъ рѣшимость.

— О, нѣтъ, конечно, нѣтъ... — весело отвѣтилъ онъ.

И тогда я понялъ, что онъ уже не долго будетъ мнѣ

принадлежать. Это удивительно, какую мучительную боль можетъ причинить такой вотъ малышъ.

Я выпустилъ его руку изъ моей и нѣсколько минутъ шагалъ молча. Я придумывалъ печальный, драматическій конецъ нашей долгой повѣсти...

«Прошло десять лѣтъ, — заговорилъ я опять, — и оба нашихъ героя, превратившіеся въ двухъ беззаботныхъ молодыхъ людей, опять поѣхали на островъ, куда прибило ихъ въ дѣтствѣ волнами...

«Мы были одни, когда съ нами случилось несчастье? — спросилъ одинъ изъ нихъ, — или съ нами былъ еще кто-то, дѣлившій здѣсь съ нами наши злоключенія?—и другой, младшій изъ нихъ, отвѣтилъ: «Съ нами жилъ тутъ кажется, еще одинъ человѣкъ, съ большой собакой... Онъ, помнится, часто разсказывалъ мнѣ сказки въ Кенсингтонскомъ паркѣ, но я ничего о немъ уже не помню... Я даже имя его забылъ...»

Этотъ лирическій конецъ показался скучнымъ Бейлею, и онъ отбѣжалъ отъ насъ въ сторону. Давидъ же шелъ рядомъ со мной, и такъ тихо, что близость бури была для меня несомнѣнной... И вдругъ онъ вспыхнулъ огнемъ, бросился ко мнѣ и схватилъ меня за руку:

— Неправда, неправда!—закричалъ онъ въ слезахъ. — Неправда, я тебя никогда не забуду...

Это удивительно, сколько радости можетъ доставить такой вотъ малышъ!

— Забудешь, Давидъ, забудешь, — сказалъ я. — Но у меня былъ однажды мальчикъ... Я знаю, тотъ никогда бы меня не забылъ...

— Тимофей? — быстро спросилъ онъ. Онъ увѣренъ въ томъ, что Тимофей, дѣйствительно, существовалъ когда-то, и очень ревнуетъ меня къ нему. Онъ повернулся ко мнѣ спиной и горячо заплакалъ, а я стоялъ и ждалъ, пока онъ выплачетъ свои слезы... Затѣмъ, я, разумѣется, вымолилъ у него прощеніе, и мы съ нимъ объяснились, и онъ опять былъ веселъ и счастливъ... Но въ моихъ словахъ все-таки была правда... — Давидъ не мой сынъ, и забудетъ меня... А Тимофей — тотъ никогда бы меня не забылъ...

XXIII.

Варвара.

Судьба тѣмъ временемъ готовила мнѣ еще другой ударъ...

Хотя мы рѣдко видѣли теперь Бейлея, наша жизнь на необитаемомъ островѣ тѣмъ не менѣе шла своимъ чере-

домъ... Бейлея мы встрѣчали черезъ большіе промежутки времени, и явнаго отпечатка вліянія Пилькингтона не замѣчали на немъ... Мнѣ казалось даже, что онъ поглядываетъ на насъ съ сожалѣніемъ и грустью, и казалось, что онъ чувствуетъ себя не совсѣмъ ловко въ своихъ настоящихъ штанахъ отъ портного, словно застрявшая гдѣ-то яичная скорлупа безпокоила его и мѣшала свободѣ его движеній. Проходя мимо Давида, онъ смѣривалъ его недружелюбнымъ взглядомъ, толкалъ локтемъ въ бокъ, и называлъ его «малышомъ».

Когда Оливеръ исчезъ изъ парка, мы исключили его изъ нашей повѣсти, и прекрасно обходились безъ него. Скоро мы перекинули наши дѣйствія и на материкъ и стали наводить грозу на населеніе. Однажды Давидъ спросилъ меня:

— А Варвара будетъ жить съ нами?

У насъ поднимался иногда вопросъ о замѣщеніи Бейлея какимъ-нибудь другимъ малолѣтнимъ посѣтителемъ парка; нѣкоторые изъ сверстниковъ Давида очень даже добивались этой чести, но имя Варвары я услыхалъ впервые.

— Кто она такая? — спросилъ я.

— Моя сестра.

Я оторопѣлъ отъ изумленія.

— Ея еще нѣтъ, — безпечно добавилъ Давидъ, — но она скоро будетъ.

Эта новость была для меня и обидой, и горькимъ разочарованіемъ. Я всегда, правда, подозрѣвалъ, что эта Мери А. замышляетъ самые честолюбивые планы именно тогда, когда дѣлаетъ скромное невинное личико, но на такую наглость я не считалъ ее способной.

Я прошелъ по Широкой Аллеѣ, что-бы взглянуть на Иренъ, и ея лицо подтвердило мои догадки. Я сѣлъ на скамью и сталъ вспоминать послѣднія встрѣчи съ ея мужемъ... Мы встрѣчались время отъ времени, и даже обѣдали иногда вдвоемъ въ клубѣ. И каждый разъ мы говорили съ нимъ о Тимофеѣ, и когда въ разговорѣ упоминалось имя Мери, глаза наши тотчасъ разбѣгались въ разныя стороны... Наступало тягостное молчаніе, я чувствовалъ, что онъ улыбается, и думалъ съ раздраженіемъ: какого чорта онъ улыбается?.. Я вспоминалъ, что въ послѣдній разъ видѣлъ его за обѣдомъ въ его клубѣ — онъ былъ уже теперь членомъ какого-то клуба художниковъ, и Мери такъ гордилась этимъ, что даже напечатала это на своихъ визитныхъ карточкахъ,—и у него былъ въ этотъ день очень озабоченный видъ. Видъ человѣка, скрывающаго какую-то преступную тайну.

И когда мнѣ все наконецъ стало совершенно ясно, я громко и злобно разсмѣялся надъ самимъ собою, потому что, какъ разъ въ послѣднее время, я сталъ гораздо лучше относиться къ Мери... Она по-прежнему очень гордилась своимъ Давидомъ, и даже ко мнѣ ревновала его въ послѣднія недѣли, но я прощалъ ей это, такъ какъ объяснялъ ея ревность только материнской любовью... Отъ Давида я узналъ о какихъ-то несвойственныхъ ей вспышкахъ нѣжности... Я самъ видѣлъ, какъ она украдкой цѣловала его на улицѣ... И все, что она дѣлала, могло только служить опроверженіемъ всякаго предположенія о томъ, что ей нужно что-нибудь или кто-нибудь, кромѣ Давида... Какъ я могъ, не будучи женщиной, угадать, что этими необычными страстными проявленіями своей любви къ нему, она въ сущности прощалась съ нимъ?

Представьте себѣ только, читатель, этого чистосердечнаго мальчика, играющаго въ полной увѣренности, что все идетъ въ домѣ обычнымъ порядкомъ...

А, между тѣмъ, даже игрушки его дышатъ теперь какой-то тайной, грустной тревогой, особенно тотъ локомотивъ, который вы подарили ему вчера...

Неужели, Мэри, вы могли ему смотрѣть прямо въ глаза, когда дарили ему эту игрушку?.. Не завидую вамъ, сударыня, и не хотѣлъ бы я быть на вашемъ мѣстѣ, теперь, когда онъ обвиваетъ вашу шею своими нѣжными ручонками... Изъ его довѣрчивыхъ признаній, которыми онъ безотчетно выдаетъ васъ, я понялъ, что вы дѣлали недавно попытку подготовить его къ великой перемѣнѣ, и вы, я не сомнѣваюсь, способны увѣрять меня, что Давидъ не только очень радъ, но и чрезвычайно заинтересованъ предстоящимъ событіемъ... Но понялъ ли онъ, что это событіе означаетъ для него? Вы навѣрно не посовѣстились дать ему понять, что это подарокъ, спеціально для него придуманный. Но, неужели, сударыня, у васъ хватаетъ сердца обманывать ребенка?

Представьте себѣ, что Давидъ былъ бы предупрежденъ о томъ, что должно, повидимому, скоро случиться до того, какъ онъ у васъ родился? Вы увѣрены въ томъ, что онъ согласился бы родиться? Между матерью и ея первенцемъ существуетъ неписанный договоръ, и, надо замѣтить, первенецъ никогда этого договора не нарушаетъ. Онъ всегда остается первенцемъ... И потомъ, что скажутъ другіе мальчики, когда узнаютъ? Вамъ до пересудовъ и толковъ Кенсингтонскаго парка дѣла нѣтъ, но Давидъ не можетъ же не считаться съ ними... Право, сударыня, я полагалъ, что у васъ хватитъ благородства подождать хотя бы до тѣхъ поръ,

пока ему исполнится восемь лѣтъ, и онъ поступитъ къ Пилькингтону...

Вы воображаете, что вашъ мужъ теперь важная особа, потому что въ газетахъ, которыхъ никто не читаетъ, стали писать о его послѣднихъ планахъ и перспективахъ... Я знаю, что вы купили ему бархатную куртку, и что онъ снялъ большую, свѣтлую, удобную мастерскую на Мьюсъ-Лэйнъ, гдѣ вы принимаете два раза въ мѣсяцъ, по средамъ... Времена измѣнились, но—угодно вамъ выслушать одну исторію? Я хотѣлъ бы только показать вамъ, что я знаю ее...

Года три тому назадъ на одной выставкѣ выставлена была картина одного художника, отъ которой художникъ и его жена были въ восторгѣ... Но никто объ этой картинѣ не говорилъ, никто о ней не писалъ, и никто ея не покупалъ... Художникъ былъ удрученъ, жена его негодовала на нечуткость художественныхъ критиковъ.— И вдругъ картину пріобрѣлъ какой-то любитель, пожелавшій почему-то остаться неизвѣстнымъ. Художникъ и его жена были въ упоеніи, но больше всего радовало ихъ то, что покупателемъ этимъ былъ не я. Онъ пришелъ ко мнѣ, чтобы окончательно въ этомъ убѣдиться, гордо расхаживалъ по моимъ комнатамъ, и говорилъ о томъ, какъ дорого художнику сознаніе, что онъ понятъ и признанъ... Счастливчикъ.

Но нѣсколько мѣсяцевъ спустя, роясь зачѣмъ-то въ запертомъ обыкновенно чуланчикѣ, онъ нашелъ среди всякаго хлама и свою картину... И тогда жена, дрожа и плача, во всемъ ему созналась... Ей было такъ тяжело видѣть, что эта идіотская публика не цѣнитъ такого шедевра, у нея сердце разрывалось тогда, глядя на него... Она знала такъ же хорошо, какъ и онъ—вѣдь не даромъ же она прожила съ нимъ бокъ-о-бокъ столько лѣтъ,—что художникъ жаждетъ признанія, и потому она рѣшилась купить на свои сбереженія картину и спрятала ее въ чуланъ.. Художникъ пришелъ въ бѣшенство, а потомъ валялся у ногъ своей обожаемой жены. Да, это были вы, Мери. Но, Господи, я никакъ слагаю вамъ мадригалъ, а это вовсе не входило въ мои планы... Я хотѣлъ только сказать, что вы, кажется, переоцѣниваете свои силы, воображая, что теперь можете уже позволить себѣ все, что вамъ вздумается... По моему глубокому убѣжденію, эта затѣя произвести на свѣтъ Варвару не выдерживаетъ никакой критики...

Но какъ все-таки быть?... Я долго надъ этимъ размышлялъ и, наконецъ, набрелъ на способъ сломить упорство Мери... Я едва вѣрилъ въ эту счастливую возможность, и

боялся, что самъ же какъ-нибудь раскрою тайну заговора... Потому что это былъ заговоръ противъ нея...

Я давно уже зналъ со словъ Давида, что Мери задумала написать книгу. Дѣло въ томъ, что у меня имѣется небольшой печатный трудъ о военной тактикѣ, и я готовлю другую болѣе значительную работу на ту же тему, которую, вѣроятно, никогда не кончу. Я замѣтилъ, что Давидъ очень внимательно присматривается къ моимъ пріемамъ работы, и понялъ: онъ очевидно хочетъ научиться писать и помогать своей матери. Возможно, что мысль эта ему самому пришла въ голову, но возможно также, что ее внушила ему она... Давидъ съ своей стороны, конечно, не сомнѣвался въ томъ, что мать сумѣетъ написать книгу... Разъ я сумѣлъ написать книгу, стало-быть, это дѣло не Богъ вѣсть какое трудное... Она сочла также нужнымъ сообщить ему, что не я самъ печатаю мои книги, и это понятно уронило меня въ глазахъ Давида, такъ какъ за печатаніе онъ собственно восхищался, и хвасталъ мною въ Кенсигтонскомъ паркѣ...

— Ну, да... вы ни ящиковъ, ни буквъ сами не сдѣлали— сказалъ онъ мнѣ какъ-то тономъ глубоко разочарованнаго человѣка.

Дѣло въ томъ, что всѣ необходимыя мнѣ для работы выписки и замѣтки хранятся у меня въ нѣсколькихъ рядахъ расположенныхъ по алфавиту ящикахъ. И когда я дѣлаю новую замѣтку, касающуюся предмета, названіе котораго начинается съ буквы А, я опускаю листокъ въ ящикъ съ буквой А, и такъ дальше, къ величайшему удовольствію Давида, который опускаетъ листки въ соотвѣтствующіе ящики. Мнѣ пришлось сознаться, что ящики сдѣлалъ Уиллеръ и Гиббъ.

— Но буквы, Давидъ, я самъ сдѣлалъ, — добавилъ я.

— Онѣ сдѣланы хуже, чѣмъ ящики, — отвѣтилъ онъ.

Я догадался, конечно, что слова эти подсказаны были Давиду Мери, и, скрывая вспыхнувшую во мнѣ досаду, я замѣтилъ какъ бы между прочимъ:

— Ты скажи ей, Давидъ, что за книгу можно взяться лишь, когда ящики полны до краевъ... Это отобьетъ у нея охоту писать книгу.

Нѣсколько дней спустя, онъ сообщилъ мнѣ, что у нея есть уже одинъ ящикъ.

— Одинъ ящикъ,— презрительно проговорилъ я.

— Она сама сдѣлала его, — горячо возразилъ онъ.

О ходѣ ея работы я получалъ скудныя свѣдѣнія, отчасти потому, что Давидъ никогда не находитъ нужныхъ словъ, когда заходитъ рѣчь о практическихъ вещахъ, но, быть мо-

жетъ, Давидъ и потому еще не давалъ мнѣ подробныхъ свѣдѣній, что не находилъ во мнѣ сочувствующаго слушателя... Но когда Давидъ выпалилъ названіе книги «Бѣлая птичка»— мнѣ представилось почему то, что я книжку эту знаю, что я прочиталъ ее отъ первой до послѣдней страницы. Я зналъ, что бѣлая птичка, это дѣвочка, которую Мери такъ страстно хотѣла имѣть. Она такого типа женщина... Но пока у нея еще не было увѣренности въ осуществимости такого желанія, я искренне сочувствовалъ ей, независимо отъ сужденій о книгѣ, которыя я высказывалъ Давиду. Въ эти дни Мери полна была упоенныхъ мечтаній о своей книгѣ, и осѣняли ее они главнымъ образомъ утромъ, когда она еще полудремала въ кровати... Но едва она спускала ноги съ кровати, всѣ ея мечты разлетались, какъ стая спугнутыхъ птичекъ... По словамъ Давида, это ее очень разстраивало...

О, Мери, ваши мечты слишкомъ чисты, слишкомъ прекрасны, чтобы кто-нибудь могъ видѣть ихъ кромѣ васъ одной... Онѣ стыдливо таятся въ вашей душѣ... И выйдутъ онѣ наружу не книгой, а маленькой Варварой...

Но не эти слова, конечно, я поручилъ Давиду передать ей.

— Никогда она книги не напишетъ,—объяснилъ я Давиду.—На это у нея силъ не хватитъ. Можешь это передать отъ моего имени.

Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ я ничего больше о честолюбивыхъ замыслахъ Мери не слышалъ. Наконецъ я какъ-то спросилъ Давида, и узналъ, что она отказалась отъ мысли о книгѣ... Отчего—онъ объяснить не могъ, но мнѣ и безъ его объясненій все было ясно. Вся моя симпатія къ Мери развѣялась тогда, какъ дымъ, и я сталъ придумывать, какимъ образомъ я могъ бы наконецъ окончательно восторжествовать надъ ней. И придумалъ. Я рѣшилъ, даже не говоря объ этомъ Давиду, написать книгу «Бѣлая птичка», которой она написать не сумѣла, и затѣмъ выпустить ее въ свѣтъ, какъ разъ къ тому времени, когда она родитъ своего ребенка и будетъ воображать, что совершила Богъ вѣсть какой подвигъ. Была ли кѣмъ когда задумана и выполнена такая злодѣйская месть?..

Да, чортъ побери, книга приближается къ концу... Мы бѣжимъ съ нею голова въ голову и изо всѣхъ силъ стараемся другъ друга обогнать...

Съ такой же быстротой закончилъ я и исторію приключеній Давида.

— На этотъ разъ это уже, дѣйствительно, конецъ, — сурово сказалъ я. Я много разъ это повторялъ.

Она закончилась на побережьи Патагоніи, куда мы отправились съ тѣмъ, чтобы застрѣлить тихохода, самаго большого, какъ извѣстно, изъ всѣхъ звѣрей, живущихъ на землѣ. Величина его, однако, насъ нисколько не поразила... Давидъ, его отецъ и я вышли на берегъ, и закуривъ трубки, мы пошли къ нашей пещерѣ. Мери, одѣтая, съ роскошью восточной принцессы, пѣла и плясала впереди насъ. Былъ чудесный вечеръ, и мы, дружески болтая, любовались прелестнымъ созданіемъ...

Ночь прошла благополучно—только издали время отъ времени доносился ревъ тихохода.

Тѣмъ временемъ ко входу въ нашу пещеру медленно приближалась Иренъ, и мы видѣли, какъ она наклонилась со своимъ факеломъ надъ акулой, незадолго до того пойманной на гарпунѣ Давидомъ, и стала ее разсматривать.

Насъ клонило ко сну, кругомъ стояла глубокая убаюкивавшая насъ тишина... И вдругъ ночь огласилась пронзительнымъ крикомъ. Кричала Иренъ... Она влетѣла вихремъ въ пещеру съ какими-то вещами въ рукахъ—часы, пара сапогъ и номеръ газеты, которыя нашла въ животѣ акулы... Каково было наше изумленіе, когда, взглянувъ на газету, мы прочитали: въ Лондонѣ у Мери А. родился новый ребенокъ. Какой странный способъ придумалъ Соломонъ Воронъ, чтобы сообщить намъ такую новость!..

Мы пришли, конечно, въ необычайное возбужденіе и на слѣдующее же утро двинулись въ Лондонъ. Скоро мы увидали передъ собою бѣлые скалистые берега Альбіона. Мери себѣ мѣста не находила: такъ велико было ея нетерпѣніе увидать скорѣе своего ребенка... Она все время взволнованно металась по палубѣ.

— И я тоже! — вскрикнулъ Давидъ.

Выйдя на берегъ, мы тотчасъ-же кликнули извозчика.

— Никогда я не забуду, Давидъ,—сказалъ я,—волненія твоей матери.

Она поминутно высовывала голову изъ окна кареты и подгоняла кучера...

И какъ онъ стегалъ свою лошадь! Наконецъ онъ остановился передъ вашимъ домомъ, и мать своя выскочила, взбѣжала на лѣстницу и заколотила обоими кулаками въ дверь.

Давидъ, увлеченный правдивостью этой картины, возбужденно взвизгнулъ:

— Ключъ у папы!

— Онъ открылъ дверь, — спокойно сказалъ я, — твоя

мать влетѣла въ комнату и черезъ минуту сжимала въ своихъ объятіяхъ своего Веньямина...

Короткая пауза.

— Варвару,—поправилъ меня Давидъ.

— Веньямина,—упрямо повторилъ я.

— Развѣ это имя дѣвочки?

— Нѣтъ, это имя мальчика.

— Мама хочетъ имѣть дѣвочку,—растерянно замѣтилъ онъ.

— Мало ли чего ей хочется,—раздражительно отвѣтилъ я.—Это будетъ мальчикъ... Можешь передать ей это отъ моего имени...

Бѣдняжка, онъ не зналъ какъ ему быть... Въ его смущеніи не было и тѣни эгоистическаго чувства. Ему лично очень хотѣлось бы, чтобы это былъ мальчикъ, но въ данномъ случаѣ онъ совершенно не принималъ въ расчетъ своихъ желаній, и всей душою желалъ только осуществленія завѣтной мечты Мери.

— Варвара,—повторилъ онъ умоляющимъ голосомъ.

— Веньяминъ,—твердо отвѣчалъ я.

Я долго не сдавался, но дѣло было лѣтомъ, и въ концѣ концовъ я согласился сыграть съ нимъ партію крокета. Уговоръ былъ такой: если онъ выиграетъ, это будетъ дѣвочка, если я выиграю—будетъ мальчикъ.

XXIV.

Состязаніе.

Давно, давно уже Кенсингтонскій паркъ не былъ свидѣтелемъ такого азартнаго состязанія, какое состоялось между мною и Давидомъ. Но если другими страстными игроками руководила корысть или честолюбіе, то Давида вдохновляла только мысль о женщинѣ... О женщинѣ. Вѣрнѣе, о двухъ женщинахъ. Зрителей было мало. Время отъ времени проходили мимо гуляющіе, и никто изъ нихъ, конечно, не подозрѣвалъ, на какую ставку мы играемъ... И намъ мерещилось, что въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ стоитъ Варвара и взволнованно сбиваетъ хлыстикомъ головки маргаритокъ послѣ каждаго промаха Давида... Да, это былъ историческій матчъ.

Давиду хотѣлось играть на площадкѣ подлѣ Круглаго пруда, гдѣ онъ чувствуетъ себя, какъ дома, но я тотчасъ же сообразилъ, что здѣсь всѣ преимущества будутъ на его сторонѣ... Я настаивалъ на выборѣ мѣста, одинаково новаго для насъ обоихъ, и послѣ долгихъ препирательствъ мы оста-

новились на Фиговой аллеѣ... Палочки запрещено было вбивать здѣсь въ землѣ, но можно было сдѣлать мѣтки на деревьяхъ... Мы такъ и сдѣлали... Мѣсто, выбранное нами, было покато, и я съ тайной радостью смекнулъ въ одно мгновеніе, что тутъ я буду въ своей стихіи.

Мы бросили жребій—начинать игру надо было мнѣ. Я тщательно осмотрѣлъ ворота и приготовился сдѣлать первый ударъ. Обыкновенно мы начинаемъ игру веселыми забавными шутками, но на этотъ разъ я въ сосредоточенномъ молчаніи бросилъ первый шаръ. Давидъ снялъ куртку, засучилъ рукава, стиснулъ зубы, и я видѣлъ, что онъ намѣренъ съ блескомъ отразить мой первый ходъ.

Онъ играетъ довольно ловко и даже изящно, но иногда дѣлаетъ слишкомъ широкій размахъ и неминуемо теряетъ ходъ... Мы сражались, какъ львы. Но мало-по-малу стало ясно, что счастье на этотъ разъ на моей сторонѣ. Давидъ напрягалъ всѣ свои силы и вниманіе. Я сдѣлалъ неожиданно блестящій ударъ. Давидъ вздрогнулъ, смутился, и отразилъ мой ходъ неловкимъ прыжкомъ. Я насчиталъ уже двадцать три удара, а ему оставалась выиграть еще двадцать... У него былъ довольный, бодрый видъ, когда я передавалъ ему палочку, но часто я ощущалъ влажный слѣдъ на моей рукѣ, и мною овладѣвало опасеніе, что Давидъ можетъ не выиграть игры...

Между тѣмъ въ самомъ началѣ перевѣсъ успѣха былъ какъ будто на его сторонѣ, и около десяти ударовъ онъ сдѣлалъ прямо классическихъ. Но тутъ я сдѣлалъ ловкій ударъ.

— Не выходи изъ круга,—быстро крикнулъ я. Когда онъ обернулся и увидалъ, что опять сдѣлалъ промахъ, я испугался его лица. Оно было бѣлѣе снѣга. Съ удовольствіемъ вспоминаю еще другіе моменты этого матча. Онъ слишкомъ высоко подбросилъ въ воздухѣ шаръ своей лопаткой, и я его шара подхватить не успѣлъ.

— Подбрось еще разъ, — раздраженно воскликнулъ я и хотѣлъ уже опять метнуть, какъ вдругъ Давидъ рѣшительно направился ко мнѣ. Онъ былъ блѣденъ и взволнованъ.

— Я—трусъ,—жалобно проговорилъ онъ, — я молился, пока шаръ былъ въ воздухѣ.

Онъ молился о томъ, чтобы я не успѣлъ подхватить шаръ, а какъ я уже упоминалъ, молитва объ успѣхѣ въ игрѣ считалась въ Кенсингтонскомъ паркѣ поступкомъ малодушнымъ и недостойнымъ.

Дорогой мой Давидъ! У него были недостатки, прису-

щіе всѣмъ мальчикамъ, но у него было врожденное благородство.

— Мы этого хода считать не будемъ,—серьезно отвѣтилъ я.

Я полагаю, что нетерпѣніе читателя достигло теперь крайней точки напряженія... Поэтому спѣшу сообщить, что Давидъ выигралъ партію нѣсколькими блестящими ходами. Когда ясно стало, что побѣда за нимъ, онъ прижалъ къ сердцу свою лопатку и на мои кислыя поздравленія отвѣтилъ истерическимъ всхлипываніемъ. Черезъ минуту онъ уже мчался къ своей матери съ радостной вѣстью.

И вотъ такимъ образомъ и явилась на свѣтъ Варвара.

XXV.

Посвященіе.

Вчера только, послѣ обѣда, дорогой читатель, ровно три недѣли послѣ рожденія Варвары, я кончилъ книгу, да и то еще не совсѣмъ... Не хватало посвященія, за которое съ радостью принимаюсь теперь. Никогда еще я не испытывалъ такого чувства довольства, какъ теперь... Мнѣ кажется даже, что я книгу-то эту написалъ для того только, чтобы имѣть удовольствіе написать посвященіе.

«Сударыня, у меня нѣтъ никакого желанія торжествовать надъ вами,—язвительно началъ я,—но я обнаружилъ бы самую жалкую нечуткость къ ироніи судьбы, если бы не посвятилъ вамъ эту книженку. Потому что своимъ существованіемъ она обязана вамъ. Въ дни вашихъ честолюбивѣйшихъ мечтаній, вы грезили о томъ, что напишете сами книгу о Бѣлой птичкѣ. Отчего вы такъ быстро отказались отъ своего плана, я не знаю... Очевидно, вы были тогда заняты чѣмъ-то другимъ... Словомъ, сударыня, вы предпочли менѣе рискованную, и болѣе надежную дорожку и удовлетворились тѣмъ, что получили самую Птичку... Долженъ-ли я добавить, поднося вамъ книжку съ этимъ посвященіемъ, что я ея авторъ. Для васъ это, конечно, пустякъ, призракъ, но для меня — весьма существенная вещь... Примите увѣреніе въ томъ, что подношеніе это дѣлаю вамъ, исполненный самыхъ смиренныхъ христіанскихъ чувствъ. Остаюсь, сударыня, и проч., и проч.

Это была нелегкая, мучительная работа, потому что дерзость словъ явно сквозила изъ-подъ наведеннаго на нихъ лака. Я сидѣлъ и съ восторгомъ перечитывалъ ихъ опять и опять, когда кто-то, не постучавшись, открылъ дверь, и

я увидалъ передъ собою маленькаго мальчика, подталкивавшаго впередъ дрожавшую отъ смущенія даму.

— Папа,—сказалъ Давидъ,—это мама...

Познакомивъ насъ, онъ перенесъ свое вниманіе на электрическіе выключатели, и принялся зажигать и гасить свѣтъ съ такой быстротой, будто считалъ эти огни, напоминавшіе вспышки молніи, необходимой декораціей къ нашей первой встрѣчѣ... Кажется, на ней была шляпка съ голубыми перьями. Можетъ быть, это мало-правдоподобно, но я убѣжденъ въ томъ, что на ея слишкомъ кокетливой шляпкѣ были голубыя перья, а въ рукахъ она держала муфту... Муфта самое опасное оружіе въ рукахъ женщины, и такъ какъ даже больные люди не носятъ муфтъ ранней осенью, я тотчасъ сообразилъ, что она надѣла самыя красивыя свои вещи съ цѣлью прельстить меня. По глубокому моему убѣжденію, она вспомнила въ этотъ день, что носила голубое платье въ тѣ дни, когда я наблюдалъ ее изъ окна моего клуба... Да, эта Мери прелестная женщина, хотя и не въ моемъ вкусѣ... Она была блѣднѣе обыкновеннаго, и улыбалась трогательной улыбкой человѣка, близкаго къ обмороку. Это, конечно, было все напускное... Юбки ея мелодично шелестѣли въ моей комнатѣ, но возможно, что это былъ лишь обманъ слуха, ибо до этого дня стѣны мои не слышали шелеста женскихъ юбокъ... И вмѣстѣ съ тѣмъ меня раздражала тягостная мысль о томъ, что Мери при всей своей кажущейся смущенности очень хитрая, ловкая женщина...

Съ такой же быстротой, съ какой Давидъ открывалъ и закрывалъ выключатели, я быстро закрылъ пропускной бумагой посвященіе и холодно сказалъ:

— Садитесь, пожалуйста... — Но она все стояла, взволнованная, испуганная, и я видѣлъ, что она плотно сжала руки въ своей муфтѣ... Если бы намъ въ эту минуту представился какой-либо достойный способъ бѣгства, мы оба не преминули бы воспользоваться имъ...

— Мнѣ не надо было идти сюда,—нервно проговорила она и замолкла, ожидая отвѣта. Я кивнулъ головой.

— Мнѣ страшно было идти сюда—съ несомнѣнной уже искренностью добавила она.

— И все-таки я пришла,—закончила она сухо.

— Это краткій конспектъ всей вашей жизни, сударыня, —сказалъ я тогда и пододвинулъ ей кресло.

Она заговорила о моихъ прогулкахъ съ Давидомъ по Кенсингтонскому парку, о всякихъ пустякахъ, о которыхъ я не упоминалъ въ этой книгѣ, и моихъ выходкахъ въ от-

ношеніи ея въ тѣ дни, когда я бывалъ не въ духѣ, и голосъ ея былъ такъ же мягокъ и нѣженъ, какъ ея муфта. Она очаровательно произносила «р» и «с», совсѣмъ какъ произносятъ эти согласныя феи...

— И вотъ,—говорила она,—вы не хотѣли придти ко мнѣ, чтобы выслушать мою благодарность, и я пришла къ вамъ...

И самымъ нелѣпымъ образомъ выразила мнѣ свою благодарность. Тихо вынула одну руку изъ своей муфты, и улыбнулась мнѣ влажными глазами.

— Ахъ, Господи!—растерянно промолвилъ я, но руки ея не взялъ.

— Я еще не совсѣмъ окрѣпла—сказала она. Это была недостойная хитрость. Она сказала это затѣмъ лишь, чтобы я взялъ ея руку. И я взялъ ея руку и даже слегка пожалъ ее. Вслѣдъ за этимъ я быстро отошелъ къ окну. Мнѣ совѣстно стало посвященія, которое я написалъ.

Я отошелъ къ окну, потому что за ея спиной мнѣ легче было бы говорить съ нею суровымъ тономъ, и мнѣ сильно захотѣлось опять уязвить ее чѣмъ-нибудь.

—Когда вы кончите, сударыня,—сказалъ я послѣ долгой паузы—вы, быть можетъ, разрѣшите и мнѣ вставить слово?

Я видѣлъ только ея затылокъ, но по выраженію лица Давида, отразившаго ея быстрый взглядъ, брошенный на него, я понялъ, что мнѣ не удалось уязвить ее. Я даже почувствовалъ, — какъ и до того, впрочемъ, чувствовалъ, что хотя она очень взволнована и побаивается меня, однако, ей очень весело...

При такомъ ея настроеніи мои попытки уязвить ее, конечно, должны были отскакивать отъ нея, какъ горохъ отъ стѣны.

Тогда я взглянулъ на свои часы и сказалъ:

— Чѣмъ же, сударыня, вы объясняете всѣ мои поступки?

Она не отвѣтила словами, но вытянулась въ своемъ креслѣ, и я догадался по ея позѣ, что она придала своему лицу выраженіе безупречной скромности...

— Вы ошибаетесь, сударыня, — рѣзко бросилъ я, — вовсе не потому...

Къ величайшему моему удовольствію она вскочила съ кресла.

— Я этого никогда не говорила,—горячо, съ негодованіемъ начала она —Мнѣ это никогда и въ голову не при-

ходило. — И, помолчавъ немного, добавила: — Я даже не понимаю, почему вы объ этомъ заговорили...

Я, вѣроятно, улыбнулся, потому что она быстро отвернулась отъ меня, опустилась въ кресло, и опять стала маленькой, маленькой женщиной...

— Давидъ, — безжалостно промолвилъ я, — хочешь видѣть, какъ твоя мать вспыхиваетъ?

— Что это значитъ?

— Это значитъ—покраснѣть, какъ огонь.

Давидъ, тѣмъ временемъ успѣвшій уже испортить звонокъ, соединявшій мой кабинетъ съ людской, бросился къ матери.

— Я не покраснѣла, Давидъ,—вскрикнула она.

— Полагаю, что она теперь это сдѣлаетъ,— сказалъ я и съ деликатностью воспитаннаго человѣка отвелъ глаза въ сторону. Что именно произошло затѣмъ я поэтому сказать не сумѣю, но Давидъ вдругъ восторженно воскликнулъ:

— О, мама, еще разъ...

Но она, видимо, не хотѣла опять покраснѣть. Тогда онъ вскарабкался на каминную рѣшетку, чтобы посмотрѣть въ зеркало, не сумѣетъ ли онъ и самъ это сдѣлать... Мери повернула ко мнѣ свое скромное личико, на которомъ я прочелъ не упрекъ, а только материнскую нѣжность. Какое мужское сердце можетъ устоять передъ нѣжностью материнскаго взгляда?

— Видите,—сказала она съ сіяющими глазами и довѣрчивымъ движеніемъ поддалась ко мнѣ,—я и это могу простить... Вы давно уже заслужили право обижать меня...

У меня, конечно, мгновенно пропала всякая охота обижать ее, и въ душѣ моей шевельнулось новое для меня теплое чувство къ ней.

— А если я даже и подумала это на минуту, — начала она съ неувѣренной улыбкой.

— Что именно? — безобидно спросилъ я.

— То, о чемъ мы говорили,—отвѣтила она съ сердцемъ, но прощая мнѣ и этотъ вопросъ.—Если я и думала это... Ну, что же, это было для меня отрадой пока это длилось, и вѣдь это длилось такъ недолго. Я давно уже поняла, что вашимъ вниманіемъ ко мнѣ я обязана чему-то другому...

— Сударыня,—чистосердечно началъ я, — я не знаю, чѣмъ это было вызвано... Мое участіе въ вашей судьбѣ вѣдь было въ началѣ очень незначительно, и, если хотите, отчасти даже подсказывалось эгоизмомъ. Я помню, какое удовольствіе мнѣ доставляло когда-то любоваться легкой походкой

счастливой молоденькой бонны, бѣгавшей на свиданіе со своимъ возлюбленнымъ. Быть любимой — мнилось вамъ тогда такимъ огромнымъ счастьемъ, и я часто думалъ о томъ, какъ хорошо было бы, если бы вы могли оттянуть его какъ можно дольше. Быть можетъ, потому, что я помогъ однажды вашему счастью, уронивъ письмо на улицѣ, я понялъ, какъ легко, въ сущности, быть вамъ полезнымъ. Долженъ вамъ сказать, что я уже лѣтъ двадцать, какъ предпочитаю идти въ жизни самыми легкими путями.

Она покачала головой и улыбнулась.

— Вѣрьте моему слову,—сказалъ я.—никакой другой причины быть не могло...

— Доброе сердце,—проговорила она.

— Быть можетъ, скорѣе прихоть...—отвѣтилъ я.

— Или другая женщина,—сказала она.

Я опѣшилъ.

— Лѣтъ двадцать тому назадъ,—добавила оаа глухимъ, дрожащимъ, нѣжнымъ голосомъ, какъ будто не знала, что черезъ двадцать лѣтъ самые пылкіе романы покрываются плѣсенью.

Клянусь честью солата, такое объясненіе моего вниманія къ Мери никогда не приходило мнѣ въ голову, но я принялъ его къ свѣдѣнію, взялъ ея руку, и поднесъ къ губамъ, какъ поступилъ бы на моемъ мѣстѣ всякій другой старый холостякъ, если бы милая женщина сумѣла угадать его давно погребенную нѣжную тайну...

— Да, сударыня,—сказалъ я,—вы изволили сдѣлать очень чуткое наблюденіе... Въ немъ есть доля правды... Не будемъ больше говорить объ этомъ...

Но на столѣ подъ пропускной бумагой все еще лежало проклятое посвященіе. У меня никакого желанія не было больше ошарашивать ее имъ. Въ эту минуту я даже сочувствовалъ крушенію ея мечты о книжкѣ, на которую она возлагала столько честолюбивыхъ надеждъ.

— Если бы вы только не были такъ жадны и честолюбивы,—сказалъ я съ искреннимъ сочувствіемъ думая о ея недавнемъ разочарованіи въ своемъ писательскомъ талантѣ.

— Мнѣ хотѣлось обладать всѣми прекраснѣйшими въ мірѣ вещами... — согласилась она съ раскаяніемъ въ голосѣ.

— Это было неблагоразумно,—пожурилъ я ее, и, обращаясь уже къ ея разсудку, добавилъ: — Особенно ваша послѣдняя затѣя...

— Да, я знаю,—чистосердечно созналась она. И къ изумленію моему, торжествующе добавила:

— Но я все-таки получила то, чего хотѣла...

Мой взглядъ нѣсколько охладилъ ея восторгъ, она понизила тонъ и продолжала уже, какъ бы извиняясь,—я былъ увѣренъ, что она все говоритъ о своей писательской славѣ.

— Я знаю, что не заслужила этого, но все-таки получила то, о чемъ мечтала...

— О, сударыня, — укоризненно воскликнулъ я. — Да вы подумайте ... Что же вы такого сдѣлали?..

И я видѣлъ, какъ она перебирала мысленно всѣ свои достиженія — безцѣнный супругъ, сомнительная слава, Давидъ, Варвара и другія сокровища своего драгоцѣннаго ларца.

— А мнѣ кажется, что я все-таки что-то сдѣлала...

— Послушайте, сударыня, — воскликнулъ я уже съ раздраженіемъ, — я сейчасъ покажу вамъ одну вещь, о которой вы пламенно мечтали, и которой вы не добились...

Вы, конечно, знаете, что я хотѣлъ ей показать, и когда я сказалъ ей про книжку, она съ неслыханнымъ безстыдствомъ воскликнула:

— Книга... Я и забыла совсѣмъ объ этой книгѣ...

И, подумавъ немного добавила:

— Подумаешь, книга!

Если бы она не добавила: «Подумаешь, книга!» — я, быть можетъ, еще пощадилъ бы ее, но послѣ этого восклицанія, я рѣшительно поднялъ прессъ-папье и поднесъ ей рукопись.

— Это что? — спросила она.

— Это,—гордо отвѣтилъ я, — «Посвященіе», и отошелъ къ окну.

И вдругъ я услыхалъ за собою какой-то совершенно неожиданный звукъ... Это былъ, очевидно, смѣхъ, но она съ мгновенной быстротой подавила его. Тотчасъ же подошла ко мнѣ и, глядя на меня широкими ясными глазами, легко дернула меня пальцами за рукавъ... Давидъ тоже всегда дергаетъ меня за рукавъ въ внезапныхъ порывахъ нѣжности ко мнѣ.

— Какъ это характерно для васъ, — проговорила она.

— Характерно, — растерянно повторилъ я.

— И какъ мило...

— Мило вы находите?

— Но вѣдь самое-то существенное получила я, а у васъ всего только призракъ, — сказала она, — неужели вы этого не понимаете?

Я отлично понималъ, что это главный изъянъ въ моемъ посвященіи, но я никакъ не предполагалъ, что она это пой-

метъ... Я даже словъ не находилъ для отвѣта, до того я былъ удрученъ.

— Тутъ еще есть одна ошибка,—продолжала она.

— Простите, сударыня, больше здѣсь ошибокъ никакихъ нѣтъ.

— Я никогда не собиралась писать о моей Бѣлой птичкѣ, — сказала она.

Я вѣжливо - недовѣрчиво посмотрѣлъ на нее, и тогда она ошеломила меня такимъ заявленіемъ:

— Я хотѣла написать книгу о вашей Бѣлой птичкѣ. О маленькомъ мальчикѣ, котораго звали Тимофеемъ...

Она такъ очаровательно произносила имя «Тимофей»... Мы съ Давидомъ ушли въ другую комнату и оставили ее одну съ рукописью моей книжки... Когда мы вернулись опять, она преподнесла мнѣ сюрпризъ своей неожиданностью, превзошедшей всѣ другія неожиданности этого дня...

Она и смѣялась и плакала, что, конечно, было въ порядкѣ вещей, потому что кто же не сталъ бы смѣяться и плакать надъ книгой, написанной на такую интересную тему, какъ мы сами...

— Но,—добавила она,—какъ вы заблуждаетесь, воображая, что книга эта написана обо мнѣ и о моемъ мальчикѣ... Эта книга о Тимофеѣ...

Въ первое мгновеніе слова ея показались мнѣ нелѣпымъ вздоромъ, но, подумавъ немного, я согласился въ душѣ, что это, пожалуй, и правда, и сразу присмирѣлъ передъ этой проницательной, умненькой женщиной.

— Въ концѣ концовъ, — сказала она, всплеснувъ руками,—Давидъ всплескиваетъ руками, когда его осѣняетъ внезапная счастливая догадка,—въ концѣ концовъ, это все же моя книга...

— Но въ ней нѣтъ вашихъ прекрасныхъ мыслей, которыя вы бы, вѣроятно, вложили въ нее,—смиренно добавилъ я.

Она понизила голосъ, словно не желая, чтобы Давидъ слышалъ ея дальнѣйшія слова:

— Я бы только приписала еще къ этой книгѣ счастливый конецъ.

Она проговорила это такъ тихо и робко, что я едва было не растаялъ отъ нѣжности къ ней, и вдругъ съ неожиданной увѣренностью добавила:

— Бѣлая птичка должна была бы принести въ своемъ клювѣ масличную вѣтвь...

Она долго и серьезно говорила мнѣ о великомъ планѣ, который взлелѣяла и выносила въ своемъ сердцѣ, и дерну-

ла меня за рукавъ, словно испрашивая моего согласія... Я почтительно слушалъ ее, улыбаясь материнской заботливости этой молоденькой женщины о моей судьбѣ, и когда она кончила, напомнилъ ей, что мнѣ уже сорокъ семь лѣтъ...

— Для мужчины это ничего не значитъ,—нагло отвѣтила она.

— Отцу моему не было еще сорока семи лѣтъ, когда онъ умеръ,—сказалъ я,—и, помню, онъ мнѣ казался уже старикомъ...

— Но вы вѣдь себѣ не кажетесь старикомъ?—настойчиво продолжала она.—Вы вѣдь порою навѣрно еще чувствуете себя совсѣмъ-совсѣмъ молодымъ. Когда вы играете въ паркѣ съ Давидомъ, развѣ вы не чувствуете временами приливы молодости... Скажите...

— Мери А.,—вскрикнулъ я, испугавшись вдругъ этой женщины,—я покорнѣйше прошу не дѣлать сегодня больше психологическихъ открытій...

Но она опять вернулась къ прежней темѣ разговора, которая, очевидно, и привела ее ко мнѣ.

— Я знаю столько милыхъ женщинъ,—вкрадчиво вставила она.

—Я въ этомъ нисколько не сомнѣваюсь,—отвѣтилъ я. —Разъ онѣ ваши знакомыя, стало быть, навѣрно, милыя женщины...

— Не такъ, чтобы очень уже молодыя, — начала она опять, заминаясь немного,—и, быть можетъ, не очень красивыя...

Но она только-что прочитала главу о моей молодой любви и пристыженно замолкла, почувствовавъ, очевидно, что нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, предлагать такія вещи человѣку, который когда то въ счастливые дни своей жизни могъ остановить свой выборъ только на прекраснѣйшей во всемъ мірѣ женщинѣ.

Мои мысли тоже обратились къ прошлому, и передо мной въ послѣдній разъ мелькнула въ синей мглѣ соснового лѣса маленькая соломенная шляпка. Съ этой страницы мы съ Мери вернулись къ дѣйствительности.

Я, кажется говорилъ вамъ, читатель, что разговоръ этотъ происходилъ не далѣе, какъ вчера.

— Ладно,— сказалъ я съ напускною бодростью,—я приду къ вамъ чай пить, и мы потолкуемъ объ этомъ...

Больше ей ничего и не нужно было отъ меня, но когда она добилась наконецъ того, чего ей хотѣлось, ея милые искренніе глаза затуманились слезами... Она отлично понимала, что нѣтъ ничего прекраснѣе молодой любви...

Теперь пришелъ мой чередъ утѣшать ее.

— Послѣ двадцати лѣтъ одиночества, Мери, — сказалъ я, улыбаясь ея слезамъ, — человѣкъ становится менѣе требовательнымъ къ людямъ и къ жизни... Я накопилъ въ себѣ большой запасъ нѣжности, а подлѣ меня нѣтъ никого, на кого я могъ бы ее излить... Клянусь вамъ честью стараго солдата, если одна изъ этихъ женщинъ сумѣетъ меня полюбить, я буду очень счастливъ...

Мери мой отвѣтъ какъ будто чрезвычайно обрадовалъ, однако, отъ моего вниманія не ускользнуло и ея удивленіе. Я и самъ себѣ удивился. Но то, что я говорилъ — была правда.

Пер. съ англійскаго **А. Даманской.**

ДИСПУТЪ [1].

Генрихъ Гейне.

Трубъ ликующіе звуки
Оглашаютъ залъ въ Толедо,
Гдѣ народъ собрался слушать
Богословскую бесѣду.

Не заблещетъ здѣсь оружье,
И не будетъ грубой свалки—
Тутъ копьемъ послужитъ слово
Въ схоластической закалкѣ.

То сошлись не для турнира
Два галантныхъ палладина,—
Предстоитъ единоборство
Капуцина и раввина.

Кто Господь нашъ настоящій:
Богъ-ли то евреевъ старый
И единый, чей поборникъ
Рабби Юда изъ Наварры,

Или это триединый
Богъ, по вѣрѣ христіанской,
Чей поборникъ—патеръ Хозе,
Настоятель Францисканскій?

---

[1] По цензурнымъ условіямъ эта сатира въ русскомъ переводѣ никогда еще въ печати не появлялась. Отсутствуетъ она и въ такъ называемомъ «Полномъ собраніи сочиненій» Гейне, редактированномъ П. И. Вейнбергомъ. *Примѣч. пер.*

Подбирая аргументы
И логическія звенья,
И ссылаясь на ученыхъ,
Вѣсъ которыхъ—вѣтъ сомнѣнья,—

Хочетъ каждый ad absurdum
Привести слова другого,
Доказавши превосходство
Іисуса иль Еговы.

Рѣшено, что тотъ, кто признанъ
Побѣжденнымъ въ заключенье,
Перейти тотчасъ обязанъ
Въ побѣдившее ученье,

Что окреститъ іудея
Францисканецъ въ наказанье,
И обратно,—что монаха
Ожидаетъ обрѣзанье.

И раввина, и монаха
Окружаютъ ихъ клевреты—
Раздѣлить судьбу съ вождями
Принесли они обѣты.

Въ торжество Христовой вѣры
Твердо вѣрятъ капуцины—
Со святой водой купели
Притащили на крестины,

И ужъ держатъ наготовѣ
Дароносицы, кадила.
Между тѣмъ ножи евреи
Точатъ злобно о точила.

Такъ стоятъ, готовясь къ схваткѣ,
Обѣ своры въ центрѣ зала,
И народъ нетерпѣливо,
Напряженно ждетъ начала.

Подъ блестящимъ балдахиномъ,
Съ королемъ супругомъ рядомъ,
Озираетъ кругъ придворныхъ
Королева дѣтскимъ взглядомъ.

Носикъ вздернутый, французскій,
Шаловливыя гримаски,
Устъ смѣющихся рубины—
Сколько чары, сколько ласки!

Какъ цвѣтокъ она прекрасна.
Боже, бѣдную помилуй!
Съ береговъ веселой Сены
Привезли ее въ немилый

И суровый край испанскій,
Въ душный воздухъ Эскурьяла.
Бланшъ Бурбонъ въ отчизнѣ звали,
Донной Бьянкой нынѣ стала.

Самъ король былъ прозванъ Педро
Грознымъ—слугами своими,
Но въ хорошемъ настроеньи
Лучше онъ, чѣмъ это имя.

Онъ сегодня благосклоненъ
И къ придворнымъ, и къ лакеямъ.
Говоритъ онъ комплименты
Даже маврамъ и евреямъ.

Эти рыцари безъ крайней
Плоти цѣнны дону Педро—
И солдатамъ деньги платятъ,
И казну ссужаютъ щедро.

Раздались удары въ бубны,
Возвѣщаетъ звукъ гобоя,
Что открылись словопренья,
Что схватились два героя.

Настоятель францисканскій
Началъ рѣчь въ печали кроткой—
Голосъ то гремитъ свирѣпо,
То гнуситъ слащавой ноткой.

Помянувъ Святого Духа
И призвавъ Отца и Сына,
Экзорцируетъ онъ злое
Сѣмя Якова - равина,—

Вѣдь извѣстно, что при спорахъ
Часто чортъ сидитъ въ евреѣ
И подсказываетъ мысли
Побойчѣй, да поостре.

Вслѣдъ затѣмъ, изгнавши бѣсовъ
Чудодѣйствомъ экзорцизма,
Онъ толкуетъ катехизисъ
Съ точки зрѣнья догматизма.

Говоритъ, что три особы
Въ божествѣ обычно скрыты,
Но бываютъ, если нужно,
И въ одной персонѣ слиты;

Что постигнуть это чудо
И повѣрить не на шутку
Можетъ только тотъ, кто броситъ
Вызовъ здравому разсудку;

Что родился нашъ Спаситель
Въ Назаретѣ, въ скромномъ хлѣвѣ
И внушенъ Святымъ былъ Духомъ
Сохранившей дѣвство Дѣвѣ;

Что лежалъ Господь нашъ въ ясляхъ.
И смотрѣли, выгнувъ спины,
На него бычекъ и телка
Взоромъ набожной скотины;

Что бѣжалъ Господь въ Египетъ,
Жизнь отъ Ирода спасая,
Но затѣмъ его постигла
Въ Іудеѣ участь злая,

Ибо Понтіемъ Пилатомъ,
По навѣтамъ фарисеевъ,
Былъ онъ отданъ на распятье
Въ руки мерзостныхъ евреевъ;

Что уже на третьи сутки
Гробъ Господь пустымъ оставилъ,
И прямымъ путемъ оттуда
Въ небо свой полетъ направилъ;

Но, когда настанетъ время,
Онъ на землю возвратится—
И живымъ и мертвымъ тварямъ
Повелитъ на судъ явиться.

«Горе вамъ, жиды!»—воскликнулъ
Тутъ монахъ:— «постигнетъ мщенье
Всѣхъ, подвергшихъ Іисуса
Бичеванью и мученью».

«О, жиды-христопродавцы!
Ваше племя дышетъ местью,
Надругались вы надъ Богомъ
И его благою вѣстью.

«Родъ жидовскій—это падаль,
Гдѣ гнѣздятся злыя змѣи,—
Вы казармы для бѣсовскихъ
Легіоновъ, іудеи!»

«Такъ сказалъ Ѳома Аквинскій,
Мужъ великій и ученый,
Свѣточъ знанья, кѣмъ прославленъ
И гордится міръ крещеный.

«Кровожадны, какъ шакалы
И, какъ волки, вы свирѣпы.
Вы—могильныя гіены,
Расхищающія склепы.

«О, жиды, жиды! Вы свиньи,
Кабаны и обезьяны,
Крокодилы и вампиры,
Носороги и павьяны.

«Если-жъ цѣнно вамъ, проклятымъ,
Вашихъ бѣдныхъ душъ спасенье,—
Прочь изъ мерзкой синагоги
Въ наши мирныя селенья—

«Въ свѣтлый храмъ любви Христовой—
Тутъ вамъ головы окатитъ,
Изъ святой струясь купели,
Ключъ Господней благодати.

«Смойте съ вашихъ душъ нечистыхъ
Первородный грѣхъ Адама—
Вѣковѣчное проклятье,
Тяготѣвшее надъ вами!

«Божіи гласъ ужель не внятенъ?
Онъ зоветъ васъ, неофитовъ,
На груди Христа стряхнете
Вы порока паразитовъ.

«Былъ нашъ Богъ любви пророкомъ
И подобенъ кроткой лани,
И распятъ онъ въ искупленье
Человѣческихъ дѣяній.

«Былъ нашъ Богъ любви пророкомъ,
Заповѣдавшимъ смиренье.
Перенять хотимъ у Бога
Мы великое ученье—

«И поэтому такъ кротки,
Такъ безгрѣшны въ нашей вѣрѣ.
Мы воспитаны на свѣтломъ
Искупителя примѣрѣ.

«Мы когда-нибудь на небѣ
Превратимся въ агнцевъ чистыхъ,
Со стеблями лиліи въ ручкахъ,
Непорочныхъ и лучистыхъ.

«Вмѣсто рубищъ мы надѣнемъ
Бѣлоснѣжные хитоны
Изъ муслина и изъ шелка,
Ленты пестрыя, попоны;—

«И не будетъ лысинъ. Будутъ
Виться кудри золотыя.
Заплетать ихъ станутъ въ косы
Намъ подруги молодыя,—

«И насколько будутъ шире
Для вина на небѣ кубки,
Будутъ уже тамъ настолько
У небесныхъ женщинъ губки.

«Вѣчно будемъ пить блаженство
Винныхъ чаръ и поцѣлуя
Съ пѣсней «Кирiе-Элейсонъ»,
Съ гимномъ свѣтлымъ «аллилуя».—

Такъ закончилъ онъ. Монахи,
Убѣдясь, что одолѣли,
Стали было для крещенья
Наполнять водой купели,—

Но больны водобоязнью
Всѣ евреи отъ рожденья.
Рабби Юда изъ Наварры
Слово взялъ для возраженья.

«Ты хотѣлъ во мнѣ удобрить
Почву духа для посѣва,
Забросавъ меня навозомъ
Сквернословiя и гнѣва.

«На прiемахъ —отпечатокъ
Воспитанья и пошиба...
Не сержусь я и по дружбѣ
Говорю тебѣ: спасибо!

«Наше племя догматъ тройцы
Воспринять совсѣмъ не въ силѣ—
Всѣ мы правило тройное
Въ дѣтствѣ твердо заучили.

«Совмѣстились три особы
Въ вашемъ богѣ? Что-жъ, немного!—
У язычниковъ шесть тысячъ
Разныхъ формъ и видовъ бога.

«Но о богѣ Iисусѣ
Не имѣю я извѣстiи,
Съ дѣвой-Матерью встрѣчаться
Не имѣлъ я также чести.

«Если съ нимъ—хотя промчались
Съ той поры уже столѣтья—
Приключилась непрiятность,
Радъ объ этомъ пожалѣть я,

«Но евреи ли убiицы—
Врядъ ли кто нибудь дознался,
Если самъ delicti corpus
Къ третьей ночи затерялся.

«Что въ родствѣ онъ съ нашимъ Богомъ—
Это просто чьи то бредни,
Ибо, сколько намъ извѣстно,
Былъ бездѣтенъ сей послѣдniи.

«Для людского рода Богъ нашъ
Не согбенъ подъ крестной ношей,
Не былъ онъ ни филантропомъ,
Ни ягненкомъ, ни святошей.

«Не любовь онъ воплощаетъ
И не склоненъ къ благочестью,
Богъ нашъ—это громъ небесный,
И ты правъ—онъ дышетъ местью.

«Гнѣвъ Господний мечетъ стрѣлы
И разитъ виновныхъ мѣтко.
Отдаленные потомки
Часто платятся за предка.

«Нашъ Господъ царитъ доселѣ
Средь небеснаго чертога,
И вовѣкъ не прекратится
Въ небесахъ господство Бога.

«И притомъ онъ Богъ здоровый,
А не мивъ какой-то хилый,
Тощiй, блѣдный, какъ облатка,
Иль какъ призракъ изъ могилы.

«Богъ силенъ. Подъемлетъ солнце
И луну его десница.
Люди мрутъ, валятся троны,
Если вдругъ онъ обозлится.

«Всемогущъ онъ. Пѣснь Давида
Говоритъ: «Величье Божье
Безгранично. Твердь и море
Для ноги его—подножье.»

«Богъ нашъ очень музыкаленъ,
Любитъ звуки арфъ и пѣнье,
Только къ звону колоколенъ
Онъ питаетъ отвращенье.

«Есть у Бога въ морѣ рыба.
Слышалъ о Левіаѳанѣ?
Каждый день часокъ играетъ
Съ нимъ Господь нашъ въ океанѣ.

«Только въ день девятый Аба,
Въ день, когда былъ храмъ разваленъ,
Не играетъ Богъ нашъ съ рыбой,
Слишкомъ онъ тогда печаленъ.

«Рыба въ сотню миль длиною;
Точно Огъ, король Васанскій,
Плавники ея громадны;
Хвостъ ея—какъ кедръ ливанскій.

«Но у рыбы мясо вкусно
Такъ, что просто объѣденье.
Въ день возстанія изъ мертвыхъ
Богъ отправитъ приглашенье

«Всѣмъ, кто праведны и чисты,
Съ нимъ совмѣстно отобѣдать
И его любимой рыбы,
Рыбы Господа отвѣдать,

«Трюфелями и изюмомъ
Фаршированной умѣло,
Частью въ соусѣ чесночномъ,
Частью-же съ подливкой бѣлой.

«Въ этомъ соусѣ чесночномъ
Рѣдька плаваетъ въ приправу;
Я увѣренъ, патеръ Хозе,
Что наѣшься ты на славу.

«Но и бѣлую подливку
Непремѣнно ты попробуй—
Ею ты, мой патеръ Хозе,
Ублажишь свою утробу.

«Знаетъ въ кухнѣ толкъ Создатель,
Такъ не будь-же ты болваномъ,
И, разставшись съ крайней плотью,
Насладись Левіаѳаномъ!»—

Такъ противника прельщаетъ
Онъ умильными рѣчами,
И евреи начинаютъ
Ужъ помахивать ножами,

Чтобъ католиковъ побѣдно
Разлучить съ ихъ плотью крайней,
Съ этимъ spolium opimum
Въ ихъ борьбѣ необычайной.

Но враги за вѣру предковъ
И за плоть свою держались,
Не хотѣли съ ней разстаться
И упорно не сдавались.

Снова слово взялъ католикъ
И, глумясь надъ рабби Юдой,
Такъ и плещетъ бранью, словно
Не пустой ночной посудой.

Реплицируетъ нашъ рабби,
Затаивъ въ душѣ обиду,
И хоть кровь кипитъ отъ гнѣва.
Все-же онъ спокоенъ съ виду.

Онъ ссылается на Мишну.
Комментаріи, трактаты,
Наконецъ, изъ «Таусфесъ-ёнтефъ»
Онъ заимствуетъ цитаты.

Но какое богохульство
Допустилъ католикъ грубый!
Онъ послать себѣ позволилъ
«Таусфесъ-ёнтефъ» къ чорту въ зубы.

«Тутъ всему конецъ, о, Боже!»—
Крикнулъ рабби въ изступленьи
И мгновенно взбѣленился—
Видно, лопнуло терпѣнье.

«Таусфесъ-ёнтефу» велишь ты
Къ чорту въ зубы убираться?
Покарай кощунство, Боже,
Ниспровергни святотатца,

«Ибо «Таусфесъ-ёнтефъ»—это
Ты, создатель, и фигляру,
Что унизилъ «Таусфесъ-ёнтефъ»,
Долженъ ты назначить кару.

«Пусть его поглотитъ бездна,
Какъ Корея злую свору,
Что преступно предавалась
Мятежу и заговору,—

«Грянь-же самымъ громкимъ громомъ,
Отомсти ты изувѣру!—
На Содомъ и на Гоморру
Ты наслалъ вѣдь прахъ и сѣру.

«Порази ты капуциновъ,
Какъ однажды фараона,
Отъ котораго спасались
Бѣгствомъ мы во время оно

«Изъ Египта; онъ сто тысячъ
Войска выслалъ для погони,
Потрясавшаго мечами
И закованнаго въ брони;

«Но простеръ ты только руку—
И все войско супостата
Съ нимъ совмѣстно захлѣбнулось
Въ Красномъ морѣ, какъ котята,—

«Такъ ударь по капуцинамъ,
Чтобъ не думали обломы,
Что твой гнѣвъ уже не страшенъ,
Что твои заглохли громы!

«Я тогда твою побѣду
Восхвалять не перестану,
И пущусь, какъ Мирьямъ, въ пляску
И ударю по тимпану.—

Но разгнѣваннаго рабби
Перебилъ католикъ рьяный:
«Чтобъ ты самъ пропалъ, проклятый,
Чтобъ ты сгинулъ, окаянный!

«Мнѣ не страшенъ богъ твой грязный,
Не боюсь чертей нимало—
Люцифера, Вельзевула,
Астарота, Беліала.

«Не боюсь твоихъ я духовъ,
Темной силы преисподней,—
Самъ Христосъ въ меня вселился—
Плоти я вкусилъ Господней.

«Іисусъ—мое причастье,
Имъ я лакомиться стану,
Не притронусь я къ дрянному
Твоему Левіѳѳану.

«Чѣмъ съ тобою долго спорить,
Лучше бъ я въ усердьи вящемъ
И тебя, и компаньоновъ—
Всѣхъ сварилъ въ котлѣ кипящемъ».

Такъ за вѣру и за Бога
Изступленно спорятъ оба,
И конца не видно спору,
И не можетъ стихнуть злоба.

Споръ часовъ двѣнадцать длится,
Но противники упрямы.
Очень публика устала
И потѣютъ сильно дамы.

Всѣ придворные зѣваютъ
И клюютъ отъ скуки носомъ.
Наконецъ, король къ супругѣ
Обращается съ вопросомъ:

«Каково рѣшенье ваше?
Чья религія мудрѣе?
Подаете-ли вы голосъ
За монаха иль еврея»?

Донна Бьянка посмотрѣла
На супруга въ размышленьи,
И прижавъ ко лбу ладони
Такъ сказала въ заключенье:

«Ничего не разобрала
Я ни въ той, ни въ этой вѣрѣ,
Но мнѣ кажется, что оба
Портятъ воздухъ въ равной мѣрѣ».

Перевелъ **И. Мандельштамъ.**

УЧИТЕЛИ УЧИТЕЛЕЙ.

Древнѣйшія культуры человѣчества и ихъ взаимоотношеніе [1].

1. Наука и традиція.

Греки началомъ исторіи считали Троянскую воину, и отъ нихъ этотъ взглядъ перешелъ ко всѣмъ европейскимъ историкамъ, съ той разницей, что наука новаго времени признала миѳомъ и самый походъ Агамемнона. Для историковъ XVIII и начала XIX вѣка, событія 2-го тысячелѣтія до Р. Х. уже представлялись лежащими за предѣломъ исторіи. Не только «происхожденіе мидянъ и персовъ» казалось «темно и непонятно», но и весь міръ Египта, почти до завоеванія его Камбизомъ, былъ окутанъ непроницаемымъ мракомъ. Въ XVIII в. даже геніальный Гиббонъ тщетно пытался, въ одномъ юношескомъ своемъ сочиненіи, сколько-нибудь освѣтить легендарный образъ «Сезостриса Великаго». Такимъ образомъ, вся жизнь культурнаго человѣчества рисовалась заключенной въ тѣсныя границы трехъ тысячелѣтій, считая отъ 1184 г. до Р. Х.,—предполагаемый годъ паденія Иліона.

Ученые долго мирились съ крайними несообразностями, какія представляла такая хронологія, съ дряхлостью египетской цивилизаціи на самой зарѣ ея исторіи, съ противорѣчащими показаніями Библіи, индійскихъ преданій, даже нѣкоторыхъ античныхъ авторовъ, начиная съ Геродота, съ иными выводами, къ которымъ вели данныя геологіи, антропологіи и самой архео-

[1] Рядъ статей, объединенныхъ общимъ заглавіемъ «Учители учителей», является сжатымъ изложеніемъ курса лекцій, прочитанныхъ авторомъ, въ февралѣ-апрѣлѣ текущаго года, въ Народномъ Университетѣ, имени Шанявскаго, въ Москвѣ. Основныя положенія статей были ранѣе изложены авторомъ, также въ формѣ публичной лекціи, прочитанной дважды, въ январѣ этого года, въ Баку. Какъ въ публичныхъ чтеніяхъ, обращенныхъ къ аудиторіямъ съ весьма разнообразнымъ составомъ слушателей (по ихъ научной подготовкѣ), такъ и въ журнальныхъ статьяхъ, авторъ не считалъ умѣстнымъ входить въ нѣкоторыя подробности чисто - ученаго характера. Поэтому изъ статей исключены, по большей части, ссылки на источники, какъ безполезныя для читателей не-спеціалистовъ, и сокращена, до послѣдней возможности, критика взглядовъ и теорій, съ которыми авторъ не согласенъ (въ случаяхъ крайней необходимости критическія соображенія даны въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ). Точно такъ же перечень литературы предмета ограниченъ лишь самыми выдающимися сочиненіями, притомъ — легко доступными для русскаго читателя. Всѣ эти ограниченія будутъ восполнены въ отдѣльномъ изданіи лекціи, приготовляемомъ нынѣ къ печати, которому будетъ предпосланъ спеціальный критическій разборъ возможныхъ возраженій на теорію автора и полный списокъ источниковъ, использованныхъ имъ для его работы.

логіи,—наукъ, впрочемъ, еще мало развитыхъ въ XVIII в. Мирились и съ тѣмъ, что существовала традиція, шедшая изъ отдаленнаго прошлаго, которая утверждала гораздо большую древность человѣческой цивилизаціи. Согласно съ этой традиціей, культурнымъ мірамъ Египта и Месопотаміи предшествовалъ, на сотни столѣтій, культурный міръ погибшей Атлантиды, въ свою очередь имѣвшій предшественника въ еще болѣе древнемъ мірѣ Лемуріи. Но опиралось такое историческое ученіе только на значеніе *преданія*, на нѣкоторыя общія соображенія и на доводы аналогіи. Наука XIX в., раціональная и позитивная по существу, признававшая только свидѣтельства «буквы» и «камня», проходила мимо традицій съ пренебреженіемъ, какъ бы не замѣчая ихъ. Ученые предпочитали мириться съ несообразностями, нежели допустить въ науку что-либо, не подтвержденное документально.

Можно сказать, что въ началѣ XIX в. для мыслящаго человѣка предоставлялся выборъ между двумя концепціями міровой исторіи. Первая концепція, быть можетъ, преувеличивая и увлекаясь, считала сотнями тысячелѣтій. Она учила о четырехъ «расахъ», поочередно принимавшихъ скипетръ культурнаго владычества на землѣ: желтой, красной, черной и бѣлой. Бѣлая раса, господствующая нынѣ, признавалась позднимъ цвѣткомъ на древѣ человѣчества, передъ которымъ расцвѣтали три другихъ. Расцвѣтъ наиболѣе пышнаго изъ нихъ—культуры красной расы, культуры атлантовъ, заложившихъ первоосновы всего, чѣмъ и понынѣ живетъ человѣчество въ области духовной,—падалъ, согласно съ традиціей, на отдаленнѣйшія эпохи отъ 800—200 тысячелѣтій до нашей эры... Эта историческая концепція была не только объектомъ вѣры, но и предметомъ изученія и изслѣдованій въ тѣхъ кругахъ ученыхъ, которымъ обычно дается названіе оккультистовъ и въ числѣ которыхъ можно упомянуть имена: Луи де Сенъ-Мартена (1743—1803), Фабра д'Оливе (1767—1825), Элифаса Леви (1810—1875), Луи Лукаса (1816—1863), Ш. Фовети (1813—1894), изъ позднѣйшихъ—Станислава де Гуаита, Сентъ-Ивъ д'Альвейдра и др.

Вторая концепція заключала исторію въ гораздо болѣе скромные предѣлы, хронологически. Исходнымъ пунктомъ для нея являлась античная древность, т. е. 1-ое тысячелѣтіе до Р. Х. Историки знали, что Элладѣ и Риму предшествовали культуры Египта и Месопотаміи, но предполагали, что ничего истинно значительнаго достигнуто ими не было, что эллины, перенявъ, можетъ быть, нѣкоторыя, чисто-внѣшнія, культурныя завоеванія своихъ восточныхъ сосѣдей, были первыми, среди людей, работниками въ области духовной. Именно эллинамъ приписывали историки всѣ основоположенія нашей науки, нашего искусства, нашей гражданственности. Во всякомъ случаѣ, исторія не хотѣла, не располагая для того документальными данными, признавать особо-глубокую древность ни за Египтомъ, ни за царствами Двурѣчія. Допуская, что начатки цивилизаціи развивались тамъ во 2-мъ тысячелѣтіи до Р. Х., историки тотчасъ за этой

эпохой ставили вѣка «желѣзный», «бронзовый» и «каменный»‘ считая ихъ временами варварства, полудикаго состоянія, сходнаго съ бытомъ современныхъ дикарей. Такая историческая концепція преподавалась еще въ началѣ XIX в., со всѣхъ университетскихъ каѳедръ и раздѣлялась всѣми, самыми выдающимися историками того времени. То былъ «общепринятый взглядъ», дошедшій, въ нѣкоторыхъ школьныхъ учебникахъ, типа нашего Иловайскаго, до самаго конца миновавшаго столѣтія.

Однако, XIX в. былъ ознаменованъ цѣлымъ рядомъ замѣчательныхъ историческихъ открытій, которыя, въ самомъ основаніи, поколебали эту, тогда для всѣхъ привычную, концепцію. Слѣдовавшія одно за другимъ, эти открытія произвели въ историческомъ знаніи переворотъ настолько сильный, что сравнить его можно лишь съ тѣми коренными измѣненіями самой исходной точки зрѣнія, какія были вызваны въ философіи— критицизмомъ Канта или, ранѣе, въ космологіи— откровеніемъ Коперника. Первымъ изъ такихъ открытій было чтеніе египетскихъ іероглифовъ и, одновременное съ нимъ, чтеніе клинописи; позднѣе слѣдовали: обнаруженіе Троянскихъ древностей, микенской культуры и, наконецъ, культуры эгейской; нѣсколько въ сторонѣ стоятъ, но не менѣе значительны,— изслѣдованія культуры яфетидовъ на Кавказѣ и «тихоокеанской» культуры. [1] Словно удары могучаго тарана, эти открытія сокрушили цитадель исторической науки недавняго прошлаго. За тѣмъ, что считалось конечнымъ предѣломъ исторіи, вдругъ открылись неизмѣримыя дали вѣковъ и тысячелѣтій. То, что раньше представлялось всей «исторіей человѣчества», оказалось лишь ея эпилогомъ, заключительными главами къ длинному ряду предшествующихъ главъ, о существованіи которыхъ наука долгое время не подозрѣвала или не хотѣла подозрѣвать.

Какъ извѣстно, послѣ находки арміей Бонапарта въ Египтѣ такъ называемой «Розетской плиты», Жанъ Шамполіонъ, а за нимъ Эммануилъ де-Руже овладѣли тайной египетскихъ іероглифовъ и раскрыли для науки ту «книгу за семью печатями», какой, въ теченіе 20 столѣтій, оставались папирусы долины Нила и монументальныя надписи фараоновъ. Одновременно, и даже нѣсколько раньше, Георгъ Гротефельдъ и Генри Раулинсонъ нашли ключъ къ клинообразнымъ письменамъ, которыми, въ теченіе тысячелѣтій, переговаривались между собой всѣ народности передней Азіи, и наукѣ стала доступна огромная литература «цилиндровъ», «кирпичныхъ книгъ» и разнообразныхъ сообщеній, вырѣзанныхъ на скалахъ. Ученые получили возможность читать на языкѣ древнихъ египтянъ, шумеровъ, вавилонянъ, древнѣйшихъ персовъ, ассирійцевъ и другихъ народовъ, дѣйствовавшихъ на аренѣ исторіи задолго до появленія на ней

[1] Кавказскіи культурный міръ «яфетидовъ» открытъ для науки акад. Н. Я. Марромъ; на значеніе «тихоокеанской» культуры должное вниманіе обратилъ Fenollose. (Подробнѣе объ этомъ будетъ сказано въ слѣдующихъ главахъ).

эллиновъ и тѣмъ болѣе римлянъ. Болѣе не приходилось ограничиваться сомнительными и путанными извѣстіями греческихъ историковъ, чтобы изучить жизнь Древняго Востока. Историки получили въ руки «первоисточники», подлинныя лѣтописи, своды законовъ, научныя и литературныя произведенія тѣхъ временъ, которыя еще недавно казались баснословными. Дали 2-го, 3-го, 4-го и даже 5-го тысячелѣтія стали подлежать историческому обслѣдованію въ той же мѣрѣ и тѣми же методами, какъ эпоха Карла Великаго, если не «стараго режима». «Начало исторіи» пришлось сразу передвинуть на 30 вѣковъ въ глубь прошлаго, и культурное человѣчество какъ бы сдѣлалось вдвое старше, такъ какъ жизнь его охватило уже не три только тысячелѣтія, но шесть, считая съ 4241 года, — предполагаемый годъ основанія египетскаго календаря.

Должно отдать долгъ справедливости историкамъ конца XIX вѣка. Получивъ въ свое распоряженіе подлинные матеріалы по исторіи Древняго Востока, они взялись за ихъ разработку съ усердіемъ и рвеніемъ поразительными. Въ короткій промежутокъ нѣсколькихъ десятилѣтій, цѣной неустаннаго труда двухъ-трехъ поколѣній ученыхъ сдѣлано было для исторіи Египта и Передней Азіи едва ли не столько же, сколько для античной исторіи за всѣ предшествующіе 20 вѣковъ.[1] Былъ возсозданъ цѣлый міръ, казалось, навсегда погребенный подъ высокими насыпями Месопотаміи и въ каменныхъ усыпальницахъ долины Нила. Воскресли образы далекаго прошлаго, современнаго первымъ библейскимъ патріархамъ, возстали изъ могилъ цари и герои, о которыхъ разсказывалъ свои басни Геродотъ, осуществились пророчества халдейскихъ владыкъ, писавшихъ въ своихъ горделивыхъ отчетахъ: «мои дѣянія гласятъ вѣкамъ, изъ рода въ роды!» Предсталъ ожившимъ, въ своемъ, порой чудовищномъ, величіи, въ своей ослѣпительной пестротѣ, въ своемъ ужасѣ и очарованіи, Древній Востокъ, міръ Тутмосовъ, Рамсесовъ, Ассархаддоновъ, Ассурбанипаловъ. Мы научились правильно произносить имена этихъ царей, до неузнаваемости искаженныя

[1] Первыя удачныя попытки читать и понимать іероглифы и клинопись — относятся къ 1802 г.: въ этомъ году Акербладъ составилъ почти полный демотическій алфавитъ для египетскаго языка, а Гротефельдъ разобралъ собственныя имена въ клинописномъ текстѣ. Но окончательно египтологія и ассирологія стали на ноги лишь въ серединѣ вѣка. Шамполіонъ умеръ въ 1832 г., и его главный трудъ, египетская грамматика, вышелъ въ свѣтъ уже по смерти автора; экспедиція въ Египетъ Лепсіуса, положившая твердое основаніе египтологіи, состоялась въ 1842 — 1845 г.; около того же времени работали «творцы» египтологіи — Маррізтъ и де-Руже. Чтеніе клинописи вполнѣ установлено Раулинсономъ тоже только въ 40-хъ годахъ и окончательно признано учеными кругами только въ 50-хъ; въ 1857 г., въ Лондонѣ, состоялось то извѣстное ученое засѣданіе, на которомъ были сравнены три, независимыхъ другъ отъ друга, перевода клинописнаго текста, оказавшихся почти тождественными, что убѣдило ученыхъ въ правильности заключеній новѣйшей ассирологіи. Такимъ образомъ, наука получила возможность пользоваться данными іероглифической и клинописной литературы лишь во второй половинѣ XIX вѣка, и вся разработка исторіи «Древняго Востока» падаетъ на годы отъ 1860 до нашихъ дней, т. е. обнимаетъ всего 0 — 60 лѣтъ.

греками, узнали ихъ истинные подвиги, вмѣсто которыхъ знали прежде лишь домыслы да легенды, прочли законы, изданные въ тѣ вѣка, записи, составленныя сподвижниками древнѣйшихъ завоевателей, гимны, пѣвшіеся при служеніи богамъ того міра, и даже цѣлую дипломатическую переписку одной изъ тѣхъ эпохъ, своего рода «синюю» или «оранжевую» книгу временъ фараоновъ (такъ называемый «Телль-эль-Амарнскій архивъ»).

Три тысячелѣтія египетской исторіи, двѣ вавилонскихъ имперіи, держава митани, держава хетовъ, Эламское царство, Ассирія, могущество мидянъ и персовъ,—всѣ эти «эпизоды» міровой исторіи прочно и уже навсегда вошли въ науку. Но и въ той исторической концепціи, которая сложилась послѣ успѣховъ «египтологіи» и «ассирологіи», оставался существенный пробѣлъ: изъ нея совершенно исключенъ былъ Западъ. Арена исторіи была передвинута и заняла долину Нила, африканскія пустыни, каменистыя плоскогорія Малой Азіи и глубокую лощину Двурѣчья; Европа же была словно обезлюжена, въ томъ числѣ ея южные полуострова, на которыхъ впослѣдствіи должны были расцвѣсти величественныя культуры Эллады и Рима. По молчаливому соглашенію историковъ, было какъ будто признано, что въ тѣ вѣка, когда Востокъ кипѣлъ жизнью, когда тамъ шумными потоками струилась дѣятельность политическая, научная, литературная, художественная, когда строились пирамиды или воздвигались «висячіе сады», когда тронъ занимали религіозные фанатики, вродѣ Эхнатона, или мудрые юристы, вродѣ Хаммураби,—Европа являла вертепъ запустѣнія, какую-то дебрь, гдѣ скитались чуть не троглодиты, еще не вышедшіе изъ каменнаго вѣка.

Насколько опредѣленно держался такой взглядъ въ наукѣ, можно судить хотя бы по тому, что еще недавно широкимъ признаніемъ пользовалась теорія «финикійскаго вліянія», до послѣднихъ десятилѣтій воспроизводившаяся въ школьныхъ учебникахъ. Ученые, и весьма видные, [1] настаивали, что зачатки цивилизаціи были занесены въ Европу финикійскими купцами, которые, бороздя Средиземное море въ поискахъ за прибылью, являлись благодѣтельными «культуртрегерами» и на побережьяхъ Греціи, и на южныхъ берегахъ Испаніи, Франціи, Италіи. Увѣряли, что именно финикійцы научили полудикихъ обитателей Эллады, Сициліи и Галліи примитивнѣйшимъ элементамъ культурной жизни: обработкѣ металловъ, дѣланію пурпурной краски, выдѣлкѣ стекла, затѣмъ счету и письму. Между тѣмъ, теперь выяснено, что сами финикійцы выступили на историческую арену едва ли раньше конца 2-го тысячелѣтія до Р. Х., около 1000 г., когда культура Древняго Востока стояла у послѣдней грани своего паденія, а самобытная культура Европы уже лежала въ могилѣ, послѣ роскошной жизни, длившейся не менѣе 25 вѣковъ. Правда, въ серединѣ XIX вѣка археологія обна-

[1] Поборникомъ «финикійскаго вліянія» выступалъ, напр., Гельбигъ въ своей книгѣ «Sur la question Mycéenne», еще въ 90-хъ годахъ XIX вѣка

ружила въ Европѣ рядъ памятниковъ, принадлежащихъ эпохѣ, которая предшествовала исторической Элладѣ, напр., вазы, такъ называемаго «восточнаго» стиля, съ геометрическимъ орнаментомъ; еще раньше были извѣстны такъ называемыя «Львиныя ворота» въ Микенахъ. Но, въ силу устаиовившагося взгляда, въ такихъ памятникахъ видѣли только раннюю стадію эллинскаго искусства и относили ихъ къ періодамъ, не заходящимъ за VII вѣкъ до Р. Х., никакъ не допуская, чтобы нѣкоторые были гораздо болѣе древними.

Открытіе самобытной культуры Европы, т. е. расцвѣтшей на европейской почвѣ, связано съ именемъ геніальнаго самоучки-Генриха Шлиманна, не прошедшаго строгой школы и осмѣлив‘шагося повѣрить преданіямъ больше, чѣмъ «документальнымъ свидѣтельствамъ». Шлиманнъ съ ранняго дѣтства увѣровалъ въ реальное существованіе Гомеровой Трои и потомъ уже не захотѣлъ отказаться отъ своей красивой мечты, несмотря на всѣ доводы ученыхъ, твердившихъ, что это—миѳъ. Сынъ бѣднаго протестанскаго пастора въ Мекленбургъ-Шверинѣ, Шлиманнъ родился въ 1822 г., слѣдовательно, учился по книгамъ начала XIX столѣтія. Въ нихъ нашелъ онъ соображенія, что Троянская война — не что иное, какъ видоизмѣненіе одного изъ обще-арійскихъ миѳовъ, въ которомъ олицетворены повседневныя явленія небеснаго свода: Елена Прекрасная это—красное солнышко, похищаемое Парисомъ, т.-е. тучей черной, но спасаемое быстроногимъ Ахилломъ, т.-е. вѣтромъ буйнымъ, и т. п.[1] Въ тѣхъ же книгахъ говорилось еще, что эпопеи о гнѣвѣ Ахилла, сына Пелея, и о странствіяхъ многоопытнаго Одиссея — никакъ не творенія вдохновеннаго поэта-слѣпца, но плохо склеенныя между собой пѣсенки разныхъ бродячихъ гусляровъ, которые выпрашивали подачки во дворцахъ мелкихъ греческихъ князьковъ, а за то прославляли и ихъ самихъ, и ихъ предковъ въ рапсодіяхъ о вымышленной войнѣ, и что, наконецъ, самое имя Гомеръ—нарицательное и значитъ «собиратель».[2] Шлиманнъ не поддался авторитету наиболѣе чтимыхъ историковъ и всю свою жизнь посвятилъ безумной, какъ казалось другимъ, мечтѣ: найти остатки миѳическаго Иліона. Въ тѣ годы это представлялось столь же нелѣпымъ, какъ если бы кто-нибудь задумалъ разыскивать подлинную могилу Донъ-Кихота Ламанчскаго, или обломки лѣстницы, которую видѣлъ во снѣ Іаковъ.

Автобіографія Шлиманна, въ Германіи ставшая популярной книгой, даетъ яркій примѣръ упорной вѣры въ свое дѣло. Жизнь была сурова къ мечтательному сыну провинціальнаго па-

[1] Подобныя теоріи развивали Максъ Мюллеръ, Кунъ, Крейцеръ и др. Въ основѣ почти всѣхъ миѳовъ Максъ Мюллеръ, напр., искалъ представленія о солнцѣ, а миѳологію, вообще, называлъ «болѣзнью языка», не допуская въ миѳическомъ разсказѣ никакого историческаго ядра. Взгляды Макса Мюллера одно время имѣли широкое распространеніе.

[2] Такова была теорія Фридриха-Августа Вольфа, развитая имъ въ «Prolegomena in Homerum», 1789 г. Съ нѣкоторыми видоизмѣненіями эта теорія держалась въ наукѣ до самаго конца XIX вѣка, и, въ своей основѣ, понынѣ имѣетъ много сторонниковъ.

стора. Въ юности Шлиманнъ бѣдствовалъ до такой степени, что однажды принужденъ былъ просить милостыни на дорогѣ подъ Амстердамомъ и, по недостатку средствъ, не могъ закончить даже среднюю школу. Но, почти нищій, полуобразованный, Шлиманнъ продолжалъ свою увѣренность противопоставлять утвержденіямъ всей европейской науки и мечтать объ организаціи экспедиціи для открытія древней Трои. Энергія превозмогла всѣ препятствія; Шлиманнъ добился не только благосостоянія, но богатства, позволявшаго не стѣсняться въ расходахъ, и успѣлъ собрать разнообразныя познанія, необходимыя для осуществленія завѣтнаго предпріятія,—между прочимъ, выучился многимъ языкамъ, обоимъ античнымъ, почти всѣмъ ново-европейскимъ, арабскому. Разбогатѣвъ и ликвидировавъ дѣла, Шлиманнъ отдался мечтѣ своей юности, добился султанскаго фирмана съ разрѣшеніемъ на раскопки, нашелъ подготовленныхъ помощниковъ, собралъ рабочихъ и уѣхалъ къ подножію горы Иды, на берега высохшаго Скамандра. Послѣ трехъ лѣтъ утомительныхъ трудовъ и громадныхъ расходовъ, цѣль, поставленная себѣ сѣдымъ мечтателемъ, была достигнута: Пергамы были раскопаны, городъ, куда Парисъ увезъ жену Менелая, открытъ. Въ 1874 г., въ книгѣ «Троянскія древности» Шлиманнъ объявилъ urbi et orbi, что нашелъ Гомерову Трою, что каждый желающій можетъ лично освидѣтельствовать ея останки. Преданіе оказалось болѣе правымъ, чѣмъ скептицизмъ науки, мечта—реальнѣе, чѣмъ соображенія ученыхъ.

Впечатлѣніе отъ открытій Шлиманна было сильнѣйшее; ученый міръ пришелъ въ волненіе; одни оспаривали выводы археолога-самоучки, другіе ихъ восторженно привѣтствовали. Возгорѣлся ученый споръ вокругъ раскопаннаго города или, вѣрнѣе,—раскопанныхъ городовъ, такъ какъ Шлиманнъ обнаружилъ цѣлый рядъ развалинъ, лежавшихъ слоями, одни надъ другими. Противники Шлиманна доходили до того, что обвиняли мечтателя-милліонера въ недобросовѣстности и подлогахъ. Однако, уже поддерживаемый многими авторитетными лицами, Шлиманнъ продолжалъ свою работу, дважды возвращался къ раскопкамъ въ Троѣ, велъ раскопки въ Микенахъ, Орхоменѣ, Тиринѳѣ, вездѣ открывая замѣчательные памятники далекаго прошлаго. Постепенно, подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ находокъ, историки принуждены были единодушно признать важность сдѣланныхъ Шлиманномъ открытій. Одно время наука даже склонна была переоцѣнивать ихъ значеніе. Энтузіазмъ Шлиманна, убѣжденнаго, что онъ отыскалъ именно городъ Пріама, заразилъ многихъ; стали писать изслѣдованія о бытѣ Гомерова времени на основаніи вещественныхъ данныхъ, находя между новыми археологическими открытіями и показаніями эллинскаго эпоса полное соотвѣтствіе, совершенное совпаденіе. [1]

[1] Такъ Гельбигъ, въ 1886 г., издалъ книгу, подъ заглавіемъ «Гомеровскій эпосъ и его отраженіе въ вещественныхъ памятникахъ», въ которой настаивалъ, что открытія Шлиманна во всемъ подтверждаютъ данныя «Иліады» и «Одиссеи».

Однако, ни противники Шлиманна, ни его сторонники, ни онъ самъ не сознавали, въ полной мѣрѣ, значенія его раскопокъ. Лично Шлиманнъ, въ своихъ работахъ и особенно въ своихъ выводахъ, сдѣлалъ не мало существенныхъ и губительныхъ ошибокъ. Въ этомъ сказалась все же недостаточность научной подготовки, но также сказалось и извѣстное подчиненіе научнымъ взглядамъ своего времени. Мѣсто для раскопокъ Шлиманнъ выбралъ чрезвычайно удачно; въ этомъ отношеніи онъ тоже отдалъ предпочтеніе преданію предъ соображеніями науки, начавъ копать тамъ, гдѣ Иліонъ стоялъ по античной традиціи, тогда какъ ученые историки помѣщали мѣсто дѣйствія «Иліады» въ 25 километрахъ въ сторону. Но самыя раскопки велись далеко не систематически и не осторожно. Шлиманнъ былъ чуждъ безкорыстно-научныхъ интересовъ; его влекло лишь то, что было связано съ излюбленнымъ имъ Гомеромъ. Поэтому Шлиманнъ оставлялъ безъ вниманія исключительно-важныя находки, если онѣ, по его мнѣнію, не имѣли отношенія къ Пріамовой Троѣ, и искалъ непремѣнно зданій и вещей, упомянутыхъ Гомеромъ. Энтузіастъ-милліонеръ даже въ частной жизни окружилъ себя «гомеровскими» воспоминаніями, назвавъ своего сына Агамемномъ, дочь—Андромахой, домашнихъ слугъ—именами изъ «Иліады»; а при раскопкахъ онъ былъ удовлетворенъ лишь тогда, когда ему казалось, что открыты или «Скеискія врата», или «гробница Агамемнона», или «сокровищница Атреевъ», или «дворецъ Одиссея» (на Итакѣ) и т. под. Но такъ какъ съ популярной точки зрѣнія Троянская война оставалась «началомъ исторіи» (европейской), то археологъ-самоучка стремился зарыться какъ можно дальше въ землю, полагая, что памятники столь древней эпохи должны лежать особенно глубоко подъ почвой.

Всѣхъ слоевъ развалинъ въ мѣстѣ, гдѣ копалъ Шлиманнъ, было девять, соотвѣтственно 9 поселеніямъ, стоявшимъ тамъ въ различныя эпохи. Второй городъ, считая снизу, носилъ слѣды большого пожара, и Шлиманнъ поспѣшилъ отожествить это поселеніе съ Троей Гомера. Позднѣйшія, болѣе внимательныя наблюденія (сотрудника Шлиманна, Дерпфельда, и др.) признаютъ за городъ той эпохи, которая изображена у Гомера, шестой по счету (т. е. 4-ый сверху). Стремительно углубляясь въ землю, Шлиманнъ не только проглядѣлъ слѣды этого города, но и многое въ немъ безвозвратно разрушилъ кирками своихъ рабочихъ. Мечтатель-милліонеръ, дѣйствительно, нашелъ Иліонъ, но прошелъ мимо него; въ самомъ дѣлѣ, открылъ нѣчто значительное, даже поразительное, но истолковалъ его совершенно невѣрно. Подлинная Пріамова Троя, которую Шлиманнъ пренебрежительно обошелъ, была изучена уже впослѣдствіи. Памятники же, имъ открытые и отожествленные съ различными свидѣтельствами Гомера, получили позднѣе иное толкованіе, которое придало имъ новое, быть можетъ, гораздо болѣе важное значеніе, нежели ожидалъ Шлиманнъ.

Когда историки ближе всмотрѣлись въ результаты раскопокъ, произведенныхъ Шлиманномъ и его сотрудниками, стало

несомнѣнно, что ново-открытые памятники не только не стоятъ въ полномъ соотвѣтствіи съ данными Гомера, но во многомъ. расходятся съ ними и прямо имъ противорѣчатъ. Одно изъ расхожденій было особенно разительно. Изъ «Иліады» и «Одиссеи» хорошо извѣстны погребальные обычаи эпохи: умершаго сожигали на кострѣ изъ благовонныхъ деревъ и потомъ на мѣстѣ костра насыпали курганъ. Раскопки Шлиманна обнаружили, напротивъ, роскошныя усыпальницы, подобіе египетскихъ пирамидъ; покойника хоронили въ землѣ или склепѣ, бальзамируя тѣло, на лицо возлагая золотую маску. Между тѣмъ, обрядъ погребенія всегда, у всѣхъ народовъ, остается неизмѣннымъ въ теченіе весьма долгаго времени: такіе обычаи видоизмѣняются лишь вѣками. Помимо того, раскопки свидѣтельствовали о жизни гораздо болѣе сложной, нежели бытъ героевъ Гомера: о болѣе высокой техникѣ въ обработкѣ металловъ, о сношеніяхъ съ заморскими странами, въ частности съ Египтомъ, о высшей ступени, достигнутой искусствомъ, о болѣе обширныхъ научныхъ познаніяхъ, напр., въ математикѣ, о несомнѣнномъ употребленіи письменъ, не упоминаемыхъ Гомеромъ (кромѣ одного глухого намека о «гибельныхъ знакахъ»). Чѣмъ больше накоплялось фактовъ, [1] относящихся къ культурѣ, впервые открытой Шлиманномъ, тѣмъ становилось неоспоримѣе, что она рѣшительно отлична отъ Гомеровой и вообще ранне-эллинской. Необходимо было признать, что дѣло идетъ не о той или другой стадіи эллинской цивилизаціи, но о культурѣ другого происхожденія и другого народа. Когда это выяснилось вполнѣ (въ 90-хъ годахъ прошлаго вѣка),—установились наименованія «микенская культура», «микенскія древности», опредѣляющія обособленность вновь открытой цивилизаціи, но не предрѣшающія рѣшенія вопроса объ ея происхожденіи. Вопросъ этотъ продолжалъ оставаться загадкой.

Разгадку, или намекъ на разгадку, получила наука уже только въ самомъ концѣ XIX вѣка, благодаря раскопкамъ на Критѣ. Онѣ были задуманы и намѣчены еще Шлиманномъ, но ему не удалось получить соотвѣтствующее разрѣшеніе у турецкаго правительства. Только критская революція 1897 г. сдѣлала возможной научно-археологическую работу на островѣ. Честь начать ее, успѣшно повести и достигнуть блестящихъ результатовъ. выпала на долю Артура І. Эванса, который съ 1900 г. предпринялъ систематическія раскопки въ разныхъ мѣстахъ Крита и открылъ на немъ центръ и область высшаго развитія той самой культуры, проявленія которой ранѣе были обнаружены Шлиманномъ въ Греціи и Малой Азіи. Между прочими замѣчатель-

[1] Позднѣе, напр., на основаніи фресокъ, рисунковъ и др. данныхъ, выяснилось, что обитатели Шлиманновой Трои и всѣ народы общей съ ними культуры, стыдились обнажать тѣло, особенно заботливо прикрывая ноги, тогда какъ Эллада была классической страной красоты. «У мидянъ, какъ почти у всѣхъ варваровъ, даже мужчина считаетъ для себя большимъ позоромъ, если его увидятъ нагимъ», говоритъ Ѳукидидъ (I, 6; Платонъ, Госуд., кн. V).

ными открытіями, Эвансъ раскопалъ на островѣ своеобразные дворцы-лабиринты, служившіе резиденціями критскихъ государей, и въ ихъ числѣ—наибольшій, такъ называемый Кносскій лабиринтъ, который былъ извѣстенъ античной древности подъ названіемъ вообще лабиринта «критскаго» (въ отличіе отъ египетскаго). Въ этомъ случаѣ, традиція, преданіе еще разъ одержали побѣду надъ научнымъ скептицизмомъ. Размѣры и характеръ Кносскаго лабиринта оказались вполнѣ соотвѣтствующими разсказамъ объ немъ, сохранившимся у античныхъ историковъ и въ эллинскихъ миѳахъ. Между тѣмъ, новая наука упорно не хотѣла допускать реальное существованіе критскаго лабиринта, и ученые увѣренно утверждали, что, если и существовало на Критѣ строеніе, подавшее поводъ къ миѳамъ о Дедалѣ, Минотаврѣ, Пасифаѣ, Тесеѣ, Аріаднѣ и др., то, конечно, оно имѣло мало общаго съ разсказами Геродота, Овидія и другихъ довѣрчивыхъ писателей древности [1]. Нанерекоръ этимъ неосторожнымъ утвержденіямъ, критскій лабиринтъ предсталъ предъ глазами изслѣдователей, какъ предстала ранѣе Гомерова Троя. Миѳъ опять оказался фактомъ; отъ баснословнаго зданія, нашлись стѣны, колонны, лѣстницы, балюстрады, и современные археологи стояли, быть можетъ, въ той самой залѣ, гдѣ когда-то царевичъ Тесей разилъ Минотавра.

Свидѣтельства раскопокъ были безспорны. Наука должна была признать, что на европейской почвѣ, въ Греціи и на Критѣ, захватывая и побережье Малой Азіи, процвѣтала самостоятельная культура, предшествовавшая эллинской и не представляющая собою ея ранней стадіи, напротивъ того,—стоявшая на болѣе высокой ступени развитія. Эта культура получила названія, также не касающееся ея сущности,—«крито-микенской», въ знакъ общности памятниковъ Крита и Микенъ, или «эгейской», такъ какъ слѣды ея обнаружены преимущественно по побережью Эгейскаго моря, или еще «минойской», по имени легендарнаго критскаго царя Миноса (что было, повидимому, не собственнымъ именемъ, но титуломъ критскихъ государей). Опредѣленіе хронологическихъ датъ этой вновь открытой культуры досталось, конечно, не сразу, но, въ концѣ концовъ, было установлено, что начало эгейской цивилизаціи теряется въ отдаленнѣйшемъ прошломъ, а расцвѣтъ ея совпадаетъ съ расцвѣтомъ культуръ египетской и древне-месоиотамскихъ. Такимъ образомъ, разрушены были послѣднія опоры прежней концепціи міровой исторіи. Не только античный міръ не оказался «началомъ исторіи», но выяснилось, что ему предшествовали на нѣсколько тысячелѣтій могущественныя культуры, какъ въ Азіи, такъ и въ Европѣ.

---

[1] Нѣкоторые историки, даже конца XIX вѣка, рѣшительно объявляли критскій лабиринтъ «созданіемъ народной фантазіи». Характерно въ этомъ отношеніи категорическое утвержденіе, нашедшее себѣ мѣсто въ популярномъ Энциклопедическомъ Словарѣ Брокгаузъ-Ефрона, въ томѣ, изданномъ въ 1896 г., т.-е. всего за четыре года до открытія Кносскаго лабиринта.

Древнѣйшіе памятники этихъ культуръ восходили къ отдаленному времени за 40 и больше вѣковъ до нашей эры.

При всемъ томъ загадкой оставалось для науки,—и остается до нашихъ дней,—происхожденіе этихъ древнѣйшихъ культуръ человѣчества, въ томъ числѣ египетской и эгейской. Между ихъ ранними, но уже во многихъ отношеніяхъ совершенными созданіями и эпохой примитивнаго быта—не найдено посредствующихъ, связующихъ звеньемъ. Помимо того, между всѣми древнѣйшими культурами, въ частности между эгейской и египетской, замѣчены поразительныя аналогіи, не объясняемыя заимствованіями одной у другой. Наконецъ, на созданіяхъ эгейской культуры, даже весьма раннихъ по времени, лежитъ опредѣленная печать не только неожиданной зрѣлости, достигаемой лишь путемъ многовѣковой эволюціи, но даже нѣкоторой перезрѣлости, своего рода «декаданса», что наводитъ на мысль о вліяніи какого-то иного культурнаго народа, уже перешедшаго черезъ грань своего высшаго расцвѣта и клонившагося къ упадку. Всѣ эти наблюденія надъ древнѣйшими культурами выдвигаютъ въ наукѣ вопросъ объ исторіи столѣтій и тысячелѣтій, предшествовавшихъ эгейцамъ, египтянамъ и ихъ современникамъ. За глубью XLIII столѣтія до Р. Х. открываются какія-то новыя, еще болѣе удаленныя отъ насъ глуби временъ, подлежащихъ историческому обслѣдованію. Наука вплотную подходитъ ко «второй», отвергнутой ею, концепціи міровой исторіи, и уже принуждена, логикой событій, поставить предъ собою проблему о существованіи нѣкоего древнѣйшаго культурнаго міра, аналогичнаго традиціонной Атлантидѣ.

Чтобы намѣтить рѣшеніе возникшихъ передъ исторіей вопросовъ и загадокъ, есть, конечно, только одинъ научный путь: ближе разсмотрѣть извѣстное намъ о древнѣйшихъ культурахъ человѣчества, прежде всего, эгейской и египетской.

2. Лабиринтъ.

Центромъ эгейскаго міра былъ Критъ. Раскопки показали, что въ цвѣтущій періодъ исторіи эгейцевъ на немъ существовало три государства, связанныхъ, быть можетъ, отношеніями вассалитета. Столицами этихъ государствъ были своеобразные города-дворцы, лабиринты. Наибольшій изъ нихъ открытъ Эвансомъ, на сѣверномъ берегу острова, въ области древняго Кносса, близъ нынѣшней Кандіи; второй—итальянской миссіей, во главѣ съ Альберомъ (или Гальбгерромъ, Halbherr), на южномъ берегу, близъ древняго Феста; третій, наименьшій,—по близости отъ второго, въ области, носящей названіе Агія-Тріада. Всѣ три, особенно два первыхъ, представляютъ значительное сходство въ планѣ и выполненіи постройки; сходны и найденные въ нихъ предметы. Несомнѣнно, всѣ три лабиринта существовали одновременно и были центрами одной и той же «минойской» культуры (какъ ее назвалъ Эвансъ), составляющей высшее проявленіе культуры обще-эгейской. Помимо лабиринтовъ, къ кото-

рымъ примыкали небольшія предмѣстья, на Критѣ найдены еще остатки отдѣльныхъ эгейскихъ городовъ, на сѣверномъ и восточномъ берегу острова (въ приморскихъ мѣстностяхъ Гурнія, Палеокастро, Като-Закро). Кносскій лабиринтъ былъ какъ бы общей столицей и Крита и всего эгейскаго міра, своего рода Парижемъ тѣхъ временъ. Въ Кносскомъ лабиринтѣ сходились вѣянія со всѣхъ концовъ Эгеи, въ немъ было средоточіе умственной жизни эгейцевъ, изъ него должны были исходить какъ новыя идейныя теченія, такъ и моды. Поэтому знакомство съ эгейской культурой удобнѣе всего начинать съ разсмотрѣнія Кносскаго лабиринта.

Античная древность своими глазами уже не видѣла критскаго лабиринта; она только сохраняла восторженныя воспоминанія о немъ, какъ объ одномъ изъ чудеснѣйшихъ сооруженій въ мірѣ. Отъ эллиновъ и мы приняли слово лабиринтъ, для означенія зданія съ безсчетнымъ числомъ покоевъ и запутанными ходами. Присваивая генію своего народа это чудо древняго зодчества, греки разсказывали, будто критскій лабиринтъ былъ построенъ эллиномъ Дедаломъ, искусникомъ и изобрѣтателемъ, для критскаго царя Миноса, желавшаго скрыть въ этомъ, частью надземномъ, частью подземномъ дворцѣ своего сына отъ Пасифаи, — Минотавра, получеловѣка, полубыка; позднѣе, согласно миѳу, Дедалъ со своимъ сыномъ Икаромъ спасся бѣгствомъ съ Крита на восковыхъ крыльяхъ.

Овидій такъ разсказываетъ о построеніи лабиринта:

> Дедалъ, прославленный всюду къ искусству зодчества даромъ,
> Трудъ начинаетъ: онъ мѣты путаетъ, вводитъ въ ошибку
> На поворотахъ глаза дорогъ изгибами разныхъ...
> Заблужденіями такъ наполняетъ
> Дедалъ безсчетность путей, что самъ едва возвратиться
> Онъ до порога сумѣлъ: такова запутанность дома! (Met. VIII).

Въ сходныхъ выраженіяхъ описанъ критскій лабиринтъ у Геродота. Но, что такое былъ лабиринтъ въ самомъ дѣлѣ, каково было его истинное назначеніе, эллины уже не знали. Они видѣли лабиринты лишь на зарѣ своей исторіи, въ эпоху, отъ которой не дошло никакихъ письменныхъ свидѣтельствъ, и могли пересказывать лишь смутныя преданія и позднѣйшіе домыслы.

Въ Кноссѣ Эвансъ нашелъ, какъ Шлиманнъ въ Троѣ, рядъ руинъ, расположенныхъ слоями, однѣ надъ другими, соотвѣтственно нѣсколькимъ поселеніямъ, стоявшимъ здѣсь въ разныя эпохи. Въ наибольшей глубинѣ лежатъ остатки селеній примитивныхъ, относящихся къ неолитическому періоду и восходящихъ, по вычисленіямъ Эванса, вплоть до 120-го столѣтія до нашей эры (за 12 тысячелѣтій). Надъ этими памятниками жизни первобытной и грубой, лежитъ фундаментъ дворца, свидѣтельствующаго уже о высокой степени культурности его строителей. Дворецъ этотъ подвергся, повидимому, пожару, послѣ котораго былъ заново перестроенъ. Руины второго перестроеннаго дворца, лежатъ еще выше; въ теченіе вѣковъ зданіе еще

нѣсколько разъ перестраивалось, къ нему дѣлались разныя добавленія, и окончательный свой видъ оно приняло, какъ полагаютъ, въ началѣ второго тысячелѣтія до Р. Х. Эти руины и знакомятъ насъ съ миѳическимъ критскимъ лабиринтомъ эллиновъ. Въ настоящее время почти весь Кносскій лабиринтъ раскопанъ, составленъ его полный планъ, и существуютъ подробныя описанія, знакомящія съ каждой отдѣльной комнатой и предметами, въ ней найденными.[1]

Достаточно окинуть взглядомъ планъ Кносскаго лабиринта,[2] чтобы убѣдиться, что то было одно изъ грандіознѣйшихъ зданій, когда-либо воздвигавшихся человѣкомъ, не исключая Ватикана, Эскуріала и Версаля. Лабиринтъ, захватывавшій пространство около 3 десятинъ, состоялъ изъ центральнаго двора, окруженнаго сплошными строеніями, съ небольшими внутренними двориками и двумя постройками, поставленными нѣсколько на отлетѣ: театромъ и лѣтней виллой царя. Зданія строены на прочномъ фундаментѣ изъ камня съ употребленіемъ деревянныхъ балокъ, иногда въ одинъ этажъ, чаще—въ два или больше, и образуютъ сложную систему залъ, комнатъ, коридоровъ, проходовъ, портиковъ, пропилей, лѣстницъ, террасъ, храмовъ, часовенъ, мастерскихъ, всякихъ службъ, кладовыхъ, амбаровъ, складовъ, и т. д. Въ цѣломъ лабиринтъ образуетъ четыреугольникъ, приближающійся къ квадрату, ориентированный вокругъ прямоугольнаго же, но удлиненнаго центральнаго двора, паралельно сторонамъ котораго идутъ почти всѣ капитальныя стѣны. Несмотря на позднѣйшія перестройки, лабиринтъ, несомнѣнно, воздвигался по опредѣленному плану, который постоянно былъ передъ глазами строителей фактически или въ мысляхъ. Это—не нагроможденіе зданій, болѣе или менѣе случайно скучившихся въ одномъ мѣстѣ и только приставленныхъ одно къ другому, но единый архитектурный замыселъ, одинъ огромный дворецъ-городъ, зданіе-государство, имѣющее подобіе себѣ лишь въ другихъ лабиринтахъ.

Кносскій лабиринтъ, какъ и его меньшіе собратья на Критѣ, не поражалъ своимъ фасадомъ. Со всѣхъ четырехъ сторонъ наружу выходили стѣны глухія, почти безъ входовъ и оконъ, очевидно, чтобы придать дворцу нѣкоторый характеръ крѣпости, способной сопротивляться нападенію враговъ и выдерживать

---

[1] По-русски о Кносскомъ лабиринтѣ говорится во всѣхъ, конечно, работахъ, посвященныхъ эгейской культурѣ. Для перваго знакомства полезно «пособіе къ университетскому курсу» проф. Р. Виппера, «Древній Востокъ и эгейская культура», 2-е изд. М. 1916; прекрасная статья объ Эгейѣ помѣщена проф. В. Бузескуломъ въ «Вѣстн. Евр.», авг. 1916 г., «Древнѣйшая цивилизація въ Европѣ»; наиболѣе подробное описаніе лабиринта въ курсѣ лекцій (литогр.) проф. Б. Фармаковскаго «Культура эгейская, критская и микенская» (читаны въ 1906—7 г., въ Петрогр. Унив.).

[2] Планъ Кносскаго лабиринта приложенъ къ названному выше курсу Б. Фармаковскаго. Въ маломъ масштабѣ планъ имѣется въ легко-доступномъ изд.: Kunstgeschichte in Bildern, Kretisch-Mykenische Kunst v. Fr. Winter, Verl. v. E. Seemann. Leipz. 1912.

осаду. Доступъ въ лабиринтъ шелъ черезъ двое воротъ, черезъ которыя посѣтитель попадалъ въ узкіе, ломаные коридоры; надъ главнымъ входомъ былъ еще устроенъ бастіонъ. Все же западную стѣну, въ которой находился этотъ главный входъ, можно признать фасовой. Она была выложена пестрыми цвѣтными изразцами, что придавало зданію нарядный видъ. Самый входъ былъ богато изукрашенъ: онъ представлялъ собою величественный портикъ съ коллонадой; нижняя часть стѣнъ, у входа, была покрыта росписью, воспроизводящей плиты разноцвѣтнаго мрамора, желтаго, розоваго, голубого; верхняя, отдѣленная бѣлой полосой—фресками со сложными композиціями. Однако, преимущественное вниманіе строителей было направлено на внутренность дворца: на распредѣленіе комнатъ и ихъ украшеніе.

Большое архитектурное мастерство проявили строители лабиринта въ самомъ планѣ зданія. Очень искусно размѣстили они отдѣльныя части дворца, соединивъ группами то большія залы и храмы, то меньшія и вовсе маленькія комнаты, то служебныя помѣщенія, связавъ все это лѣстницами и коридорами. Зодческая изобрѣтательность сказалась также въ разрѣшеніи вопроса объ освѣщеніи зданія, что представляло значительныя трудности, въ виду многоэтажности многихъ частей и громадной широты строеній. Съ этой цѣлью въ лабиринтѣ устроены особые пролеты, внутренніе дворики - колодцы, черезъ которые свѣтъ падалъ или на лѣстницы или непосредственно въ залы, получавшія, такимъ образомъ, освѣщеніе съ одной стороны. Примѣненіе колоннъ позволяло при этомъ крайне увеличивать размѣры комнатъ, приближая ихъ по объему къ самымъ обширнымъ заламъ современныхъ дворцовъ.

Весь Кносскій лабиринтъ опредѣленно распадается на нѣсколько частей, разработанныхъ, какъ самостоятельная группа покоевъ, но подчиненныхъ общему плану дворца. Такихъ частей можно насчитать больше десяти. Черезъ главный портикъ посѣтитель входилъ въ рядъ «парадныхъ» покоевъ, среди которыхъ можно различить «тронную» залу, залу «для выходовъ», «пріемную» и т. под. По полу коридора, ведущаго въ эту часть дворца, проложена дорожка изъ плитъ известняка, окаймленная полосками изъ синяго асшида. Одна большая зала раздѣлена колоннадами какъ бы на особыя отдѣленія, для размѣщенія присутствующихъ по рангамъ и чинамъ. Стѣны этихъ залъ покрыты художественно исполненными фресками, часто съ человѣческими фигурами во весь ростъ. Въ другой группѣ комнатъ признаютъ аппартаменты государя: опочивальню, пиршественную залу, ванную и т. под. Особый ходъ велъ прямо изъ покоевъ царя въ театръ, въ царскую ложу, куда миносъ (государь) могъ пройти, минуя любопытные взгляды толпы. Затѣмъ слѣдуетъ группа комнатъ для царицы и царской семьи; комнаты для вельможъ и приближенныхъ царя, имѣвшихъ пребываніе въ лабиринтѣ; помѣщенія для низшихъ служащихъ, для стражи, для рабовъ. Насколько роскошны «парадные» покои, носящіе вполнѣ официальный характеръ, настолько иные скромны, неве-

лики по размѣрамъ. просты по убранству, имѣютъ видъ чисто-казарменный. Обособленное мѣсто занимаютъ храмы, часовни и молельни, также заключенные во дворецъ. Возможно, что храмовое значеніе имѣли и нѣкоторые широкіе коридоры, въ которыхъ могли совершаться религіозныя процессіи и ритуальныя пляски.

Много мѣста занимали въ лабиринтѣ помѣщенія не жилыя, служившія для разнообразнѣйшихъ потребностей. Мы видимъ здѣсь рядъ мастерскихъ для скульпторовъ, живописцевъ, гончаровъ, для выдѣлки оливковаго масла, для работъ по металлу и т. д. Одну комнату считаютъ школой для обученія письму. Независимо отъ того найдена комната царскихъ писцовъ или царскій архивъ, причемъ въ особомъ деревянномъ ящикѣ, спрятанномъ въ терракотовый ларецъ, оказался цѣлый кладъ исписанныхъ табличекъ (преимущественно, какъ думаютъ, разные счета, расписки, квитанціи). Цѣлое обширное крыло дворца занято помѣщеніями, назначенными для храненія вещей и припасовъ. Частью вещи сберегались въ особыхъ ларяхъ, вдѣланныхъ въ самый полъ, которыя условно называютъ касселами; въ одной комнатѣ бываетъ до 25 и больше такихъ кассель, изъ которыхъ нѣкоторыя двойныя, нѣкоторыя выложены свинцомъ. Одно время здѣсь же помѣщалась сокровищница миноса, такъ какъ въ касселахъ нашли остатки листового золота, кладъ мѣдныхъ сосудовъ, разныя драгоцѣнности, издѣлія изъ фаянса, изъ горнаго хрусталя. Частью для храненія служили громадные, въ ростъ человѣка, глиняные сосуды, пиѳы; въ такихъ пиѳахъ нашли, напр., остатки зерна и рыбы; въ нихъ же сберегалось масло и вино. Далѣе можно различить кухни, конюшни, со стойлами для лошадей и мѣстомъ для колесницъ, псарню, и т. д. Шесть глубокихъ колодцевъ, найденныхъ въ лабиринтѣ, опознаны, какъ подземныя темницы (cul de sac).

На отлетѣ, какъ мы отмѣчали, поставлено зданіе театра или арена цирка, приближающееся къ типу греческаго театра, разсчитанное на нѣсколько тысячъ зрителей. Къ противоположной сторонѣ лабиринта примыкаетъ лѣтняя вилла (дача) миноса, построенная гораздо скромнѣе, нежели самый дворецъ. Вилла была, вѣроятно, окружена садомъ съ цвѣтникомъ. Судя по изображеніямъ лабиринта на фрескахъ, его террассы также были засажены цвѣтами. Что же касается центральнаго двора, то онъ былъ мощенъ громадными плитами камня, какъ и всѣ коридоры. Около лабиринта ютилось предмѣстье съ домами частныхъ лицъ, большею частью въ 1 ½ этажа, — небольшое, съ узкими, кривыми улицами. Поблизости находилось и кладбище. Такимъ образомъ, лабиринтъ включалъ въ себя и окружилъ себя всѣмъ, что только нужно человѣку въ жизни и по окончаніи жизни. Лабиринтъ какъ бы не нуждался во внѣшнемъ мірѣ и, во всякомъ случаѣ, могъ бы долгое время обходиться безъ содѣйствія извнѣ. Это былъ отдѣльный, законченный и замкнутый въ себѣ міръ...

Внутреннее убранство лабиринта соотвѣтствовало величе-

ственности самой постройки. Все зданіе было канализовано, въ него по трубамъ была проведена вода, въ разныхъ мѣстахъ были устроены ванныя комнаты и купальни. Портики, колоннады, пропилеи, террассы съ балюстрадами, лѣстницы съ широкими ступенями, мозаичные полы, сложныя рѣшетки, и всѣ детали дворца свидѣтельствуютъ, что строители стремились придать торжественную красоту каждой части зданія; нѣкоторыя перспективы залъ, длинные, уходящіе въ даль коридоры, комбинаціи террассъ и пропилей, все имѣло цѣлью поражать и восхищать глаза. Скульптура (рельефы) и живопись были призваны на помощь зодчеству, но опредѣленно поставлены въ служебное положеніе, не выступая на первый планъ, а только способствуя архитектурной красотѣ цѣлаго. Залы и террассы раздѣлялись колоннами (кстати сказать, нерѣдко деревянными, что являлось характерной особенностью лабиринтовъ), съ причудливыми капителями, а по стѣнамъ шли рельефы и горельефы, иногда многокрасочные, часто задуманные необыкновенно-остроумно, какъ напр., цѣпь изъ золотыхъ бисеринокъ, съ подвѣсками въ видѣ головы негра. Стѣны всѣ были оштукатурены и во многихъ залахъ покрыты живописью al fresco, то орнаментальной, то представляющей отдѣльныя человѣческія фигуры, можетъ быть, портреты, то дающей сложныя сцены изъ жизни, исторіи, религіозныхъ преданій. Въ общемъ то была роскошь, которая могла осуществиться только во дворцѣ царей, располагающихъ исключительной властью и силой, имѣющихъ въ своемъ распоряженіи строителей и художниковъ, воспитанныхъ долгими вѣками развитія искусства.

Остатки вещей, найденные въ лабиринтѣ, подтверждаютъ представленіе о богатствѣ, пышности и затѣйливости въ обстановкѣ дворца. Тамъ и здѣсь уцѣлѣли отдѣльные предметы и обломки великолѣпной мебели, столовъ съ хитро исполненными ножками, красиво изогнутыхъ ложъ, изукрашенныхъ ларцовъ изъ алебастра и металлическихъ, разновидныхъ свѣтильниковъ, золотыхъ, серебряныхъ и фаянсовыхъ вазъ, служившихъ для украшенія, и т. д. Въ храмахъ и въ «парадныхъ» залахъ сохранились также статуи и статуэтки, боговъ и жанровыя, разные священные символы, какъ изображенія «двойного топора» и изображенія «роговъ», весьма распространенные у эгейцевъ, печати, значки, и т. под. Въ кладовыхъ, складахъ и амбарахъ найдено дорогое оружіе, напр., мечи (кинжалы) съ изящной инкрустаціей, мужскіе пояса съ драгоцѣнными каменьями, запасы золота и другихъ драгоцѣнностей, много черепковъ и осколковъ всевозможнѣйшей посуды. По разнымъ комнатамъ оказались разсѣяны мелкіе предметы, самаго разнообразнаго характера: здѣсь были музыкальные инструменты, доска для игры, вродѣ нашего трикътрака, богато украшенная золотомъ, серебромъ и горнымъ хрусталемъ, дѣтскія игрушки, много золотыхъ и фаянсовыхъ пластинокъ съ мало-понятными для насъ изображеніями, наконецъ, особенно много всякихъ женскихъ украшеній: ожерелья, діадемы, гребни, браслеты, запястья, перстни, кольца, серьги,

пшильки, аграфы, пряжки, геммы, подвѣски, флаконы для духовъ, ларчики для притираній, ящички для помадъ, и т. д., и т. д. По этимъ находкамъ, уцѣлѣвшимъ послѣ страшной катастрофы, разрушившей лабиринтъ, жизнь въ немъ вырисовывается изнѣженной и утонченной. Само собой напрашивается сравненіе, которое и дѣлаютъ иные изслѣдователи эгейской старины, лабиринта съ Версалемъ эпохи Короля-Солнца или даже временъ Людовика XV, когда при французскомъ дворѣ всѣ дни превращались въ одинъ сплошной, изысканный праздникъ.

Населеніе Кносскаго лабиринта должно было достигать огромныхъ размѣровъ. Одно поддержаніе порядка въ такомъ исполинскомъ городѣ - домѣ, содержаніе его въ чистотѣ, хотя бы понятія о домашней гигіенѣ того времени и отличались отъ нашихъ, неизбѣжный ремонтъ изнашивающихся частей, обслуживаніе хозяевъ дворца, — все это требовало громаднаго числа служителей, вѣроятно, рабовъ. Но лабиринтъ былъ не только резиденціей миноса, но и постояннымъ его жилищемъ; вмѣстѣ съ царемъ жила его семья, царскія дѣти, весь его «родъ», такъ же какъ приближенные миноса, высшіе сановники государства, и всѣ они должны были имѣть собственную челядь, также быть окружены сотнями и тысячами рабовъ. Существованіе въ лабиринтѣ храмовъ и молелень предполагаетъ присутствіе во дворцѣ жрецовъ, храмовыхъ служекъ, можетъ быть, особыхъ салієвъ, изучившихъ ритуальныя пляски или «корибантовъ» (которыхъ эллинскій миѳъ выводитъ именно съ Крита). Далѣе, въ лабиринтѣ же должны были имѣть свое пребываніе разные мелкіе начальники, въ завѣдываніи которыхъ находилось сложное хозяйство дворца,— вродѣ: начальника стражи (по нашему «коменданта»), «стольника», «постельничаго», «кравчаго», наблюдателя за поварами и кухнями, завѣдующихъ всевозможными складами, хранителя царскаго имущества, какихъ-нибудь «оберъ-лакеевъ» при царѣ и «оберъ-фрейлинъ» или «оберъ-камеристокъ» при царицѣ и т. д. Отдѣльно долженъ былъ стоять самый корпусъ дворцовой стражи, для которой существовали отдѣльныя казармы, штатъ царскихъ писцовъ и архиваріусовъ, штатъ актеровъ въ театрѣ, съ разными помощниками, какъ декораторы, режиссеры, машинисты и т. под. Мы еще не упомянули скульпторовъ, для которыхъ была построена особая мастерская, живописцевъ, гончаровъ, кузнецовъ и работниковъ по металлу, учителей письма, тоже располагавшихъ своей школьной комнатой, не упомянули и рядъ другихъ должностей, невольно приходящихъ на умъ при одномъ изученіи плана лабиринта, поваровъ, конюшенныхъ, псарей, женщинъ-прислужницъ и т. д., и т. д. Надо представить себѣ населеніе обширнаго и богатаго города, чтобы дать себѣ отчетъ, изъ кого состояло населеніе чертоговъ критскаго миноса.

Конечно, можно допустить, что нѣкоторыя изъ перечисленныхъ нами должностей совмѣщались въ одномъ лицѣ: «комендантъ» могъ быть и военачальникомъ, одинъ изъ писцовъ — школьнымъ учителемъ, значительное число обязанностей исполняться рабами и рабынями, даже актерами театра могли быть

члены жреческой общины, такъ какъ театръ составлялъ учрежденіе священное и спектакли были частью божественнаго культа. Но, какъ бы мы ни сокращали число необходимыхъ въ лабиринтѣ лицъ, все же населеніе его должно оставаться весьма большимъ, исчисляемымъ многими десятками, если не сотнями тысячъ человѣкъ. Кто - нибудь да оживлялъ всѣ эти покои, коридоры, террасы, лѣстницы, дворы и дворики, которые даже на планѣ запутываютъ нашъ глазъ! Кто-нибудь да заполнялъ ярусы и скамьи въ театрѣ, вмѣщавшемъ нѣсколько тысячъ зрителей! Кто - нибудь да обслуживалъ обширные амбары и кладовыя, гдѣ тянутся длинные ряды ларей, бочекъ, касселъ и пиѳовъ! Кто - нибудь да дѣлалъ въ мостовыхъ и въ стѣнахъ тѣ поправки и починки, слѣды которыхъ подмѣчены современными наблюдателями! Кто - нибудь да присматривалъ за узниками, брошенными въ подземныя темницы, приносилъ туда обычный тюремный паекъ, кусъ хлѣба и воды! Кто-нибудь, наконецъ, да заботился сколько - нибудь о порядкѣ въ гигантскомъ домѣ, стиралъ пыль съ драгоцѣнныхъ вазъ, подметалъ полы и мостовыя, стелилъ ложа, служилъ за пиршественными столами! Для кого-нибудь да строился великій лабиринтъ, въ теченіе вѣковъ все расширявшійся и разроставшійся! Вѣдь то была не величавая гробница, какъ пирамида Хеопса, по самому своему назначенію — мертвая чуждая современности, обращенная, какъ символъ, къ отдаленному будущему, но — жилой домъ, приспособленный для всѣхъ удобствъ и для всѣхъ наслажденій жизни дѣятельной, изысканно-роскошной и утонченно-покойной.

Вглядываясь въ гигантскія руины лабиринта, разсматривая его хитрый и глубоко-обдуманный планъ, вникая въ подробности уцѣлѣвшей обстановки и убранства, слѣдя, шагъ за шагомъ, за открытіями археологовъ,—нельзя себѣ представлять эту жизнь во дворцѣ-городѣ иначе, какъ шумной, пышной и многообразной. То совершались здѣсь офиціальныя торжества въ большой «тронной» залѣ, «выходы» государя или пріемы иностранныхъ посольствъ, напр., изъ Египта. Выступали послы заморской земли, въ національныхъ одѣяніямъ, преклонялись предъ миносомъ, приносили ему дары союзнаго или вассальнаго царя, сверкавшіе золотомъ, серебромъ, слоновой костью; а мѣстная знать окружала престолъ своего владыки, какъ живой вѣнецъ его славы и могущества [1]. То выходилъ миносъ къ своему народу, показываясь за стѣнами лабиринта, передъ главнымъ входомъ, подъ пышнымъ портикомъ, стоя, въ царской мантіи, весь усыпанный драгоцѣнностями, на пестромъ фонѣ изразцовой стѣны и ея фресокъ; народъ восторженно привѣтствовалъ государя, обращался къ нему со своими жалобами, ждалъ отъ него суда и расправы [2]. То въ малыхъ покояхъ происходили засѣданія совѣта миноса, гдѣ, въ кругу своихъ министровъ, «канцлера»,

[1] О такихъ пріемахъ мы можемъ составить понятіе по одной египетской фрескѣ, изображающей эгейское посольство къ фараону.

[2] На такіе выходы указываютъ особыя скамьи, устроенныя у главнаго входа въ лабиринтъ.

«визиря» и другихъ сановниковъ, государь рѣшалъ вопросы войны и мира, давалъ законы населенію страны, подводилъ итоги государственнымъ и дворцовымъ расходамъ[1]. То назначались торжественныя богослуженія въ большомъ храмѣ, горѣли передъ статуями боговъ огни, съ курильницъ возносился ѳиміамъ, звучало пѣніе священныхъ гимновъ, въ длинныхъ коридорахъ шли пышныя процессіи или исполнялись ритуальныя пляски[2]. То давались спектакли въ театрѣ, точнѣе — въ цирковомъ амфитеатрѣ, полу-религіозныя дѣйства, собиравшія въ клинья «зрительнаго зала» все населеніе лабиринта; можетъ быть, исполнялись и трагедіи или комическія мимы, но, несомнѣнно, происходили на аренѣ «бои быковъ», правильнѣе — «скачки съ быками», занимавшія особое мѣсто въ ритуалѣ эгейской религіи[3]. Какъ современные государи, критскіе миносы каждодневно должны были нести тяжкое бремя «представительства», и, по всему судя, этикетъ въ лабиринтѣ былъ не болѣе легкимъ, чѣмъ 40 вѣковъ спустя въ Версалѣ!

Жизнь дѣловая и богослуженія смѣнялись празднествами. То въ пиршественныхъ залахъ воздвигались громадные столы для дневного или ночного пира, зажигались смоляные факелы и масленыя лампады, серебряныя блюда гнулись отъ обильныхъ и изысканныхъ снѣдей, подавались жареные кабаны, птица, рыбы, овощи и плоды, вино текло изъ большихъ кіѳовъ въ малые фіалы, шумѣли и веселились приглашенные, блистая богатствомъ и новизной своихъ туалетовъ; дамы, которыя у эгейцевъ принимали участіе въ празднествахъ наравнѣ съ мужчинами, выставляли напоказъ свои платья съ множествомъ оборокъ и прошивокъ, сложныя прически, въ видѣ цѣлыхъ сооруженій на головѣ, фамильныя драгоцѣнности и прелесть глубоко-декольтированной груди; мужчины тоже блистали золотомъ и драгоцѣнностями, дорогими поясами, перстнями, пряжками и особенно щеголяли длинными чернами локонами, завитыми тщательно и причудливо[4]. То, въ подходящую нору года, устраивались многолюдные выѣзды за стѣны дворца-города, на царскую охоту, въ ближніе лѣса и предгорья, дамы на колесницахъ, мужчины на рѣдкихъ скакунахъ, со сворами собакъ, съ толпой ловчихъ, доѣзжачихъ-загонщиковъ, которые заботливо оберегали знатныхъ участниковъ охоты отъ всѣхъ опасностей и трудовъ, превращая ее въ легкую и милую лѣтнюю забаву[5]. Бывали,

[1] Объ этомъ свидѣтельствуетъ «архивъ» лабиринта, съ его обширнымъ счетоводствомъ.

[2] Это слѣдуетъ изъ самаго устройства храмовъ и коридоровъ, изъ которыхъ одинъ даже получилъ у изслѣдователей названіе «коридора процессіи»; кромѣ того, подходящія изображенія сохранились на геммахъ и пластинкахъ.

[3] Изображенія такихъ «скачекъ съ быками» весьма часто встрѣчаются въ эгейскомъ искусствѣ; мы еще будемъ о нихъ говорить подробнѣе.

[4] Все это мы узнаемъ по фрескамъ, эгейскимъ и египетскимъ, и по рисункамъ на разныхъ предметахъ; подробнѣе о костюмахъ критянъ — дальше.

[5] Такая охота на кабана изображена на одной фрескѣ Тиринѳскаго дворца; о ней подробнѣе въ слѣдующей главѣ.

конечно, и царскіе смотры войскамъ, передъ стѣнами лабиринта, бывали, состязанія верхомъ или на колесницахъ, атлетическія или гимнастическія состязанія, кулачные бои, метаніе дисковъ и копій, бѣгъ взапуски, можетъ быть, состязанія пѣвцовъ и т. под. [1] Въ жаркіе мѣсяцы лѣта миносъ отбывалъ въ свою маленькую виллу, чтобы тамъ, въ тиши полу-сельскаго уединенія, отдохнуть отъ дѣлъ, забыть тревоги и труды миновавшаго года и на досугѣ насладиться всей роскошью и всѣмъ богатствомъ, которыя достались ему, какъ законное наслѣдіе, отъ длиннаго ряда царственныхъ предковъ.

Какъ гигантскій муравейникъ, лабиринтъ былъ въ неиперестанномъ движеніи. Каждое утро разсыпались по безчисленнымъ заламъ и дворикамъ низшіе слуги съ метлами, щетками и тряпками; загорался огонь въ печахъ, повара и хлѣбопеки приступали къ своему дѣлу; на конюшняхъ, на скотномъ дворѣ, на псарнѣ хлопотали люди, приставленные къ царскому скоту; смѣнялась стража у воротъ и у дверей; начинали стучать молотками каменьщики и скульпторы, живописцы несли чашки съ красками, слышался визгъ пилы и скрипъ гончарнаго станка. Тѣмъ временемъ жрецы, въ длинныхъ одѣяніяхъ, совершали достодолжные каждодневные обряды; въ канцеляріи царя склонялись надъ счетами и квитанціями или надъ царскими указами писцы и архиваріусы; царскіе совѣтники собирались въ пріемныхъ, ожидая выхода миноса; рядомъ ждали послы иностранныхъ дворовъ, частныя лица, разные просители, которымъ была обѣщана аудіенція. Начинался дѣловой и трудовой день. А, въ своихъ комнатахъ, женщины въ это время неутомимо просиживали часы у туалетныхъ столиковъ, совѣтовались съ портнихами, покорно подчинялись рукамъ искусныхъ куафершъ, выбирали нарядъ на сегодняшній день, чернили брови, багрянили губы, наводили румянецъ на щеки. Это тоже была работа, и не легкая, требовавшая знаній, терпѣнія и много времени.

Потомъ подходилъ часъ трапезы, соединявшій отдѣльныя группы за общими столами, за которыми ѣда оживлялась остроумной бесѣдой, а, можетъ быть, музыкой и пляской выученныхъ для того рабынь. Еще послѣ наступалъ часъ визитовъ; изысканно разодѣтые щеголи, наномаженные, надушенные, съ модными, тщательно завитыми локонами, тѣснились вокругъ прославленныхъ красавицъ въ «салопахъ» лабиринта; велись живые, свѣтскіе разговоры, обильно приправляемые клеветой и сплетнями. Наконецъ, спускалась душная южная ночь, шумы дневной суеты затихали, обитатели лабиринта расходились по своимъ комнатамъ, чтобы отдохнуть, кто отъ тяжкаго труда подневольныхъ рабовъ, кто отъ утомительныхъ заботъ свѣтской жизни, съ ея сложными правилами этикета и хорошаго тона. Тогда богиня любви, та самая, которую эгейцы изображали, какъ позднѣе эллины, съ двумя голубочками на плечахъ или надъ головой,—

[1] Все это можно заключить по изображеніямъ на геммахъ, пластинкахъ и разныхъ предметахъ (вазахъ и др.).

крыла своимъ благословеннымъ плащемъ тѣ и другія оночи-вальни безмѣрнаго дворца и нашептывала надъ ними свои чудесныя заклинанія, такъ сходно звучащія на всѣхъ языкахъ во всѣ эпохи земли. И, сорокъ пять столѣтій тому назадъ, какъ и въ наши дни, свершались подъ этотъ шопотъ, подъ покровомъ этого плаща, великія таинства страсти, разрѣшавшія всѣ волненія, тревоги и муки, которыя накопились въ сердцѣ за долгій день. И въ эти часы, въ эти мгновенія, исчезало всякое различіе между современнымъ человѣкомъ, съ его телефонами, аэропланами и кинематографами, и обитателемъ критскаго дворца, привыкшимъ къ «скачкамъ быковъ», къ изысканнымъ вазамъ, ко всему обиходу жизни въ запутанно-торжественномъ лабиринтѣ...

Проходили дни, проходили годы, столѣтія и тысячелѣтія, на Критѣ, купающемся въ свѣтлыхъ волнахъ Эгейскаго моря, все шумѣла, справляя радостный праздникъ жизни, великолѣпная столица могущественнаго миноса, дворецъ-днво, городъ-чудо, и не могли бы его обитатели повѣрить, что наступятъ вѣка, когда ученѣйшіе люди новаго человѣчества усомнятся въ самомъ существованіи Кносскаго лабиринта.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Валерій Брюсовъ.

КОНФЕРЕНЦІЯ ВЪ ГОТѢ.

То была историческая почва, на которой собралась конференція соціалъ-демократической оппозиціи, засѣдавшая въ Готѣ съ 6 по 8 апрѣля. Въ исторіи партіи Гота слыветъ мѣстомъ конгресса, который созвали 14 и 15 февраля 1875 г. обѣ, до тѣхъ поръ враждующія, партіи лассальянцевъ и эйзенахцевъ—чтобы объединиться для совмѣстной дѣятельности. Напрашивается мысль—противопоставить тогдашнему конгрессу объединенія нынѣшній—какъ конгрессъ раскола.

Но онъ отнюдь не былъ таковымъ. То, что принято называть расколомъ нѣмецкой соціалъ-демократіи, не произошло въ Готѣ, это совершилось раньше, и не по винѣ оппозиціи. Значительное большинство ея, напротивъ, всегда энергично выражало свое желаніе—остаться въ партіи и вести въ ея рамкахъ оппозиціонную борьбу противъ направленія, доминирующаго въ правленіи партіи. Вотъ это направленіе пыталось, благодаря той власти, которою оно пользовалось при осадномъ положеніи,—справиться съ оппозиціею, исключая ее изъ партіи. Если хотятъ это назвать расколомъ, то онъ былъ произведенъ большинствомъ. Правда, ему самому вина кажется слишкомъ тяжелою. И оно старается свалить ее на меньшинство; но не можетъ найти для своего оправданія ничего лучшаго, какъ смѣшную фикцію—будто насильственно и противозаконно исключенные и лишенные своихъ партійныхъ правъ товарищи добровольно поставили себя внѣ партіи.

На основаніи этой пустой отговорки за послѣдніе мѣсяцы были исключены изъ партіи и лишены связи съ нею многочисленныя организаціи и отдѣльныя лица. Если бы всѣ эти, разсѣянные по всей Германіи, элементы остались безъ связи между собою,—тогда большинство, конечно, легко справилось бы съ ними. Оппозиція была бы прикончена.

Но разъ она хочетъ уцѣлѣть и не лишать оппозиціонно настроенныя массы ихъ вѣры въ соціалъ-демократію—она должна была создать новую связь, новое единство. Вотъ что было задачею пасхальной конференціи въ Готѣ, а не расколъ. Конференція тоже была—конгрессомъ единенія. Она послужила объединенію соціалъ-демократической оппозиціи.

Она не ставила себѣ цѣлью создать новую программу, и даже развивать новые тактическіе принципы, а только хотѣла создать организаторскую сомкнутость различныхъ, разъединенныхъ элементовъ оппозиціи. Только немногія оппозиціонныя группы отклонили присоединеніе. Пожалуй, онѣ правы.

Всякое вступленіе въ партійную организацію обусловлено жертвою. Исходная точка всякаго политическаго дѣйства—это личное убѣжденіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и сознаніе, что въ общественныхъ и государственныхъ событіяхъ воля отдѣльной личности, какъ бы мощно и хорошо она ни была обоснована, является совершенно ничтожною; что только совокупная дѣятельность многихъ единомышленниковъ можетъ оказать вліяніе на общественную и политическую жизнь. Ни для одного класса это не имѣетъ такого значенія, какъ для пролетаріата, рѣшающее оружіе котораго въ соціальной и политической борьбѣ—его многочисленность.

Кто хочетъ придать силу своему личному убѣжденію, долженъ поэтому примкнуть къ организаціи единомышленниковъ. Согласованность убѣжденій никогда не можетъ быть совершенною, каждый, кто вступаетъ въ организацію, долженъ считаться съ тѣмъ, что онъ не сможетъ вполнѣ отстоять свои убѣжденія. Каждый, кто работаетъ въ какой либо партіи, сталкивается иногда съ рѣшеніями, которыя онъ не одобряетъ, которыя онъ считаетъ ошибочными. Для каждаго партійнаго работника возникаетъ не однажды вопросъ—не слишкомъ ли дорогою цѣною, цѣною ограниченія своей свободы мнѣнія, онъ покупаетъ ту прибыль силы, которую ему приноситъ партія. Единство и сомкнутость партіи—это огромная цѣнность. Но и здѣсь разумъ становится безсмыслицею, благодѣяніе—мукою, если это единство хотятъ заставить служить цѣлямъ одіознымъ.

Единство не должно стать фетишемъ, которому все остальное приносится въ жертву. Если поэтому отдѣльныя оппозиціонныя группы того мнѣнія, что ихъ взгляды слишкомъ расходятся со взглядами большинства оппозиціи, чтобы онѣ могли успѣшно съ нимъ совмѣстно работать—онѣ поступали правильно, не присоединяясь къ нему.

Всегда требуется большое напряженіе силъ для того, чтобы изъ-за разногласія въ убѣжденіяхъ уйти изъ организаціи, въ которой уже успѣшно поработалъ, съ которою сросся. Этой лишней траты силъ можно избѣгнуть, если при наличности большихъ разногласій во взглядахъ вообще воздержаться отъ вступленія въ организацію.

Но съ другой стороны тоже плохо, если родственные элементы остаются чуждыми другъ другу только изъ-за недоразумѣній или недовѣрія. Поскольку въ оппозиціи существовали такого рода раздѣляющіе моменты, конференція въ Готѣ очень дѣятельно способствовала ихъ устраненію.

Сліяніе оппозиціи облегчалось демократическимъ характеромъ, какой придали ея организаціи, что особенно обнаружилось въ резолюціяхъ о ея центральномъ руководительствѣ. Нѣкоторые изъ членовъ охотно пошли бы дальше окончательно принятыхъ рѣшеній. Нѣкоторые ораторы настаивали именно на томъ, чтобы совершенно парализовать вліяніе партійныхъ служащихъ въ центральномъ правленіи.

Это очень понятно въ виду разныхъ явленій послѣдняго вре-

мени, имѣвшихъ мѣсто въ бюрократіи партіи и профессіональныхъ союзовъ. Здѣсь мы сталкиваемся съ проблемою, съ которою приходится имѣть дѣло каждой демократіи въ классовомъ государствѣ.

Если мы желаемъ видѣть въ руководствѣ партійнымъ организмомъ только почетную должность, то оно превратится тамъ, гдѣ ему можетъ быть отданъ только досугъ послѣ труда, въ монополію тѣхъ членовъ партіи, которые располагаютъ временемъ и средствами, чтобы всецѣло посвятить себя партіи. Но если мы хотимъ сдѣлать эти должности въ партіи доступными всѣмъ, безъ различія ихъ имущественнаго положенія, то онѣ должны превратиться въ платныя.

Исключеніе служащихъ изъ участія въ партійномъ правленіи означаетъ какъ будто на первый взглядъ только ограниченіе бюрократизма въ партіи, но въ дѣйствительности является въ гораздо большей степени ограниченіемъ самой партіи въ выборѣ силъ для своихъ руководящихъ позицій, устраненіемъ изъ таковыхъ элемента, вышедшаго изъ нѣдръ пролетаріата.

Если мы не хотимъ систематически исключить эти элементы изъ партійныхъ должностей, требующихъ всей силы человѣка, и все-таки не желаемъ господства бюрократіи въ партіи—то мы должны стремиться къ этому не только измѣненіемъ устава, но напротивъ, измѣненіемъ практики.

Прежде всего надо тщательно присмотрѣться къ личностямъ, которыхъ выбираешь. Выбирать надо только испытанныя личности. Было бы безсмысленно утверждать, что каждый, кто занимаетъ партійную должность, тѣмъ самымъ сейчасъ пріобрѣтаетъ тотъ характеръ «обезпеченнаго положенія», противъ котораго однажды ополчился Бебель, и поэтому долженъ быть исключенъ изъ партійнаго правленія. Съ гораздо большимъ правомъ можно было бы тогда исключить всѣхъ капиталистовъ изъ партійнаго правленія. Ибо средній капиталистъ навѣрно годится еще менѣе въ вожди соціалъ-демократіи, чѣмъ средній чиновникъ. И все таки никто не протестовалъ противъ Бебеля и Зингера.

Итакъ, осторожность при выборахъ!

Но зато партійные товарищи не должны предоставлять всю партійную работу служащимъ. Чѣмъ живѣе участіе массъ въ партійной дѣятельности, тѣмъ незначительнѣе будетъ вліяніе ея служащихъ.

Дѣеспособность и критическая сознательность членовъ партіи, конечно, не создаются по желанію, а зависятъ отъ историческихъ условій. Но во всякомъ случаѣ эти свойства среди оппозиціи проявляются гораздо интенсивнѣе, чѣмъ при старомъ большинствѣ, ибо—кто не умѣетъ относиться критически и сознательно, тотъ не идетъ въ оппозицію.

Главное—это демократическая практика, если мы не хотимъ дать водвориться бюрократическому режиму. Рядомъ съ этимъ можно кое-чего достигнуть и путемъ измѣненія устава, ограничивая власть правленія партій. Это является рѣшающимъ моментомъ, а не ограниченіе числа служащихъ въ партіи: не число жа-

лованій, которыя правленіе партіи само *получаетъ*, а число окладовъ, которые оно *платитъ* другимъ.

Прежнее правленіе партіи завладѣло совершенно не только центральнымъ органомъ, который принадлежалъ берлинскимъ членамъ партіи, но располагаетъ также, посредственно или непосредственно, цѣлымъ рядомъ партійныхъ органовъ, редакціи которыхъ оно захватило въ свои руки.

Исполнительный комитетъ независимыхъ соціалистовъ не имѣетъ центральнаго органа и не нуждается въ таковомъ. Въ интересахъ демократіи—совершенно покончить съ этимъ учрежденіемъ.

Не меньшимъ зломъ въ рукахъ правленія партіи, чѣмъ концентрація партійной прессы, является скопленіе большихъ денежныхъ резервовъ, при его содѣйствіи. Въ случаѣ непредвидѣнныхъ бѣдствій, вродѣ эры преслѣдованій, мы въ политикѣ еще больше, чѣмъ въ кассахъ страхованія, должны придерживаться тактики—раскладки суммъ, а не покрытія этихъ суммъ изъ капиталовъ. Если возрастетъ злоба нашихъ враговъ и удвоится число ихъ жертвъ, то мы должны считаться съ тѣмъ, что одновременно возрастетъ и энергія въ борьбѣ и самопожертвованіе товарищей. На нихъ мы должны надѣяться, а не на большіе фонды, которые служатъ только къ тому, чтобы сдѣлать правленіе партіи экономически независимымъ отъ массы товарищей, и при нѣкоторыхъ условіяхъ могутъ стать прямо рептильными фондами.

Организаціонный уставъ оппозиціи не облекаетъ свое центральное правленіе никакою властью, которая дѣлаетъ его независимымъ отъ членовъ. Это правленіе опирается всецѣло на ихъ довѣріе и ихъ радостное участіе въ партійной работѣ, и оно не обладаетъ никакою другою властью, кромѣ выше указанныхъ факторовъ. И такъ оно должно остаться и въ будущемъ, когда организація выйдетъ изъ первоначальной стадіи, которая съ самаго начала связана съ большими ограниченіями средствъ и полномочій, безъ того, чтобы установить это по уставу.

Конечно, вся эта организація только временная. Иначе это и немыслимо, другою и не можетъ быть новая политическая организація, родившаяся въ такое бурное время броженія, когда никто опредѣленно не знаетъ, что намъ принесетъ грядущій день; какую форму примутъ при наступленіи мира—государство, партія, интернаціоналъ, міръ, и, тѣмъ самымъ, начнутъ нормально функціонировать. Только тогда мы сможемъ ясно обозрѣть основы нашей дѣятельности, ея задачи и средства и вмѣстѣ съ тѣмъ и ея наиболѣе цѣлесообразныя формы. И только тогда станетъ возможнымъ привлечь къ участію въ установленіи этихъ формъ ту массу товарищей, которые нынѣ исключены изъ политической жизни изъ-за военной службы.

Лишне теперь ломать себѣ голову надъ тѣмъ, въ какую форму выльется наше отношеніе къ старой партіи. Мы же еще совсѣмъ не знаемъ, какія тенденціи она будетъ развивать: пойдетъ ли она еще больше направо и тѣмъ самымъ оттолкнетъ отъ себя оставшіеся еще соціалъ-демократическіе элементы и при-

ведетъ ихъ въ организованную оппозицію, которая тогда станетъ соціалъ-демократическою партіею вообще; или она, подъ вліяніемъ бури и натиска, пойдетъ влѣво, и сохранитъ силу и потребность отрѣшиться отъ національ-соціализма и національ-либерализма въ собственныхъ рядахъ и такимъ образомъ фактически стать на ту-же почву, на которой стоитъ нынѣшняя оппозиція.

Какъ бы то ни было, но состояніе раскола соціалъ-демократическихъ массъ исчезнетъ тѣмъ скорѣе, чѣмъ раньше эти массы придутъ въ состояніе движенія. Ибо движеніе создается не единствомъ организаціи, и только мощное движеніе массъ въ одинаковомъ направленіи дѣлаетъ возможнымъ единство организаціи, превращая его въ потребность. Стремленіе къ расколу процвѣтаетъ легче всего во время застоя, въ періодѣ вынужденной бездѣятельности массъ. Тамъ, гдѣ массы могутъ двигаться и энергично шевелиться, тамъ расколъ быстро исчезаетъ. Въ потокѣ великихъ событій рабочіе соединятся легко и радостно другъ съ другомъ. И кто становится поперекъ дороги къ ихъ объединенію, того они легко сметаютъ съ своего пути. *Не противъ единства партіи мы возстали въ Готѣ, а противъ ея безсилія въ борьбѣ, какъ причины несогласія.*

Гораздо важнѣе единства въ партіи—это довѣріе рабочихъ массъ къ ней. Нѣмецкая соціалъ-демократія добилась этого довѣрія, самаго могучаго корня своей силы, путемъ тяжелаго труда въ теченіе полстолѣтія, чтобы видѣть, какъ оно было растрачено въ нѣсколько лѣтъ благодаря политикѣ, которая ищетъ довѣрія правительства и имущихъ классовъ. Нельзя одновременно заслужить и сохранить довѣріе однихъ и другихъ, правительства и рабочихъ массъ. Какъ единеніе, такъ и довѣріе пролетаріата можно пріобрѣсти только въ борьбѣ; въ борьбѣ противъ его враговъ, а не въ проповѣди вѣры въ ихъ благоволеніи. *Мы оппозиція въ партіи, потому что мы хотимъ оставаться партіею оппозиціи въ государствѣ.*

Только въ качествѣ таковой соціалъ-демократія сможетъ выполнить тѣ великія историческія задачи, которыя ждутъ ее нынѣ больше, чѣмъ когда-либо; никогда мы не стояли передъ лицомъ болѣе великихъ событій, чѣмъ теперь, въ эпоху великой русской революціи, которая дастъ скоро международныя послѣдствія. Подъ ея знакомъ происходили рѣшенія въ Готѣ. Духъ, который живетъ въ нашихъ русскихъ братьяхъ, окрыляетъ и насъ.

К. Каутскій.

Отъ редакціи.

Статья Каутскаго относится къ Учредительному Съѣзду новой, образовавшейся теперь въ Германіи «Независимой соціалъ-демократической рабочей партіи». Новая партія сложилась въ противовѣсъ «правительственнымъ» соціалистамъ, руководимымъ Шейдеманомъ. Въ нее вошли оба основныя теченія

противовоенной рабочей оппозиціи: группа «Интернаціоналъ» (Либкнехтъ, Мерингъ, Люксембургъ и др.) и «рабочей солидарности» (Гаазе, Каутскій, Ледебуръ и др.). Вмѣстѣ это составляетъ около половины всей германской с.-д. до ея раскола. Старая партія, соціалъ-патріотическая, поспѣшила въ отвѣтъ отнять у «Независимой» всѣ тѣ органы печати, какіе юридически приписаны были къ учрежденіямъ и агентамъ правленія старой партіи. Въ томъ числѣ отняты брауншвейгская газета «Другъ Народа», редактировавшаяся Кларой Цеткинъ, женскій органъ «Равенство» и нѣкоторые другіе, на которые въ корреспонденціи «Расколъ въ германской партіи» мы ссылались еще, какъ на органы оппозиціи.

Характерно, что статья Каутскаго посвящена, главнымъ образомъ, не принципіально-политическимъ, а *организаціоннымъ* вопросамъ. Отчасти потому, что именно они составляли главное содержаніе работъ съѣзда—вѣдь необходимость раскола по *политическимъ* соображеніямъ такъ ясна, что не приходится тратить на это особенно много словъ. Отчасти же здѣсь сказывается фактъ, общій Германіи съ ея восточной сосѣдкой: даже при наличности крупныхъ политическихъ разногласій, расколъ происходитъ не прямо по поводу нихъ и даже порой не вполнѣ по ихъ линіи, а на почвѣ организаціонной, въ связи съ признаніемъ или отрицаніемъ организаціонной дисциплины. Повидимому, даже въ такихъ странахъ, какъ Германія, масса все еще воспріимчивѣе къ вопросамъ практической организаціонной солидарности, чѣмъ къ самымъ глубокимъ и важнымъ политическимъ расхожденіямъ.

РѢЧЬ НА ПУБЛИЧНОМЪ ЗАСѢДАНІИ СВОБОДНОЙ АССОЦІАЦІИ ДЛЯ РАЗВИТІЯ И РАСПРОСТРАНЕНІЯ ПОЛОЖИТЕЛЬНЫХЪ НАУКЪ.

Высокоуважаемые граждане!

Вѣроятно, Вамъ покажется страннымъ, почему это я рѣшаюсь безпокоить Васъ соображеніями профана о наукѣ, о ея значеніи въ жизни возрожденной Россіи, о той роли, которая принадлежитъ наукѣ и ученымъ въ новой русской исторіи.

Но, можетъ быть, мнѣ удастся поколебать Ваше естественное и понятное скептическое отношеніе къ моей дерзости, если Вы позволите мнѣ кратко изложить мое отношеніе къ опытной наукѣ, мое представленіе о той творческой работѣ, которую наука можетъ и должна совершить въ нашей духовно искаженной странѣ.

Почтенные граждане!

Я не знаю силъ болѣе плодотворныхъ, болѣе способныхъ воспитать въ человѣкѣ соціальные инстинкты, чѣмъ силы искусства и науки. Скажу болѣе,—являясь въ извѣстной скромной степени представителемъ искусства, я совершенно искренно и сознательно ставлю опытныя науки на первое мѣсто въ процессѣ воспитанія человѣка.

Ибо искусство—эмоціально, оно слишкомъ легко поддается субъективнымъ особенностямъ психики творца, слишкомъ зависимо отъ того, что принято именовать «настроеніемъ», и, по силѣ этихъ причинъ, рѣдко бываетъ истинно свободнымъ, рѣдко возвышается надъ преградами, которыя ставятъ ему мощныя вліянія индивидуализма, классовыхъ, національныхъ и расовыхъ преубѣжденій.

Опытныя науки, могуче развиваясь на благодарной почвѣ точнаго наблюденія, руководясь желѣзной логикой математики, совершенно свободны отъ указанныхъ вліяній. Духъ опытныхъ наукъ поистинѣ общечеловѣченъ, интернаціоналенъ. Мы имѣемъ право говорить о русскомъ, нѣмецкомъ, итальянскомъ искусствѣ, но существуетъ только единая, всемірная, планетарная наука, и это она окрыляетъ нашу мысль, вознося ее къ предѣламъ міровыхъ тайнъ, къ разгадкамъ трагизма нашего бытія, это она открыла міру путь къ единству, свободѣ, красотѣ.

Не мнѣ надлежитъ убѣждать Васъ въ томъ, какъ необходимо насытить точными знаніями русскую демократію, кото-

рая нынѣ воскресла для новой жизни. Крупный ученый и честнѣйшій человѣкъ К. А. Тимирязевъ всю долгую жизнь свою упрямо твердитъ: «Будущее принадлежитъ наукѣ и демократіи». Это—великая истина. И я глубоко убѣжденъ, что безъ насыщенія наукой для демократіи—нѣтъ будущаго. Намъ, русскимъ, особенно необходимо вооружиться точными знаніями, намъ болѣе, чѣмъ всякой иной націи, необходимо привить уваженіе къ разуму, развить въ себѣ любовь къ нему, почувствовать его универсальную силу. Надо понять, что разумъ—наше свѣтило, что онъ—магма, способная согрѣть насъ изнутри, что лишь на его свѣтлыхъ крыльяхъ мы вознесемся къ высотѣ, достойной человѣка, достойной его страданій въ поискахъ истины и его неукротимой тоски по истинѣ.

Русская исторія сплела для нашего народа густую сѣть такихъ условій, которыя издавна внушали и до сего дня продолжаютъ внушать народнымъ массамъ подозрительное, даже враждебное отношеніе къ творческой силѣ разума и великимъ завоеваніямъ науки. Идеи западно-европейской культуры внесло въ Россію дворянство: для большинства народа дворянинъ—только помѣщикъ, крѣпостникъ—что можетъ быть добраго отъ него? Въ представленіи мужика ученый это—баринъ, а не работникъ, разбивающій оковы духа. Прибавьте сюда церковное воспитаніе народа, внутренне непримиримое съ красотою и силой свободной, безстрашно изслѣдующей мысли. И, наконецъ, мы всѣ знаемъ, какъ монархическая власть и прямо, и косвенно пресѣкала стремленіе къ знанію. Кромѣ этихъ внѣшнихъ причинъ, у насъ есть, несомнѣнно, и болѣе глубокіе внутренніе мотивы низкой оцѣнки творческой силы разума, знанія. Я увѣренъ, что въ массѣ своей нашъ народъ органически склоненъ къ созерцанію, къ мистикѣ и метафизикѣ, и что духъ опытнаго изслѣдованія—чуждъ ему. Это естественно и понятно,—народъ, который вѣками жилъ пассивной жизнью и подвергался тлетворному вліянію восточной мысли, не могъ воспитать въ себѣ активнаго отношенія къ дѣйствительности. Восточное, аскетическое православіе не могло не способствовать угашенію духа. Къ суммѣ вліяній, понижающихъ жизнедѣятельность русскаго человѣка, можно причислить еще многое, но здѣсь не мѣсто говорить объ этомъ. Всѣ эти вліянія, враждебныя развитію въ человѣкѣ дѣеспособности, должны были укоренить въ немъ чисто органическое, инстинктивно-отрицательное отношеніе къ велнкимъ поискамъ науки, къ еретическимъ догматамъ ученыхъ.

Какой же выводъ изъ этой нерадостной картины?

Выводъ можетъ быть только одинъ: наука, самая активная сила міра, должна разрушить древнее недовѣріе къ ней, коренящееся въ русскомъ народѣ, она должна сорвать съ народной души скептицизмъ невѣжества, должна освободить эту, всѣмъ намъ дорогую, душу отъ оковъ предразсудка и, окрыливъ ее знаніемъ, вознести русскій народъ на высшую стадію культуры.

Народъ долженъ знать, что нынѣ онъ живетъ въ атмосферѣ,

созданной для него именно наукой,—онъ не знаетъ этого. Ему должно быть понятно, что баринъ, собирающій въ полѣ цвѣты, не бездѣльникъ, а человѣкъ, который воспитываетъ деревнѣ агронома, что ситцевая рубаха на его плечахъ сработана на станкѣ, который нельзя создать, не зная математики, и что лѣкарство врача явилось результатомъ кропотливой работы ученаго. Онъ долженъ знать, что въ мірѣ есть разумъ, который неустанно и любовно заботится о его жизни, о его интересахъ, о томъ, чтобы облегчить его трудъ, украсить жизнь.

Еще болѣе густа атмосфера науки, окружающая городское населеніе. Здѣсь на каждомъ шагу человѣкъ можетъ видѣть завоеваніе разума и порабощеніе стихійныхъ энергій на пользу его, человѣка. И вагонъ трамвая, и кинематографъ, автомобиль, и граммофонъ, пуговица пиджака, и градусникъ— все это— полезное, забавное, мелкое и великое,— все создано наукой. Процессъ диффузіи грандіозныхъ научныхъ идей въ толщу буденъ, въ грязноватый русскій бытъ, совершенно непонятенъ обывателю, хотя обывательская жизнь пронизана и насыщена идеями опытной науки, кристаллизованными въ различныхъ формахъ практикой жизни.

Я понимаю, что разсказать обывателю о заслугахъ науки предъ нимъ,— дѣло популяризатора, а не ученаго, который поглощенъ стремленіемъ открыть сокровеннѣйшія тайны бытія. Но значеніе популяризаціи точныхъ знаній огромно и отвѣтственно; огромно потому, что только оно можетъ оздоровить психику русскаго человѣка, и потому, что только оно способно создать атмосферу сочувствія высшимъ цѣлямъ науки, вызвать въ массахъ довѣріе и уваженіе къ силѣ разума.

И поэтому мнѣ кажется, что первѣйшей, по ея культурному значенію, задачей нашей должно быть созданіе въ Россіи органа, который сконцентрировалъ бы въ себѣ всю работу разума, направленнаго къ опытному изслѣдованію великихъ тайнъ бытія. Этотъ органъ рисуется мнѣ въ формѣ свободной ассоціаціи ученыхъ,— ассоціаціи, которая, работая въ міровомъ масштабѣ, находясь въ непрерывномъ духовномъ общеніи съ подобными ей ассоціаціями, какъ, напримѣръ, Британская, стремилась бы, помимо своихъ непосредственныхъ задачъ, къ созданію въ мірѣ единаго, планетарнаго вмѣстилища разума, являлась-бы мозгомъ и нервной системой нашей планеты.

Это не моя мысль, ее, лѣтъ пять тому назадъ, бросилъ въ міръ Вильгельмъ Оствальдъ. Эта мысль, конечно, кажется, утопической, но— мы живемъ въ эпоху грандіозныхъ организацій, въ эпоху осуществленія самыхъ фантастическихъ утопій. Воздухоплаваніе и подводное плаваніе, безпроволочный телеграфъ и открытіе радія— всѣ эти прекрасныя осуществленія научныхъ идей должны окрылить насъ увѣренностью въ томъ, что утопіи— осуществимы, что геній человѣчества неутомимъ въ своемъ стремленіи къ организаціи міра на чистыхъ началахъ разума, опытнаго изслѣдованія.

И особенно необходимо созданіе такого органа у насъ, на

Руси, гдѣ разумъ все еще не пользуется должнымъ вниманіемъ и почетомъ, и гдѣ свобода его творчества была такъ цинично стѣснена нездарнымъ, некультурнымъ гнетомъ монархіи. Нѣтъ страны, гдѣ наука, высшее выраженіе жизни націи, существовала бы въ большемъ загонѣ, гдѣ къ ея свободнымъ стремленіямъ относились бы болѣе враждебно и гдѣ съ людьми науки обращались бы болѣе отвратительно, чѣмъ въ Россіи стараго режима. Вы сами знаете, какъ нагло и грубо грязная рука политики касалась чистыхъ крыльевъ науки. Вы помните, сколько сильныхъ людей изъ среды нашихъ ученыхъ принуждено было покинуть родину, сколько прекрасныхъ талантовъ задохнулись въ ней, не успѣвъ использовать своихъ силъ.

Но вотъ — нынѣ предъ людьми науки открыта счастливая возможность свободно организоваться для ихъ чудесной работы, — для безпредѣльнаго расширенія и углубленія предѣловъ точныхъ знаній, для воскресенія русскаго народа изъ мертвыхъ. Теперь люди науки могутъ работать внѣ зависимости отъ государства, но при добной помощи его и тѣхъ слоевъ общества, которые понимаютъ значеніе науки въ дѣлѣ возрожденія Россіи.

Позвольте мнѣ фантазировать, — я дѣлаю это съ глубокой увѣренностью въ томъ, что нѣтъ фантазіи, которую воля и разумъ людей не могли бы превратить въ дѣйствительность.

Мнѣ рисуется учрежденіе, которое я назвалъ бы «Городомъ Науки». — это рядъ храмовъ, гдѣ каждый ученый является жрецомъ, независимо служащимъ своему Богу. Это рядъ прекрасно обставленныхъ технически лабораторій, клиникъ, библіотекъ и музеевъ, гдѣ изо дня въ день зоркіе, безстрашные глаза ученаго заглядываютъ во тьму грозныхъ тайнъ, окружающихъ нашу планету. Это — кузницы и мастерскія, гдѣ люди точнаго зрѣнія, кузнецы и ювелиры, куютъ, гранятъ весь онытъ міра, превращая его въ рабочія гипотезы, въ орудія для дальнѣйшихъ поисковъ истины.

Въ этомъ «Городѣ Науки» ученаго окружаетъ атмосфера свободы и независимости, атмосфера, возбуждающая творчество, а работа его создаетъ въ странѣ атмосферу любви къ разуму, вызываетъ въ людяхъ горячее поклоненіе его силой, его красотой.

Вотъ фантазія, которую можетъ осуществить только наука, вотъ чудо, которое способна сотворить только она, ибо нѣтъ чудесъ, кромѣ тѣхъ, которыя создаетъ наука и дѣйствительность.

Можетъ быть, грубо и наивно говорилъ я — но я смѣло утверждаю, что къ этому голосу дружно присоединится вся демократія. Я повторяю: безъ науки у демократіи нѣтъ будущаго. Я вѣрю — демократія, въ лицѣ разумныхъ людей своихъ, понимаетъ значеніе точнаго знанія. Я знаю — она любитъ его. И я говорю: въ Вашей волѣ духовное возрожденіе Россіи.

Свѣтаетъ на Руси.

Въ эти дни, когда надъ печальной, измученной нашей страной такъ пламенно вспыхнула заря новой жизни, когда русскій народъ почувствовалъ радость свободы — въ эти счастливые,

долгожданные дни, люди разума, люди науки не должны стоять въ сторонѣ отъ великихъ событій.

Исторія зоветъ ихъ на мѣсто, по праву принадлежащее имъ—въ первые ряды творцовъ новой жизни. Это они должны возглавить страну. Это ихъ право насытить духовно голодный народъ изъ сокровищницы планетарнаго разума, мірового знанія.

Я обращаюсь къ Вамъ, граждане, увѣренный, что въ сердцахъ Вашихъ любовь къ Россіи оживлена добрымъ вѣяніемъ свободы, увѣренный, что Вы понимаете, какъ много и мужественно надо работать для укрѣпленія позицій, завоеванныхъ нами.

Мы разрушили старый строй жизни только физически,—духовно онъ и вокругъ насъ и въ насъ самихъ. Потребны геркулесовы усилія, чтобы очистить самихъ себя и всю страну отъ грязи и ржавчины монархическаго режима. Мы привыкли ко многому, что пагубно для насъ. Вѣка жили мы со связанными руками, съ закрытымъ ртомъ, мы плохо умѣемъ говорить правду, мы трусливы, мы не любимъ трудъ. У насъ не развито чувство личной отвѣтственности за безобразія и позоръ нашей жизни. У насъ нѣтъ гордости собою, нѣтъ уваженія къ ближнему—да и откуда бы могли явиться эти творческія чувства? Какими цвѣтами могла расцвѣсти душа подъ тѣмъ гнилымъ хламомъ, которымъ давила насъ монархія?

Намъ нужно понять, что сильный человѣкъ — это разумный человѣкъ. Вотъ маленькій древній японецъ,—какъ пчела, онъ собралъ медъ знанія со всѣхъ цвѣтовъ Европы. Вы помните, сколько потеряла Россія отъ столкновенія съ культурной Японіей, столкновенія, вызваннаго циническою жадностью вчерашнихъ нашихъ владыкъ.

Небольшая сравнительно съ Россіей Германія сопротивляется силамъ почти всего міра только потому, что культура Германіи насыщена крѣпкимъ сокомъ точныхъ знаній, потому что нѣмецъ умѣетъ цѣнить науку и любитъ ее. Прекрасная Франція, о которой до войны многіе изъ насъ говорили, какъ о странѣ вырождающейся, нашла въ себѣ почти чудесную силу сопротивленія врагу потому, что Франція культурна. И развѣ не изумителенъ тотъ гигантскій трудъ, который развитъ въ Англіи за все время войны?

Въ этой безумной войнѣ мы потерпѣли и потерпимъ больше другихъ потому, что мы некультурны, невѣжественны, лѣнивы. Источникъ нашихъ несчастій — наша малограмотность. Чтобы хорошо жить, надо хорошо работать; чтобы крѣпко стоять на ногахъ, надо много знать.

Намъ необходимо учиться жить, учиться работать, учиться любить трудъ. Намъ нужно понять, что трудъ не есть насиліе надъ нашей волей, трудъ есть свободное выраженіе воли къ жизни, и въ свободномъ трудѣ такъ же, какъ въ любви, скрыто величайшее наслажденіе. Это надо понять, и намъ поможетъ понять это только точное знаніе; только насыщаясь духомъ положительныхъ наукъ, мы можемъ постепенно вылѣчиться отъ нашихъ болѣзненныхъ недостатковъ.

Граждане!

Культура имѣетъ три основанія: искусство, науку и промышленность. Позвольте напомнить Вамъ великую работу Конвента Франціи съ 1791 по 93-ій годъ. За эти три года Конвентъ, живя въ атмосферѣ хаоса и террора, подъ угрозой иностраннаго нашествія, развилъ три кафедры, основанныя Бюффономъ, до 12-ти, и создалъ Ботаническій садъ, учрежденіе, которому долго завидовала вся Европа, онъ основалъ Консерваторію искусствъ и ремеслъ, три медицинскія школы, онъ же нашелъ необходимымъ во время войны, когда Франція напрягала всѣ свои силы, освободить отъ воинской повинности профессоровъ и студентовъ.

Въ невыразимо трудныхъ условіяхъ Конвентъ находилъ возможнымъ издавать для земледѣльцевъ «Совѣты относительно осеннихъ посѣвовъ», по его распоряженію ученый Дюбантонъ составилъ классическое «Руководство для пастуховъ», Конвентъ занимался осушеніемъ болотъ, организаціей образцовыхъ фермъ; въ 93 году, въ разгаръ террора, онъ ставитъ въ Пантеонѣ бюстъ Декарта, отца французской философіи, издаетъ сочиненія Бэкона, снаряжаетъ научныя экспедиціи, учреждаетъ астрономическое бюро, а Шамніонэ, съ разрѣшенія Конвента, даетъ первый толчокъ къ раскопкамъ Помпеи.

Въ краткой рѣчи нѣтъ возможности перечислить всѣ великія заслуги Конвента предъ наукою, искусствомъ и промышленностью, но— позвольте повторить, что трехлѣтняя дѣятельность Конвента протекала въ условіяхъ ужасныхъ, при наличіи террора внутри страны, подъ угрозой иностраннаго нашествія, при взрывѣ федералистическихъ тенденцій. Это— тѣ же условія, въ которыхъ нынѣ находимся мы. Напоминая о великой работѣ Конвента, я обращаюсь къ Вамъ въ надеждѣ, что буду понятъ,—въ надеждѣ, что вы отнесетесь внимательно и серьезно къ той прекрасной задачѣ, которую ставитъ предъ собою «Свободная Ассоціація для развитія и распространенія положительныхъ наукъ».

Намъ, граждане, нужно организовать въ своей странѣ ея лучшій мозгъ, ея творческую, нервную силу, намъ необходимо создать для развитія русской науки такія условія, которыя нали-бы ей возможность свободнаго и безконечнаго развитія, намъ необходимо дружно позаботиться о томъ, чтобы наши ученые могли дать странѣ максимумъ творчества.

Чѣмъ выше поднимается свободно изслѣдующая наука,— тѣмъ шире ея кругозоръ, тѣмъ обильнѣе возможность практическаго примѣненія научныхъ знаній къ жизни, къ быту. Въ природѣ, поскольку мы знаемъ ее, нѣтъ ничего чудеснѣе человѣческаго мозга, нѣтъ ничего болѣе изумительнаго, чѣмъ процессъ мышленія, ничего болѣе драгоцѣннаго, чѣмъ результаты научныхъ изслѣдованій.

Да здравствуетъ наука!

М. Горькій.

Первое организаціонное собраніе «Свободной Ассоціаціи для развитія и распространенія положительныхъ наукъ» было устроено 28-го Марта въ Женскомъ Медицинскомъ Институтѣ по иниціативѣ Акад. И. П. Бородина, Акад. В. И. Вернадскаго, М. Горькаго, проф. Д. К. Заболотнаго, проф. Н. М. Книповича, Д-ра мед. И. И. Манухина, Акад. А. А. Маркова, Проф. В. Л. Омелянскаго, Акад. И. П. Павлова и Акад. А. С. Фаминцына.

Почетнымъ Предсѣдателемъ этого собранія единогласно былъ избранъ Акад. А. А. Марковъ. Собраніе открылось рѣчами М. Горькаго и Акад. И. П. Павлова. Затѣмъ собраніе перешло къ обсужденію вопроса объ учрежденіи «Свободной Ассоціаціи», къ выясненію задачъ ея и постановило наименовать совокупность научно-просвѣтительныхъ учрежденій Ассоціаціи, согласно предложенію Акад. И. П. Павлова, «Институтомъ въ память 27 февраля 1917 г.»

На этомъ собраніи единогласно былъ избранъ Организаціонный Комитетъ въ такомъ составѣ:

Акад. Андрусовъ Н. И., Инж.-тех. Балаховскій Д. Г., Акад. Бородинъ И. П., Акад. Бунинъ И. А., Акад. Бѣлопольскій А. А., Проф. Введенскій Н. Е., Акад. Вернадскій В. И., М. Горькій, Грубе Э. К., Проф. Догель А. С., Проф. Заболотный Д. К., Акад. Заленскій В. В., Проф. Зерновъ Д. С., Проф. Ивановъ А. А., Каменка Б. А., Проф. Книповичъ Н. М., Короленко В. Г., Д-ръ астрономіи Костинскій С. К., Проф. Кравковъ Н. П., Инж.-техн. Красинъ Л. Б., Акад. Крыловъ А. Н., Д-ръ мед. Манухинъ И. И., Акад. Марковъ А. А., Проф. Метальниковъ С. И., Проф. Морозовъ Н. А., Проф. Надсонъ Г. А., Нобель Эм. Л., Проф. Омелянскій В. Л., Акад. Павловъ И. П., Акад. Палладинъ В. И., Проф. Поссе К. А., Проф. Рождественскій Д. С., Проф. Словцовъ Б. И., Акад. Стекловъ В. А., Астрофизикъ Тиховъ Г. А., Проф. Федоровъ Е. С., Проф. Холодковскій Н. А., Проф. Чугаевъ Л. А.

Организаціонный Комитетъ единогласно избралъ *Предсѣдателями:* Проф. Д. К. Заболотнаго и Акад. В. А. Стеклова. *Секретаремъ*: Д-ра мед. И. И. Манухина и *Казначеемъ:* Э. К. Грубе.

Организаціонное собраніе предоставило Организаціонному Комитету право кооптировать новыхъ членовъ, въ число которыхъ были избраны: Проф. Бауманъ В. И., Проф. Броуновъ П. П., Проф. Вагнеръ В. А., Дмитріевъ Н. В., Акад. Егоровъ Н. Г., Калмыкова А. М., Нобель-Олейникова М. Л., Гр. Панина С. В., Проф. Петровскій А. А., Плехановъ Г. В., Проф. Салазкинъ С. С., Сухановъ П. Н., Преп. Пол. Инст. Инж.-техн. Ульманъ Э. Р., Проф. Ферианъ А. Е., Проф. Филипченко Ю. А. и Чаевъ С. Н.

9-го Апрѣля Организаціонный Комитетъ устроилъ въ Михайловскомъ театрѣ публичное платное собраніе по такой программѣ:

1. Вступительное слово Акад. *В. А. Стеклова.*

2. Рѣчь *М. Горькаго*, «Наука и демократія».
3. Рѣчь Акад. *И. П. Павлова*, «Научный Институтъ въ память 27-го февраля 1917 г.»
4. Рѣчь Д-ра Мед. *И. И. Манухина*, «Изслѣдовательскіе Институты и научное творчество».
5. Рѣчь Проф. *Л. А. Чугаева*, «Наука въ борьбѣ за существованіе».
6. Привѣтственныя рѣчи *А. А. Мануйлова* и члена Исполнительнаго Комитета Петроградскаго Совѣта Р. и С. Депутатовъ *Н. Н. Суханова*.
7. Заключительное слово Предсѣдателя.

Публика отнеслась къ идеѣ «Свободной Ассоціаціи» въ высокой степени сочувственно и Организаціонный Комитетъ былъ вынужденъ повторить публичное собраніе въ болѣе обширномъ залѣ «Народнаго дома»—16-го Апрѣля.

Кромѣ рѣчей, указанныхъ выше, были произнесены привѣтственныя рѣчи А. Ф. Керенскимъ, П. Н. Милюковымъ, А. И. Шингаревымъ и отъ Временнаго Комитета Государственной Думы И. Н. Ефремовымъ.

Затѣмъ, 11-го Мая Организаціонный Комитетъ выѣхалъ въ Москву, гдѣ, въ залѣ Большаго театра, было устроено третье публичное засѣданіе по той-же программѣ съ добавленіемъ рѣчей профессора Д. К. Заболотнаго «Единство науки и строительство жизни» и Н. А. Морозова «Наука и Свобода». Возникновеніе Ассоціаціи привѣтствовали члены Научно-Просвѣтительныхъ обществъ и учрежденій г. Москвы: В. М. Хвостовъ, Н. Е. Жуковскій и Г. В. Вульфъ, произнесли рѣчи члены Исполнительнаго Комитета Московскаго Совѣта Р. и С. Депутатовъ П. Г. Смидовичъ и Н. А. Лежневъ и привѣтствовалъ отъ Черноморскаго флота матросъ Александровъ.

Эти публичныя собранія ставятъ цѣлью своей пропаганду идеи Ассоціаціи. Организаціоннымъ Комитетомъ выработаны нижеслѣдующіе тезисы:

Признавая, что счастье и благоденствіе народовъ существеннымъ образомъ зависитъ отъ высоты и развитія положительныхъ наукъ, Ассоціація ставитъ своимъ идеаломъ создать такую свободную и широкую организацію, которая могла бы наиболѣе полно и ярко проявить творческій геній націи во всѣхъ областяхъ точныхъ наукъ.

1. Въ основѣ своей это будетъ чисто ученое учрежденіе, первая и важнѣйшая задача котораго будетъ состоять въ ученой творческой дѣятельности, въ развитіи и усовершенствованіи точныхъ наукъ и ихъ методовъ.

2. Второй задачей, естественно вытекающей изъ указаннаго выше общаго замысла, будетъ стремленіе дать или указать практическое примѣненіе научныхъ выводовъ, открытій и изобрѣтеній къ техникѣ, къ промышленности и къ нуждамъ жизни вообще.

3. Третья общая задача, неразрывно связанная съ двумя первыми и къ нимъ непосредственно примыкающая, это широ-

кое, но систематическое распространеніе научныхъ знаній въ широкихъ народныхъ массахъ, преимущественно въ видѣ законченныхъ курсовъ теоретическаго и практическаго характера, и прежде всего въ рабочихъ группахъ, наиболѣе въ этомъ нуждающихся.

4. Для выполненія по преимуществу первой, главнѣйшей, задачи, предполагается основать въ память 27 февраля 1917 года Институтъ Положительныхъ Наукъ съ хорошо оборудованными изслѣдовательскими отдѣленіями, лабораторіями, кабинетами для ученыхъ изысканій и съ подобными же учрежденіями, а также музеями, библіотеками, аудиторіями и т. п. для возможнаго осуществленія двухъ другихъ задачъ. Притомъ для успѣха дѣла предполагается широко привлекать къ ученой и просвѣтительной работѣ молодыя ученыя силы, надлежащимъ образомъ обезпечивая ихъ въ матеріальномъ отношеніи.

Выработанъ такъ же и Уставъ «Свободной Ассоціаціи», вырабатывается планъ цѣлаго ряда курсовъ и лекцій по всѣмъ дисциплинамъ положительныхъ наукъ; эти лекціи и курсы имѣютъ цѣлью своей обслуживать интересы демократіи.

Но главной своей цѣлью Ассоціація ставитъ учрежденіе въ Россіи цѣлаго ряда научно изслѣдовательскихъ институтовъ, для чего необходимы колоссальныя средства.

Пожертвованія въ фондъ «Свободной Ассоціаціи» принимаются: 1) въ редакціи «Лѣтописи», 2) М. Горькимъ, Петербургъ, Кронверкскій проспектъ 23.

КУДА МЫ ИДЕМЪ?

Нѣтъ въ настоящее время болѣе остраго и волнующаго вопроса, чѣмъ вопросъ о соціальной природѣ русской революціи. Какую революцію мы переживаемъ: буржуазную или соціалистическую?— вотъ та проблема, отъ разрѣшенія которой въ ту или другую сторону зависитъ вся программа нашихъ ближайшихъ дѣйствій, вся наша политическая линія. Но проблема эта, къ сожалѣнію, не можетъ быть разрѣшена въ такой категорически элементарной формѣ, какъ этого многимъ бы хотѣлось. Здѣсь менѣе, чѣмъ гдѣ нибудь, умѣстна святая простота евангельскаго: «да, да— нѣтъ, нѣтъ,—а что сверхъ сего—отъ лукаваго». Исторія вообще идетъ лукавыми, извилистыми путями; и никогда еще изгибы историческаго пути не представляли столько неожиданнаго, столько причудливаго, столько не предусмотрѣннаго партійными катехизисами, какъ въ переживаемомъ нами процессѣ ликвидаціи мірового капитализма: въ процессѣ, исходный пунктъ котораго— имперіалистическая война— казался, а кое-кому и до сихъ поръ еще кажется величайшимъ торжествомъ мірового капитализма.

Позорная война близится къ своему безславному концу. Мы еще не знаемъ, удастся ли народамъ Европы нанести своимъ имперіалистическимъ правительствамъ рѣшительное пораженіе до окончанія войны. Мы еще не знаемъ, закончится ли война дѣйствительнымъ торжествомъ «самоопредѣленія націй», полнымъ крушеніемъ имперіалистическаго заговора противъ демократій всѣхъ странъ, полной ликвидаціей черныхъ кабинетовъ тайной дипломатіи, или же агенты-провокаторы международныхъ погромовъ сумѣютъ во время смириться передъ неизбѣжностью и заключить миръ на основѣ компромисса, болѣе или менѣе возстановляющаго до-военныя границы между европейскими государствами. Несомнѣнно во всякомъ случаѣ, что ни побѣдой австро-германскаго, ни побѣдой англо-французскаго имперіализма война кончиться не можетъ. Война «до побѣды» давно уже стала войной на истощеніе,— и это внутреннее истощеніе достигло такой степени во всѣхъ воюющихъ и не воюющихъ странахъ Европы, что о «полномъ разгромѣ» врага путемъ сокрушительныхъ наступленій могутъ кричать въ настоящее время лишь безотвѣтственные борзописцы бульварной прессы. На общественное мнѣніе «блефы» подобнаго рода не оказываютъ уже никакого дѣйствія,— мало того, они лишь увеличиваютъ отвращеніе народныхъ массъ къ тѣмъ грязнымъ потокамъ лжи,

клеветы, гнуснѣйшихъ инсинуацій, вульгарныхъ шовинистическихъ пошлостей, которыми патріоты буржуазныхъ газетъ стараются загасить пробуждающееся революціонное самосознаніе европейской демократіи. Война морально дискредитирована, а вмѣстѣ съ тѣмъ дискредитирована и вся имперіалистическая система внѣшней политики,— система, такъ называемаго, «равновѣсія», подъ покровомъ котораго подготовляются планы захватныхъ походовъ, — система вооруженныхъ до зубовъ военныхъ союзовъ якобы для поддержанія мира, система безотвѣтственной дипломатіи при номинально отвѣтственныхъ правительствахъ. Въ Россіи это противорѣчіе между насильнической, грубо классовой политикой имперіализма и его показной національно-патріотической идеологіей было, благодаря эксцессамъ самодержавія, особенно разительно, особенно невыносимо; и потому въ Россіи раньше, чѣмъ гдѣ нибудь, разсѣялся гипнозъ священнаго единенія націй во имя «освободительныхъ» цѣлей войны. Крушеніе русскаго самодержавія явилось вмѣстѣ съ тѣмъ крушеніемъ русскаго имперіализма. Къ ужасу нашихъ кадетовъ, нашей либерально-патріотической буржуазіи, которая мечтала посадить своихъ людей на мѣсто свергнутой царской шайки, чтобы вести имперіалистическую войну съ еще большей энергіей,—революціонный народъ оказался антимилитаристомъ. Первымъ международнымъ актомъ русской революціи было обращеніе петербургскаго Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ къ народамъ всего міра съ призывомъ противопоставить захватнымъ планамъ имперіалистовъ всѣхъ странъ демократическій лозунгъ мира «безъ аннексій и контрибуцій», на основѣ самоопредѣленія народностей. Знамя Циммервальда и Кинталя, знамя небольшой группы непримиримыхъ соціалистовъ, подвергавшихся ожесточеннымъ преслѣдованіямъ во всѣхъ европейскихъ странахъ— въ «демократической» Франціи и «свободолюбивой» Англіи не менѣе, чѣмъ въ юнкерской Пруссіи,—это всѣми солидными людьми презираемое и ненавидимое знамя—стало вдругъ общенаціональнымъ знаменемъ русской революціи, объединило вокругъ себя не только пролетаріатъ, но и армію, не только городскую, но и крестьянскую демократію.

Необходимо оговориться. Я вовсе не хочу сказать, что широкія массы русской демократіи усвоили себѣ *программу* циммервальдцевъ во всей ея полнотѣ, со всѣми ея политическими и соціальными выводами. Этого не было, да, конечно, и быть не могло. Программа наиболѣе «крайнихъ», наиболѣе послѣдовательныхъ и неуступчивыхъ представителей международнаго соціализма никоимъ образомъ не можетъ стать программой отсталаго русскаго крестьянства. Не въ области политическихъ и соціальныхъ идей, а лишь въ области политическихъ и соціальныхъ чувствъ произошелъ контактъ между циммервальдцами и широкой массой русскаго революціоннаго народа. Но и это уже чрезвычайно значительно. И это уже съ полной убѣдительностью доказываетъ, что въ своемъ основномъ устремленіи, въ своей страстной враждѣ къ готтентотской морали ура-патріотовъ, въ своемъ психологиче-

скомъ интернаціонализмѣ, циммервальдцы вовсе не такъ одиноки, какъ это казалось еще 3 мѣсяца тому назадъ. Какъ только рухнулъ полицейскій аппаратъ, поддерживавшій видимость общенаціональнаго «священнаго единенія», какъ только были распечатаны уста подлинныхъ представителей демократіи, немедленно оказалось, что никакихъ внутреннихъ побужденій для продолженія имперіалистической войны у народа нѣтъ. Благодаря исключительному стеченію обстоятельствъ русскій народъ первый сорвалъ маску съ воинствующаго патріотизма нашихъ дней, первый показалъ, какая, въ сущности, ничтожная часть населенія стоитъ за этой, якобы, обще-національной идеологіей. Тѣмъ самымъ русская революція дала могучій толчокъ общеевропейскому демократическому движенію. Съ каждой недѣлей слабѣетъ то гипнотическое оцѣпенѣніе, въ которое война погрузила пролетаріатъ западныхъ странъ. Въ Германіи, Австріи и Франціи антивоенное меньшинство соціалистическихъ партій превратилось въ большинство. Въ Англіи съѣздъ представителей широкихъ круговъ не только пролетаріата, но и радикальной буржуазіи, демонстративно примыкаетъ къ лозунгамъ русской революціи. Моральное крушеніе имперіализма началось и никакія мѣропріятія «демократическихъ» и «свободолюбивыхъ» правительствъ, никакія усилія услужающихъ имъ соціалъ-патріотовъ не смогутъ задержать этого процесса.

Однако дискредитировать имперіализмъ—не значитъ еще реально подорвать его господство.

Окончаніе войны фактическимъ пораженіемъ обѣихъ имперіалистическихъ кликъ — германской и англійской — нанесетъ тяжелый ударъ теперешнимъ формамъ проявленія мірового имперіализма, но не уничтожитъ тѣхъ общихъ условій, которыя порождаютъ захватную политику современнаго капитала. Въ самомъ дѣлѣ, допустимъ, что война закончилась полнымъ торжествомъ принципа «національнаго самоопредѣленія»: населенію оккупированныхъ областей предоставлена возможность совершенно свободно, путемъ всеобщаго голосованія, опредѣлить свою дальнѣйшую судьбу; никакихъ контрибуцій не взыскивается, разрушенные войной очаги культуры возстановляются дружными усиліями всѣхъ націй, на основѣ международнаго соглашенія; нѣтъ ни нагло ликующихъ побѣдителей, ни мстительно жаждущихъ реванша побѣжденныхъ; примиренные народы покончили съ интригами тайной дипломатіи, всѣ международныя отношенія регулируются открыто и гласно подъ непосредственнымъ контролемъ парламентовъ; для улаженія конфликтовъ созданы международные третейскіе суды, рѣшенія которыхъ признаются безапелляціонными и обязательными и т. д. и т. п. Спрашивается, можно-ли признать такой порядокъ вещей прочнымъ оплотомъ противъ разрушительной политики воинствующаго имперіализма, надежной гарантіей «мира всего міра»? Къ сожалѣнію, нѣтъ. Если внутренняя организація хозяйства въ каждой изъ нынѣ враждующихъ странъ останется такою же, какой она была до войны, если частный интересъ частнаго предпринимателя будетъ, по

прежнему, диктовать свою волю національному производству; если обобществленныя, сконцентрированныя производительныя силы націй останутся въ неограниченномъ распоряженіи банковскихъ концерновъ и промышленныхъ синдикатовъ, то идиллія международнаго братства окажется обманчивымъ миражемъ, тогда никакія гарантіи «самоопредѣленія» не спасутъ націи отъ новаго наростанія имперіалистическихъ противорѣчій, никакія арбитражныя комиссіи не погасятъ разгорающагося пламени вражды, и заключенный нами миръ окажется лишь временнымъ перемиріемъ. Черезъ десятокъ—другой лѣтъ цивилизованное человѣчество, далеко еще не залѣчившее всѣхъ ранъ, нанесенныхъ ему современной войной, снова окажется во власти варварской военной стихіи, которая пронесется отъ края до края земли ураганомъ, быть можетъ, еще болѣе опустошительнымъ, чѣмъ переживаемая нами всемірно-историческая катастрофа.

Имперіалистическая политика со всѣми ея ужасами и звѣрствами есть необходимый результатъ структуры капиталистическаго хозяйства въ новѣйшей фазѣ его развитія, а отнюдь не проявленіе злонамѣренности отдѣльныхъ капиталистическихъ группъ, и потому всякія внѣшнія, юридическія формы обузданія имперіалистовъ обречены на полный провалъ до тѣхъ поръ, пока незыблема матеріальная база имперіализма, какъ экономической системы. Только совершенно беззаботные насчетъ теоріи, плывущіе по теченію, демагоги бульварныхъ листковъ могутъ утверждать, что захватные планы нѣмецкихъ имперіалистовъ связаны съ національной психологіей правящихъ классовъ Германіи, только они могутъ сулить своимъ наивнымъ читателямъ земной рай всеобщаго умиротворенія послѣ разгрома «германизма». И если въ наши дни нѣкоторые «основоположники» марксизма унизились до проповѣди подобнаго рода плоскихъ, бульварныхъ «лозунговъ»,— то это свидѣтельствуетъ лишь о тѣхъ колоссальныхъ опустошеніяхъ, которыя произвела война не только въ матеріальномъ, но и въ духовномъ достояніи захваченныхъ ею человѣческихъ массъ.

Капиталистическое производство давно уже переросло рамки отдѣльныхъ государствъ; давно уже культурный міръ представляетъ собой единую систему, покоящуюся на международномъ раздѣленіи труда; не разъ уже капиталисты разныхъ странъ— то въ той, то въ другой отрасли промышленности — вступали между собой въ тайныя соглашенія для упорядоченія производства въ международномъ масштабѣ; въ отдѣльныхъ случаяхъ интернаціональные тресты возникали совершенно открыто. Но политическая обособленность руководящихъ группъ финансоваго и промышленнаго капитала стала могучей преградой по пути къ развитію этого, какъ называетъ его Каутскій, «сверхъимперіализма». Не посредствомъ соглашенія, а посредствомъ насильственнаго вытѣсненія съ рынка своихъ конкурентовъ стремится, какъ общее правило, національно организованный и государственно ограниченный капиталъ осуществить задачу регулированія міровой промышленности. Стратегія, какъ и

всегда, является здѣсь непосредственнымъ продолженіемъ политики. Міровая опустошительная война есть неизбѣжный результатъ войны торгово-промышленной, попытка разрубить мечемъ тотъ узелъ экономическихъ противорѣчій, который безнадежно затянулся подъ вліяніемъ основныхъ, неустранимыхъ тенденцій новѣйшей и послѣдней фазы капиталистическаго развитія. Задача, преслѣдуемая имперіализмомъ — организація мірового хозяйства—диктуется объективной необходимостью,—она должна быть разрѣшена во что бы то ни стало. Но имперіализмъ органически неспособенъ разрѣшить ее; его методы приводятъ не къ созиданію, а къ опустошенію, не организаціи, а къ дезорганизаціи экономической жизни, и притомъ не только въ международной области, но и внутри каждой отдѣльной страны. Капиталистическій способъ производства практически, на дѣлѣ пришелъ къ самоотрицанію, къ самоуничтоженію. Началось то возстаніе общественно организованныхъ производительныхъ силъ противъ ихъ индивидуальнаго присвоенія, о которомъ пророчествовалъ Марксъ, говоря о грядущей соціалистической революціи. Передъ культурнымъ человѣчествомъ встаетъ альтернатива: или безвыходный тупикъ всепожирающаго милитаризма, длинный рядъ нелѣпыхъ, ничего не разрѣшающихъ и въ то же время неслыханно опустошительныхъ войнъ, т. е. въ, конечномъ итогѣ, полная анархія, полный распадъ всей матеріальной и духовной культуры,—или рѣшительное преодолѣніе имперіализма путемъ планомѣрной общественной организаціи мірового хозяйства, т. е. соціализмъ.

Текущая война не только «дискредитировала» имперіализмъ, не только отрицательно показала его всестороннюю несостоятельность, но и положительно подготовила переходъ къ будущему строю, заложила нѣкоторыя матеріальныя основы соціализма.

Частно-хозяйственный капитализмъ смогъ провоцировать войну, но оказался совершенно безсильнымъ съ ней справиться. Для того, чтобы обезпечить достаточное удовлетвореніе потребностей какъ самой войны, такъ и мирнаго населенія, всѣмъ воюющимъ, а за послѣднее время и большинству нейтральныхъ странъ пришлось прибѣгнуть къ государственному или общественному регулированію производства. Виды этого регулированія чрезвычайно разнообразны. Самымъ распространеннымъ, примитивнымъ и по существу несовершеннымъ способомъ государственнаго контроля надъ народнымъ хозяйствомъ военнаго времени является «организація снабженія», т. е. сосредоточеніе въ рукахъ государства снабженія предпріятій сырыми матерьялами (система «нарядовъ»), а потребителей продовольственными продуктами (карточная система). Этотъ видъ государственнаго вмѣшательства, практикуемый въ той или иной степени во всѣхъ европейскихъ странахъ, самъ по себѣ совершенно недостаточенъ и безъ содѣйствія болѣе рѣшительныхъ мѣропріятій не достигаетъ поставленныхъ цѣлей. Слѣдующимъ шагомъ является введеніе государственныхъ торговыхъ монополій на распредѣляемые продукты, но и эта мѣра безъ регулированія самого

производства не приводитъ къ цѣли, какъ показываетъ, хотя бы, опытъ нашей хлѣбной монополіи. Дѣйствительное упорядоченіе снабженія становится возможнымъ лишь съ того момента, когда государство беретъ подъ свой контроль всю систему народнаго хозяйства, вплоть до организаціи наиболѣе развитыхъ отраслей производства по опредѣленному плану.

Эта послѣдняя ступень государственнаго регулированія всего полнѣе осуществлена въ Германіи, гдѣ, одновременно съ введеніемъ трудовой повинности, всѣ главнѣйшія отрасли производства были *трестированы* государствомъ. Особыя комиссіи спеціалистовъ (вызванныхъ для этой цѣли съ фронта) произвели тщательную экспертизу примѣняемыхъ въ различныхъ предпріятіяхъ методовъ производствъ; затѣмъ въ каждой отрасли были оставлены и расширены лишь тѣ заводы и фабрики, которые способны работать съ максимальной продуктивностью, съ наибольшей экономіей сырыхъ матеріаловъ и живой рабочей силы. На мѣсто сотенъ и тысячъ самостоятельныхъ предпріятій, безпорядочно расточавшихъ средства производства, стало единое, строго упорядоченное государственное предпріятіе, состоящее изъ ряда соподчиненныхъ другъ другу трестовъ. Предприниматели не лишились права собственности, но утратили право распоряжаться своей собственностью (для такого перехода частной собственности въ распоряженіе государства выработанъ даже новый юридическій терминъ «Beschlagnahme»), изъ самостоятельныхъ руководителей они превратились въ пайщиковъ государственной промышленности, въ акціонеровъ единой «фирмы Германія», какъ выразился генералъ Гренеръ въ одной изъ своихъ парламентскихъ рѣчей.

Въ нѣсколько иныхъ формахъ проведено огосударствленіе каменноугольнаго и судоходнаго дѣла въ Англіи.

Что же представляетъ собой эта новая система государственно-трестированной промышленности, — система, самымъ рѣзкимъ образомъ порывающая съ основами частно-хозяйственнаго капитализма? Трудно быть пророкомъ въ соціально-политической области, но не надо обладать пророческимъ даромъ, чтобы констатировать, что государственная трестификація народнаго хозяйства знаменуетъ собой начало конца капитализма, что это первое изъ тѣхъ соціальныхъ новообразованій,—новообразованій весьма несовершенныхъ, ублюдочныхъ и уродливыхъ,—черезъ которыя придется въ ближайшіе годы пройти культурному міру по дорогѣ къ соціализму. Когда и какъ будетъ осуществленъ соціализмъ — мы не знаемъ: это зависитъ отъ напряженности революціонной энергіи мірового пролетаріата, отъ тѣхъ формъ, которыя приметъ классовая борьба на почвѣ созданнаго войной экономическаго распада, отъ тысячи условій, предусмотрѣть которыя нѣтъ возможности. Одно можно сказать съ полной увѣренностью. Соціализмъ является единственнымъ объективно-возможнымъ разрѣшеніемъ того соціально-политическаго кризиса, въ который ввергла культурное человѣчество война 1914 года.

Только соціализму по силамъ та организація мірового хозяйства, необходимость которой выдвинута имперіалистической эпохой, осуществляя которую своими насильническими методами, имперіализмъ потерпѣлъ такое позорное фіаско. Современное государственное регулированіе производства есть такимъ образомъ первый этапъ на пути отъ капитализма къ соціализму.

Существуетъ, однако, цѣлый рядъ психологическихъ препятствій, мѣшающихъ многимъ изъ современныхъ соціалистовъ стать на эту, казалось бы, столь естественную точку зрѣнія. Марксъ представлялъ себѣ соціалистическій переворотъ, какъ болѣе или менѣе продолжительный періодъ интенсивной революціонной борьбы пролетаріата съ буржуазіей. Очевидно, что въ этомъ длительномъ процессѣ пролетаріату суждено заключить цѣлый рядъ неустойчивыхъ компромиссовъ, испытать не только побѣды, но и частичныя пораженія, проявить не только доблести, но,—въ особенности на первыхъ порахъ,—многіе пороки, унаслѣдованные имъ отъ его прошлаго рабьяго существованія. Между тѣмъ большинство теперешнихъ соціалъ-демократовъ привыкло рисовать себѣ соціалистическій переворотъ, какъ какую-то оперную феерію, какъ блистательную диктатуру пролетаріата, сразу водворяющую на землѣ царство небесное.

Не удивительно, что подлинное лицо соціалистической революціи, далеко не столь эффектное и лучезарное, отталкиваетъ отъ себя эту группу соціалистовъ, заставляетъ, для спасенія мечты, придумывать всевозможные аргументы, доказывающіе, что переживаемый нами общественно-политическій переворотъ не заключаетъ въ себѣ никакихъ элементовъ соціализма, что это революція чисто буржуазная. Сюда присоединяется еще власть многолѣтней традиціи, приспособившей всю психологію соціалистической интеллигенціи, всѣ ея умственные навыки къ агитаціи и пропагандѣ «въ рамкахъ существующаго строя». Но текущій моментъ выдвигаетъ вопросъ о передѣлкѣ самихъ этихъ «рамокъ», о преобразованіи самого этого строя въ какую-то новую организацію, способную справиться съ хозяйственной разрухой, передъ которой позорно спасовалъ старый частнохозяйственный капитализмъ. До сихъ поръ дѣло шло лишь о томъ, чтобы отстаивать классовыя *требованія* пролетаріата,—теперь—по крайней мѣрѣ, у насъ въ Россіи, гдѣ буржуазія не сумѣла или не захотѣла создать собственными усиліями государственной организаціи производства,—это традиціонное занятіе соціалъ-демократовъ становится все болѣе и болѣе безсмысленнымъ, ибо дезертируетъ съ поля сраженія тотъ, къ кому обращены классовыя требованія рабочихъ. Предприниматели сознательно дезорганизуютъ производство; не производятъ необходимаго ремонта, не возобновляютъ запасовъ; ихъ тактика—пассивный бойкотъ, систематическій саботажъ, приведеніе своихъ предпріятій въ состояніе полной технической негодности. Трудно понять, какими соображеніями мотивируется эта, на первый взглядъ, самоубійственная тактика; по всей вѣроятности имѣется въ виду демонстрировать путемъ разрушенія производ-

ства зловредность пролетарской «анархіи», вызвать междоусоб, ную войну среди демократіи, добиться созданія сильной власти-способной штыками смирить строптивость пролетаріата и обезпечить предпринимателю возвращеніе добраго стараго времени, когда онъ былъ полнымъ хозяиномъ въ «своемъ» дѣлѣ. Какъ бы то ни было, совершенно очевидно, что классовой интересъ пролетаріата можетъ быть въ настоящее время обезпеченъ не повышеніемъ требованій, предъявляемыхъ къ предпринимателямъ, а прежде всего сохраненіемъ той уходящей изъ-подъ ногъ пролетаріата почвы, безъ которой невозможно удовлетвореніе какихъ бы то ни было пролетарскихъ требованій. Въ современныхъ русскихъ условіяхъ организація производства подъ государственнымъ контролемъ есть прежде всего *пролетарское* требованіе,— неисполненіе его грозитъ смертельной опасностью не только всѣмъ классовымъ завоеваніямъ пролетаріата, но и самому существованію его, какъ класса. Идеологамъ русскаго пролетаріата приходится, такимъ образомъ, выступать въ непривычной для нихъ роли защитниковъ общегосударственнаго интереса, — въ роли, требующей совершенно новой ориентаціи мысли и, прежде всего, рѣшительнаго разрыва со многими священными шаблонами старой тактики и обосновывающей эту послѣднюю «программы-минимумъ». Такое психологическое приспособленіе къ новымъ заданіямъ исторіи для многихъ непосильно,— нѣкоторые склонны даже усмотрѣть въ немъ явное отступничество, измѣну строго выдержанной классовой точкѣ зрѣнія.

Уклоненіе отъ практической постановки вопроса объ организаціи нашего народнаго хозяйства принимаетъ различныя формы въ зависимости отъ того, имѣемъ мы дѣло съ лѣвыми, или съ правыми соціалистами. Правые, отстаивая чисто буржуазную природу русской революціи, отрицаютъ самую правомѣрность государственнаго вмѣшательства въ организацію народнаго хозяйства,— лѣвые, признавая революцію соціалистической, или по крайней мѣрѣ, нолусоціалистической, находятся въ болѣе затруднительномъ положеніи. Они не отвергаютъ необходимости организаціи производства, напротивъ, энергично отстаиваютъ эту необходимость, но пытаются доказать, что въ настоящій моментъ еще не имѣется политическихъ предпосылокъ для практической работы въ этомъ направленіи. Такова, напримѣръ, позиція «Правды»: коалиціонное министерство, гдѣ на 6 соціалистовъ приходится 10 буржуа, ничего путнаго сдѣлать не можетъ; мы будемъ поэтому безпощадно разоблачать коалиціонное правительство, и вмѣстѣ съ чѣмъ «терпѣливо, упорно, настойчиво» агитировать за переходъ всей власти въ руки рабочихъ, солдатскихъ, крестьянскихъ и батрацкихъ депутатовъ.

Что коалиціонное министерство безсильно сдѣлать что-нибудь толковое въ дѣлѣ организаціи хозяйства,— это не подлежитъ спору. Но столь же безсильно было бы въ данный моментъ и всякое другое, даже самое что ни на есть «батрацкое» министерство. Ибо въ обстановкѣ русской революціи, при отсутствіи внѣшней силы матеріальнаго принужденія, министерство можетъ

проявить плодотворную инициативу, только опираясь на сознательное и организованное содѣйствіе заинтересованныхъ слоевъ населенія. Какіе же слои населенія наиболѣе заинтересованы въ государственномъ регулированіи промышленности? Прежде всего, конечно, рабочіе, а затѣмъ и весь руководящій технической персоналъ, начиная мастерами и кончая директорами-распорядителями. Рабочіе въ значительной своей части сознаютъ необходимость регулированія промышленности; въ отдѣльныхъ случаяхъ они черезъ заводскіе комитеты и другіе выборные органы пытались даже на практикѣ регулировать производство. Но, конечно, такія единичныя попытки, ничѣмъ не связанныя между собой и далеко не всегда свидѣтельствующія о достаточномъ знаніи дѣла, отнюдь не помогаютъ разрѣшенію экономическаго кризиса, а скорѣе еще болѣе осложняютъ господствующую путаницу.

При правильной постановкѣ государственнаго трестированія фабричнымъ комитетамъ должна принадлежать очень почтенная роль въ организаціи производства, но, само собой разумѣется, не въ области техническаго руководства предпріятіями, а въ области контроля за выполненіемъ тѣхъ сторонъ общаго плана, которыя непосредственно касаются интересовъ рабочихъ. Руководящія функціи должны остаться за теперешнимъ персоналомъ техническихъ организаторовъ, которые съ превращеніемъ предпринимателя въ государственнаго рантье поступаютъ въ непосредственное распоряженіе государства. Но, къ сожалѣнію, именно руководящій персоналъ нашей промышленности въ значительной своей части обрѣтается до сихъ поръ, подобно промышленникамъ, «въ нѣтѣхъ», объятъ паникой, и вмѣсто того, чтобы порвать съ постыдной дезорганизаторской политикой капитала и открыто выступить въ качествѣ защитника общегосударственнаго интереса, всѣмъ своимъ поведеніемъ поддерживаетъ убѣжденіе темныхъ рабочихъ массъ въ томъ, что инженеръ по самой природѣ своей прислужникъ хозяина. Только за самое послѣднее время появились признаки пробужденія сознанія среди инженеровъ. Такъ, инженеры и служащіе предпріятій Донецкаго бассейна объединились въ общій союзъ, который рѣшительно сталъ на точку зрѣнія государственной организаціи промышленности. Аналогичныя тенденціи наблюдаются и въ нѣкоторыхъ другихъ союзахъ и корпораціяхъ. Если это движеніе будетъ имѣть успѣхъ, если сознательные рабочіе и техническіе руководители промышленности сплотятся для дружной совмѣстной работы, образовавъ тѣ кадры, опираясь на которые государство сможетъ осуществить новую организацію производства, то замѣнить непригодныхъ для этого дѣла членовъ правительства болѣе подходящими будетъ очень легко и просто, и вовсе не потребуетъ особенно «упорной, терпѣливой, настойчивой» и т. д. агитаціи. Безъ этого условія и чисто демократическое правительство, правительство Совѣта Р. и С. Д., повиснетъ въ воздухѣ, окажется такимъ же безпомощнымъ, какъ и коалиціонное министерство. Планъ государственнаго регулированія промышленности дол-

женъ проводиться сверху, но самая возможность его проведенія въ жизнь предполагаетъ обстоятельную подготовку снизу, — широкую пропагандистскую, агитаціонную и организаціонную работу какъ среди пролетаріата въ тѣсномъ смыслѣ слова, такъ и среди промышленныхъ служащихъ. Это и есть та практическая задача, которая прежде всего встаетъ передъ соціалистомъ, рискнувшимъ раздѣлаться съ традиціоннымъ абстрактнымъ противопоставленіемъ буржуазной и соціалистической революціи. Выполненіе этой задачи требуетъ радикальнаго измѣненія какъ самого содержанія, такъ и внѣшнихъ пріемовъ агитаціи, практикуемой лѣвой, «большевистской» частью соціалъ-демократіи. Дѣло идетъ не о повышеніи классовой требовательности, не о поддержаніи кипѣнія революціонныхъ чувствъ краткими лозунгами непримиримости, «недовѣрія» и т. п., но о формированіи ясной, дисциплинированной революціонной мысли и воли. Боевое настроеніе пролетарской арміи въ настоящее время чрезвычайно высоко, но ея практическая «боеспособность»—ничтожна, ибо вмѣсто стройныхъ рабочихъ батальоновъ мы имѣемъ передъ собой хаотически волнующуюся массу, почти не организованную внутренно, бредущую въ разбродъ, сплошь да рядомъ нарушающую постановленія своихъ собственныхъ выборныхъ органовъ. Рабочей арміи еще предстоитъ выработать и провести въ жизнь ту декларацію правъ и обязанностей солдата національной промышленности, тотъ «Приказъ № 1», съ котораго началось революціонное преобразованіе нашихъ войсковыхъ частей. Изъ бунтующей противъ угнетателей толпы, способной только выставлять «требованія» и ожидать ихъ выполненія отъ кого-то другого, рабочій классъ долженъ преобразоваться въ стройно организованные кадры отвѣтственныхъ передъ націей работниковъ, твердо, послѣдовательно и дисциплинированно проводящихъ въ жизнь свои собственныя директивы. Трудной работѣ этого внутренняго перевоспитанія, безусловно необходимаго для успѣшной организаціи народнаго хозяйства въ обстановкѣ революціи, теперешніе пріемы соціалъ-демократической проповѣди не только не содѣйствуютъ, но скорѣе противодѣйствуютъ. И нелегко будетъ исправить это зло. Какъ я уже сказалъ, все прошлое, всѣ навыки партійной работы предыдущихъ лѣтъ привели къ тому, что наши соціалистическіе дѣятели психологически приспособлены только къ той поверхностной агитаціи, которую они ведутъ въ настоящее время, — къ агитаціи, льстящей инстинктамъ толпы, скользящей по верхушкамъ чувствъ и настроеній, — при чемъ этотъ недостатокъ присущъ не только лѣвому, но и правому крылу русскаго соціализма. Разница лишь въ томъ, что одни демагогически используютъ ультрареволюціонныя чувства, — другіе разводятъ столь же поверхностную демагогію на чувствахъ мѣщанскихъ, эксплоатируютъ стихійный страхъ передъ «эксцессами» революціи, передъ грядущей «анархіей» и т. п. Для того, чтобы помочь соціалистическому перевоспитанію пролетаріата, руководителямъ его надо еще перевоспитать себя самихъ. «Врачу, исцѣлися самъ».

КАКЪ МЫ БРАТАЛИСЬ.

Послѣ двухнедѣльнаго отдыха нолкъ выступалъ на позиціи. Изъ окоповъ уже тянулись отдѣльныя группы солдатъ смѣняющагося полка, подходили спеціальныя команды, по селу сновали квартирьеры. Смѣны, какъ у насъ, такъ и у нѣмцевъ, происходятъ глубокою ночью, и поэтому чѣмъ длиннѣе и гуще становились вечернія тѣни, тѣмъ больше усиливалось всеобщее оживленіе.

Пока офицеры обсуждали распредѣленіе указанныхъ для защиты участковъ, я уговаривался съ начальникомъ спеціальной команды относительно устройства митинга между нашими и нѣмецкими окопами.

— Это—плевое дѣло,—рѣшительно отвѣтилъ смѣлый товарищъ.—Слетать къ нѣмцамъ, узнать, прежняя-ли часть стоитъ передъ нашими позиціями, и пригласить ихъ пожаловать на общее собраніе. Это мы живо устроимъ.

Съ закатомъ солнца нолкъ съ музыкой выступилъ изъ села и быстро ушелъ въ потемнѣвшую даль: до позицій надо было пройти верстъ 12-15.

Утромъ часа въ четыре неожиданно загрохотала наша артиллерія. Размѣстившіеся въ окопахъ и землянкахъ усталые солдаты съ ворчаніемъ просыпались.

— Экъ ихъ! Наступаетъ, что-ли, нѣмецъ?

На этотъ разъ артиллерія стрѣляла не по нѣмцамъ, а по своимъ: это отчаянный Егоръ Ивановичъ съ однимъ изъ солдатъ своей команды отправился звать нѣмцевъ на митингъ.

Я ночевалъ въ тылу, и въ 7 часовъ утра подъѣхалъ къ деревнѣ Демьянычи, находящейся въ 2—3 верстахъ отъ окоповъ. Нѣсколько исковерканныхъ избушекъ и полуобломанныхъ снарядами сосенъ—вотъ и все, что осталось отъ деревни. Здѣсь кипѣли бои, и двѣ другія деревни, ближайшія къ окопамъ, разрушены до основанія: даже бревенъ нѣтъ, ихъ растащили на постройку землянокъ солдаты. Въ Демьянычахъ же помѣщается перевязочный пунктъ и кухни. На стукъ нашей двуколки появились 2—3 заснанныя фигуры и съ удивленіемъ уставились на меня и моего провожатаго: такой ранній пріѣздъ, да еще штатскаго, былъ совсѣмъ необычнымъ явленіемъ здѣсь. Дальше ѣхать было нельзя, дорога находилась подъ обстрѣломъ. Пока товарищъ переносилъ изъ двуколки вещи, я обошелъ деревушку.

Въ прострѣлянныхъ соломенныхъ крышахъ ютились воробьи и ласточки. Стоялъ неугомонный птичій писк и возня: въ зіяющія отъ снарядовъ дыры влетали и вылетали птицы. Изъ

одной землянки вышелъ бравый пѣтухъ и мѣрнымъ, церемоніальнымъ шагомъ направился вдоль по дорогѣ къ окопамъ.

— Ты куда? воевать?—спросилъ пѣтуха встрѣчный солдатъ.—Опоздалъ, братъ, скоро миръ.

Пѣтухъ остановился, что-то пробормоталъ нерѣшительно и повернулъ обратно.

— Это что же за сооруженіе?—заинтересовался я.

На верхушку березы былъ намотанъ большой пукъ соломы. На вѣтвяхъ, въ уровень человѣческаго роста, висѣло на проволокѣ металлическое колесо отъ тачки, оболочка шестидюймоваго снаряда и желѣзный стержень.

— На случай газовой атаки. Зажигаемъ солому для сигнала и звонимъ этимъ въ это,—пояснилъ солдатъ назначеніе колеса, стержня и снаряда. Колоколовъ нѣтъ, и люди приспосабливаются звонить «этимъ въ это».

Несмотря на присутствіе въ окрестностяхъ многихъ тысячъ людей, дорога подъ обстрѣломъ была совершенно пуста. Съ перваго же подъема товарищъ показалъ мнѣ:

— Вотъ это наши позиціи, и во-о-онъ тамъ германскія. Всѣ эти лѣса кругомъ заняты нѣмцами— все наше осталось позади.

Гууммъ!—раскатился пушечный выстрѣлъ: первый, услышанный мною на позиціяхъ.

— Не по насъ-ли стрѣляютъ?—встревожился я.

— Ну нѣтъ, это наши бьютъ,—засмѣялся товарищъ.—Нѣмцы теперь не стрѣляютъ по отдѣльнымъ людямъ и даже группамъ. Видимо, очень берегутъ снаряды. Вонъ, глядите.

Высоко-высоко въ ясной и нѣжной глубинѣ неба появлялся рядъ крошечныхъ облачковъ. Точно на нитку нанизывали тамъ вверху эти пушинки. Одинъ за другимъ гремѣли выстрѣлы, одинъ за другимъ въ линію вырастали граціозныя облака. Красивая работа.

— Аэропланъ гонятъ,—говоритъ товарищъ.—Только гдѣ же это онъ?

Въ залитомъ солнцемъ небѣ совершенно пусто—и только маленькія тучки отъ разрывовъ указываютъ линію полета нѣмца. Разглядѣть же въ этомъ солнечномъ блескѣ положительно ничего нельзя.

Впереди виднѣлись какія-то руины и нѣсколько деревьевъ.

— Тамъ наши окопы и землянки передового расположенія. А вотъ это— укрѣпленія на случай отступленія съ боемъ.

Всюду въ лощинѣ разбѣгался узоръ вырытыхъ траншей. Весь этотъ узоръ точно паутиной былъ затканъ проволочными загражденіями. Всюду стояли рогатки, переплетенныя колючей проволокой; иногда неожиданно за пригоркомъ открывался рядъ скрытыхъ проволочныхъ заграждений. Съ разбѣга на пригорокъ нападающій долженъ попасть сразу въ цѣпкую путаницу проволочныхъ шиповъ. Ужасное, пыточное сооруженіе.

Первое, что бросилось въ глаза въ нашихъ окопахъ, было искусно сдѣланное изображеніе Вильгельма на шестѣ. Замѣчательно вырѣзавная изъ дерева человѣческая фигура съ мечами

въ обѣихъ рукахъ вертѣлась на шпенькѣ. рубя направо и налѣво, взадъ, впередъ, вверхъ и виизъ. Туда-сюда нерпно вертѣлся отъ порывовъ вѣтра деревянный «Вильгельмъ», мелькали руки, клинки мечей, голова, усы и получалось поразительное впечатлѣніе сражающаго на всѣ стороны челонѣчка. Невдалекѣ качались на качеляхъ солдаты.

Въ землянкѣ батальоннаго командира мы застали всѣхъ въ тревогѣ.

Егоръ Ивановичъ съ товарищемъ ушелъ въ пятомъ часу къ нѣмцамъ и до сихъ поръ не возвращался. Какъ только они вышли за проволочныя загражденія, наша артиллерія открыла по нимъ огонь. Что такое съ ними—понять не можемъ. Неужели свои ухлопали? Или нѣмцы въ плѣнъ взяли? Надо идти къ заставѣ, изъ которой они вышли.

Цѣлой группой спускаемся въ окопы и идемъ къ ходамъ сообщенія. Нѣкоторые изъ солдатъ не даютъ себѣ труда даже спуститься въ траншеи, а прямо шагаютъ по верху.

— А развѣ не опасно? Вѣдь нѣмцы подстрѣлятъ?—спрашиваю одного «пѣшехода».

—Ни-че-го,—тянетъ тотъ въ отвѣтъ.—Наши многіе ходятъ такъ-то. Нѣмецъ не стрѣляетъ сегодня. Ничего...

Это медлительное «ничего» такъ заразительно, успокоительно, что вся наша группа понемногу тоже вылѣзаетъ наверхъ и шагаетъ прямикомъ.

Съ любопытствомъ оглядываю мѣстность и окружающую обстановку. Впереди ложбина, очевидно, болотистая, поросшая мелкимъ кустарникомъ. Наши склоны и противоположные одѣты бурою толстою тканью пронолочныхъ заграждепій. Нѣмецкихъ окоповъ, такъ же какъ и нашихъ, съ поверхности земли не видно. Все кругомъ изрыто снарядами, усыпано осколками, въ желто янтарныхъ коридорахъ ходовъ сообщеній, вырытыхъ въ пескѣ, поблескиваютъ обоймы, оболочки гранатъ и ракетъ. На приступочкахъ кучками сложены разстрѣлянныя гильзы патроновъ; теперь ихъ собираютъ и отправляютъ вновь на заводы. По зигзагообразнымъ ходамъ ломаной лентой движутся наши солдаты и офицера. Всѣ загорѣлые, обвѣтренные, суховато-мускулистые. Тѣхъ сырыхъ, бѣлотѣлыхъ лицъ и фигуръ, которыя преобладаютъ въ городской толпѣ, здѣсь нѣтъ совсѣмъ. Солнце и порохъ обжигаютъ и закаляютъ.

Молодой поручикъ, начальникъ заставы, вылѣзаетъ изъ темнаго погреба. Застава самый передовой отрядъ, въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ уже окопы нѣмецкіе. Въ случаѣ газовой атаки застава обречена почти на вѣрную смерть: здѣсь солдаты принимаютъ на себя волны газа и первые же попадаютъ подъ удары атакующихъ. Если не задушатъ газы — убьютъ, переколютъ атакующіе. Смерть почти гарантирована, какъ пояснилъ офицеръ.

— Отъ васъ вышелъ Егоръ Ивановичъ къ нѣмцамъ?

— Да. По телефону онъ передалъ въ наши батареи просьбу не стрѣлять, вышелъ за окопы и подошелъ съ товарищемъ къ

нѣмецкимъ загражденіямъ. Навстрѣчу имъ вышли трое нѣмцевъ, взяли подъ руки и повели. Въ это время наши артиллеристы открыли огонь: шесть снарядовъ упали въ томъ мѣстѣ, гдѣ наши и нѣмцы только что скрылись. Чортъ ихъ знаетъ, кто стрѣлялъ. Очевидно, одна изъ батарей заставила таки стрѣлять по своимъ.

Наступило тягостное молчаніе. Ясно было, что съ нашими что-то произошло. Но что именно? Въ плѣну они или убиты? Быть можетъ, только раненые, они лежатъ за проволочными заграждеміями. Надо было найти выходъ.

Я рѣшился лично отправиться къ нѣмцамъ и, какъ штатскій, не активный участникъ войны, попросить у нихъ разъясненій и во всякомъ случаѣ пойти посмотрѣть то мѣсто, гдѣ скрылись наши. Но офицеры и солдаты остановили меня, предложивъ послать предварительно записку нѣмцамъ съ вопросомъ — гдѣ наши. Одинъ изъ развѣдчиковъ взялся доставить записку и, нацѣпивъ на грудь пышный красный бантъ, ловкій малый вышелъ за окопъ и принялся осторожно пробираться между проволочными загражденіями. Артиллеристамъ позвонили не стрѣлять.

Вся наша компанія высыпала наверхъ и съ затаеннымъ дыханіемъ слѣдила за движеніями товарища. Всюду изъ нашихъ окоповъ далеко кругомъ повылѣзли люди. Изъ землянокъ жужжали телефонные сигналы.

— Вонъ нѣмцы!

Впереди, въ густой проволочной массѣ, виднѣлись двѣ неподвижныя сѣро-зеленыя фигуры. Точно два огромныхъ насѣкомыхъ запутались и замерли въ желѣзной паутинѣ. Къ нимъ подходилъ нашъ развѣдчикъ.

— А вонъ и нѣмцы вылѣзаютъ. Еще, еще. Гляди-те, вдали-то сколько ихъ высыпало! Ухъ, ты!

Развѣдчикъ подошелъ къ нѣмецкимъ загражденіямъ, протянулъ черезъ проволочный заборъ бѣленькій клочекъ, и, облокотившись на деревянную стойку, сталъ ждать. Одинъ нѣмецъ взялъ бумажку и быстро скрылся: точно провалился, а у проволочныхъ загражденій остались двѣ фигуры нашего и нѣмецкаго солдата. Черезъ нѣсколько минутъ напряженнаго ожиданія появился второй нѣмецъ, подалъ нашему записку, и нашъ развѣдчикъ, козырнувъ, повернулся и пошелъ обратно.

— Молодецъ! — радостно привѣтствовалъ возвратившагося офицеръ. — Молодчина! Дай-ка сюда, что они тамъ отвѣтили.

На кусочкѣ бумаги было набросано торопливымъ почеркомъ:

«Ваши товарищи возвращаются. Черезъ 15 минутъ они будутъ у васъ»,—прочелъ вслухъ одинъ изъ насъ.

Единодушно всѣ вздохнули точно хоромъ. У всѣхъ съ плечъ гора свалилась.

— Значитъ, живы! И даже не въ плѣну, разъ возвращаются! Браво! Начало не дурное.

— Можетъ быть, хитрятъ нѣмцы; готовятъ какую-нибудь пакость и стараются усыпить нашу настороженность. Съ нихъ это

можетъ статься, — вновь затревожились опытные въ войнѣ офицеры.

— Все-таки слѣдуетъ обождать четверть часа. Срокъ небольшой, мѣры предосторожности принять можно, а затѣмъ видно будетъ.

Загнали солдатъ въ траншеи, вооружились биноклями и стали всматриваться въ линію германскихъ укрѣпленій. Но тамъ было тихо.

Черезъ четверть часа я, въ сопровожденіи развѣдчика и не пожелавшихъ оставить меня солдатъ и офицеровъ, вышелъ изъ окоповъ. Но едва мы сдѣлали нѣсколько шаговъ, какъ изъ германскихъ окоповъ появилась группа военныхъ.

— Наши! товарищи, наши идутъ!—заволновались всѣ.—Вонъ Егоръ Ивановичъ, вонъ Филипповъ. А съ ними германскій офицеръ. Сюда идутъ!

Путаясь въ проволокѣ, перескакивая черезъ канавы и ямы, спѣшили мы къ встрѣчной группѣ. Германскій офицеръ шелъ неторопливо, съ большой осторожностью и акуратностью перебирался черезъ загражденія. Вся его фигура выражала настороженность. Наши развалистой толпой валили прямикомъ. Трещали шаровары и шинели, звенѣла проволока, а сзади, какъ растущее подкрѣпленіе, быстро увеличивалась вышедшая изъ окоповъ масса солдатъ. На нейтральной (свободной отъ загражденій) зонѣ мы встрѣтились. Мы хотѣли, какъ умѣли, на ломаномъ нѣмецкомъ языкѣ поздороваться и представиться, но германецъ предупредилъ насъ.

— Честь имѣю представиться,—на чистѣйшемъ россійскомъ языкѣ обратился онъ къ намъ.—Обер-лейтенантъ Баумейстеръ, Карлъ Карловичъ. Не безпокойтесь, пожалуста, я говорю по-русски.

Мы двинулись было къ себѣ, но онъ на мгновеніе, но весьма рѣшительно остановился.

— А заложникъ?

Одинъ изъ нашихъ сейчасъ же отдѣлился отъ грушы и направился въ сторону нѣмцевъ. Тогда уже безъ всякой нерѣшительности Баумейстеръ зашагалъ къ нашимъ окопамъ.

Возбужденной, говорливой толпой ввалились мы въ заставу. Посадили нѣмца на лавочку, залитую солнцемъ, глядѣвшимъ ему прямо въ глаза, и засыпали вопросами. А нѣмецъ прежде всѣхъ отвѣтовъ задалъ вопросъ намъ, въ торжественно официальномъ тонѣ:

— Господа, прежде всего отвѣтьте мнѣ, пожалуста: корректно или нѣтъ мы обошлись съ вашими посланными?

Всѣ взгляды обратились къ Егору Ивановичу, и тотъ поспѣшилъ отвѣтить.

— О, да, да, вполнѣ корректно!

Баумейстеръ успокоился. И, вынувъ изъ кармана нѣсколько коробочекъ сигаретъ, протянулъ ихъ нашимъ.

— Пожалуста, господа, прошу васъ, закуривайте. Я очень жалѣю, что забылъ водочку,— слово «водочка» онъ протянулъ

особенно нѣжно, сантиментальнымъ взглядомъ обводя всѣхъ насъ. Скверный нѣмчура, очевидно, хотѣлъ поиграть на струнахъ заглохшаго русскаго пьянаго чувства. Но наши съ равнодушнымъ видомъ парируютъ выпадъ врага.

— Водочка?! Да изъ насъ теперь никто и не пьетъ. Съ начала революціи вся Россія стала трезвой.

— Нн-да, трезвой,—эхомъ отзывается кто-то въ заднихъ рядахъ. Кругомъ хохотъ. Улыбается и нѣмецъ и продолжаетъ.

— Я захватилъ бутылочку, да забылъ ее въ автомобилѣ. Слѣдующій разъ какъ-нибудь. Однако, господа, чѣмъ могу служить?

На лицѣ лейтенанта ясно выражена осторожность и чуткая внимательность. Онъ слѣдитъ за каждымъ своимъ словомъ. Пытается слѣдить и за нашими рѣчами, но это положительно для него невозможно: всѣ говорятъ разомъ, сыплютъ вопросами, только успѣвай поворачиваться герръ Баумейстеръ.

— Мы бы хотѣли устроить общее собраніе, митингъ, на который желали бы пригласить вашихъ солдатъ.

— Митингъ?! Нашихъ солдатъ?! Зачѣмъ вамъ наши солдаты?! Могу придти я и еще кто-нибудь изъ товарищей. Зачѣмъ же вамъ солдаты?

— Нѣтъ, именно солдаты ваши, а не только вы...

Лейтенантъ, видимо, совершенно сбитъ съ толку. Онъ на минуту умолкаетъ и обводитъ всѣхъ подозрительнымъ взглядомъ. Но кругомъ простодушныя лица нашихъ офицеровъ и солдатъ. Попыхиваютъ папиросы и трубки, щелкаютъ сѣмечки. Сверху окопа свѣсилась цѣлая куча солдатъ: одинъ надъ самой головой нѣмца перебираетъ клавиши у гармоники. Рѣшительность совсѣмъ слетаетъ съ лейтенанта.

— А... а что будетъ обсуждаться на собраніи?—задаетъ онъ вопросъ.

— Вопросы войны и мира и взаимоотношеній народовъ. Чего же вы боитесь?

— Я?! О, нѣтъ, нѣтъ, я не боюсь! Господа,—торопливо заговорилъ онъ,—мы очень-очень хотимъ мира. И въ особенности съ вами, русскими. Мы такъ дружно и согласно жили съ вами почти двѣсти лѣтъ...

— При нашихъ Романовыхъ мудрено съ вами было воевать,— вставилъ одинъ изъ офицеровъ.— Отъ Екатерины до Николая всѣ были вамъ родней!

Нѣмецъ запутался въ своей рѣчи и растерянно посмотрѣлъ на говорившаго.

— Господа, русскій народъ и германскій народъ самой судьбой созданы для мирнаго сосѣдства. Зачѣмъ намъ истреблять другъ друга — помиримся.

— Не думаете ли вы, что мы говоримъ о сепаратномъ мирѣ?! Нѣтъ, г. лейтенантъ, о такомъ мирѣ мы съ вами говорить не будемъ. Нѣ-ѣ-тъ!—заговорили кругомъ.

—А...о какомъ же мирѣ вы хотѣли бы говорить?—совершенно уже растерянно спрашиваетъ лейтенантъ, и рука его судорож-

но теребитъ на груди знакъ желѣзнаго креста. Онъ все время недоумѣвающе таращитъ глаза и вертится во всѣ стороны.

— Миръ общій, безъ аннексій и контрибуцій, на основаніи свободнаго самоопредѣленія народовъ,—выкладываютъ ему наши общую формулу и начинаютъ разъяснять содержаніе этихъ условій.

— Но, господа, вы вѣдь находитесь во власти Англіи, позволитъ-ли она вамъ заключить такой миръ?

— Что-о-о?!-загудѣли кругомъ,—въ чьей власти?! Ошибаетесь, лейтенантъ, мы теперь свободный народъ и ничьей власти, кромѣ власти своего народа, мы не знаемъ. Что это вы такое говорите?

— Господа, вѣдь мы же знаемъ, что вы сражаетесь подъ руководствомъ англійскихъ и французскихъ офицеровъ, мы знаемъ, что ваша армія переполнена ими, что вы шагу не...

Раскатистый смѣхъ былъ ему отвѣтомъ, нѣмецъ совсѣмъ смутился.

— Наши газеты...

Новый взрывъ смѣха.

— Такъ же, какъ и наши газеты,—смѣются офицеры и солдаты.

— Наше правительство...— пытается объясниться нѣмецъ.

— И паше правительство... — хохочутъ кругомъ.

— Вы, русскіе, неисправимые теоретики,—махнувъ рукою сдается лейтенантъ и смѣется вмѣстѣ со всѣми.

— Ничего, напрактикуемся,— успокоительно говоритъ какой-то солдатъ, и всѣ опять смѣются.

— Такъ вотъ, желаете вы съ вашими солдатами принять участіе въ митингѣ? Назначьте тогда время и мѣсто и мы сойдемся.

Лейтенантъ опять ежится и предлагаетъ явиться однимъ германскимъ офицерамъ, но мы настаиваемъ на своемъ.

— Господа,—серьезно и убѣдительно проситъ лейтинантъ,— только ради Бога, ради всего святого— не вмѣшивайтесь въ наши внутреннія дѣла. Мы сами знаемъ, что намъ нужно, мы народъ свободный...

У нашихъ расплываются лукавыя улыбки: понимаютъ, куда гнетъ и чего боится франтоватый лейтенантъ. Онъ видитъ эти улыбки и еще болѣе тревожится.

— Господа, вы намъ не довѣряете...

— Есть тотъ грѣхъ, — слышится изъ толпы.

— Не довѣряете. Но повѣрьте, что мы никогда, ни при какихъ обстоятельствахъ не будемъ вмѣшиваться въ ваши внутреннія дѣла. Никогда и ни за что не будемъ.

— Николай-то для васъ былъ все-таки куда сподручнѣе. Вѣдь братъ Вильгельму.

— О, нѣтъ! Нашъ государь императоръ (лейтенантъ такъ и выпалилъ, но сейчасъ же растерялся, видя, какой дурной эффектъ произвели его слова)...

— Вамъ бы—вашему, какъ и нашему, государю императору по шапкѣ дать,—вотъ и миръ сейчасъ бы былъ.

Лейтенантъ, покраснѣвшій и растерянный, замолчалъ совсѣмъ. Начали уславливаться о времени и мѣстѣ собранія и

рѣшили сойтись въ 6 часовъ вечера на полосѣ между нашими и ихними проволочными загражденіями. На прощанье наши вручили лейтенанту коробку съ пшеничными сухарями, и онъ, весьма довольный, раскланивался и расшаркивался во всѣ стороны.

— Отнесу это своимъ «ребятамъ», — заявилъ, онъ, очевидно, подражая русско-офицерскому обращенію къ «ребятамъ» и, любовно поглядывая на коробку, онъ тяжело вздохнулъ, даже чуть-чуть взвѣсилъ пакетъ на рукѣ.

— Да, у насъ теперь этого мало,—вздохнулъ овъ.

— И у насъ маловато,—но еще хватитъ. Есть.

Пожавъ всѣмъ руки, нѣмецъ легко вскочилъ на край окопа и въ сопровожденіи двухъ нашихъ офицеровъ направился къ себѣ. Время было близко къ полудню.

* * *

— Ну, что Егоръ Ивановичъ, что вы дѣлали у нѣмцевъ?

— Къ нѣмецкому генералу чай пить ѣздили,—смѣется Егоръ Ивавовичъ.—Въ четыре часа мы съ Филипповымъ были готовы. Позвонили батарейцамъ, чтобы не стрѣляли, вышли на край окоповъ, вытянулись во весь ростъ и постояли съ минуты двѣ. Затѣмъ пошли прямо къ нѣмцамъ. Вышли къ намъ навстрѣчу трое, взяли насъ подъ руки, а сами трясутся, видно, очень взволнованы. Повели въ окопы. Только что спустились къ нимъ, наша артиллерія какъ хватитъ «бахъ, бахъ, бахъ», шесть штукъ въ то мѣсто, гдѣ мы только что стояли.

— Это вы, что же, къ намъ съ артиллерійскимъ огнемъ пришли?—спрашиваетъ сердито ихъ офицеръ.

— Ошибка произошла,—объясняемъ мы,—вѣроятно, сейчасъ перестанутъ.—А у самихъ сердце замираетъ:—перестанутъ ли? На наше счастье перестали стрѣлять. Завязали намъ глаза, посадили въ коляску и покатили. Слышимъ, что ѣдемъ по хорошей дорогѣ и очень быстро. Спрашиваемъ нѣмцевъ, по какой дорогѣ ѣдемъ,—тѣ смѣются и отвѣчаютъ, что теперь мы совсѣмъ не узнали бы эту мѣстность. Привели въ ихній штабъ. Вышелъ генералъ, почтительно поздоровался съ нами, пригласилъ къ столу. На столѣ бѣлый хлѣбъ, масло, чай, яйца. Сахаръ крошечными кусочками насыпанъ. Проситъ не стѣсняться и закусить. Мы не стѣснялись и закусили, какъ слѣдуетъ. А генералъ все время черезъ переводчика говорилъ намъ о томъ, что Германія очень хочетъ мира, но что всѣ ея обращенія къ правительствамъ согласія оставались безъ отвѣта. Въ концѣ концовъ, онъ спросилъ, что намъ угодно. Мы отвѣтили, что хотимъ устроить собесѣдованіе нашихъ и нѣмецкихъ солдатъ съ пріѣхавшимъ изъ Петрограда человѣкомъ. Генералъ сейчасъ же выразилъ согласіе, подали автомобиль, сѣли мы въ него съ этимъ лейтенантомъ и прикатили сюда. Дорогой и особенно при выходѣ изъ автомобиля лейтенантъ страшно волновался и при входѣ въ свои окопы былъ прямо внѣ себя: даже языкъ заплетаться началъ. Изъ окоповъ прямо сюда, вотъ и все.

У простодушныхъ людей все просто. Просто разсказалъ

о своихъ похожденіяхъ Егоръ Ивановичъ и только ножалѣлъ, что струсившій лейтенантъ позабылъ въ автомобилѣ коньякъ.

Утомленный нервнымъ напряженіемъ, я легъ на травѣ около землянки и быстро заснулъ. Засыпая, слышалъ, какъ трещалъ и вертѣлся на шестѣ отчаянный Вильгельмъ и радостно думалъ:

«Шабашъ, кайзеръ! Вертись ни вертись — сломаетъ тебя буря!»

Д. Михайловъ.

ЛИТЕРАТУРА и ИСКУССТВО.

О ТВОРЧЕСТВѢ БАЛЬМОНТА. [1]

Только очень большіе поэты идутъ въ своемъ творчествѣ путемъ постояннаго подъема, въ каждомъ новомъ произведеніи поднимаясь ступенью выше надъ предыдущими, все время обгоняя самого себя. Таковымъ были Данте, Гете, таковымъ былъ нашъ Пушкинъ, таковымъ представляется намъ въ современности Буниnъ. Но это удѣлъ только очень немногихъ избранниковъ.

Бальмонтъ не принадлежитъ къ ихъ числу. Его путь—по горамъ, съ вершины на вершину, но черезъ пропасти и низины. У Бальмонта мы видали высочайшіе подъемы, но видали и провалы, которыхъ не зналъ, быть можетъ, ни одинъ поэтъ, равный ему по силѣ дарованія.

Вотъ совсѣмъ недавно мы отмѣчали «Ясень», какъ новую вершину въ творчествѣ Бальмонта, вершину, не многимъ уступающую прежнимъ достиженіямъ поэта. Но вотъ передъ нами новая книга поэта—и вершина осталась позади. Это еще не пропасть, не паденіе, но спокойное и медленное скольженіе внизъ.

Нельзя назвать новую квигу Бальмонта плохой, нельзя потому, что она заколдовываетъ читателя, отъ нея кружится голова, какъ отъ букета очень ирянныхъ запаховъ. Бальмонтъ обнаруживаетъ себя въ ней поэтомъ въ подлинномъ значеніи этого слова, творцомъ, магомъ, подлиннымъ vates. Вся книга его—буйный хмель, отъ котораго пьянѣетъ онъ самъ и пьянитъ читателя. Вся книга его — слова, слова, слова, потокъ словъ, разсыпанныхъ, не всегда необходимыхъ, но мчащихся съ такой стремительностью, что некогда думать о связи, что волей неволей приходится подчиниться ихъ ураганному лету.

Все это не ново для Бальмонта. Да и вообще мало новаго въ этой книгѣ. Только поэтому мы и рѣшаемся говорить о ней такъ подробно: говоря о ней, мы говоримъ вообще о Бальмонтѣ послѣдняго времени.

Старое опредѣленіе задачъ поэтическаго творчества — раскрыть вѣчное въ мгновеніи — Бальмонтъ принялъ цѣликомъ. Никто не видитъ такъ хорошо «вѣчнаго» въ каждомъ мгновеніи, какъ Бальмонтъ, именно въ *каждомъ*. Для Бальмонта нѣтъ мгновеній малыхъ, незначительныхъ, безвѣстно и безслѣдно пропадающихъ въ космическихъ вихряхъ времевъ. Въ каждомъ есть нѣчто «вѣчное», всѣ какъ бы нанизаны на одну ось, и поэту

[1] Сонеты Солнца, Меда и Луны.

остается только отыскать ту точку, черезъ которую эта ось проходитъ.

Но, кромѣ утвержденія мгновеній, есть у Бальмонта и другая задача — утвержденіе *вещей*. Все въ мірѣ равноцѣнно, все въ мірѣ драгоцѣнно — эту формулу уже давно поставилъ Бальмонтъ во главу угла своего творчества, придавъ ему этимъ сразу философскій оттѣнокъ. «Лишь размѣрно грузенъ мастодонтъ», и лишь для нашего глаза ничтожна инфузорія — въ дѣйствительности разницы между ними нѣтъ. Передъ своимъ собственнымъ сознаніемъ и передъ сознаніемъ космическимъ каждое существованіе совершенно, и только со стороны глядя обнаруживается какое-то различіе между мастодонтомъ и инфузоріей, между солнцемъ и атомомъ. А въ самомъ дѣлѣ—

Не такъ ужъ далеки предъ ликомъ божества
Акульи плавники и пальцы Рафаэля.

Все относительно:

Есть однодневка. Есть одноминутка
И есть односекундка межъ звѣрей.

Но каждая изъ нихъ проживаетъ полную жизнь, «у каждыхъ глазъ различный горизонтъ», и то, для чего мастодонту нужны вѣка, «односекундка» успѣваетъ сдѣлать въ ей предопредѣленный срокъ, и *абсолютно* эти двѣ жизни равны.

Въ каждомъ существѣ, все равно въ живомъ, или въ томъ, которое намъ кажется мертвымъ, есть частица тайны, есть вѣчное. И задача поэта сводится къ тому, чтобы въ мгновенномъ и кажущемся существованіи вещей вскрыть ихъ сущность, ихъ перманентное, трансцедентальное истинное бытіе. А такъ какъ истинное бытіе едино—то все равно о чемъ писать, на какомъ предметѣ дѣлать свои поэтико - философскіе эксперименты. И неудивительно послѣ этого, что Бальмонтъ позволяетъ себѣ роскошь посвятить два сонета такому, казалось бы, прозаическому предмету, какъ папироса, и не кажется это ненужной расточительностью. Вѣдь—

Для мудраго не можетъ быть вопроса,
Что между самыхъ ласковыхъ минутъ,
Которыя дано намъ выдать тутъ,
Одна изъ самыхъ нѣжныхъ — папироса, —

вѣдь «въ ней жертва есть», «въ ней вольный, хоть любовный поцѣлуй», въ ней «двойная жизнь души» и т. д. и т. д.—однимъ словомъ, она одинъ изъ безчисленныхъ ключей къ истинному бытію, и не все ли равно, какимъ ключемъ воспользоваться?

Такимъ образомъ, передъ поэтомъ вырастаетъ столько мгновеній колоссальнаго значенія, столько вещей громадной важности, что весь міръ кажется заполненнымъ гигантами, все въ немъ огромно, все подавляетъ своей сокровенной силой—вотъ отчего хмелѣетъ поэтъ, вотъ что заставляетъ его закружиться въ этомъ вихрѣ съ однимъ только желаніемъ, съ маніакальнымъ стремленіемъ —

Вращать, вращать, вращать веретно.

Все равно, какова будетъ пряжа, да и будетъ-ли вообще.

* * *

Самый первоначальный, самый простой путь къ постиженію вещи, къ ея утвержденію—назвать ее, дать ей имя, сказать магическое *слово*. И вотъ эти *слова*, имена вещей, ихъ качествъ, ихъ отношеній и свойствъ составляютъ всю поэзію Бальмонта, то послѣднее, до чего онъ дошелъ.

Вращать, вращать, вращать веретено—лить потокъ словъ, не останавливаясь, не задумываясь. Отсюда чрезвычайная простота, чрезвычайное однообразіе пріемовъ Бальмонтовскаго творчества, которое необыкновенно прозрачно, и которое очень легко разложить на его основные элементы.

Много споровъ вызывалъ и до сихъ поръ вызываетъ вопросъ о первоначалѣ поэзіи, вопросъ о томъ, каково элементарное явленіе, которое мы можемъ назвать поэзіей, въ чемъ заключается минимальный творческій актъ. Бальмонтъ для себя этотъ вопросъ рѣшилъ очень просто: сказать слово—для него уже поэтическій актъ, слово — уже поэтическое произведеніе. Рядъ словъ—тѣмъ болѣе. И вотъ основной пріемъ Бальмонта, пріемъ, который лежитъ въ корнѣ всего его творчества—*перечисленіе*, называніе ряда словъ: предметовъ, ихъ свойствъ, дѣйствій и т. д. «Сибирь, Китай, Тибетъ и Гималаи», «Изъ капелекъ росы, изъ черноокихъ ямъ, изъ бочаговъ, прудковъ, съ полей, луговъ», «И вновь поетъ, прядетъ, струитъ памекъ, летитъ, журчитъ, и грезитъ, и лепечетъ», «Голубой, опаловый, зеленый, густо-синій»—все это первые попавшіеся примѣры изъ его сонетовъ. Такъ изъ словъ строится фраза, но точно такъ-же изъ перечисленія, изъ ряда фразъ строится и цѣлый сонетъ (см. стр. 7, 30, 74, 104 и мн. др.). Такая композиція является, повторяемъ, основной для Бальмонта, и все остальное является либо видоизмѣненіемъ, либо усложненіемъ этого пріема.

Такъ, если расположить предметы, слова не въ безпорядкѣ, а слѣдуя измѣненію, возрастанію какого-нибудь признака въ нихъ, то получится *градація*. Отсюда такія строки:

> Рѣшаетъ мигъ, но предрѣшаетъ часъ,
> Три дня, недѣля, мѣсяцы и годы...
> ...Твой милый былъ въ огнѣ, въ жерлѣ, въ самумѣ,

и т. д. и т. д. И опять-таки точно такой-же переходъ отъ построенія отдѣльной фразы къ композиціи цѣлаго сонета («Лучшій стихъ» стр. 99). Сперва перечисляются предметы, которые «прекрасны», потомъ рядъ тѣхъ, которые «прекраснѣй» и, наконецъ, «лучшій» изъ всѣхъ—апогей. Такое же хвалебное перечисленіе чиселъ и въ другомъ сонетѣ («Четырнадцать», стр. 150), и опять апогей—четырнадцать.

Но если градація есть усложненіе перечисленія, то есть и упрощеніе его — перечисленіе одного предмета, одного слова—*повтореніе*. Повтореній въ сонетахъ Бальмонта такъ много, что систематизировать ихъ было бы слишкомъ длиннымъ. Мы укажемъ только на нѣсколько типичныхъ родовъ. То это—простое повтореніе одного слова: «вращать, вращать, вращать», «И сѣ-

етъ, сѣетъ. Станетъ, коситъ, коситъ». То это — народная тавтологія: цвѣты цвѣтутъ, сѣялъ сѣвъ, гроза грозилась. То—чаще всего — какое - либо соотношеніе двухъ одинаковыхъ предметовъ, словъ: «цвѣтокъ съ цвѣткомъ, цвѣты поютъ цвѣтамъ», «отъ солнца къ солнцу», «къ хоти хоть», «синѣе синь», «сѣвернѣй всѣхъ сѣверовъ», «румянѣе румянъ» и т. д. Иногда повтореніе частичное, либо только корня: «мы всѣ любили любящихъ любимыхъ», «любя любовь», либо приставки: «какой онъ благолѣпный, благовонный, какой онъ благозвонный» и т. д. Наконецъ, бываетъ повтореніе только словъ, составляющее, однако, *контрастъ* понятій: «наши и не наши», «сліянье въ Волѣ сонма разныхъ воль». Бываетъ и обратное: повтореніе понятій, но контрастъ словъ: «лишь не живое въ мірѣ не мертво». Возможенъ и такой случай, когда контрастъ понятій совпадаетъ съ контрастомъ словъ, но тогда здѣсь уже нѣтъ элемента повторенія: «раздѣльно — тріединая», «притяженья - отторженья».

Подъ повтореніе понятій можно подвести еще одинъ чрезвычайно характерный для Бальмонта и, пожалуй, ему одному принадлежащій пріемъ — *переводъ*. Онъ называетъ слово — и либо раскрываетъ его этимологическое значеніе, либо просто переводитъ на другой языкъ:

...И вотъ роса зовется Шан-Чи-Шуй,
Что значитъ: Колдованье высшихъ струй.
...Вскликъ «Кто какъ Богъ!» есть имя Михаила.
...La Vida es Sueno. Жизнь есть Сонъ.

Вотъ въ общихъ чертахъ тѣ схемы, по которымъ строитъ Бальмонтъ свои фразы и компонируетъ цѣлые сонеты. Другихъ пріемовъ онъ почти не знаетъ, они ему просто не нужны. Даже такой обычный, въ частности у русскихъ поэтовъ, пріемъ, какъ *сравненіе*, Бальмонтъ употребляетъ очень рѣдко, почти никогда, а если и употребляетъ его, то обнаруживаетъ полную безпомощность, доходя по поразительной банальности: глазки дѣтей горятъ «какъ звѣзды», хвостъ павлина — «какъ исполинскій вѣеръ» и т. п.

Этимъ объясняется и чрезвычайная простота Бальмонтовскаго синтаксиса: преобладаютъ у него самостоятельныя слитныя предложенія. Сочетаются предложенія почти всегда по способу сочиненія, придаточныхъ предложеній, подчиненныхъ Бальмонтъ не знаетъ. Нѣкоторое исключеніе дѣлается для предложеній опредѣлительныхъ. Часто предложенія сокращаются до минимума, въ нихъ остаются только главные члены, иногда только подлежащее или сказуемое:

...Неслись. Взнеслись. Растаяли. Пропали.
...Обрывки свитковъ. Рухлядь. Щепки троновъ.
Календари. Румяна. И тряпье...

Самый употребительный знакъ препинанія—точка:

Онъ съѣлъ кусокъ добычи. Кость поднесъ.
Тамъ дырка. Глянулъ. Дунулъ. Кость запѣла.

Закончимъ разсмотрѣніе пріемовъ Бальмонта нѣсколькими замѣчаніями относительно его словаря. И въ послѣднемъ за-

мѣчается сильное однообразіе. Повторяются безконечное число разъ не только такія употребительныя слова, какъ *любовь*, *боль*, *кольцо*, *страсть*, *солнце*, но и спеціально излюбленныя Бальмонтомъ, какъ значительныя и эффектныя: *спираль*, *вѣчность*, *орбита*, *комета*, *вскликъ* и т. д. и т. д. Въ стремительный потокъ словъ вовлекаетъ Бальмонтъ и въ громадномъ количествѣ ненужныя, служебныя слова, какъ *даже*, *также* и др., не избѣгаетъ и прозаизмовъ: «любилъ сполна», «глубинное поручительство», «въ теченіяхъ причинностей» и т. д. Нерѣдко, не успѣвая разсмотрѣть слова, Бальмонтъ коверкаетъ его, чаще всего удлиняетъ его на слогъ, чтобы вставить на назначенное ему мѣсто въ стихѣ: *многозвѣздистый*, *упоеваюсь*, *молька* (уменьшительное отъ *моль*), и т. д.

Такова послѣдняя книга Бальмонта, но, повторяемъ, въ этой книгѣ новаго мало, и всѣ эти черты свойственны Бальмонту всегда, и здѣсь нашли только особенно яркое выраженіе, выкристаллизировались. Это и понятно. Сонетъ—поэтическая форма едва - ли не самая трудная. Написать книгу стиховъ одного строенія — задача тоже не легкая. Поэтому книга сонетовъ—задача вдвойнѣ трудная. Недаромъ почти за тысячелѣтнее существованіе сонета міровая литература знаетъ только одну дѣйствительно великую книгу сонетовъ. И несмотря на то, что у Бальмонта темы сонетовъ до безконечности разнообразны, а у Петрарки тема въ сущности одна, книга послѣдняго вся переливается различными цвѣтами и красками, неисчислимыми въ своихъ оттѣнкахъ, и передъ ними однотонно блѣднѣетъ книга русскаго поэта. Петрарка позналъ разнообразіе въ единообразіи, Бальмонту этого не дано. Итальянскій поэтъ чутьемъ угадалъ великую истину, что не важно о чемъ слагать сонетъ, важно какъ, изъ какихъ элементовъ его созидать, и потому каждый изъ его сонетовъ *по своему* прекрасенъ, хотя они всѣ говорятъ о Лаурѣ. Сонеты же Бальмонта о Сибири и папиросѣ, о павлинѣ и сонетѣ, о лебяжьемъ пухѣ и китайскомъ небѣ *одинаково* хороши. Стоитъ сравнить чрезвычайно запутанную, такую иногда запутанную, что неопытный читатель можетъ заблудиться въ ней, фразу Петрарки, съ односложнымъ предложеніемъ Бальмонта, чтобы понять причину этого. Сонеты Бальбонта слишкомъ свободно стекаютъ съ пера его. Сонетъ—форма, требующая большого напряженія, и это напряженіе должно быть реально замѣтно; въ немъ, въ преодолѣніи трудностей, въ борьбѣ творца съ неподатливымъ матеріаломъ главное очарованіе произнеденія. Этой борьбы, этихъ усилій, этихъ мукъ творческихъ родовъ у Бальмонта нѣтъ.

Говоря о «Ясени», мы говорили объ этой книгѣ, какъ объ итогѣ долгаго пути, какъ о summa summarum, послѣ которой никакого возврата къ прошлому нѣтъ и не должно быть, какъ о книгѣ, *закончившей* развитіе поэта. Когда путь законченъ, становится дилемма: или остановиться или искать новаго пути. У Бальмонта не хватило мужества для перваго и творческаго дара —

для второго. Ему оставалось третье — топтаться на мѣстѣ, вводя въ заблужденіе и другихъ, и себя. Этотъ худшій изъ жребіевъ онъ и избралъ.

Д. Выгодскій.

ИЗЪ ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ ФРАНЦІИ.

«Огонь», Анри Барюсса.

«Будущее въ рукахъ рабовъ, и отнынѣ видно, что старый міръ будетъ однажды измѣненъ союзомъ, который построютъ между собою тѣ, чье число и чья нужда безконечны».

«Le Feu.»

Изъ числа литературныхъ отраженій войвы романъ Анри Барбюсса «Огонь» не напоминаетъ ни одного. Разумъ и совѣсть автора этого «дневника одного отдѣленія» не взметены на крутой гребень той волны крайняго истерическаго одушевленія, которымъ влекомо нынѣ искусство Франціи. Барбюссъ сумѣлъ уберечь свою человѣчность неискаженной. Между тѣмъ, вотъ уже скоро три года, какъ французское творчество, изнемогая на дыбѣ нестерпимой войны, испускаетъ одни лишь крики презрѣнія, гордыни и великодушнаго вызова. Не напоминаетъ ли оно тѣхъ могиканскихъ вождей изъ Кунеровыхъ романовъ приключеній, услады нашего дѣтства, которые, привязанные къ столбу пытокъ, встрѣчаютъ смерть среди стрѣлъ и топоровъ, осыпая оскорбленіями торжествующихъ мучителей и воспѣвая былые свои подвиги? Не такъ же ли и Франція истекаетъ кровью съ улыбкой и нѣснью на устахъ? Изящная Муза ея заголосила языкомъ апокалиптическихъ откровеній, кровавой насмѣшки, изступленнаго или молитвеннаго лиризма.

И вотъ въ тревожную паузу между героическими и раздирающими фанфарами вливается жуткая тишина очень простыхъ и вѣрныхъ страницъ Барбюсса. Особенная стать этой рѣдкостной вещи обнаруживается мгновенно при сравненіи съ такими книгами, какъ хотя бы—«Зовъ земли» («L'appel du sol») Адріена Бертрана. Выбираю именно этотъ романъ, потому что оба были въ томъ же 1916 году выдѣлены присужденіемъ имъ Гонкуровской преміи. И что же? Достаточно живо и пластично переданныя черты боевой дѣйствительности пріурочены Бертраномъ всего лишь къ обоснованію извѣстной доктрины: къ объясненію и оправданію войны. Онъ отыскиваетъ то общее начало, то всесильное и внѣсознательное внушеніе, что смогло объединить въ единомъ самоотверженномъ порывѣ всѣхъ его героевъ: капитана Николаи, воина въ духѣ Альфреда-де-Виньи, носителя профессіональнаго долга, капитана де-Кэрэ, бретонца, дворянина и католика, который сталъ бы монахомъ, если бы не былъ уже офицеромъ, сержанта Весетта, свободомыслящаго учителя и гуманнаго мечта-

теля, только что выпущеннаго въ подпоручики юношу Фабра.. Каковъ же въ этихъ разныхъ людяхъ властительный инстинктъ, что сильнѣе смерти? Не воинская честь, не вѣра, не соціальный идеализмъ, не кипѣніе юношескихъ силъ! То мощь земли, воплотившаяся въ нихъ. Такъ событія, изображенныя съ горячностью и необходимой для баталиста подвижностью образовъ и горизонта, служатъ у Бертрана лишь подтвержденіемъ одного изъ положеній руководящей патріотической публицистики, разработкой любимой мысли Мориса Баррэса о законной надъ нами власти почвы и предковъ. То общее мѣсто, пріодѣтое въ литературу.

Подобной добровольной офиціозности «дневникъ» Барбюсса лишенъ вовсе...

* * *

Названный романомъ, «Огонь» не имѣетъ никакой видимой архитектуры. Книга собрана изъ разрозненныхъ эпизодовъ, потрясающихъ, умилительныхъ или горестно ироническихъ. Всѣ они взяты изъ боевого быта одного отдѣленія, этой мельчайшей единицы вооруженнаго народа. Но непроизвольно, отъ отрывка до отрывка, смыслъ книги ширится, и нарастаетъ ея огромный пафосъ. Кто могъ ожидать этихъ суровыхъ и обнаженныхъ страницъ отъ граціознаго и сентиментальнаго поэта утонченной городской любви и интимнаго лиризма сумерекъ?

Первыя главы романа вводятъ насъ въ будничную жизнь окоповъ. Четырехдневная смѣна служитъ для того, чтобы ввести насъ въ кругъ людей, которые заполнятъ своими рѣчами и движеніями остальныя части романа. Мы выслушиваемъ простодушный разсказъ солдата Карона о томъ, какъ онъ стаскивалъ сапоги съ трупа нѣмецкаго пулеметчика и тащилъ до тѣхъ поръ, пока вмѣстѣ съ сапогами не отдѣлились и ноги; присутствуемъ при посѣщеніи журналистовъ, этихъ «туристовъ окопа» среди смущеннаго и насмѣшливаго молчанія солдатъ; чередуются хвастливыя воспоминанія о казарменной жизни, нетерпѣливое ожиданіе обѣда, всегдашній ропотъ и всегдашнее послушаніе при объявленіи новаго приказа по арміи... То и дѣло раздается красочный, остроумный и циничный языкъ траншей, полный отборныхъ ругательствъ, ошеломляющихъ метафоръ, условныхъ кличекъ и лаконическихъ формулъ: Барбюссъ бережно сохранилъ черты этого своеобразнаго фольклора. И всюду онъ сумѣлъ воздержаться отъ пышной инсценировки, отъ специфическихъ пріемовъ «военнаго» бытописанія. «Въ сущности, то настоящіе солдаты», замѣчаетъ кто-то о безпощадныхъ и веселыхъ марокканскихъ стрѣлкахъ. «Мы-то не солдаты»,—отвѣчаетъ толстякъ ополченецъ Ламюзъ,—мы люди». Да, это простые люди, «которыхъ упростили еще болѣе и въ которыхъ силою вещей одни лишь первобытныя чувствованія обострились: духъ самосохраненія, цѣпкая надежда остаться въ живыхъ, радость ѣды, питья и сна...» Мгновеніями же вопли человѣчности, глубокія содроганія «под-

нимаются изъ тьмы и молчанія ихъ великихъ человѣческихъ душъ...

* * *

Я уже говорилъ о прелести, заключенной въ томъ, что и въ преломленіи войны Барбюссъ продолжаетъ изображать «слишкомъ человѣческое», трогательное, смѣшное и низкое. Въ страшной его книгѣ разсѣяны, какъ свѣжіе оазисы, идиллическія мгновенія. Здѣсь онъ приближается порою къ другому писателю, извлечевному изъ безвѣстности войною, Ренэ Бенжамену, крестному отцу солдата Гаспара. Такіе образы, какъ поваръ Блэръ, преобразившійся тѣлесно и душевно благодаря вставной челюсти, были бы умѣстны въ чудесной трагикомедіи Бенжамэна, чей парижскій ополченецъ по сочному и шумному реализму своему принадлежитъ, несмотря на крайнюю худобу, къ семьѣ Санчо Панса и Фальстафовъ. У героевъ обоихъ романистовъ одинъ и тотъ же неудобопереводимый словарь. Но ироническаго увлеченія Бенжамэна, его благодушнаго юмора, общаго оптимизма по отношенію къ войнѣ, мы не находимъ у Барбюсса. Тамъ широкая усмѣшка со сверкающимъ оскаломъ, здѣсь больная улыбка на тонкомъ лицѣ. Вспомнить ли тоску провансальца Фуйяда, у котораго хватаетъ денегъ всего на одну четверку бѣлаго, чтобы утолить всю свою жажду мерзнущаго южанина, или великодушный порывъ краснорожаго Паради, подарившаго товарищу яйцо на голодной стоянкѣ,—видишь передъ собою все ту же меланхолическую улыбку.

Три новеллы, если можно такъ назвать эти осколки мучительной правды, вдѣланныхъ въ раму тонкаго и твердаго словеснаго искусства, неизбывно внѣдряются въ память. Первая изъ нихъ «Ворота». Вотъ сжатая ея схема. Фламандецъ Потерло приглашаетъ автора посѣтить подъ огнемъ нѣмцевъ родную свою деревню Сушэ, только что отбитую стрѣлками. Деревня сравнена съ землею. Нелегко солдату отыскать мѣсто своего дома. «Это здѣсь... нѣтъ, прошелъ мимо. Это не здѣсь. Не знаю, гдѣ это.— гдѣ это было. Ахъ, горе, злосчастье». Наконецъ, по развалинамъ погреба Потерло опознаетъ то, что осталось отъ его прошлаго. «Когда ничего нѣтъ, тогда понимаешь, что былъ счастливъ». И позже: «Это слишкомъ,—твердитъ онъ,—все это слишкомъ. Это слишкомъ сошло на нѣтъ, вся моя жизнь до сихъ поръ. Мнѣ страшно, настолько все это отошло». Собесѣдникъ напоминаетъ ему о женѣ и ребенкѣ. Они остались по ту сторону, въ Лансѣ. Потерло видѣлъ ихъ. Онъ признается въ отчаянномъ поступкѣ. Съ помощью германскихъ солдатъ-эльзасцевъ онъ пробрался въ Лансъ и къ своему дому. Видѣлъ жену свою, улыбающуюся толстому унтеру, и дочь, взлѣзающую ему на колѣни. Онъ обезумѣлъ, едва ли не закричалъ отъ горя. Теперь онъ понимаетъ, прощаетъ, мирится съ жестокостью забвенія, съ крушеніемъ всего, что было его жизнью. Въ это весеннее утро увѣренность крѣпнетъ въ немъ. «Нужно будетъ все отстроить заново. Ну, что жъ, отстроимъ». Солдаты возвращаются подъ пулями.

«...На скрещеніи двухъ ходовъ сообщенія, въ полѣ, на краю, высятся словно ворота. Это два столба, прислоненныхъ другъ къ другу, и между ними узелъ телеграфной проволоки, свисающей, какъ лианы. Выглядитъ это эффектно, какъ подстроенная нарочно театральная декорація. Тонкое ползучее растеніе вьется по одному изъ столбовъ и, слѣдуя за нимъ глазами, видишь, что оно уже осмѣлилось потянуться къ другому».

Солнце проглянуло не надолго. Вечеромъ отдѣленіе отправляется смѣняться подъ холоднымъ дождемъ. Ноги застываютъ въ липкой грязи. Разсказчикъ тащится впередъ; каска Потерло поблескиваетъ передъ нимъ во влажной мглѣ. Гдѣ они? Онъ поднимаетъ голову:

«... На еле маячащемъ фонѣ обложеннаго неба, я открываю край окопа, и вотъ внезапно является мнѣ, возвышаясь надъ краемъ, своего рода жуткое окно, сдѣланное изъ двухъ черныхъ столбовъ, склоненныхъ другъ къ другу, и среди которыхъ повисли словно вырванные волосы. Это ворота».

Читатель догадывается, что на его глазахъ раскроется роковая символика этого превращенія. Ночное шествіе продолжается. «Не унывай, старина, доберемся», кричитъ Патерло. Въ ту же минуту разсказчикъ оглушенъ ужасающимъ взрывомъ. Земля раздается передъ нимъ. Но онъ навѣрное помнитъ: «въ ту секунду, когда непроизвольно я искалъ, потрясенный, внѣ себя, своего брата по оружію, я увидѣлъ, какъ тѣло его прянуло вверхъ, стоя, все черное, съ широко разведенными руками и съ пламенемъ вмѣсто головы».

Другой эпизодъ: «Подкопъ», разсказъ толстяка Ламюза. На послѣдней стоянкѣ онъ встрѣтилъ женщину, бѣженку. Она отвергла его страсть, огромную, какъ его грузное тѣло, и пошла за другимъ. Онъ не забылъ ея. Сегодня онъ вызвался охотникомъ рыть сапу. Во время работы поддается бревно стараго окопа и на него сваливается какой-то мѣшокъ. Онъ прижатъ; трупный запахъ забирается ему въ горло... Наверху у этого куля была голова, а съ нея свѣшивались волосы. Онъ узналъ эти волосы, которымъ нѣтъ подобныхъ на свѣтѣ, потомъ остатки лица, проболеннаго насквозь и заплѣсневѣвшаго, шею, ставшую тѣстомъ. Все это было мертво, пожалуй, ужъ съ мѣсяцъ. Это была Евдокія.

Она часто бродила наудачу. Ее сразила шальная пуля.

«Ты войди въ положеніе. Я былъ принужденъ поддерживать ее одной рукой, какъ могъ, и работать другой... Старина, она пыталась обнять меня, я не хотѣлъ, это было ужасно». Она имѣла на груди букетъ, тоже сгнившій, который хлесталъ его по носу. Полчаса онъ не могъ отмыться отъ этого запаха. И утомленный, солдатъ засыпаетъ среди этой грезы любви и гніенія.

Третій изъ этихъ кровавыхъ осколковъ повѣсти лишь отрѣзокъ большой картины. На развѣдкѣ отдѣленіе потеряло пятерыхъ солдатъ. Трупы четверыхъ удалось втащить въ окопъ. Пятый, Мениль Андрэ, видимо, пропалъ безъ вѣсти. Братъ его Мениль Жозефъ самъ не свой: онъ теряетъ въ эту войну шестого брата. Трупъ Андрэ случайно находитъ одинъ изъ товарищей.

Мертвецъ сидитъ, прислоненный къ парапету окопа такъ, что его оттуда не видно. Нашедшій еле удержалъ руку Жозефа, когда тотъ захотѣлъ было выбросить остатки обѣда въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ сидѣлъ исчезнувшій братъ. Не привлечетъ ли его теперь запахъ? Тогда другой солдатъ припоминаетъ кошмаръ этихъ ночей. Каждый разъ, засыпая прислонившись къ стѣнкѣ, онъ смутно слышалъ словно біеніе чьего-то сердца. Теперь онъ понялъ: это тикали часы въ карманѣ убитаго.

«Мы вернулись молча», кончаетъ разсказчикъ. Какія слова были бы тутъ возможны?

* * *

Попытка послѣдовать за Барбюссомъ въ описаніи бомбардировки и пѣхотнаго боя была бы тщетной.. Пересказъ недостаточенъ, чтобы воспроизвести то, что передано писателемъ съ чрезвычайной точностью красочныхъ, слуховыхъ и психологическихъ оттѣнковъ. Цвѣтъ разрыва химическаго снаряда и видъ самыхъ ужасныхъ ранъ выписаны той же деликатной и четкой кистью; описанія эти могутъ соперничать со страницами старшаго Гонкура, уловившаго въ осажденномъ Парижѣ «цвѣтъ ночного обстрѣла». Правда изображеній Барбюсса слишкомъ непосредственна и цѣльна, чтобы умѣстно было ее перетолковывать.

Однако, немало есть въ «Огнѣ» и такихъ мѣстъ, въ которыхъ явственно проступаетъ не столько личная идеологія автора, сколько духовный и человѣческій смыслъ пережитаго. Это солдатскіе разговоры. Въ нихъ рвется наружу хаотическая и темная, но неистребимая душа человѣка.

Барбюссъ не устаетъ настаивать на этой замаскированной и забытой человѣчности солдата.

То не герои лубочныхъ картинъ и патріотическихъ поэмъ, но не выше ли цѣна ихъ жертвы? Всякое лицемѣріе отскакиваетъ отъ нихъ. «Это, ей Богу, безчестныя средства», говоритъ бывшій конторщикъ и читатель газетъ Фарфадэ о химическомъ снарядѣ. Но долговязый Баркъ сразу обрываетъ его: «Когда видѣлъ людей сплюснутыхъ, распиленныхъ на двое или раздѣленныхъ сверху до низу, расколотыхъ на ломти обыкновеннымъ снарядомъ... Головы, цѣликомъ вдавленныя въ легкія, словно ударами дубины или вмѣсто головы маленькую шею, съ которой стекаетъ варенье изъ крыжовника... когда такое видѣлъ и добрые люди заявляютъ: что жъ, это честныя средства»...

Послѣ взятія германскихъ траншей на «высотѣ 19» авторъ бесѣдуетъ съ капраломъ Бертраномъ, душою всего отдѣленія, рыцаремъ чести и долга. Среди безумія схватки онъ закололъ троихъ враговъ. «Это нужно было», и голосъ его непрерывно дрожитъ, «это нужно было—ради будущаго». Но какъ посмотритъ совѣсть, потомковъ уравновѣшенная, наконецъ, прогрессомъ, на эти избіенія: какъ на подвиги Плутарховыхъ героевъ или—на подвиги апашей? «И все же», продолжалъ Бертранъ, «взгляни! Есть образъ, поднявшійся выше войны и просвѣтленный

красотой и важностью своего мужества...» И онъ воскликнулъ яснымъ голосомъ:

— Либкнехтъ!

«Будущее!—вновь говоритъ этотъ человѣкъ, обычно одѣтый въ мраморное молчаніе,—его задача въ томъ, чтобы вычеркнуть это настоящее... какъ нѣчто отвратительное и постыдное... Позоръ на военную славу, позоръ на арміи, позоръ на ремесло солдата... Это правда, это слишкомъ правда, это правда передъ вѣчностью, но еще не для насъ... Мы еще потеряны и изгнаны далеко изъ этихъ временъ. Въ наши же дни, въ эти мгновенія правда эта почти заблужденіе, святое слово это лишь кощунство».

Такъ изливается героическое отчаяніе капрала Бертрана за нѣсколько часовъ до внезапной и безобразной его гибели.

Заключительныя сцены книги доростаютъ до леденящаго величія. Эпизодъ «Перевязочнаго пункта» служитъ какъ бы intermezzo. Я не повторю этого каталога разнообразнѣйшихъ мукъ; упомяну лишь о бредѣ упавшаго летчика, видѣвшаго на разстояніи 50—60 метровъ двѣ мессы въ окопахъ обоихъ враждебныхъ становъ, слышавшаго молитвы, возносимыя врагами къ тому же Богу и сливавшіяся въ одномъ пространствѣ. И этотъ единый земной крикъ созданъ изъ двухъ крикovъ: Gott mit uns! и Dieu est avec nous! Наряду съ безсмысленной жестокостью явленныхъ противорѣчій расцвѣтаютъ внезапно образы неотразимой душевной красоты. Такъ, умирающій солдатъ иностраннаго легіона навязываетъ раненому товарищу свою книжку. У раненаго темное прошлое; обреченный даритъ ему свое имя, чтобы тотъ могъ начать жизнь сызнова.

Разсказъ о «Ночномъ нарядѣ» доводитъ ощущеніе безвыходнаго ужаса до послѣдняго предѣла, доступнаго предѣла. Въ дождливую ночь рота отправляется по глубокой грязи затопленныхъ ходовъ на земляныя работы. Она сбивается съ пути, вынуждена пробираться черезъ вонючій адъ отхожихъ мѣстъ, достигаетъ, наконецъ, мѣста назначенія. Но въ начатыхъ траншеяхъ сразу выступаетъ вода. Въ то же время рота обнаружена нѣмцами и по ней начинаетъ крыть артиллерія. Начинается безпорядочное бѣгство къ спасительному ходу. Но его нѣтъ больше. Наконецъ, бѣглецы добираются до какого-то окопа. Но и оттуда бѣгутъ люди. Все рушится подъ струями воды. Траншеи заполняются, блиндажи закупорены. Грязь входитъ всюду. Люди бродятъ наугадъ, добираются до какого-то глинянаго выступа, слышатъ голоса, идутъ на нихъ,—пока до нихъ не доносится нѣмецкая команда. Наконецъ, тьма и буря прибиваетъ ихъ къ какому-то холму. Дальше они не двинулись. Что ожидаетъ ихъ утромъ: смерть или плѣнъ? Все равно. Больше не оставалось въ нихъ ни силъ, ни мысли.

Наконецъ, надъ этой затопленной равниной поднимается блѣдное и холодное утро. Эпилогъ «Заря» возвышается надъ книгой, какъ мертвенный и огромный апоѳеозъ войны.

* * *

Солдаты просыпаются, но гдѣ же окопы? Всюду озера и между ними полосы стоячей воды молочнаго цвѣта. Эти каналы—погребенные наводненіемъ окопы. На поверхность ихъ всплыли трупы утонувшихъ дозорныхъ. Поле сраженія не спитъ, оно умерло. Кой-гдѣ на островкахъ и выступахъ накопились люди. Нѣмцы или французы, живые или мертвые? Всѣ они покрыты единымъ мундиромъ нищеты и нечистотъ... Это конецъ всему. Это, на одно мгновенье, огромная пріостановка, эпическій перерывъ войны. Солдаты вновь бродятъ наудачу, но силы не вернулись къ нимъ, и они вновь рушатся въ утоптанную грязь, закрываютъ глаза. Подходятъ, шатаясь, двое. «Они мертвы, мы останемся здѣсь», говоритъ одинъ по-нѣмецки. Но они замѣчаютъ свою ошибку. Тотчасъ же они опускаются на землю. «Мы поднимаемъ руки вверхъ» говорятъ вѣмцы и не двигаются. «Вотъ война», говоритъ Паради. И вотъ эти, потерпѣвшіе крушеніе среди разлива грязи, Робинзоны кровавыхъ полей, даютъ волю накипѣвшимъ мыслямъ. Одинъ изъ нихъ не рѣшается подняться и сѣсть. Ему кажется, что онъ раненъ въ животъ. Если онъ встанетъ, онъ узнаетъ. Онъ еще немножко полежитъ. Но какъ высказать свою мысль? «Когда говоришь о войнѣ, то словно ничего не говоришь», опять разсуждаетъ Паради. «Это заглушаетъ слова. Этого не передать. И никто не будетъ знать. И они сами забудутъ. Они слишкомъ много видѣли. Человѣкъ не можетъ вмѣстить этого. Никто не будетъ знать, ни они, ни другіе. Столько горя пропадетъ даромъ». И отовсюду несется крикъ. «Не допустимъ, чтобы была еще война послѣ этой!» «Мы созданы, чтобы жить, а не издыхать такъ! Жить! Мы... Ты... Я... Долой войну... Ахъ, чортъ... Это слишкомъ глупо...» Кто-то поднимаетъ голову, увѣнчанную иломъ, и чей-то ротъ произноситъ на уровнѣ земли: «Двѣ воюющія арміи—это словно одна воюющая армія, совершающая самоубійство!»

Несказанный ужасъ часа заставляетъ этихъ людей оглянуться на себя. Чѣмъ мы стали за эти два года? Какъ мы безконечно несчастны, но мы еще и дикари, скоты, разбойники, подлецы! Такъ что же дѣлать? Надо задавить войну въ брюхѣ Германіи. Надо уничтожить милитаризмъ! Да. Сегодня милитаризмъ называется Германія. Ну, а завтра, какъ онъ будетъ называться?

— Я умру,—внезапно стонетъ раненый въ животъ,—изъ-за ребятъ жалко.

— Я, можетъ быть не умру,—говоритъ другой,—но я буду страдать. Ну, что жъ, тѣмъ хуже и, даже, тѣмъ лучше; я сумѣю выстрадать еще больше, если изъ этого будетъ толкъ!..

— Значитъ, послѣ войны надо продолжать драться?

— Да, можетъ быть...

— Еще захотѣлъ ты!

— Да, потому что я этого больше не хочу,—ворчитъ кто-то.

— И, можетъ быть, не противъ иностранцевъ придется драться?

— Можетъ быть, такъ...

— Вѣдь, въ концѣ-концовъ,—продолжаютъ искать руково-

дящей нити собесѣдники.—въ чемъ величіе и ужасъ войны? Въ величіи народовъ. Но вѣдь народы, это—мы. Война—это народъ. Но управляютъ ими хозяева. Народы борются сегодня, чтобы не имѣть больше хозяевъ. Это продолжается Французская Революція.

— Такъ, значитъ, по твоему, мы и на пруссаковъ работаемъ?

— Надо надѣяться,—говоритъ одинъ изъ несчастныхъ.

— Народы это ничто, а должно было бы быть всѣмъ.—подхватываетъ кто-то, лежащій на спинѣ и съ жадностью вглядывающійся въ безмѣрность.

Онъ смотрѣлъ и смотрѣлъ. Онъ пытался отворить врата неба.

— Народы должны были бы пробиться другъ къ другу сквозь шкуру и по брюху тѣхъ, кто такъ или иначе эксплоатируютъ ихъ. Всѣ массы должны были бы сговориться.

— Всѣ люди должны были бы быть равны,—раздается разрѣшающій всѣ неясности голосъ.—Тогда не будетъ подъ небомъ ужасныхъ дѣлъ, совершенныхъ тридцатью милліонами людей, которые не хотятъ ихъ.

— Подумать только, съ чѣмъ только не придется бороться,—вздыхаетъ кто-то, прислушиваясь къ первымъ пушечнымъ выстрѣламъ. И передъ взоромъ ихъ встаетъ необозримый сонмъ противниковъ міра, легіонъ пособниковъ — вольныхъ или невольныхъ—торжествующей войны.

— Это тѣ,—кричитъ вдругъ одинъ изъ темныхъ этихъ и драматическихъ собесѣдниковъ, протягивая руку, какъ будто бы видѣлъ.—которые говорятъ: «Какъ они красивы»!

— И тѣ, кто говоритъ: «Племена ненавидятъ другъ друга»!

— И тѣ, кто говоритъ: «Я жирѣю отъ войны и брюхо мое зрѣетъ»!

— И тѣ, кто говоритъ: «Война была всегда, значитъ, она всегда будетъ»!

— Это тѣ, кто говоритъ: «Дѣти рождаются на свѣтъ съ красными или синими штанами на задницѣ!»

— Это тѣ,—проворчалъ хриплый голосъ,—кто говоритъ: «Опустите голову и вѣруйте въ Бога!»

Но довольно говорить о другихъ. Тѣмъ хуже для нихъ. Но они, солдаты, увидѣли правду въ этомъ кромѣшномъ мракѣ:

«Мы! Мы всѣ! Соглашеніе демократій, соглашеніе безчисленныхъ множествъ, возстаніе вселенскаго народа, простая и грубая вѣра»...

Все остальное, въ прошломъ, въ настоящемъ и въ будущемъ, все остальное безразлично. И кто-то изъ солдатъ рѣшается добавить: «Если настоящая война хоть на шагъ двинетъ впередъ прогрессъ, эти несчастія и эти избіенія не станутъ ни во что»!

* * *

Этотъ циклъ картинъ, достойныхъ сравненія съ видѣніями Гойя или съ «ужасами войны» лотарингца Калле, эти обрывки мыслей и рѣчей, вырванныхъ мною изъ контекста, — все это

пережито и запечатлѣно французскимъ писателемъ и солдатомъ еще въ декабрѣ 1915 года. Слова, которыя всюду свободно зазвучали у насъ теперь, подслушаны имъ во французскихъ окопахъ еще два года тому назадъ. Они разрушаютъ легенду о классическомъ французскомъ «пью-пью» въ красныхъ штанахъ, молодцѣ и задирѣ. Книга эта устанавливаетъ единство фронта между страданіями и потрясенной совѣстью всѣхъ воюющихъ народовъ.

Между тѣмъ я не назвалъ бы неотразимую гуманность этой книги тенденціозной. Анри Барбюссъ не обличитель, а печальникъ, не публицистъ, а герой. Не изъ празднаго созерцанія возникло его твореніе.

Зачисленный передъ войной въ вспомогательныя войска, авторъ «Огня» добровольно перевелся въ строй съ перваго дня объявленія войны. Назначенный въ 35-ый ополченскій полкъ, онъ добился опредѣленія на фронтъ въ полкъ дѣйствующей арміи и пожелалъ остаться солдатомъ, чтобы раздѣлить судьбу простыхъ пѣхотинцевъ. Упомянутъ въ приказѣ по бригадѣ въ іюнѣ 1915 года и въ приказѣ по арміи въ октябрѣ того же года. Дважды эвакуированный изъ-за болѣзни, схваченной на фронтѣ, онъ недавно возвратился въ свою часть. Романъ его написанъ въ госпиталѣ.

Потомъ и кровью добылъ Барбюссъ свое священное право: свидѣтельствовать объ истинѣ.

Андрей Левинсонъ.

ПО РОССІИ.

ПИСЬМА ЗНАТНАГО ИНОСТРАНЦА.

Дорогой Джэкъ!

Послѣ долгаго отсутствія я снова шагаю по знакомымъ мѣстамъ—по улицамъ, гдѣ нога вязнетъ до щиколки, по площадямъ, гдѣ среди привольнаго безлюдья важно грѣются на солнцѣ свиньи, по улицамъ и переулкамъ, гдѣ только шелуха подсолнуховъ и кухонные отбросы свидѣтельствуютъ о присутствіи человѣческихъ существъ. Годъ тому назадъ вся эта территорія была подчинена «исправнику», воплощавшему въ своемъ лицѣ власть законодательную, исполнительную и распредѣлительную. Передъ нимъ трепетали сильные міра сего. На него съ надеждой и упованіемъ взирали вдовы, сироты и обездоленные. Онъ былъ самымъ популярнымъ и уважаемымъ лицомъ въ городѣ, и его полезная дѣятельность находила себѣ оцѣнку въ рядѣ мѣткихъ, чисто народныхъ афоризмовъ.

— Вотъ ужъ это исправникъ, такъ исправникъ,—говорили про него купцы.—Этотъ не ошибется. Какъ онъ вчера Ивана Сидорова по мордѣ—хлясть! Да еще разъ, да еще!

— А учителя то какъ онъ сцапалъ!—хоромъ восхищались мѣщане пригородной слободы.—Пригнали темную карету, посадили туда Степана Ѳерапонтыча,—да и поминай какъ звали. И по дѣломъ—не смущай народъ!

— Однимъ словомъ, настоящій военный кавалеръ,—резюмировали лэди изъ общества.

При всѣхъ своихъ боевыхъ качествахъ исправникъ былъ тонкимъ эстетомъ, поклонникомъ античной красоты. О немъ передавали, что нѣкогда, заключивъ пари съ однимъ другомъ, онъ объѣхалъ ввѣренный ему городъ въ натуральномъ видѣ. И, хотя истинная цѣль этого мѣропріятія была неправильно понята его подданными и истолкована, какъ граціозная шутка, тѣмъ не менѣе это нисколько не подорвало его авторитета. «Широкая русская натура»—единогласно рѣшило общественное мнѣніе.

Городъ Тьфутаракань свѣтлымъ пятномъ запечатлѣлся въ моей памяти. Это былъ истинно-русскій патріархальный уголокъ, гдѣ управляемые и управляющіе жили въ полномъ согласіи и духовномъ союзѣ. Но исторія мѣняется. Прошелъ всего годъ,—и теперь изъ маленькаго уѣзднаго городка выросла въ нѣсколько дней мощная независимая тьфутараканская республика. Бывшій градоправитель сидитъ на гауптвахтѣ подъ городской каланчой. Купцы каждый вечеръ проходятъ у него подъ окнами

и, показывая кулаки, кричатъ: «казни тебѣ мало, иродъ вселенскій!» Учитель двухкласснаго училища пишетъ научный трудъ подъ заглавіемъ: «Тайны исправничьяго двора» и для этой цѣли ежедневно интервьюируетъ молодыхъ миссъ, служившихъ у градоправителя. Лэди изъ общества ежедневно посылаютъ воротившемуся изъ ссылки Степану Ѳерапонтычу букеты герани. А мѣщане изъ пригородной слободы торжественно утопили въ рѣчкѣ «Проплеванной» два царскихъ портрета и исправничью фотографію.

—Все это, конечно, понятно,—скажете вы.—Но почему независимая тьфутараканская республика? И въ чемъ ея отличительныя качества и свойства?

На первый вопросъ мнѣ далъ исчерпывающій отвѣтъ дѣлопроизводитель губернскаго правленія,—президентъ новой республики.

— Во первыхъ,—сказалъ онъ, загибая пальцъ,—городъ Тьфутаракань имѣетъ свою особую экономическую физіономію. Вотъ, возьмите пеньковую веревку—такихъ во всей Россіи не найдете: настоящая тьфутараканская. Или, къ примѣру, бублики, что бабы продаютъ на базарѣ. Гдѣ вы такихъ достанете? А деготь, деготь?—На всю площадь разитъ, не продохнешь отъ него. Или вотъ еще свиньи: такую не стыдно подать и къ губернаторскому—я хочу сказать президентскому—столу. Кромѣ этихъ экономическихъ, у насъ есть еще и культурныя особенности. Еще со временъ Владимира Святого городъ Тьфутаракань говоритъ на о, не выговариваетъ буквы ч и лукавитъ съ буквой ф. Его лучшіе писатели, начиная съ благочинныхъ и кончая писарями съѣзда, никогда не признавали ни буквы ѣ, ни знаковъ препинанія. Ругаются тьфутараканскіе граждане тоже совершенно по своему—столь глубоко и столь аллегорически, что остальнымъ россіянамъ ихъ и понять невозможно. Теперь судите сами: если я его ругну, и онъ меня не понимаетъ, какая тутъ можетъ быть національная связь? Нѣтъ, мы слишкомъ своеобразны. Намъ нужна полная и безусловная независимость.

— По правдѣ сказать,—продолжалъ мой собесѣдникъ,—мы и раньше были независимы. Нашъ тьфутараканскій исправникъ былъ, въ сущности, некоронованнымъ королемъ. Ну, а мы его смѣстили и отправили къ...

Тутъ онъ сказалъ длинную фразу на тьфутараканскомъ языкѣ, упоминавшую, кажется, близкихъ, родственниковъ, но для меня довольно туманную. Затѣмъ снялъ со стѣны карту, вынулъ изъ кармана горсть подсолнуховъ и аккуратно разложилъ ихъ по линіи государственной границы.

— Вотъ, видите, болото,—говорилъ онъ.—На десятки верстъ тянется. Ни проѣхать, ни пройти. Даже мальчишки за ягодами ходить опасаются. Но клюквы, клюквы—Боже Ты мой, какъ только такая клюква родится? Груды клюквы, горы клюквы! Неисчерпаемыя богатства, золотое дно. Такъ вотъ, для сбереженія національнаго достоянія мы поставимъ по болоту корпусъ пограничной стражи, а на клюкву введемъ монополію. Тоже

вотъ рыжики—доходная статья. Ведемъ сейчасъ съ Америкой переговоры о займѣ, гарантируя оный нашими рыжичными богатствами.

Я услышалъ бы, вѣроятно, много интереснаго отъ гражданина президента, если бы въ эту минуту къ нему не подошелъ адъютантъ—изящный молодой человѣкъ во френчѣ и панталонахъ галифе. Адъютантъ что-то шепнулъ президенту на ухо. Президентъ поднялся съ мѣста.

— Извиняюсь, м-ръ Симпльтонъ,—сказалъ онъ.—Меня экстренно вызываютъ на три чрезвычайно важныхъ собранія: на митингъ товарищей-воровъ, на организаціонное собраніе товарищей-лжесвидѣтелей и въ исполнительный комитетъ товарищей-спекулянтовъ. Кромѣ того, только что образовавшійся тьфутараканскій союзъ шулеровъ проситъ меня выступить съ привѣтственной рѣчью и принять ихъ делегата въ составъ правительства.

Я рѣшилъ послѣдовать за президентомъ, предварительно оставивъ въ его дворцѣ все свое наличное имущество. Митингъ воровъ былъ организованъ блестяще. По моему, тамъ присутствовало около трети всего городского населенія. Это многолюдство меня нѣсколько удивило. Но тутъ я вспомнилъ одну исконную культурную традицію города Тьфутаракани—брать все, что плохо лежитъ, и многочисленность собранія стала мнѣ понятной.

— Товарищи воры,—началъ свою рѣчь президентъ.—Я счастливъ, что могу привѣтствовать васъ отъ имени тьфутараканской республики. Мы, представители государственной власти, и вы, представители свободнаго ремесла, въ сущности, всегда были членами одной и той же семьи. Мы поддерживали васъ, вы поддерживали насъ. Ибо, спрошу я, что стала бы дѣлать безъ васъ, товарищей воровъ, государственная власть? Ей нечѣмъ было бы заниматься, она погибла бы отъ безработицы и общественнаго равнодушія. Съ другой стороны, и вамъ пришлось бы туго, если бы власть не выручала васъ въ иныя критическія минуты. Связь между нами и вами была столь тѣсна, столь несомнѣнна, что даже и при старомъ режимѣ наиболѣе талантливые изъ васъ радушно принимались въ административную среду. Приставъ Лихоимцевъ, околоточный Ломало-Замковскій, урядникъ Удальцовъ—развѣ не свѣжи въ нашей памяти ихъ имена? И эта идея внутренней связи, духовной солидарности была ясна не только для администраторовъ, но и для наиболѣе почтенныхъ жителей нашего города. Я вижу среди васъ купца 1-й гильдіи достопочтеннаго Ѳедора Лукича. Какъ вамъ извѣстно, онъ собственноручно укралъ у умиравшей бабушки духовное завѣщаніе. Я вижу Семена Евграфыча—онъ вытащилъ векселя у подвыпившаго тестя. Я вижу другихъ, для восхваленія коихъ слишкомъ слабъ мой языкъ. Мы всѣ—одна семья, и я надѣюсь, что союзъ вашъ будетъ одной изъ самыхъ крѣпкихъ организацій нашей молодой республики.

Бѣшеные апплодисменты покрыли слова оратора. Съ от-

вѣтной рѣчью выступилъ лидеръ воровъ, прошедшій курсъ университета.

— Уважаемый президентъ,—сказалъ онъ.—Вполнѣ соглашаясь съ вашей блестящей рѣчью, я только позволю себѣ развить ея основныя положенія. Еще за много лѣтъ до Прудона городъ Тьфутаракань задалъ себѣ вопросъ—что такое собственность?—и отвѣтилъ на него разъ навсегда: «собственность—это кража». Но наши предки пошли дальше французскаго мыслителя. Оставаясь послѣдовательными, они признали, что кража есть собственность и, какъ таковая, заслуживаетъ всемірнаго признанія и поощренія. Мы, истинные сыны Тьфутаракани, крали отъ колыбели до могилы. Въ школѣ мы крали другъ у друга карандаши и ручки, въ университетѣ — мысли и идеи, въ домашнемъ нашемъ быту—все вообще, что служитъ на пользу человѣку. Мы были геніально ловки, находчивы и неуловимы. Извиваясь ужомъ, мы вползали въ хоромы нашихъ повелителей и обкрадывали казну. Обряженные въ скромную синюю чуйку, мы входили въ хату мужика и обчищали ее до чиста. Если мы занимались земледѣліемъ и носили посконную рубаху—мы крали у сосѣда сошникъ, сбрую, лемехъ. Если мы занимались промышленностью, мы крали у рабочаго здоровье и жизнь. У самихъ себя мы крали совѣсть. Если мы были сильны, мы говорили себѣ: «сила есть право, сильному принадлежитъ все, что онъ можетъ взять». Если мы были слабы, мы говорили: «слабый обиженъ судьбой и долженъ взять хитростью то, что не можетъ взять силой». И потомъ съ чистымъ сердцемъ мы шли въ церковь, пятиминутнымъ покаяніемъ омывали грѣхи цѣлаго года и уходили праведными, какъ Авраамъ, кроткими, какъ Іосифъ. Мы обкрадывали Бога. Наша казна, нашъ мужикъ, нашъ рабочій, наши друзья, наши сосѣди, наши жены и дѣти, наша совѣсть, нашъ Богъ—мы обманули ихъ всѣхъ. Какъ истинные воры, мы искренно уважали другъ друга, ибо кража—это собственность, и воровство—это смыслъ и цѣль существованія. И потому, господинъ президентъ, никто не жилъ спокойнѣе, никто не спалъ безмятежнѣе, чѣмъ жители Тьфутаракани. Подобно вамъ, я позволяю себѣ надѣяться, что теперь, избавленные отъ гнета цензуры, мы ясно выявимъ свою физіономію и объединимъ подъ знаменами «Ассоціаціи воровъ» все мыслящее, сознательное населеніе тьфутараканской республики...

Митингъ закончился. Послѣ этого мы были у лжесвидѣтелей, шулеровъ и спекулянтовъ. Президентъ попрощался со мной. Онъ былъ ужасно занятъ: ему надо было готовиться и къ собранію алкоголиковъ, которое созывалось въ этотъ вечеръ.

Мое англійское сердце, Джэкъ, чувствовало нѣкоторое безпокойство. Я все чего-то искалъ и не находилъ. Хотѣлось обычнаго, привычнаго, традиціоннаго.

— Скажите, пожалуйста, гдѣ здѣсь собирается митингъ порядочныхъ людей?—спросилъ я, наконецъ, у прохожаго—солиднаго человѣка въ цилиндрѣ.

Прохожій подозрительно оглядѣлъ меня.

— Кого вы, собственно, ищете? — строго спросилъ онъ.

— Да вотъ такихъ, которые не воруютъ, не лжесвидѣтельствуютъ, не кощунствуютъ,—запинаясь объяснилъ я.

— Словомъ, людей безъ опредѣленныхъ занятій?—пояснилъ прохожій.—Ну,такъ бы и сказали. Вонъ они о чемъ-то толкуютъ,— и онъ презрительнымъ жестомъ указалъ мнѣ на кучку людей въ рваныхъ пиджакахъ, толпившуюся у угла улицы.

Я подошелъ къ нимъ. Это были мѣщане пригородной слободы—слесаря, мѣдники, сапожники. Они были, видимо, чѣмъ-то очень взволнованы и обезпокоены.

— Имъ хорошо разсуждать,—говорилъ одинъ.—Воровать легко, когда есть что. А у насъ въ слободѣ—что у кого найдешь? Рваныя одѣяла, да разбитый самоваръ, да гармоника съ сипомъ— вотъ и вся собственность. Куда-жъ это дѣть-то? Воруй не воруй— все толку нѣтъ.

Говорившій безпомощно разводилъ руками, и толпа слушала его въ мрачной задумчивости. Скоро, однако, платформа объединенія нашлась.

— Слушайте, товарищи,—послышался голосъ.—Воровать намъ другъ у друга нечего, это правда. Но у насъ есть собственныя традиціи, собственныя, такъ сказать, преданія отцовъ. Съ тѣхъ поръ, какъ стоитъ городъ Тьфутаракань, мы, слобожане, сходились стѣнка на стѣнку. Мужья смертнымъ боемъ били женъ, жены—пьяныхъ мужей. Мы издревле вели между собой гражданскую войну, но не умѣли поставить ее организованно. Будемъ же теперь послѣдовательны. Ополчимся другъ на друга кулакомъ, зубами и ножомъ. Я тебя, ты меня—и такъ до безчувствія. А тѣ, кто останется въ живыхъ, получитъ въ собственность всѣ самовары, всѣ рваныя одѣяла, всѣ разбитыя гармоники нашей слободы. Основемъ союзъ Джэковъ-потрошителей.

Предложеніе было принято. Я поспѣшилъ удалиться.

Вечеромъ по городу ходили въ сопровожденіи огромной толпы пожарные въ каскахъ и расклеивали декларацію правъ, опубликованную новымъ правительствомъ. Она гласила слѣдующее:

«Тьфутарканская республика едина и нераздѣльна. Посему каждый гражданинъ, не обороняющій ее съ оружіемъ въ рукахъ отъ внѣшнихъ враговъ, есть измѣнникъ и подлежитъ смерти.

«Тьфутараканская республика есть республика мира. Посему каждый гражданинъ, обороняющій ее съ оружіемъ въ рукахъ, есть измѣнникъ и подлежитъ смерти.

«Тьфутараканскій президентъ есть избранникъ народа. Посему каждый гражданинъ, критикующій его распоряженія, есть измѣнникъ и подлежитъ смерти.

«Тьфутараканскій президентъ заимствуетъ власть свою отъ народа. Посему каждый гражданинъ, безъ критики подчиняющійся его распоряженіямъ, есть измѣнникъ и подлежитъ смерти.

«Самодержавный тьфутараканскій народъ не можетъ на-

казывать самъ себя. Посему всѣ наказанія, въ томъ числѣ и смертная казнь, отмѣняются.

«Всякій, неповинующійся сей декларации, подлежитъ разстрѣлу».

Съ тяжелыми предчувствіями легъ я въ постель. Мнѣ казалось, что городъ Тьфутаракань перевернулся вверхъ ногами. Но утро разсѣяло мои опасенія. Попрежнему сонно и вяло брели по улицамъ заспанные жители. По прежнему беззаботно грызли сѣмячки дѣвицы. Попрежнему спокойно сидѣли купцы у лавокъ, въ которыхъ ничего не было. Въ слободѣ кто-то кричалъ караулъ—кого то били смертнымъ боемъ. И я понялъ, что тьфутараканская республика жила по древнимъ своимъ завѣтамъ, и что президентъ и граждане ея остались такими же, какими были испоконъ вѣковъ.

Вашъ *В. Симплътонъ*.

РЕВОЛЮЦІЯ И ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ПЕЧАТЬ.

Одинъ изъ газетныхъ провинціальныхъ корреспондентовъ, повѣствуя о дняхъ свободы въ его уѣздѣ, такъ охарактеризовалъ настроеніе растерянности, охватившее провинцію при первомъ извѣстіи о паденіи стараго режима: «мы не вѣрили собственному счастью, мы, какъ птица въ клѣткѣ, дверцы которой уже были открыты, не вѣрили, что можно ринуться къ лазурной свободѣ». И, дѣйствительно,—на первыхъ порахъ уѣздная Россія смогла только принять революцію и отпраздновать ее, активной же участницей ея она стала значительно позднѣе, да и то не вездѣ. Что касается печати, то изъ реальныхъ факторовъ провинціальной общественной жизни, она дольше всѣхъ пребывала въ состояніи летаргическаго оцѣпенѣнія, изъ котораго не вышла окончательно даже и въ ту пору, когда всюду кругомъ, даже по медвѣжьимъ угламъ, шла полнымъ ходомъ творческая работа по переустройству жизни на новыхъ началахъ. Удивляться этому не приходится: послѣ тяжкой неволи, послѣ бичей и скорпіоновъ самодержавной цензуры, трудно было говорить бодрымъ и увѣреннымъ голосомъ.—онъ не могъ не быть робкимъ и задушеннымъ.

Но прошелъ этотъ періодъ неизбѣжнаго оцѣпенѣнія, и картина рѣзко измѣнилась. Въ настоящее время, спустя три съ лишнимъ мѣсяца послѣ мартовскихъ дней, свободное слово превратилось въ могучую творческую силу и является уже активнымъ участникомъ великаго процесса возрожденія Россіи. Въ этомъ очеркѣ мы и хотѣли бы прослѣдить и охарактеризовать эти первые ростки вольнаго слова въ провинціи на основаніи имѣющагося у насъ матеріала, къ сожалѣнію, далеко не полнаго и случайнаго.

Прежде всего, какъ отразилась революція на старыхъ органахъ провинціальной печати? Черносотенные листки, въ родѣ «Курской были», прекратили свое существованіе, иные перекрасились въ защитный цвѣтъ, а большинство губернскихъ газетъ, столь типичныхъ для старой Россіи, всевозможные — «Телеграфы», «Листки», «Вѣстники», «Курьеры» и пр. сохранили свой прежній обликъ, направленіе и скудное содержаніе. Въ этомъ отношеніи мы не замѣтимъ никакой разницы между незначительными «Листками» и «левіаѳанами» провинціальной прессы, въ родѣ «Пріазовскаго края» или «Одесскихъ Новостей». Послѣдніе—въ большинствѣ случаевъ теперь, какъ и раньше, стараются походить на столичные органы и въ силу этого не характерны для коренной провинціальной Россіи, жизнь которой они слабо отражаютъ на своихъ большихъ листахъ.

Что касается типичныхъ провинціальныхъ органовъ, то нерѣдко можно и теперь встрѣтить на ихъ столбцахъ, особенно въ уѣздныхъ захолустьяхъ, необычайно подробную информацію по части внѣшней политики, длинныя, непропорціональныя размѣрамъ газеты—замѣтки на такія животрепещущія темы, какъ «Волненія въ Испаніи», безконечное количество стиховъ на гражданскія и негражданскія темы, и даже иллюстраціи, и притомъ столь злободневныя, какъ «Лыжный спортъ въ Швейціаріи» или «Дочь президента Вильсона со своимъ сыномъ». Среди стиховъ—нѣкоторые поражаютъ своей одинаковой близостью и къ эпохѣ карамзинскаго сентиментализма, и къ острымъ проблемамъ современности. Вотъ какъ, напримѣръ, воспѣваетъ Керенскаго одна его восторженная поклонница на страницахъ «Моршанскаго Телеграфа»:

Смотрю портретъ его. Какое славное лицо,
Какъ много твердости, ума и воли!
И стало на душѣ легко;
Анархіи не станетъ болѣ!»

Иногда и сами редакторы газетъ пытаются привести въ соотвѣтствіе творческіе опыты мѣстныхъ поэтовъ съ задачами текущаго дня. Такъ, напримѣръ, въ одномъ губернскомъ «Листкѣ» стихотвореніе «Мечты», гдѣ имѣются и трели «соловья», и «шопотъ сладостный цвѣтовъ», и «шумъ таинственный деревъ», и многое другое, снабжено слѣдующимъ примѣчаніемъ:

«Настоящее стихотвореніе, полученное мною отъ одного офицера съ фронта... всего менѣе можетъ свидѣтельствовать о пасмурныхъ настроеніяхъ нашихъ доблестныхъ войскъ въ ожиданіи предстоящихъ сраженій».

Высказывать собственное сужденіе по дѣйствительно злободневнымъ вопросамъ современности такія газеты не рѣшаются. Правда, спустя первый мѣсяцъ революціи, голоса ихъ нѣсколько окрѣпли, но лишь для того, чтобы призывать своихъ согражданъ къ порядку и ополчаться противъ «анархіи».

Но мы были бы несправедливы къ старой провинціальной прессѣ, если бы не отмѣтили и крупныхъ метаморфозъ, проис-

шедшихъ съ одной, хотя и незначительной частью ея. Нѣкоторые органы съ перваго дня же революціи рѣзко порвали съ прошлымъ и приняли ярко - демократическую окраску. Такъ, напр., ставропольская газета «Сѣверо-Кавказское Слово» украсилась лозунгами обѣихъ соціалистическихъ партій и объявила себя «органомъ соціалистовъ». Партійнымъ органомъ мѣстныхъ С-ровъ сдѣлалась и пензенская газета «Черноземъ», а съ троицкой небольшой газеткой «Степь» подобная же перемѣна фирмы и направленія произошла въ торжественной и трогательной формѣ. Редакторъ ея «гражданинъ Х. Ш. Сосновскій» въ первомайскомъ номерѣ газеты обратился къ «уважаемымъ гражданамъ подписчикамъ и читателямъ» со слѣдующимъ заявленіемъ:

«Газета «Степь» за все время своего существованія велась сотрудниками изъ тѣхъ демократическихъ слоевъ общества, которые всегда боролись за свободу народа не только перомъ, а словомъ и дѣйствіемъ. Вмѣстѣ съ ними мною газета велась въ самое глухое время реакціи: и штрафы, и доносы, и пріостановка газеты изливались старымъ режимомъ на газету, не гнушаясь никакими средствами, чтобы опорочить газету и ея редактора-издателя и разорить его матеріально.

Теперь старый режимъ палъ. Новыя условія требуютъ новыхъ силъ и новыхъ работниковъ, которые бы съ честью вели народъ къ освобожденію. Поэтому я веденіе газеты передалъ Троицкому Комитету Р. С. Д. Р. П.».

Объявила себя «соціалистической» и шадринская газета «Исеть», предоставивъ свои столбцы для представителей обѣихъ соціалистическихъ партій. Перемѣна фирмы не всегда и въ этихъ случаяхъ дѣлала газету болѣе яркой, но все же по тону и содержанію подобные органы рѣзко расходились со своими прежними собратьями, и между ними возникала ожесточенная борьба.

Нужно, однако, сказать, что новый обликъ провинціальной печати придали не эти органы, а другіе, которыхъ призвали къ жизни революція и обновленная Россія. Раньше другихъ стали возникать офиціальные органы революціонныхъ учрежденій, пришедшіе на смѣну «губернскимъ вѣдомостямъ». Это—въ большинствѣ случаевъ «Извѣстія» или «Бюллетени» или, наконецъ, «Вѣстники» Исполнительныхъ Комитетовъ Общественной Безопасности, Коалиціонныхъ Совѣтовъ и т. д. За ними слѣдуетъ еще болѣе длинный рядъ «Извѣстій» Совѣтовъ рабочихъ, солдатскихъ и крестьянскихъ депутатовъ. Въ настоящее время нѣтъ такого уголка, гдѣ бы не существовало такого органа, причемъ значительная часть ихъ заполнена постановленіями и резолюціями и носитъ, такимъ образомъ, освѣдомительно офиціозный характеръ. Къ такому именно типу принадлежатъ «Извѣстія» слѣдующихъ «Совѣтовъ»: Новгородскаго, Псковскаго, Валдайскаго, Рѣжицкаго, Нарвскаго, Кронштадтскаго, Архангельскаго, Кадіевскаго, Надеждинскаго, Иваново-Вознесенскаго, Орловскаго, Нижегородскаго, Вятскаго, Кишиневскаго, Минскаго, Витебскаго, Порховскаго, Ревельскаго, Богословскаго, Оршанскаго, Мозырскаго, Покровскаго, Елисаветградскаго,

Харьковскаго, Никитскаго, Пензенскаго, Курганскаго, Симбирскаго, Красноярскаго, Гельсингфорскаго, Тифлисскаго, Никольско-Уссурійскаго, Урюпинскаго, Лозово-Павловскаго, Центрально-Донецкаго, Томскаго, Черниговскаго и мн. др.

Наряду съ такими чисто освѣдомительными органами во многихъ городахъ существуютъ «Извѣстія» типа настоящихъ газетъ съ руководящими статьями, корреспонденціями и особыми заглавіями. «Таковы: «Свободная Мысль» (Бердичевъ), «Голосъ Свободы» (Томскъ), «Трудовая Волынь» (Житомиръ), «Единеніе» (Новоторжскъ), «Наша Газета» (Ташкентъ), «Кокандское Эхо» (Кокандъ), «Голосъ Труда» (Александровъ, Владим. губ.), «Голосъ Народа»» (Владимиръ), «Земля и Воля (Шацкъ), «Крестьянское Дѣло» (Козловъ), «Народное Дѣло» (Козельскъ), «Революціонный Голосъ» (Полоцкъ), Народная Жизнь» (Енакіево, Екатериносл. губ.) «Единеніе» (Симферополь), «Вѣстникъ Запорожья» (Никополь), «Молотъ» (Могилевъ), «Солдатъ и Рабочій» (Херсонъ), «Заря» (Оренбургъ), «Къ Дѣлу» (Азовъ), «Борьба» (Екатеринбургъ), «Рабочая Мысль» (Новочеркасскъ), «Голосъ Труда» (г. Золотоношъ), «Знамя Революціи» (Томскъ).

Физіономіи этихъ газетъ довольно однородны, а направленіе сплошь соціалистическое съ нѣкоторыми уклонами въ сторону какой-либо одной изъ двухъ конкурирующихъ партій.

Почти одновременно съ офиціальными и офиціозными органами революціи, а кое-гдѣ и раньше ихъ, стала возникать партійная печать. Въ настоящее время она конкурируетъ по количеству названій съ «Извѣстіями», а по вліянію на рабочія и крестьянскія массы, можетъ быть, даже и превосходитъ ихъ. Учесть точную цифру партійныхъ газетъ и исчерпывающе зарегистрировать ихъ вѣтъ никакой возможности, и нашъ списокъ отнюдь не претендуетъ на полноту.

Слабѣе всѣхъ представлена въ провинціи новыми органами кадетская пресса, но не нужно забывать, что на службу къ кадетамъ перешло подавляющее большинство аборигеновъ провинціальной печати, о которыхъ уже была рѣчь выше. Изъ новыхъ органовъ укажемъ—«Сѣверное Эхо» въ Вологдѣ, «Народная Свобода»—въ Нижнемъ Новгородѣ, Сумахъ, Барнаулѣ, «Свободное Пріамурье»—въ Хабаровскѣ. Чего-либо любопытнаго и оригинальнаго съ точки зрѣнія идейной и бытовой эти органы не представляютъ. Въ отличіе отъ «Листковъ» и «Телеграфовъ»,—они больше удѣляютъ мѣста партійной жизни, а представленіе о мѣстной жизни даютъ однобокое. Большую роль въ жизни этихъ газетъ играетъ борьба съ «друзьями слѣва», доходящая иногда до большого ожесточенія.

Почти рядомъ съ кадетской прессой слѣдуетъ упомянуть народившіеся въ Сибири органы, такъ называемаго, «Союза независимыхъ соціалистовъ-федералистовъ». Намъ извѣстенъ пока только одинъ такой органъ—«Свободная Сибирь»,—издающійся въ Ново-Николаевскѣ и находящійся въ состояніи непрерывной войны съ мѣстной соціалъ-демократической газетой «Голосъ Сибири». Въ Барнаулѣ такая же война ведется между «Народной

Правдой» (с.-д.), и «Народной Свободой» (к.-д.), которая не устаетъ обличать своего противника не только въ прозѣ, но и стихахъ и притомъ съ указаніемъ именъ прегрѣшеній отдѣльныхъ лицъ—«вплоть до седьмого колѣна».

Изъ газетъ соціалъ-революціоннаго направленія укажемъ слѣдующія: «Вольный Голосъ Сѣвера» (Вологда), «Крестьянскій Союзъ» (Томскъ, Екатеринославъ), «Нашъ Голосъ» (Красноярскъ), «Воля Народа», (Кіевъ, Кострома), «Народная Воля» (Самара, Екатеринодаръ, Ковровъ), «Земля и Воля» (Ростовъ-на-Дону, Армавиръ, Уфа, Харьковъ, Вольскъ, Ново-Николаевскъ, Саратовъ, Омскъ, Сызрань, Курскъ), «Народная Газета» (Александровъ, Грушевскъ, Екатеринбургъ), «Тверской Листокъ» (Тверь), «Черноземъ» (Пенза), «Трудовая Заря» (Муромъ), «Сѣверо-Кавказское слово» (Ставрополь), «Оренбургская жизнь» (Оренбургъ) «Трудовой Народъ» (Екатеринославъ), «Народное Дѣло» (Чита), «Голосъ Революціи» (Астрахань), «Крестьянинъ и Рабочій» (Одесса), «Народъ» (Нижній-Новгородъ), «Думы Урала» (Екатеринбургъ), «Крестьянскій Союзъ» (Томскъ).

Списокъ этотъ далеко не полонъ, и по нему нельзя судить о степени вліянія этой партіи на провинціальную Россію. Вліяніе это огромно, и партійные с.-р'овскіе органы пользуются большимъ успѣхомъ въ провинціи—особенно въ крестьянской средѣ. Изъ тѣхъ немногихъ газетъ, какія имѣются у насъ подъ руками, особенно слѣдуетъ выдѣлить—«Вольный Голосъ Сѣвера», издающійся въ Вологдѣ чуть ли не съ перваго мѣсяца революціи—и отличающійся богатствомъ содержанія и отсутствіемъ обычной для такихъ газетъ партійной сухости и односторонности. Газета много мѣста удѣляетъ областной хроникѣ и жизни деревни.

Что касается соціалъ-демократической прессы, то въ нашемъ спискѣ она представлена довольно полно, но далеко не исчерпывающе—и какъ ни соблазнительно сравнить относительную силу вліянія обѣихъ соціалистическихъ партій по количеству издаваемыхъ ими органовъ,—отъ этой задачи намъ пока слѣдуетъ отказаться, чтобы не строить своихъ выводовъ на шаткомъ основаніи. Не представляется пока возможности выдѣлить и фракціонныя группировки провинціальной соціалъ-демократической печати для многихъ мѣстъ Россіи. Возможно это только для крупныхъ промышленныхъ центровъ, гдѣ имѣется по нѣсколько с.-д. газетъ. Такъ, въ Самарѣ издается—возродившійся «Нашъ Голосъ» (меньш.) и Приволжская Правда» (больш.), въ Саратовѣ— «Соціалъ-Демократъ» (больш.) и «Пролетаріи Поволжья» (меньш.), въ Казани—«Рабочій» (б.) и «Казанская Рабочая Газета» (м.), въ Ростовѣ-на-Дону—«Наше Знамя» (б.) и «Рабочее Дѣло» (м.), въ Екатеринославѣ—«Звѣзда» (б.) и «Борьба» (м.).

По другимъ районамъ укажемъ слѣдующія:—«Лучъ» (Астрахань), «Впередъ» (Уфа), «Степь» (Троицкъ), «Пролетарій» (Харьковъ), «Голосъ Соціалъ-Демократа» (Кіевъ), «Красное Знамя» (Рига), «Волна» (Гельсингфорсъ), «Кронштадтская Правда», «Уральская Правда» (Екатеринбургъ), «Кубанская Правда» (Екатеринодаръ), «Сибирская Правда» (Красноярскъ), «Красноярскій Ра

бочіи» (тамъ же),«Народная Правда» (Барнаулъ), «Голосъ Сибири» (Новониколаевскъ), «Новая Жизнь» (Томскъ), «Рабочій» (Омскъ), «Товарищъ» (Минусинскъ), «Голосъ Труда» (Благовѣщенскъ), «Воронежскій Рабочій», «Бакинскій Рабочіи», «Товарищъ» (Минскъ), «Голосъ Народа» (Тула), «Борьба» (Царицынъ), «Интернаціоналъ» (Нижній - Новгородъ), «Голосъ Народа» (Бобруйскъ), «Свободвый Трудъ» (Смѣла). Кромѣ того и многіе органы Совѣтовъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ носятъ опредѣленный соціалъ-демократическій оттѣнокъ.

Присматриваясь ближе къ провинціальной соціалистической прессѣ, мы не можемъ не замѣтить, что отношенія между «братьями соперниками» въ общемъ «добрососѣдскія». Если и попадаются иногда полемическіе выпады, то и въ этихъ рѣдкихъ случаяхъ дѣлаются они во имя неосуществленнаго единства и направляются по адресу столицъ и крупныхъ центровъ, гдѣ больше всего кипятъ страсти и «шумятъ витіи», а въ глухой провинціи даже между соціалъ-демократическими органами не замѣтно особенно острыхъ столкновеній. Фракціонное дѣленіе газетъ въ крупныхъ городахъ и промышленныхъ центрахъ отражаетъ въ общемъ столичную группировку, но все же очень многія газеты изъ приведеннаго выше списка не поддаются точному опредѣленію съ точки зрѣнія фракціонности. Рѣзко выдѣляются только ультра-большевистскія «Правды», но и у нихъ тонъ болѣе сдержанный, чѣмъ у ихъ столичнаго прототипа. Нужно кромѣ того имѣть въ виду, что очень часто въ провинціальныхъ городахъ наибольшую аггрессивность и озлобленіе обнаруживаетъ буржуазная, въ частности, кадетская пресса, настойчиво призывающая къ борьбѣ съ «анархіей». Кое-гдѣ призывы эти уже оказываютъ свое дѣйствіе,—какъ, напримѣръ, въ Екатеринодарѣ, гдѣ недавно была закрыта «Кубанская Правда».

Со стороны содержанія—партійная пресса страдаетъ большими недочетами. Она мало даетъ читателю въ смыслѣ пропаганды соціалистическихъ идей и столь же мало отражаетъ провинцію со стороны быта и мѣстной жизни. Взамѣнъ этого мы находимъ на столбцахъ партійныхъ органовъ безконечныя резолюціи и отчеты о митингахъ и собраніяхъ. По этой части создался какой-то шаблонъ, унаслѣдованный еще отъ временъ подполья, ему и слѣдуетъ рабски партійная пресса, отметая все, что не укладывается въ узко-партійныя или даже фракціонныя рамки.

Къ группѣ соціалистическихъ газетъ слѣдуетъ отнести и студенческіе органы, изъ которыхъ намъ извѣстны только два—«Красное Знамя»—органъ соціалистическаго студенчества въ Ростовѣ на-Дону и «Сынъ Народа»—органъ Центральнаго Комитета Объединеннаго студенчества г. Одессы. Совсѣмъ особое мѣсто занимаетъ газета «Единеніе», представляющая «органъ группы учащихъ и учащихся Бакинской 2-ой мужской гимназіи». Газета не имѣетъ еще опредѣленной политической физіономіи и ставитъ своей задачей объединеніе педагоговъ и учениковъ

на почвѣ обновленія школьной жизни и въ этомъ отношеніи представляетъ извѣстный бытовой интересъ.

Въ особую группу необходимо выдѣлить военныя газеты, представляющія большую новость въ исторіи нашей повременной печати. Значительная часть этихъ газетъ издается на фронтѣ, —но, къ сожалѣнію, въ нашемъ спискѣ представлена весьма бѣдно и случайно. Мы можемъ указать лишь слѣдующія:— «Фронтъ»—издававшійся во время недавняго съѣзда въ Минскѣ, «Извѣстія Черновицкаго Гарнизоннаго Совѣта военныхъ депутатовъ», «Вѣстникъ 4 арміи», «Извѣстія Армейскаго Комитета» «Извѣстія Выборныхъ Особой Арміи», «Казанецъ»—органъ Полкового Комитета 64 пѣх. Каз. полка—(на передовыхъ позиціяхъ), «Окопная Правда» и многія другія, о которыхъ точныхъ свѣдѣній не имѣемъ.

Прямое отношеніе къ нашему очерку провинціальной печати имѣютъ военныя газеты, издающіяся въ близкомъ и глубокомъ тылу. Изъ нихъ укажемъ слѣдующія: «Наше Слово» (Омскъ), «Солдатская Мысль» (Одесса), «Свободное Слово Солдата и Матроса» (Ревель), «Голосъ Солдата» (Рязань), «Солдатская Газета» (Самара), «Военный Вѣстникъ Ростовскаго на-Дону Гарнизона», «Воинъ-Республиканецъ» (Харьковъ), «Воинъ Свободной Россіи» (Кіевъ), «Красное Знамя» (Ораніенбаумъ), «Воинъ-Гражданинъ»—органъ Военнаго Совѣта при Главнонаучальствующемъ (Архангельскъ).

Газеты эти весьма разнородны по своему содержанію, направленію и аудиторіи, къ которой каждая изъ нихъ обращается. Нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ ярко демократическую и соціалистическую окраску, а другія, какъ, напримѣръ, архангельская газета «Воинъ-Гражданинъ» настроены весьма «патріотически» и при томъ отъ всей души желаютъ, чтобы вмѣсто Петрограда, этого «одержимаго бѣсами города», снова было финское болото и чтобы новая Россія перенесла столицу въ Москву, «подальше отъ гнилого сквозняка нѣмецкаго, то надувающаго ей флюсъ въ видѣ Романовской династіи, то жабу въ видѣ Ленина». Что касается содержанія военныхъ газетъ,—то во многихъ изъ нихъ, особенно въ центральныхъ губерніяхъ, довольно полно освѣщается жизнь деревни, съ которой тыловой солдатъ находится въ постоянномъ общеніи.

Намъ остается теперь разсмотрѣть послѣднюю группу газетъ, быть можетъ, наиболѣе интересныхъ съ бытовой стороны и наиболѣе характерныхъ для провинціи. Уже въ первый мѣсяцъ революціи кое-гдѣ стали возникать газеты, не укладывающіяся въ опредѣленныя партійныя рамки, но ярко демократическаго направленія. Число такихъ органовъ съ каждымъ днемъ увеличивается, и намъ необходимо присмотрѣться къ нимъ поближе.

Изъ нихъ мы можемъ отмѣтить слѣдующія. «Голосъ Народа» (Орелъ), «Свободная Мысль» (Тула), «Свободный Муромскій Голосъ» (Муромъ), «Волна» (Великій Устюгъ), «Свободный Сѣверъ» (Череповецъ), «Голосъ Свободы», почему то превратившійся потомъ въ «Знамя Свободы» (Ѳеодосія), «Воля» (Старица),

«Голосъ Труда» (Коломна), «Народное Свободное Слово» (Оханскъ), «Новая Жизнь» (Николаевская слобода, Астрах. губ.), «Голосъ Жизни» (Керчь), «Калужскій Республиканецъ», «Гатчинскія Извѣстія», «Возрожденіе» (Тифлисъ), «Уржумская Крестьянская Газета» (Уржумъ), «Голосъ Гражданина» (Карачевъ), «Бѣжецкій Вѣстникъ», «Союзная Мысль» (Челябинскъ), «Наша Деревня» (Иркутскъ), «Горный Край» (Нижній-Тагилъ).

Какъ видно изъ этого перечня, лишь незначительная часть газетъ указаннаго типа появилась въ сколько-нибудь крупныхъ городскихъ центрахъ, а въ большинствѣ случаевъ эти газеты являются достояніемъ уѣздной Россіи,—причемъ нѣкоторые органы болѣе крупныхъ городовъ, какъ, напр., «Калужскій Республиканецъ» или «Знамя Свободы» въ Ѳеодосіи весьма типичны для глухой провинціи.

Только одна газета въ этомъ спискѣ должна быть выдѣлена особо, а именно—«органъ Орловской Демократіи» «Голосъ Народа». Среди губернскихъ своихъ собратьевъ она выгодно отличается свѣжестью и яркостью своего содержанія и, несмотря на умѣренность въ нѣкоторыхъ пунктахъ политической платформы,—строго послѣдовательнымъ демократизмомъ. Это пока единственный образецъ хорошо оборудованной идейно провинціальной газеты, въ которой жизнь города и всего края находитъ полное и всестороннее освѣщеніе. Вопросы общероссійскіе и политическіе находятъ свое отраженіе въ газетѣ, но отнюдь не въ ущербъ мѣстнымъ злободневнымъ вопросамъ. Кромѣ того въ «Голосѣ Народа» недурно поставлены литературный и библіографическій отдѣлы, что является большимъ новшествомъ для провинціальнаго органа.

Изъ газетъ типично уѣздныхъ наибольшій интересъ представляетъ «Свободный Муромскій Голосъ», издаваемый, какъ сказано въ подзаголовкѣ газеты, «Первымъ Муромскимъ Всенароднымъ Общедоступнымъ Собраніемъ». Редакція газеты въ первомъ номерѣ заявляетъ, что она будетъ поддерживать «организованныя начинанія всѣхъ слоевъ мѣстнаго населенія въ области государственнаго и соціальнаго строительства, поскольку они не противорѣчатъ интересамъ трудящихся массъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ редакція беретъ на себя обязанность—«вынести провинціальную жизнь изъ области сплетни и обдѣлыванья дѣлъ «домашнимъ образомъ» на свободный судъ гласности, судъ организованнаго общественнаго мнѣнія». Правда, не всегда газетѣ удается намѣтить правильную линію въ оцѣнкѣ мѣстныхъ явленій, даже такихъ, какъ съѣздъ землевладѣльцевъ, явившихъ будто бы «примѣръ чудеснаго политическаго и соціально-политическаго перевоплощенія», но на ряду съ такими образцами провинціальнаго прекраснодушія мы находимъ въ газетѣ статьи и фельетоны, направленные противъ уѣздной обывательщины и противъ «соціальнаго испуга», охватившаго нѣкоторые слои россійскихъ гражданъ въ «вихревые свѣтлые дни великой революціи». Къ числу достоинствъ муромской газеты слѣдуетъ также отнести высокую степень ея «провин-

ціальнаго самосознанія» и независимость ея сужденій,—въ томъ числѣ и сужденій о столицахъ. Въ одномъ изъ недавнихъ №№ ея, въ фельетонѣ «Петроградъ и Россія» мы находимъ чрезвычайно любопытныя строки о сѣверной столицѣ, какъ центрѣ революціи.

«Въ Петроградѣ,—говоритъ авторъ фельетона,—сейчасъ нѣтъ перспективы. Онъ полонъ самимъ собой, Россія для него, по большей мѣрѣ, туманный призракъ, съ легкостью принимающій тѣ или иныя очертанія въ зависимости отъ петроградскаго дуновенія». И всякому пріѣзжающему въ столицу тоже начинаетъ казаться, что «нѣтъ никакой Россіи, есть только Петроградъ. А между тѣмъ Россія все таки существуетъ и чѣмъ дальше, тѣмъ яснѣе будетъ напоминать Петрограду о своемъ существованіи».

Для многихъ глухихъ уголковъ Россіи появленіе такихъ газетъ, какъ «Свободный Муромскій Голосъ», вносило не только первые проблески свободнаго слова, но и первыя основы организаціи. Такая именно роль принадлежитъ другимъ собратьямъ муромской газеты—какъ, напримѣръ,—«Волнѣ» въ Великомъ-Устюгѣ, «Свободному Сѣверу» въ Череповцѣ, «Волѣ» въ Старицѣ, «Голосу Труда» въ Коломнѣ,—но лишь съ той разницей, что внѣшнія затрудненія не даютъ имъ возможности проявить максимумъ энергіи въ дѣлѣ просвѣщенія и организаціи родного края. И поистинѣ тернистымъ нужно назвать путь коломенскаго «Голоса Труда», начавшаго выходить наугадъ безъ всякой увѣренности въ томъ, что за даннымъ № выйдетъ и слѣдующій.

Объ этомъ тѣмъ болѣе приходится пожалѣть, что именно здѣсь,—въ небольшихъ газетныхъ листкахъ, спорадически возникающихъ то тамъ, то здѣсь по глухимъ провинціальнымъ городамъ,—и можно лучше всего разглядѣть подлинное лицо уѣздной Россіи, представляющее пока большую загадку для забѣжавшаго впередъ Петрограда.

А. Кудрявцевъ.

ИНОСТРАННАЯ ЖИЗНЬ.

ПИСЬМА ИЗЪ АМЕРИКИ.

1. На новомъ пути.

Интересный и въ высшей степени знаменательный моментъ переживаетъ сейчасъ рабочій классъ Соединенныхъ Штатовъ. Мирный реформизмъ юніоновъ старой школы начинаетъ вытѣсняться дѣйственной тактикой массовыхъ выступленій. Прежніе методы «компромиссныхъ улаживаній конфликтовъ», дипломатіи вождей и терпѣливо-выжидательной тактики массы оказываются уже не дѣйствительными. Они безсильны сломить упорство трестированныхъ промышленныхъ королей, заставить Доджа и Моргана, Дюпона и Рокфеллера пойти на уступки.

Новое соотношеніе силъ двухъ основныхъ общественныхъ классовъ рождаетъ и новую тактику.

Рѣшительный шагъ въ этомъ направленіи сдѣлали представители Американской Федераціи Труда (American Federation of Labor) когда на своемъ историческомъ засѣданіи 22 сент. 1916 г. въ Нью-Іоркѣ высказались за поддержку бастующихъ служащихъ на городскихъ дорогахъ стачкой сочувствія. Совѣщанія представителей различныхъ юніоновъ въ отелѣ Континенталь, гдѣ и принято было рѣшеніе о сочувственной забастовкѣ, отмѣчены будутъ историкомъ, какъ первыя ласточки новой весны въ жизни Амер. Фед. Труда, какъ симптомы поворота движенія на новый путь.

Еще весьма недавно за американскими рабочими союзами держалась прочная слава устойчиваго консерватизма. Амер. Фед. Труда казалась организаціей наиболѣе безнадежной для воспріятія новыхъ идей, для перехода къ болѣе активной и отчетливой тактикѣ. Расцвѣтъ «Индустріальныхъ Рабочихъ Міра» Industrial Workers of the World) въ періодѣ 1907—1910 годахъ, съ ея анархо-синдикалистскимъ духомъ, являлся лишь естественной реакціей противъ близорукаго, мѣщанско-утопическаго консерватизма Амер. Фед. Труда. Юніонизмъ въ своемъ «простомъ и чистомъ видѣ» означалъ въ представленіи предсѣдателя Амер. Фед. Труда Самуэля Гомперса и его сподвижниковъ не что иное, какъ отказъ отъ классовой борьбы, преслѣдованіе чисто практическихъ и притомъ не обще-классовыхъ, а профессіональныхъ задачъ, признаніе незыблемости цеховой обособленности.

При возникновеніи конфликтовъ между хозяевами и рабочими,

Фед. Труда призывала къ активности не массы, а лишь верхи юніоновъ, уполномоченныхъ, лидеровъ. Массѣ предлагалось выжидать. Отъ дипломатическаго искусства вождей юніона въ значительной мѣрѣ зависѣлъ исходъ конфликта. А такъ какъ въ основѣ тактики Амер. Фед. Труда лежалъ принципъ: сохраненія добрыхъ отношеній съ предпринимателями, то компромиссный исходъ являлся почти неизбѣжнымъ. Но, по убѣжденію Гомперса и его друзей, такая тактика все же обезпечивала «постепенныя завоеванія» и, давая извѣстные практическіе результаты, обѣщала разумному американскому гражданину-рабочему «все, что онъ только могъ себѣ пожелать». Тактика уступокъ и компромиссовъ процвѣтала. Въ глазахъ Самуэля Гомперса даже политика и методы борьбы германскаго профессіональнаго движенія казались верхомъ «неразумной революціонности». Принципъ гармоніи труда и капитала, съ вытекающей изъ него политикой мирнаго реформизма, всецѣло владѣлъ умами лидеровъ, воспитанныхъ эпохой доимперіалистическаго капитализма.

Но это время уже позади. Рабочее движеніе Соед. Штатовъ стоитъ на порогѣ новой фазы развитія. Не рѣчи пылкоголовыхъ агитаторовъ, а сама историческая необходимость толкаетъ юніоны, закостенѣлые въ предразсудкахъ «старой школы», на новый путь, заставляетъ сбрасывать цеховую обособленность, будитъ волевую активность массъ. Еще никогда такъ широко и повторно-настойчиво не обсуждался въ Америкѣ вопросъ о генеральной стачкѣ, какъ за послѣдніе мѣсяцы. Эта перемѣна въ настроеніи американскихъ рабочихъ стала особенно ощутительна за годы Европейской войны. И безъ того ускоренный темпъ развитія индустріи Соед. Штатовъ, опережавшій ростъ болѣе старыхъ капиталистическихъ странъ Европы, за эти два года превзошелъ всѣ прежнія нормы. Капиталисты одной изъ крупнѣйшихъ «нейтральныхъ» странъ сумѣли извлечь всѣ выгоды изъ мирового пожара. Промышленность Америки процвѣтаетъ, торговый балансъ ея вздувается на небывалую высоту. Обслуживая нужды воюющихъ государствъ, главнымъ образомъ союзниковъ, Соед. Штаты стягиваютъ въ свои порты нити міровой торговли. Нью-Іоркская гавань за эти годы поднялась до степени *крупнѣйшаго въ мірѣ порта*. По даннымъ департамента иностранной торговли Національнаго Банка въ Нью-Іоркѣ (National City Bank), вывозъ изъ порта Нью-Іорка до войны въ самую оживленную часть года не превышалъ 3 милліоновъ долларовъ въ день. Въ сентябрѣ—августѣ 1916 г. Нью-Іоркская гавань доставляла на міровой рынокъ товаровъ на сумму 10—10½ милліоновъ долларовъ въ день. Экспортъ за сентябрь (около 269 мил. дол.) превосходитъ вывозъ изъ всѣхъ портовъ Соед. Штатъ за одинъ мѣсяцъ въ годы, предшествовавшіе войнѣ. Между тѣмъ вывозъ изъ Нью-Іоркскаго порта составляетъ сейчасъ лишь 53% общаго вывоза страны.

Главнымъ рынкомъ сбыта для Соед. Штатовъ являются въ настоящее время Великобританія и Франція; въ эти двѣ страны, вмѣстѣ взятыя, Соед. Штаты вывозятъ, главнымъ образомъ, амуницію на 140 мил. долл. въ мѣсяцъ. Вывозъ въ Россію равняется прибл. 25½ мил. дол.; за Россіей слѣдуютъ Южно-Американскія республики,—около 17 мил. дол.; южно-американскій рынокъ, лакомый, кусочекъ, который Соед. Штаты перехватили также въ періодъ войны, пользуясь отсутствіемъ германской конкуренціи. Остальными рынками служатъ Канада (17 мил. дол.), Австралія (7 мил. дол.), Азія (7½ мил. дол.), Африка, наконецъ, другія государства Европы.

По утвержденію «Journal of Commerce» экспортъ въ Англію, Францію и Россію за первые 7 мѣсяцевъ 1916 г. достигаетъ 1 биллона долларовъ, что составляетъ ¾ всего экспорта Соед. Штатовъ. «Journal of Commerce» указываетъ также, что вывозъ въ страны союзниковъ не ограничивается амуниціей и съѣстными припасами, но захватываетъ цѣлый рядъ другихъ промышленныхъ отраслей. Въ рядѣ этихъ отраслей первое мѣсто занимаютъ текстильныя издѣлія. «Необычайно высокія цѣны на текстильные товары,—говоритъ «Journal of Commerce»—объясняется не только вздорожаніемъ хлопка, но и тѣмъ, что текстильныя фабрики завалены заказами».

Вмѣстѣ съ небывалымъ расцвѣтомъ индустріи и торговли растутъ и дивиденды капиталистовъ. Короли трестовъ болѣе, чѣмъ когда либо, чувствуетъ себя господами положенія. Но если, съ одной стороны, растетъ благоденствіе тузовъ промышленнаго и финансоваго капитала, то съ другой,—именно за эти годы небывалаго расцвѣта американской промышленности,—наблюдается быстрое ухудшеніе положенія рабочаго класса, вызванное непрерывнымъ вздорожаніемъ жизни. Дорожаютъ съѣстные припасы, дорожаетъ уголь, квартиры, шерстяныя и бумажныя ткани, бумага и т. п.

Боченокъ муки, стоившій въ 1914 г. 5 дол. 35 с., теперь обходится въ 8 д. 75 с. За бушель картофеля платили 35 с., теперь тотъ же бушель стоитъ 3 д. 65 с. Капусту, продававшуюся по 65 с. за бочку, не купишь дешевле, чѣмъ за 3 дол. Рыба вздорожала на 10%, овощи на 25—50%. Тонна угля, стоившая еще 1-го сент. этого года 7 дол. 50 с., къ ноябрю поднялась до 13 дол. Многіе съѣстные припасы вздорожали на 300%. Покупательная способность доллара пала; за то же количество продуктовъ, какое до войны получали за 1 дол., теперь платятъ 1 д. 35 с.

Дороговизна, вызываемая какъ обще-экономическими причинами (повсемѣстное отвлеченіе производительныхъ силъ отъ производства предметовъ потребленія и сосредоточиваніе ихъ на обслуживаніе нуждъ войны), такъ и беззастѣнчивой спекуляціей, отражается прежде всего на матеріальномъ положеніи рабочихъ и влечетъ за собою рядъ столкновеній на экономической почвѣ. Амер. Фед. Труда пытается пускать въ ходъ свои привычные методы «самозащи-

ты»—дипломатію, компромиссныя соглашенія—но старая тактика, при измѣнившемся и обострившемся положеніи, при разыгравшихся аппетитахъ промышленниковъ, съ одной стороны, и рѣзкомъ ухудшеніи матеріальнаго положенія *даже организованнаго* пролетаріата—съ другой, оказывается безсильной и несостоятельной. Рабочіе, члены «мирныхъ» юніоновъ Фед. Труда озлоблены, раздражены. Растетъ ропотъ, критика. Остро, неприкрыто сталкиваются классовыя противорѣчія, ярко выступаетъ на фонѣ богатѣйшей капиталистической Америки ростущая необезпеченность тѣхъ, кто своими руками создаетъ богатство страны...

Но, чѣмъ громче ропотъ рабочихъ, тѣмъ неуступчивѣе сейчасъ политика индустріальныхъ королей. Ихъ девизъ въ настоящее время: не уступать!.. Объ этотъ девизъ безжалостно разбиваются старыя иллюзіи мирной тактики «уступокъ и соглашеній»... Масса перестаетъ полагаться на дипломатическое искусство вождей, она инстинктивно ищетъ опоры въ собственныхъ силахъ, въ волевой революціонной активности массъ...

«Жизнь въ Америкѣ за послѣдній годъ превратилась въ непрерывную цѣпь забастовокъ», восклицаетъ не безъ возмущенія одна изъ руководящихъ буржуазныхъ газетъ Нью-Іорка. И буржуазный органъ правъ: стачка слѣдуетъ за стачкой. Но дѣло не столько въ количествѣ забастовокъ, сколько въ томъ новомъ, своеобразномъ характерѣ, который забастовки теперь принимаетъ. Отличительная черта современныхъ стачекъ въ Соед. Штатахъ это—ихъ *классовый характеръ*. Каждый мѣстный конфликтъ, каждая узко-профессіональная задача грозитъ перерости профессіональныя границы и превратиться въ актъ обще-классовый, въ массовое выступленіе.

Только что уладилось дѣло съ «желѣзнодорожнымъ братствомъ»; только что избавились Штаты отъ взволновавшей всю Америку угрозы всеобщей забастовки на желѣзныхъ дорогахъ; только что Вудро Вильсонъ, играя на популярность и заботясь объ исходѣ президентскихъ выборовъ въ ноябрѣ этого года, постарался купить симпатію демократическаго избирателя проведеніемъ закона о 8 ч. раб. днѣ для организованныхъ желѣзнодорожныхъ служащихъ,—когда на горизонтѣ снова появился пугающій призракъ генеральной стачки. На этотъ разъ дѣло шло о конфликтѣ на городскихъ путяхъ сообщенія міровой гавани—Нью-Іорка. Не успѣли лидеры желѣзно-дорожнаго братства разослать по юніонамъ телеграммы съ оповѣщеніемъ о побѣдѣ,—принятіе закона о 8 ч. днѣ и, слѣдовательно, объ отмѣнѣ забастовки,—какъ изъ Нью-Іорка поползъ слухъ о новой готовящейся открытой схваткѣ труда и капитала.

Слухъ о возможности полной пріостановки дѣятельности «торговаго сердца» Америки волновалъ не меньше, чѣмъ угроза желѣзнодорожной забастовки. Собственно говоря, конфликтъ на городскихъ дорогахъ Нью-Іорка, зародившійся еще въ іюлѣ, носилъ сначала

характеръ экономическій и лишь постепенно, переростая профессіональныя границы, принялъ обще-классовый характеръ. Весьма вѣроятно, что въ годы, предшествующіе войнѣ, когда въ юніонахъ безраздѣльно господствовала тактика «профессіонализма простого и яснаго», столкновеніе трамвайныхъ служащихъ съ компаніями городскихъ дорогъ не вышло бы за предѣлы даннаго юніона. Остальные юніоны Амер. Фед. Труда отозвались бы на этотъ конфликтъ лишь постольку, поскольку требовалась бы ихъ матеріальная поддержка бастующимъ (и то съ ограниченіями и оговорками). Но сейчасъ, когда чувство классоваго единства разбужено, чувство протеста обострено, массы съ необычайнымъ единодушіемъ реагируютъ на каждый конфликтъ, на каждое явленіе, свидѣтельствующее о томъ, что права рабочаго класса въ опасности.

Какъ бы критически ни относиться къ политикѣ Ам. Фед. Труда, къ методамъ ея борьбы, къ духу, ее проникавшему, нельзя не отдать справедливость, что эти 3 мил. организованныхъ силъ пролетаріата сумѣли въ годы, предшествовавшіе имперіалистическому капитализму, отстоять въ интересахъ своихъ членовъ цѣлый рядъ существенныхъ завоеваній: фактическій 8 час. раб. день, нормировку расцѣнки труда, введеніе тарифныхъ договоровъ и т. п.

Но, чѣмъ крѣпче союзы, чѣмъ ощутимѣе ихъ вліяніе, чѣмъ больше юніоны ограничиваютъ самодержавіе промышленныхъ королей, тѣмъ ожесточеннѣе вражда предпринимателей, тѣмъ настойчивѣе ихъ ненависть по отношенію къ союзамъ. Сюда, въ самое сердце рабочаго движенія, запускаютъ хозяева-капиталисты свое острое жало; сюда направляютъ они удары, разсчитанные на то, чтобы ранить юніоны въ спину. Обходя соглашенія съ юніонами, предприниматели прибѣгаютъ къ заключенію индивидуальныхъ, личныхъ договоровъ съ неорганизованнымъ рабочимъ элементомъ, при чемъ, разумѣется, отступаютъ въ расцѣнкѣ труда отъ установленнаго тарифа. На этой же почвѣ возникъ и конфликтъ между служащими на городскихъ дорогахъ Нью-Іорка и трамвайными компаніями. Компанія воздушной жел. дор. «Интерборо», несмотря на заключенный съ юніономъ договоръ устнаго характера, стала принимать на службу лицъ, не состоящихъ членами юніона трамвайщиковъ. Члены юніона запротестовали и, требуя соблюденія договора съ юніономъ, забастовали. Къ нимъ немедленно примкнули служащіе на уличныхъ трамваяхъ и на подземной дорогѣ (Subway).

Начавшаяся 7-го сент. забастовка служащихъ на городскихъ дорогахъ Нью-Іорка, въ которой участвуетъ около 13.000 трамвайныхъ служащихъ, длится уже два мѣсяца. Рабочіе потребовали передачу конфликта на разсмотрѣніе третейскаго суда. Но Шонтсъ и Комп., чувствуя подъ собою твердую почву и будучи увѣренными въ сотрудничествѣ классовой администраціи и суда, открыто за-

явили, что не намѣрены вступать въ переговоры ни съ юніонами, ни съ ихъ представителями.

Директоръ «Интерборо» Шонтсъ сталъ даже увѣрять, что компанія находится сама между молотомъ и наковальней; если бы «Интерборо» и «Рейльродсъ Компани» пошли бы теперь на переговоры съ юніономъ, они бы рисковали вызвать забастовку «скэбовъ» (штрейкбрехеровъ), которые одни поддерживаютъ еще движеніе въ городѣ. Отъ «уступчивости» компаній, слѣдовательно, въ ущербъ оказался бы городъ и обыватель!

Несмотря на «человѣколюбивыя чувства», одушевлявшія директоровъ компаній, положеніе на городскихъ путяхъ сообщенія становилось съ каждымъ днемъ все серьезнѣе и серьезнѣе. Въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль улицы Нью-Іорка представляли своеобразное зрѣлище: полу-пустые трамваи могли ходить лишь подъ экскортомъ полиціи. Почти ежедневно на улицахъ разыгрывались схватки между стачечниками и имъ сочувствующей массой, съ одной стороны, полиціей и «скэбами»—съ другой. Схватки нерѣдко переходили въ перестрѣлку. Стачечниковъ и имъ сочувствующую публику—арестовывали. Бывали случаи ареста за простой упрекъ кондукторамъ—«скэбамъ»—«Стыдитесь быть скэбами!». Арестованныхъ привлекали по серьезнымъ статьямъ, что вызывало особенное раздраженіе среди рабочихъ.

Движеніе по улицамъ Нью-Іорка долгое время было совершенно дезорганизовано. Число несчастныхъ случаевъ съ человѣческими жертвами значительно возросло, вслѣдствіе неопытности вагоновожатыхъ.

Обыватель сталъ избѣгать трамваевъ изъ простого чувства самосохраненія. Съ самаго возникновенія стачки мэръ Нью-Іорка Митчель пытался играть роль посредника-примирителя между трудомъ и капиталомъ. По его почину созвана была особая «комиссія гражданъ» (citizen camity), работавшая съ той же цѣлью.

Но симпатіи мэра Митчеля и членовъ комиссіи, «именитыхъ гражданъ», слишкомъ явно склонялись въ сторону своихъ собратій —представителей капитала. Давленіе на стороны оказывалось, но оказывалось въ одностороннемъ направленіи.

Къ числу средствъ «давленія», не на капиталистовъ, разумѣется, а на рабочихъ, слѣдуетъ отнести характерное открытое письмо-угрозу мэра Митчеля «Ко всѣмъ рабочимъ Нью-Іорка». Въ немъ мэръ Митчель оповѣщалъ рабочихъ, что если они рѣшатся на всеобщую забастовку, если юніоны рискнутъ на такой незаконный шагъ, то онъ, мэръ города Нью-Іорка, ради сохраненія тишины и спокойствія, не побоится, съ своей стороны, прибѣгнуть къ «крайнимъ мѣрамъ», включая призывъ войска. Губернаторъ Штата Витманъ, съ своей стороны, поспѣшилъ успокоить мэра обѣщаніемъ, что войска наготовѣ.

Съ самого начала конфликта трамвайныхъ служащихъ, всѣ юніоны съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за ходомъ борьбы, готовясь оказать всяческую поддержку забастовщикамъ. Съ этой цѣлью организовано было особое совѣщаніе представителей различныхъ юніоновъ, своего рода «рабочій совѣтъ», возникшій стихійно.

Въ историческій день 22 сентября 120 представителей различныхъ юніоновъ въ Нью-Іоркѣ единодушно присоединились къ плану всеобщей сочувственной забастовки. Начало забастовки сочувствія назначено было на 27 сентября. Перваго октября въ стачкѣ участвовало до 180.000 рабочихъ.

Несмотря на то, что по своей силѣ и размаху забастовка сочувствія не оправдала возлагавшихся на нее ожиданій, стачка эта останется отмѣченной въ исторіи рабочаго движенія Соед. Штатовъ. Значеніе этой забастовки не въ числѣ ея участниковъ, не въ силѣ ея размаха, а въ ея *классовомъ обликѣ*, въ ея особомъ характерѣ. Соединенные Штаты знавали забастовки много крупнѣе по числу участниковъ. Но обычно стачки (за исключеніемъ движенія 80-хъ годовъ) носили характеръ узко-профессіональный. Бастовали, боролись шахтеры, текстильщики, портные... Нью-Іоркская стачка сочувствія является попыткой разбить, преодолѣть профессіональныя рамки, превратить выступленіе рабочихъ въ актъ обще-классовый. Характернымъ въ этой забастовкѣ является еще и другой признакъ. Не лидеры, а массы толкаютъ юніоны на новый путь, на отысканіе новыхъ средствъ борьбы. Это явленіе наблюдается въ цѣломъ рядѣ конфликтовъ. Лидеры лишь слѣдуютъ за массами, ихъ подхватываетъ, уноситъ за собою ураганъ пробуждающейся, пока еще не весьма организованной, активности массъ. Лидеры «лѣвѣютъ», осторожные, разсудительные вожаки практическаго и почвеннаго юніонизма начинаютъ говорить другимъ языкомъ. Даже извѣстному дипломату Гомперсу, этой «старой лисицѣ», приходится приспособляться, иначе потокъ, увлекающій сейчасъ массы, грозитъ перекатиться черезъ его голову, оставивъ его на мели. Гомперсъ, высказывающійся открыто за мѣру, которая должна была «связать» міровой городъ, подрѣзать нервъ его торговой жизни—это явленіе показательное, много говорящее!..

Позиція, занятая Гомперсомъ и его друзьями въ этомъ конфликтѣ, свидѣтельствуетъ, что Фед. Труда вынуждена ковать новыя орудія борьбы съ окрѣпшими капиталистами эпохи имперіализма. Американское рабочее движеніе вступаетъ на новый путь.

А. Коллонтай.

ГЕРМАНСКІЙ ИМПЕРІАЛИЗМЪ ВЪ ТУРЦІИ.

Характеръ и роль германскаго имперіализма въ Турціи до сихъ поръ еще не вполнѣ выяснены. Между тѣмъ это является вопросомъ большой важности наряду съ другими, связанными съ имперіалистической эпохой вообще. Эта важность усугубляется еще тѣмъ обстоятельствомъ, что рѣчь идетъ о примѣненіи имперіалистической политики нѣсколько иной марки къ той странѣ, гдѣ, съ самаго рожденія на свѣтъ имперіализма, подготовлялись всѣ условія, создавшія нынѣшнюю мировую войну. Приведетъ ли эта политика къ разрѣшенію всѣхъ или нѣкоторыхъ жгучихъ вопросовъ на Ближнемъ Востокѣ или, наоборотъ, создастъ еще болѣе запутанное положеніе, которое, въ свою очередь, повлечетъ за собою въ ближайшемъ будущемъ болѣе кровопролитныя столкновенія? Забѣгая впередъ, слѣдуетъ сказать, что эта политика, безъ сомнѣнія, отличная отъ всей, такъ сказать, довоенной имперіалистической политики, осуждена также на полнѣйшій крахъ, что она еще лишній разъ покажетъ всю свою несостоятельность въ дѣлѣ разрѣшенія мировыхъ соціально-политическихъ задачъ, въ томъ числѣ и колоніальныхъ, имъ же вызванныхъ къ жизни.

Характеръ довоенной имперіалистической политики въ Турціи можно опредѣлить двумя словами, — политикой „открытыхъ дверей“. Она стала примѣняться еще тогда, когда гегемонія на міровомъ рынкѣ всецѣло находилась въ рукахъ Англіи, давая этой послѣдней неограниченную возможность эксплоатаціи Турціи, какъ колоніи, при отсутствіи, въ тѣ времена, какой-либо серьезной конкуренціи. Давая всѣмъ капиталистическимъ странамъ равное право на доступъ на этотъ важнѣйшій міровой рынокъ, политика „открытыхъ дверей“ творила легенду о томъ, что будто бы она и только она въ силахъ предотвратить кровавую развязку на Ближнемъ Востокѣ. Современная война, какъ нельзя лучше, доказала всю иллюзорность этихъ надеждъ. Наоборотъ, въ процессѣ развитія имперіализма въ другихъ странахъ, эта политика сама неуклонно вела къ кровавымъ конфликтамъ. Отдавая на безпрепятственное расхищеніе Турцію, политика „открытыхъ дверей“ вела къ упадку всю страну и, тѣмъ самымъ, подготовляла всѣ условія для взаимныхъ столкновеній.

Въ то время какъ на континентѣ всѣ страны развивали производительныя силы, отгородившись отъ внѣшняго міра таможенными частоколами,—въ Турцію потоками лились продукты европейской индустріи. Такой неудержный притокъ готовыхъ фабрикатовъ въ страну примитивнаго натуральнаго хозяйства и слабо развитого ремесла, долженъ былъ дѣйствовать какъ разлагающій ферментъ.

Ремесло пошло быстрымъ темпомъ къ полному упадку, народное хозяйство подтачивалось и экспортировало свое сырье и полуфабрикаты по диктуемымъ ему цѣнамъ. Приводимая ниже таблица экспорта и импорта рисуетъ яркую картину прогрессивнаго ухудшенія торговаго баланса Турціи, и хотя она относится къ послѣднимъ годамъ, но ея выводы можно обобщить безъ всякаго риска ошибиться.

Годы.	Импортъ.	Экспортъ.	Разница.
	(Въ милл. турецкихъ фунтовъ).		
1899	24,0	12,0	— 12,0
1900	22,0	14,0	— 8.0
1909	31,4	18,4	— 13,0
1910	33,4	18,2	— 15,2
1911	37,8	22,5	— 15,3
1912	43,5	24,0	— 19,5

Такое прогрессивное ухудшеніе разсчетнаго баланса могильной плитой ложилось на финансовую и хозяйственную структуру страны. Однако, эти данныя относятся къ тѣмъ „счастливымъ“ временамъ, когда Турція имѣла возможность „сноснаго“ процентнаго отчисленія со стоимости ввозимыхъ товаровъ. Исторія турецкихъ пошлинъ можетъ много интереснаго прибавить къ этимъ выводамъ.

Съ основаніемъ «капитуляцій» состоялось первое соглашеніе между Турціей и Франціей, установившее пошлину на ввозимые товары въ размѣрѣ 5%. Во второмъ соглашеніи въ 1673 г. она понижена была до 3. Этотъ % оставался до . . . 19 столѣтія. Въ 1838 г. онъ былъ поднятъ до 9, а въ 1907 г. до 11. По боснійскому договору Австрія дала свое согласіе на поднятіе процента до 15, но другія державы уклонились, и пошлина осталась на прежнемъ уровнѣ. По окончаніи балканскихъ войнъ Турція вновь подняла вопросъ объ увеличеніи процента. Англія и Германія дали свое согласіе, но другія державы отнеслись отрицательно, и „ходатайство“ не увѣнчалось успѣхомъ.

Неудачей окончились также двукратныя попытки Турціи пойти, такъ сказать, обходнымъ движеніемъ и заключить торговые договоры. Державы, кромѣ заинтересованныхъ, не давали своего согласія. Уже во время войны, а именно, 17 сент. 1915 г. Турція подняла процентъ до 15, а въ маѣ 1916 г. до 30.

Но имперіализмъ не только этимъ путемъ уничтожалъ ростки производительныхъ силъ, препятствуя развитію капиталистическаго способа производства. Къ его услугамъ имѣлся цѣлый арсеналъ всевозможныхъ средствъ. Такъ, напр., построенныя великими державами желѣзныя дороги, — этотъ крупнѣйшій факторъ капиталистическаго производства, — были только береговыми, для ввоза товаровъ изъ Средиземнаго моря. Вмѣстѣ съ тѣмъ, европейскій капиталъ, создавая гигантскіе склады товаровъ, элеваторы, строя

подъѣздные пути, организуя пароходныя общества и, вообще, транспортныя предпріятія и проч., тщательно избѣгалъ своей творческой роли, — организаціи и развитія производительныхъ силъ въ странѣ. По официальнымъ свѣдѣніямъ, изъ 1,5 мил. р. англійскаго, французскаго и германскаго капиталовъ только 2,5 процента вложены въ промышленныя предпріятія, да и то въ каменноугольное дѣло, обслуживающее тотъ-же транспортъ. $^1/_{15}$ часть всего французскаго экспортнаго капитала находилась въ Турціи и носила преимущественно торговый характеръ. Совокупность всѣхъ этихъ условій, число которыхъ можно увеличить до безконечности, разрушала всѣ хозяйственные устои страны, являясь вмѣстѣ съ тѣмъ абсолютнымъ препятствіемъ для капиталистическаго производства. Все это въ свою очередь вызвало процессъ разложенія всего общественно-государственнаго организма, склееннаго изъ различныхъ завоеванныхъ областей, связь между которыми по этой же причинѣ все больше и больше разрыхлялась. Этотъ процессъ, а не что либо другое, создалъ и питалъ своими ядовитыми соками вспыхнувшую въ Турціи ожесточенную національную борьбу, продолжающуюся по сей день.

Такимъ образомъ, «отдушина» для предотвращенія столкновенія между великими державами логикой событій превратилась въ свою собственную противоположность, ибо самая главная цѣль отдушины была въ сохраненіи status quo Турціи, разлагавшейся изнутри. А съ процессомъ распада по понятнымъ причинамъ еще больше ожесточалась взаимная борьба между державами. Придуманное «новое» средство для спасенія положенія, т. е., освобожденіе цѣлыхъ областей, населенныхъ преимущественно одной національностью и организація изъ нихъ самостоятельныхъ государственныхъ единицъ, привело какъ разъ къ обратному результату: съ момента освобожденія ихъ началась борьба за «вліяніе» въ нихъ. Все это подтверждается печальной исторіей «самостоятельныхъ» балканскихъ государствъ, закончившейся нынѣшней катастрофой.

Между тѣмъ, міровая гегемонія англійскаго имперіализма близилась къ концу. На международномъ рынкѣ одна за другой появлялись страны, дотолѣ какъ бы не существовавшія: сперва Германія, а за ней и Россія.

Первое активное выступленіе Германіи относится къ 80-мъ гг. прошлаго столѣтія. Ему предшествовала кампанія грандіознаго плана желѣзныхъ дорогъ, долженствовавшихъ покрыть всю Турцію и соединить ее черезъ Балканы съ центральной Европой. Впослѣдствіи, германскіе имперіалисты, вродѣ Рорбаха, открыто заявили въ печати, что Германія де должна спаяться черезъ Балканы съ Турціей, перевозить туда свои товары и сдѣлать ее своей колоніей. Какъ мы увидимъ изъ дальнѣйшаго, это не было мечтой кабинетныхъ имперіалистовъ, а, наоборотъ, боевой задачей для германскаго им-

періализма. Какими бы путями эта политика ни реализовывалась, одно было и тогда уже ясно, что Германія рѣшила положить конецъ политикѣ «открытыхъ дверей» и въ опредѣленный историческій моментъ форсировать событія. Реализаціи этого плана способствовала успѣшная конкуренція ея въ Турціи. Приводимая таблица ввоза товаровъ изъ различныхъ странъ въ Турцію даетъ представленіе объ этихъ успѣхахъ.

Въ милл. фунтахъ стерл.

Годы.	1910—1911	1911—1912	1913	1914	1915
Изъ Великобританіи. .	7,5	8,75	7,9	6,0	0,4
» Австро-Венгріи. .	6,7	6,02	3,8	—	—
» Франціи	3,5	3,5	3,3	3,0	—
» Германіи	3,4	4,5	4,8	—	—
» Россіи	2,5	2,7	3,6	1,5	—

За прежніе годы, къ сожалѣнію, данныхъ у насъ не имѣется. Но и приведенныя данныя даютъ достаточно яркую картину. Дѣйствительно, Германія изъ 4-го мѣста перешла на 2-е. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что въ прошломъ она отставала и отъ Италіи, которую, кстати сказать, нынче опередила и Россія.

Грандіозный планъ постройки желѣзныхъ дорогъ Германія стала осуществлять съ постройки багдадской жел. дороги. Какъ извѣстно, первый проектъ этой дороги былъ представленъ инженеромъ Пресселемъ въ 70-хъ гг. прошлаго столѣтія. Его проектъ обнималъ территорію отъ Гайдаръ-паши въ Константинополѣ до Багдада и дальше до Бассоры и Ковейта у Персидскаго залива. Слѣдуетъ замѣтить, что въ Турціи желѣзныя дороги стали строиться только въ 60-хъ гг. прошлаго столѣтія. Онѣ составляли всего 200—300 кил. Это—желѣзнодорожныя линіи Смирна—Кассаба, Мерсина—Аданъ, Яффа—Іерусалимъ, Бейрутъ--Дамаскъ, Александретта-Алеппо и др. Впослѣдствіи въ Германіи образовалось «Германское общество анатолійскихъ желѣзныхъ дорогъ», — предпріятіе, основанное Deutsche Bank'омъ; это общество взяло въ свои руки въ 1888 г. уже проложенный по плану Пресселя рельсовый путь Гайдаръ-паша—Ишмидъ и въ дальнѣйшемъ получало концессіи по участкамъ, сперва до Сиваса, а затѣмъ и до Багдада (1899 г.). По договору 21 марта 1911 г. вся постройка должна была быть закончена въ 1917—1918 г. По этому же договору багдадская дорога должна соединиться съ Александреттой, гдѣ долженъ быть сооруженъ портъ.

Въ то же время Германія развернула широкую дѣятельность въ культурно-просвѣтительной области: школы, больницы, библіотеки-читальни, клубы, благотворительныя учрежденія—росли, какъ грибы послѣ дождя, успѣшно конкурируя съ таковыми же учрежденіями англійскаго и французскаго типовъ. Въ 1913 г. къ концу 2-ой бал-

канской войны Германія выступила съ весьма обширной и детально разработанной школьной программой, разсчитанной на нѣсколько лѣтъ. Впервые эту программу развилъ извѣстный армянофилъ докт. Лепсіусъ лѣтомъ 1913 г. въ Константинополѣ въ бесѣдѣ съ проф. Хачатряномъ[1]. По этой программѣ вся Анатолія должна была покрыться сѣтью низшихъ и среднихъ школъ. Въ 1915 г. въ Константинополѣ должна была открыться высшая школа (университетъ). Дѣйствительно, 1-го ноября 1913 г. по линіи Багдадской дороги появились первыя низшія и высшія школы.

Вся эта лихорадочная дѣятельность германцевъ прервалась съ началомъ этой войны, но ненадолго. Съ установленіемъ прямого сообщенія Берлинъ—Константинополь работы по колонизаціи Турціи двинулись впередъ семимильными шагами. Къ описанію этой дѣятельности мы и перейдемъ теперь.

II.

При открытіи Нѣмецко-турецкаго комитета президентъ турецкой палаты Халилъ-бей заявилъ, что промышленная Германія и земледѣльческая Турція будутъ взаимно другъ друга пополнять. Въ своей большой парламентской рѣчи онъ говорилъ о могущественномъ блокѣ государствъ, который будетъ простираться отъ Сѣвернаго моря и до Индійскаго океана. «Турецкое населеніе, — сказалъ онъ, — поскольку оно охвачено политикой, видитъ большія выгоды въ тѣсномъ и длительномъ общеніи Турціи съ обѣими монархіями».

Такъ говорилъ Халилъ-бей. А корреспондентъ «Oesterreich Volkswirt» въ маѣ этого года писалъ, что «нѣмцы надѣются этимъ союзомъ покрыть часть потребностей въ сырыхъ матеріалахъ и увеличить свой торговый оборотъ».

Какъ Халилъ-бей, такъ равно и корреспондентъ указаннаго журнала не полностью очерчиваютъ рамки и характеръ этого союза. Такъ, напр., Халилъ-бей, очевидно, увѣренъ, что въ этомъ «могущественномъ блокѣ» Турція будетъ равноправнымъ членомъ, совершенно забывая о томъ, что для этой цѣли Турціи необходимо быть такой же имперіалистической державой, чего въ дѣйствительности нѣтъ, и нѣтъ никакихъ основаній думать, что въ будущемъ это можетъ имѣть мѣсто. Халилъ-бея смутило то обстоятельство, что германскіе капиталы создаютъ индустрію, организуютъ обмѣнъ и транспортъ, словомъ сильно способствуютъ развитію капиталистическаго производства въ странѣ. Такая политика, политика, такъ сказать наоборотъ, политика, противорѣчащая вѣковымъ отношеніямъ великихъ державъ въ Турціи, вызвала у Халилъ-бея иллюзію о созданіи въ наше время

[1] См. объ этой бесѣдѣ корреспонденцію въ газ. «День» отъ 21 іюня 1913 г. Въ этой же бесѣдѣ Лепсіусъ указалъ о предстоящемъ переходѣ подъ команду нѣмецкаго военноначальника всѣхъ морскихъ и сухопутныхъ силъ Турціи.

капиталистическаго національнаго государства. Впрочемъ, эта политика не только Халилъ-бея, еще не искушеннаго всесторонней практикой современнаго имперіализма, можетъ ввести въ заблужденіе. Она въ состояніи привести въ игривое настроеніе и «малыхъ сихъ» (конечно, германской марки), которые продолжаютъ пребывать въ традиціяхъ отжившей эпохи промышленнаго капитализма.

Не совсѣмъ правъ и корреспондентъ «Oesterr. V Ikswirt», говоря только объ экономической сторонѣ этого вопроса, ибо въ послѣднемъ счетѣ имперіализмъ есть явленіе политическое, окрашивающее въ свой цвѣтъ всю нынѣшнюю эпоху. Фактическія отношенія, установившіяся теперь между Турціей и Германіей, какъ нельзя лучше доказываютъ правильность этого положенія.

Дѣйствительно, въ настоящее время нѣмецкая литература и пресса полны всевозможными извѣстіями объ организаціи институтовъ, союзовъ, освѣдомительныхъ бюро, изданій ежегодниковъ, журналовъ и т. д., всецѣло посвященныхъ Турціи и Балканамъ.

Во главѣ нѣмецко-турецкаго союза стоитъ «нѣмецко-турецкое соглашеніе» въ Берлинѣ, которое ставитъ себѣ цѣлью тѣсно спаять эти два государства. Средствами для этой цѣли служатъ: содѣйствіе молодымъ способнымъ туркамъ въ полученіи образованія, организація «Освѣдомительнаго Бюро по научнымъ нѣмецко-турецкимъ вопросамъ» и «Архивъ для научнаго изслѣдованія Востока»; все это въ Берлинѣ. Въ Лейпцигѣ существуетъ болѣе обширное учрежденіе, подъ названіемъ «Нѣмецко-Азіатское Общество», которое издаетъ «Лекціи для ознакомленія съ Востокомъ», «Хозяйственную Жизнь Турціи» и проч. Это послѣднее изданіе обнимаетъ рядъ лекцій о хозяйственныхъ условіяхъ Турціи. Все это, по откровенному признанію руководителей, существуетъ для практическаго ознакомленія коммерсантовъ съ экономическимъ бытомъ Турціи. Этимъ же цѣлямъ служатъ союзы въ Мюнхенѣ. Въ Берлинѣ находятся еще три института: нѣмецко-болгарскій союзъ, нѣмецко-болгарское общество и нѣмецко-балканскій союзъ. Изъ остальныхъ (ихъ всѣхъ не перечесть) отмѣтимъ еще «Союзъ друзей болгаръ» въ Гамбургѣ. Рядомъ съ этими «культурными» очагами, которые обслуживаются большими кадрами педагоговъ, профессоровъ, спеціалистовъ-экономистовъ, журналистовъ,—функціонируютъ также аппараты, воздѣйствующіе на хозяйственную жизнь Турціи. За эти два года войны германскіе капиталы создали цѣлый рядъ отраслей промышленности, дотолѣ неизвѣстныхъ въ Турціи: предпріятія по добычѣ сѣры, разработкѣ рудъ, минеральныхъ богатствъ, каменноугольныхъ копей. До войны сѣра получалась изъ-за границы. Въ настоящее время построены рафинадные заводы. Во главѣ одного изъ нихъ стоитъ австріецъ докторъ Уріахъ. По оптимистическимъ предположеніямъ многихъ, въ томъ числѣ и корреспондента «Oesterr. Volkswirt», Турція сама можетъ удовлетворять свои потребности въ сѣрѣ. Въ еврейскомъ квар-

талѣ, Галатѣ, въ Константинополѣ, гдѣ, кромѣ узкихъ, кривыхъ улицъ съ мелкими лавчонками ничего нельзя было раньше увидѣть, теперь построенъ громадный стеклянный заводъ. Фирма Крупна выстроила свое отдѣленіе: появились свои заводы, для изготовленія аммуниціи, мастерскія для изготовленія перевязочныхъ средствъ въ Аданѣ. Появились маузеры особаго калибра изъ Гапана. Въ Аданѣ и за Смирной, гдѣ растетъ много хлопка, появилось хлопчатобумажное производство. Въ Бейрутѣ образовалось акціонерное общество въ 500.000 тур. фунтовъ, соорудившее сахарный заводъ и хлопчатобумажную фабрику. До войны продукты хлопчатобумажнаго производства привозились изъ Англіи и Италіи. Развилось и писчебумажное производство и ввозная пошлина на бумагу поднялась на 15%. По мнѣнію корреспондента «Oest. Volkswirt,» это производство имѣетъ данныя для дальнѣйшаго развитія.

Оживленная дѣятельность наблюдается и въ горномъ дѣлѣ. Производятся вездѣ розыски залежей каменнаго угля. Восточныя желѣзныя дороги имѣютъ свои каменноугольныя копи въ Юзинъ-Кешрю. У Ялова на Мраморномъ морѣ и у Деркасса найдены небольшія залежи. Однако, не всѣ имѣющіяся копи возможно эксплоатировать за недостаткомъ рабочихъ рукъ и перевязочныхъ средствъ. Въ такомъ положеніи какъ разъ находятся каменноугольныя копи въ Месопотаміи въ виллайетѣ Моссуль. Развивается и нефтяная промышленность къ Востоку отъ Тигра; старые способы добыванія нефти замѣняются теперь новѣйшей американской техникой.

Послѣ небольшого перерыва вновь стали строиться желѣзныя дороги. Къ осени этого года проложено было 42 кил. рельсоваго пути на Багдадской жел. дорогѣ, перекинутъ мостъ черезъ Ефратъ и сооруженъ туннель въ 5 кил. длины. Предполагается скоро закончить постройку дороги Алеппо—Константинополь. Въ декабрѣ 1915 г. турецкая палата утвердила новый заемъ у Германіи, — по счету седьмой, — на постройку Багдадской жел. дороги. Сумма первыхъ шести займовъ приближается къ 2,5 милл. фунт.; послѣдній заемъ равенъ 2,112 милл. ф.

Еще въ половинѣ 1915 г. были проложены рельсовые пути: Таурусъ—Аманусъ, Алеппо—Іерусалимъ черезъ Раіакъ, Дамаскъ—Дера, Кіафа, а также Бейрутъ — Тріполи. На постройку дороги Геджа (въ Сиріи) ассигновано было 40,5 милл. піастровъ (піастръ—8 коп.) и на египетскую линію 20,5 милл. піастровъ. Главный директоръ дороги Геджа. Дюкманъ, докладывалъ въ Верховномъ Совѣтѣ о необходимости использованія для желѣзнодорожнаго движенія водопадовъ Гель-Шехебли, находящихся въ 60 килом. отъ Дерота. Здѣсь должна быть сооружена электрическая станція для трамвайнаго движенія отъ станціи Ель-Афутъ до Назарета. Этой энергіей будутъ освѣщаться электричествомъ всѣ большія города въ Палестинѣ. Использованію водопадовъ придается важное значеніе, такъ

какъ Сирія уголь для себя получала раньше изъ-за границы. Желѣзнодорожная линія отъ Шальда на Яффу и Іерусалимъ оживила жизнь этой безводной пустыни. Для полученія воды вырыты вездѣ артезіанскіе колодцы. Станціи обсажены деревьями, посажены огороды, разведены сады. Установлено автомобильное сообщеніе, проведенъ телеграфъ, устроены справочное бюро, больницы, павильоны, установлены правильныя почтовыя сношенія. Другая желѣзная дорога въ Сиріи оживила мѣстности, лежащія къ западу отъ Тигра, а также и Палестину. Построенные и прокладываемые рельсовые пути не ограничиваются только перечисленными дорогами. Строятся также и анатолійскія жел. дороги. Отъ прежняго проекта постройки дороги Ангора—Эрзерумъ пришлось, конечно, отказаться. По нынѣшнему проекту дорога проводится на Сивасъ и Діарбекиръ, а также приморская дорога на Самсунъ. Ко всему сказанному о путяхъ сообщенія слѣдуетъ еще прибавить, что по постановленію палаты правительствомъ скупаются всѣ доки и верфи на Босфорѣ; передаются въ казну на время войны всѣ построенныя до войны рельсовые пути. По сообщеніямъ турецкихъ газетъ еще не рѣшена окончательно судьба этихъ дорогъ, ибо неизвѣстно, что будетъ послѣ войны, но предполагается, что всѣ желѣзныя дороги будутъ переданы въ казну.

Активная работа по насажденію и развитію капиталистической индустріи, само собой разумѣется, требовала введенія таможеннаго тарифа. Въ началѣ статьи при изложеніи исторіи пошлинъ мы указали, что пошлины сперва были подняты до 15, а затѣмъ и до 30. Въ мартѣ текущаго года законъ о вѣсовомъ тарифѣ прошелъ черезъ законодательныя палаты и съ 1 (14) сентября (въ Турціи теперь введенъ григоріанскій календарь) вступилъ въ силу. Эта максимальная ставка, какъ указано объ этомъ въ законѣ, можетъ быть понижена для странъ, которыя заключатъ съ Турціей торговые договоры. Этотъ тарифъ дѣйствителенъ только въ теченіе 3 лѣтъ, ибо, какъ сказано въ заявленіи комиссіи. «никто не знаетъ, каковы будутъ хозяйственныя условія послѣ войны и, поэтому, было бы неумно базировать торговую политику Турціи на долгосрочномъ тарифѣ». Новый тарифъ содержитъ въ себѣ 772 номера и 30 главъ. Комиссія перечислила новыя вѣсовыя пошлины въ пошлины по цѣнности товаровъ, хотя неизвѣстно, какія цѣны взяты въ основу, довоенныя или настоящія. Принципъ, лежащій въ основѣ тарифа, довольно простъ и ясенъ. Онъ прежде всего призванъ охранять сырье и полуфабрикаты, производящіеся въ странѣ въ большомъ количествѣ и не вывозившіеся до сихъ поръ, и тѣ отрасли промышленности, которымъ благопріятствуютъ мѣстныя условія. Наоборотъ, сырые матеріалы, производящіеся въ странѣ въ недостаточномъ количествѣ, расцѣнены въ тарифѣ очень низко. Такъ, напр., каменный уголь, коксъ—2 піастра золотомъ за 100 килограммовъ, желѣзная руда—1 п., желѣзо—4 п.

На сельско-хозяйственные продукты, наоборотъ, тарифъ назначенъ высокій: овесъ, ячмень—23 п. рожь—30 п., сахаръ—45 п., рафинадный сахаръ 76 п., мука 95 п. и т. д. Еще выше стоятъ пошлины на слѣдующіе товары: коньякъ—6000 п., мебель—1000—2000 п., одежда—2000—3000 п., бѣлье — 3500 п. и т. д. Пошлина выше 35.000 п. воспрещена. Турецкій официозъ «Танинъ» полагаетъ, что развитіе турецкой промышленности обезпечено этимъ охранительнымъ тарифомъ. По словамъ этой газеты, еще недавно обувь ввозилась изъ Австріи; впослѣдствіи, германская мужская и французская дамская стали вытѣснять австрійскую. Въ настоящее время обувное производство такъ разрослось, что въ иностранной обуви не ощущается больше никакой потребности. Новый тарифъ если вовсе не прекратитъ ввоза обуви, то сдѣлаетъ его почти невозможнымъ. Разрослось также, по этой газетѣ, мебельное производство. За мебель, непроизводимую въ Турціи, пошлина доходитъ до 190 п., а за гнутую мебель до 1000—2000 п. Такое же оживленіе наблюдается и въ производствѣ готоваго бѣлья и платья и т. д.

Финансы также подверглись реформѣ. Серебряный піастръ теперь замѣненъ золотымъ. Этой реформой положенъ конецъ безпрерывнымъ колебаніямъ монетной системы, которымъ подвергалась она раньше. Такъ напр., до войны турецкій фунтъ расцѣнивался различно: въ то время какъ правительственныя учрежденія, телеграфъ, почта, пароходныя общества и желѣзныя дороги, принимали его за 100 піастровъ, въ промышленности и торговлѣ онъ приравнивался къ 108 п. Но и въ этихъ рамкахъ онъ опять-таки былъ неустойчивъ: въ нѣкоторыхъ отрасляхъ торговли и промышленности за него давали 110, 115, а то и всѣ 120 п. (шерсть, хлопчатобумажныя издѣлія); при размѣнѣ фунта удерживалось съ каждаго меджида (20 п.) 1 п. При этихъ условіяхъ, понятно, торговля серебряными деньгами и, вообще монетой, стала выгоднымъ дѣломъ. Вездѣ, почти на всѣхъ перекресткахъ, встрѣчались мѣняльныя лавки (сарафы). Въ виду того, что на наряду съ турецкимъ золотомъ циркулировали англійскіе фунты и французскіе наполеоны, то и обмѣнъ между ними составлялъ еще одну выгодную функцію сарафовъ. Такъ, напр., при обмѣнѣ турецкихъ фунтовъ на англійскіе на каждый англ. ф. сарафъ выдавалъ по одному лишнему піастру. Это объяснялось тѣмъ, что турецкіе фунты, ввиду неустойчивости, были особенно желательны для спекуляціи и для расчета въ тѣхъ отрасляхъ, гдѣ они высоко расцѣнивались.

Золотой піастръ убилъ всю эту спекулятивную организацію. Сарафы исчезли, ибо деньгами торговать уже нельзя было. Въ настоящее время турецкій ф. эквивалентенъ 100 п. Только при расчетахъ по старымъ долгамъ онъ сохранилъ свою прежнюю стоимость—108 п. Введены банкноты мелкой стоимости; вывозъ золота воспрещенъ.

Съ развитіемъ денежнаго хозяйства стали расти и расширяться кредитныя учрежденія, увеличилось количество сберегательныхъ кассъ, къ которымъ населеніе стало все больше привыкать.

* * *

Нити отъ всѣхъ промышленныхъ предпріятій, пароходныхъ обществъ, желѣзныхъ дорогъ, словомъ, отъ всей хозяйственной жизни страны тянутся къ одному центру, называющемуся банковскимъ трестомъ, объединяющимъ два крупнѣйшихъ банковскихъ синдиката. Первый изъ нихъ чисто германскаго происхожденія. Онъ состоитъ изъ 4-хъ банковъ: Дрезденскаго, Нѣмецкаго банка (Deutsche Bank), Восточнаго банка (Orient. Bank) и Національнаго банка. Восточный банкъ одно время дѣйствовалъ не въ Турціи, а внѣ ея, въ областяхъ, населенныхъ мусульманскимъ населеніемъ. Оба его марокканскихъ отдѣленія во время нѣмецко-французскихъ событій были проданы Генеральному обществу (Société générale) въ Парижѣ, а отдѣленія въ Каирѣ и Александріи съ началомъ этой войны закрылись. Послѣ этого онъ былъ вынужденъ сосредоточить свою дѣятельность въ Турціи и тѣмъ самымъ вступить въ конкуренцію съ Нѣмецкимъ банкомъ. Главные акціонеры Восточнаго банка до послѣдней группировки состояли изъ Дрезденскаго банка, Шафгаузенскаго банка и Національнаго съ ихъ наличными капиталами 20 милл. марокъ. За нѣсколько мѣсяцевъ до войны Шафгаузенскій банкъ примкнулъ къ Дисконтному обществу (Disconto geselschafft). Въ отдѣленіяхъ Нѣмецкаго банка уже тогда подумывали о вступленіи въ Восточный банкъ. Въ настоящее время это осуществилось. Нѣмецкій банкъ вступилъ въ Восточный и взялъ большую часть акцій Шафгаузенскаго банка. По авторитетному мнѣнію журнала «Die Bank», вступленіе преслѣдуетъ лишь одну цѣль, а именно,—осуществленія желанія германскаго правительства, чтобы *«хозяйственная жизнь и финансовыя операціи Турціи шли не черезъ многіе пути банковскихъ группъ, а по опредѣленному плану и при помощи единаго руководства»*.

Второй синдикатъ носитъ австрійскій характеръ и называется: «Астр.-Венгерская Восточная группа» (Oesterreichische - Ungarische Orientgruppe). Онъ объединяетъ также 4 банка: Bankverein, Ungar. Allgem. kred. Bank, Pester Ung. Commerc. Bank и Австрійское кредитное общество. Любопытно отмѣтить, что обѣ договорившіяся стороны,—австрійская и нѣмецкая,—выражали нѣкоторыя опасенія относительно возможности засилія той или другой стороны. Австрійцы опасались, что трестъ вытѣснитъ Австрію изъ Турціи, нѣмцы же, наоборотъ, «Die Bank» доказываетъ что для этихъ опасеній нѣтъ основаній. Онъ утверждаетъ, что трестъ стоитъ въ совмѣстной работѣ съ Берлиномъ и что «не можетъ быть рѣчи о томъ, чтобъ онъ имѣлъ характеръ наступательный и оборонительный противъ германскихъ банковъ, что онъ, напротивъ, будетъ совмѣстно работать съ ними». Вѣрно это, или

нѣтъ, судить трудно, но одно несомнѣнно: нѣмцамъ пришлось, очевидно, для большаго успокоенія австрійцевъ декларировать, что трестъ не имѣетъ ничего общаго съ политической программой „Средней Европы“. (Mitteleuropa).

Этотъ могучій банковскій трестъ держитъ въ своихъ цѣпкихъ рукахъ всю хозяйственную жизнь страны. Всѣ акціонерныя компаніи и синдикаты, обслуживающіе различныя отрасли промышленности и торговли, а также и транспортъ имѣютъ нѣмецкія администраціи изъ ставленниковъ этого треста. Нѣтъ, конечно, никакого сомнѣнія въ томъ, что эта организація своимъ сложнымъ и широко задуманнымъ планомъ дѣятельности способствуетъ развитію производительныхъ силъ въ странѣ. Но не надо забывать, что это развитіе протекаетъ подъ непосредственнымъ руководствомъ германскаго имперіализма и полностью обслуживаетъ его интересы. Если допустить, что когда-либо это развитіе можетъ встать поперекъ интересамъ германскаго имперіализма, то нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что этотъ послѣдній приложитъ всѣ свои силы къ тому, чтобы вернуть его въ старое русло. И если это ему не удастся, то лишь въ одномъ случаѣ, когда онъ столкнется съ воинствующимъ имперіализмомъ другого государства. Такія условія развитія производительныхъ силъ абсолютно исключаютъ какую либо возможность превращенія Турціи въ «независимое національное имперіалистическое государство». Турецкіе идеологи освобожденія своего «отечества» отъ власти европейскаго имперіализма при помощи имперіализма одного или группы государствъ, — въ данномъ случаѣ центральныхъ державъ, — въ скоромъ времени разочаруются. Уже теперь появляются первыя ласточки, показывающія какого типа будетъ эта «независимость». Вотъ что, напримѣръ, пишетъ хорошо освѣдомленный источникъ германскихъ имперіалистовъ, «Die Bank». «Большое количество военнаго матеріала, которое безпрерывно идетъ на Балканы, должно быть рано или поздно оплачено и займы должны быть покрыты. Если теперь еще не ясно, въ какой формѣ это совершится, и какъ произойдетъ окончательный разсчетъ, то одно безъ сомнѣнія ясно, что Турція, какъ и другія державы, будетъ послѣ войны испытывать большую финансовую тяжесть. Эта тяжесть будетъ покоиться на странѣ, естественныя богатства которой до сихъ поръ едва были затронуты. Эти богатства должны быть разработаны, чтобы населеніе не обременялось слишкомъ большой налоговой тяжестью. Здѣсь начинается вторая задача союзниковъ центральныхъ державъ, вытекающая изъ первой военно-технической услуги: дремлющія силы Турціи должны быть пробуждены. Это значитъ, что населенію должна быть дана возможность уплатить свои долги (это самое главное. А. З.), многосторонне развить свои силы и матеріально (не политически, А. З.) гдѣ возможно (?) чувствовать себя свободнѣе, чѣмъ до войны».

Довоенная имперіалистическая политика извѣстнаго толка владѣла Турціей, препятствуя развитію производительныхъ силъ. Современная политика, въ лицѣ германской, «пробуждаетъ дремлющія силы», уничтожаетъ процессъ разложенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ весьма прочно приковываетъ ее къ своей имперіалистической колесницѣ.

Для Турціи и населяющихъ ее народовъ нѣтъ никакого спасенія въ рамкахъ современной имперіалистической эпохи. Только въ эпохѣ, идущей на смѣну имперіализму, они найдутъ разрѣшеніе своихъ національно-историческихъ проблемъ.

А. Зурабовъ.

Копенгагенъ, 18 декабря 1916 г.

ПИСЬМА ИЗЪ ФРАНЦІИ.

Французъ-горожанинъ, привыкшій къ комфорту, и деревенскій мелкій собственникъ, не любящій лишеній, — оба переносятъ тяготу ратнаго дѣла такъ просто, съ такимъ беззаботнымъ весельемъ на отдыхѣ и съ покорной сосредоточенностью въ дѣлѣ, какъ будто живутъ заправской жизнью, не требующей ни жертвъ, ни мужества, ни отваги. Они какъ бы сжались и тѣломъ, и душой въ великомъ горѣ, уйти отъ котораго не могутъ иначе, какъ съ боемъ. И не замѣчаешь въ нихъ той ненависти, которую такъ стараются раздуть въ буржуазной прессѣ. Но они въ жуткомъ гипнозѣ войны. Безотвѣтственная, безличная покорность овладѣла ихъ сердцами. Эта простота, эта угрюмая рѣшительность обреченныхъ — страшнѣе бравурной отваги, которой продолжаютъ кичиться шовинисты.

Но что будетъ, когда гипнозъ пройдетъ и люди очнутся отъ военнаго угара? Этотъ вопросъ уже занимаетъ иныхъ осторожныхъ политиковъ, особенно реакціонеровъ, разсчитывающихъ по-своему, за чужой счетъ, расквитаться по счету, который могутъ имъ предъявить. Если Humanité ежедневно повторяетъ, что Франція не ведетъ войны съ германскимъ народомъ, а съ кайзеромъ и съ поддерживающими его правящами классами, то буржуазные идеологи и съ ними вся почти пресса ведутъ яростную травлю именно противъ народа и требуютъ примѣрнаго наказанія для нѣмцевъ послѣ побѣды. Надо проучить варваровъ, объявившихъ войну великой Франціи, очагу цивилизаціи. Нѣкогда они разграбили Римъ, духъ хищничества они пронесли чрезъ вѣка, оставаясь вѣчными врагами культуры, но нынѣ пробилъ часъ возмездія и надо разъ навсегда покончить съ нѣмецкимъ народомъ. Эти господа изображаютъ и Либкнехта, какъ агента кайзера, а объ Адлерѣ они писали, что убійство имъ совершено въ цѣляхъ нѣмецкаго засилія, слугой кото-

раго покойный глава кабинета не пожелалъ де быть. Когда ихъ уличать во лжи, они поправятся, что нѣмецкая оппозиція сознательно или безсознательно, но служитъ цѣлямъ нѣмецкой дипломатіи. Такъ, самая тонкая изъ реакціонныхъ газетъ, вдохновителемъ которой является академикъ Морисъ Барресъ, L'Echo de Paris, не обинуясь пишетъ объ Эдуардѣ Бернштейнѣ: «Не дадимъ же себя одурачить этому малому (bonhome). Въ апрѣлѣ 1915 г. онъ писалъ въ Vorwarts'ѣ: «Если нѣмецкій соціализмъ потеряетъ довѣріе у иностранной демократіи, то для нѣмецкаго дѣла это будетъ крайне невыгодно». «Вотъ признаніе, — продолжаетъ газета Барреса, — это цѣлая программа! Въ организованной въ цѣляхъ пангерманизма соціалъ-демократіи Эдуардъ Бернштейнъ и является однимъ изъ тѣхъ, кому положено прельщать иностранныхъ товарищей, склоняя ихъ къ благорасположенности по отношенію къ Германіи. Помня, какой успѣхъ имѣлъ у нашихъ соціалистическихъ вожаковъ знаменитый «крикъ» Либкнехта, Бернштейнъ старается его перещеголять».

— «Мы бьемся за насъ самихъ, — пишутъ роялистскіе приспѣшники, — я заявляю, — возвѣщаетъ въ L'Action Francaise Моррисъ, — что во всей Европѣ не найдется еще такихъ простаковъ, какъ мы, стѣсняющихся успокоить нашихъ солдатъ и нашихъ гражданъ, что война должна ихъ оплатить, оплатить ихъ сообща и каждаго въ отдѣльности, и что у Германіи есть широкая возможность расквитаться по этому справедливому двойному долгу, которому надлежитъ занять мѣсто и даже блистать среди доводовъ, предлагаемыхъ нашимъ борцамъ. И хотя французскій солдатъ бьется, конечно, не ради одного этого эгоистическаго и своекорыстнаго интереса, но именно эгоизмъ, именно выгода положены и должны быть положены на переднемъ планѣ въ «итогѣ войны». Даже съ чисто личной точки зрѣнія не слѣдуетъ говорить, что солдатикъ простъ, что его обойдутъ. Въ своемъ справедливомъ гнѣвѣ нація должна ему обѣщать рѣшительно и нерушимо его долю въ добычѣ побѣдителя, отнятой у врага. Нѣтъ сомнѣнія, онъ можетъ умереть въ тяжкой и высокой стрaдѣ. Въ этомъ случаѣ его жена, его сыновья, престарѣлый отецъ и всѣ члены его семьи должны получить оформленное право на пирогъ въ дѣлежкѣ при окончательномъ тріумфѣ.—Съ такой откровенностью роялисты даютъ мудрые совѣты правительству использовать инстинкты массъ, и при этомъ плачутся, что во Франціи «ограничиваются тѣмъ, что кормятъ свой славный и великодушный народъ словами и кое-когда идеями, тогда какъ врагъ можетъ питать сердца и воображеніе своихъ борцовъ тысячею сладостныхъ обѣщаній и разжигающихъ аппетитъ приманокъ».

Но разсчетливаго, практичнаго крестьянина не возьмешь посулами, ему милѣй синица въ рукахъ, чѣмъ журавль въ небѣ, и онъ предпочтетъ самъ заплатить контрибуцію, конечно, не изъ кармана, а въ видѣ косвенныхъ налоговъ, чѣмъ брать ее съ врага, разъ это требуетъ еще зимней кампаніи, еще новаго и прямого налога на кровь. Патріотизмъ крестьянина дальше своей колокольни не заходитъ, ко всему остальному за предѣлами ея крестьянство глубоко равнодушно, оно не тяготѣетъ ни къ великому прошлому, ни къ грядущему, оно живетъ всегда однимъ настоящимъ. Деревня практична, и оцѣнка войны у ней проста:

— Ахъ, когда кончится у насъ эта война, — жаловался одинъ крестьянинъ, сбывавшій свою картошку въ Германію,— чистое разореніе, и о чемъ они думаютъ тамъ, въ Парижѣ!

А въ Парижѣ думали, что крестьянинъ усталъ, и говорили, что слѣдуетъ считаться съ характеромъ народа, что пора перейти отъ войны позицій къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, что надо позаботиться о будущемъ деревни.

Какъ разъ въ началѣ войны, когда французы вторглись въ Эльзасъ, когда вся печать ликовала, — среди рабочихъ меня поражало полное равнодушіе.

— Такъ вѣдь эльзасцы развѣ французы? — пояснилъ одинъ. — Они нѣмцы.

— Какіе они тамъ французы, — соглашался другой, — встарь и вовсе были нѣмцы, а теперь на-двое, повернется къ тебѣ, — говоритъ по-французски, а повернется къ нѣмцу, — и самъ нѣмецъ.

— Стоило изъ-за нихъ кровь проливать, да вѣдь они и не просили.

— Вотъ дураки! — изумился мой сосѣдъ, бодрый и крѣпкій старикъ. — Да вы видали ли эльзасца живого? Невѣжи, это наша кровь, наша Франція. Черти вы, мы не такъ разсуждали, когда въ 70-мъ году бились съ нѣмцами.

Со старикомъ и спорить не стали, а просто посмѣялись.

— Да ты самъ французъ ли? Бретонецъ. Знаемъ. Тоже французъ, задомъ на передъ. У васъ и языкъ не французскій.

На другой день одинъ русскій рабочій принесъ школьную хрестоматію и прочелъ вслухъ отрывокъ изъ Альфонса Додэ — послѣдній день народнаго учителя въ Эльзасѣ. Написанныя тепло и задушевно страницы такъ трогательно рисовали любовь къ родному языку, любовь эльзасцевъ къ Франціи, отъ которой ихъ оторвали, и къ французской школѣ, съ которой они разставались, что у иныхъ готовы были навернуться на глаза слезы. Вотъ учитель заканчиваетъ свой послѣдній урокъ, на которомъ печально присутствуютъ и деревенскіе люди, онъ хочетъ попрощаться съ своими учениками

и съ ними, но отъ волненія не находитъ словъ и дрожащей рукой выводитъ мѣломъ на доскѣ: «Да здравствуетъ Франція! — Тутъ старикъ не выдержалъ и, вскочивъ на ноги, негодуя, спросилъ:

— Ну что, французы они или нѣтъ?!.

Никто не отвѣтилъ на вопросъ. Первый очнулся мастеръ и скомандовалъ на работу. Видно было, что эти страницы изъ знакомаго имъ автора пресловутаго Тартарена произвели на нихъ впечатлѣніе; но трудно было сказать, убѣдились ли они, что эльзасцы — французы или просто были тронуты любовью къ Франціи, которую они вѣдь любили тоже.

Этотъ старикъ и они образно выразили то отношеніе, которое существуетъ между верхами и широкими кругами французскаго народа. Сколько ни приходилось мнѣ встрѣчаться въ столицѣ и въ деревняхъ съ рабочимъ людомъ, я часто наталкивался на эту оцѣнку эльзасцевъ, какъ не-подлинныхъ французовъ. И здѣсь играло роль не столько опредѣленное мнѣніе, сколько полное, ничѣмъ не прикрашенное равнодушіе. И когда? Когда вся пресса отъ лица Франціи потрясала, ликуя, знаменемъ реванша.

Вскорѣ отослали на фронтъ сыновей мастера, и онъ, обычно державшійся поодаль отъ рабочихъ, видимо, сталъ искать общенія съ ними, угрюмо вслушиваясь въ ихъ разговоры.

— Войну затѣваютъ капиталисты, а рабочіе ее ведутъ, капиталисты отъ войны здоровѣютъ да богатѣютъ, а рабочіе отъ нея мрутъ дома съ голоду, а на фронтѣ такъ и съ горшкомъ въ рукахъ, — сострилъ однажды американецъ, прозванный этимъ именемъ за побывку въ Америкѣ, а горшкомъ здѣсь называютъ въ шутку снарядъ.

— Не готовились къ войнѣ, а вели 3 года да въ этихъ самыхъ горшкахъ сколько милліардовъ съѣли, — подхѣлъ мастеръ, — а, въ концѣ концовъ, трупами нашихъ мальчиковъ удобрять поля; обѣщаютъ богатую жатву, да на что мнѣ она, если мои мальчики назадъ не вернутся.

Потомъ, помолчавъ, онъ прибавилъ съ усмѣшкой:

— Господа парламентаріи въ безопасности перетерли себѣ языки, приглашая страну биться до конца. Понимаютъ ли они, что это значитъ? У меня оба брата убиты и ихъ сыновья, остались однѣ женщины. Зарѣжутъ всю Францію.

— А что же дѣлать? Пусть топчетъ врагъ родную землю? Отдать бошамъ нашихъ женъ и дочерей? Вѣдь, это они на насъ напали.

— Ничего не знаю, кто у нихъ первый и кого задралъ, знаю только, что это не ты, и не я, и никто изъ насъ. Знаю только, что я скажу: лучше моимъ мальчикамъ жить на потоптанной землѣ, чѣмъ подъ землей гнить. Знаю, что тѣ, у кого перебьютъ мужей, отцовъ и братьевъ, будутъ брошены на улицу и ихъ подберутъ про-

хожіе, быть можетъ, тѣ самые патріоты, которые уже нажили на войнѣ капиталы.

Никто не спорилъ, но никто и не соглашался. А, можетъ быть, ихъ разумъ и чувство разошлись. Бретонецъ покачалъ головой и шепнулъ сосѣду:

— Образумило его горе, да только вполовину, вѣдь онъ и сейчасъ думаетъ, что вся бѣда отъ того, что короля у насъ нѣтъ.

Франція не готовилась къ войнѣ, — эту фразу любятъ повторять на всѣ лады и въ доказательство ссылаются на недостатокъ амуниціи, на неподготовленность, на первыя пораженія. Въ дѣйствительности же правящая Франція была настороже и не только готовилась, но и систематически воспитывала поколѣніе за поколѣніемъ въ идеяхъ націонализма и реванша. Просмотрите учебники, по которымъ учится народъ въ республиканской свѣтской школѣ. Въ одномъ изъ нихъ восхваляется преданность Жанны Д'Аркъ королю и отечеству и ставится вопросъ, была ли подобная героиня у другихъ народовъ? И вотъ отвѣтъ: «Нѣтъ, подобной героини еще никогда не было ни у одного народа». Въ курсѣ исторіи Е. Лависса, для 8—9-лѣтнихъ дѣтей, сообщается, что «короля Филиппа Августа бѣдные люди очень любили потому, что онъ побилъ нѣмцевъ», и что «всѣ французы должны любить всѣмъ своимъ сердцемъ изумительную Жанну Д'Аркъ, которая умерла за своего короля, за Францію, за насъ всѣхъ». Въ этой книжкѣ есть глава подъ заголовкомъ — «Долгъ маленькихъ французовъ». И вотъ, что здѣсь говорится: «Эльзасцевъ и лотарингцевъ принудили силой стать нѣмцами, но они продолжаютъ любить Францію, и за это нѣмцы ихъ мучаютъ; вотъ почему маленькіе французы должны любить эльзасцевъ и лотарингцевъ, какъ братьевъ. Франція не потеряла мужества послѣ несчастной войны. Нынче наши солдаты такіе же храбрые, какъ и тѣ, что сражались въ 1870 году, и ихъ теперь гораздо больше. Наши генералы такіе же храбрые, какъ и тѣ, что сражались въ 1870 г. и они теперь ученѣе. Наши ружья, наши пушки лучше, чѣмъ въ 1870 г. Мы теперь гораздо лучше подготовлены къ войнѣ... Генералы, офицеры, пѣхотинцы, кавалеристы, воздухоплаватели — всѣ знаютъ свое дѣло. Они исполнятъ свой долгъ, если на Францію нападутъ. Франція защищена хорошо».

Относительно колоніальной политики малышамъ настойчиво повторяютъ въ разныхъ мѣстахъ одну и ту же фразу: «это доказываетъ, что наша Франція добра и великодушна къ народамъ, которыхъ она покорила». Учебникъ заканчивается словами: «Страны, которыми мы владѣемъ, въ двадцать разъ больше самой Франціи. Франція имѣетъ право быть гордой этими завоеваніями». Всѣ эти поученія (исключая словъ объ Эльзасѣ) выдѣлены курсивомъ.

Таковъ духъ учебниковъ въ народной коммунальной школѣ.

Республиканскія идеи уступаютъ дорогу королю всякій разъ, когда это даетъ поводъ внушить дѣтямъ патріотическія чувства, распвѣтить патріотическія дѣянія и героическіе подвиги, и въ свидѣтели ставится самъ французскій народъ, награждающій своей любовью патріотовъ, служившихъ вѣрой своему королю и отечеству.

Если такъ обстоитъ дѣло въ офиціальной республиканской школѣ, то что же говорить о школахъ, находящихся въ рукахъ духовенства, о вольныхъ школахъ?

Вся Франція покрыта сѣтью клерикальныхъ учрежденій для дѣтей; священники и монахи руководятъ гимнастическими обществами, патронажами и пріютами для юношей и малышей. Подъ праздникъ или въ праздникъ отецъ шелъ послушать демагогическія рѣчи синдикалистскихъ вожаковъ и покачивалъ одобрительно головой, когда Жуо, нынче страстный патріотъ, возвѣщалъ мозолистымъ рукамъ близкую побѣду надъ капиталомъ и угрожалъ отъ имени рабочаго класса отвѣтить на мобилизацію, въ случаѣ войны, всеобщей забастовкой, послѣ которой рабочіе станутъ хозяевами Франціи. А въ воскресеніе мать посылала дѣтей въ католическій патронажъ, устраивавшій загородныя прогулки, гдѣ дѣтямъ былъ обезпеченъ идеальный присмотръ, прекрасно организованныя забавы и давались даже подарки, въ видѣ куска шерстяной матеріи на платьице, лишь бы ребенокъ посѣтилъ въ непогоду, когда выѣхать за городъ нельзя, церковную службу и выслушалъ проповѣдника. И забавно было смотрѣть, какъ мальчишки, съ трехцвѣтнымъ знаменемъ, съ палками вмѣсто ружей и съ ранцами за плечами, маршировали по улицѣ военнымъ шагомъ подъ барабанный бой, а рядомъ съ ними, путаясь въ длинныхъ фалдахъ, поспѣвалъ молодой монахъ. За городомъ устраивали примѣрныя сраженія, развѣдки. Вся юная Франція воспитывалась въ этихъ потѣшныхъ отрядахъ, организованныхъ клерикалами, а иногда республиканцами. Нечего и говорить, что рядомъ съ патріотической проповѣдью велась осторожная и умѣлая антиреспубликанская пропаганда. Открыто роялистскихъ идей не внушали, но говорили, напримѣръ, что Германія вѣковой врагъ, строющій свои разсчеты на томъ, что республиканскій режимъ ослабляетъ военную мощь Франціи, что Россія могучій другъ, дружба съ которымъ была бы еще крѣпче и плодотворнѣй, если бъ республиканскій и парламентарный режимъ Франціи не внушалъ великому другу естественнаго недовѣрія; развѣ утаишь отъ иностранцевъ, что и въ парламентѣ есть люди, которые своимъ невѣріемъ накликаютъ на Францію бѣду, ибо Богъ поразилъ ихъ гордый разумъ и они въ безуміи своемъ хотятъ разоружить Францію.

Безпечная веселость народа, его насмѣшливость, сравнительное благосостояніе и прочно налаженный покой — не давали врагамъ

Республики обильнаго питанія, но патріотическія настроенія оставляли значительный слѣдъ въ молодыхъ сердцахъ. Самоупоеніе великимъ прошлымъ, невѣжественное равнодушіе къ тому, что дѣлается за предѣлами Франціи, яростная критика режима, базарная брань синдикалистскихъ и роялистскихъ газетъ по адресу политическихъ дѣятелей и самихъ министровъ, сенсаціонныя разоблаченія дѣльцовъ, которые подъ флагомъ политическихъ идей устраивали свои аферы, упорныя и неустанныя нашептыванія духовенства, проникающаго въ глубь семьи и вникающаго во всѣ мелочи семейной жизни даже тѣхъ, кто ихъ не принимаетъ, — вотъ та атмосфера, въ которой выростало молодое поколѣніе мелкой буржуазіи и рабочихъ. А въ результатѣ универсальный «жеманфишизмъ», т. е. всеошлевываніе. Отечество, религія, соціализмъ, синдикализмъ, патріотизмъ — все это покрывается однимъ знакомъ: плевать мнѣ на нихъ! Отечество потому, что оно отечество богатыхъ, соціализмъ и синдикализмъ потому, что они вывозятъ на спинахъ рабочихъ массъ ренегатовъ, которые, дорвавшись до власти и денегъ, измѣняютъ тѣмъ, кто ихъ провелъ, наконецъ, патріотизмъ потому, что рабочему хорошо тамъ, гдѣ хорошо платятъ за трудъ, а лавочнику тамъ, гдѣ бойко идетъ торговишка. Во Франціи синдикализмъ и неомальтузіанизмъ идутъ рука объ руку. Для рядового рабочаго не имѣть дѣтей или имѣть ихъ мало значитъ жить веселѣе и меньше бѣдствовать, для синдикалиста это значитъ еще сохранить свою энергію для борьбы съ капиталомъ. Но для тѣхъ и другихъ уютъ и покой налаженной жизни — не то что цѣль, а привычное дѣло.

Эта наклонность къ покою, эта неподвижность и консерватизмъ умонастроеній всецѣло опредѣлялись устойчивостью экономическихъ отношеній, сложившихся въ теченіи полувѣка промышленной и финансовой дѣятельности, обрѣтшей въ парламентаризмѣ 3-ей Республики гибкое и послушное орудіе. Даже міровая война не сразу проявила свое разрушительное дѣйствіе; но она всколыхнула народную психологію, покой сталъ невозможенъ. Вмѣсто уюта и комфорта, — траншеи и разореніе. Надо заново строить планъ жизни. Сила вещей потребовала отъ людей мужества, самоотверженія и упорной борьбы. Отечество въ опасности! — это значитъ прощай обычная, уютная, размѣренная жизнь. Какъ одинъ человѣкъ поднялась Франція, но, какъ бы не вѣря бѣдѣ, съ угрюмой тяжестью шли французы, и медленно зрѣло убѣжденіе, что иного исхода нѣтъ, что покой безповоротно нарушенъ и нѣтъ къ нему другого возврата, какъ съ оружіемъ въ рукахъ.

Историческіе завѣты и традиціи прошлаго, вскормленные кровью революцій, облагодѣтельствовали мирнаго буржуа, и, благодарный, онъ любилъ ихъ поминать добрымъ словомъ въ академическихъ случаяхъ. Въ нагрянувшей бѣдѣ буржуа вспомнилъ свои ака-

демическія упражненія и противопоставилъ могучему врагу — единую націю, защитницу свободъ и народовъ. И демократія стала подъ національное знамя. Непримиримые синдикалисты, еще вчера проповѣдывавшіе дезертирство, еще вчера клеймившіе колоніальныя дѣла и войны, какъ политику дневного разбоя, осторожные реформисты, революціонеры, соціалисты и даже анархисты — всѣ пришли на зовъ національнаго правительства, чтобы сражаться за родину, за демократію и за свободу угнетенныхъ націй, сражаться подъ началомъ тѣхъ, кого изобличали, какъ жесточайшихъ враговъ и родины, и демократіи, и беззащитныхъ народцевъ.

Лишь по внѣшности этотъ поворотъ былъ внезапенъ, оборотничество вождей уменьшило треніе, но рѣшающаго значенія не имѣло. Въ теченіе почти полутора рабочіе послѣ расправы съ коммуной не выступали на путь широкой политической дѣятельности. Реформисты и синдикалисты руководили движеніемъ въ сторону наименьшаго сопротивленія. Частичный реформизмъ и безпринципный мелкій саботажъ пресловутаго прямого воздѣйствія подмѣнили открытую политическую борьбу и фактически пріобщили рабочія массы либо къ сотрудничеству, либо къ мирному сожительству съ буржуазной политикой, сожительству, приправленному архинепримиримой фразеологіей. Послушать иного рабочаго — отчаянный анархистъ, а на дѣлѣ это смирный парень, предпочитающій на основаніи своихъ свирѣпыхъ теорій замаскированный мелочной саботажъ открытому отстаиванію своихъ интересовъ. Въ этой атмосферѣ житейскаго опортунизма анархизмъ, понятно, отлично уживался съ ремормистскимъ соціализмомъ, явленіе, совершенно непонятное для русскихъ. Одинъ молодой адвокатъ, предсѣдательствуя въ одной изъ парижскихъ секцій объединенной соціалистической партіи, открылъ засѣданіе слѣдующими словами:

— По отношенію къ будущему мы, конечно, непримиримые анархисты, но, чтобъ не оставаться пассивными зрителями настоящаго — мы въ то же время соціалисты.

Рабочіе вполнѣ одобрили это вступленіе: что можетъ быть яснѣе, — непримиримые, но не безтолковые. Они чувствовали себя до такой степени непримиримыми и рѣшительными въ своихъ убѣжденіяхъ, до такой степени готовыми на отчаяннѣйшій шагъ, едва представится случай, что ихъ ужъ не могла скомпрометировать никакая сдѣлка, никакая временная уступка.

Такъ думали сами о себѣ эти мирные люди, судя по историческому прошлому своихъ отцовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Михаилъ Мопозовъ.

ДОРОГУ ТАЛАНТУ.

Свыше 15 лѣтъ уже въ Германіи въ области педагогики идетъ непрерывное кипѣніе. Старая школа подвергается безпощадной критикѣ, критикуются методы преподаванія, программы, весь укладъ школьной жизни, вся организація школьнаго дѣла. Многіе вопросы очень быстро перерастаютъ рамки чисто педагогическаго обсужденія и становятся достояніемъ общеполитической прессы, оживленно дебатируются политическими партіями. Новыя идеи примѣняются на практикѣ и не только отдѣльными педагогами, но и само правительство идетъ на эксперименты. Въ Мюнхенѣ, напримѣръ, управленіе народными школами вручается Георгу Кершенштейнеру, который въ корнѣ измѣняетъ всѣ прежнія программы, вводитъ новые методы преподаванія, организуетъ такъ называемую «трудовую школу» (Arbeitss hule). И не только въ Мюнхенѣ, повсюду въ Германіи идетъ напряженная реформаторская работа на поприщѣ народнаго образованія.

Какова же основная причина всѣхъ этихъ исканій новыхъ путей въ педагогикѣ, этого усиленнаго стремленія къ реформѣ?

Громадный прогрессъ техники за послѣднія два десятилѣтія въ Германіи сдѣлалъ для нея вопросомъ жизни или смерти созданіе широкаго слоя интеллигентныхъ, политехнически образованныхъ, даровитыхъ рабочихъ. Какъ показываетъ крайне интересная работа Отто Каммерера (Otto Kammerer, «Uber den Einflus des technischen Fortschrittes auf die Produktivität», Schriften des Vereins für Socialpolitik, № 132) въ самыхъ новѣйшихъ, усовершенствованныхъ машинахъ послѣдняго времени обычное соотношеніе между квалифицированнымъ и простымъ трудомъ измѣняется самымъ кореннымъ образомъ: громадная часть подсобныхъ, вспомогательныхъ движеній, которыя раньше выполнялись необученными рабочими, теперь выполняетъ сама машина; при этихъ машинахъ количество необученныхъ рабочихъ значительно сокращается, зато увеличивается число квалифицированныхъ рабочихъ, могущихъ управлять машинами, направлять все дѣло, совершенствовать его. Правда, квалифицированный трудъ, который нуженъ въ современномъ производствѣ, совершенно иного типа, чѣмъ тотъ квалифицированный трудъ, который примѣнялся въ прежнія времена. Старый квалифицированный трудъ покоился, главнымъ образомъ, на спеціализаціи, на многолѣтней выучкѣ, новый — требуетъ высокаго интеллекта, самостоятельности, находчивости. Конечно, въ общемъ и цѣломъ, въ современномъ производствѣ преобладаютъ еще машины стараго типа съ громаднымъ требованіемъ на простой трудъ и съ очень незначительнымъ спросомъ на трудъ квалифи-

цированный, но въ передовыхъ отрасляхъ индустріи, въ тяжелой индустріи въ особенности, вышеуказанная тенденція намѣтилась вполнѣ опредѣленно. Война дала могучій толчекъ техническому прогрессу и сдѣлала эту тенденцію особенно наглядной.

«Техническое развитіе, — пишетъ Отто Каммереръ въ своей вышеупомянутой работѣ, — въ концѣ концовъ всегда приводитъ къ вытѣсненію необученныхъ рабочихъ. Это развитіе выдвигаетъ основную идею машинной техники: примѣненіе человѣческой силы не въ качествѣ мускульной машины, а въ качествѣ мыслящаго существа» (стр. 424).

«Государство, — пишетъ онъ далѣе, — которое такъ или иначе не будетъ заботиться о томъ, чтобы подростающее поколѣніе получило спеціальную подготовку, будетъ въ такомъ же затруднительномъ положеніи, въ какомъ очутилось бы государство, пославшее деревянныя суда съ пушками, заряжающимися съ дула, въ бой съ панцырными линейными судами, снабженными скорострѣльными орудіями» (тамъ же, стр. 425).

Въ этомъ корень всего вопроса. Эта-то потребность современнаго производства въ широкомъ слоѣ интеллигентныхъ, даровитыхъ, самостоятельныхъ рабочихъ и является первоисточникомъ всѣхъ школьныхъ реформъ послѣдняго времени въ Германіи.

Нѣмецкая народная школа прежнихъ ступеней капиталистическаго развитія была школой узко сословной, школой для низшихъ слоевъ населенія. Это была школа учебы, школа, построенная на строгой дисциплинѣ, подавляющая въ ученикахъ всякое проявленіе личности, всякую самостоятельную мысль. Эта школа была разсчитана на массовое производство послушныхъ, исполнительныхъ, добросовѣстныхъ рабочихъ, отъ которыхъ не требовалось ни иниціативы, ни дарованій, ни самостоятельности.

«Главное значеніе школьнаго воспитанія, — писалъ въ 1901 г. въ своей книгѣ «Гражданское воспитаніе нѣмецкаго юношества» Георгъ Кершенштейнеръ, — поскольку рѣчь идетъ о народныхъ массахъ, — заключается, главнымъ образомъ, не столько въ привитіи ученикамъ извѣстнаго круга идей, сколько въ систематическомъ воспитаніи привычки къ прилежному, добросовѣстному, тщательному труду, къ постоянному пріученію къ безусловному повиновенію и вѣрному исполненію обязанностей и въ авторитетномъ, неуклонномъ пріученіи къ услужливости» (стр. 35).

Эта цитата въ высшей степени характерна, какъ для взгляда на задачи нѣмецкой народной школы руководящихъ круговъ Германіи, такъ и для самого автора этихъ строкъ — знаменитаго мюнхенскаго реформатора народной школы, Георга Кершенштейнера. Школа учебы не могла выполнить того требованія, которое стало предъявлять къ ней современное производство. Какъ бы талантливъ ни былъ ребенокъ, въ старой школѣ учебы талантъ этотъ не имѣлъ

случая ни выявиться, ни тѣмъ болѣе, развиться. Народная нѣмецкая школа со своимъ формализмомъ, съ желѣзной дисциплиной заглушала его. Война обострила потребность въ широкомъ слоѣ талантливыхъ, инициативныхъ, интеллигентныхъ рабочихъ, и потому теперь однимъ изъ самыхъ популярныхъ лозунговъ въ Германіи является кличъ: «Дорогу таланту!»

В. Рейнъ, видный педагогъ, въ своей статьѣ въ нѣмецкомъ «Днѣ» («Tag») ссылается на слова Фридриха-Вильгельма III, заявившаго: «Государство должно пополнить при помощи духовныхъ силъ убыль силъ физическихъ». Въ этихъ словахъ, по мнѣнію Рейна, германскій императоръ «кратко формулировалъ великую цѣль».

Въ полномъ согласіи съ этой цѣлью стоятъ заключительныя слова сентябрьской рѣчи Бетмана-Гольвега въ рейхстагѣ: «Свободный путь каждому таланту, каждой цѣнной силѣ! — говорилъ канцлеръ, — таковъ лозунгъ дня. Правительство осуществитъ этотъ лозунгъ, отбросивъ всѣ предразсудки. И тогда наша имперія будетъ представлять единое, крѣпко спаянное зданіе. Каждый камень, каждая балка будутъ стоять на своемъ мѣстѣ, поддерживать другъ друга, опираться другъ на друга. Тогда передъ нами откроется здоровое будущее!»

Эта рѣчь канцлера вызвала воодушевленіе даже въ рядахъ патріотствующаго большинства соціальдемократической партіи. Хемницкій «Народный Голосъ» («Volksstimme»), являющійся выразителемъ взглядовъ этого большинства, пишетъ въ своей статьѣ отъ 30 сентября 1916 года: «Это заявленіе цѣликомъ укладывается въ рамки того круга идей, которыя Бетманъ-Гольвегъ выставилъ уже раньше, какъ внутреннюю военную цѣль. Онъ хочетъ помочь сломать устарѣлыя рамки и пустые предразсудки, которые до сихъ поръ раздѣляли государство и рабочихъ, онъ хочетъ уловить, направить должнымъ образомъ, поддержать и укрѣпить игнорированный донынѣ потокъ любви къ отечеству, который глубоко таится въ нѣдрахъ рабочаго класса. Онъ хочетъ, при помощи новой ориентаціи, сблизить рабочихъ съ государствомъ, и тѣ силы, которыя стремятся къ дѣятельности, использовать для его укрѣпленія и созиданія». Эта цвѣтистая тирада заканчивается увѣреніемъ, что «народныя массы» цѣликомъ сочувствуютъ благимъ намѣреніямъ канцлера. «Именно война особенно рѣзко подчеркнула необходимость таланта у рабочихъ, надсмотрщиковъ и мастеровъ въ промышленности и сельскомъ хозяйствѣ».

Канцлеру вторитъ и педагогическая пресса:

«Даже въ случаѣ побѣды нѣмцевъ послѣ войны, экономическій трестъ, охватывающій три четверти Европы, будетъ пытаться вытѣснить насъ съ мірового рынка. Мы не можемъ позволить себѣ въ будущемъ роскошь обрекать на гибель сотни талантовъ», — пишетъ Ламсцусъ въ одномъ изъ наиболѣе передовыхъ нѣмецкихъ

педагогическихъ журналовъ, въ № 3 гамбургской «Педагогической Реформы».

Въ только что вышедшей объемистой книгѣ «Развитіе дарованій» (Aufstieg der B galten), изданной недавно возникшимъ

«Въ настоящее время, —говорится въ предисловіи, — для «Германскимъ комитетомъ воспитанія и преподаванія» и представляющей коллективный трудъ ряда извѣстныхъ педагоговъ, развиваются тѣ же мысли.

нѣмцевъ является вопросомъ жизни или смерти необходимость стать творцами всемірно-историческихъ цѣнностей. Обстоятельства повелительно требуютъ въ настоящее время, чтобы была использована каждая сила, таящаяся въ глубинѣ, это важно для всѣхъ отраслей производства. Повсюду нужны настоящія, подлинныя дарованія, если мы дѣйствительно хотимъ стоять на высокомъ уровнѣ и тѣмъ болѣе, если хотимъ быть руководителями».

Итакъ, всѣ — отъ германскаго императора до патріотическаго большинства нѣмецкой соціалъ-демократіи, согласны, что необходимо приложить всѣ усилія, чтобы извлечь изъ народныхъ нѣдръ таланты, какъ можно больше талантовъ, чтобы понадѣлать изъ нихъ мастеровъ, надсмотрщиковъ, техниковъ, инженеровъ, въ которыхъ такъ нуждается и будетъ нуждаться германская промышленность.

Никогда, кажется, фетишизмъ, владѣющій умами въ современную эпоху капиталистическаго производства и заключающійся въ томъ, что все — человѣкъ въ первую голову — приносится на алтарь производства, не доходилъ до такихъ геркулесовыхъ столбовъ, какъ во время войны. Черезъ всѣ эти призывы къ выискиванію и отбору талантовъ яркой нитью проходитъ одна мысль: производству нужны таланты. И только нѣмецкіе лѣвые соціалъ-демократы въ «Бременской Гражданской Газетѣ» («Bremer Bürgerzeitung») и въ «Политикѣ рабочихъ» («Arbeiterpolitik») ясно и опредѣленно сказали то, что естественно было сказать людямъ, не охваченнымъ гипнозомъ фетишизма, но теперь уже несущимъ въ массы лозунгъ, характерный для эпохи производства, идущей на смѣну теперешней: не человѣкъ для производства, а производство для человѣка

Важенъ не отборъ для нуждъ производства наиболѣе одаренныхъ, важно всестороннее гармоническое развитіе каждаго человѣка, для этого необходимо развитіе всѣхъ силъ и дарованій, заложенныхъ въ каждомъ ребенкѣ. Отборъ же наиболѣе талантливыхъ, открытіе для нихъ возможности «устроиться», подняться по общественной лѣстницѣ, совершенно не въ интересахъ рабочаго класса. Масса сама нуждается въ этихъ даровитыхъ силахъ для развитія и организаціи своей коллективной силы. Смыслъ отбора наиболѣе одаренныхъ, какъ нельзя лучше характеризуется слѣдующей цита-

той изъ уже выше упомянутой книги Георга Кершенштейнера: «Гражданское воспитаніе нѣмецкаго юношества».

«Опасны лишь, — пишетъ онъ тамъ, — большія, однородныя массы недовольныхъ, когда государственныя и общественныя учрежденія приковываютъ къ галерамъ и наиболѣе дѣльныхъ. Умный стратегъ знаетъ, что лучше всего можно владѣть массами, если удается раздѣлить ихъ» (стр. 27). И умный стратегъ Кершенштейнеръ настаиваетъ, что необходимо открыть клапанъ путемъ отбора наиболѣе дѣльныхъ, наиболѣе одаренныхъ, надо дать имъ возможность проложить себѣ дорогу, уйти отъ народной массы. Въ Англіи ужъ давно это поняли. И Кершенштейнеръ указываетъ на примѣръ Джона Бернса.

Какъ же, однако, осуществить этотъ отборъ талантовъ?

Хемницкій «Народный Голосъ» предлагаетъ простое средство. «При помощи законодательства и путемъ административнымъ должны быть, ближайшимъ образомъ, устранены нѣкоторыя внѣшнія препятствія. Для этого, собственно говоря, достаточно одного росчерка пера, но предпосылкой этого должно быть измѣненіе общественнаго мнѣнія и взглядовъ въ руководящихъ кругахъ, которымъ необходимо отказаться отъ своихъ соціальныхъ предразсудковъ».

Германское правительство прекрасно знаетъ силу «росчерка пера», но прежде, чѣмъ его сдѣлать, оно предпочитаетъ пустить «умныхъ стратеговъ», вродѣ Кершенштейнера, позондировать почву, какія собственно реформы нужны для выявленія и отбора талантовъ, и какъ далеко можно идти по пути реформъ.

Во-первыхъ, какъ выявить таланты?

Современная школа, какъ было уже сказанно, способствуетъ заглушенію природныхъ дарованій. Когда все построено на механическомъ заучиваніи, на усвоеніи программъ, трудно опредѣлить, какой ребенокъ къ чему способенъ. Однако, профессоръ Зикингенъ въ Мангеймѣ сдѣлалъ попытку организаціи отбора дарованій на почвѣ существующей школы. Онъ предложилъ дѣлить учениковъ по степени успѣшности. Мало развитые, медленно воспринимающіе, отсталые выдѣляются въ особые вспомогательные классы. Обладающіе наилучшей памятью, наиболѣе быстро воспринимающіе переводятся въ классы для даровитыхъ. Эти болѣе даровитые ученики проходятъ болѣе обширную программу. Тотъ курсъ, на который среднимъ ученикамъ приходится употребить, скажемъ, три года, способные ученики проходятъ въ два года. Мангеймская система связана съ очень сложной организаціей перевода изъ класса въ классъ, изъ отдѣленія въ отдѣленіе. По вопросу о мангеймской системѣ существуетъ громадная литература, но вся она носитъ слишкомъ спеціальный характеръ. Передовая часть нѣмецкаго учительства, въ общемъ, отнеслась къ ней отрицательно.

Указывалось, какъ вредно должно отразиться на психикѣ дѣтей это дѣленіе ихъ на овецъ и козлищъ, указывалось, что если способные ученики до сихъ поръ не надрывали себѣ силъ въ школѣ учебы, благодаря своей прекрасной памяти, то теперь и на нихъ будетъ возложено непосильное бремя, которое въ конецъ заглушитъ всякую возможность развитія ихъ индивидуальныхъ дарованій. Результаты мангеймской системы оказались весьма мизерными: прохожденіе извѣстной частью учениковъ болѣе скорымъ темпомъ учебнаго курса. Ученикъ, обладающій наилучшей памятью, не всегда наиболѣе даровитый ученикъ. Жизнь требовала выявленія дарованій. Въ этомъ отношеніи мангеймская система дала очень мало.

Другой опытъ въ направленіи выявленія дарованій, — это широкое примѣненіе къ ученикамъ методовъ изслѣдованія душевныхъ силъ путемъ экспериментальной педагогики. Опыты эти дѣлались и дѣлаются, и сейчасъ въ большой модѣ въ Германіи. Самъ по себѣ этотъ вопросъ очень интересенъ. Экспериментальной педагогикой очень увлекаются и въ Америкѣ. При школахъ тамъ существуютъ особаго рода «совѣтчики по выбору профессіи», которые, опираясь на экспериментальное изслѣдованіе способностей подростка, опредѣляютъ пригодность кончающаго школу къ той или иной профессіи. Въ Бостонѣ, подъ руководствомъ Франка Парсона, работаетъ, основанное на такихъ же принципахъ, бюро совѣтовъ по выбору профессіи. Теперь въ Германіи также появляется очень много работъ по этому вопросу. Интересны книжки Штерна, много интересныхъ статей, напримѣръ, въ «Журналѣ по педагогической психологіи и экспериментальной педагогикѣ». Въ Берлинѣ дѣлается попытка при центральномъ бюро труда организовать учрежденіе, аналогичное Парсоновскому бюро.

Преувеличивать, однако, роль экспериментальной педагогики въ выявленіи дарованій и въ выборѣ профессіи не слѣдуетъ. Дарованіе — вещь очень сложная, а экспериментальная педагогика можетъ пока что опредѣлять лишь элементарныя душевныя способности. Что же касается выбора профессіи, то главное, что препятствуетъ въ настоящее время тому, «чтобы каждый человѣкъ былъ на своемъ мѣстѣ», въ производствѣ, дѣлалъ работу, которая была бы ему по душѣ и соотвѣтствовала его силамъ и способностямъ, это — общественныя условія, необходимость для громаднаго большинства населенія, для милліоновъ людей брать не ту работу, которая соотвѣтствуетъ способностямъ и дарованіямъ, а ту, которая подъ рукой, которую необходимо взять, чтобы имѣть кусокъ хлѣба. Поэтому, трудно раздѣлять увлеченіе Хемницкаго «Народнаго Голоса» экспериментальной педагогикой. Хемницкій «Народный Голосъ» мечтаетъ объ учрежденіи «національнаго института для содѣйствія талантамъ». «Тутъ представляется опять

такъ, — пишетъ «Народный Голосъ», — поле труда, создающее необходимыя предпосылки соціализма. Соціализмъ, какъ извѣстно, представляетъ собою господство науки въ народномъ хозяйствѣ и общественномъ строеніи. Если наука будетъ работать въ вышеуказанномъ направленіи надъ выявленіемъ и усовершенствованіемъ дарованій, то будутъ созданы предпосылки, въ которыхъ нуждается для своего осуществленія соціализмъ, создастся возможность распредѣленія профессій съ наибольшимъ удовлетвореніемъ для отдѣльнаго индивидуума и съ наивысшимъ результатомъ для цѣлаго». Предоставляя Хемницкому «Народному Голосу» ждать, когда будущій «національный институтъ для содѣйствія талантамъ» создастъ объективныя предпосылки для осуществленія соціализма, люди дѣла, господа Кершенштейнеры, работаютъ надъ реформой школы учебы, надъ превращеніемъ ея въ школу труда (Arbeitsschule). Надо отдать имъ справедливость, работу свою они дѣлаютъ основательно. Кершенштейнеръ, напримѣръ, объѣхалъ всю Европу, изучая постановку преподаванія труда во всякаго рода ремесленныхъ и профессіональныхъ училищахъ, изучалъ и разработалъ постановку преподаванія рисованія, естественныхъ наукъ. Трудовая школа покоится на соединеніи ручного труда съ умственнымъ. Ручной трудъ въ трудовой школѣ не носитъ спеціальнаго, ремесленнаго характера, онъ весьма разностороненъ: дѣти лѣпятъ, рисуютъ, красятъ, вырѣзываютъ, клеятъ, столярничаютъ и пр. Ручной трудъ самымъ тѣснымъ образомъ связанъ съ преподаваніемъ математики, естественныхъ наукъ, географіи, исторіи. Онъ вноситъ въ эти предметы жизнь, дѣлаетъ ихъ ближе, понятнѣе дѣтямъ, будитъ въ нихъ живой интересъ къ этимъ предметамъ, учитъ наблюдать, самостоятельно мыслить. Въ такой постановкѣ ручной трудъ будитъ творческія силы ребенка, пріучаетъ добиваться поставленной цѣли, развиваетъ интересъ къ техническому труду, даетъ общія трудовые навыки. Трудовая школа представляетъ собою крайне благопріятную среду для проявленія индивидуальныхъ склонностей и дарованій ребенка.

Но, приступая къ опыту организаціи трудовой школы, германское правительство вполнѣ сознавало, что, будя самостоятельную мысль, жажду знанія, всесторонне развивая учениковъ — оно можетъ создать могильщиковъ современныхъ общественныхъ порядковъ Германіи, и потому вручало реформу лишь людямъ типа Кершенштейнера, который находитъ, что дать народу всеобщее избирательное право — было опаснымъ, преждевременнымъ экспериментомъ, и который ревниво оберегаетъ юношество отъ вліянія соціалъ-демократіи.

Недавно еще, когда нѣмецкій рейхстагъ въ 59-мъ своемъ засѣданіи постановилъ отмѣнить запрещеніе (проведенное въ 1908 году) юношамъ, моложе 18 лѣтъ, присутствовать на открытыхъ

собраніяхъ, на которыхъ обсуждаются экономическіе вопросы о рабочей жизни, вопросы о величинѣ заработной платы, длинѣ рабочаго дня и пр., Кершенштейнеръ бѣшено выступалъ противъ отмѣны этого запрещенія. «Педагогическая Газета» (№ 24, 1916) говоритъ по этому поводу, что не стоило такъ горячиться. Во-первыхъ, отмѣна запрещенія мало измѣнитъ существующее положеніе вещей. Фактически и теперь юноши, моложе 18 лѣтъ, ходятъ на собранія такого рода: нельзя же при входѣ требовать метрическаго свидѣтельства. Кромѣ того, собранія происходятъ въ присутствіи полиціи, да и вожди рабочаго движенія лучше, чѣмъ кто либо, умѣютъ успокаивающе дѣйствовать на массу и на молодежь. Работая на фабрикѣ, юноша все равно наталкивается на извѣстные вопросы, слышитъ извѣстные разговоры, нельзя игнорировать успокаивающаго, благотворнаго вліянія вождей рабочаго движенія.

Дѣйствительно, Кершенштейнеръ не учитываетъ того измѣненія во взглядахъ и характерѣ дѣятельности, которое произошло со времени войны въ рядахъ нѣмецкой соціалъ-демократіи. Офиціальное большинство теперешней нѣмецкой соціалъ-демократической партіи стоитъ на точкѣ зрѣнія, весьма недалеко уходящей отъ точки зрѣнія Кершенштейнера. Вспомнимъ хотя бы вышеприведенныя цитаты о примиреніи между государствомъ и рабочими изъ Хемницкаго «Народнаго Голоса».

Это измѣненіе во взглядахъ и тактикѣ нѣмецкой соціалъ-демократіи прекрасно учелъ другой столпъ нѣмецкой офиціальной педагогики, Ф. В. Ферстеръ, пасторъ, выписанный германскимъ правительствомъ изъ Швейцаріи. Ферстеръ внимательно слѣдитъ за рабочимъ движеніемъ, его спеціальность—«этическое» воспитаніе юношества, модернизація религіознаго воспитанія. Его многочисленныя произведенія, изъ которыхъ главныя: «Школа и характеръ», «Христіанство и классовая борьба», «Авторитетъ и свобода», «Вина и искупленіе», «Гражданское воспитаніе», «Этическія бесѣды съ юношествомъ» и др. обнаруживаютъ не менѣе умнаго стратега, чѣмъ Кершенштейнеръ; нѣкоторыя изъ нихъ выдержали много изданій, переводятся на всѣ языки. Ферстеръ много говоритъ «о вѣчномъ, незыблемомъ, объективномъ порядкѣ вещей», на основѣ котораго и выработаны существующія правовыя нормы. Эти правовыя нормы для него священны. Онъ хочетъ заставить рабочихъ служить этому порядку не за страхъ, а за совѣсть. Средствомъ сдѣлать это кажется ему «гражданское» воспитаніе юношества. Это «гражданское» воспитаніе — дѣло весьма тонкое, тутъ насиліемъ ничего не сдѣлаешь. «Нитше однажды жаловался, — пишетъ Ферстеръ въ своей книгѣ «Христіанство и классовая борьба», — что изъ рабочихъ вообще сдѣлали какой-то «вопросъ», тогда какъ надо отдать себѣ отчетъ въ томъ, что всякая высшая культура должна быть построена на рабствѣ, въ той или иной

формѣ. Въ противовѣсъ такой точкѣ зрѣнія которую въ свое время не менѣе рѣзко выставлялъ и Трейчке, слѣдуетъ со всей энергіей подчеркнуть, что эта *господская мораль* (Herren moral) *стала технической невозможностью*. Высоко развитая, совмѣстная работа и квалифицированный трудъ обслуживанія сложныхъ машинъ вообще невыполнимы болѣе при помощи «рабскаго труда», т. к. у людей униженныхъ отсутствуютъ моральныя и духовныя качества, необходимыя для подобнаго рода кооперации» (стр. 175. «Христіанство и классовая борьба», Ф. В. Ферстера).

«Какъ извѣстно, — пишетъ онъ далѣе, — уничтоженіе рабства въ Соединенныхъ Штатахъ было вызвано требованіями техническаго прогресса. Переходъ отъ разведенія сахарнаго тростника къ разведенію хлопка требовалъ болѣе интенсивныхъ методовъ эксплоатации территоріи, и дѣлалъ все болѣе невозможной работу съ тупымъ и упрямымъ рабскимъ населеніемъ» (стр. 176, тамъ-же).

И Ферстеръ мечтаетъ о воспитаніи такого поколѣнія рабочихъ, которые не по принужденію, а по доброй волѣ будутъ служить капиталу. Понятное дѣло, что Ферстеръ отъ всей души привѣтствовалъ «лойяльность» вождей нѣмецкой соціалъ-демократіи, проявленную ими по отношенію къ германской имперіалистической буржуазіи. Вскорѣ послѣ 4-го августа Ферстеръ сталъ устраивать въ Берлинѣ лекціи, на которыя свозились старшіе ученики народныхъ школъ со всего Берлина. Имъ Ферстеръ въ популярной, доступной ихъ пониманію формѣ разсказывалъ, что теперь, когда нѣмецкая соціалъ-демократія отказалась отъ проповѣди классовой вражды и вполнѣ искренно стала проповѣдывать сотрудничество классовъ, она приблизилась къ христіанской точкѣ зрѣнія и заслуживаетъ всяческаго довѣрія.

Не менѣе энергично, чѣмъ Ф. В Ферстеръ и Кершенштейнеръ, проповѣдуетъ «гражданское воспитаніе» и Наторпъ. Это тоже крайне характерная фигура въ современной нѣмецкой педагогіи. И для него, какъ и для Ферстера и Кершенштейнера, государство является «единственнымъ мыслимымъ носителемъ общаго нравственнаго прогресса человѣчества». И его «гражданское воспитаніе» сводится къ воспитанію въ ученикахъ преклоненія предъ существующимъ нѣмецкимъ государствомъ. Наторпъ — кантіанецъ, излюбленная его область — этика.

Въ началѣ текущаго года рядъ нѣмецкихъ педагоговъ, въ томъ числѣ Наторпъ и Ф. В. Ферстеръ, выпустили воззваніе къ обществу, учителямъ и родителямъ, въ которомъ предостерегали отъ сѣянья сѣмянъ дикой ненависти къ врагамъ. Школа, — писали они, — играетъ немалую роль въ сѣяніи такой ненависти. Это воззваніе — аналогичное ему воззваніе выпустили во Франціи учителя департамента Сены — вызвало большое волненіе среди учителей. Начальство одного прусскаго округа (Франкфурта на Одерѣ) нашло даже нуж-

нымъ вступить въ полемику съ авторами воззванія: «За послѣднее время къ учителямъ и школѣ предъявляются требованія, чтобы они— изъ воспитательныхъ соображеній — противодѣйствовали распространенію и разжиганію взаимной ненависти между народами и работали на пользу будущаго примиренія народовъ. Этимъ, вытекающимъ изъ желанія всеобщаго братства народовъ и изъ международныхъ бредней о мирѣ, стремленіямъ не должно быть мѣста въ школѣ. Нѣмцы-де и такъ народъ миролюбивый.

Что нѣмецкая школа — и тутъ, какъ вездѣ, были, конечно, исключенія — разжигала въ дѣтяхъ ненависть къ врагамъ, фактъ слишкомъ общеизвѣстный. Это разжиганіе ненависти входило до извѣстной степени въ задачи германскаго правительства.

Довольно наивно поясняетъ это Густавъ Винекэнъ въ 4-мъ номерѣ «Международнаго Обозрѣнія» за текущій годъ.

«То, что для взрослаго пресса, то для подростающаго поколѣнія—школа. Общественное воспитаніе даетъ въ руки государства могучій рычагъ для направленія въ желательное для него русло общественнаго мнѣнія». И вотъ зная, какое могучее орудіе въ рукахъ государства школа, Винекэнъ предлагаетъ забавный, въ силу своей утопичности, планъ. «При будущихъ мирныхъ переговорахъ, я думаю, въ договоръ надо бы внести пунктъ, въ силу котораго государства обязались бы не возвеличивать войну, какъ таковую, запрещать всякую пропаганду войны въ общественныхъ школахъ и предписывали бы указывать на ужасы войны и говорить о ней, какъ о злѣ, которому надо противиться всѣми силами и не дозволять никоимъ образомъ разжиганія ненависти къ другимъ народамъ».

Если Винекэнъ обнаруживаетъ столь наивное представленіе о международныхъ договорахъ, то дальнѣйшій абзацъ его статьи показываетъ, что онъ совершенно правильно оцѣнилъ значеніе, которое придаетъ германское правительство вліянію школы въ дѣлѣ разжиганія ненависти къ врагу.

«Подобнаго рода регулированіе школьнаго дѣла должно неизбѣжно носить международный характеръ, — пишетъ Винекэнъ, — ибо иначе этическое государство было бы обойдено съ тылу государствомъ, ведущимъ беззастѣнчивую политику: это послѣднее будетъ располагать болѣе фанатизированной, а, слѣдовательно, и физически болѣе приспособленной къ войнѣ молодежью». Итакъ, германское юношество фанатизируется въ военныхъ цѣляхъ. Поэтому и нашло, вѣроятно, нужнымъ выступить съ контръ-воззрѣніемъ противъ воззванія Наторпа, Ферстера и другихъ правленіе прусскаго округа Франкфурта на Одерѣ.

Но и изъ среды учителей, даже передовой ихъ части, раздались протесты противъ Наторпа, проповѣдующаго не ко времени пацифизмъ. Къ числу недовольныхъ принадлежитъ и Тевсъ, знатокъ исторіи нѣмецкой школы, всего, что касается современной структуры

школы, ея организаціи, и являющійся однимъ изъ самыхъ талантливыхъ и энергичныхъ защитниковъ всеобщей единой школы» (Einheitsschule). Отъ обвиненій въ пацифизмѣ защищается Наторпъ въ № 2 «Международнаго Обозрѣнія» за текущій годъ. Онъ-де вовсе не пацифистъ, онъ считаетъ, что пацифизмъ переживаетъ сейчасъ тяжелый кризисъ. «Мы (пишетъ онъ про себя и Штамлера) всегда сожалѣли, что нѣмецъ хуже понимаетъ нѣмца, принадлежащаго къ другому классу общества, чѣмъ иноземца, принадлежащаго къ тому же классу, какъ и онъ; мы радуемся, что теперь это стало иначе. Ибо, хотя для насъ обоихъ дѣло человѣчества стоитъ выше дѣла націи, но лишь черезъ націю лежитъ путь къ человѣчеству». И вотъ Наторпъ заявляетъ: «Я повторяю теперь, какъ и раньше: война сама по себѣ, безусловно, безнравственна, но, какъ и прежде, добавляю: но надо оставаться вѣрнымъ государству до послѣдней капли крови (и тогда, когда оно ведетъ войну). Надо уподобиться Сократу, который, ради того, чтобы не ослушаться законовъ государства, отказался бѣжать изъ тюрьмы, чтобы спасти себѣ жизнь» (стр. 90).

* * *

Школа труда, будя интересъ ребенка, открываетъ его душу, его внутреннее «я» учителю. То, что недоступно было учителю съ розгой въ рукахъ, доступно учителю, рисующему, столярничающему съ дѣтьми, вмѣстѣ съ ними наблюдающему природу. Такой учитель завоевываетъ довѣріе ученика.

И тутъ приходятъ Кершенштейнеры, Ферстеры и Наторпы, овладѣваютъ душой ребенка и прочно закладываютъ въ немъ преклоненіе предъ существующимъ нѣмецкимъ государствомъ, приходятъ съ проповѣдью единства нѣмецкой націи. Во время войны трудовая школа явилась прекраснымъ орудіемъ милитаризаціи молодежи. Вся творческая работа дѣтей направлена въ военное русло. Дѣти строятъ въ школахъ траншеи, аэропланы, составляютъ планы мѣстностей, строятъ разные физическіе аппараты, употребляющіеся въ современной войнѣ, разыгрываютъ примѣрныя сраженія. Все это возбуждаетъ ихъ интересъ къ войнѣ, попутно воспитываетъ въ нихъ патріотическія чувства.

Однако, въ школѣ труда есть свои подводные камни.

200-тысячная армія нѣмецкихъ учителей отлично вышколена. Когда-то (до 48 года) народные учителя представляли изъ себя довольно революціонный элементъ. Въ настоящее время нѣмецкое учительство, въ общемъ и цѣломъ, вѣрно служитъ своему правительству; но такъ какъ и по происхожденію, и по роду занятій нѣмецкіе учителя близко стоятъ къ народнымъ массамъ, то демократическія тенденціи въ нихъ все же довольно живучи. Отъ соціалъ-демократіи они всегда отгараживались, хотя часто поддерживали ее въ ея чисто-демократическихъ требованіяхъ, но

зато они охотно идутъ за «прогрессивной народной партіей», которая представляетъ собою партію мелкобуржуазную, совершенно чуждую пониманія соціальныхъ отношеній.

И вотъ, когда былъ выдвинутъ лозунгъ трудовой школы, онъ вызвалъ сильное броженіе среди учителей. Нашлись учителя—вродѣ Шарельмана, Гансберга и др.—которые въ своей критикѣ существующей школы пошли гораздо дальше официальныхъ идеаловъ. Школѣ труда они ставили совершенно иныя задачи, чѣмъ Кершенштейнеръ. Органомъ, выражавшимъ наиболѣе полно эти взгляды, былъ издававшійся въ Гамбургѣ Шарельманомъ «Роландъ» (черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ начала войны онъ прекратилъ свое существованіе). Гамбургскіе учителя стремились осуществить эти взгляды на практикѣ. Нѣсколько болѣе свободныя, чѣмъ въ другихъ частяхъ Германіи, политическія условія Гамбурга дали возможность гамбургскимъ учителямъ развернуть свою дѣятельность. Они показали всей Германіи, чѣмъ можетъ стать школа труда.

Идеи Шарельмана, Гансберга и другихъ передовыхъ учителей нашли довольно широкій откликъ среди нѣмецкаго учительства, которое принялось проводить новые методы преподаванія въ жизнь. Но это оказалось не такъ-то легко. Учитель увидалъ, что онъ связанъ по рукамъ и ногамъ всей постановкой школьнаго дѣла. Программы, предписанія, мелочной надзоръ дали себя сразу же почувствовать. Въ рамкахъ существующей нѣмецкой школьной системы стало тѣсно индивидуальности учителя. Критика методовъ преподаванія перешла въ критику всей организаціи школьнаго дѣла.

Въ 1912 г. на съѣздѣ нѣмецкихъ учителей въ Берлинѣ (на съѣздѣ присутствовало 8 тыс. учителей) была принята резолюція по вопросу о трудовой школѣ. Пунктъ 4-й этой резолюціи гласитъ: «Собраніе нѣмецкихъ учителей указываетъ особенно настоятельно на то, что реформаторскія идеи, входящія въ понятіе «трудовая школа», тогда только могутъ изъ идей превратиться въ дѣйствительность, если учителю будетъ предоставлена большая самостоятельность въ опредѣленіи объема, выбора, распредѣленія и трактованія учебнаго матеріала. Поэтому собраніе требуетъ устраненія бюрократической системы надзора, которая ставитъ непреодолимыя препятствія индивидуальной педагогической работѣ».

Въ борьбѣ противъ старой школы учебное дѣло шло, по словамъ Гансберга, о борьбѣ за духовную свободу. «Развѣ стоило бы изъ-за лѣпки ставить на карту все существованіе, — пишетъ онъ въ своей прекрасной книгѣ «Демократическая Педагогика», — развѣ Гурлитъ, Шарельманъ, Хольцмейстеръ были выброшены на улицу изъ-за пластилины и работы изъ проволоки! Школьная реформа была борьбой за свободу; она была борьбой за освобожденіе школы отъ гнета традиціи и авторитета, борьбой за самостоятельность учителя и права ребенка».

Трудовая школа способствуетъ выявленію дарованій. Но что же дѣлать съ этими выявившимися талантами? Какъ только трудовая школа изъ области теоріи стала переходить въ область практики, ужасно остро почувствовалось, что этимъ талантамъ, этимъ дарованіямъ некуда податься, что имъ заказаны всѣ пути. На германской школьной системѣ лежитъ яркая печать сословности. Германская народная школа — не американская школа, гдѣ на одной скамьѣ сидитъ и сынъ президента, и сынъ поденщика. Германская народная школа — школа для низшихъ сословій. Болѣе богатые люди отдаютъ своихъ дѣтей въ платныя народныя школы. Тамъ ихъ дѣти избавлены отъ общенія съ ребятами, говорящими на плать-дейчъ, безпризорно скитающимися по улицѣ потому, что ихъ мать работаетъ на фабрикѣ, болѣющими всякими заразными болѣзнями, которыя такъ охотно вьютъ свои очаги въ скученныхъ нездоровыхъ жилищахъ, гдѣ ютится бѣднота. Холеныя дѣти отгорожены стѣнами платной школы отъ голодныхъ, болѣющихъ, заброшенныхъ дѣтей пролетарія. Какъ рѣдко попадаютъ дѣти привилегированныхъ сословій въ народную школу, показываютъ, напримѣръ, воспоминанія одного народнаго учителя. Онъ вспоминаетъ, какъ въ то время, когда онъ самъ еще былъ ученикомъ, къ нимъ въ школу поступила чистенькая, изящно одѣтая дочка инспектора, разсказываетъ, съ какимъ удивленіемъ и обожаніемъ смотрѣли всѣ ученики и ученицы на эту маленькую, попавшую къ нимъ, благодаря чудачеству ея отца, фею. Видно, очень ужъ рѣдкіе гости дѣти привилегированныхъ сословій въ народной школѣ! Кромѣ платныхъ школъ, для дѣтей богатыхъ родителей существуютъ еще такъ называемыя подготовительныя школы (Vorschulen) куда дѣти поступаютъ шести лѣтъ и откуда черезъ три года ихъ безъ экзамена переводятъ въ среднія (höher) школы. Въ этихъ подготовительныхъ школахъ сравнительно высокая плата, болѣе дорогіе учебники. Въ большинствѣ нѣмецкихъ государствъ въ среднюю школу трудно попасть иначе, какъ черезъ подготовительную школу. Ученики подготовительныхъ школъ занимаютъ всѣ свободныя вакансіи средней школы. Ученикъ изъ народной школы, желающій поступить въ среднюю школу, во-первыхъ, натыкается на отсутствіе вакансій, а, во-вторыхъ, долженъ многому переучиваться заново, такъ какъ программы подготовительныхъ и народныхъ школъ различны, различны учебники и пр. Нужна спеціальная подготовка къ экзамену, надо брать учителя. Если сыну зажиточнаго человѣка, живущему въ какомъ-нибудь глухомъ мѣстечкѣ, гдѣ нѣтъ подготовительной школы, и удается при помощи учителя подготовиться въ среднее учебное заведеніе, то бѣдному ученику народной школы это весьма и весьма мудрено. Среднія учебныя заведенія переполнены, такъ какъ окончаніе ихъ даетъ привилегію по отбыванію воинской повинности (сводитъ военную службу къ одному году), а въ высшія учебныя заведенія путь лежитъ черезъ среднюю школу. И выходитъ, что народная

школа — тупикъ, что ученикъ, вступая въ нее, обреченъ уже на то, чтобы его образованіе ограничилось тѣми убогими, фальсифицированными знаніями, которыя даетъ ему эта школа, цѣль которой воспитать исполнительнаго, послушнаго рабочаго. «Создавъ подготовительныя школы, государство и община создали прямой и краткій путь для немногихъ тысячъ. А для безчисленныхъ милліоновъ осталось пространство безъ всякихъ соединительныхъ путей. Представьте себѣ такое положеніе въ области желѣзнодорожнаго движенія! Оно прямо было бы немыслимо!» — пишетъ Тевсъ въ «Педагогической Газетѣ» отъ 31 августа текущаго года.

И вотъ, когда война съ особенной настоятельностью поставила вопросъ о необходимости въ интересахъ промышленнаго развитія открыть дорогу талантамъ и дарованіямъ, стало ясно, что на пути этихъ безчисленныхъ талантовъ и дарованій, кроющихся въ нѣдрахъ народныхъ массъ, стоитъ сословный характеръ германской школы.

Поднятъ былъ вопросъ о необходимости коренной реформы въ этомъ направленіи. Вопросъ объ единой всеобщей школѣ (Einheits—schule) сталъ злобою дня.

Тевсъ, недавно выпустившій брошюру объ единой всеобщей школѣ, написанную имъ по порученію нѣмецкаго учительскаго союза, такъ формулируетъ это требованіе: «Прямая дорога отъ дѣтскаго сада до высшей школы, прямая дорога отъ послѣдней деревенской школы къ университету и точно также, что еще важнѣе, но что часто не достаточно подчеркивается, ко всѣмъ среднимъ и высшимъ спеціальнымъ учебнымъ заведеніямъ. Это требованіе наилучшаго, самаго подходящаго школьнаго пути для всѣхъ! — Никакихъ тупиковъ!»

Профессоръ Рейнъ въ газетѣ «День» (Tag) конкретизируетъ это требованіе. «Такъ называемыя подготовительныя школы, въ которыя дѣти поступаютъ въ шестилѣтнемъ возрастѣ, являются школами сословными. При пріемѣ дѣтей вопросъ о дарованіи не играетъ никакой роли. Это первый камень преткновенія, который долженъ быть устраненъ. Онъ устраняется требованіемъ единой національной школы, которое состоитъ въ томъ, чтобы для дѣтей всего народа создать общую основную школу, которая будетъ въ элементарной формѣ узнавать и развивать душевныя силы дѣтей. Такое учрежденіе уже существуетъ въ южной Германіи и въ провинціи Вестфаліи, гдѣ нѣтъ подготовительныхъ школъ, но гдѣ такая общая школа ограничивается 3—4 годами. Я считаю такой срокъ слишкомъ короткимъ, чтобы составить представленіе о дарованіи, и поэтому возобновляю старое требованіе Амоса Каменскаго, который, какъ извѣстно, въ своей «Великой дидактикѣ» въ основу школьной организаціи кладетъ шестилѣтнюю нѣмецкую школу».

Съ лозунгомъ единой всеобщей школы вышло то же, что и съ лозунгомъ трудовой школы. Этотъ лозунгъ вызвалъ къ жизни демо-

кратическіе инстинкты народнаго учителя. Въ лозунгѣ единой всеобщей школы значительная часть учительства увидѣла начало демократизаціи всего школьнаго дѣла. Принявъ за чистую монету призывъ къ національной солидарности, масса учителей сдѣлала изъ него логическій, хотя непріемлемый для высшихъ сословій Германіи, выводъ: внутри націи должны быть сломлены всѣ сословныя и классовыя перегородки, должны быть отмѣнены всѣ сословныя и классовыя привилегіи, не должно быть гражданъ перваго и второго разряда. Язвы современной организаціи школьнаго дѣла въ Германіи были безпощадно вскрыты.

Офиціальные педагоги, какъ вѣрно отмѣчаетъ католическій «Маякъ» («Phrus»), стараются свести теперь все дѣло къ устраненію подготовительныхъ школъ. Это имъ, однако, плохо удается. Вопросъ сталъ слишкомъ остро. Тевсъ въ «Нѣмецкой Школѣ» жалуется, что консерваторы и соціалъ-демократы вносятъ въ вопросъ слишкомъ много «политики», совершенно, по его мнѣнію, ненужной. Но поскольку этотъ вопросъ изъ вопроса о доступѣ къ образованію даровитыхъ учениковъ превратился въ вопросъ о доступѣ къ образованію низшихъ сословій вообще, онъ принялъ политическій характеръ, и понятно, что вокругъ него разгораются и политическія страсти. Всѣ политическія партіи заняли по отношенію къ вопросу о всеобщей единой школѣ опредѣленную позицію.

14—17 марта текущаго года этотъ вопросъ обсуждался въ прусскомъ ландтагѣ. Соціалъ-демократы внесли слѣдующее предложеніе: «Палата постановляетъ обратиться къ королевскому правительству съ ходатайствомъ о выработкѣ въ ближайшемъ будущемъ законопроекта о регулированіи школьнаго дѣла на основѣ принциповъ единства, безплатности и свѣтскости, и на основѣ данныхъ современной научной педагогики».

Въ отвѣтъ на это предложеніе министръ народнаго просвѣщенія, д-ръ фонъ Тротть-цу-Зольцъ, заявилъ: «Въ такой формѣ предложеніе представляетъ собою въ области школьнаго дѣла наиболѣе радикальное рѣшеніе, каковое — мнѣ нѣтъ надобности на этомъ останавливаться — совершенно непріемлемо для королевскаго правительства».

Въ томъ-же духѣ высказался и баварскій министръ народнаго просвѣщенія, д-ръ фонъ Книллингъ, въ засѣданіи баварской палаты депутатовъ отъ 31 марта 1916 года.

Консерваторы находятъ, что въ современной школьной системѣ ничего мѣнять не слѣдуетъ. Если она предоставляетъ имущимъ классамъ привилегіи въ отношеніи доступа къ образованію, то это такъ и должно быть. Среди имущихъ классовъ гораздо больше талантовъ и дарованій, чѣмъ среди низшихъ сословій. Во время преній 14—17 марта въ прусскомъ ландтагѣ слово взялъ, между прочимъ, консервативный депутатъ, фонъ деръ Остенъ. Слова «всеоб-

щая единая школа» можно бы замѣнить словами: «уравнительная школа». Самое понятіе «единая всеобщая школа» весьма спорно. Однако, послѣдуйте за мною въ эту область. Дѣйствительно-ли желателенъ и соотвѣтствуетъ исторической тенденціи переходъ отъ многосложности явленій къ упрощенію и уравненію всѣхъ вещей въ человѣческой жизни? Мнѣ кажется, исторія движется въ обратномъ направленіи. Всякая культура ведетъ къ растущей дифференціаціи въ человѣческой средѣ...

... Мои политическіе единомышленники болѣе, чѣмъ кто либо, всегда желали, чтобы молодымъ людямъ всѣхъ сословій была дана возможность подняться по общественной лѣстницѣ, и мы ясно сознаемъ, что обязанность государства ставить во главѣ людей способныхъ. Но распространять это требованіе не только на способныхъ молодыхъ людей, но на всѣхъ молодыхъ людей, значило бы только затруднять отборъ наиболѣе способныхъ».

Центръ также отрицательно относится къ лозунгу единой всеобщей школы. Совершенно непріемлемо для него устраненіе дѣленія школъ по вѣроисповѣданіямъ. Въ этомъ онъ видитъ покушеніе на вліяніе католической церкви. Также непріемлемымъ считаетъ онъ и упраздненіе частныхъ школъ, въ которыхъ пустило такіе глубокіе корни католическое духовенство. Это кажется центру посягательствомъ на свободу совѣсти, права родителей и на права собственности.

Въ августовской книжкѣ «Нѣмецкой Школы» Тевсъ старается успокоить центръ. «Требованіе всеобщей единой школы является требованіемъ отмѣны *государственныхъ* сословныхъ школъ и различныхъ школъ для дѣтей разныхъ вѣроисповѣданій. Вопросъ о томъ, могутъ-ли родители на свой счетъ создавать частныя школы для дѣтей, является вопросомъ второстепеннымъ. Со стороны государства было бы ни на чемъ неосновательнымъ произвольнымъ ограниченіемъ гражданскихъ правъ, если-бы богатымъ людямъ, которымъ разрѣшается пользоваться болѣе удобными путями сообщенія, посѣщать дорогіе концерты и выставки, ѣсть дорогія кушанья, пить дорогія вина и т. д., было запрещено предоставлять своимъ дѣтямъ всѣ доступныя имъ средства воспитанія. Нельзя отрицать, что при этомъ у богатыхъ останутся извѣстныя преимущества. Но если не желать этого, надо вообще отмѣнить частную собственность. Существованіе частныхъ школъ допускается, но государство ставитъ себѣ цѣлью дать одинаковый доступъ къ образованію всѣмъ. Для каждой отрасли образованія государство создаетъ лишь одинъ родъ школъ, а не создаетъ всякаго рода свободныхъ, платныхъ, подготовительныхъ и другихъ сословныхъ школъ. Всеобщая единая школа устраняетъ лишь препятствія для бѣдныхъ въ отношеніи пользованія болѣе высокими ступенями образованія. Остальное остается все по старому».

Центръ ведетъ очень энергичную агитацію противъ всеобщей единой школы. Для популярности съ церковной кафедры они называютъ ее иногда «бѣсовской» школой. Нѣмецкое учительство надѣется, что правящіе классы Германіи смогутъ осуществить преобразованіе сословной, классовой школы въ школу демократическую, дающую доступъ ко всѣмъ ступенямъ образованія каждому члену нѣмецкой націи. Въ этой иллюзіи поддерживаютъ ихъ и «прогрессивная народная партія» и Хемницкій «Народный Голосъ», видящій въ демократическихъ рѣчахъ Бетмана-Гольвега какую-то новую оріентацію. Оріентація весьма старая, направленная къ тому, чтобы одурачить народныя массы, наобѣщавъ съ три короба и не давъ ничего существеннаго. Этому одураченію усердно помогаетъ и «прогрессивная народная партія» и теперешнее большинство нѣмецкой соціалъ-демократической партіи. Какъ показываютъ приведенныя рѣчи министровъ, какъ показываетъ позиція, занятая консерваторами, центромъ и національ-либералами по вопросу о всеобщей единой школѣ правящіе классы не собираются даже предпринимать какихъ либо существенныхъ измѣненій въ теперешней постановкѣ школьнаго образованія.

Современной Германіи не подъ силу осуществить ту реформу школьнаго дѣла, которая диктуется ей ходомъ экономическаго развитія.

Для этого нужны иныя движущія силы.

Н. Крупская.

МАНИФЕСТЪ ИТАЛЬЯНСКИХЪ СОЦІАЛИСТОВЪ.

(Письмо изъ Рима).

Итальянская патріотическая печать и благомыслящая общественность пытается держать себя по поводу русскихъ событій именинницей, — если оставить, разумѣется, въ сторонѣ безсмысленно - клеветническіе выпады противъ «демагоговъ». Лицамъ, слѣдившимъ за этой печатью все время войны, не могло, конечно, не броситься въ глаза, что ею именины эти празднуются и на Антона и на Онуфрія: умиляться въ теченіе тридцати слишкомъ мѣсяцевъ «мистической» преданностью, которую «mujik» питаетъ къ своему «piccolo padre» (батюшкѣ-царю), твердить о священномъ патріотическомъ единеніи царя и народа, уповать на то, что «великодушный русскій монархъ» выручитъ западныя немократіи, уничтоживъ прусскій милитаризмъ, а потомъ, ничтоже сумняшеся, привѣтствовать въ тѣхъ же цѣляхъ отреченіе этого «батюшки», утверждать, что теперь пойдетъ ужъ музыка не та, — согласитесь, это такая «невозможность въ дѣйствіи»-

какую и во снѣ не видалъ бѣдный гидро- и пиротехникъ Капитонъ Ивановъ...

«Но невозможное возможно», и неунывающіе журналисты съ самымъ побѣдоноснымъ видомъ говорятъ своимъ антипатріотическимъ соціалистамъ:—«А что? Мы всегда говорили, что эта война—революціонная война. Исторія показала, что мы были правы...». Напрасно бѣдные соціалисты пытались скромно напомнить, что «мы говорили» совершенно другое, что символомъ вѣры всяческаго патріотизма является union sacrée, а отнюдь не революція, въ согласіи съ чѣмъ вся союзная печать позорно замалчивала всѣ преступленія царизма, малѣйшее указаніе на которыя разсматривалось ею, какъ нѣмецкая интрига; напрасно напоминали соціалисты, что «мы», правда, «говорили» о демократизаціи Россіи, — но лишь въ результатѣ пораженія «прусскаго милитаризма», «единственнаго центра европейской реакціи», причемъ «демократизація» эта разсматривалась, какъ актъ великодушія великодушнѣйшаго царя, дарующаго милости заслужившимъ сіе добропорядочнымъ поведеніемъ подданнымъ...

Никогда еще, быть можетъ, съ самаго начала войны съ такой рельефной жуткостью не проступало все убожество, вся нищета отдавшей себя всецѣло на услуженіе союзнымъ генеральнымъ штабамъ мысли. Такія колоссальныя историческія явленія, какъ Русская Революція и появленіе Америки на горизонтѣ обезкровленной Европы, казалось, должны бы заставить задуматься, если не одуматься, — и самыя легкомысленныя головы. Какое тамъ! Надоѣвшая до тошноты шарманка попрежнему оглашаетъ отравленный воздухъ наигранными мотивами, въ которыхъ грозные звуки «Марсельезы» переплетены съ пошленькимъ треньканьемъ «Mein lieber Augustin»...

— Русская революція? Ладно! Теперь «темныя силы» устранены, «нѣмецкимъ интригамъ» и «саботажу» конецъ! Черезъ недѣлю сдѣлавшій для войны и побѣды революцію «бѣлый медвѣдь» грозно двинется на врага! Ура! Громъ побѣды раздавайся!

— Вступленіе Америки! Урр-аа! Деньжищъ-то сколько, батюшки! Мы получимъ 5 милліардовъ, 10 милліардовъ, 50 милліардовъ! А оружія, амуниціи? А флотъ? Экспедиція въ Европу изъ полумилліона! Двухъ милліоновъ! Пяти милліоновъ! Наше дѣло въ шляпѣ! Громъ побѣды раздавайся!!!

Напрасно стали бы вы искать здѣсь попытокъ анализа этихъ грандіозныхъ событій, уразумѣнія ихъ мірового и всечеловѣческаго значенія, пониманія, что исторія раскрыла передъ нами новую страницу, что отблески новой зари проступили на зловѣщемъ ликѣ современности: увы! — вся «философія исторіи» свелась къ исчисленію штыковъ и золота, къ трактирнымъ проектамъ побѣдъ и одолѣній, все плоско и пошло, какъ стертый мѣдный пятакъ!..

Только тѣ, кому отказываютъ теперь въ правахъ политическаго гражданства, кто третируется въ лучшемъ случаѣ, какъ «семплицисты» и «догматики» (если не «нѣмецкіе агенты»),— только соціалисты пытаются отдать себѣ серьезный и глубокій

отчетъ въ происшедшемъ. Мы не будемъ здѣсь останавливаться на многочисленныхъ статьяхъ, публичныхъ выступленіяхъ, парламентскихъ рѣчахъ, посвященныхъ итальянскими соціалистами событіямъ послѣднихъ 6 недѣль. Передъ нами документъ, суммирующій ихъ воззрѣнія по этому поводу: манифестъ «къ соціалистамъ всѣхъ странъ», выработанный въ Миланѣ 12 апр. н. ст. на совмѣстномъ собраніи представителей дирекціи партіи, Парламентской Группы и Генеральной Конфедераціи Труда.

Съ содержаніемъ этого документа мы считаемъ необходимымъ ознакомить читателей. Авторы манифеста начинаютъ съ указанія, что событія величайшей важности, произошедшія за послѣднія недѣли, вынуждаютъ ихъ къ тому, чтобы подѣлиться своими впечатлѣніями съ представителями пролетарскаго движенія другихъ странъ. Дѣлаютъ это они тѣмъ охотнѣе, что событія эти неоспоримымъ образомъ подтверждаютъ ихъ антивоенные тезисы и тѣ принципы разрѣшенія конфликта, которые были провозглашены въ Циммервальдѣ, — наперекоръ и къ замѣшательству всѣхъ тѣхъ, кто пытался въ «націи» удушить «классъ» и навязать человѣчеству цѣли капиталистическаго имперіализма. Манифестъ, прежде всего, констатируетъ, что война обнаружила свое полное безсиліе чисто техническими средствами, т. е. путемъ внѣшняго взаимнаго насилія, — измѣнить отношенія между государствами и націями: война изъ «наступательной» или «защитной» давно уже превратилась въ войну на взаимоизнуреніе и экономическое истощеніе. Теперь уже вполнѣ ясно, что при предстоящемъ подведеніи счетовъ всѣ государства, — въ большей или меньшей мѣрѣ отвѣтственныя за провокацію войны безпрерывнымъ ростомъ вооруженій и имперіалистскимъ хищничествомъ, — должны будутъ признать свое пораженіе. Возникшая для усиленія и защиты соперничающихъ гегемоній, война начинаетъ выливаться въ ихъ взаимное отрицаніе и истребленіе... Тѣ только что произошедшія рѣшительныя явленія, которыя поверхностнымъ наблюдателямъ кажутся послѣдствіемъ и оправданіемъ войны, въ дѣйствительности являются ея опроверженіемъ и осужденіемъ. Они связаны съ войной, какъ возвращающееся здоровье связано съ болѣзнью, ему предшествовавшей... Черезъ огромное море крови, черезъ долгій періодъ возврата неслыханнаго варварства, цивилизація приходитъ къ тому установленію и равновѣсію жизненныхъ силъ, которыя наступили бы и безъ войны, противъ войны, и которыя въ дѣйствительности предвѣщаютъ и приближаютъ конецъ войны. Этому возстановленію жизни война содѣйствовала лишь путемъ собственнаго краха... Если-бъ война достигла тѣхъ цѣлей, которыя были въ надеждахъ одной или другой изъ воюющихъ сторонъ, — то было бы отдалено и затруднено соціально - политическое возрожденіе Россіи, точно также не было бы возможно и вмѣшательство Америки. Тотъ и другой факты вмѣсто того, чтобы явиться результатами войны такой, какъ она была желаема, т. е. *побѣды*, — являются результатомъ крушенія войны, ея пораженія: ни одной страны, или государства, или арміи, а

всѣхъ странъ, государствъ, арміи, — пораженія не воюющихъ народовъ, а самой войны.

Петроградская революція положила конецъ имперіалистскимъ вожделѣніямъ Россіи, и война продолжаетъ тамъ существовать, какъ простая защита территоріи и еще больше—новозавоеванной свободы отъ оккупаціи и возможнаго реставраціоннаго вторженія нѣмцевъ. Внутренняя свобода Россіи обезпечиваетъ свободу и независимость балканскихъ народовъ и интернаціонализацію Босфора. Для Центральныхъ Имперій исчезаетъ одна изъ крупнѣйшихъ предлоговъ утверждать, что онѣ борются за свою экономическую независимость. Точно также рушатся договоры, связывавшіе союзниковъ съ царистскимъ имперіализмомъ, и облегченное созданіе Юго-Славіи ослабляетъ защитныя требованія Италіи на право исключительнаго обладанія Адріатическимъ моремъ. Съ другой стороны, въ то время какъ усталость и тщетность войны выбиваетъ почву изъ-подъ ногъ у завоевательныхъ вожделѣній всѣхъ участвующихъ въ конфликтѣ державъ, и берлинскій Кайзеръ болѣе или менѣе искренними, но весьма симптоматичными уступками выпрашиваетъ индульгенцію у своего народа, — американское вступленіе пытается гарантировать нужную всѣмъ народамъ свободу морей, разбивая или сдерживая англійскую монополію...

Въ виду всего этого можно смѣло сказать, что главныя причины, поддерживавшія войну, уже рухнули, и она держится теперь лишь силами инерціи или изъ необходимости ликвидировать оккупаціи и сдѣлать дѣйствительнымъ все то, что уже завоевано въ отношеніяхъ между націями. На мѣстѣ двухъ контрастирующихъ имперіалистскихъ группировокъ: британо - русской и германской, передъ нами союзъ государствъ, надъ которыми господствуетъ обновляющій и демократическій русско - американскій духъ—противъ ослабленной и опустошенной автократіи...

Передъ интернаціональнымъ пролетаріатомъ встаетъ въ первую голову обязанность бороться внутри каждой національной границы за скорѣйшее наступленіе мира—мира, который долженъ явиться, въ виду все растущей сознательной силы пролетаріевъ и ихъ мірового соглашенія, рѣшительнымъ миромъ, союзникомъ справедливости и свободы народовъ. Разоруженіе, конфедерація народовъ, арбитражъ, замѣняющій войну, войдутъ, наконецъ, въ исторію, если только пролетаріатъ будетъ сознавать свою мощь и историческую миссію.

Отмѣчая организацію русскими революціонными соціалистами Комиссіи Иностранныхъ Дѣлъ для вхожденія въ контактъ съ пролетаріатомъ враждебныхъ націй, авторы манифеста говорятъ:

«Пролетаріи, которые были еще безсильны воспрепятствовать возникновенію войны, берутъ теперь въ свои руки дѣло ея разрѣшенія». И далѣе: «Нѣтъ, не будетъ больше возможно западнѣ капитализмовъ захватывать и увлекать за собой важнѣйшія секціи пролетарскаго Интернаціонала! Этотъ страшный опытъ крови, безумія, преступленія и разочарованія не можетъ

пройти напрасно мимо насъ. Интернаціоналъ, о которомъ говорили, какъ о мертвецѣ, — вотъ онъ, величественно оживаетъ, готовый произнести въ агонизирующемъ конфликтѣ послѣднее и истинное слово!»

Заканчивается манифестъ указаніемъ, что послѣ прекращенія борьбы между народами останется послѣдняя великая «міровая борьба классовъ за свободу и равенство», — и этой борьбѣ лишь улыбается торжество. «Съ этой вѣрой, съ этими пожеланіями, Итальянская Соціалистическая Партія предлагаетъ братьямъ всѣхъ земель собственное сотрудничество и ждетъ отъ нихъ рѣшительнаго обмѣна мнѣніями («ricambio»). Да здравствуетъ новый Интернаціоналъ пролетаріевъ и народовъ!»

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе документа, въ конспективной формѣ излагающаго мнѣніе соціалистическихъ массъ Италіи о настоящемъ моментѣ. Не всѣ положенія, высказанныя въ манифестѣ, могутъ раздѣляться интернаціональными соціалистами — не мало критическихъ возраженій можетъ вызвать, напримѣръ, упорно проводимая русско - американская параллель со всѣми ея выводами, — но за всѣмъ тѣмъ передъ нами продуктъ серьезно - работающей критической мысли сознающихъ свою отвѣтственность передъ международнымъ и національнымъ пролетаріатомъ соціалистовъ...

Раф. Григорьевъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНІЕ И РЕВОЛЮЦІЯ.

Великая русская революція на своемъ побѣдномъ пути разбила тяжелыя цѣпи, сковывавшія пролетаріатъ, освободила его и кореннымъ образомъ измѣнила отношенія между трудомъ и капиталомъ.

Въ условіяхъ русской жизни эти отношенія складывались вообще нѣсколько иначе, чѣмъ въ Западной Европѣ: они выростали изъ крѣпостнической атмосферы и сохраняли традиціи крѣпостничества. Сравнительно недавно ушло въ область прошлаго и само крѣпостное право, и не такъ скоро и легко можно было изжить его наслѣдіе.

Заводы и фабрики возникали въ Россіи задолго еще до освобожденія крестьянъ. Тамъ работали крѣпостные и, разумѣется, отношенія создавались иныя, чѣмъ на заводахъ и фабрикахъ Западной Европы, не знавшей крѣпостничества и развивавшей свою промышленность въ свободныхъ отношеніяхъ; въ Россіи не было какого-либо перехода отъ крѣпостничества къ капитализму, который можетъ развиваться только при свободномъ трудѣ. Промышленность въ Россіи начала развиваться еще въ эпоху крѣпостного права, и это надолго наложило на нее свою печать: на заводахъ, на рудникахъ, во всевозможныхъ промышленныхъ заведеніяхъ на долгое время сохранились традиціи былого рабства. Слишкомъ трудно было хозяевамъ, еще вчера имѣвшимъ дѣло съ рабами-крѣпостными, сегодня говорить съ ними другимъ языкомъ, какъ съ свободными людьми. Въ психологію обѣихъ сторонъ освобожденіе крестьянъ внесло мало новаго: въ громадномъ большинствѣ она осталась прежней. Крестьянство Руси на бумагѣ получило гражданскія права, но фактически и послѣ реформы 1864 года осталось въ томъ же безправномъ положеніи, какъ и до нея. Полицейско-бюрократическое государство постаралось съ своей стороны сдѣлать все, чтобы задержать свободное развитіе освобожденнаго народа. Стоявшее до сихъ поръ за права и власть помѣщика, защищавшее всѣми силами его интересы, оно перенесло теперь свое попеченіе на неокрѣпшую еще силу фабрикантовъ и промышленниковъ. Существовавшія на этихъ фабрикахъ условія были чрезвычайно тяжелы: промышленники-капиталисты стараго закала закрѣпляли рабочихъ въ своихъ рукахъ, привязывая ихъ къ предпріятію, что при тогдашнихъ условіяхъ—темнотѣ массъ, отсутствію путей сообщенія и пр., представлялось совсѣмъ нетрудной задачей. Не существовало никакихъ законныхъ нормъ рабочаго дня, заработки были необычайно низки... Совершенно такія же усло-

вія существовали и въ многочисленныхъ промышленныхъ заведеніяхъ, развивавшихся изъ мелкихъ кустарныхъ предпріятій. Хозяинъ такого предпріятія или директоръ фабрики былъ для нихъ абсолютно всѣмъ и высоко стоялъ надъ рабочей массой, едва осмѣливавшейся протестовать противъ своего безправнаго положенія.

Однако, понемногу жизнь брала свое: пробуждалась мысль, постепенно расшатывались крѣпкіе устои прошлаго. Умственная работа среди пролетаріата пошла значительно скорѣе и дальше, чѣмъ въ средѣ другихъ слоевъ населенія, въ частности,крестьянства. Пролетаріатъ проснулся раньше крестьянскихъ массъ и сталъ предъявлять къ жизни опредѣленныя требованія. И все-таки еще долгія десятилѣтія русскій рабочій оставался столь же безправнымъ, какъ и всякій другой обыватель безпредѣльной страны деспотизма. Умственный ростъ пролетаріата, его запросы и стремленія долгое время оставались чуждыми обществу: оно не замѣчало ихъ, не удѣляло этому сложному и интересному процессу должнаго вниманія, продолжая смотрѣть на рабочихъ, какъ на темную массу, лишенную какихъ-либо душевныхъ запросовъ. Еще болѣе близоруки были въ этомъ вопросѣ промышленники, попрежнему видѣвшіе въ рабочихъ только рабовъ... И промышленники и государство смотрѣли на начинавшееся рабочее движеніе, какъ на нѣчто наносное и скоропреходящее, вызванное агитаціей «преступныхъ элементовъ», не умѣя и не желая видѣть духовнаго и умственнаго роста рабочихъ массъ. Въ этомъ отношеніи они были такъ же близоруки, какъ правители и промышленники всего міра...

А между тѣмъ, жизнь вносила все болѣе серьезныя измѣненія во взаимоотношенія труда и капитала. Внѣшне все, какъ будто, оставалось по старому, единая власть хозяина по прежнему управляла заводомъ, самодержавно диктуя свою волю и требуя безпрекословнаго исполненія ея и слѣпого подчиненія себѣ со стороны рабочихъ. Въ 1905 году первый разъ заколебалась эта хозяйская твердыня, но это продолжалось не долго.... Промышленники быстро справились съ охватившей ихъ въ первую минуту растерянностью. При помощи локаутовъ и при содѣйствіи правительства они быстро смирили и привели къ покорности рабочія массы. Нечего и говорить, что въ слѣдующіе годы положеніе рабочихъ стало еще тяжелѣе. Но движеніе не умерло, оно только ушло въ подполье и тамъ продолжала развиваться пролетарская мысль, расти пролетарское сознаніе.

За истекшее десятилѣтіе рабочій классъ въ цѣломъ значительно выросъ и окрѣпъ. Плоды этой упорной и незамѣтной работы сказались теперь въ процессѣ революціи и послѣ ея побѣды. За десятилѣтній періодъ послѣ 1905 года отношенія между рабочими массами и промышленниками оставляли желать весьма многаго. Въ первое время послѣ 17-го октября испуганные движеніемъ промышленники пошли на нѣкоторыя уступки, но очень скоро вернулись къ старымъ порядкамъ. А между тѣмъ то, что жизнь шла впередъ и отношенія не могли оставаться преж-

ними,—стало ясно даже самодержавному правительству Романовыхъ. Министерство торговли и промышленности, которому были подчинены фабрики и заводы, должно было, наконецъ, признать, что для управленія сложной жизнью заводовъ необходимо извѣстное соглашеніе съ рабочими, ихъ содѣйствіе, или по крайней мѣрѣ, нѣкоторый контактъ съ ними, что одной силы здѣсь мало. Въ 1902—1903 году въ министерствѣ было разработано положеніе о заводскихъ старостахъ, которые являлись рабочимъ представительствомъ. Однако, этому «положенію» не суждено было войти въ жизнь. Согласно ему рабочіе были поставлены подъ такой бдительный надзоръ промышленниковъ, администраторовъ всѣхъ ранговъ и охранки, такъ ограничены во всѣхъ правахъ, что не могли согласиться на такую пародію представительства. Этимъ проектомъ предполагалось и утвержденіе выборныхъ владѣльцемъ или директоромъ предпріятія, и согласіе на выборы мѣстныхъ властей, и возрастной цензъ, и продолжительное пребываніе на заводѣ и пр. Словомъ, здѣсь было все, чтобы сдѣлать этотъ проектъ непріемлемымъ для рабочихъ. Пролетаріатъ прошелъ мимо него, какъ бы чувствуя приближенія народной бури... Потомъ пришли годы лихолѣтья, когда никому и въ голову не приходило вернуться къ забытому проекту. О немъ снова вспомнили въ 1916 году. Къ этому времени отношенія сложились для рабочихъ значительно благопріятнѣе: въ связи съ воиной заводы разрослись до грандіозныхъ размѣровъ, нѣкоторые изъ нихъ по количеству занятыхъ рабочихъ увеличились на 200—300 % и, естественно, настоятельной потребностью стали кой-какіе коррективы во взаимоотношеніяхъ, такъ какъ править «самодержавно» не представлялось возможнымъ. Въ этихъ условіяхъ промышленники вспомнили о заводскихъ старостахъ, тѣмъ болѣе, что подъ рукой была рабочая группа военно-промышленнаго комитета, съ помощью которой они надѣялись провести эту мѣру.

Пока шли разговоры объ институтѣ старостъ и пока промышленники на всякій случай затягивали его практическое осуществленіе, пришла великая Россійская Революція и смела всѣ ихъ предположенія, создавъ новыя формы жизни.

Въ проектѣ рабочей группы военно-промышленнаго комитета объ институтѣ старостъ сохранены нѣкоторыя черты стараго проекта: такъ, оставленъ возрастной и служебный цензъ, значительно сокращавшій контингентъ организующихся рабочихъ. Въ томъ же проектѣ, который выдвинутъ уже во время революціи, нѣтъ и тѣни этихъ ограниченій. Заводскіе коллективы или совѣты старостъ по этому проекту выбираются всѣми рабочими даннаго завода, безъ различія возраста, пола и времени пребыванія на заводѣ. Это—чисто демократическія организаціи, пользующіяся широкимъ самоуправленіемъ. Ихъ вѣдѣнію подлежитъ вся сложная заводская жизнь. Они вырабатываютъ минимумъ оплаты труда, регулируютъ отношенія между трудомъ и капиталомъ, устанавливаютъ, въ случаѣ необходимости, сверхурочныя работы, руководятъ политическими и общественными

выступленіями рабочихъ, заботятся о литературѣ—газетахъ, брошюрахъ и пр. Словомъ, ихъ дѣятельность охватываетъ всѣ важнѣйшія стороны рабочей жизни. Совѣты старостъ и коллективы создаются путемъ выборовъ всѣми рабочими, по отдѣламъ или мастерскимъ. Такая система выборовъ обезпечиваетъ максимумъ организованности и сплоченности массъ, максимумъ ихъ участія въ общественной жизни и наибольшую спайку представителей съ пославшими ихъ массами. Сфера дѣятельности этого представительства, какъ уже говорилось, чрезвычайно разнообразна—сюда входятъ и профессіональные и экономическіе интересы, и даже интересы потребленія.

Такъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ коллективы создаютъ кооперативы, хлѣбопекарни, заботятся о доставкѣ продуктовъ питанія. Ихъ контролю подлежитъ дѣло возвращенія изъ арміи спеціалистовъ, освобожденіе военнообязанныхъ отъ призыва и пр. Словомъ, нѣтъ такой отрасли заводской жизни, куда не проникало бы вліяніе коллектива...

Въ первые дни революціи рѣзко нарушилась доставка сырья и топлива, что грозило серьезными осложненіями заводской жизни. Въ это время на очень многихъ заводахъ рабочіе взяли въ свои руки снабженіе заводовъ сырьемъ и топливомъ. Широко практиковалась полупринудительная реквизиція дровъ и угля въ тѣхъ заводахъ, гдѣ имѣлся достаточный запасъ, и благодаря такимъ мѣрамъ удалось пустить въ ходъ заводы. На желѣзныхъ дорогахъ застряли грузы желѣза и стали, и коллективамъ пришлось заняться поисками и доставкой ихъ. Такимъ образомъ, дѣйствовали не только рабочіе въ крупныхъ центрахъ, какъ Петроградъ и Москва, но и въ далекихъ углахъ Донецкаго Бассейна, гдѣ, по словамъ делегатовъ на Всероссійскомъ Съѣздѣ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, рабочіе установили свою милицію для охраны шахтенныхъ канатовъ, усилили добычу угля, установили планомѣрный обмѣнъ его на средства существованія, словомъ, справились съ неизбѣжнымъ кризисомъ. То же самое произошло на казенныхъ артиллерійскихъ, пороховыхъ и другихъ заводахъ, откуда разбѣжалась почти вся администрація, испугавшись расплаты за свои иногда очень тяжелые грѣхи. На этихъ заводахъ, помимо коллективовъ, была еще выбрана и администрація, чѣмъ впослѣдствіи, какъ предлогомъ для травли рабочихъ, воспользовалась буржуазія. А между тѣмъ въ то время это былъ для заводовъ единственный выходъ изъ создавшагося критическаго положенія.

Въ процессѣ революціи отношенія на заводахъ сложились такимъ образомъ, что рядомъ съ властью директора и хозяина оказалась новая власть, съ которой приходилось серьезно считаться—это была власть рабочихъ массъ, переданная ими своимъ представительствамъ. Это—своеобразный рабочій парламентъ съ правомъ законодательства и весьма обширнымъ кругомъ дѣятельности. Онъ имѣетъ право и возможность по всѣмъ важнѣйшимъ вопросамъ обращаться къ заводоуправленію и дикто-

вать свои условія, точнѣе—формулированную объединенную волю рабочихъ массъ даннаго завода.

Однимъ изъ самыхъ важныхъ вопросовъ настоящаго момента является продовольствіе. Особенно грозно всталъ этотъ вопросъ наканунѣ революціи, но и послѣ положеніе улучшилось очень мало. Съ этимъ зломъ, насколько это было въ ихъ силахъ, и до революціи боролись рабочіе кооперативы, а также самостоятельныя рабочія организаціи, преслѣдовавшія цѣли продовольствованія массъ. Иногда эти попытки носили неорганизованный характеръ и въ нихъ было много промаховъ, недочетовъ и пр. Теперь въ новыхъ условіяхъ рабочіе имѣли возможность шире и свободнѣе повести это дѣло. Открылся цѣлый рядъ новыхъ хлѣбопекарепъ, которыя находятся въ тѣсномъ контактѣ съ мѣстными рабочими кооперативами, и являются дѣломъ рукъ самихъ рабочихъ. Организуются массовыя закупки предметовъ потребленія и распредѣленіе нхъ коллективомъ между рабочими.

Помимо продовольственнаго вопроса передъ рабочими массами на очереди стоитъ разрѣшеніе очень многнхъ другихъ сложныхъ задачъ. Необходимо проведеніе въ жизнь договора между обществомъ заводчиковъ и фабрикантовъ и Совѣтами Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ о восьмичасовомъ рабочемъ днѣ, расцѣнкахъ и прочее, и всѣ эти вопросы требуютъ самаго внимательнаго и вдумчиваго отношенія, большой траты энергіи и силъ. На этой почвѣ возникаетъ много треній и недоразумѣній, которыя приходится разрѣшать коллективамъ. Они же занимаются выработкой и установленіемъ минимальныхъ заработковъ на заводахъ. Словомъ, рабочее представительство въ значительной степени фактически руководитъ внутренней жизнью заводовъ, оставивъ администраціи руководство производствомъ.

Заводы уже давно страдаютъ изъ-за недостатка сырья, вызваннаго разстройствомъ транспорта. Для улучшенія положенія рабочіе коллективы делегируютъ на металлургическіе заводы своихъ представителей, которые предпринимаютъ практическіе шаги въ этомъ направленіи. Задачи эти, конечно, далеко выходятъ изъ рамокъ самодѣятельности одного завода и нуждаются въ болѣе серьезной, широкой и планомѣрной регламентаціи. Попытки отдѣльныхъ группъ, хотя бы и внушенныя лучшими намѣреніями, всегда останутся «кустарными» и могутъ имѣть лишь случайный успѣхъ, но они интересны и характерны, какъ стремленіе расширить кругъ дѣятельности коллективовъ и внести извѣстную планомѣрность въ капиталистическія взаимоотношенія.

Слишкомъ обширный кругъ дѣятельности коллективовъ представляетъ для плодотворной ихъ работы извѣстныя неудобства и затрудненія. Въ такомъ видѣ они оставаться не должны: прежде всего необходима извѣстная дифференціація ихъ дѣятельности, иначе они не въ силахъ будутъ справиться съ тѣми сложными обязанностями, которыя берутъ на себя, и общее дѣло пострадаетъ. Необходимо выдѣленіе секцій—продовольственной,

расцѣночной, по пріему рабочихъ на заводъ, распредѣленіе ихъ по мастерскимъ, примирительной, организаціонной, культурно-просвѣтительной, санитарио-больничной и пр.

Такая форма рабочаго представительства, какъ рабочіе коллективы, является совершенно новой въ практикѣ рабочаго движенія не только Россіи, но и гораздо болѣе развитыхъ капиталистически странъ—Англіи, Германіи, Швейцаріи, Новой Зеландіи и др. Рабочіе этихъ странъ, въ силу иныхъ политическихъ и соціальныхъ условій, значительно меньше удѣляли вниманія внутреннему строительству заводской жизни. Они добивались экономическаго улучшенія своей жизни, но не занимались организаціей «конституціонной» фабрики, не старались ограничить власти хозяина на заводѣ. Русская революція внесла много новаго и въ эту область: она коснулась и экономическихъ и правовыхъ отношеній, ограничивъ въ обоихъ случаяхъ предѣлы власти владѣльца или поставленнаго имъ директора.

Нѣсколько въ сторонѣ отъ этого строительства заводской жизни стоитъ продовольственный вопросъ, который входитъ въ область дѣятельности коллектива лишь въ силу своеобразныхъ условій переживаемаго момента, но который въ то же время является одной изъ наиболѣе важныхъ сторонъ этой дѣятельности. На страну надвигается голодъ, какъ результатъ военнаго истощенія. Сильнѣе и больше всего пострадаютъ отъ него крупные центры промышленности, куда сейчасъ особенно затруднена доставка продуктовъ. Справиться съ этимъ надвигающимся бѣдствіемъ можно лишь при условіи активной помощи и организованности всего общества. Рабочіе, какъ наиболѣе активный классъ, первые приступили къ организаціи и посильно способствовали облегченію тяжелыхъ продовольственныхъ условій, организовавъ покупку и распредѣленіе продуктовъ.

Разумѣется, сами организаторы и дѣятели, работающіе въ этой области, отлично сознаютъ, что не могутъ справиться своими силами съ надвигающейся катастрофой, но они ставятъ себѣ болѣе скромныя цѣли, желая единственно только облегчить удары истощенія и парализовать или хотя бы уменьшить спекуляцію разныхъ темныхъ дѣльцовъ. Въ силу этихъ же соображеній, рабочіе открываютъ сейчасъ столовыя...

Эти стороны дѣятельности коллективовъ, какъ сказано, не имѣютъ непосредственнаго отношенія къ организаціи «конституціонной фабрики». Гораздо тѣснѣе связано съ рабочей жизнью трудовое посредничество, которымъ въ первую очередь занялись рабочіе. Въ настоящее время ими организованъ пріемъ рабочихъ только черезъ рабочіе коллективы или комитеты. Этимъ уничтожается возможность злоупотребленій, которыя имѣли мѣсто при прежнемъ порядкѣ. Предоставленное въ настоящее время закономъ право контроля военнообязанныхъ дастъ заводскимъ коллективамъ возможность самимъ профильтровать наличный составъ заводовъ. Вѣдь ни для кого не секретъ, что на заводахъ укрывались очень многіе изъ тѣхъ, кто, проповѣдуя «войну до конца», «до полной побѣды», предпочиталъ оставаться

въ тылу. Большая роль отводится также коллективамъ въ дѣлѣ оздоровленія заводовъ. Послѣдніе у насъ никогда не отличались гигіеническими условіями. Санитарное ихъ состояніе всегда оставляло многаго желать, а за время войны оно еще ухудшилось: помѣщенія заводовъ не расширялись и не увеличивались въ то время, какъ количество занятыхъ рабочихъ увеличилось въ нѣсколько разъ. Многіе заводы строились наспѣхъ и некогда было думать объ ихъ гигіеническомъ устройствѣ, какъ и о томъ, чтобы обезопасить работы. Этими причинами объясняется, между прочимъ, значительное новышеніе заболѣваемости и увѣчности рабочихъ во время войны, достигшее въ нѣкоторыхъ случаяхъ 100%, по сравненію съ довоенными годами. Улучшеніе санитарныхъ и гигіеническихъ условій и надзоръ надъ безопасностью работы должны взять въ свои руки сами рабочіе, памятуя, какъ хорошо заботились о нихъ господа-капиталисты.

Фабричная инспекція до послѣдняго времени оставляла ввѣренныя ея попеченію массы пролетаріата на произволъ судьбы. Теперь наступилъ моментъ, когда рабочіе, съ одной стороны, сами могутъ создать свою выборную инспекцію, а съ другой —осуществить свой собственный контроль надъ гигіеническимъ состояніемъ фабрикъ и заводовъ.

Этотъ вопросъ очень тѣсно связанъ съ вопросомъ о дальнѣйшемъ развитіи больничныхъ кассъ и всего вообще страхованія рабочихъ. До революціи больничныя кассы были въ загонѣ: онѣ всецѣло зависѣли отъ предпринимателей и были связаны по рукамъ и по ногамъ законами, выгодными для предпринимателей. Главную роль въ нихъ, по крайней мѣрѣ, въ значительной ихъ части, играли «назначенцы» администраціи, съ которыми рабочіе вели постоянную и упорную борьбу.

Во время войны рабочимъ удалось вырвать у предпринимателей, несмотря на ихъ противодѣйствіе, нѣкоторыя уступки: имъ удалось организовать нѣсколько окружныхъ лечебницъ для семействъ членовъ больничныхъ кассъ. Но каждое такое завоеваніе стоило многихъ усилій и борьбы. И это здѣсь, въ Петроградѣ, гдѣ всѣ условія рабочей жизни несравненно лучше, чѣмъ въ провинціи. Тамъ дѣло обстояло значительно хуже, такъ же, какъ и въ казенныхъ предпріятіяхъ, гдѣ не существовало вообще ни больничныхъ кассъ, ни страхованія на случай увѣчій.

Знаменитый законъ 23 іюня 1912 года потерялъ теперь свою силу и вмѣсто него уже создается нѣчто новое. Пока эти новыя отношенія вводятся въ жизнь организаціоннымъ путемъ: такъ 25-26-го марта происходила конференція страховыхъ дѣятелей и представителей больничныхъ кассъ Петрограда, которая намѣтила главныя вѣхи новыхъ завоеваній. Устарѣвшій законъ 23 іюня отмѣненъ самой жизнью, и хотя остаются пока старыя рамки, но содержаніе вносится уже новое—исчезли изъ больничныхъ и страховыхъ кассъ назначенцы и наиболѣе ненавистныя формы хозяйскаго произвола. Несомнѣнно, рабочіе возьмутъ въ свои руки дѣло леченія: уже и теперь разрабатываются

планы открытія лечебницъ для участниковъ кассы, устройства санаторій и пр.

Предстоящая всероссійская конференція всѣхъ больничныхъ кассъ оформитъ и соберетъ разрозненныя усилія и намѣтитъ ближайшія задачи дѣйствія. Въ этомъ отношеніи не придется вырабатывать чего-либо новаго. За четыре года дѣйствія больничныхъ кассъ рабочіе отлично изучили на практикѣ ихъ отрицательныя стороны и знаютъ, какими эти кассы должны быть въ нормальныхъ условіяхъ.

Теорія соціальнаго страхованія и его западно-европейская практика имѣется въ распоряженіи рабочихъ Россіи и здѣсь имъ необходимо осуществить тѣ же задачи, которыя выставляются за границей. По этому пути пошла конференція рабочихъ артиллерійскихъ, пороховыхъ и другихъ казенныхъ заводовъ и предпріятій, выставившая лозунгъ соціальнаго страхованія по примѣру Западной Европы.

Въ общемъ рабочемъ строительствѣ создаются въ настоящее время новыя представительства, выдвигаемыя жизнью. Таковы примирительныя камеры, которыя должны разрѣшать всѣ важнѣйшіе вопросы рабочаго быта, экономическіе и профессіональные конфликты и пр. Вопросъ о примирительныхъ камерахъ поднимался еще до революціи, но промышленники отнеслись къ проекту образованія примирительныхъ камеръ еще холоднѣе, чѣмъ къ институту старостъ. Въ концѣ 1915 года и въ началѣ 1916-го усиливалось и крѣпло революціонное пролетарское движеніе, которое, будучи по существу политическимъ, въ то же время преслѣдовало экономическія задачи повышенія заработковъ, въ соотвѣтствіи съ дороговизной и паденіемъ стоимости денегъ,—въ это время сами предприниматели искали возможности соглашенія и на Съѣздѣ Военно-Промышленныхъ Комитетовъ высказывались за учрежденіе примирительныхъ камеръ. Однако, на этотъ разъ, охранкѣ и правительству, при дѣятельномъ участіи самихъ промышленниковъ, удалось разбить движеніе пролетаріата, и промышленники рѣшили, что съ примирительными камерами можно подождать.

Революція поставила на очередь передъ рабочими массами цѣлый рядъ неотложныхъ экономическихъ вопросовъ—установленіе минимальныхъ заработковъ и періодическія измѣненія таковыхъ въ связи съ растущей дороговизной, увеличеніе расцѣнокъ и пр., и для благополучнаго разрѣшенія ихъ, примирительныя камеры оказались необходимыми.

Кромѣ того, за время войны на заводахъ собралось много провокаторовъ, охранниковъ и предателей, отъ которыхъ необходимо было очистить заводы. Не рѣдки случаи, когда даже директора заводовъ были уличены въ выдачѣ передовыхъ рабочихъ въ руки полиціи и добрососѣдскихъ отношеніяхъ съ охранкой.

Эти вопросы также обсуждались и разбирались въ импровизированныхъ примирительныхъ камерахъ, которыя сейчасъ же послѣ революціи возникли на каждомъ заводѣ, въ каждомъ пред-

пріятіи, гдѣ встрѣчаются трудъ и капиталъ, гдѣ они вступаютъ въ опредѣленный классовый конфликтъ.

Эти примирительныя камеры составлялись изъ равнаго количества рабочихъ и лицъ, назначенныхъ администраціей завода. Они представляли въ миніатюрѣ картину заводскихъ отношеній, между трудомъ и капиталомъ, гдѣ, какъ извѣстно, нѣтъ третьяго лица и гдѣ неизмѣнно побѣждаетъ та сторона, за которой въ данную минуту реальная сила.

Событія послѣдняго времени поставили передъ рабочимъ классомъ рядъ новыхъ задачъ. Мы переживаемъ время организованнаго противодѣйствія фабрикантовъ всѣмъ начинаніямъ рабочихъ. Промышленники находятъ, что сейчасъ имъ невыгодно вести предпріятія, которыя перестали давать прежнія военныя сверхприбыли, и они ополчаются на борьбу съ пролетаріатомъ. Съ другой стороны, они надѣются обуздать рабочее движеніе въ цѣломъ, провоцируя общій локаутъ. На открытый локаутъ они пока не рѣшаются и ограничиваются сокращеніемъ производства, выбрасывая на улицу тысячи рабочихъ.

Война привела страну къ краху всей промышленности: дезорганизовала транспортъ, понизила выплавку чугуна и добычу угля и создала этимъ общую экономическую разруху. Сами промышленники въ послѣднее время иногда еще помогаютъ этой разрухѣ, прибѣгая къ своеобразному саботажу, т. е. намѣренно дезорганизуя производство своего предпріятія. Въ такихъ условіяхъ передъ рабочими коллективами встаетъ новая задача, еще болѣе важная, чѣмъ прежде указанныя— это широкій контроль, а иногда даже организація всего производства предпріятія. Конечно промышленники будутъ изо всѣхъ силъ отстаивать свои права и постараются не допустить рабочихъ коллективовъ къ фактическому контролю своихъ бухгалтерскихъ книгъ, отчетовъ, прибылей и пр, но рабочіе должны приложить всѣ усилія, чтобы осуществить этотъ контроль не на словахъ, а на дѣлѣ. Само собой разумѣется, что и контроль и организація производства, если она потребуется, должны быть планомѣрными. Такія серьезныя мѣры, затрагивающія интересы всей промышленности, ведущія къ разрыву съ міромъ капиталистовъ, могутъ быть осуществлены только усиліями всей организованной демократіи, объединенной въ лицѣ Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ. Органами, проводящими въ жизнь такой контроль и организующими производство на мѣстахъ, должны стать рабочіе коллективы на заводахъ. Въ этомъ ихъ отвѣтственная, руководящая роль въ будущемъ, и совершенно правильно, что вопросъ о такой роли коллективовъ сталъ центральнымъ пунктомъ конференціи заводскихъ коллективовъ, открывшейся 30-го мая.

Въ условіяхъ, созданныхъ войной и экономической разрухой, необходимо регулировать всю хозяйственную жизнь страны. Традиціонный взглядъ на производство и на жизнь завода или фабрики, какъ на нѣчто обособленное, какъ на частное дѣло отдѣльнаго лица, сейчасъ не долженъ имѣть мѣста. Вся экономи-

ческая жизнь должна быть единой, и съ этой точки зрѣнія необходимо разсматривать всѣ вопросы промышленной жизни. Необходимъ фактическій контроль широкихъ массъ надъ всей промышленностью, банками и пр. Необходима въ нѣкоторыхъ случаяхъ возможность перебрасывать съ мѣста на мѣсто тысячи рабочихъ, направляя ихъ туда, гдѣ въ данный моментъ ихъ силы наиболѣе нужны: на добычу топлива, сырья, на организацію транспорта и пр. Это перераспредѣленіе силъ опять таки должно проводиться съ точки зрѣнія интересовъ всей страны въ цѣломъ, и въ этомъ вопросѣ, какъ и во всѣхъ предыдущихъ, значительную роль можетъ сыграть рабочее представительство на мѣстахъ. Условіемъ успѣха и залогомъ его при осуществленіи этихъ небывалыхъ по размѣру задачъ должна служить сплоченность и организованность массъ.

Рабочія массы должны безусловно довѣрять своему представительству, ни на минуту не прекращая, однако, бдительнаго контроля надъ нимъ. Не менѣе важной и отвѣтственной будетъ роль заводскихъ коллективовъ въ дѣлѣ демобилизаціи промышленности. Война идетъ на убыль и всей странѣ необходимо готовиться къ тому, что она кончится, и промышленности придется перейти къ усиленной работѣ для нуждъ мирной жизни страны. Промышленники не только не думаютъ объ этомъ, но, наоборотъ, подготовляютъ всероссійскій локаутъ и осуществляютъ своеобразный саботажъ, дезорганизующій и безъ того уже дезорганизованную жизнь страны. Техническія силы въ лицѣ съѣзда инженеровъ въ Москвѣ всѣми силами поддерживаютъ капиталистовъ и связываютъ съ ихъ судьбой свою. Организаціи капиталистовъ, въ лицѣ своихъ наиболѣе видныхъ представителей—Дитмара, Тикстона, Эйлера, Козакевича—запрашиваютъ Временное Правительство, «намѣрено-ли оно сохранить капиталистическій строй или-же собирается перейти къ соціализму»... Имъ всѣмъ некогда заняться вопросами демобилизаціи промышленности. Только одни рабочіе опредѣленно ставятъ передъ собою этотъ вопросъ и стараются разрѣшить его. Вопросъ о демобилизаціи промышленности и въ связи съ нимъ возможной безработицы внесенъ въ порядокъ дня всероссійской конференціи профессіональныхъ союзовъ и подвергся разсмотрѣнію на совѣщаніи заводскихъ комитетовъ.

Роль рабочихъ организацій при разрѣшеніи этихъ вопросовъ можетъ быть весьма значительна: только рабочее представительство, вышедшее изъ нѣдръ рабочаго класса и близко знакомое съ условіями его труда и быта, можетъ быть здѣсь авторитетнымъ. Такими представительствами, облеченными въ полной мѣрѣ довѣріемъ рабочихъ массъ и сильными ихъ поддержкой, являются коллективы, профессіональные союзы и совѣты депутатовъ.

Таковы задачи, стоящія передъ заводскими коллективами и рабочими организаціями вообще, поскольку эти задачи выяснились въ теченіе трехъ революціонныхъ мѣсяцевъ.

Переживаемый рабочимъ классомъ періодъ можно характе-

ризовать, какъ время кипучаго строительства. Рабочіе организуются, создаютъ профессіональные союзы, кооперативы, просвѣтительныя учрежденія, организуются въ политическія партіи и пр. Съ другой стороны они организуются на самой фабрикѣ—они перестраиваютъ ея бытъ. Они ставятъ извѣстные предѣлы полновластію хозяина, ограничиваютъ его прежнія слишкомъ широкія права, создаютъ при немъ законодательный рабочій парламентъ.

Это новое явленіе, не имѣвшее прецедентовъ въ Западной Европѣ, возникло въ связи съ революціей. Революціоннымъ движеніемъ былъ поставленъ вопросъ о «конституціонной фабрикѣ»... Громадная брешь пробита этимъ завоеваніемъ въ существовавшихъ до сихъ поръ отношеніяхъ. Это одно изъ проявленій глубокихъ соціальныхъ преобразованій въ экономической жизни, являющихся преддверіемъ къ соціализму...

Р. Арскій.

ПРОБЛЕМА ПРОДОВОЛЬСТВІЯ.

Не пойдетъ нашъ поѣздъ,
Какъ идетъ нѣмецкій.

Почти ежедневно въ зданіе Таврическаго дворца являются ходоки по продовольственной части. Идутъ они по большей части издалека, изъ разныхъ градовъ и весей Россіи, съ фронта и съ тыла и приносятъ съ собою либо жалобы, либо проекты. Если жалобщики идутъ изъ потребительныхъ губерній и если они приносятъ съ собой писаные документы, то эти послѣдніе редактированы, большею частью, вродѣ нижеслѣдующаго:

ПРИГОВОРЪ.

Сельскаго Схода, Добужскаго 1 ч. общества, Спасской волостной Управы 1917 г. Мая 28-го дня, мы, нижеподписавшіеся, Калужской губерніи, Мосальскаго уѣзда, Спасской Волостной Управы, с. Добужи 1 ч., Добужскаго 1 ч. Общества, состоящаго изъ домохозяевъ, бывъ сего числа на Сельскомъ сходѣ, въ присутствіи нашего сельскаго старосты Петра Новикова въ числѣ « » домохозяевъ, гдѣ имѣли сужденіе о томъ, что у жителей нашего селенія, какъ и въ другихъ селеніяхъ нашего района хлѣба на пропитаніе совершенно нѣтъ, мѣстные Продовольственные Комитеты не удовлетворяютъ нашей потребности и кромѣ того, къ будущему сѣву ржаного зерна также не разсчитываемъ получить должнаго количества, какъ замѣтно по ходу растительности въ поляхъ, что угрожаетъ болѣе обостренной быть нуждѣ и къ будущему 1917 г., какъ и нынѣшній годъ въ яровомъ полѣ изъ-за незасѣянныхъ полей, а потому, посовѣтовавшись между собой, *постановили:* настоящій приговоръ уполномочить гр. Петра Павлова *Кузнецова* и Герасима Евдокимова *Новикова* принять ходатайство передъ Вашимъ начальствомъ

и Министрами Земледѣлія объ отпускѣ на наше селеніе хлѣба хотя бы вагонъ по крѣпкимъ цѣнамъ,

Подписи 54 неграмотныхъ
« 8 грамотныхъ.

Предсѣдатель Сельской Волостной Управы (подпись неразборчива)

Секретарь (подпись неразборчива).

Если же просители приходятъ изъ хлѣбородныхъ губерній тыла или фронта, то они неизмѣнно приносятъ съ собой весьма дѣловые проекты, въ родѣ нижеслѣдующихъ:

—У барона Р. (фронтовая губернія) имѣніе въ 45 квадратныхъ верстъ, хлѣба у него припрятано 100.000 пудовъ, выгонъ огромный, а у насъ лошади дохнутъ съ голоду по причинѣ, что пасти негдѣ. Просили намъ отвести земли подъ нашихъ лошадей—не даетъ. И хлѣба для людей не отпускаетъ. Такъ что мы пріѣхали хлопотать насчетъ реквизиціи. 100.000 пудовъ одного хлѣба!

Между ходоками и принимающимъ ихъ представителемъ экономическаго отдѣла С. Р. и С. Д. завязывается обычно оживленный разговоръ. Представитель экономическаго отдѣла излагаетъ ходокамъ законъ о хлѣбной монополіи и говоритъ о томъ, что у себя на мѣстѣ они должны дѣйствовать черезъ губернскій продовольственный комитетъ и по возможности демократизировать его составъ. Но, увы, не только право на демократизацію комитетовъ, но даже и самъ фактъ существованія ихъ нерѣдко неизвѣстенъ ходокамъ изъ разныхъ медвѣжьихъ угловъ. Бываютъ случаи, что ходоки только здѣсь въ Петроградѣ узнаютъ о своихъ мѣстныхъ возможностяхъ и правахъ. Не знаютъ они также зачастую, или плохо знаютъ о законѣ хлѣбной монополіи.

Все это звучитъ весьма неправдоподобно, но все это такъ.

Монополія на хлѣбный обмѣнъ введена уже 3 мѣсяца тому назадъ, но до сихъ поръ о ней ничего не знаютъ или весьма мало знаютъ тѣ, кто въ ней наиболѣе заинтересованъ—производители хлѣба, кормильцы Россіи.

И когда я слышу всѣ эти заявленія голодныхъ калужанъ и фронтовиковъ, у которыхъ падаютъ лошади, мнѣ всегда вспоминаются два бытовыхъ явленія.

Воспоминается уныло-могильная рѣчь Шингарева на недавнемъ продовольственномъ съѣздѣ въ Москвѣ, гдѣ, жалуясь на всевозможныя препятствія, стоящія на пути къ осуществленію благихъ намѣреній, онъ приводилъ, между прочимъ, такой своеобразный аргументъ: не хватало бумаги для отпечатанія закона о хлѣбной монополіи, невозможно было его быстро отпечатать и распространить. У министра русской революціи не хватало бумаги для быстраго отпечатанія и распространенія важнѣйшаго и столь долго жданнаго всѣми сознательными-гражданами закона, какъ законъ о хлѣбной монополіи. А одинъ изъ ближайшихъ соратниковъ министра читалъ на томъ же съѣздѣ въ Москвѣ *въ концѣ мая* докладъ о томъ, какъ слѣдуетъ взяться за проведеніе въ жизнь закона о монополіи, опубликованнаго *въ концѣ марта*.

Не знаю ужъ, бумаги ли тутъ не хватало или чего иного,

но въ связи съ этимъ бытовымъ явленіемъ россійской, хотя и революціонной, дѣйствительности, мнѣ всегда вспоминается бытовое явленіе другой страны и другой культуры.

25-го января 1915 г. германскій Союзный Совѣтъ принялъ законъ о хлѣбной монополіи, который долженъ былъ войти въ жизнь уже 1-го февраля. Законъ предусматриваетъ, однако, что «между 26 и 31 января хлѣбъ и мука не могутъ поступать въ распоряженіе хлѣбо-торговцевъ въ цѣляхъ торговаго обмѣна». И хлѣбныя сдѣлки сразу прекратились на всѣхъ биржахъ. 26-го января были разосланы *телеграммы* во всѣ округа, а черезъ посредство окружныхъ инстанцій во всѣ коммунальные союзы. И всюду немедленно приступлено было къ *учету хлѣбныхъ запасовъ*, т.-е. къ акту, безъ котораго всякая монополія осуждена остаться на бумагѣ. Въ реализаціи учета наиболѣе дѣятельное участіе приняли школьные учителя съ учениками старшихъ классовъ.

На верху въ Берлинѣ тотъ же законъ учреждалъ особую Государственную Хлѣбную Палату (Reichsgetreidestelle), которая должна была, по словамъ закона, «заботиться о распространеніи имѣющейся хлѣбной наличности такъ, чтобы ее хватило вплоть до сбора новаго урожая».

При этомъ на первый отдѣлъ Палаты—административный—возлагается, по словамъ закона, «проведеніе въ жизнь новыхъ правовыхъ началъ, содержащихся въ постановленіи Союзнаго Совѣта 25 января, и главными задачами ея являются: секвестрованіе хлѣбныхъ запасовъ и выдѣленіе округовъ, могущихъ пропитаться собственнымъ хлѣбомъ изъ хозяйственнаго вѣдѣнія самой Палаты». Первый отдѣлъ включаетъ также статистическій подотдѣлъ, объединяющій работы по учету хлѣбной наличности.

Второй отдѣлъ «выполняетъ всѣ коммерческія операціи процесса распредѣленія. Сюда относятся: доставка, храненіе и перемолъ хлѣба, необходимаго для пропитанія округовъ, не могущихъ прокормиться самостоятельно».

На низахъ единицей потребленія и распредѣлительныхъ работъ являлся коммунальный союзъ. И ходокамъ отъ коммунальныхъ союзовъ отнюдь не приходилось направляться въ Берлинъ съ бумагами, подобными вышеприведенному приговору Спасской Волостной Управы. Коэффиціентъ полезнаго дѣйствія былъ настолько великъ въ созданной продовольственной машинѣ, что въ этомъ не было ни малѣйшей надобности. Распредѣленіе и закупочныя операціи наладились сразу, и никто не читалъ по этому поводу длинныхъ и скучныхъ докладовъ, доказывающихъ, какъ доказывалъ уже въ іюнѣ уполномоченный министерства продовольствія въ государственномъ продовольственномъ комитетѣ:

1. Необходимо произвести своевременный учетъ всего хлѣба на корню и послѣ уборки его.

2. Одновременно съ учетомъ необходимо развить широкую агитацію на мѣстахъ черезъ мѣстные продовольственные органы, опираясь на мѣстныя демократическія организаціи, въ цѣляхъ оповѣщенія населенія о желательности, по возможности, скорѣйшаго обмолота хлѣба и подвоза тако-

вого въ возможно большемъ количествѣ особенно къ пристанямъ, въ періодъ осенней кампаніи для использованія осенняго воднаго транспорта.

3. Необходимо скорѣйшимъ образомъ наладить и усилить заготовительный аппаратъ, для каковой цѣли желательна посылка въ соотвѣтствующіе районы, въ помощь мѣстнымъ продовольственнымъ органамъ, особыхъ инструкторовъ по организаціи сборки хлѣба.

И т. д., и т. д., все въ томъ же родѣ. Это говорилось уже въ іюнѣ по поводу реализаціи урожая 1917 г. И притомъ, докладъ исходилъ отъ вновь привлеченнаго къ дѣлу работника-практиканта, отъ котораго всѣ въ правѣ уже были ждать чего-то конкретнаго и дѣловитаго. Вѣдь этотъ новый уполномоченный министра продовольствія не кто иной, какъ Башкировъ, а фирма Башкировыхъ производила впредь до введенія закона о монополизаціи государствомъ хлѣбнаго обмѣна крупнѣйшія хлѣботорговыя операціи въ житницѣ Россіи—Самарской губерніи.

Когда делегаты С. Р. и С. Д. возражали противъ доклада, квалифицируя его собраніемъ общихъ мѣстъ, и предложили передать его назадъ въ ту канцелярію министерства, которая его выработала, на предметъ конкретизаціи, то представитель министерства, товарищъ министра Зельгеймъ, защищая докладъ, сказалъ, между прочимъ, слѣдующее:

— Вѣдь это только наказъ, который комитетъ долженъ утвердить. Право же проведенія его въ жизнь принадлежитъ министерству. Министерство могло бы не представлять и самый наказъ на обсужденіе комитета, но предпочло это сдѣлать.

Таковъ реальный коэффиціентъ полезнаго дѣйствія въ работахъ по осуществленію хлѣбной монополіи. У демократической Россіи не оказывается бумаги и людей, чтобы во время оповѣстить производителей хлѣба о томъ, что хлѣбъ этотъ переходитъ въ собственность государства и не подлежитъ ни утайкѣ, ни сокрытію, ни передачѣ въ частныя руки.

Не хватаетъ бумаги, хотя ее вполнѣ хватаетъ для уймы казенныхъ бумагъ, всяческихъ проэктовъ и контръ-революціонныхъ изданій.

Не хватаетъ людей, хотя о посылкѣ агитаторовъ въ деревню говорили и спорили въ государственномъ продовольственномъ комитетѣ удручающе много.

Но вотъ времени, чтобы доказывать всѣмъ очевидныя вещи и выслушивать эти доказательства, хватаетъ съ избыткомъ.

— Бездѣйствію и инертности власти,—говорилъ одинъ изъ ораторовъ на московскомъ продовольственномъ съѣздѣ,—надо противопоставить *волевое усиліе демократіи.*

Волевое усиліе демократіи! Какія хорошія слова. Можетъ ли только страна ждать, пока они претворятся въ дѣйствіе?

— Солнце не ждетъ,—говорилъ недавно въ продовольственномъ комитетѣ одинъ изъ делегатовъ кіевскихъ сахарозаводчиковъ, пріѣхавшихъ просить «казенныхъ гарантій» для сахарно-свекловичныхъ операцій.—Солнце не ждетъ. Подъ яркими лучами его зрѣетъ свекла. Ее нужно убрать, а на это нужны деньги. Но частные банки не хотятъ вкладывать теперь своихъ денегъ въ сахарное производство. Вѣдь на каждой плантаціи, на каждой рафинадной фабрикѣ можно ожидать теперь забастовокъ, вол-

неній и даже «сахарныхъ республикъ». Пусть же государство придетъ намъ на помощь. Пусть оно сдѣлается нашимъ гарантеромъ и обезпечитъ насъ деньгами.

Таковъ былъ смыслъ его рѣчи.

Впрочемъ, въ официальномъ документѣ, представленномъ ходоками отъ сахарозаводчиковъ на имя министра продовольствія, все это выражено было весьма высокимъ стилемъ:

Правленіе
ВСЕРОССІЙСКАГО
Общества
САХАРОЗАВОДЧИКОВЪ.

2 Іюня 1917 г.
№ 280.
Петроградъ.

ГОСПОДИНУ
МИНИСТРУ ПРОДОВОЛЬСТВІЯ.

Докладная записка о снабженіи сахарной промышленности оборотными денежными средствами.

Русскіе сахарозаводчики честно и самоотверженно исполнили свой гражданскій и патріотическій долгъ: въ текущемъ году, по предварительнымъ даннымъ Всероссіискаго Общества сахарозаводчиковъ, засѣяно свекловицей 551.123 десят. противъ 613.380 десятинъ въ 1916 г. и 653.060 въ 1915 г. Кто отдаетъ отчетъ въ тѣхъ трудностяхъ, какія представлялись въ текущемъ году при посѣвѣ свекловицы со всѣми забастовками и съемками сельскохозяйственныхъ рабочихъ, насильственнымъ удаленіемъ заводскихъ директоровъ, чрезвычайно возросшими заработными платами, крайне пониженной производительностью рабочаго, нравственной подавленностью сельскихъ хозяевъ, ослабленіемъ живого и мертваго инвентаря и, наконецъ, крайне неблагопріятной погодой,—тотъ пойметъ, какія усилія должны были развить русскіе сахарозаводчики для того, чтобы посѣвная площадь свекловицы въ текущемъ году оказалась только на 62.257 десятинъ или на 10,16% меньше, чѣмъ въ предыдущемъ году.

Въ то же время докладная записка утверждаетъ, что расходы сахарной промышленности возросли на 263%, что количество оборотныхъ средствъ, требующееся для обработки готовой свекловицы, возросло съ 250 р. на десятину до 900, а стоимость переработки 1 берковца свекловицы съ 1 р. 50 к. до 6 р, А посему «Центральное Бюро по объединенію закупокъ сахара а также Учетно-Ссудный Комитетъ Кіевской Конторы Госу, дарственнаго Банка пришли къ единогласному заключенію что нашей сахарной промышленности долженъ быть оказанъ государствомъ кредитъ въ размѣрѣ не менѣе 600 рублей на десятину уцѣлѣвшей сахарной плантаціи, и оба же учрежденія оказались вполнѣ солидарными и въ отношеніи формы, въ которую этотъ кредитъ долженъ вылиться.

Одновременно Комиссаръ Центро-сахара разослалъ телеграмму, повторявшую вкратцѣ всѣ эти соображенія по 5 адресамъ:

Петроградъ. Министру Продовольствія, Министру Земледѣлія, Министру Финансовъ, Министру Труда, и даже Республиканскому Союзу Народа Арміи, Таврическій дворецъ.

Когда же дѣло перешло на разсмотрѣніе государственнаго продовольственнаго комитета, и министерство продовольствія

передало на разсмотрѣніе его выработанный имъ соотвѣтствующій законопроектъ, то оказалось, что своихъ цифръ министерство не имѣетъ и что, вырабатывая свой законопроектъ, оно базировалось цѣликомъ на цифрахъ, представленныхъ правленіемъ общества сахарозаводчиковъ.

И комитету пришлось считаться съ этимъ «бытовымъ явленіемъ». Двѣ только цифры были безспорны: на каждую десятину сахарозаводчики испрашивали по 600 р., и въ общей сложности это составляло 300 милліоновъ рублей. На эту сумму сахарозаводчики и страхуютъ, очевидно, свои владѣнія отъ новой опасности, именуемой «сахарной республикой». Критикуя законопроектъ, приватъ-доцентъ Буковецкій, делегатъ Совѣта Р. и С. Д., сказалъ, между прочимъ:

— Мы признаемъ, что расширеніе производства—вещь необходимая и желательная, но путь, по которому намъ предлагаютъ идти, отнюдь не согласованъ съ финансово-экономической политикой демократіи. Вѣдь этимъ путемъ создаются новыя цѣнности—сахарныя облигаціи, конкурирующія съ государственными. Эта операція весьма выгодна для сахарозаводчиковъ, но не для государства. И гдѣ гарантіи, что завтра не придутъ представители другой промышленности и не потребуютъ у государства аналогичной операціи. Министерство продовольствія вырабатываетъ законопроектъ о финансированіи сахарной промышленности и базируется при этомъ на цифрахъ сахарозаводчиковъ; оно не знаетъ ни подлинной стоимости берковца сахара, ни стоимости посѣва. Здѣсь мы имѣемъ большой и наглядный примѣръ его работъ.

Другой ораторъ слѣва говорилъ:

— Почитайте четвертую страницу Торгово-Промышленной газеты, и вы увидите, какіе барыши нажили за время войны нѣкоторые сахарозаводчики. Есть фирмы, которыя реализовали за одинъ годъ больше, чѣмъ стоятъ нхъ заводы. Не можетъ быть, чтобы сахарозаводчики съѣли всѣ эти суммы. Между тѣмъ законопроектъ требуетъ, чтобы всѣ сахарозаводчики получали кредитъ за поручительствомъ государства на равныхъ основаніяхъ. Неужели же авансы нужны и такимъ магнатамъ сахарной промышленности, какъ Бобринскій, Бродскій, Терещенко и Харитоненко?

Наконецъ, третій ораторъ заявилъ:

— Было бы чрезвычайно желательно знать, какого рода переговоры велись между магнатами частныхъ банковъ и магнатами сахарной промышленности, передъ проведеніемъ этой кампаніи?

Подъ вліяніемъ критики слѣва законопроектъ былъ нѣсколько видоизмѣненъ, и формы государственной гарантіи варьированы такъ, чтобы государство могло брать на себя наиболѣе тяжелыя формы обязательствъ только для дѣйствительно нуждающихся въ кредитѣ фирмъ, въ иныхъ же случаяхъ ограничивается лишь выдачей «удостовѣреній» для представленія въ Кредитныя Учрежденія о томъ, что суммы, занятыя въ банкахъ для вексельныхъ операцій 1917 г., удовлетворяются преиму-

щественно передъ всѣми долговыми претензіями изъ средствъ, вырученныхъ отъ продажи сахара той же кампаніи».

Солнце не ждетъ. Оно золотитъ свеклу и наливаетъ ее сахаромъ. Подъ вліяніемъ его благотворныхъ лучей зрѣетъ хлѣбъ на поляхъ. Чтобы собрать свеклу и обработать ее, нужны деньги. Чтобы использовать сборъ хлѣба, необходимъ учетъ его. Но, увы, чтобы опредѣлить дѣйствительные размѣры денежной потребности сахарной промышленности и дѣйствительную необходимость для нея въ государственной страховкѣ ея отъ «сахарныхъ республикъ», у насъ нѣтъ точныхъ данныхъ. Нѣтъ у насъ надежды и на точный учетъ. Солнце не ждетъ, но точныхъ данныхъ о сахарной промышленности намъ придется ждать еще долго, можетъ-быть, даже дольше, чѣмъ мѣропріятій по учету хлѣбной наличности.

Таковъ ужъ реальный коэффиціентъ полезнаго дѣйствія при вѣдомственной работѣ.

Ибо министерство продовольствія все еще не является однимъ изъ важнѣйшихъ звеньевъ будущаго министерства снабженія, а просто-напросто изолированнымъ вѣдомствомъ, дѣлающимъ свое маленькое дѣло безъ связи съ общей экономической программой демократіи. И нужды нѣтъ, что экономическій отдѣлъ и Исполнительный Комитетъ выработали и развили по этому поводу самыя что ни на есть лучшія резолюціи. Нужды нѣтъ, что въ принципѣ вѣдомственная работа давно уже осуждена лѣвыми экономистами и что государственный продовольственный комитетъ принялъ еще при Шингаревѣ торжественную резолюцію, согласно которой продовольственный вопросъ можетъ быть рѣшенъ только какъ часть вопроса объ организаціи народнаго хозяйства и труда.

На дѣлѣ все остается по-старому. Вопросы завтрашняго дня рѣшаются внѣ связи съ какимъ-нибудь цѣльнымъ и стройнымъ планомъ. И чтобы удовлетворить потребностямъ завтрашняго дня у Тришкина кафтана отрѣзываютъ все новые и новые куски. Французы квалифицируютъ такіе методы дѣйствія словомъ expedient, англичане для оцѣнки ихъ непремѣнно сказали бы, что они недостаточно «эффективны» (efficient), ну, а по-русски есть словечко и не столь мудреное: en bon russe слѣдуетъ все это назвать стремленіемъ получить «синицу въ руки».

Но, увы, синица въ руки упорно не дается. Разруха—продовольственная и всякая иная—дѣлается все острѣе и острѣе. А пока мы гонимся за синицей, исчезаетъ въ поднебесной дали и журавль нашихъ большихъ заданій.

М. Смитъ.

БЛИЖАЙШІЯ ЗАДАЧИ ВЪ ДѢЛѢ НАРОДНАГО ОБРАЗОВАНІЯ.

Въ пожарѣ февральской революціи рухнулъ самодержавный строй, уничтожены его главнѣйшіе нервы, разрушены многіе изъ оплотовъ. Однако, наслѣдіе, оставленное старымъ порядкомъ, настолько велико, что до сего времени продолжаетъ служить серьезной угрозой завоеваніямъ демократіи и дѣлу революціи. Жизненной силой самодержавія была темнота народныхъ массъ, искусственно поддерживавшаяся послѣдовательнымъ проведеніемъ въ жизнь продуманной во всѣхъ деталяхъ полицейской системы. Казалось бы, что революціонная власть, выдвинутая на передовые посты демократіей, въ первую очередь должна направить всѣ свои усилія къ тому, чтобы избавить страну отъ ужасныхъ пережитковъ прошлаго. Къ глубокому сожалѣнію, приходится отмѣтить, что въ области народнаго образованія этого сдѣлано не было. Глава министерства народнаго просвѣщенія, профессоръ Мануйловъ, выказалъ себя и мало подготовленнымъ, и нерѣшительнымъ человѣкомъ. Въ тотъ моментъ, когда нужно было развивать предѣльную жизнедѣятельность, когда нужно было творить, онъ обнаружилъ непростительную инертность. Экстренно необходимо было провести рядъ временныхъ мѣръ, которыя, не противорѣча конечнымъ цѣлямъ и формамъ организаціи дѣла народнаго образованія, открыли бы возможность органической работы надъ его постановкой. Этого сдѣлано не было. Больше того—на просьбу и требованіе учительства и демократіи привлечь къ работѣ ихъ, новый министръ отвѣчалъ упорствомъ, достойнымъ его предшественниковъ. И только черезъ два съ половиной мѣсяца удалось, въ концѣ-концовъ, осилить министра и заставить его созвать Государственный комитетъ по народному образованію при Министерствѣ народнаго просвѣщенія. Послѣдній, являясь коллективомъ, составленнымъ изъ представителей, главнымъ образомъ, демократическихъ организацій, сейчасъ же выдвинулъ на первую очередь основные вопросы и занялся ихъ разработкою. Понятно, что первымъ изъ этихъ вопросовъ является передача школы мѣстному самоуправленію въ самыхъ широкихъ размѣрахъ.

Такая передача нанесетъ смертельный ударъ остаткамъ полицейской системы, тормозившей народное просвѣщеніе и развращавшей всю страну. Въ связи съ передачей, законъ о которой, кстати замѣтить, уже выработанъ, начнется работа на мѣстахъ. До тѣхъ поръ, пока русское общество требованіе передачи школы мѣстному самоуправленію ставило въ видѣ отвлеченной, вѣрнѣе, трудно разрѣшимой проблемы, задача его была не такъ сложна; теперь же, когда проблема разрѣшена, когда необходимо приступать сейчасъ же къ большой позитивной работѣ, практическому осуществленію, встаетъ вопросъ о фор-

махъ и способахъ. Въ связи съ этимъ на мѣстахъ придется выполнить большую работу. Создавая соотвѣтствующіе органы, на мѣстахъ, придется думать о томъ, чтобы было извѣстное единство въ управленіи учебными заведеніями.

Съ момента созданія на мѣстахъ органовъ управленія самимъ обществомъ, должны будутъ немедленно отпасть остатки прежняго величія—учебно-окружное управленіе, всевозможные директора, инструктора и пр. Управляемая на такихъ основаніяхъ школа должна быть, по мысли государственнаго комитета, автономной, но автономія должна быть таковой, чтобы не исключала возможности для общественныхъ организацій, управляющихъ дѣломъ народнаго образованія, оказывать вліяніе на общее направленіе школьной работы, а слѣдовательно, и на личный составъ педагогической коллегіи.

Слѣдующій изъ основныхъ и ближайшихъ вопросовъ, стоящихъ передъ русской демократіей въ дѣлѣ народнаго образованія—это вопросъ о религіи въ школѣ. Рѣшеніе можетъ быть только одно: въ свободномъ демократическомъ государствѣ, широко понимающемъ свободу совѣсти, частныя лица, общественныя организаціи и органы самоуправленія получаютъ право открывать учебныя заведенія свѣтскаго характера, т.-е. лишенныя религіознаго элемента и въ учебномъ планѣ, и въ строѣ школы.

Въ рукахъ старой власти религіозное воспитаніе, въ особенности конфессіональныя школы, были дополненіемъ къ общей системѣ и сильнымъ средствомъ борьбы съ общественностью. Въ новой Россіи, демократизирующей всю жизнь, вступившей на путь свободнаго развитія, преподаваніе религіи не можетъ быть отнесено къ числу обязательныхъ предметовъ.

Въ связи съ реорганизаціей дѣла народнаго образованія на демократическихъ началахъ, законодательство должно предоставить широкій просторъ въ дѣлѣ народнаго образованія и частнымъ лицамъ, и всевозможнымъ общественнымъ организаціямъ.

Родители учащихся, устраненные, или почти устраненные отъ какого бы то ни было участія въ жизни школы, должны принять теперь активное участіе въ жизни тѣхъ учебныхъ заведеній, гдѣ обучаются ихъ дѣти.

Старая власть стремилась къ тому, чтобы создать возможно большее количество препятствій на пути, которымъ шла демократія къ просвѣщенію. Съ этой цѣлью отдѣльные типы образовательныхъ учрежденій были организованы такимъ образомъ, что не давали возможности переходить изъ одной школы въ другую. Задачей общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній новой Россіи должно быть объединеніе ихъ въ общую школьную систему, распадающуюся на дошкольную, начальную, высшую начальную, среднюю и высшую ступени. Учащіеся, окончившіе курсъ школы одной изъ ступеней, получаютъ право перехода безъ экзаменовъ въ школу слѣдующей ступени.

Борьба съ народнымъ невѣжествомъ будетъ дѣйствительной

лишь при непремѣнномъ условіи всеобщности, обязательности, общедоступности и безплатности обученія.

Вводя всеобщее и обязательное обученіе, государство должно позаботиться, путемъ изданія соотвѣтствующихъ законовъ, чтобы обученіе производилось на родномъ языкѣ учащихся. На послѣднее обстоятельство должно быть обращено самое серьезное вниманіе, такъ какъ принудительное обученіе на одномъ государственномъ языкѣ при старомъ порядкѣ вносило въ жизнь страны элементы разложенія, не давая возможности развиваться нормально. Старая власть пользовалась всѣми средствами для искусственнаго отчужденія одной національности отъ другой.

Правильное развитіе народнаго образованія мыслимо лишь въ томъ случаѣ, когда въ основу внутренней организаціи всѣхъ учебныхъ заведеній будетъ положено признаніе за учащимися неприкосновенности личности, свободы совѣсти, слова и организаціи.

Въ равной мѣрѣ и за учащими должны быть обезпечены права гражданъ, въ частности, права принадлежать къ любой политической партіи и группѣ.

Учитель можетъ быть лишенъ своего званія не иначе, какъ по приговору общаго суда, товарищескаго, суда чести и т. д.

Учитель долженъ быть вполнѣ свободенъ въ индивидуальномъ осуществленіи общихъ заданій, указанныхъ программой школы и соотвѣтствующими коллегіями.

Успѣшность преподаванія мыслима лишь въ томъ случаѣ, если государство издастъ законы, охраняющіе дѣтей, если государство, мѣстные органы общественнаго управленія и частноправовыя организаціи позаботятся объ обезпеченіи дѣтей пищей, одеждой и достаточнымъ количествомъ учебныхъ пособій.

Дѣти больныя, отсталыя, должны быть выдѣлены въ особую категорію дефективныхъ, и для нихъ необходимо возможно скорѣе создать спеціальныя учебныя заведенія.

Сложность и объемъ работы въ области народнаго образованія въ ближайшее время потребуютъ громадныхъ расходовъ и справиться съ ними возможно будетъ лишь въ томъ случаѣ, если существующая финансовая система радикально измѣнится. Для этого органы мѣстнаго самоуправленія должны быть обезпечены такими источниками доходовъ, которые дали бы имъ возможность сосредоточить въ своихъ рукахъ всю финансовую сторону народнаго образованія. Выдача государственныхъ средствъ на нужды народнаго образованія должна производиться лишь въ цѣляхъ необходимости урегулировать такимъ путемъ особенно неблагопріятныя финансовыя условія отдѣльныхъ мѣстностей, или же въ цѣляхъ удовлетворенія исключительныхъ государственныхъ потребностей. Ликвидація дѣйствующей системы государственныхъ ассигнованій на нужды народнаго образованія должна производиться постепенно, въ соотвѣтствіи съ реформами мѣстнаго самоуправленія и финансовой.

Необходимо, чтобы всѣ общественныя просвѣтительныя учрежденія были бы обезпечены соотвѣтствующимъ

земельнымъ участкомъ изъ государственныхъ земель, а также пользованіе правомъ безплатнаго полученія строительныхъ матеріаловъ и дровъ изъ государственныхъ лѣсовъ.

И въ связи съ переживаемымъ моментомъ и въ связи съ правильной постановкой народнаго образованія въ странѣ, необходимо приступить немедленно къ созданію учрежденій внѣшкольно-просвѣтительнаго, общеобразовательнаго и спеціальнаго характера. Широкое привлеченіе всего общества къ строительству въ дѣлѣ народнаго образованія вообще и внѣшкольнаго въ особенности придастъ ему прочную устойчивость.

Таковы, въ общихъ чертахъ, ближайшія задачи въ дѣли народнаго образованія, выкристаллизовавшіяся въ сознаніи русскаго общества, намѣченныя и въ государственномъ комитетѣ. Въ ихъ осуществленіи должна принять участіе вся страна.

Василій Зеленко.

РАЗСЛОЕНІЕ СОЦІАЛЪ-ДЕМОКРАТІИ.

Въ странѣ экономически-отсталой, какъ Россія, мы менѣе всего вправѣ ожидать законченной поляризаціи общественныхъ элементовъ, которая, впрочемъ, какъ видно, не будетъ достигнута и въ прочихъ странахъ—вплоть до радикальнаго переворота общественныхъ отношеній.

Но если средніе классы, если мелкая буржуазія всѣхъ типовъ оказывается вообще чрезвычайно живучей, то менѣе всего, повторяемъ, можно ждать отсутствія ея на нашей русской политической аренѣ.

Картина политическихъ группировокъ въ Россіи напоминала всегда загадочныя картинки, подъ которыми можно было написать: «отыщите демократію».

Насчетъ демократіи, идущей подъ своимъ собственнымъ опредѣленнымъ знаменемъ, въ Россіи было всегда очень плохо... И слѣдуя рецепту Вольтера, относительно Бога, русскіе соціалисты до такой степени увѣрены были въ необходимости этой демократіи, что рѣшались даже за отсутствіемъ ея—ее выдумать. Нельзя назвать иначе давнюю попытку товарища Натансона создать чистую отъ соціалистическихъ примѣсей демократическую партію «Народоправцевъ», или другую, имѣвшую мѣсто въ 1906 году, когда адвокатъ Маргулисъ выбивался изъ силъ, чтобы раздобыть откуда нибудь русскихъ «радикаловъ» для выполненія предусмотрѣнной исторіей роли.

Что касается соціалъ-демократовъ марксистовъ, то загадочная картина не представлялась имъ столь неразгадываемой. Они всегда искали демократіи среди нѣкоторыхъ элементовъ, вполнѣ искренно именовавшихъ себя соціалистами.

Намъ кажется излишнимъ излагать здѣсь тѣ причины и поводы, которые заставили густые ряды русской интеллигенціи переходить подъ красное знамя, пламенѣть соціалистическимъ огнемъ, въ то время, когда не только соціальное положеніе

ихъ, но и глубинное сознаніе, вѣрнѣе, соціальное подсознаніе, были настроены на совсѣмъ другой ладъ. Марксисты предупреждали, что этотъ низинный ладъ, пока покрытый доминирующей верхней мелодіей, когда-нибудь выступитъ со всей опредѣленностью, и изъ-подъ не очень густого краснаго грунта соціалистическихъ идей и чувствованій проявится природная, мелкобуржуазная демократическая окраска; поскоблите соціалиста въ Россіи, говорили они, и вы найдете демократа.

Но разслоеніе соціалистическаго міра, которое ускорено и ярко выявлено раскаленной атмосферой революціи, не вполнѣ однако, удовлетворяетъ желаніямъ безпощаднаго аналитика. Такой аналитикъ пожелалъ бы вѣроятно, чтобы—въ результатѣ всего—между водами соціалистическими, пролетарскими съ одной стороны—и капиталистическими, буржуазными, съ другой—возникъ весьма опредѣленный водораздѣлъ мелкобуржуазнаго плоскогорья.

На самомъ дѣлѣ, если въ настоящее время только соціологически слѣпой человѣкъ можетъ еще сомнѣваться въ постепенномъ и даже быстромъ выявленіи достаточно опредѣленныхъ чертъ мелко-буржуазной физіономіи, на томъ мѣстѣ, гдѣ раньше значились разнообразныя формаціи мутнаго или «умѣреннаго» соціализма,—то, съ другой стороны, тѣ многочисленные и по своему могучіе классы чисто демократическаго характера, которые нашли теперь себѣ подходящихъ идеологовъ, подходящій политическій механизмъ въ этихъ элементахъ, выступаютъ сами въ немалой степени окрашенными отблескомъ соціалистическихъ принциповъ.

Инстинктивное отвращеніе подавляющаго большинства соціалистовъ-революціонеровъ къ научному соціализму этому адекватному выраженію тенденцій пролетаріата въ мірѣ теорій, непреодолимое стремленіе ихъ отстаивать соціалистическую равноцѣнность съ пролетаріатомъ крестьянскихъ массъ всѣхъ порядковъ до нижнихъ слоевъ хозяйственныхъ мужиковъ включительно и до интеллигенціи высшихъ сотенъ арміи либеральныхъ профессій, съ другой стороны, давали полное основаніе для характеристики ихъ, какъ плохо скрытыхъ—(лучше всего отъ себя самихъ)—мелко-буржуазныхъ демократовъ.

Равнымъ образомъ, меньшевистское крыло соціалъ-демократіи, несомнѣнно, включало въ себя элементы совершенно аналогичные тѣмъ, которые на западѣ группировались въ лагерѣ ревизіонистовъ отчасти, можетъ быть, даже въ едва ли хотя бы полусоціалистическихъ партіяхъ, вродѣ лѣвыхъ радикалъ-соціалистовъ (типъ Бюйсона, Бонкура и т. д.).

Это положеніе вещей маскировалось общей транспозиціей всей русской политической музыки налѣво. Наши лѣвые были лѣвѣе лѣвыхъ нѣмецкихъ и французскихъ, нашъ центръ отъ всей души поддерживалъ нѣмецкую лѣвую, а наши правые соціалисты готовы были почти обижаться, когда ихъ сравнивали съ оппортунистами западно-европейскаго соціалистическаго центра. Но транспозиція эта не должна мѣшать намъ

отмѣчать глубоко родственныя черты группъ, расположенныхъ не vis-à-vis, а наискось.

Резолюціи конференцій, имѣвшихъ мѣсто послѣ революціи, даютъ иллюстрацію тому положенію, что вышеупомянутыя группы окончательно выяснились теперь, какъ элементы буржуазно-демократическіе, со всѣми присущими такимъ элементамъ чертами: отсутствіемъ революціонной рѣшительности, пристрастіемъ къ эволюціоннымъ формамъ развитія, прямой угодливостью по отношенію къ мутному сознанію обывательскихъ массъ, или безсознательною связанностью съ нимъ своихъ программъ, готовностью на компромиссы скорѣе направо, съ капиталомъ и установленнымъ порядкомъ, чѣмъ налѣво, съ авангардомъ пролетаріата, наконецъ, инстинктивнымъ страхомъ передъ реальнымъ осуществленіемъ мѣръ соціалистическаго порядка.

Оговорюсь, что въ нынѣшней статьѣ я совсѣмъ не останавливаюсь на послѣднихъ проявленіяхъ духа и дѣятельности соціалистовъ-революціонеровъ, хотя резолюціи недавнихъ конференцій и съѣзда представляютъ для этого богатый матеріалъ.

Однако, большая часть того, что мы говорили ниже по отношенію къ меншьевикамъ-оборонцамъ, можетъ быть въ слегка измѣненномъ видѣ примѣнена и къ соціалистамъ-революціонерамъ.

Мелко-буржуазная демократическая сущность правыхъ элементовъ соціалъ-демократіи доказывается съ рѣжущей глаза ясностью всей ихъ коалиціонной, компромиссной, примиренческой позиціей. Но, съ другой стороны, имъ вовсе не приходится въ этомъ самоопредѣленіи отрекаться отъ привычной соціалистической фразеологіи. И не только потому, что идейный «тоже соціализмъ»—достаточно вмѣстительная торба, чтобы вложить въ нее сколько угодно всякаго запутаннаго хлама, но и потому, что тѣ элементы интеллигенціи, ремесленнаго и торговаго полу-пролетаріата и пр., на которые эти группы политически опираются, самымъ реальнымъ образомъ пропитаны соціалистическими соками, распространяющимися вокругъ могучаго класса-организатора, фабрично-заводскаго пролетаріата, путемъ своеобразнаго соціальнаго осмоса.

Такія явленія, взятыя въ параллельномъ мірѣ соціалистовъ-революціонеровъ, какъ вступленіе съѣзда крестьянъ, представлявшаго сотни тысячъ, или милліоны русскаго деревенскаго населенія, въ прямую связь съ Интернаціоналомъ, или знаменитая резолюція того же съѣзда о соціализаціи всѣхъ земель Россіи,—служатъ яркимъ примѣромъ того, насколько этотъ міръ индивидуалистовъ находится подъ обаяніемъ великихъ организующихъ принциповъ соціализма.

Я не знаю—должно-ли радоваться этому или печалиться.

Поскольку для каждаго соціалистическаго практика ясно, что диктатура пролетаріата можетъ быть мыслима лишь при какой-то формѣ союза съ непролетарскими трудовыми элементами, приходится, конечно, опредѣленно радоваться успѣхамъ подобныхъ элементовъ на пути соціалистическаго просвѣщенія,

—этотъ «тоже соціализмъ», этотъ полусоціализмъ несомнѣннѣйшимъ образомъ облегчитъ организаціонную работу пролетаріату.

Однако, тутъ есть и весьма значительное—но. Въ самомъ дѣлѣ, по самому соціальному положенію своему мелко-буржуазные элементы отнюдь не испытываютъ свою идейную эволюці,ю какъ прогрессивное и безостановочное движеніе къ чистому и полному соціализму пролетаріата, къ его теоріямъ и его тактикѣ. Наоборотъ, они останавливаются на полъ-пути и окапываются, строятъ свои редуты. Изъ усвоенныхъ ими полуистинъ,—которыя, какъ шапка по Сенькѣ, приходятся какъ разъ по мѣркѣ имъ, соціально недиференцированнымъ массамъ,—они дѣлаютъ догму, свой особый символъ вѣры, который ожесточенно защищаютъ налѣво и направо. Налѣво ожесточеннѣе, чѣмъ направо.

Особенно курьезнымъ представляется это явленіе именно поскольку дѣло идетъ о меньшевикахъ-оборонцахъ. Здѣсь оппортунизмъ, національнизмъ, мѣщанская ублюдочность стремятся прикрыться самымъ «настоящимъ» марксистскимъ правовѣріемъ. Слова—анархизмъ, бланкизмъ и т. п. служатъ для затемнѣнія позиціи налѣво, и дѣлаются смѣхотворныя потуги выдать за марксизмъ ту самую тактику, которую Марксъ въ своихъ историческихъ сочиненіяхъ предавалъ самому желчному осмѣянію. Достаточно сравнить все то, что говорится нашими недавно марксистами, а теперь министрами, по поводу кронштадтской коммуны, съ тѣмъ, что писали о связи полновластныхъ коммунъ съ революціей и соціалистическимъ строемъ наши первоучители, чтобы увидѣть, какимъ густымъ облакомъ забвенія покрылись для нашихъ полусоціалистовъ ихъ недавнія свѣдѣнія по марксизму.

Такимъ образомъ, «тоже соціалистическая» окраска по сути своей демократическихъ массъ является одновременно и благопріятной предпосылкой для нашей дальнѣйшей пропаганды, и препятствіемъ проникновенію полнаго свѣта въ эти массы. Такъ, *полузнаніе* и помогаетъ, и препятствуетъ *полному знанію*, являясь одновременно и чѣмъ-то лучшимъ, и чѣмъ-то худшимъ, чѣмъ простое невѣжество.

Теперь постараемся коротко разъяснить на конкретныхъ примѣрахъ эти общія положенія, беря за пробирный камень нашего анализа резолюціи четырехъ соціалъ-демократическихъ конференцій: большевиковъ, объединенцевъ, меньшевиковъ-оборонцевъ и меньшевиковъ-интернаціоналистовъ.

Прибавимъ къ вышесказанному только, что процессъ разслоенія соціалъ-демократіи, подъ которымъ скрывается не идейное расхожденіе, не тактическое разногласіе, а различіе классовыхъ подоплекъ, мучительнѣе всего происходитъ именно среди меньшевиковъ, ибо какъ разъ по тѣлу этой фракціи происходитъ разрывъ, долженствующій отдѣлить чисто пролетарскіе элементы меньшевизма, нормальное правое крыло единой рабочей соціалъ-демократической партіи—отъ мелко-буржуазныхъ, дошедшихъ до нынѣшняго момента спутниковъ, наровящихъ теперь вступить на дорогу оппортунистическаго соціалъ-національнизма и увлечь на нее нѣкоторые элементы пролетаріата.

* * *

Матеріаломъ для ближайшей характеристики разслоенія, о которомъ мы говорили, послужатъ резолюціи: 1. Всероссійской конференціи Россійской Соціалъ-демократической Рабочей Партіи, состоявшейся 24 и 29 апрѣля. 2. Обще-городской конференціи Междурайоннаго Комитета Объединенныхъ Соціалъ-Демократовъ. 3. Обще-Россійской конференціи части Р. С.-Д. Р. П., примыкающей къ Организаціонному Комитету, и Петроградской конференціи тѣхъ же группъ.

Мы не хотимъ затягивать нашу работу подробнымъ анализомъ всѣхъ резолюцій. Мы остановимся лишь на важнѣйшихъ вопросахъ: на отношеніи къ войнѣ и къ Временному Правительству.

Резолюція соціалъ-демократовъ большевиковъ о войнѣ начинается съ констатированія ея имперіалистическаго характера и того факта, что новое правительство въ существенномъ не мѣняетъ своей позиціи къ этой, для него также завѣдомо-имперіалистической войнѣ. Доказательство этому конференція видитъ въ томъ, что тайные договоры царскаго правительства съ союзниками остаются не только не опубликованными, но и находятъ формальное подтвержденіе въ недвусмысленныхъ заявленіяхъ министра иностранныхъ дѣлъ—«поэтому пролетарская партія не можетъ поддерживать ни теперешней войны, ни теперешняго правительства, ни его займа, не разрывая совершенно съ интернаціонализмомъ». Резолюція приводитъ убѣдительныя доказательства тому, что обѣщанія Милюковскаго (равно какъ и нынѣшняго, на большую половину буржуазнаго) правительства — стремиться къ миру безъ анексій и контрибуцій —, остаются словами.

Тактическій выводъ изъ этого конференція дѣлаетъ слѣдующій: «наша партія будетъ терпѣливо, но настойчиво разъяснять народу ту истину, что эту войну можно окончить демократическимъ миромъ только посредствомъ перехода всей государственной власти, по крайней мѣрѣ въ нѣсколькихъ воюющихъ странахъ, въ руки класса пролетаріевъ и полупролетаріевъ. Пока революціонный классъ въ Россіи не взялъ въ свои руки государственной власти, партія обѣщаетъ всемѣрно поддерживать тѣ пролетарскія партіи и группы заграницей, которыя на дѣлѣ ведутъ уже во время войны революціонную борьбу противъ своихъ имперіалистическихъ правительствъ.»

Комментаріи къ этой резолюціи, приведенной нами во всемъ существенномъ, были бы излишни, если бы слова «терпѣливо и настойчиво» не наталкивали на ложную въ данномъ случаѣ мысль, что такимъ образомъ *практически* большевики кладутъ вопросъ о возможно-скоромъ окончаніи войны до нѣкоторой степени подъ сукно, считаютъ вообще создавшееся положеніе—терпимымъ. Такое представленіе о темпѣ, въ какомъ, по мнѣнію большевиковъ, должна вестись работа для агитаціи за возможно скорый миръ, совершенно не соотвѣтствуетъ истинѣ.

Та же резолюція, конечно, выразительно подчеркиваетъ, что утвержденіе, будто большевики сочувствуютъ сепаратному миру съ Германіей, есть низкая клевета, но вмѣстѣ съ тѣмъ партія эта изъ благороднаго отвращенія трудовыхъ элементовъ русскаго народа къ сепаратному миру съ правительствомъ Вильгельма, къ предоставленію союзниковъ собственной участи, не хочетъ дѣлать петлю на шеѣ Россіи, конецъ которой оставался бы во властныхъ рукахъ англійскихъ имперіалистовъ. Доказательствомъ этому служитъ то, что явно выраженная попытка соотвѣтственныхъ англо-французскихъ круговъ затянуть подобнаго рода петлю на нашей шеѣ вызвала со стороны Центральнаго Комитета Р. С.-Д. Р. П. энергичный шагъ,— внесеніе въ исполнительный комитетъ С. Р. и С. Д. извѣстной резолюціи отъ 13 іюня съ предложеніемъ Совѣту немедленно взять всю власть въ свои руки для спасенія Россіи и сдѣлать цѣлый рядъ въ высшей степени цѣлесообразныхъ и революціонныхъ шаговъ къ быстрому прекращенію войны. Приведемъ въ дополненіе къ резолюціи конференціи нѣкоторыя важнѣйшія строки этого предложенія, являющіяся практическимъ осуществленіемъ директивъ конференціи.

Справедливо видя крушеніе иностранной политики коалиціоннаго министерства въ твердо имперіалистическихъ отвѣтахъ союзниковъ, Центральный Комитетъ требуетъ немедленнаго пересмотра проводившейся до сихъ поръ Совѣтомъ политики и рекомендуетъ ему тотчасъ-же обратиться къ рабочимъ и солдатамъ всѣхъ воюющихъ странъ съ воззваніемъ, въ которомъ онъ долженъ указать на то, что «отвергаетъ захватную цѣль войны и русской, и германской, и англо-французской, и всякой другой буржуазіи, не считаетъ для трудящихся массъ Россіи обязательными тайные договоры, заключенные правительствомъ стараго режима, призываетъ угнетенные классы всѣхъ странъ къ революціи противъ имперіалистическихъ правительствъ» и что самое важное. Совѣтъ, *превратившійся въ русское правительство*, немедленно обращается ко всѣмъ воюющимъ правительствамъ и отдѣльно ко всѣмъ трудящимся классамъ этихъ странъ съ изложеніемъ условій мира, на основѣ полнаго осуществленія самоопредѣленія націй и съ предложеніемъ немедленнаго открытія мирныхъ переговоровъ. Центральный Комитетъ рекомендуетъ также Совѣту обратиться къ арміи съ воззваніемъ, въ которомъ должно быть обрисовано положеніе, создавшееся для Россіи благодаря имперіалистическимъ планамъ какъ германской, такъ и англо-французской буржуазіи и выражающимъ требованіе отъ арміи напрячь всѣ свои усилія для рѣшительной самоорганизаціи, чтобы она могла представить мощную силу въ тотъ переходный періодъ, пока правительство и рабочіе классы воюющихъ странъ отвѣтятъ на предложенныя условія мира. Условіемъ такой самоорганизаціи арміи Центральный Комитетъ считаетъ «отмѣну Совѣтомъ всѣхъ распоряженій противъ интернаціоналистскихъ элементовъ въ арміи».

Такъ называемые Объединенные соціалъ-демократы, насчитывающіе въ своей средѣ какъ большевиковъ, такъ и меньшеви-

ковъ, съ невозбуждающей сомнѣнія опредѣленностью заняли позицію, тождественную съ позиціей большевиковъ. Этому нельзя удивляться. Большевики, входящіе въ объединенную организацію, ушли изъ рядовъ организаціи, группировавшейся вокругъ Ц. К. въ силу разнаго рода теоретическихъ и организаціонныхъ разногласій, отнюдь, однако, не въ силу какого либо политическаго уклона направо. Наоборотъ, многіе изъ этихъ большевиковъ-объединенцевъ отошли отъ Ц. К. въ эпоху борьбы послѣдняго съ крайними лѣвыми элементами большевизма—(«отзовистами» и т. д.). Съ другой стороны, тѣ меньшевистскіе элементы, которые примкнули къ организаціи Объединенныхъ соціалъ-демократовъ, отходили отъ О. К. по чисто политическимъ соображеніямъ, изъ протеста къ такъ называемому ликвидаторству. Вотъ почему было бы заблужденіемъ смотрѣть на объединенныхъ соціалъ-демократовъ, какъ на своего рода промежуточное звено между радикальнымъ и оппортунистическимъ крыльями соціалъ-демократіи.

Резолюція о войнѣ Объед. с.-д. опять-таки считаетъ ее неизбѣжнымъ проявленіемъ имперіалистической фазы развитія капитала, и въ параллель большевистской резолюціи констатируетъ, что «Временное Правительство буржуазіи и помѣщиковъ, ставшее у власти, какъ до, такъ и послѣ пополненія его нѣсколькими соціалистическими министрами, пытается удачнѣе осуществить ту самую имперіалистическую программу, реализацію которой не сумѣлъ обезпечить царизмъ».

Въ резолюціи говорится далѣе, что пролетаріатъ Россіи не можетъ стремиться къ сепаратному миру съ германскимъ имперіализмомъ, что онъ видитъ исходъ лишь въ организаціи міровой борьбы пролетаріата. Нельзя сомнѣваться, что представленіе центральнаго комитета С. Д. и С. Р. будетъ активно поддержано и междуаіоннымъ комитетомъ Объединен. соціалъ-демократовъ.

Какъ извѣстно, на обще-россійской конференціи меньшевиковъ интернаціоналисты заявили, что принятыя на этой конференціи резолюціи для нихъ не обязательны. Получивъ большинство въ Петроградской организаціи, меньшевики-интернаціоналисты вынесли тамъ по вопросу о войнѣ 63 голосами противъ 40 интернаціоналистскую резолюцію тов. Ерманскаго, текста которой мы не имѣемъ, но которая возбудила гнѣвъ меньшинства, сгруппировавшагося вокругъ резолюціи Потресова, и вызвала со стороны оборонцевъ, являвшихся уже на этой конференціи въ роли меньшинства, новое заявленіе о непризнаніи ея рѣшеній обязательными для этого петроградскаго меньшинства, солидарнаго съ общегородскимъ большинствомъ соціалъ-демократовъ меньшевиковъ.

Теперь присмотримся къ основнымъ чертамъ оборонческой резолюціи, принятой на общероссійской конференціи, созванной О.К.С.-Д.Р.П. Надо сказать, что и здѣсь мы встрѣчаемъ тѣхъ же самыхъ лицъ, тов. Ерманскаго и Потресова; на этотъ разъ однако, резолюція тов. Ерманскаго проваливается безнадежно,

резолюція тов. Потресова менѣе безнадежно, а резолюція средняя получаетъ 44 голоса противъ 11-ти. Какъ и всѣ другія резолюціи, начинается она съ утвержденія, что война порождена имперіалистической политикой капитализма. Конференція «зоветъ пролетаріевъ всѣхъ странъ къ объединенію своихъ усилій въ борьбѣ за скорѣйшее заключеніе мира, притомъ мира всеобщаго, безъ аннексій и контрибуцій на основѣ самоопредѣленія народовъ, а ни въ какомъ случаѣ не мира сепаратнаго». Но далѣе слѣдуютъ такіе пункты: «пока войнѣ не положенъ конецъ усиліями международнаго пролетаріата, вся революціонная демократія обязана всемѣрно содѣйствовать укрѣпленію боеспособности арміи для *всесторонней* защиты страны отъ угрожающихъ ей внѣшнихъ опасностей».

Неудивительно, что конференція, возложившая всякіе дальнѣйшіе шаги противъ войны на отвѣтственность нашихъ сосѣдей, принявшая существующее въ Россіи положеніе вещей за идеальное въ смыслѣ интернаціонализма, примкнувшая къ идеѣ своеобразнаго оборонительнаго наступленія — пріобрѣла великую симпатію всей демократической и полудемократической обывательщины и показалась терпимой даже для имперіалистской «Рѣчи».

Какъ бы то ни было, болѣзненный конфликтъ на обѣихъ конференціяхъ меньшевиковъ показалъ, что эта позиція является въ глубочайшей степени непріемлемой для меньшевиковъ интернаціоналистовъ, представляющихъ собою безусловно правое крыло пролетарскаго соціалистическаго движенія, но тѣмъ не менѣе отрядъ движенія дѣйствительно-пролетарскаго и дѣйствительно соціалистическаго.

Просмотримъ теперь другую важнѣйшую резолюцію во всѣхъ формахъ, которую она приняла на разныхъ конференціяхъ: резолюцію объ отношеніи къ Временному Правительству. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что если оборонческая позиція по отношенію къ войнѣ свидѣтельствуетъ о слабости чисто пролетарскаго интернаціоналистическаго инстинкта и подготовляетъ почву для «бургфрида», естественнаго при преобладающемъ вліяніи въ меньшевистской соціалъ-демократіи мѣщанской интеллигенціи, то коалиціонное министерство является полнымъ осуществленіемъ такого «бургфрида».

Мы вправѣ были ожидать, что побѣда русской революціи поможетъ русскому пролетаріату высвободиться изъ власти тѣхъ половинчатыхъ лозунговъ, которые обрекаютъ часть пролетаріата на западѣ на безвольное подчиненіе буржуазному имперіализму. Увы, мощно идущій впередъ процессъ самоопредѣленія русской мелко-буржуазной демократіи отхватилъ у насъ весь тотъ отрядъ рабочей партіи, который числился за меньшевиками. Лишь сравнительно небольшая его часть и притомъ повидимому исключительно въ Петроградѣ оказалась внѣ вліянія оборонческой идеи.

Резолюція о коалиціонномъ министерствѣ, выработанная

ва конференціи сторонниковъ Ц. К., отличается свойственной конференціи опредѣленностью*.

«Вожди Петроградскаго Совѣта, стоящіе на сторонѣ народничества и шовинизма,—говорится въ важнѣйшей части этой резолюціи,—вступивъ въ соглашеніе съ Вр. Пр., принявъ имперіалистическую войну, высказавшись за заемъ и создавъ для себя всей своей политикой положеніе министровъ безъ портфелей, вынуждены брать на себя большую формальную отвѣтственность за правительство и капиталистовъ. Въ силу этихъ обстоятельствъ вопросъ о коалиціонномъ министерствѣ сталъ вопросомъ дня (напоминаемъ, что эта резолюція была принята 27 апрѣля); партія пролетаріата заявляетъ: всякій, кто войдетъ въ министерство, ведущее имперіалистическую войну, независимо отъ своихъ добрыхъ желаній, станетъ соучастникомъ имперіалистической политики капиталистовъ. Въ виду этого партія высказывается самымъ рѣшительнымъ образомъ противъ посылки Совѣтами Р. и С. Деп. своихъ представителей въ коалиціонное министерство».

Въ другой резолюціи «объ отношеніи къ Вр. Пр.» та же конференція констатируетъ, что «Временное Правительство является «органомъ господства помѣщиковъ и буржуазіи», что оно «уже начало атаку противъ революціонной демократіи, что оно «не способно принять революціонныхъ мѣръ въ области хозяйственной». Конференція постановила: «необходима длительная работа по прояснѣнію классоваго пролетарскаго сознанія и сплоченію пролетаріевъ города и деревни противъ колебаній мелкой буржуазіи, ибо только такая работа обезпечитъ успѣшный переходъ всей государственной власти въ руки С. Р. и С. Д. или другихъ органовъ, непосредственно выражающихъ волю большинства народовъ».

Читатель видитъ, что эта резолюція, какъ нельзя болѣе, далека отъ духа такъ называемаго «авантюризма». Авантюры конференція ожидаетъ скорѣе съ противной стороны и поэтому находитъ, что «партія пролетаріата обязана со всей энергіей сказать народу, что необходима организація и вооруженіе пролетаріата, тѣснѣйшій союзъ его съ революціонной арміей, разрывъ съ политикой довѣрія къ Вр. Пра-ву для предотвращенія серьезно-грозящей опасности массовыхъ разстрѣловъ пролетаріата, какъ въ іюньскіе дни въ Парижѣ.»

И здѣсь конференція Объединенныхъ соціалъ-демократовъ идетъ тѣми же путями.

Въ существенной своей части она называетъ привлеченіе въ составъ Вр. Правительства представителей С. Р. и С. Д. «попыткой обезглавить организацію революціи и сдѣлать ее отвѣтственной передъ народомъ за военную и соціальную политику капитала». Опасаясь могущаго произойти отсюда «замѣшательства въ сознаніи народа и подрыва авторитета его руководящихъ организацій, конференція энергично высказы-

* Конференція имѣла мѣсто до перехода власти къ коалиціонному министерству.

вается противъ коалиціоннаго министерства и заявляетъ, что по ея мнѣнію, «Совѣтъ Раб., Солд. и Крест. Ден.» является единственно-возможной, единственно-реальной формой народной революціонной власти».

Резолюціи по этому вопросу конференціи сторонниковъ О. К. отдѣлены отъ только что цитированныхъ цѣлой пропастью.

Считаясь съ кризисомъ власти въ странѣ, конференція заявляетъ, что «онъ не могъ быть разрѣшенъ захватомъ власти С. Р. и С. Д. (какъ будто само существованіе Вр. Пра-ва не есть захватъ власти русской революціей вообще, т. е. нѣкотораго демократическаго блока слабо организованнаго и довольно неопредѣленнаго, внѣ тѣхъ же Совѣтовъ). Для этого не созрѣли объективныя условія, это оттолкнуло бы отъ революціи значительные слои буржуазной демократіи и крестьянства. Кризисъ не могъ быть разрѣшенъ по созданіемъ правительства, отвѣчающаго интересамъ пролетаріата и революціи безъ участія въ немъ соціалъ-демократіи, ни переходомъ правительства въ руки болѣе правыхъ элементовъ буржуазіи, что угрожало странѣ гражданской войной. Поэтому конференція считаетъ необходимымъ оказывать новому Вр. Пра-ву, *гарантирующему твердость въ политикѣ*, направленной къ осуществленію требованій демократіи въ странѣ и въ области международныхъ отношеній, полную и безусловную поддержку».

Отмѣтимъ, что эта резолюція, начиная съ почти явнаго заявленія, что коалиціонное министерство есть *наименьшее изъ золъ*, неожиданно кончаетъ утвержденіемъ, будто оно даетъ всѣ необходимыя для революціи гарантіи и призывомъ къ поддержкѣ его *безусловной*, что ужъ совсѣмъ непонятно, такъ какъ революціонный пролетаріатъ оставляетъ за собой всегда право критики и протеста и не могъ бы обѣщать *безусловной* поддержки даже чисто соціалистическому министерству, не говоря о министерствѣ буржуазномъ, съ нѣкоторой соціалистической примѣсью!

Забвеніе принципа классовой борьбы, забвеніе того факта, что революція не только развивается, но просто живетъ, существуетъ, дышетъ лишь борьбою пролетаріата противъ капитала, и крестьянства противъ помѣщиковъ и ростовщиковъ—колетъ глаза. Стремленіе не оттолкнуть отъ революціи капиталистическую буржуазію, возглавляемую милліонерами и заводчиками Коноваловымъ и Терещенко и скромно названную «нѣкоторымъ элементомъ буржуазной демократіи»—есть явный призывъ къ бургфриду, оно ставитъ конференцію меньшевиковъ за предѣлы даже самой правой позиціи Циммервальда, т. е. за предѣлы сколько-нибудь пролетарскаго соціалъ-демократизма, и приближаетъ ее вплотную къ политическимъ позиціямъ Шейдемановъ, Гедовъ и Гендерсоновъ.

Само собой разумѣется, что меньшевики-интернаціоналисты—фракція безусловно пролетарская, не смогли пойти по этому пути. Интернаціоналисты рѣзко протестовали на конференціи противъ этого рѣшенія.

На состоявшейся вскорѣ послѣ этого и проходившей подъ ихъ знакомъ конференціи Петроградской организаціи была принята резолюція, рѣзко отвергающая идею коалиціоннаго министерства.

Съ принципами меньшевиковъ-интернаціоналистовъ такое участіе еще менѣе совмѣстимо, чѣмъ съ принципами лѣвыхъ соціалъ-демократовъ.

Лѣвые соціалъ-демократы отвергаютъ во всякое время, мирное и военное, органическое и революціонное, *всякое* сотрудничество съ *капиталистической* буржуазіей, но они не отвергаютъ *въ атмосферѣ революціи* весьма тѣсныхъ блоковъ съ полупролетарскими элементами, съ бѣднѣйшей частью крестьянства и мѣщанства. Вѣря въ организаторскую силу пролетаріата, они не боятся коалиціи съ дѣйствительно революціонными элементами непролетарской демократіи. Именно эта идея включалась въ формулы Ленина и Каутскаго: диктатура пролетаріата и крестьянства. Въ свое время эта формула встрѣчала рѣзкую критику со стороны т. Троцкаго, переносившаго центръ тяжести на пролетаріатъ. Въ 1906 году могло казаться, что т. Троцкій и его сторонники стоятъ на точкѣ зрѣнія диктатуры одного только пролетаріата, къ каковой въ Россіи, до начала соціалистической революціи въ Европѣ, невозможно было бы приступить ранѣе, вѣроятно, чѣмъ черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ.

Конечно, и въ настоящее время всѣ лѣвые соціалъ-демократы признаютъ, что русская революція осуждена заранѣе, если на выручку ей не подоспѣетъ революція міровая, могущая на западѣ носить лишь характеръ соціалистическій. Но фактъ остается фактомъ: именно въ силу своей отсталости, именно въ силу относительной легкости разбить столь несносныя и столь непрочныя оковы самодержавія, Россія опередила Европу и можетъ содѣйствовать скорѣйшему наступленію въ ней рѣшительныхъ событій, доводя свою демократическую революцію до крайнихъ возможныхъ предѣловъ.

Вотъ что заставило т. Троцкаго притти къ мысли, высказанной также и въ резолюціи Объединенныхъ соціалъ-демократовъ,— что единственно реальной формой народовластія въ Россіи можетъ быть власть Сов. Раб., Солд. и Крест. Деп. Квинтэссенціей, надеждой этого положенія является: диктатура пролетаріата, опирающагося на революціонную демократію, идейно и морально политически организующаго ее. Ясно, что и новая формула Ленина: *пролетаріатъ и полу-пролетаріатъ*, при выводѣ изъ нея того же политическаго требованія—передачи всей власти Совѣтамъ, является почти абсолютно тождественной съ мыслью т. Троцкаго. Вообще, всѣ большевики и Объединенные соціалъ-демократы сходятся здѣсь безусловно.

Для меньшевиковъ-интернаціоналистовъ, оставшихся вѣрными тактикѣ абсолютнаго воздержанія пролетаріата отъ всякихъ блоковъ съ другими классами, правительство, уполномоченное Совѣтами, является также *коалиціей*, правда, не съ капиталистической, но съ мелкой буржуазіей. Съ перваго взгляда, это—тактика абсолютной самостоятельности пролетаріата.

Тактика организаціи пролетаріатомъ лишь возможно болѣе

сильной оппозиціи всякому правительству, для классоваго давленія на это правительство, можетъ показаться наиболѣе лѣвой, наиболѣе принципіальной. Но это — иллюзія.

На самомъ дѣлѣ въ революціонную эпоху рецептъ: давить на правительство, но заранѣе отказаться отъ власти,—является признакомъ недостаточной вѣры въ организаторскій геній пролетаріата, недостаточной революціонной энергіи, недостаточнаго революціоннаго реализма, который такъ свойственъ пролетаріату, словомъ, признакомъ той умѣренности и книжной размѣренности, той жажды совершать движеніе впередъ по этапамъ, и каждый этапъ получать изъ рукъ исторіи въ чистомъ, въ классическомъ, теоріей предуказанномъ видѣ, которая характеризуетъ правое, на дѣлѣ оппортунистическое крыло классовой рабочей партіи, весьма любящее скрываться то за, якобы, необыкновенно тонко понятой доктриной Маркса, то за, якобы, необыкновенно научной его критикой. Неизбѣжнымъ спутникомъ теоріи и практики праваго крыла нашей партіи является всемѣрная попытка на ревизіонистскомъ или на мнимо-марксистскомъ языкѣ перевести паѳосъ, хаосъ революціи и носящійся надъ нимъ духъ напряженной творческой активности, на языкъ эволюціи, процессовъ, законовъ и т. п.

Несмотря на то, что революціонное крыло соціалъ-демократіи яркой чертой отдѣляется отъ крыла эволюціоннаго, мы, не обинуясь, признаемъ нашихъ товарищей меньшевиковъ-интернаціоналистовъ за пролетарскую политическую группу, выражающую извѣстную тенденцію *рабочаго класса*. Но мы склонны думать, что отъ меньшевиковъ-оборонцевъ и насъ, и ихъ—хотя они стараются этого не замѣтить—отдѣляетъ не черта а *пропасть*. Тутъ не разница ученій, тутъ не тактическое расхожденіе, тутъ происходитъ *разрывъ* случайно-организаціонно сплетшихся, *но глубоко различныхъ классовъ*. Націонализмъ Плехановыхъ и Потресовыхъ, оборончество Либеровъ и Дановъ—все это проявленія откола отъ рабочей партіи нѣкоторой весьма внушительной группы русскихъ радикаловъ. Это и создаетъ возможность такого глубокаго согласія между меньшевиками и соц.-революціонерами.

Богатый матеріалъ, который даютъ для примѣненія этой точки зрѣнія Всероссійскій Съѣздъ Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ и только-что окончившій свои работы Всероссійскій Съѣздъ С-овъ Р. и С.Д., будетъ нами освѣщенъ въ слѣдующей статьѣ въ связи не только съ вопросомъ о разслоеніи соціализма, но и о возможныхъ взаимоотношеніяхъ группъ пролетарскихъ и группъ мелко-буржуазныхъ.

Но событія бѣгутъ въ безумномъ темпѣ, и мы слѣдуемъ за ними, задыхаясь. Кто знаетъ, не измѣнится ли къ тому времени, когда выйдетъ слѣдующая книжка «Лѣтописи», вся ситуація настолько радикально, что даже этотъ поставленный нами къ обсужденію важнѣйшій вопросъ будетъ отодвинутъ на задній планъ новыми, совсѣмъ неожиданными.

А. Луначарскій.

Петроградскій Союзъ

ПОТРЕБИТЕЛЬНЫХЪ ОБЩЕСТВЪ.

12-го мая 1917 года.

№ 612

Въ виду того, что въ ближайшемъ будущемъ предполагается созвать Всероссійскій Съѣздъ дѣятелей рабочей кооперації, Петроградскій Союзъ Рабочихъ Потребительныхъ Обществъ обращается ко всѣмъ независимымъ, зависимымъ, фабрично-заводскимъ, желѣзно-дорожнымъ и прочимъ потребительнымъ обществамъ всей Россіи съ просьбой въ кратчайшій срокъ сообщить слѣдующія свѣдѣнія:

1. Адресъ Общества; 2. Годъ основанія; 3. Число членовъ; 4. Годовой оборотъ; 5. Размѣръ собственныхъ средствъ и 6. Примутъ ли участіе въ будущемъ Съѣздѣ.

Отвѣты направлять по слѣдующему адресу: Петроградъ, Эртелевъ пер. 6, кв. 11, Петроградскій Союзъ Рабочихъ Потребительныхъ О-въ.

Просимъ провинціальныя изданія перепечатать.

БИБЛІОГРАФІЯ.

ЕСТЕСТВЕННЫЯ БОГАТСТВА РОССІИ.

(Обзоръ литературы).

Вопросъ объ изслѣдованіи и техническомъ использованіи естественныхъ богатствъ страны, выдвинутый цѣлымъ рядомъ общественныхъ и техническихъ организацій еще въ первые мѣсяцы послѣ начала войны, въ настоящее время является однимъ изъ конкретныхъ достиженій широкаго общественнаго движенія, возникшаго въ Россіи въ 1915 г. и получившаго названіе «мобилизаціи промышленности». Въ данный моментъ этотъ вопросъ пріобрѣтаетъ особое значеніе—главная роль въ немъ принадлежитъ общественной иниціативѣ. Справочныя бюро различныхъ военно-техническихъ организацій завалены запросами, относящимися къ разработкѣ сырыхъ матеріаловъ и, судя по практикѣ этихъ учрежденій, широкіе круги населенія, въ большинствѣ случаевъ, совершенно не освѣдомлены о довольно значительной уже литературѣ, появившейся за послѣдніе годы въ Россіи, посвященной естественнымъ богатствамъ. Необходимо поэтому, какъ можно шире распространять свѣдѣнія по этимъ вопросамъ; предлагаемый вниманію читателей обзоръ и ставитъ себѣ задачей отчасти удовлетворить этотъ спросъ.

Изъ изданій общаго характера необходимо отмѣтить рядъ появившихся за послѣдніе годы періодическихъ и непериодическихъ изданій, посвященныхъ естественнымъ богатствамъ и представляющихъ собой одно цѣлое. На первомъ мѣстѣ здѣсь надо поставить «*Матеріалы для изученія естественныхъ производительныхъ силъ Россіи*», издаваемые Комиссіей по изученію естественныхъ производительныхъ силъ при Академіи Наукъ, работающей съ 1915 г. подъ предсѣдательствомъ акад. В. И. Вернадскаго (въ настоящее время изданъ полный отчетъ дѣятельности Комиссіи за 1915—1916 гг., составленный секретаремъ Комиссіи А. Е. Ферсманомъ). Комиссіей издаются отдѣльныя монографіи по использованію и изученію полезныхъ ископаемыхъ и различныхъ отраслей промысловаго растеніеводства и животноводства. Подробный перечень вышедшихъ до настоящаго времени 15 выпусковъ будетъ помѣщенъ ниже, по соотвѣтствующимъ отдѣламъ.

Образовавшаяся при Химическомъ Отдѣлѣ Комитета Военно-Технической Помощи Комиссія Сырья также выпускаетъ свои «*Труды*», которые до настоящаго времени въ продажу не поступали, какъ издаваемые на правахъ рукописи. До сихъ поръ вышло два выпуска, посвященныхъ работамъ Комиссіи по изученію полезныхъ ископаемыхъ, добычѣ изъ нихъ химическихъ реактивовъ и использованію ихъ въ техникѣ. Далѣе, необходимо отмѣтить появленіе въ Россіи спеціальныхъ журналовъ, посвященныхъ естественнымъ богатствамъ. Съ начала 1916 г. издается въ Москвѣ Рудной Секціей Химическаго Отдѣла Главнаго по снабженію арміи Комитета Всероссійскихъ Земскаго и Городского Съѣзда журналъ «*Рудный Вѣстникъ*», подъ редакціей В. А. Обручева и при участіи Петроградскаго Института «Lithogaea». Журналъ посвященъ исключительно полезнымъ ископаемымъ и въ этомъ отношеніи является весьма цѣннымъ изданіемъ, такъ какъ, кромѣ

оригинальныхъ статей, въ немъ помѣщается крайне тщательно составляемая библіографія по всѣмъ вопросамъ, касающимся минеральнаго сырья.

Въ Петроградѣ съ 1916 г. издается ежемѣсячный журналъ «*Поверхность и Нѣдра*», нѣсколько отличающіися отъ предыдущаго изданія нѣкоторыми расширеніями программы. Наконецъ, Московскимъ Военно-Промышленнымъ Комитетомъ въ томъ же 1916 году началъ издаваться двухнедѣльный журналъ «*Производительныя силы Россіи*». Это журналъ болѣе общаго характера, значительное мѣсто въ своей программѣ отводящіи изученію и использованію естественныхъ богатствъ. Чтобы покончить съ періодическими изданіями, отмѣтимъ еще, что вопросу объ естественныхъ богатствахъ стали за послѣднее время отводить много мѣста многія ранѣе существовавшія спеціальныя изданія. Почти всѣ органы мѣстныхъ обществъ любителей природы и изученія мѣстнаго края помѣстили за 1915 и 1916 гг. много статей о культурѣ лекарственныхъ растеній, добычѣ и изслѣдованію полезныхъ ископаемыхъ и т. д. Особенно нужно отмѣтить «*Извѣстія О-ва изученія Олонецкой губ.*», «*Записки Уральскаго О-ва Любителей Естествознанія*» и «*Вѣстникъ О-ва Сибирскихъ Инженеровъ*». Свѣдѣнія о естественныхъ богатствахъ, помѣщенныя въ этихъ журналахъ, тѣмъ болѣе цѣнны, что являются результатомъ непосредственнаго изученія и обслѣдованія трактуемаго вопроса на мѣстѣ, а не общей сводкой литературныхъ данныхъ.

Перейдемъ теперь къ болѣе детальному разсмотрѣнію отдѣльныхъ изданій, по категоріямъ.

Минеральныя богатства. Въ «Матеріалахъ по изученію естественныхъ производительныхъ силъ Россіи» изданы слѣдующіе очерки въ этой области: *А. Е. Ферсманъ*. Русскія мѣсторожденія суконвальныхъ глинъ и близкихъ къ нимъ веществъ. Стр. 23. Ц. 20 к. *В. Г. Хлопинъ*. «Литій и его соединенія, ихъ техническое примѣненіе и нахожденіе въ русскихъ минералахъ». Стр. 38. Ц. 15 к. *Е. В. Еремина*. «Соединенія барія въ Россіи». Стр. 60. Ц. 20 к. *П. П. Сущинскій*. «Очеркъ мѣсторожденій вольфрамовыхъ и оловянныхъ рудъ въ Россіи». Стр. 45. Ц. 40 к. *В. В. Аршиновъ*. «Алюминіевыя руды и возможность ихъ нахожденія въ Россіи». Стр. 29. Ц. 20 к. *Н. И. Андрусовъ, Н. С. Курнаковъ и друг*. «Карабугазъ и его промышленное значеніе. Стр. 69. Ц. 20 к. *П. А. Земятченскій*. «Поглотительныя свойства русскихъ глинъ». Стр. 35. Ц. 20 к. *Я. В. Самойловъ*. «Мѣсторожденія сѣрнаго колчедана въ Россіи». Стр. 96. Ц. 26 к. *С. Ф. Жемчужный*. «Полученіе чистой платины и ея свойства». Стр. 18. Ц. 20 к. *Е. Д. Ревуцкой*. «Русскія мѣсторожденія исландскаго шпата». Стр. 17. Ц. 20 к.

Много свѣдѣній о минеральныхъ богатствахъ можно найти еще въ «*Общемъ обзорѣ главныхъ отраслей Горной и Горно-Заводской промышленности*». (Особое приложеніе къ смѣтѣ Горнаго Департамента за 1916 г.). «*Культура лекарственныхъ и техническихъ растеній*». Здѣсь въ первую очередь необходимо поставить рядъ изданій Департамента Земледѣлія. Въ 1916 г. выпущенъ вторымъ изданіемъ обстоятельный справочникъ, составленный *проф. В. Л. Комаровымъ*—«Сборъ, сушка и разведеніе лекарственныхъ растеній въ Россіи». Стр. 128 съ 66 табл. рис. Ц. 50 к. Въ томъ же году изданъ большой трудъ *В. В. Пашкевича*—«*Лекарственныя растенія*» и небольшая брошюра *Ф. А. Сацыперова*—Краткія свѣдѣнія о современномъ положеніи сбора, культуры и переработки лекарственныхъ растеній въ Россіи».

Въ «Матеріалахъ» Академической Комиссіи изданы три выпуска по этому отдѣлу: *В. А. Комаровъ*. Что сдѣлано въ Россіи въ 1915 г. по культурѣ лекарственныхъ растеній». Стр. 12. Ц. 10 к.; *В. Н. Любименко*. «Табачная про-

мышленность въ Россіи. Стр. 88. Ц. 20 к. и *Н. Н. Монтеверде* — «Развитіе и современное состояніе промысла, сбора и культуры лекарственныхъ растеній въ Полтавской губ.». Стр. 75. Ц. 20 к.

Необходимо еще отмѣтить серію брошюръ, издаваемыхъ Никитскимъ Садомъ въ Ялтѣ, подъ общ. ред. проф. Н. И. Кузнецова, посвященныхъ различнымъ культурамъ Крымскаго полуострова, и журналъ «Русскіе Субтропики» (органъ Батумскаго отдѣла Русскаго О-ва Садоводства), почти сплошь заполняемый за послѣдніе годы матеріалами по культурѣ лекарственныхъ и техническихъ растеній на Черноморскомъ побережьѣ [1].

Промысловое животноводство. Съ 1913 г. Департаментъ Земледѣлія издаетъ серію брошюръ, подъ общимъ заголовкомъ «*Матеріалы къ познанію русскаго охотничьяго дѣла*». До настоящаго времени издано 9 выпусковъ, въ которыхъ помѣщены обслѣдованія промысловаго значенія тѣхъ или другихъ животныхъ (*Г. Г. Доппельмайеръ* — «Промысловый ловъ зайцевъ для разведенія въ Валдайскомъ и Демянскомъ уѣзд. Новгородской губ.» Стр. 37. Ц. 20.; *Б. М. Увитковъ*—«О промыслѣ и охранѣ птицъ въ дельтѣ Волги». Стр. 57. Ц. 30 к.; *Д. В. Померанцевъ*—«Сельскохозяйственное значеніе грача въ Екатеринославской губ.» стр. 53. Ц. 20 к.), монографіи о современномъ состояніи и значеніи охотничьихъ хозяйствъ, акклиматизаціи промысловыхъ животныхъ и проч. Въ академическихъ «Матеріалахъ» имѣются два очерка: *В. И. Мейснеръ*. «Рыбный промыселъ въ Семирѣчьи и его возможное будущее». Стр. 20. Ц. 20 к. и *Е. Ф. Лискунъ*— «Мясной вопросъ въ современной хозяйственной обстановкѣ». Стр. 23. Ц. 20 к.

Весьма обстоятельныя данныя объ экономическомъ значеніи промысловыхъ животныхъ можно найти въ недавно вышедшей книгѣ *Я. Я. Полферова* «Продукты охотничьяго промысла и ихъ значеніе въ товарообмѣнѣ Россіи съ заграницей». Изд. Мин. Фин. Петрогр. 1916. Ц. 1 р.

Въ заключеніе необходимо отмѣтить, что неоднократно уже упоминавшейся въ настоящемъ обзорѣ Академической Комиссіей приступлено въ данное время къ изданію большого 6-томнаго сборника, подъ общимъ заглавіемъ «*Естественныя производительныя силы Россіи*». Первый томъ этого сборника, подъ заглавіемъ—Вѣтеръ, какъ двигательная сила (матеріалы для облегченія и развитія въ Россіи вѣтряныхъ двигателей) составляется подъ редакціей акад. М. А. Рыкачева. Второй томъ посвященъ «Бѣлому углю» (использованіе энергіи паденія воды). Въ третьемъ томѣ, подъ ред. акад. Н. И. Андрусова, будетъ общая сводка по вопросу объ артезіанскихъ водахъ. Четвертый томъ посвящается «Полезнымъ Ископаемымъ» и издается подъ ред. проф. К. И. Богдановича. Первая половина этого тома (ок. 30-ти печ. лист.), содержащая въ себѣ свѣдѣнія о желѣзѣ, марганцѣ, хромѣ, ртути, оловѣ, вольфрамѣ, мышьякѣ, сурьмѣ, молибденѣ, графитѣ, сѣрѣ, слюдѣ, асбестѣ, магнезитѣ, селитрѣ, глауберовой соли, борѣ, природныхъ газахъ и литіи—выйдетъ въ текущемъ 1917 г.

Въ пятомъ томѣ, подъ ред. акад. И. П. Бородина, помѣщается «Растительный міръ» и въ послѣднемъ томѣ, подъ ред. акад. В. В. Заленскаго— «Животный міръ».

Н. Сумъ.

---

[1] Дополнительныя свѣдѣнія по всѣмъ отдѣламъ настоящаго обзора, составитель его охотно предоставитъ всѣмъ читателямъ, интересующимся вопросами о разработкѣ естественныхъ богатствъ.

Эмиль Верхарнъ. Стихи въ переводѣ Б. В. Бера. Москва. 1917. Стр. 126. ц. 2 руб.

Есть извѣстное изреченіе Жуковскаго: «переводчикъ въ прозѣ—рабъ, переводчикъ въ стихахъ—соперникъ». Г. Беръ показалъ своей книгой, что и переводчикъ стиховъ можетъ быть рабомъ своего оригинала. Говоримъ это отнюдь не въ осужденіе ему. Г. Беръ —переводчикъ чрезвычайно добросовѣстный, стихи его, дѣйствительно, являются стихами Верхарна. Главная особенность его переводовъ—точность и полнота въ передачѣ образовъ, словеснаго содержанія, а также и формальнаго строенія оригинала. Повидимому, не обладая самостоятельнымъ поэтическимъ талантомъ, Г. Беръ не могъ вложить въ переводы ничего своего, не могъ создать произведеній, равноцѣнныхъ Верхарну.

Конечно, стихи Верхарна многое потеряли въ переводѣ, но то, что является главнымъ въ стихахъ именно Верхарна — ихъ словеснологическій остовъ — г. Беру удалось сохранить такъ, какъ это рѣдко удается. Поэтому книга г. Бера, не давая читателю большого художественнаго наслажденія, даетъ ему, однако, весьма хорошее и правильное представленіе о бельгійскомъ поэтѣ.

Сборникъ заключаетъ въ себѣ переводы изъ восьми книгъ Верхарна, при чемъ нѣкоторыя переведены почти цѣликомъ.

Д. Выгодскій.

Владиміръ Пруссакъ. Деревянный крестъ. Вторая книга стиховъ. Иркутскъ. 1917 г. Изд. «Иркутскіе вечера». Стр. 106. ц. 1 р. 25 к.

Вторая книга стиховъ г. Пруссака является большимъ шагомъ впередъ по сравненію съ его первой книгой, почти сплошь подражательной. Правда, и вторая книга оказывается въ значительной степени книгой ученической. Опредѣленно чувствуется, что поэтъ еще не нашелъ себя, что для него святы авторитеты старшихъ поэтовъ, настолько святы, что порою они дороже для него, чѣмъ собственные порывы. Недаромъ онъ даетъ себѣ завѣтъ:

Быстро-бѣгущіе дни непрестанно,
упорно работай,
Старыхъ пѣвцовъ изучай;
Каждую форму стиха терпѣливо
мыслью изслѣдуй,
Трудныя строки чекань.

И вотъ эта упорная работа, эта сознательная чеканка трудныхъ строкъ сквозитъ во всѣхъ его тріолетахъ, рондо, ронделяхъ, онѣгинскихъ строфахъ, сонетахъ, терцинахъ, газэлахъ, секстинахъ, нонахъ, вѣнкахъ сонетовъ. Кажется, будто поэтъ задался цѣлью исполнить всѣ техническія задачи классическихъ поэтикъ, доказать себѣ, что нѣтъ строфическаго построенія, недоступнаго для стихотворческаго усердія. И даже нѣкоторыя его попытки самостоятельнаго строительства («Грозный часъ, Великая бѣда», «Замерзаніе») носятъ отпечатокъ умышленно поставленной передъ собой трудной задачи.

Однако, справедливость требуетъ указать, что рядомъ съ первымъ завѣтомъ г. Пруссакъ поставилъ себѣ и второй:

Порывы творчества безцѣльны,
Искусствомъ пѣсню не зови,
Пока не смочена въ крови
Души, пораненной смертельно.

И подъ флагомъ этого завѣта тоже написаны нѣкоторыя страницы, въ которыхъ сквозитъ подлинный поэтическій пафосъ и чувствуется біеніе самостоятельнаго творческаго пульса.

Д. Выгодскій.

В. М. Алексѣевъ. Китайская поэма о поэтѣ. Стансы Сыкунъ-Ту. (837—908). Петроградъ, 1916. Изданіе Академіи Наукъ.

Книга г. Алексѣева вышла въ 16 году, въ разгаръ войны, и многими не была замѣчена. А между тѣмъ она представляетъ интересъ не только для спеціалистовъ, но и для широкой читающей публики.

Въ Россіи работы, подобныя «Поэмѣ о Поэтѣ», къ сожалѣнію, очень рѣдки. Чаще всего тяжелый, не-литературный языкъ, догматическая сухость, отсутствіе ясныхъ обобщеній— лишаютъ наши академическія и университетскія изданія всякаго общекультурнаго значенія. Книга г. Алексѣева хороша тѣмъ, что она не отрываетъ поэзію Сыкунъ-Ту отъ всей духовной культуры Китая, отъ его матоваго пейзажа, застывшей власти и науки, и созерцательной, меланхолической, глубоко-умиротворяющей религіи.

Для художника и художественнаго критика «Поэма о Поэтѣ» имѣетъ

еще большее значеніе, чѣмъ для синолога или рядового читателя.

«L'art poetique» Буало, «Ars poëtiqua» Горація, записки да-Винчи и Дюрера передали будущему много техническихъ пріемовъ, много правилъ и дѣленій, необходимыхъ въ ремеслѣ и искусствѣ: ритмовъ и строфъ, невянущихъ красокъ, тонкихъ мастикъ, подъ которыми не разрушаются полотна. Къ этому мастерству запада китайскій поэтъ прибавляетъ глубокое знаніе самого творческаго акта. Мы знаемъ, что для каждаго цвѣта есть особая краска или смѣшеніе красокъ, для каждаго настроенія—размѣръ, звукъ опредѣленной длины. Сыкунъ-Ту проникаетъ глубже.

Для него искусство есть постепенное приближеніе человѣка къ Богу (Дао), раствореніе одного въ другомъ. И для каждой чистой мысли, для каждой радости, для каждаго усилія воли, освобождающаго духъ отъ земли и земного—художникъ обрѣтаетъ символическое изображеніе: бѣлый, одинокій аистъ, свободно летящій, дерево въ цвѣту, или испещренная жилками яшма.

Владѣя природой, какъ палитрой, художникъ не можетъ не измѣниться подъ вліяніемъ своего искусства. Не просто поэтъ, но Дао—поэтъ, не человѣкъ, но сверхчеловѣкъ, онъ одинаково свободенъ, осыпанный милостями богдыхана, и въ изгнаніи, на берегу уединенной рѣки.

«Коль скоро мой геній самъ въ себѣ
заключаетъ богатство и знатность,
То я презираю желтое золото
или

«А вотъ въ чемъ роскошь истиннаго
поэта: остатки тумана на рѣчномъ
берегу.
Красные абрикосы, зрѣющіе въ
рощѣ,
Въ лунномъ сіяніи стоитъ роскошный домъ,
И росписной мостъ одѣтъ прозрачно-лазурной тѣнью.

Но больше, чѣмъ богатства и людской суеты, боится поэтъ старыхъ ученыхъ, «жующихъ воскъ», «масломъ загасившихъ свѣтильникъ»», за тонкостью и великолѣпіемъ древняго искусства потерявшихъ свѣжесть и безыскусность души.

Въ краткой замѣткѣ изуродовавъ «Поэму о Поэтѣ», мнѣ, конечно, невозможно передать, какое значеніе эта вещь имѣетъ не только для восточнаго искусства, которое она выводитъ изъ тупика подражанія и мертвенности, но и для міровой литературы. Развѣ все, о чемъ мы мечтали и мечтаемъ,—сліяніе искусства и жизни, эстетики и религіи — не выражено этимъ стансомъ?

Образъ ему: изъ куска руды получается золото,
Изъ свинцовой массы выплавляется серебро.
Душа поэта проходитъ какъ бы сквозь внутреннюю плавку, переходя въ лучшее.

Л. Рейснеръ.

Н. Гумилевъ. «Г о н д л а». Драматическая поэма въ 4-хъ частяхъ. «Русская Мысль», янв. 1917 г.

Новую поэзію до сихъ поръ часто, и не безъ основанія, упрекали за слишкомъ узкое пониманіе художественныхъ задачъ. Казалось страннымъ, что эстетическая школа, объявивъ войну цѣлому ряду другихъ направленій (символизмъ, футуризмъ и т. д.), сама, въ дѣлѣ осуществленія своихъ принциповъ, не пошла дальше чисто-лирической формы словеснаго письма.

Эпосъ и драма—«большое искусство» — оставались въ сторонѣ, а вся тяжесть новаго міросозерцанія, цѣлый рядъ темъ историческихъ и философскихъ—оказались втиснутыми въ хрупкіе сонеты, рондо и концоны. Перегруженный содержаніемъ и ограниченный въ объемѣ, стихъ утратилъ свою нечаянную легкость, и, чтобы не лишиться ясности и простоты, замѣнилъ художественную послѣдовательность—схемой и логикой раціональной.

Правда, уже дѣлались попытки къ исправленію этой досадной односторонности. «Открытіе Америки» и «Пятистопные Ямбы» Гумилева—первыя большія вещи, переходъ отъ сгущенной миніатюры къ чему-то большему.

Насколько нуженъ былъ еще одинъ шагъ въ этомъ направленіи—показываетъ недавно вышедшая лирическая драма «Гондла». Все въ ней радуется своему большому росту, стихъ расправляется въ монологахъ и діалогахъ, играетъ силой, нестѣсненной архитектурнымъ, героическимъ замысломъ. Даже театральныя, бутафорскія мелочи: заколдованная лютня, охраняющая пѣвца-лебедя, когти и клыки его преслѣдователей—только усиливаютъ чисто поэтическую цѣнность поэмы. Ясно, что легенда нужна, какъ роль, какъ діа-

лектическій пріемъ, для накопившейся, неудержимо растущей энергіи стиха.

Въ первой-же картинѣ опредѣленъ замыселъ пьесы, личный и одновременно соціальный. На престолъ Исландіи вступаетъ новый король, горбатый пѣвецъ Гондла, уроженецъ мирной христіанской Ирландіи. Женой его должна стать Лера, царевна суровой языческой Исландіи, и бракъ этотъ, соединивъ «лебедей и волковъ», обѣщаетъ обоимъ народамъ славное будущее.

Конечно, гордые ярлы, Груббе, Спорре, Ахти и Лаге, не желаютъ подчиниться власти немощнаго короля, неспособнаго «опорожнить на полѣ жолчанъ», поднять изъ берлоги медвѣдя и силою добыть любовь Леры.

Не смѣя коснуться самого царя, (дикарямъ и хищникамъ свойственно боязливое отвращеніе къ слабому), ярлы наносятъ ударъ его любви и чести. Леру, ожидающую жениха, Леру, ставшую нѣжной и покорной дѣвочкой Ланкъ — обманываетъ и оскорбляетъ участникъ ея воинственныхъ дневныхъ забавъ, могучій и дерзкій Лаге.

Все, что слѣдуетъ за этимъ насиліемъ: «неправый волчій» судъ, изгнаніе, позоръ и одиночество—только начало того пути, который проходятъ на землѣ всѣ сильные духомъ, горбатые лебеди, посаженные въ звѣринецъ. Начало религіи и начало искусства, всякой мысли и красоты — въ крестномъ мученіи. Оно есть—и дѣйствіе драмы становится древнимъ обрядомъ, въ которомъ нельзя измѣнить ни одной, смѣющейся или горестной личины. Гондла бѣжитъ, и по его слѣдамъ косматая, алчная свора.

Спорре: «Братъ, ты слышишь? Качается верескъ
Пахнетъ кровью прохлада луговъ,
Грубе: Сѣрый братъ мой, ты слышишь? На берегъ
Вышли козы, боятся волковъ.

И пѣвецъ, которому не уйти и не спастись, видитъ скорую смерть и въ послѣдній разъ отвѣчаетъ хору. «Вовсе ближе, унылый, грозящій. Гаснетъ взоръ, костенѣетъ рука. Сердце бьется тревожнѣй и чаще, и такая, такая тоска...»

Новая измѣна Леры, тяжелыя и грязныя работы у костра ея возлюбленнаго — все это проходитъ, какъ сонъ. Солнце просіяло болью, сѣверныя ели, утесы и воды кланяются человѣческому страданію. Природа ждетъ. Еще немного, и Безумный, съ кленовыми листьями и хвоей на плечахъ, войдетъ въ ея зеленый и живой рай.

«Новый міръ, неожиданно милый,
Цѣлый міръ открывается намъ..»

Такъ, по существу, кончается «Гондла», сынъ скальда, сказочный король, «звѣздный и надзвѣздный», полюбившій «огнекрылую боль», чужой землѣ и отъ нея свободный.

Но для Гумилева Гондла все же, въ концѣ концовъ, не только художественный образъ, но живой и побѣжденный христіанинъ, загнанный и затравленный царь. И непремѣнно здѣсь, на землѣ, среди этихъ вотъ язычниковъ, нужна ему окончательная, вещественная побѣда. Для нея и умираетъ Гондла, и мечомъ, вынутымъ изъ его сердца, лебеди крестятъ волковъ. Такъ, въ самомъ концѣ, почти неожиданно, на чашку вѣсовъ падаетъ тяжелое и общее понятіе—«христіанство», и кажется, что именно оно и перевѣшиваетъ, поглотивъ маленькій грузъ личнаго подвига и отреченія.

Совсѣмъ минуя какую бы то ни было религію, одной любовью, одной вѣрой искупаетъ свою вину Ланкъ. Ей все равно, кто положитъ въ ладью тѣло королевича: «люди, лебеди иль серафимы», и куда его понесетъ ночной вѣтеръ.

Есть только одна страна, отчизна лебедей, «многолиственныхъ кленовъ» и розъ, и къ ней приводитъ свободная смерть. Какъ ни ослѣпителенъ крестъ, онъ подчиняется законамъ старой, языческой правды, вѣщему обряду трягическихъ игръ.

«Такъ уйдемъ мы отъ смерти, отъ жизни,
Братъ мой, слышишь ли рѣчи мои?
Къ неземной, къ лебединой отчизнѣ
По свободному морю любви.

Совершенство стиха и заключительный монологъ Леры—до извѣстной степени вознаграждаютъ идеологическую запутанность послѣдняго дѣйствія, которое могло стать роковымъ для всего «Гондлы».

Л. Рейнеръ.

Р. Ивневъ. Несчастный ангелъ.

Найдутся, навѣрно, желающіе прочесть и этотъ романъ, тѣмъ болѣе, что авторъ выпустилъ уже нѣсколько кни-

жекъ стиховъ, усиленно занимался за время войны патріотизмомъ и христіанствомъ, и вообще прогуливался по нивамъ россійской словесности,—такъ что «имя» кой-какое у него имѣется.

А предостеречь читателя отъ потери времени хотѣлось бы... Думается, что цѣль эта будетъ достигнута, если будутъ приведены нѣкоторыя цитаты изъ романа. Не спеціально выбранныя цитаты — а такъ, первыя попавшіяся.

«И имя-то страшное у этого мальчугана: Левъ, Лева, Левушка. Левушкѣ—13 лѣтъ. Если ему 13 лѣтъ, я не буду говорить 12 или 14, я скажу просто: да, 13,—чтобы не быть похожимъ на тотъ большой городъ, который долго не рѣшался пускать трамвай подъ этой страшной цифрой».

Это, видите ли, авторъ остритъ. Не правда ли, хорошо? А вотъ еще: «Въ сберегательной кассѣ было душно, въ сберегательной кассѣ было пыльно, но мы не собираемся описывать сберегательныя кассы, пусть каждый, интересующіяся этимъ предметомъ, найдетъ за стеклянныя двери и потолкается тамъ, и онъ увидитъ все, что надо увидѣть, плюсъ то, чего не надо». А это, повидимому, образчикъ непринужденной болтовни. Такъ и просится образчикъ этотъ въ сборникъ свѣтскихъ разговоровъ.

Занимается авторъ также и психологическимъ анализомъ: «Маленькая фраза, маленькое слово, словечко, буквы самыя обыкновенныя. Вотъ просто: я такая гадкая* (здѣсь 3—я, 1—т, 4—а, 2—к, 1—г, 1—д) и какъ будто ничего, но это я такгд (если прочесть сразу, откинувъ цифры) произвело потрясающее дѣйствіе на Филиппа Львовича». Не довольно ли? Но вотъ еще одна цитата, на этотъ разъ философская. «Скрытая любовь—это все равно, какъ скрытый воздухъ, скрытое небо. Нельзя скрыть любовь, но можно о ней не говорить, и тогда она будетъ скрытая». Что жъ это, надъ собой издѣвается авторъ, надъ читателемъ, или онъ по простотѣ душевной искренне пишетъ такъ, какъ можетъ? Умышленно ли пародируетъ онъ А. Бѣлаго и Козьму Пруткова, или это у него нечаянно выходитъ? Нижеподписавшійся не можетъ отвѣтить на тягостные эти вопросы. Не думаю, чтобы кто-либо изъ прочитавшихъ романъ могъ на нихъ отвѣтить. Да, въ концѣ-концовъ, и самъ авторъ не отвѣтитъ.

М. Левидовъ.

П. Д. Успенскій. Кинодрама—оккультная повѣсть.

П. Д. Успенскій далекъ отъ беллетристики. Это авторъ цѣлаго ряда трудовъ, посвященныхъ вопросамъ философіи и психологіи, разсматриваемымъ подъ угломъ зрѣнія «оккультизма», и, повидимому, глава теософскаго движенія въ Россіи. Не въ журнальной рецензіи, конечно, разсматривать это своеобразное теченіе мысли, въ Россіи еще достаточно молодое, но не менѣе достаточно скомпрометированное своими послѣдователями, а главное и послѣдовательницами, во главѣ съ зачинательницей—Блаватской.

Отмѣтимъ лишь, что Успенскій отнюдь не похожъ на вульгарныхъ теософовъ и теософокъ. Книги его, если и мало убѣдительны, то почти всегда интересны, зачастую изобилуютъ яркими мыслями и штрихами.

Не составляетъ исключенія въ этомъ отношеніи и «Кинодрама—оккультная повѣсть». Конечно, художественнаго значенія эта вещь не имѣетъ никакого. Да авторъ, очевидно, и не задавался художественными цѣлями. Онъ просто намѣревался беллетристической формой иллюстрировать одну изъ любимѣйшихъ идей теософовъ—авторскія права на которую приходится искать еще въ античной философіи и поэзіи—идею, которая воскресла и ярко засіяла подъ перомъ Ницше—идею о круговоротѣ вещей и о вѣчномъ возвращеніи.

Эту идею авторъ иллюстрируетъ исторіей одного молодого человѣка, сѣтующаго на безплодно прожитую жизнь, мечтающаго вернуться къ ея истокамъ, чтобы второй разъ построить ее не по предназначенному кѣмъ-то пути, а по устремленіямъ своей воли и души. «Добрый волшебникъ» (повидимому, Успенскій, не желая осложнять заданія вещи, нарочно беретъ тутъ вульгарный примитивъ)—выполняетъ желаніе молодого человѣка. Онъ снова мальчикъ, гимназистъ, помнящій, что этой своей жизнью онъ уже жилъ, что это только повтореніе того, что было, и что отъ него зависитъ это повтореніе сдѣлать новой жизнью. Однако, чѣмъ дальше, тѣмъ больше это сознаніе затуманивается и сглаживается, звучитъ какъ отголоски неясныхъ сновъ, и тѣмъ

* Курсивъ Р. Ивнева.

болѣе становится новая жизнь точнѣйшимъ слѣпкомъ со старой, пока, наконецъ, герой не приходитъ вновь къ тому критическому моменту крушенія, съ котораго начинается повѣсть. Есть-ли способъ борьбы съ закономъ вѣчной повторяемости? Авторъ намекаетъ, что есть, но этотъ выходъ ужъ цѣликомъ лежитъ въ области туманной философіи оккультизма.

Повѣсть Успенскаго вышла до революціи. И этимъ все сказано. Ибо, если не для самого Успенскаго, то, думается, для большинства читателей философія революціоннаго строительства—единственная, въ пламени которой до тла сгораетъ пессимистическая, безнадежная философія вѣчнаго возвращенія.

М. Левидовъ.

И. С. Тургеневъ. Попъ. Поэма. Съ предисловіемъ и примѣчаніемъ Н. Л. Бродскаго. Москва. Издалъ Л. Э. Бухгеймъ. 1917.

Сложный и спорный вопросъ объ авторѣ поэмы «Попъ» разрѣшается въ предисловіи Н. Л. Бродскаго въ смыслѣ категорическаго утвержденія авторства Тургенева. Высокомѣрно-пренебрежительно трактуетъ авторъ противоположное мнѣніе, защищаемое Н. М. Гутьяромъ и М. О. Гершензономъ: «и тотъ и другой—надо прямо сказать—обосновали свое рѣшительное сужденіе, благодаря невнимательному чтенію текста» (письма Т. къ Л. П. Полонскому). Вообще, въ предисловіи господствуетъ тонъ какого-то идейнаго апломба въ доказательствахъ, въ критикѣ другихъ взглядовъ. Этотъ тонъ отнимаетъ у всего сказаннаго научный характеръ и лишаетъ его значительной доли убѣдительности.

Все же, всѣ соображенія, касающіяся фактической стороны дѣла—исторіи поэмы, изученія рукописи и т. д.—чрезвычайно интересны, догадки автора остроумны, доводы часто убѣдительны. Несомнѣнно, въ изученіе этого вопроса г. Бродскимъ внесенъ цѣнный вкладъ. Разработанный имъ матеріалъ, его доказательства, если и не рѣшаютъ еще окончательно дѣла и не даютъ, слѣдовательно, повода выпустить поэму съ именемъ Т., все же, несомнѣнно, проливаютъ новый свѣтъ на этотъ запутанный вопросъ.

Самъ авторъ считаетъ, что «единственно-непререкаемымъ аргументомъ» является изученіе рукописи Т. Этому «единственно-непререкаемому аргументу» отведено авторомъ далеко не почетное мѣсто: нѣсколько фразъ общаго характера—«рѣзко бросается въ глаза»... «совершенно совпадаетъ»... «краснорѣчивѣе всѣхъ доказательствъ говоритъ»...

Все вниманіе автора устремлено на то, «чтобы тщательнымъ стилистическимъ анализомъ поэмы доказать окончательную непригодность» противоположнаго мнѣнія, приписывающаго авторство поэмы М. Н. Лонгинову. Этотъ «тщательный стилистическій анализъ» и составляетъ самое слабое мѣсто предисловія. Сопоставленіе эпитетовъ, образовъ и нѣкоторыхъ элементарныхъ поэтическихъ пріемовъ далеко не «документально утверждаютъ въ мысли...», какъ того хочется автору. Напр., «признаки чуткости и молчанія въ изображеніи ночи», встрѣчающіеся въ «П.» и въ поэмѣ «Андрей», едва ли отсутствуютъ во многихъ описаніяхъ ночи у самыхъ разныхъ поэтовъ. А образъ «трепещутъ листья» есть вѣдь и у Пушкина, и не у одного него. Авторъ не показалъ въ поэмѣ «крупицъ того вѣчнаго, предъ чѣмъ невольно остановишься: отдѣльнаго штриха, образа, картинки, признанія...» «блестокъ, богатыхъ поэзіей». И, главное, ни на что подлинно-тургеневское онъ не намекаетъ.

Нѣкоторыя сопоставленія его совершенно произвольны. Напр., въ примѣчаніи къ строфѣ 14, описывающей красавицу съ «здоровьемъ нѣсколько коровьимъ», выясняется довольно рискованнымъ способомъ «субъективная окраска этой строфы»: ссылкой на слова Т. о женщинахъ, переданныя Бѣлинскимъ въ письмѣ къ В. П. Боткину.

Вообще, подтверждается опасеніе автора, что его соображенія могутъ показаться «психологическими», субъективными, а потому и неубѣдительными». Правда, стилистическій разборъ считаетъ авторъ однимъ изъ «безспорныхъ, не вызывающихъ сомнѣній фактовъ», но именно онъ-то и вызываетъ больше всего сомнѣній.

Издана книга хорошо. Нельзя не удивиться тому, что редакторомъ исключены изъ поэмы «неудобныя для печати выраженія». Научное, не разсчитанное на массоваго читателя изданіе, да еще съ обстоятельнымъ этюдомъ объ авторѣ поэмы могло быть менѣе стыдливо. Тѣмъ болѣе, что «въ рукописи стояло неудобное для